

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы –
обособленное структурное подразделение
Федерального государственного бюджетного научного учреждения
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук

На правах рукописи

Муратова Римма Талгатовна

**БАШКИРСКИЕ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ: ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ
И СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ**

Специальность 5.9.5. – Русский язык. Языки народов России
(филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук,
профессор Ф.Г. Хисамитдинова

Уфа – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ	
В ЛИНГВИСТИКЕ.....	18
1.1. Вопросы восприятия и номинации цвета	18
1.2. Изучение цветообозначений в мировой и российской лингвистике.....	36
1.3. Изучение цветообозначений в тюркском языкознании	49
1.4. К проблеме классификации цветообозначений в лингвистике.....	63
Выводы по главе 1.....	67
ГЛАВА 2. ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ	
БАШКИРСКИХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ.....	
2.1. Цветообозначения в башкирском языке тюркского происхождения.....	70
2.1.1. Пратюркский пласт цветообозначений башкирского языка	70
Кара ‘черный’	71
Һоро ‘серый’	92
Кызыл ‘красный’	100
Һары ‘желтый’	110
Күк ‘синий’	130
Куңыр ‘бурый, темно-коричневый’	142
Ерэн ‘рыжий’	150
Ала ‘пегий’	155
Кола ‘саврасый, буланый’	162
Туры ‘гнедой’	165

2.1.2. Общeturкский пласт цветообозначений башкирского языка	167
Ак ‘белый’	168
Буз ‘сивый, серый’	184
Йәшел ‘зеленый’	190
Ал ‘алый, розовый’	197
Сәгер ‘светло-голубой, зеленовато-голубой’	205
Сыбар ‘пестрый’	209
Коба ‘светло-желтый, бледно-бурый, палевый’	215
Сал ‘седой, светло-серый; чалый’	220
Тарғыл ‘полосатый’	224
2.2. Заимствованные цветообозначения в башкирском языке	227
2.2.1. Монгольские заимствования	227
Көрән ‘коричневый’	232
Саптар ‘игренивый’	239
Бурыл ‘чалый, серый’	240
Бүртә ‘караковый’	242
Кир ‘мухортый’	244
Тарлан ‘(серый, сивый) с примесями другого цвета’	246
2.2.2. Арабские и персидские заимствования	247
Зәңгәр ‘голубой’	249
Шәмәхә ‘фиолетовый’	253
Хәнәүәт ‘оранжевый’	254
2.3. Собственно башкирские цветообозначения	257
Выводы по главе 2	258

ГЛАВА 3. ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА В СТРУКТУРНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ	260
3.1. Непроизводные цветообозначения башкирского языка	260
3.1.1. Лексико-семантические группы производных цветообозначений.....	260
3.1.2. Генетические пласты производных цветообозначений	263
3.2. Производные цветообозначения башкирского языка со значением степени проявления признака.....	268
3.2.1. Цветообозначения со значением полной степени проявления признака	268
3.2.2. Цветообозначения со значением неполной степени проявления признака	273
3.2.3. Модели образования производных цветообозначений со значением полной или неполной степени проявления признака.....	279
3.3. Аналитические формы цветообозначений башкирского языка.....	282
3.3.1. Лексико-семантические группы аналитических форм цветообозначений	282
3.3.2. Названия предметов-эталонов цвета в аналитических цветоименованиях.....	289
3.3.3. Модели образования аналитических форм цветообозначений.....	295
Выводы по главе 3.....	306
ГЛАВА 4. ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА В ТЕКСТАХ РАЗНОГО ТИПА	309
4.1. Особенности отражения цветообозначений в письменных памятниках тюрков	309
4.1.1. Древнетюркские памятники.....	309
4.1.2. Среднетюркские источники.....	338
4.1.3. Источники новотюркской эпохи	347

4.2. Особенности отражения цветообозначений в народной словесности башкир	355
4.3. Особенности отражения цветообозначений в электронных корпусах текстов и базах данных башкирского языка.....	369
4.3.1. Типы лексической семантики представленных цветообозначений	369
4.3.2. Диапазон семантической сочетаемости представленных цветообозначений с определяемыми существительными	378
4.3.3. Жанрово-стилевая и частотная характеристика цветообозначений.....	391
Выводы по главе 4	400
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	403
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	412
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	417

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование представляет собой первый опыт комплексного изучения лексики цветообозначений башкирского языка. В диссертации системному анализу подвергаются языковые единицы башкирского языка, обозначающие основные, оттеночные, смешанные цвета и масти лошади. Непроизводные названия цвета, состоящие из исконных и заимствованных лексем, анализируются с точки зрения их происхождения, развития и лексико-семантического содержания. Производные цветообозначения, образованные на их основе синтетическим и аналитическим способами, рассматриваются в структурно-словообразовательном аспекте.

Степень разработанности и актуальность темы исследования. На сегодняшний день лексическая группа цветообозначений в лингвистической науке исследован в разных направлениях и аспектах: историческом, лексико-семантическом, грамматическом, сопоставительном, когнитивном, функциональном, психолингвистическом, лингвокультурологическом и др. [Berlin, Kay 1969, Бахилина 1975, Алимпиева 1982, Фрумкина 1984, Вежбицкая 1996, Бижева 2000, Кульпина 2001, Норманская 2005, Кезина 2008, Василевич, Кузнецова, Мищенко 2014 и др.].

В тюркских языках цветоименования традиционно рассматривались через призму сравнительно-исторических, лексико-семантических, этимологических, этнолингвистических, ономаσιологических и других исследований [ЭСТЯ 1974–2003, Кононов 1978, Молчанова 1985, 1986, 1988, Кормушин 2001, Майзина 2008, Мусуков 2009, 2019, Дыбо 2013, Саматов 2016, 2017, Габышева 2019, Сувандии 2019 и др.].

Вопросы башкирских цветообозначений были затронуты в ряде работ, выполненных в области лексикографии, лексикологии, фразеологии, ономастики, этнолингвистики, мифологии и т.д. [Ураксин 1987, Камалов 1994, Усманова 1994, Файзуллина 2005, Хадыева 2005, Хабибуллина 2008, Ягафарова 2008, Хисамитдинова 2010, 2011, 2015, Ласынова 2012, Хусаинова, Габбасова 2013,

Шаяхметов, Хусаинова 2020 и др.].

Однако в башкирском языкознании отсутствует комплексное и обобщающее исследование, охватывающее сравнительно-исторический, лексико-семантический и структурно-словообразовательный аспекты названий цвета.

Отметим, что цветообозначения – это одна из самых древних групп лексики любого языка, поэтому изучение данного пласта лексики может пролить свет на многие вопросы, связанные с историей конкретного языка или языковой семьи в целом. В этом плане не являются исключением и цветообозначения башкирского языка, этимология и семантика которых изучены недостаточно полно. Рассмотрение генетических истоков башкирских цветообозначений и их лексической семантики на фоне других тюркских языков позволит выявить общее и специфическое в развитии цветообозначающей лексики башкирского языка.

Также следует подчеркнуть, что большинство работ в тюркологии были направлены на изучение цветообозначений, являющихся непроемными названиями. Другими словами, в тюркологических исследованиях основное внимание уделялось происхождению, развитию, семантике, функционированию колоративов, состоящих из одного корневого слова. Безусловно, группа цветообозначающих слов в тюркских языках не ограничивается только такого рода лексемами. Известно, что человеческий глаз способен различать около 30 000 оттенков цвета по цветовому тону, насыщенности, светлоте, для обозначения которых человек, не прибегая к поиску или созданию «новых» слов, может употреблять производные названия, образованные на основе базовых цветообозначений. Вместе с тем в тюркологии, в том числе и в башкирском языкознании, производные названия цвета изучены мало: например, не установлено, какие характеристики цвета могут обозначаться производными словами, также до сих пор не выявлены модели, по которым они могут образовываться, и т. д.

Наличие целого ряда нерешенных вопросов подобного характера, касающихся исследования лексики цветообозначений, требует более детального и

глубокого изучения названий для обозначения цвета в башкирском языке в плане их происхождения, развития, лексической семантики и структуры, что обуславливает актуальность данного исследования.

Актуальность темы также вызвана необходимостью исследования цветообозначений башкирского языка на основе анализа большого объема материала, представленного в электронных корпусах Машинного фонда башкирского языка, где собрано практически все лексическое богатство башкирского языка.

Известно, что цветообозначения являются активно развивающимся классом лексики, который все время пополняется новыми названиями (например, заимствованиями, производными). Базовые цветообозначения башкирского языка составляют названия исконного происхождения, относящиеся к пратюркским и общетюркским пластам лексики. Далее колоративную лексику башкирского языка пополняют заимствования и производные названия, образованные синтетическим (редупликацией и аффиксацией) и аналитическим (сочетанием двух или более слов) способами.

Процесс появления цветообозначений активно наблюдается и сегодня. В таких областях, как архитектура, дизайн, мода и т. д., где цветовое решение является одним из инструментов продвижения услуг и товаров, создаются современные термины для обозначения тех или иных оттенков цвета, например: русск. *античная латунь, полуночная слива*. В приведенных примерах оттенки цвета передаются «нецветовой» лексикой, следовательно, возникает необходимость их обозначения в башкирском языке соответствующими названиями, которые пополнят цветообозначающий класс его словарного состава.

В целом можно сказать, что в связи с широким применением цвета в различных сферах жизни человека и появлением новых названий для обозначения различных цветовых оттенков возникает вопрос их системного изучения, вследствие чего проблема цветообозначений в современном языкознании, в том числе и в башкирском, не теряет своей актуальности.

Объектом исследования является лексика цветообозначений башкирского языка.

Предмет исследования – генетические истоки и структурно-семантические особенности башкирских цветообозначений.

Цель диссертационной работы – исследование цветообозначений башкирского языка в сравнительно-историческом, лексико-семантическом и структурно-словообразовательном аспектах.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских задач:

1) выявить названия в башкирском языке, относящиеся к лексической группе цветообозначений;

2) определить количественный состав лексики цветообозначений в башкирском языке, опираясь на материалы словарей и других источников;

3) описать колоративную лексику башкирского языка с точки зрения ее генетических истоков;

4) изучить основные и дополнительные значения цветообозначений башкирского языка на фоне других тюркских языков и выявить их пратюркские, общетюркские, ареальные, пракыпчакские и собственно башкирские особенности;

5) представить типологию башкирских колоративов в плане структуры и образования;

6) проанализировать особенности отражения цветообозначений башкирского языка в текстах разного типа.

Теоретико-методологической базой исследования являются труды и исследования российских и зарубежных лингвистов по проблемам цветообозначающей лексики, выполненные в различных направлениях и аспектах: а) историческом (Р.В. Алимбиева, Н.Б. Бахилина, Л.М. Грановская, А.П. Василевич, А.В. Дыбо, С.В. Кезина, С.Н. Кузнецова, Т.А. Михайлова, С.С. Мищенко, Ю.В. Норманская и др.); б) лексико-семантическом (Б. Берлин, П. Кей, А. Вежбицкая и др.); в) грамматическом (З.П. Даунене, А.А. Кайбияйнен,

Л.В. Судавичене и др.); г) сопоставительном (В.Г. Кульпина, И.В. Макеенко, Т.Ю. Светличная, А.М. Тимофеева и др.); д) когнитивном (З.Х. Бижева, А. Вежбицкая, Т.И. Вендина, В.А. Москович, Е.В. Рахилина, С.Г. Тер-Минасова, С.Г. Шафиков и др.); е) функциональном (Е.В. Губенко, И.Н. Лукьяненко, Е.Г. Лысоиваненко, С.И. Меньчева, Г.К. Тойшибаева и др.) и т. д.

Теоретическую базу работы также составляют лингвистические исследования тюркологов, посвященные различным проблемам изучения цветообозначений в тюркских языках, в том числе и в башкирском языке (Л.Л. Габышева, М. Ганиходжаева, Р.Р. Закиров, Ж.У. Калимова, А.Н. Майзина, Н.В. Малышева, О.Т. Молчанова, Б.А. Мусуков, Е.В. Саввина, М.С. Садыкова, С.З. Садыкова, К. Саматов, Н.Д. Сувандии, З.Г. Ураксин, З.С. Файзуллина, Р.Н. Хадыева, Ф.Г. Хисамитдинова, Л.М. Хусаинова и др.), и основополагающие тюркологические труды, затрагивающие этимологический, сравнительно-исторический и лексико-семантический аспекты изучения названий цвета в тюркских языках (Р.Г. Ахметьянов, Г.Ф. Благова, А.В. Дыбо, В.Г. Егоров, А.Н. Кононов, И.В. Кормушин, Л.С. Левитская, О.А. Мудрак, Э.В. Севортян, С.А. Старостин, Б.И. Татаринцев, М.Р. Федотов, J. Clauson, H. Vámbéry и др.).

Методы и приемы исследования. Цель и поставленные задачи обусловили использование в диссертации следующих методов исследования: это – сравнительно-исторический метод (при изучении происхождения слов, их эволюции, определении существования той или иной лексемы на разных этапах развития языка, поиске ее наличия или отсутствия в родственных языках), метод лексико-семантического анализа (при описании значений лексем), структурно-семантический метод (при изучении названий как в структурном плане, так и с учетом их значений), лингвокультурологический метод (при изучении национально-культурной символики того или иного цвета в духовной культуре народа), метод лингвистического картографирования (при определении ареалов распространения лексем и их значений).

Материал исследования. Для изучения цветообозначений в синхронии, диахронии, лексико-семантическом и структурно-словообразовательном аспектах привлекался широкий материал из источников разного плана.

Сведения по цветоименованиям и их значениям, характерным для того или иного периода развития тюркских языков, приводятся из тюркских письменных памятников (древнетюркские, среднетюркские, новотюркские источники), тексты которых были опубликованы в разных изданиях [Вельяминов-Зернов 1868, Будагов 1869, 1871, Радлов 1893–1911, Houtsma 1894, Мелиоранский 1900, Абу-Наууан 1931, Bang, Rachmati 1932, Battal 1934, Поппе 1938, Kaşgari 1939, 1940, 1941, Яфаров 1949, Малов 1951, 1952, 1959, Ahmed 1951, Щербак 1959, Боровков 1961, 1963, Хорезми 1961, Памятники древнетюркской письменности Тувы 1963, Зайончковский 1964, Документы на половецком языке... 1967, ДТС 1969, Курьшжанов 1970, Clauson 1972, Наджип 1975, 1979, 2017, Кляшторный 1980, 1983, Codex Cumanicus 1981, Югнеки 1985, Гаркавец 1987, 2006, 2018, Ырк Битиг 2004, Кашгари 2005, 2010, Toparlı 2007, Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012, Yusuf 2019 и др.].

В качестве языкового материала по башкирскому языку выступили электронные корпуса текстов и базы данных: корпус прозы, который на данный момент включает 1300 произведений (15 211 551 словоупотребление), корпус фольклора, охватывающий 17 951 образец народного творчества (855 876 словоупотреблений), корпус публицистики, состоящий из 25 232 статей (12 203 865 словоупотреблений), башкирский поэтический корпус объемом около 450 тыс. стихотворных строк (более 1 800 000 словоупотреблений) [БПК, КБЯП, КБЯПубл, КБЯФ], диалектологическая база, включающая лексическую и текстологическую базы, базу данных диалектологического атласа [ДББЯ], а также другие интернет-ресурсы. Следует отметить, что в вышеназванных корпусах и базах данных имеется функция поиска комбинаций слов, что позволяет находить не только однословные цветообозначения, но и аналитические формы цветоименований, состоящие из двух и более компонентов.

Для изучения представленности цветообозначений в лексикографических трудах использовались толковые, двуязычные, терминологические и другие словари, включенные в лексикографическую базу Машинного фонда башкирского языка [МФБЛ], а также многотомный «Академический словарь башкирского языка», в который отдельными словарными статьями вошли не только простые названия, состоящие из одного слова, но и имеющие одно устойчивое значение словосочетания или словесные комплексы, в том числе и цветообозначения [АСБЯ 2011–2018].

Для поиска наличия родственных лексем, выявления их значений в современных тюркских языках использовались электронные корпуса тюркских языков [АККЯ, ПКТЯ, ТНК ТТ, ЭХХЯ] и лексикографические труды, во многих из которых представлены не только основные, но и большинство дополнительных значений цветообозначающих лексем [АРС 1941, КРС 1958, УРС 1959, УРС 1961, НРС 1963, ТРС 1966, КРТС 1968, ТРС 1968, ТуВРС 1968, УРС 1968, КРС 1969, ЯРС 1972, ГРМС 1973, КРПС 1974, ТРС 1977, КРС 1985а, 1985б, ЧРС 1985, КБРС 1989, УРС 1989, ШРС 1993, Бектаев 1995, ТРС 2004, АРС 2006а, 2006б, 2006в, 2006г, ХРС 2006, ТРС 2007а, 2007б, Усеинов 2007, БТСЯЯ 2008, ТРС 2008, БРТС 2009, КРС 2011, АРС 2015, СТРС 2019].

Научная новизна исследования заключается в том, что, во-первых, в работе предложен новый подход к изучению цветообозначений башкирского языка, заключающийся в рассмотрении названий цветов во взаимосвязи с такими их физическими параметрами, как цветовой тон, насыщенность и светлота. Во-вторых, осуществлено комплексное исследование цветообозначений башкирского языка в сравнительно-историческом, лексико-семантическом и структурно-словообразовательном планах на фоне других тюркских языков. В-третьих, введен в научный оборот ранее не изученный материал, представленный в огромном массиве текстов – электронных корпусах и базах данных башкирского языка (корпус прозы, корпус фольклора, корпус публицистики, поэтический корпус, диалектологическая и лексикографическая базы Машинного фонда

башкирского языка). В-четвертых, впервые методом картографирования выявлены ареалы распространения того или иного названия цвета и его значений в тюркских языках.

Теоретическая значимость проведенного исследования определяется его вкладом в дальнейшее развитие лексикологии, сравнительно-исторической тюркологии, этнолингвистики в области изучения цветообозначающей лексики. Предложенный новый подход к изучению названий цветов, заключающийся в рассмотрении названий цвета во взаимосвязи с их физическими параметрами, позволяет выделить общие законы, свойственные лексической семантике цветообозначений. Выдвигаемые гипотезы о происхождении слов, их эволюции, научные предположения о периодах появления значений лексем дополняют изыскания по цветонаименованиям тюркских языков. Методы, примененные при анализе большого объема текстов для изучения типов лексической семантики, сочетаемости цветообозначений с определяемыми словами, их жанрово-стилевой и частотной характеристики, могут быть применены при изучении других семантических групп лексики башкирского языка.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования представляют общелингвистический интерес в плане рассмотрения теории восприятия человеком цвета и процесса его наименования на примере исследования материалов одного конкретного языка. Номинация, то есть лексическое обозначение цвета в башкирском языке вызывает трудности не только у иноязычной аудитории, но и у носителей языка, особенно – в вопросах употребления названий для отдельных участков спектра (например, фиолетового, оранжевого), диалектных вариантов (например, в говорах существуют различия в обозначении сине-голубо-зеленого участка спектра, коричневого, серого и других цветов), а также лексем, выражающих такие физические параметры цвета, как цветовой тон, насыщенность и светлота. В связи с этим данное исследование проливает свет на ряд проблем, касающихся лексико-семантических особенностей цветообозначений башкирского языка, и может применяться при

создании вузовских курсов по лексикологии, лексикографии, ономастике, фразеологии, морфологии, словообразованию, этнолингвистике, лингвогеографии, лингвокультурологии, а также составлении программ, учебных, учебно-методических пособий, электронных образовательных ресурсов по башкирскому языку для учебных заведений различного уровня. Фактический материал, представленный в диссертации, может быть использован как сравнительные данные при изучении цветообозначающей лексики в тюркских и других языках.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Лексику цветообозначений башкирского языка составляют названия, которые несут в себе семантику цвета, сочетания цветов или масти лошади. Семантика цвета передается лексемами, которые отражают те или иные физические параметры цвета: а) цветовой тон, б) светлоту, в) цветовой тон и светлоту, г) цветовой тон и насыщенность. Окраска, состоящая из совокупности нескольких цветов, обозначается названиями смешанных цветов. Масти лошади, характеризующиеся определенным сочетанием окраски их шерсти, гривы, хвоста, передаются специальными терминами.

2. Формирование и развитие цветообозначений в башкирском языке происходит непрерывно на протяжении всей истории его развития: одни названия выходят из употребления, другие появляются в языке, третьи подвергаются семантическим изменениям. На сегодняшний день лексика цветообозначений башкирского языка представлена в количестве ≈ 979 языковых единиц, отличающихся по происхождению, структуре и образованию.

3. В плане генетических истоков колоративы башкирского языка подразделяются на два общих типа: а) тюркского происхождения, восходящие к пратюркскому и общетюркскому периодам; б) заимствования из других языков, представленные монголизмами, персизмами, арабизмами. Из 28 непроизводных цветообозначений 19 названий являются исконно тюркскими лексемами, девять названий – заимствованиями.

4. Значения цветообозначений могут быть пратюркскими, общетюркскими, пракыпчакскими, ареальными и собственно башкирскими. Пратюркские и общетюркские значения лексем являются более устойчивыми и распространенными в тюркских языках. Ареальные, пракыпчакские и собственно башкирские значения в системе башкирских цветоименований наблюдаются в незначительном количестве, что свидетельствует о том, что башкирский язык отделился от других тюркских языков в более позднее время, и лексика башкирского языка в семантическом плане развивалась главным образом в едином общетюркском русле.

5. По структуре башкирские колоративные единицы могут быть: 1) простыми / однословными, 2) сложными / не однословными (то есть составными, состоящими из двух или более раздельно оформленных единиц). С точки зрения образования названия цвета подразделяются на непрямые и производные, последние могут быть образованы синтетическим (аффиксацией, редупликацией) или аналитическим (сочетанием двух или более лексем) способами. В количественном отношении структурно-словообразовательные типы башкирских колоративов представлены следующим образом: 28 непрямых слов, 97 производных названий (со значением степени проявления признака) и 854 аналитических цветообозначения.

6. Особенности употребления цветообозначений башкирского языка нашли отражение в текстах разного типа. В письменных источниках тюрков прослеживается период фиксации названий цвета, функционирующих в современном башкирском языке: 17 непрямых названий цвета встречаются в древнетюркских памятниках, два – в среднетюркских (среднекыпчакских), семь – в новотюркских источниках. В устном народном творчестве башкир проявляется национально-культурная специфика названий цвета: десять колоративов обладают выраженной символической семантикой, девять цветоименований выступают этномаркерами, семь – участвуют в создании сакральных образов. В электронных корпусах и базах данных содержатся сведения по семантике,

сочетаемости и частотности цветообозначений, которые в башкирском языке взаимосвязаны: чем больше у слова значений, чем выше у него сочетаемость и частота употребления в текстах.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Основные положения и выводы диссертации были изложены и обсуждены на международных, Всероссийских научных и научно-практических конференциях: XVI Всероссийская научная конференция с международным участием «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России» (Уфа, 2016); II Международная научная конференция «Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие», посвященная 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста, 2016); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Нугуман Мусин: межкультурный диалог на Евразийском пространстве», посвященная 85-летию народного писателя Республики Башкортостан (Уфа, 2016); Международная научно-практическая конференция «Татарское языкознание в контексте Евразийской гуманитарной науки» (Казань, 2016); XVII Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России» (Уфа, 2017); Международная научно-практическая конференция «Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы» (Казань, 2017); Международный саммит языков и культур «Саммит языков и культур» (Казань, 2017); IV Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Традиционная культура народов Поволжья» (Казань, 2018); XIII Всероссийский съезд востоковедов «Восточные архивы и архивоведение в современном мире: проблемы и перспективы» (Элиста, 2021); Международная научно-практическая конференция «Гуманитарные науки в современном мире: Ураксинские чтения» (Уфа, 2023); XII Всероссийская научно-практическая конференция «Городские башкиры: сохранение и развитие языка и культуры в условиях этнокультурного и языкового многообразия» (Уфа, 2024),

Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Родной язык, культура и литература в системе образования: традиции и инновации» (Уфа, 2025).

По теме диссертационного исследования опубликовано 19 статей в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук, в том числе 16 – в изданиях категории К1, К2; 9 научных статей – в научных журналах, индексируемых в международных базах данных Scopus и Web of Science (из них 7 статей – в журналах категории Q1, Q2).

Структура диссертации. Общий объем работы составляет 468 страниц. Диссертация состоит из Введения, 4 глав, Заключения, Списка сокращений, Списка использованной литературы. Библиографический указатель включает 563 наименования. Работа содержит 9 схем, 1 рисунок, 6 диаграмм, 17 таблиц, 9 карт.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Вопросы восприятия и номинации цвета

С научной точки зрения цвет является физической величиной. Поэтому природа цвета как физического явления, его параметры, особенности, свойства, закономерности проявления и другие характеристики рассматриваются в литературе естественно-научного плана. Что касается исследований филологического направления, в них, как правило, основной задачей является не подробное описание физических особенностей цвета, а их краткая характеристика, которая считается важной для получения общего представления о цвете как об объективной субстанции, и акцент прежде всего делается на свойства, связанные с восприятием и номинацией цвета.

В трудах по физике определяется, что цвет – это «одно из свойств материальных объектов, воспринимаемое как осознанное зрительное ощущение» [Физика... 2003: 840]. Цветовое ощущение возникает в результате воздействия на глаз видимого излучения, то есть воспринимаемого глазом электромагнитного излучения с длинами волн в диапазоне от 380 до 760 нм ($1 \text{ нм} = 10^{-9} \text{ м}$). Другими словами, *цвет* – это ощущение, которое получает человек при попадании ему в глаз световых лучей.

В науке используются такие термины, как хроматические и ахроматические, спектральные и неспектральные цвета. *Хроматические* цвета имеют какой-либо цветовой тон, *ахроматические* цвета характеризуются отсутствием цветового тона. *Спектральные* цвета – это цвета, которым по зрительному ощущению человека можно поставить в соответствие видимый свет, имеющий определенную длину волны. *Неспектральными* считаются ахроматические цвета и хроматические цвета, находящиеся вне спектра.

Со времен Исаака Ньютона (1666 г.) выделяют семь основных спектральных цветов: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий,

фиолетовый. Представим эти цвета в таблице с указанием диапазона длин волн, в котором излучение света воспринимается как тот или иной цвет (*табл. 1*):

Таблица 1. Диапазоны длин волн спектральных цветов

Цвет	Диапазон длин волн, нм (нанометр)
Красный	625—760
Оранжевый	590—625
Желтый	565—590
Зеленый	500—565
Голубой	485—500
Синий	440—485
Фиолетовый	380—440

Следует отметить, что границы цветов приблизительны, так как у разных людей может быть разное восприятие цветовых сигналов головным мозгом, и конкретный отрезок диапазона может восприниматься человеком как цвет одного из двух спектров, находящихся по соседству.

Спектральные цвета также могут изображаться в виде цветового круга. На данный момент имеются множество видов, вариантов, моделей цветовых кругов, которые используются в живописи, искусстве, дизайне и других сферах жизни. Представим самый простой пример цветового круга, который часто встречается в научной, научно-популярной и другой литературе (*рис. 1*):

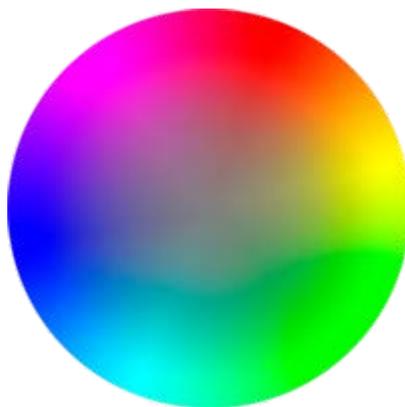

Рисунок 1. Спектральные цвета в цветовом круге

Цвета, находящиеся за цветовым кругом, но имеющие какой-либо цветовой тон, являются неспектральными цветами. Они образуются в результате смешения спектрального цвета с ахроматическими или другими спектральными цветами, находящимися не по соседству, например: розовый (смесь красного с белым и чаще всего с примесью пурпурного); коричневый и его оттенки (смесь зеленого и красного; оранжевого с серым или синим; желтого и пурпурного); группа пурпурных цветов (они соединяют крайние цвета цветового круга – получаются при смешении синего или фиолетового цвета с красным) (схемы 1, 2, 3):

Схема 1. Образование неспектрального розового цвета

розовый	=	красный	+	белый
			+	пурпурный

Схема 2. Образование неспектрального коричневого цвета

коричневый	=	зеленый	+	красный
		оранжевый	+	серый
			+	синий
		желтый	+	пурпурный

Схема 3. Образование неспектрального пурпурного цвета

пурпурный	=	красный	+	синий
			+	фиолетовый

Ахроматическими, которые также относятся к неспектральным цветам, считаются все оттенки серого цвета. Наиболее ярким ахроматическим цветом является белый, он является смесью всех цветов видимого диапазона спектра электромагнитных колебаний, а наиболее темным – черный, им обозначается отсутствие света вообще, следовательно, и цвета. Особенность ахроматических цветов состоит в том, что они отличаются только по светлоте и не имеют цветового тона (*схема 4*):

Схема 4. Изменение ахроматических цветов по светлоте

белый	серый	серый	серый	серый	черный

Как и любая физическая величина, цвет имеет атрибутивные характеристики. Это – цветовой тон, насыщенность и светлота [Физика... 2003: 841]. Данные характеристики охватывают все цветовое пространство.

Отмечается, что глаз здорового человека с развитым цветотоновым зрением способен различать в окружающем мире (при достаточно ярком освещении объектов) около 30 000 оттенков цвета, каждый из которых может быть назван конкретным словом или сочетанием слов: в спектре по цветовому тону он может различать до 120 оттенков, 10 оттенков каждого из них по насыщенности (чистоте) и 25 ступеней по светлоте каждого тона ($120 \times 10 \times 25 = 30\,000$) [Медведев 2005: 18]. В связи с этим представляет интерес изучение в том или ином языке способов обозначения оттенков цвета как по цветовому тону, так и по насыщенности и светлоте.

Основным, без сомнения, физическим параметром цвета является *цветовой тон* (*Hue*). Цветовому тону в физике соответствует понятие «длина волны» [Шиффман 2003: 195]. То есть цветовой тон – это длина волны отраженного света, образующего цвет. О цветовом тоне мы упомянули выше, когда речь шла о спектральных и неспектральных цветах. Любой хроматический цвет может быть отнесен к какому-либо определенному положению в цветовом спектре (спектральный цвет) или иметь в своем составе какой-либо спектральный цвет (неспектральный цвет). Если цвет имеет узнаваемый спектральный тон, мы воспринимаем его как, скажем, синий, зеленый, желтый или красный. Именно тон определяет название цвета (напр., русск. *красный*, *синий*, *зеленый*, англ. *red* ‘красный’, *blue* ‘синий’, *green* ‘зеленый’, башк. *кызыл* ‘красный’, *күк* ‘синий’, *йәшел* ‘зеленый’). Как известно, семь спектральных цветов – это семь ключевых цветов спектра (красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый). Таким образом, понятие «цветовой тон» соответствует традиционному представлению о цвете.

Каждый цветовой тон может иметь множество оттенков (кусочки спектра). Оттенки, характеризующиеся одним и тем же положением в спектре, принадлежат к одному и тому же тону. Например, красный цвет имеет такие оттенки по цветовому тону, как алый, пунцовый, бордовый, гранатовый, вишневый, кармин и др. При изменении тона, к примеру, синего цвета в зеленую сторону спектра, он сменяется голубым, в обратную – фиолетовым. Итак, под цветовым тоном подразумевается основное свойство хроматических спектральных и неспектральных цветов, которые имеют множество оттенков (спектральные – в зависимости от положения в спектре; неспектральные – в зависимости от состава, то есть от того, смешением каких цветов они образованы).

Насыщенность (*Saturation*) – это параметр определенного цветового тона, который определяет степень визуального отличия хроматического цвета от равного по светлоте ахроматического (серого) цвета. Другими словами,

насыщенность – это степень близости хроматического цвета к ахроматическому серому. Насыщенность связана с физическим параметром, называемым спектральной чистотой. Цвет с определенной длиной волны, то есть монохроматический цвет, является спектрально чистым цветом и кажется очень насыщенным. Однако добавление к монохроматическому цвету цвета с другой длиной волны или белого (серого, то есть ахроматического) уменьшает чистоту, и монохроматический цвет начинает восприниматься как менее насыщенный. При достаточно сильном «разбавлении» цвет утрачивает свойственный ему оттенок по цветовому тону и становится серым [Шиффман 2003: 196–197]. Насыщенный цвет можно назвать «сочным», «глубоким» (напр., русск. *ярко-красный*, *густо-зеленый*, англ. *bright red* ‘ярко-красный’, *deep green* ‘густо-зеленый’, башк. *сагыу кызыл* ‘ярко-красный’, *куйы йәшел* ‘густо-зеленый’), менее насыщенный – «приглушенным», приближенным к серому (напр., русск. *тускло-красный*, *мутно-зеленый*, англ. *dull red* ‘тускло-красный’, *turbid green* ‘мутно-зеленый’, башк. *тонок һары* ‘тускло-желтый’, *тонок йәшел* ‘мутно-зеленый’). Полностью ненасыщенный цвет будет оттенком серого (схемы 5, 6):

**Схема 5. Уменьшение насыщенности хроматического синего цвета
(синий → серый)**

**Схема 6. Уменьшение насыщенности хроматического красного цвета
(красный → серый)**

В физике насыщенность цвета определяется характером распределения излучения в спектре видимого света, то есть интенсивностью световых волн

(цветового тона). Наиболее насыщенный цвет образуется при существовании пика излучения на одной длине волны, в то время как более равномерное по спектру излучение будет восприниматься как менее насыщенный цвет. Например, в субтрактивной модели формирования цвета, которая основана на вычитании из белого первичных цветов (голубого, пурпурного или желтого), при смешении красок на бумаге снижение насыщенности будет наблюдаться при добавлении белых, серых, черных цветов, а также при добавлении краски дополнительного цвета (то есть любого хроматического, кроме первичных).

Одинаково насыщенные оттенки, относимые к одному и тому же цвету спектра, могут отличаться друг от друга степенью светлоты. *Светлота (Lightness)* цвета в физике определяется таким параметром, как яркость (интенсивность) света¹. Чем выше яркость (интенсивность) света, тем светлее кажется цвет. С уменьшением яркости (интенсивности) света светлота цвета уменьшается, он становится темным [Шиффман 2003: 196]. Другими словами, светлота цвета – это характеристика цветов, определяющая близость хроматических и ахроматических цветов к белому. К примеру, при уменьшении яркости (интенсивности) света любой цвет постепенно приближается к черному (в данном случае в языке оттенок цвета уточняется прилагательным-квалификатором: русск. *темно-синий, темно-красный*, англ. *dark blue* ‘темно-синий’, *dark red* ‘темно-красный’, башк. *караһыу күк* ‘темно-синий’, *карағускыл кызыл* ‘темно-красный’), а при увеличении – к белому (напр., русск. *светло-желтый, светло-зеленый*, англ. *light yellow* ‘светло-желтый’, *light green* ‘светло-зеленый’, башк. *акһыл һары* ‘светло-желтый’, *акһыл йәшел* ‘светло-зеленый’) (схемы 7, 8):

¹ Следует различать понятия «яркость света» и «яркость цвета». Яркость (интенсивность) света – это светлота цвета, которая выражает количество света, излучаемого цветом (*светло-зеленый, темно-зеленый*). Яркость (интенсивность) цвета – это насыщенность цветового тона, которая передает интенсивность потока света на единицу площади его источника (*ярко-красный, ярко-зеленый*).

**Схема 7. Уменьшение светлоты хроматического синего цвета
(синий → черный)**

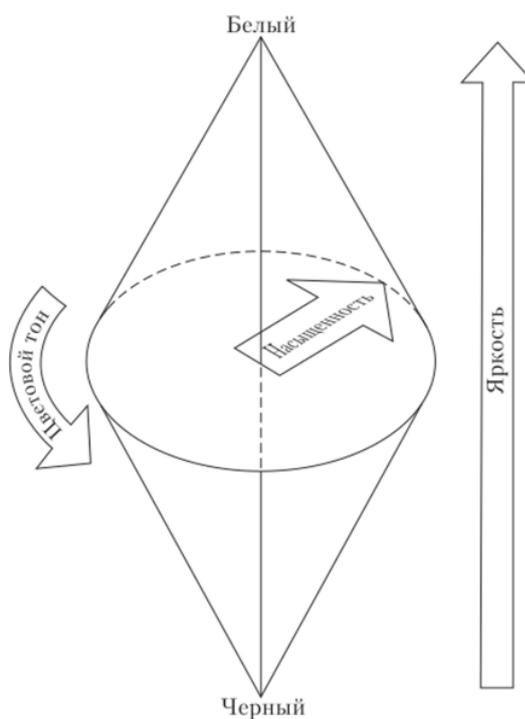
**Схема 8. Увеличение светлоты хроматического синего цвета
(синий → белый)**

Из вышесказанного следует, что проявление какого-либо хроматического или ахроматического цвета связано с наличием / отсутствием светлоты, а также со степенью насыщенности хроматического цвета. Яркий (интенсивный) свет создает белый цвет, отсутствие света дает черный, поэтому увеличение или снижение яркости (интенсивности) света способствует исчезновению цветового тона. Другими словами, хроматический цвет не воспринимается глазом человека, когда свет слишком яркий (интенсивный) или его нет вообще. Серый цвет характеризуется отсутствием цветового тона, то есть при максимальном снижении насыщенности любого хроматического цвета тон оттенка становится неразличимым, и цвет переходит в ахроматический.

Такие параметры цвета, как цветовой тон, насыщенность, светлота, Х.Р. Шиффман представил в виде схемы, назвав ее «трехмерным цветовым веретеном» (схема 9):

Схема 9. Трехмерное цветовое веретено (связь между цветовым тоном, насыщенностью и светлотой¹). По Х.Р. Шиффману

Светлота представлена вдоль вертикальной оси и изменяется от белого цвета (верх) до черного (низ). Вертикальная линия, проходящая через центр веретена, представляет разные оттенки серого цвета. Насыщенность показана латерально и изменяется от центра к периферии, причем наиболее насыщенные цвета расположены на кромке центрального круга и в центре вертикальной оси, проходящей между белым и черным. Коническая форма веретена отражает тот факт, что насыщенность максимальна только при невысоких и средних уровнях яркости. Иными словами, насыщенность зависит от светлоты [Шиффман 2003: 197], а высокая или низкая степень насыщенности обуславливает наличие или отсутствие цветового тона.

Таким образом, «трехмерное цветовое веретено» Х.Р. Шиффмана наглядно показывает связь между цветовым тоном, насыщенностью и светлотой. Цветовой

¹ Для обозначения светлоты цвета в работе Х.Р. Шиффмана используется термин «яркость» [Шиффман 2003: 197].

тон связан с хроматическими цветами, и каждому из цветов спектра соответствует длина волны – от самой короткой до самой длинной (соответственно фиолетовый и красный цвета). Насыщенность и светлота отражают связь хроматических и ахроматических цветов: насыщенность – взаимосвязь «хроматический цвет – серый» (если насыщенность увеличивается, цвет становится «сочным», если уменьшается – серым); светлота – отношение «хроматический цвет – белый / черный» (при увеличении яркости света появляется белый цвет, который состоит из смеси всех цветов радуги, далее уже не разложимых при помощи призмы; черный цвет является показателем отсутствия света, соответственно и цвета вообще).

Для лингвистов отмеченные выше параметры цвета представляют интерес в том плане, какими словами они выражаются: какие лексемы используются для цветовых тонов и их оттенков, как образуются названия для передачи насыщенности цвета, яркости света и т. д. Как правило, любое название ахроматического / хроматического цвета имеет определенную семантическую структуру, отражающую следующие его физические параметры: а) цветовой тон, б) светлоту, в) цветовой тон и светлоту, г) цветовой тон и насыщенность. Например, название *йәшел* ‘зеленый’ несет семантику цветового тона, *ак* ‘белый’ – светлоты, *акһыл һары* ‘светло-желтый’ – цветового тона и светлоты, *һап-һары* ‘желтый-прежелтый’ – цветового тона и насыщенности.

Известно, что одни лексемы по структуре являются производными, другие – производными названиями, которые образуются синтетическим и аналитическим способами. Каждый структурно-словообразовательный тип цветообозначения может иметь разную семантическую структуру. Так, русск. *синий*, башк. *күк* ‘синий’ являются производными цветообозначениями и выражают цветовой тон; русск. *вишневый, горчичный, изумрудный, персиковый, салатный* представляют собой производные названия, образованные синтетическим (а именно – суффиксальным) способом, и передают оттенки по цветовому тону; башк. *канһыу* ‘красноватый’ (< *кан* ‘кровь’), *йәшкелт*

‘зеленоватый’ (< *йәшел* ‘зеленый’) также являются производными, образованными синтетическим способом (а именно – аффиксальным), но они дифференцируют оттенки по насыщенности. Те, что образованы аналитическим способом – добавлением к названию квалификатора-цветообозначения определяющего (уточняющего) слова, могут передавать оттенки цвета как по цветовому тону, так и по насыщенности и светлоте (напр., русск. *желтовато-красный*, *густо-зеленый*, *мутно-зеленый*, *темно-синий*, *светло-желтый*, англ. *bright red* ‘ярко-красный’, *turbid green* ‘тускло-зеленый’, *dark blue* ‘темно-синий’, *light yellow* ‘светло-желтый’, башк. *йәшкелт зәңгәр* ‘зеленовато-голубой’, *сағыу кызыл* ‘ярко-красный’, *тонок йәшел* ‘тускло-зеленый’, *караһыу күк* ‘темно-синий’, *акһыл һары* ‘светло-желтый’).

В связи с вышеизложенным, на наш взгляд, одной из задач языкознания являются изучение и выявление закономерностей и способов образования лексем в том или ином языке для обозначения таких характеристик цвета, как цветовой тон, насыщенность, светлота.

От рассмотрения в общих чертах основных параметров цвета перейдем к *восприятию цвета*. Изучение названий цвета в том или ином языке невозможно без рассмотрения понятия «восприятие цвета». Понятие «цвет» может существовать только в связи с понятием «восприятие цвета», то есть понятия «цвет» вне нашего восприятия не существует. Восприятие цвета, как утверждают исследователи феномена цвета, развивалось в ходе эволюции человека, соответственно и в ходе развития языков. Поэтому в работах по изучению цвета уделяется внимание связи восприятия, идентификации и номинации цвета с особенностями как общечеловеческого универсального мышления, так и мировоззрения отдельных народов, вплоть до мировосприятия индивидуальных личностей.

Например, если Б. Берлин и П. Кей рассуждают об универсальных законах устройства системы цветообозначений в языках мира [Berlin, Kay 1969], то Р.М. Фрумкина, размышляя о восприятии носителей русского языка, приходит к

выводу, что «о цвете вишни (соответственно малины) все носители языка имеют одинаковое представление» [Фрумкина 1984: 17]. И.В. Дворецкий и Т.М. Васильева приводят аргументы, что «восприятие цвета зависит от индивидуальных особенностей зрения, настроения, темперамента, уровня эстетического вкуса человека» [Дворецкий, Васильева 1993: 56]. В работах лингвистов присутствует также мысль о том, что восприятие цвета связано с определенными «универсальными элементами человеческого опыта», которые по-разному концептуализируются в разных языках [Капнина, Коротяева 2016: 22].

Восприятию цвета уделяется много внимания еще в связи с тем, что физические параметры цвета не всегда пропорционально отражаются в языке. Например, в языке может отсутствовать исконное непроизводное слово для выделенного отдельным цветом в физике участка спектра (так как этот участок спектра не воспринимается носителем языка как самостоятельный цвет) или, наоборот, может функционировать непроизводное слово для обозначения определенного оттенка цвета.

Так, оранжевый цвет в физике занимает отдельный участок в спектре с длинами волн, лежащими в диапазоне 590–625 нм. Но, несмотря на это, этот участок цветового спектра во многих языках мира считается переходным между красным и желтым, и в большинстве из них нет самостоятельной исконной лексемы для оранжевого. Для него используется либо заимствованная лексема (например, в восточнославянских языках: русск. *оранжевый*, белорус. *аранжавы* < франц. *orange* ‘апельсин’ < нем. *orange* < перс.-араб. *nāranj*¹, родину которого ищут в Индии; ср. др.-инд. *nāraṅgas* ‘апельсинное дерево’) [Фасмер 1987а: 148], либо название, образованное аналитическим способом и выражающее данный цвет как оттенок красного или желтого (например, в тюркских языках: башк. *кызгылт һары* ‘букв. красновато-желтый’ [РБС 2005а: 762], уйг. *қызгуч серік*

¹ Здесь и далее в языковых примерах из лексикографических трудов, научной литературы и других источников буквы для специфических звуков тюркских и других языков приводятся в том начертании, в каком они представлены в источнике. Исключение составляют примеры из древне-, средне- и новотюркских источников – они в нашей работе даются в транслитерации, принятой в российской тюркологической литературе.

‘букв. красновато-желтый’ [УРС 1968: 625], чув. *хёрлэ сарй* ‘букв. красно-желтый’ [РЧС 2002: 307]).

Можно также привести пример так называемой «сине-голубо-зеленой системы»: в некоторых языках мира участок спектра, охватывающий области голубого, синего и зеленого цветов, покрывается одним термином, семантика которого описывается как ‘макросиний’, например: осет. *с’аех* ‘синий, зеленый, серый’, пушт. *шин* ‘зеленый, синий, голубой’, тадж. *кабуд* ‘синий, зеленый, серый’, ирл., валл. *glas* ‘синий, зеленый’ [Вежбицкая 1996: 257–263, Дыбо, Михайлова, Норманская 2002: 24].

Как полагают исследователи, в пратюркском языке лексема **gōk¹* также использовалась для макроцвета ‘сине-голубо-зеленый’ [Кормушин 2001: 604, Дыбо 2013: 291]. Из современных тюркских языков только в якутском слово *күөх* (рефлекс лексемы **gōk*) употребляется как основная лексема для всех трех цветов.

Для зеленого цвета в других тюркских языках используется либо другая исконная лексема, например: башк. *йәшел*, тат. *яшел*, туркм. *яшыл*, уйг. *йешил* < ПТю. **jāl-il* ‘зеленый’ < **jal* ‘зелень, зеленый, незрелый’ [ТРС 1968: 823, УРС 1968: 797, Кормушин 2001: 604–605, ТРС 2007б: 726, Дыбо 2013: 290], либо заимствование, например: алт. *ногон*, тув. *ногаан*, хак. *ноган* < монг. < ПМо. **nogoγan* ‘зеленый’ [ТувРС 1968: 310, ХРС 2006: 282, Дыбо 2013: 292–293, АРС 2015: 92], чув. *симёс* ‘зеленый’, узб. *сабза ранг* ‘зеленый цвет’ < перс. *سبز* [säbz] ‘зеленый’ [ТувРС 1968: 310, УРС 1989: 152, ЧРС 1985: 366, Ахметьянов, Насипов 2004: 32–44].

Голубой цвет в одних тюркских языках (кбалк., караим., ккалп., ног., кум., кирг., алт., уйг., тув., хак., як.) представлен лексемой **gōk*, которая используется в них как для синего, так и для голубого. В других тюркских языках для данного цвета доминирующим названием являются заимствованные лексемы: в башк., тат., каз., кум., узб., чув. употребляется персизм *زنگار* [zäŋgar] ‘ярь-медянка;

¹ В настоящей работе праформы (праалтайские, пратюркские, прамонгольские, пратунгусоманьчжурские, пракорейские, праяпонские формы) цветообозначений приводятся из трудов по алтайским и тюркским этимологиям [Старостин 1991, EDAL 2003, Дыбо 2013].

ржавчина’ или زنگارى [zäŋgari] ‘желто-зеленый’ (тат. *зәңгар*, каз. *зеңгер*, кум. *тунукъ зенгер* ‘сизый, букв. мутно-голубой’, узб. *зангори*, чув. *сенкер*) [Федотов 1996б: 37, Ахметьянов 2015а: 286], в огузских – арабизм *ماوى* [mavi] ‘как вода’ (гаг. *маави*, аз., тур. *mavi*, туркм. *мавы* / *ма:вы*, узб. *мовий*) [ТувРС 1968: 437, ГРМС 1973: 320, ТРС 1977: 608, УРС 1989: 72, РЧС 2002: 108, АРС 2006в: 322, ТРС 2007а: 418].

Вышеописанные факты свидетельствуют о том, что носители разных культур могут по-разному воспринимать цвет объектов. Возможно, это обусловлено степенью актуальности и важности цветов в обыденной жизни народа, вследствие чего они могут иметь большее или меньшее отражение в языке. Поэтому система цветообозначений в разных языках в какой-то мере связана как с историческими предпосылками развития языка, так и с восприятием цвета у разных народов.

Следующий вопрос, который является важным для лингвистических исследований, касается *номинации цвета*, то есть лексического обозначения цвета. Нет определенных критериев, согласно которым можно было бы понять, какие лексемы следует отнести к основным цветообозначениям: названия цветов, выделенных как основные по физическим параметрам, или же производные слова, которыми выражены не только названия основных цветов, но и неспектральных цветов и оттенков основных цветов? Допустим, в одних языковых семьях могут существовать древние названия для тех или иных цветов или оттенков (например, в тюркских языках для розового и коричневого цвета имеются названия, восходящие к древним лексемам: башк. *ал* < ПТю. **Al* ‘красный, алый’; башк. *көрән* < монг. < ПМо. **küre-* (**küri*) ‘коричневый, бурый’ [ЭСТЯ 1974: 125–127, ЭСТЯ 1997: 146–147, EDAL 2003: 828]), тогда как в других языках для этих же цветов могут использоваться либо дериваты, либо заимствования (например, в русском языке используется вторичное название *коричневый*, что обозначает ‘цвета коры / коры’ [Фасмер 1986б: 328], и

заимствование из тюркских языков *алый* < тюрк. *ал* ‘алый, розовый’ [Фасмер 1986а: 73]).

В связи с вышеизложенным представляют не меньший интерес исследования по цветообозначениям, выполненные с учетом следующих характеристик:

– лексема является названием основного цвета (напр., русск. *желтый*, англ. *yellow* ‘желтый’, исп. *amarillo* ‘желтый’, гр. *κίτρινο* ‘желтый’, башк. *һары* ‘желтый’) или названием определенного оттенка цвета (напр., русск. *салатовый*, исп. *escarlata* ‘алый’, башк. *сәгер* ‘светло-голубой, зеленовато-голубой’);

– лексема представляет собой непроеизводную основу (напр., русск. *белый*, англ. *scarlet* ‘алый’, исп. *azul* ‘синий, голубой’, тадж. *зард* ‘желтый’, башк. *күк* ‘синий’) или является производным, образованным лексико-семантическим (напр., англ. *amber* ‘янтарный’ < *amber* ‘янтарь’), синтетическим (напр., русск. *малиновый* < *малина*, исп. *ambarino* ‘янтарный’ < *ambar* ‘янтарь’, башк. *көлһыу* ‘серый, пепельный’ < *көл* ‘зола, пепел’, перс. *ābi* ‘голубой, синий’ < *āb* ‘вода’), аналитическим (напр., русск. *темно-фиолетовый*, тадж. *сурх дурахшон* ‘ярко-красный’, мал. *lampi kuning* ‘светло-желтый’, башк. *гәрәбәләй һары* ‘янтарный, букв. желтый, как янтарь’) способами;

– лексема является словом исконного происхождения (напр., русск. *красный*, башк. *кызыл* ‘красный’) или заимствованием из другого языка (напр., башк. *зәңгәр* ‘голубой’ < перс. زنگاری [zäŋgari]; узб. *алвон* ‘алый’ < араб. الوان [älvan]; русск. *алый* < тюрк. *ал*).

Изучение и анализ названий цветов с учетом их вышеперечисленных параметров позволяют проследить как генезис и развитие системы цветообозначений в том или ином языке, так и специфику языковой картины мира того или иного народа.

Для изучения языковой семантики цветообозначений также важно не только то, «какую часть спектра охватывает название цвета, но и его *сочетаемость* и коннотации» [Дыбо, Михайлова, Норманская 2002: 8–10]. Выделяют названия с

неограниченным предметным сочетанием и слова с ограниченной лексической сочетаемостью. Названия цвета с неограниченным предметным сочетанием могут быть применимы для описания окраски любого предмета и явления (например, название *белый* в русском языке может сочетаться с названиями многих предметов и явлений: *белая бумага, белое платье, белый снег, белое облако, белый день, белый конь*). Слова с ограниченной лексической сочетаемостью способны вступать в сочетания лишь с ограниченным количеством (или единицами) слов. Так, некоторые цветоименования могут употребляться с названиями лишь ограниченных предметов (названия мастей животных, цвета автомобиля и т. д.): например, слово *буланный* в русском языке употребляется лишь для обозначения масти лошади (*буланный конь*), словом *бурый* характеризуются окраска и цвет только природных объектов (*бурая земля, бурый медведь*, но не *бурое платье, бурая краска*).

Проблема сочетаемости предметных имен подробно рассмотрена в исследованиях Е.В. Рахилиной [Рахилина 2008]. Например, в своей монографии она анализирует названия животных в русском языке и их сочетаемость с прилагательными цвета. Среди последних она выделяет две группы: а) устойчивые, «фольклорные» сочетания типа *рыжая лиса, черный ворон, бурый медведь, серый / бурый волк, зеленая лягушка, розовый поросенок*, которые абсолютно стабильны и не варьируют; б) небольшая группа названий животных, в сочетании с которыми цвет варьирует, например: *белый / черный / рыжий кот* или *пес* [Рахилина 2008: 174–175].

Как отмечает Е.В. Рахилина, «проблема оттенков может быть разрешена языковыми средствами – хорошо известно, что, например, в русском языке есть специальные названия для цвета волос (не *серые* волосы, а *пепельные*), масти лошади (не *черный* конь, а *вороной*)» [Рахилина 2008: 174–175].

В свою очередь, в семантике цвета интерес представляет *связь цветообозначения и названия предмета, обозначаемого им*. Если в одних случаях название объекта происходит от названия цвета (например, считается, что др.-

русск. *зълчь / жьлчь* является производным от прилагательного *зеленый*, но испытало вторичное влияние лексемы *желтый* [Фасмер 1986б: 45]), то в других – цветообозначение, наоборот, может происходить от названия эталона цвета (к примеру, эталоном красного цвета в тюркских языках является цвет раскаленного предмета – предполагается, что пратюркское прилагательное **Kiř-il* ‘красный’ произошло от глагола **Kiř-* ‘накаляться’ > ‘накаляться (до красноты)’ > ‘быть красным’ > ‘красный’ [Clauson 1972: 683, СИГТЯ 2001: 603, Дыбо 2013: 428]). Некоторые названия характеризуют быт и природно-климатическое окружение народов, например, такие вторичные цветообозначения, как русск. *вишневый* ‘цвета вишни’, *малиновый* ‘цвета малины’, *персиковый* ‘цвета персика’, *янтарный* ‘цвета янтаря’, образованы от названий растений, плодов, горных пород, минералов, камней и т. д., что свидетельствует об их роли в жизни и мировоззрении народа. Как отмечает В.Г. Кульпина, цветообозначение, возможно, в большей степени, чем какая-либо другая сфера языка, антропоцентрично и этноцентрично. В восприятии цвета всегда присутствуют оценочные моменты, и аксиологичность цветообозначения существует в обширном этнолингвистическом пространстве [Кульпина 2001: 8].

В лингвистике также возникает вопрос о том, что конкретно подразумевается под «цветообозначающей лексикой». Естественно, в первую очередь, это лексемы, применяемые для обозначения цветов, называемых в физике основными, которые подразделяются на ахроматические и хроматические цвета (напр., русск. *белый, красный*, башк. *ак* ‘белый’, *күк* ‘синий’). Далее под цветообозначениями имеются в виду названия оттенков цвета, которые могут различаться по цветовому тону, насыщенности и светлоте (напр., русск. *рыжий, ярко-голубой, светло-зеленый*, башк. *ерән* ‘рыжий’, *сағыу зәңгәр* ‘ярко-голубой’, *акһыл йәшел* ‘светло-зеленый’). Кроме названий основных цветов и их оттенков, в состав цветообозначающей лексики входят названия смешанных цветов, которые, по сути, обозначают не цвет, а окраску, состоящую из совокупности нескольких цветов (напр., русск. *пестрый, пегий*, башк. *сыбар* ‘пестрый’, *ала* ‘пегий’). В свою

очередь, в качестве цветообозначений рассматриваются названия мастей лошади (реже – других животных), которыми передается определенное сочетание окраски их шерсти, гривы, хвоста, например: русск. *буланный*, башк. *кола* (светло-рыжий с темным хвостом и с темной гривой), русск. *игрневый*, башк. *сантар* (рыжий со светлой гривой и со светлым хвостом).

Феномен цвета сегодня изучается не только в физике и лингвистике – он является объектом пристального внимания таких дисциплин, как психология, философия, символика, эстетика, изобразительное искусство, дизайн, полиграфия и др. В философской традиции цвет становился предметом рефлексии в связи с общими мировоззренческими размышлениями онтологического, гносеологического и эстетического характера. Психологи изучают, как цветовой тон влияет на психологию и физиологию индивида и вызывает у него ту или иную эмоцию. В цветовом символизме каждый цвет наделен особым смыслом и ассоциациями, например, красный – символ огня, страсти, силы; черный – горя, несчастий, страха; белый – счастья, удачи, мира; зеленый – молодости и т. д. В эстетике, изобразительном искусстве, дизайне и полиграфии цвет используется исходя из разных параметров: закономерности сочетаний цветов, цветовой гармонии, колорита, контрастов и др. Для художников, работающих в области живописи и декоративно-прикладного искусства, большое значение имеет знание психофизиологического воздействия цвета на человека, обусловленного законами его восприятия. У каждого цвета, как считают художники-дизайнеры, своя психологическая (а также лечебная, медицинская) полезность: правильно подбирая цветовую гамму одежды или обстановки помещения, можно помочь человеку преодолеть плохое настроение, болезни, стрессы и т. д. Поэтому специалисты, чья деятельность связана в той или иной мере с цветом, учитывают все особенности феномена цвета, начиная от эстетических норм (в контексте «прекрасное» ↔ «безобразное») и заканчивая знаниями о символике и психофизиологическом и эмоциональном влиянии цвета на человека.

Таким образом, существуют достаточно много аспектов изучения восприятия, идентификации и номинации цвета. Восприятие цвета трактуется в связи со спецификой мировоззрения человека: одни исследователи связывают его с особенностями общечеловеческого универсального мышления, другие – с мировоззрением отдельных народов, третьи – с индивидуальными особенностями личности. В лингвистике возникают много вопросов относительно номинации цвета и отмечается, что физические параметры цвета не всегда пропорционально отражаются в языке: например, для цвета, выделенного отдельным цветом участка спектра в физике, в языке может отсутствовать исконное название (как для оранжевого цвета) или несколько участков спектра могут определяться как один «макроцвет» (в некоторых языках одним словом обозначается «сине-зелено-голубой» участок спектра) и т. д. Немаловажными являются проблема сочетаемости цветообозначений с названиями предметов, а также связь цветообозначения и названия предмета, обозначаемого им.

Цвет, его физические параметры, вопросы восприятия, идентификации и номинации цвета сегодня изучаются разными дисциплинами, которые рассматривают этот феномен как объект с точки зрения актуальности и важности для своей области.

1.2. Изучение цветообозначений в мировой и российской лингвистике

Известно, что феномен цвета являлся объектом внимания исследователей еще с древних времен. Цветом интересовались такие античные философы, как Платон, Эмпидокл, Демокрит, Лукреций и др. Наиболее полное описание можно найти в учениях Аристотеля и его ученика Теофраста. В Средние века проблема цвета обсуждалась в трудах Альхазена, Фомы Аквинского, Августина Блаженного и др. В эпоху Ренессанса на цвет и свет обращали внимание ученые-экспериментаторы Альберти и Леонардо да Винчи [Миронова 1984: 9–89, Норманская 2005: 5].

Считается, что научный период в истории цветоведения начинается с того

времени, когда в 1666 г. Исаак Ньютон провел свои опыты по расщеплению светового луча призмой. В полученном непрерывном спектре четко различались семь цветов. Он доказал, что белый свет является сложной механической смесью разнообразных цветных лучей, а призма разлагает его на простые составные части – цвета. Таким образом, пространственное разделение простых цветов дало Ньютону первый объективный и количественный признак цвета, отвечающий его субъективно воспринимаемой цветности [Медведев 2005: 8].

Далее такие исследователи, как И.В. Гете, Я.Э. Пуркине, И.П. Мюллер, Г.Л. Гельмгольц, Т. Юнг и другие, развили, дополнили, уточнили и систематизировали научные знания о феномене цвета и особенностях восприятия цветов человеческим глазом [Медведев 2005: 9].

Однако следует отметить, что получить полное представление о цвете невозможно, обладая только знаниями из области физики. Для этого необходима интеграция всех знаний, изучающих цвет, из разных областей науки и практики. Поэтому цвет является объектом внимания не только естественно-научных исследований. В настоящее время природой цвета, его восприятием интересуются психологи, физиологи, философы, культурологи, лингвисты, а также художники, дизайнеры, специалисты по рекламе, телевидению и многим другим видам современной деятельности человека, связанной с цветом. Причем большинство исследований по данной проблеме носят междисциплинарный характер. Например, в трудах по психологии, посвященных цветовому восприятию, почти всегда присутствуют и обсуждаются проблемы физических характеристик цвета и физиологии цветового зрения; в трудах физиков, физиологов и искусствоведов можно найти немало ссылок на работы, касающиеся психологических аспектов цветового восприятия.

Как уже отмечалось, феномен цвета неразрывно связан с таким понятием, как восприятие цвета. Проблемы восприятия цвета, цветового символизма, воздействия цвета на психику и эмоции и другие тому подобные вопросы рассматриваются в трудах по психологии [Osgood, Suci, Tannenbaum 1957,

Сафуанова 1994, Михайлова 1996, Яньшин 1996, Roberson, Davies, Davidoff 2000, Шиффман 2003, Базыма 2005]. Например, в работе Б.А. Базымы рассматриваются цветовые символы и определяются основные цвета, наиболее часто встречающиеся в цветовой символике (красный, желтый, белый, черный и др.). По наблюдениям исследователя, именно этнокультурная составляющая цвета является предпосылкой варьирования цветообозначений в разных символических значениях [Базыма 2005].

Цветонаименования, их происхождение, развитие, номинативная функция, связь названий цветов с их местом в культуре того или иного народа, а также другие аспекты вопроса цвета рассматриваются в лингвистических работах. В языкознании исследователей интересуют не сам цвет как таковой, а слова, обозначающие цвет, а также их семантика. Как отмечает Ю.В. Норманская, «научное знание оказывается некстати, если нас интересует значение, и если под значением мы понимаем то, что люди имеют в виду, когда они употребляют то или иное цветообозначение. Научное знание о том, какая длина волны связана с различными обозначениями цвета, ценно в учебнике по физике, но когда его повторяют в лингвистических книгах и статьях и представляют как ответ на вопросы о значении, оно только затуманивает дело и мешает реальному пониманию того, что люди имеют в виду, когда употребляют эти слова» [Норманская 2005: 5].

По поводу изучения цвета в лингвистическом аспекте Е.В. Сапига, М.В. Репина и С.В. Жукова утверждают, что в языке цвет находит выражение в так называемой колоративной лексике, а именно – в цветообозначениях и цветонаименованиях, описывающих оттенки цвета [Сапига, Репина, Жукова 2016: 193].

В лингвистической литературе существуют множество терминов для обозначения языковых единиц со значением цвета: «цветообозначения», «цветонаименования», «колоративы», «колоронимы», «хроматонимы», «цветовая лексика», «лексика цвета», «названия цвета», «имена цвета», «термины цвета»,

«цветовой термин», «прилагательные цвета» и т. д. Наиболее распространенным из них является термин «цветообозначение», который встречается в исследованиях многих ученых (например, В.А. Московича, Н.Б. Бахилиной, А. Вежбицкой, Т.И. Вендиной, В. Г. Кульпиной, С.Г. Тер-Минасовой). Понятия «имя цвета», «цветонаименование» употребляются в работах Р.М. Фрумкиной, А.П. Василевича, Т.А. Михайловой и др.; «цветовой термин», «термин цвета» (как синоним к понятию «цветообозначение») – в трудах Т.И. Вендиной, В.Г. Кульпиной и др. Встречаются также такие выражения, как «наименования с цветовым компонентом», «названия цвета», «прилагательные со значением цвета», «цветовые прилагательные» (например, в работе Е.В. Рахилиной). В последние годы появились такие специальные лингвистические термины для обозначения цвета, как «колоратив», «колороним», «хроматоним» и др.

Как видим, на современном этапе изучения лексических единиц, обозначающих цвет, наблюдается отсутствие единообразия в их терминологическом обозначении. Б.Н. Борисова, проанализировав указанные выше термины, уточняет и разграничивает их смысловые оттенки: термин «цветообозначение» передает общий процесс обозначения цветовых оттенков в языке; термин «имя цвета» может быть использован в ономаσιологическом аспекте при изучении названий основных цветов; выражение «термин цвета» является некорректным из-за отсутствия «терминосистемы цвета», то есть области знаний о цвете (а в колористической науке нет понятия «термин цвета»); термин «хроматоним» исключает слова для обозначения ахроматических цветов; термин «колороним» может быть применен для обозначений названий любых цветовых оттенков (к тому же образован по модели терминов, как гидроним, зооним, фитоним и др.) [Борисова 2008: 32–37].

В лексикологических исследованиях слова, называющие цвет, обозначаются такими наиболее употребительными в лингвистике терминами, как «цветообозначение», «цветонаименование», «название цвета», которые в основном понимаются как синонимичные. Также в зависимости от контекста

могут применяться термины «колоративы» (при обозначении группы прилагательных, обозначающих цвет), «колоронимы» (при подчеркивании цветового значения названия цвета), «прилагательные цвета» (при описании свойств названий цвета, характерных именно для этой части речи) и т. д.

В языкознании цветообозначающая лексика представлена довольно широко, поскольку варианты раскрытия данной темы разнообразны, следовательно, исследования по названиям цветов проводятся в разных направлениях и аспектах. Нужно отметить, что большинство исследований по проблемам цветообозначений в основном выполнены в сравнительно-исторической, структурно-семантической, антропоцентрической парадигмах. В сравнительно-исторической парадигме изучаются история, семантика, этимология, символика цветообозначений, в структурно-семантической – их структура, система, стилистика, а в антропоцентрической – лингвокогнитивный, культурологический и лингвокультурологический и другие аспекты цветообозначений [Саматов 2017: 28–39].

Следует подчеркнуть, что разделение исследований по направлениям и аспектам является условным, так как работы, посвященные изучению вопросов цвета и цветообозначений, в основном могут содержать в себе целый ряд методик и подходов, которые можно отнести к разным направлениям. Поэтому мы не будем специально останавливаться на классификации исследований, а сделаем обзор некоторых работ, методы и подходы которых оказались ценными при изучении цветообозначений башкирского языка.

Вообще, как уже отмечалось, литература по цвету обширная. По цветообозначениям изданы труды монографического плана, выполнены диссертационные исследования, опубликованы статьи в научных изданиях и сборниках. Сведения об исследованиях по названиям цветов, их семантике можно найти в научных трудах, посвященных вопросам истории изучения цветообозначающей лексики, где приводится обзор основной литературы по ней [Бахилина 1975, Кульпина 2001, Норманская 2005]. В работах языковедов также

предпринимается попытка классифицировать разные направления лингвистических исследований по цветообозначениям, которые проводились в недалеком прошлом и ведутся в наши дни [Waszakowa 1997].

Ряд работ посвящены исследованию цветообозначений в историческом и сравнительно-историческом планах: в них изучается историческое развитие цветообозначений в тех или иных языках или языковых семьях [Вендина 1999, Дыбо, Михайлова, Норманская 2002, Норманская 2005, Кезина 2008], проводятся реконструкции семантики названий цветов в каком-либо языке [Schwertner 1915, Tischler 1989, 1994], рассматриваются происхождение и употребление цветообозначающих терминов [Суровцева 1964, 1967, Суперанская 1970, Андреева-Васина 1978, Алимбиева 1986, Юдина 2000, Basic colour terms... 2006], описываются цветообозначения, зафиксированные в памятниках определенного исторического среза [Грановская 1964, 1969, Бахилина 1975, Krieg 1976, Алимбиева 1980, 1982, 1986, Wyler 1984, 1992, Biggam 1997], исследуются особенности семантики и функционирования цветообозначений, встречающихся в памятниках различных жанров и фольклора [Панченко 1968, Павлюченкова 1984, Пименова 1985, 1986, 1987, Касимов 1989, Никулина 1989, Бачаева 2015, Цветообозначения в хантыйском... 2019] и т. д.

Например, в работе Н.Б. Бахилиной рассматриваются названия для обозначения цветов с точки зрения их происхождения, семантики и употребления: исследуются цветообозначения русского языка, встречающиеся в памятниках XII–XIV и XVII вв., а также история групп цветообозначений, переживших наиболее значительные изменения. Как отмечает автор, «канон в сфере цветообозначений в русском языке сформировался еще в древний период – в XI–XII вв., а впоследствии цветообозначения развивали традиции древности, количество которых неуклонно увеличивалось» [Бахилина 1975].

Много исследований посвящены семантике цветообозначений. Считается, что классической точкой отсчета при изучении семантики цвета стала работа Б. Берлина и П. Кея [Berlin, Kay 1969]. Для выделения базовых цветообозначений

любого языка Б. Берлин и П. Кей использовали методику, по которой цветообозначение является таковым, если оно соответствует следующим критериям:

- 1) является отдельной лексемой;
- 2) является простым словом, а не производным от другого слова;
- 3) значение его не включено в значение другого цветообозначения;
- 4) может сочетаться с названиями различных классов предметов;
- 5) понятно всем носителям этого языка и входит в основной словарь языка.

По этой методике исследователи Б. Берлин и П. Кей выделили базовые цветообозначения 98 языков мира, что позволило им сделать вывод, что системы базовых цветообозначений в разных языках оказались разными, но все же близкими друг другу. Количество базовых цветов в языках мира, как утверждают исследователи, колеблется от 2 до 11: черный, белый, красный, желтый, зеленый, синий, коричневый, фиолетовый, оранжевый, серый, розовый. Поэтому различия в системах цветообозначений в языках обусловлены количественным фактором. Б. Берлин и П. Кей установили, что даже если в языке меньше 11 базовых цветообозначений, то и в этом случае существуют определенные закономерности относительно того, какие названия имеются в данном языке:

- 1) во всех языках есть термины для понятий 'белый' и 'черный';
- 2) третьим базовым цветообозначением обязательно будет 'красный';
- 3) четвертое базовое цветообозначение – 'желтый' или 'зеленый';
- 4) если в языке пять базовых цветообозначений, это также 'желтый' или 'зеленый';
- 5) шестое базовое цветообозначение – 'синий';
- 6) седьмым базовым цветообозначением будет 'коричневый';
- 7) восьмым и далее в любом порядке появляются 'фиолетовый', 'розовый', 'оранжевый', 'серый'.

Как отмечается, указанные правила применяются и к хронологическому порядку появления цветообозначений в конкретном языке.

Отметим, что приведенные выше критерии для выделения базовых цветообозначений любого языка, выявленные Б. Берлиным и П. Кеем, исследования которых являются классической точкой отсчета изучения семантики цвета, в некоторой степени применимы для описания цветообозначений башкирского языка. В частности, в современном башкирском языке существуют непроеизводные названия для всех цветов, выделенных ими в качестве основных (*ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’, *кызыл* ‘красный’, *йәшел* ‘зеленый’, *һары* ‘желтый’, *күк* ‘синий’, *көрән* ‘коричневый’, *шәмахә* ‘фиолетовый’, *ал* ‘розовый’, *хәнәүәт* ‘оранжевый’, *һоро* ‘серый’). Однако в данном списке цветообозначения *шәмахә* ‘фиолетовый’ и *хәнәүәт* ‘оранжевый’ являются заимствованиями и в основном характерны для книжного стиля, в связи с чем назвать их общеупотребительными терминами сложно.

Хронологический порядок появления цветообозначений, приведенный Б. Берлиным и П. Кеем (появление сначала названий для черного, белого; далее – красного, желтого, зеленого, синего, коричневого; затем в любом порядке – фиолетового, оранжевого, серого, розового), для башкирского языка применим также частично. В башкирском языке существуют древние исконные названия для белого, черного, красного, желтого. Но далее наблюдаются несоответствия: лексема для синего (изначально – для макроцвета ‘сине-голубо-зеленого’) в тюркских языках, в том числе и в башкирском (*күк*), появилась раньше, только затем вошло в обиход специальное название для зеленого (*йәшел*). Лексема для коричневого (*куңыр*) также является древним явлением, однако отметим, что в современном башкирском языке доминантное положение для обозначения коричневого цвета заняло название *көрән*, являющееся монгольским заимствованием. Далее в некоторых тюркских языках, в том числе и в башкирском, появились названия для розового (*ал*) и серого (*һоро* или *буз*) цветов. В башкирском языке функционируют две лексемы для обозначения серого цвета: лексема *һоро* является основным названием для серого, *буз* имеет более узкое значение и употребляется предпочтительно для обозначения масти лошади,

окраски животных и птиц. Отсутствие в тюркских языках исконных непроизводных названий для фиолетового и оранжевого цветов в башкирском языке восполнено заимствованием лексем из персидского (*шәмахә* ‘фиолетовый’) и арабского (*хәнәүәт* ‘оранжевый’) языков.

Таким образом, по Б. Берлину и П. Кею, 11 цветообозначений являются основными названиями цветов. Все остальные цвета, по их мнению, представляют лишь их оттенки.

Выделяемые Б. Берлином и П. Кеем 11 основных цветов весьма условны и вызывают ряд возражений со стороны других лингвистов [Rosch 1975, Kay, McDaniel 1978, Фрумкина 1984, Wyler 1984, Tischler 1989, Уфимцева 1996, Biggam 1997]. Ученые приводили примеры языков, в которых отнесенные к основным цветообозначениям слова, в сущности, не являются таковыми. Например, в персидском языке название синего цвета *ābi* – производное от *āb* ‘вода’, в древнеанглийском присутствует цветообозначение для ‘серого’, в то же время отсутствует слово для ‘синего’ [Норманская 2005: 10]. Тем не менее работа Б. Берлина и П. Кея представляет интерес для исследователей именно тем, что в ней решается задача выявления универсальных цветообозначений в разных языках, а также рассматриваются проблемы изучения лексем для обозначения цвета как в синхронном, так и диахронном аспектах.

В другой работе по семантике цвета – в монографическом исследовании Р.М. Фрумкиной – высказывается мысль о том, что выделение основных цветов в противоположность оттенкам является культурно-историческим и психологическим фактом, но не психофизиологическим. С психофизиологической точки зрения все цвета равны, и на этом уровне отсутствует деление на основные цвета и оттенки (например, не выделяется салатный оттенок зеленого цвета) [Фрумкина 1984: 38].

В изучении цветообозначающей лексики и их семантики также большую роль играют работы Ю.Д. Апресяна, А. Вежбицкой, Е.В. Рахилиной, Ю.В. Норманской и др. Так, А. Вежбицкая считает, что имена цвета не являются

универсальными и толковать семантику цветообозначений нужно, основываясь, прежде всего, на объектах наивной картины мира, с которыми носитель языка ассоциирует эти названия (для 'черного' – 'ночь'; для 'белого' – 'день', 'снег'; для 'красного' – 'огонь', 'кровь' и т. д.). По предположениям А. Вежбицкой, не всегда совпадает семантика у слов, обозначающих один и тот же цвет в разных языках, например, англ. *blue* значит не то же самое, что русск. *голубой*. Но ввиду того что фундаментальные концептуальные модели, которые основаны на нашем общем человеческом опыте, у нас одни, фокусы у этих разных семантических категорий могут быть относительно стабильны по языкам и культурам [Вежбицкая 1996: 284].

Е.В. Рахилина, рассматривая вопрос сочетаемости имен предметных, вводит понятие «фиксированный цвет», которым обозначается постоянное свойство, присущее прежде всего лексемам, описывающим природные объекты или вещества (напр., 'уголь', 'кровь', 'известь'). И поэтому для их употребления в атрибутивной конструкции (черный уголь, красная кровь, белая известь) необходим сильный прагматический контекст (напр., *черный кот весь в белой извести!*). Каждое цветообозначение характеризует лишь в значительной мере ограниченное множество природных объектов, свое для каждого языка (например, прилагательное *зеленый* описывает цвет живой растительности: *зеленая трава / листва*, метонимически перенося при этом цвет листьев на цвет растения в целом и занимаемые ими пространства: *зеленые деревья / лес / поля*). Как утверждает Е.В. Рахилина, именно исходя из того, какие природные объекты описывает цветообозначение, и можно анализировать его семантику. Наиболее свободно по отношению к цветовому спектру ведут себя артефакты (одежда, мебель, дома, посуда), которые варьируют практически неограниченно (напр., *желтый флигель / забор / свитер*) [Рахилина 2008: 171–173, 180, 184].

Таким образом, А. Вежбицкая считает, что предметы с фиксированным цветом часто описываются с помощью цветообозначений. Е.В. Рахилина, наоборот, утверждает, что такие предметы могут употребляться с

цветообозначениями в исключительных случаях. Е.В. Рахилина отмечает невозможность выделения универсального в семантике цветообозначений, принадлежащих к одной и той же части спектра в разных языках, а А. Вежбицкая считает, что фокусы у семантических категорий относительно стабильны в разных языках и культурах [Вежбицкая 1996: 284, Рахилина 2008: 171–173, 180, 184].

Ю.Д. Апресян указывает на градацию цветковых прилагательных по семантическому признаку предельности: «Если спектр разделить на участки, называемые основными цветообозначениями (красный, оранжевый, желтый и т. п.), то максимальной степени определенного цвета будет соответствовать середина соответствующего участка. Действительно, на участке красного цвета, например, уклонение в одну сторону будет давать постепенный переход в оранжевый цвет, а уклонение в другую сторону – в фиолетовый. Середина же участка будет соответствовать идеальному красному цвету. Аналогичным образом обстоит дело и со всеми другими цветообозначениями» [Апресян 1995: 44].

В работе Ю.В. Норманской по цветообозначениям древнеиндоевропейских языков отмечается, что в мертвых языках, как и в живых, можно выделить предметы, которые будут охарактеризованы с помощью цветообозначений, принадлежащих к одной и той же части спектра во всех языках (напр., ‘снег’ – ‘белый’; ‘ночь’ и ‘зрачок глаза’ – ‘черные’; ‘кровь’ – ‘красная’). Она утверждает, что каждое цветообозначение в каждом языке имеет свою семантику, однако фокус цветообозначений, принадлежащих к одной и той же группе спектра, в разных языках един. Для определения и уточнения семантики цветообозначений в мертвых языках Ю.В. Норманская предлагает исследование их сочетаемости с предметами, цвет которых в природе более или менее постоянен [Норманская 2005: 15–16]. Анализ сочетаемости проводится с помощью методики изучения семантических изменений, разработанной А.В. Дыбо, основой которой является типология семантических изменений [Дыбо 1996]. В построении семантической

типологии А.В. Дыбо исходит из следующего предположения: для некоторых объектов действительности в любом естественном языке имеются наборы первичных, немотивированных лексем, значения которых, соотносясь друг с другом, определенным образом расчленяют эти объекты.

В работе А.П. Василевича, С.Н. Кузнецовой, С.С. Мищенко освещаются роль, история развития и различные функции слов-цветонаименований в русском языке, включая их применение в рекламе и других аспектах прикладного использования. Авторами составлен «Каталог названий цвета», который содержит более двух тысяч слов и словосочетаний современного русского языка для выражения цвета, а также перечень цветонаименований XII–XX вв., вышедших из употребления [Василевич, Кузнецова, Мищенко 2014].

Кроме исследований семантического характера, активно ведутся работы в сопоставительном, когнитивном, психолингвистическом и других аспектах. В сопоставительных исследованиях по цветообозначающей лексике особое внимание уделяется выявлению роли терминов цвета в определении языковой картины мира, концептуализации и места цветолексем в процессах познания [Шхвацабая 1985, Сипакова 1997, Davies 1998]. В психолингвистических работах наблюдается тенденция перехода от структурно-семантических методов к подходам, связанным с феноменологическим и эйдетическим осознанием семантической специфики названий цвета [Фрумкина 1984, Василевич 1987, Белов 1988, Уфимцева 1996]. В исследованиях когнитивного характера основными категориями являются понятия языковой картины мира и цветов-прототипов. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты цвета подчеркивают, что процессы, в которых участвуют имена цвета, основываются на символике цвета, которая непосредственным образом связана с историей и культурой народа [Сорокин, Марковина 1988, Серов 1990, Тер-Минасова 2000, Кульпина 2001, Рахилина 2008, Жаркынбекова 2011, Комарова, Талапина 2011, Мартянова 2013]. Например, З.И. Комарова и М.Б. Талапина рассматривают концепт цвета, который «представляет собой схему восприятия, в соответствии с

которой у всех объектов окружающего нас мира выделяется характеристика “окрашенности”, передаваемая в языке посредством прилагательных цвета» [Комарова, Талапина 2011: 33]. По мнению Н.А. Мартьяновой, «цвет можно трактовать как символ, намекающий на то, что не может быть показано. Цветовой символ в языке и в речи представлен цветовыми лексемами, содержащими наряду с несимволическими и символические значения. Последний тип проявляется в том, что первичное содержание цветового слова становится условным обозначением для иного, более абстрактного содержания» [Мартьянова 2013: 66].

Параллельно с большим массивом лингвистических трудов продолжают попытки изучения физико-онтологического состава цвета. Экстралингвистические исследования показывают, что изучение физической сущности цвета, базирующееся на сведениях о волновой природе цвета, направлено на его социоестественное восприятие и является антропоцентричным [Birren 1961, Agoston 1987, Иванов 1993].

Не теряют актуальности вопросы цветообозначений в исследованиях XXI в. Цветонаименования разных языков становятся объектом научных работ тех или иных направлений и аспектов [Бижева 2000, Василевич 2003, Matschi 2004, Борисова 2008, Цветкова 2012, Джушхинова 2013, Дюпина, Шакирова, Чуманова 2013, Вагапов, Навразова 2015, Федорцова, Тархова 2015, Евтушевская 2016, Лопатина 2016, Рябина 2016, Сапига, Репина, Жукова 2016, Оцомиева-Тагирова, Баширова 2017, Кошкарева 2018, 2020, Кошкарева, Абжапарова 2022, 2024, Шиянова 2018, Щитова, Щитов, Хуа Кай 2018, Сидорова, Федулова 2019, Цветообозначения в хантыйском... 2019].

Таким образом, цветонаименования, их происхождение, развитие, номинативная функция, связь названий цветов с их местом в культуре того или иного народа, а также другие аспекты колоративной лексики рассматриваются как в мировой, так и в отечественной лингвистике. В языкознании исследователей интересуют не сам цвет как таковой, а слова, обозначающие цвет, и в первую очередь их семантика.

1.3. Изучение цветообозначений в тюркском языкознании

В тюркологической науке, как и в мировом и отечественном языкознании, цветообозначения являются объектом внимания работ разных лингвистических направлений. Имеются исследования, в которых данная группа слов подвергается специальному изучению в том или ином языке. Например, М. Ганиходжаева, С.И. Матчанова, М.С. Садыкова рассматривают цветонаименования в узбекском, К. Саматов – в киргизском, З.С. Файзуллина – в башкирском, А.Н. Майзина – в алтайском, Е.Ф. Васильева, Е.А. Лебедева – в чувашском, М. Абжапарова – в алтайском и казахском языках, Е.В. Саввина исследует в философском аспекте роль цвета в традиционной этнической культуре якутов [Садыкова 1963, Васильева 1980, Ганиходжаева 1986, Матчанова 1987, Лебедева 1992, Саматов 1997, Саввина 2001, Файзуллина 2005, Майзина 2006а, 2008, Абжапарова 2021]. Есть работы, посвященные особенностям семантики, развития и функционирования отдельных цветообозначений в том или ином тюркском языке [Васильев 1978, Молчанова 1985, 1986, 1988, Тугужекова 2001, 2016, Мусуков 2009, Stachowski 2010, Садыкова 2015, Саматов 2016, 2017, Хасен, Болат 2016, Абжапарова 2018, Сувандии 2019, Афанасьева 2020, Широбокова, Абжапарова 2020]. Некоторые исследования посвящены семантике цветообозначений в тюркских языках в целом [Laude-Cirtautas 1961, Кононов 1978, Doerfer 1995, Ozgen, Davies 1998, Кормушин 2001, Габышева 2019, Мусуков 2019, Хисамитдинова 2019, Улаков, Мусуков 2020].

Вопросы цветообозначающей лексики в тюркских языках, в том числе и названий мастей животных, затрагиваются в научных трудах по диалектологии, лексикологии, лексикографии, ономастике, этнолингвистике, лингвокультурологии, лингвофольклористике, грамматике и т. д. В них названия цвета рассматриваются как компоненты ономастической, этнокультурной лексики, фразеологических единиц, изучаются их функции в словообразовании, особенности употребления в фольклоре и художественных произведениях [Кононов 1954, 1980, Койчубаев 1965, 1974, Исаев 1970, Мурзаев 1974,

Молчанова 1979, Габышева 1984, Ураксин 1987, Айтмуратов 1988, Гарипова 1991, Калимова 1992, Камалов 1994, Тюхтенева 1994, Усманова 1994, Башарина 2000, Бухарова 2003, 2008, Закиров 2003, Субракова 2005, Хадыева 2005, Майзина 2009, Мусуков 2009, Тугушева 2010, Ласынова 2012, Садыкова 2012, 2015, Семби 2013, Борисова 2014, Инандж 2014, Тишин 2014, Самситова 2015а, 2015б, 2018, Color symbolism... 2016, Валиева 2017а, 2017б, 2018, Бавуу-Сюрюн 2018, Абжапарова, Широбокова 2019, Сувандии 2019, Божедонова 2020, Мугтасимова, Юсупова 2020, Уртегешев 2020: 36–38, Семантические универсалии... 2023].

Так, в исследовании О.Т. Молчановой приводится анализ цветообозначений, которые участвуют в образовании топонимов: *боро* ‘серый; бурый’, *буурыл* ‘седой, поседелый’, *кер* ‘гнедой’, *кула* ‘саврасый’, *сур* ‘светло-серый, мышастый, светло-коричневый’, *чал* ‘седой, серый’, *кызыл* ‘красный’, *күрен* ‘коричневый, темно-рыжий, бурый’, *көк* ‘синий, зеленый, сивый’, *чаңкыр* ‘голубой, светло-синий, лазурный’, *жерен* ‘рыжий’, *коңыр* ‘темно-серый, каурый’ (например, следующие топонимы Горного Алтая содержат компонент-цветообозначение: река *Жерен-Ат* ‘букв. рыжая лошадь’, лог *Коңыр-Ой* ‘букв. темно-серая ложбина’, гора *Боро-Тал* ‘букв. серая ива’, гора *Буурыл* ‘букв. бурая’, скала *Кызыл-Кайа* ‘букв. красная скала’) [Молчанова 1988: 89–103].

В других научных трудах О.Т. Молчановой также можно найти богатый материал по цветообозначениям. В одной из ее работ рассматривается цветообозначение ‘желтый’ в алтайском языке и дается сравнительный материал по другим тюркским, а также монгольским, тунгусо-маньчжурским языкам. Например, выражение, буквальное значение которого – ‘желтая вода’, в том или ином языке употребляется в следующих значениях: алт. *сары суу* ‘сыворотка’, ‘пожелтевшая от навоза весенняя вода’, хак. *сарыг суг* ‘сыворотка’, ‘весенняя снеговая вода или вода над весенним льдом’, тув. *сарыг суг* ‘сыворотка’, ‘вешняя талая вода’, халх.-монг. *шар ус* ‘снеговая талая вода’, ‘перен. ревматизм’, ‘сыворотка’ и т. д. [Молчанова 1986: 192–201].

В статье Б.А. Мусукова приводятся карачаево-балкарские онимы с

компонентами-цветообозначениями, такие как, например: женские имена *Акъсюек* ‘букв. аристократка, белая кость’, *Акъжыякъ* ‘букв. белощекая, светлощекая’, *Акъ марал* ‘букв. белый олень’, мужские имена *Ак-кылыш* ‘букв. белый меч’, *Ак-молат* ‘букв. белая сталь’ и др. [Мусуков 2009: 47–51].

В работе Ф.Г. Гариповой рассматриваются гидронимы Татарстана, названные по «цвету воды»: *Кара йылга* ‘букв. черная река’, *Акчишмә* ‘букв. белый родник’, *Сарсаз чишмәсе* ‘букв. родник желтого болота’ и др. [Гарипова 1991: 59].

Э.М. Мурзаев, отмечая значительную роль прилагательных цвета в образовании среднеазиатской тюркской топонимии, указывает на то, что цветообозначения в составе географических названий определяют «типологическую категорию географического объекта», например, в названии *Карасу*¹ компонент *кара* ‘букв. черный’ обозначает прозрачную, чистую или земляную (то есть родниковую) воду [Мурзаев 1974: 224–225].

Цветообозначениям в киргизском языке посвящены работы К. Саматова. В его исследованиях подробно рассматриваются первичные (прямые) и вторичные значения лексем для обозначения цвета. Например, им выделены следующие значения слова *көк* в киргизском языке: ‘голубой, синий’, ‘синька и плесень’, ‘упрямый’, ‘зеленый’, ‘зелень, овощи’, ‘незрелый’, ‘серый (о масти животных)’, ‘фиолетовый’ [Саматов 2016: 109–121].

В работах Л.Л. Габышевой цветообозначения и их символика анализируются как фрагмент мифопоэтической картины мира тюркских народов. Она, исследуя значения красного цвета, выявила, что красный в эпических сказаниях осмысливается в соответствии с пафосом повествования как выражение богатырства и героического характера защитника жизни на Земле, а в мифопоэтической картине мира этот цвет служит символом области, населенной людьми, и т. д. [Габышева 2019: 57–65].

А.Н. Майзина проводит сопоставительные исследования семантических

¹ Распространенное название в топонимике Средней Азии, Кавказа, Крыма, Балкан и других регионов Евразии.

полей цветообозначений алтайского и монгольского языков и приходит к выводу, что возникновение многих переносных значений слов-цветообозначений обусловлено определенной цветовой символикой. Так, в мировоззрении алтайцев и монголов белый цвет олицетворяет божественное начало, чистоту, мудрость, святость, поэтому большинство переносных значений алтайского слова *ак* и монгольского слова *цагаан* имеют положительные коннотации. Незначительное расхождение проявляется в том, что в алтайской языковой картине мира белый цвет символизирует в основном все сакральное, а в монгольской – может также олицетворять простоту и легкость ('незлопамятный, безобидный, добродушный; добрый', 'легкий, нетрудный'). Наиболее ярко отражающим национально-культурную специфику монгольской языковой картины мира оказалось значение 'траурная одежда' слова *цагаан*, репрезентирующее вовсе не печаль, как кажется на первый взгляд, а добродетель покойного [Майзина 2006б: 20–21, Майзина 2008: 207].

Отдельно следует отметить работы в тюркологии, посвященные изучению названий мастей лошади. В проведенных ранее исследованиях названия мастей лошади рассматривались на фоне изучения животноводческой лексики или цветообозначений [Байшев 1959, Laude-Cirtautas 1961, Федорова 1980, Максютлова 1983, Надергулов 2000, Кормушин 2001, Красников 2011]. В последнее время возрос интерес к данным названиям как к отдельному классу лексики, изучение которого проливает свет на многие вопросы истории и развития лексики тюркских языков. Подробному анализу подвергались названия мастей лошади в якутском, тувинском, хакасском, кумыкском языках [Ольмесов 2004, Нарылкова 2007, Борисова 2013, Монгуш, Юлдашбаев 2015, Куулар 2017, Малышева, Божедонова 2018, Божедонова 2019]. Также рассматривалась лексико-семантическая характеристика названий мастей лошади в работах по башкирскому и татарскому языкам [Ахметьянов 1975, Исхакова 2008, Ягафарова 2011].

Ряд исследований посвящены проблеме номинации сторон света

посредством цветообозначений, которая существовала у многих народов [Кононов 1978: 159–179, Подосинов 1999: 530–536]. Большинство ученых выделяют три основных цвета – черный, белый, красный, лежавших в основе цветовой символической классификации. Четвертым, как отмечается, может быть желтый, зеленый или синий [Подосинов 1999: 530–536]. Есть предположения, что у многих народов имела место какая-то общая евразийская (доиндоевропейская) древняя система цветовой символики сторон света. Однако следует признать, что у разных народов обозначения четырех сторон света все же не совпадают: варьируют цвета для обозначения юга, востока, запада. Как правило, совпадает лишь обозначение северного направления как черного.

У тюрков, как отмечает А.Н. Кононов, когда-то красный обозначал юг, черный – север, голубой – восток, белый – запад. Вместе с тем, по его мнению, цветная геосимволика у тюрков давно вышла из активного употребления и была заменена линейно-пространственной ориентацией [Кононов 1978: 160].

Основываясь на исследованиях своих предшественников, А.Н. Кононов выделяет коннотативные, метафорические значения цветообозначений, например, им отмечены следующие значения слова *қара* в тюркских языках: ‘большой, крупный, обильный’, ‘главный, великий, могучий’, ‘сильный (о ветре, морозе)’, ‘чистый (без примеси)’, ‘суша, земля, материк’, ‘темная (северная) сторона небосклона’, ‘обозначение собирательности, множественности (скот, толпа, войско; простолюдин, чернь; раб, множество, масса)’, ‘усилитель качества, свойства’. Все эти значения подкрепляются данными из древнетюркских текстов, названий родов, населенных пунктов и примерами из разных тюркских языков. К примеру, он приводит разные точки зрения относительно названия Черного моря (*Қара деңиз*): по некоторым источникам, его можно трактовать как «Великое море» (то есть *қара* – ‘великий’), по другим – «Северное море» (то есть *қара* – ‘северный’) [Кононов 1978: 163–164].

В фольклорных материалах хакасов, казахов, сибирских татар схема геономинии совпадает с той, что выделил А.Н. Кононов. Данной геосимволики

эти народы придерживаются как теории гармоничного мироздания и соблюдают ее в обычаях и обрядах [Семби 2013: 18].

В работах по истории, развитию, этимологии пратюркских, общетюркских слов исследуются лексемы, относящиеся и к классу цветообозначений [Vámbéry 1878, Егоров 1964, КЭСКЯ 1966, VEWT 1969, Clauson 1972, ЭСТЯ 1974–2003, Федотов 1996а, 1996б, Татаринцев 2000–2008, Ахметьянов 2001, 2015а, 2015б, Благова 2001, Кормушин 2001, ЭСЯЯ 2003, Дыбо 2013].

Так, в «Этимологическом словаре тюркских языков» (М., 1974–2003), наряду с другими общетюркскими лексемами, представлены и цветоименования. Словарные статьи содержат сведения о происхождении и семантике цветообозначений, их употреблении в письменных источниках тюрков, современных языках и их диалектах [ЭСТЯ 1974–2003].

В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» (М., 2001) отмечается, что «свыше десятка слов, обозначающих названия цвета, можно отнести не только к праязыку, но и к более глубокому, протоязыковому состоянию общетюркского праязыка, когда происходило формирование многих семантических и формальных категорий». В работе рассматриваются такие тюркские цветообозначения, как **qara* ‘черный’, **a:q*, **ürün* ‘белый’, **sariy* ‘желтый’, **qizil* ‘красный’, **kök* ‘зеленый, голубой, синий’, **bo:z* ‘серый’, **jayiz* ‘бурый, бурый’, **ala* ‘пестрый, пятнистый, полосатый’, и приводятся их этимологии, праформы, встречающиеся в древних и современных тюркских языках фонетические варианты и значения лексем [Кормушин 2001: 592–608].

Лексикографическое описание цветообозначений современных тюркских языков проводилось в толковых, двуязычных и других словарях [Ашмарин 1929, 1934, 1936, 1941, АРС 1941, РУС 1950, РАС 1951, РУС 1955, РНС 1956, РУС 1956, КРС 1958, УРС 1959, РКС 1960, РХС 1961, УРС 1961, НРС 1963, РАС 1964, РКБС 1965, ТРС 1966, РКС 1967, КРТС 1968, РЯС 1968, ТРС 1968, ТуВРС 1968, УРС 1968, КРС 1969, ЯРС 1972, ГРМС 1973, Койчубаев 1974, КРПС 1974, ТРС 1977, Молчанова 1979, РТС 1980, РУС 1983, КРС 1985а, 1985б, ЧРС 1985, КБРС 1989,

УРС 1989, ШРС 1993, Бектаев 1995, Боргоякова 1996, РЧС 2002, ТРС 2004, АРС 2006а, 2006б, 2006в, 2006г, ХРС 2006, ТРС 2007а, 2007б, Усеинов 2007, ТРС 2008, БРТС 2009, КРС 2011, РЧС 2012а, 2012б, Исаев 2013, АРС 2015, ТТЭМС 2016, СТРС 2019].

Например, в «Хакасско-русском словаре» (Новосибирск, 2006) приведены следующие примеры употребления слова *ала*, которые дают общее представление о функционировании его значений в современном хакасском языке: *ала* ‘пегий, пестрый’, *ала парыс* ‘лев, букв. пестрый тигр’, *ала хар* ‘почерневший, с проталинами снег, букв. пестрый снег’ [ХРС 2006: 48].

Семантика и этимология общих для алтайской семьи языков названий, а также некоторых заимствований рассматривались в трудах по алтаистике, монголистике, тунгусо-маньчжуроведению, японскому языку [Vullers 1855, Ramstedt 1935, МРС 1957, РКС 1964, БРС 1973, ССТМЯ 1975, 1977, КРС 1977, РЯС 1988, Старостин 1991, БАМРС 2001, Nugteren 2011, EDAL 2003, ЭСМЯ 2015, 2016, 2018]. Алтайские этимологии также представлены в этимологической базе данных «Вавилонская башня» (проект StarLing) [ЭБД].

Сведения о тюркских цветообозначениях также можно найти в исследованиях по другим неродственным языкам, в которых анализируются заимствованные из тюркских языков лексемы, в том числе и названия для обозначения цвета [Doerfer 1967, MNyTESz 1976, Гомбоц 1985, Фасмер 1986а, 1986б, 1987а, 1987б, Аникин 2003, 2007, Дыбо 2010, WOT 2011]. Так, о тюркизме *алый* в русском языке можно найти материал у М. Фасмера. Как известно, это тюркское слово вошло в русский язык в период Золотой Орды. М. Фасмер отмечает, что др.-русск. *аль* встречается в грамотах – в письменных указах золотоордынских ханов с XIV в. в значении ‘ярко-красный’ [Фасмер 1986а: 73]. О тюркском заимствовании *sárog* в диалекте венгерского языка есть сведения в работах исследователей, которые рассматривают его как результат древних венгерско-булгарских контактов: считается, венг. *sár*, *sárga*, диал. *sárog* ‘желтый’ является раннебулгарским заимствованием [MNyTESz 1976: 227, Гомбоц 1985:

38, Дыбо 2010: 81, WOT 2011: 691–695].

Цветобозначения древнего происхождения рассматриваются в трудах по ностратике. Например, в работе В.М. Иллича-Свитыча представлены такие тюркские названия, этимология которых выходит далеко за рамки урало-алтайской общности и восходит к ностратике. Так, тюркское цветобозначение **Kara* ‘черный’ В.М. Иллич-Свитыч к прототипам алтайского *Karä* ‘черный’, индоевропейского *ker-*, *ker-s-* ‘черный, темный’ ~ дравидийского *kar* / *kār* / *kār* ‘черный, темный’ приводит параллели из древнеиндийского *kardamas* ‘ил, грязь’, персидского *čardeh* ‘черноватый’, греческого *καρμόν* ‘черный’, древнескандинавского *horr*, *harr* ‘зола’, древнепрусского *kirsnan*, старославянского *čрънь* (< **kr-sno-*) ‘черный’ и реконструирует ностратический архетип – *kap/äi* ‘черный, темного цвета’ [Иллич-Свитыч 1971: 337–338].

В башкирском языкознании имеются также специальные исследования, затрагивающие тот или иной аспект изучения цветобозначающей лексики. Так, этнокультурным особенностям цветобозначений в современном башкирском языке посвящены работы М.Р. Валиевой, Д.Т. Вакиловой, Г.Р. Абдуллиной, З.С. Файзуллиной, Р.Н. Хадыевой, Ф.Г. Хисамитдиновой [Файзуллина 2005, Хадыева 2005, Хисамитдинова 2013, 2019, Валиева 2017а, 2017б, 2018, Вакилова, Абдуллина 2022].

З.С. Файзуллина, анализируя смысловую структуру прилагательных-цветобозначений, приходит к выводу, что в результате некоторых семантических сдвигов в структуре прилагательных происходят значительные изменения. Они сохраняют свое хроматическое значение, но приобретают новые нецветовые значения. По мнению З.С. Файзуллиной, активное употребление цветобозначений в разных сферах деятельности человека привело к расширению семантики прилагательных цвета в башкирском языке [Файзуллина 2005: 151].

Ф.Г. Хисамитдинова на материале мифологических словарей и фольклорных текстов анализирует функционирование цвета и цветобозначений в тюркской мифологии [Хисамитдинова 2019: 220–224]. Исследователем также

рассматриваются цветообозначения в пословицах башкирского языка. Ею приведены множество примеров употребления цветообозначений в пословицах и поговорках башкирского языка, например: *йәшел сирәм сир кыуыр* 'зеленая целина болезнь прогоняет', *кара һыуык карзан яман* 'сухой, без снега, холод (букв. черный холод) хуже снега', *кыззың күзе кызылда* 'букв. глаза девушки на красном (то есть на красивом)'. Отмечено, что в пословицах наиболее активно употребляются цветообозначения *кара* 'черный', *ак* 'белый', *кызыл* 'красный', *һары* 'желтый', *күк* 'синий'. В своем исследовании Ф.Г. Хисамитдинова делает выводы о том, что «в семантическом плане цветообозначения в паремиях в основном совпадают со значениями, нашедшими отражение в Толковом словаре башкирского языка (М., 1993). Однако не все цветообозначения и не во всех значениях функционируют в паремиях. Причины этого, по-видимому, обусловлены спецификой жанра, связанной с краткостью, дидактичностью, обобщенностью паремий» [Хисамитдинова 2013: 61–68].

Р.Н. Хадыева затрагивает вопросы этнокультурной семантики цветообозначений башкирского языка. Автор отмечает, что «в языковой системе цветовые обозначения выполняют огромную нагрузку. Они служат не только определениями многоцветных предметов окружающей действительности, но и являются их символическими обозначениями, условными знаками, которые принято в науке называть нецветовыми значениями цветовых обозначений» [Хадыева 2005: 106–110].

В исследованиях М.Р. Валиевой освещаются вопросы номинативной функции колористической лексики в башкирском словообразовании; цветоведения и глаголообразующих наименований цветов в башкирских народных песнях; символики цвета и ее роли в романе «Иргиз» Х. Давлетшиной [Валиева 2017а, 2017б, 2018].

Проводились исследования цветообозначений в составе ономастической лексики башкирского языка. Например, в одной из работ, посвященных изучению особенностей географических названий, отмечается, что символическая

семантика цветообозначений приобретает особую значимость в топонимах [Цветобозначения... 2019: 140–159]. Цветотопонимы составляют 6 % всех башкирских топонимов. Наиболее активными в образовании названий топообъектов являются лексемы *ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’, *кызыл* ‘красный’, *һары* ‘желтый’, *ала* ‘пегий’, *күк* ‘синий’, *сыбар* ‘пестрый’, что, во-первых, свойственно тюркской топонимии в целом, во-вторых, отражает цветовую характеристику географических объектов окружающей природы в местности, где проживают башкиры. Словообразовательная структура башкирских топонимов с компонентами-цветобозначениями сводится к следующим моделям: «цветобозначение + географический термин», «цветобозначение + зооним», «цветобозначение + фитоним», «цветобозначение + название минерала, горной породы», «цветобозначение + название постройки, сооружения», «топонимы, производные от антропонимов, этнонимов», «топонимы, состоящие только из цветообозначения». Наибольший интерес в плане отражения национального мировидения башкир, как отмечают авторы, представляют топонимы, образованные по модели «цветобозначение + географический термин». В топонимах такого типа цветообозначения определяют не только цвет самих географических объектов, но и характеризуют цвет горных пород, отражают воспринимаемый цвет водоемов, являются носителями коннотативной и мифологической семантики [Цветобозначения... 2019: 140–141].

Цветобозначениям в составе башкирских топонимов посвящено также исследование коллектива авторов, в котором предпринимается попытка объяснить происхождение названий географических объектов с компонентами *ак* ‘белый’ и *кара* ‘черный’ на основе широкого привлечения фактов мифопоэтической символики [Color symbolism... 2016: 12281–12288].

Башкирские оронимы, мотивированные цветовой характеристикой, стали объектом внимания в работе Н.А. Ласыновой [Ласынова 2012: 955–956]. Автор подчеркивает, что цвет орообъекта связан обычно с преобладающей цветовой гаммой растительности, произрастающей на нем, либо с разновидностью почв и

пород, слагающих данный географический объект. Поэтому цветообозначающие слова в составе оронимов помогают определить и охарактеризовать разнообразные физико-географические свойства обозначаемых объектов. Выявлено, что в образовании оронимов юго-восточного Башкортостана наибольшую активность проявляют имена прилагательные *ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’, *кызыл* ‘красный’, *һары* ‘желтый’, *күк* ‘синий, голубой’, *бурыл* ‘чалый, серый’, *ала* ‘пегий’, *сыбар* ‘пестрый’.

Компонентам-цветообозначениям в башкирских этнонимах посвящена работа З.Г. Ураксина, в которой подчеркивается широкая представленность цветовых названий в составе родоплеменных названий башкир. По его мнению, цветообозначения в них могут употребляться в двух случаях: во-первых, как первая часть составного этнонима, чаще всего родового подразделения, с различительной функцией (*ак кытсак* ‘букв. белые кыпчаки’, *кара кытсак* ‘букв. черные кыпчаки’); во-вторых, в качестве этнонима самостоятельно (*каралар* ‘букв. черные’). В работе также дается историко-этимологический анализ цветообозначения *коба* ‘светло-желтый, бледно-бурый, палевый’, которое образует этнонимы как в башкирском, так и в других тюркских языках [Ураксин 1987: 127–132].

В некоторых исследованиях затрагивается вопрос цветовой геосимволики башкир, сохранившейся в топонимии Республики Башкортостан. В одной из работ такого характера авторы отмечают, что четыре цветообозначения башкирского языка фигурируют в следующих гидронимах:

– *Каризел* ‘букв. черная / северная река’ (река Караидель / Уфимка, протекает в северной части Республики Башкортостан);

– *Агизел* ‘букв. белая / южная река’ (река Агидель / Белая, протекает большей частью на юге Республики Башкортостан);

– *Күгизел* ‘букв. синяя / западная река’ (река Дема, протекает на западе Республики Башкортостан);

– *Оло Кызыл* ‘букв. большая красная / восточная (река)’ (река Большой

Кизил, протекает на востоке Республики Башкортостан) [Цветобозначения... 2019: 152–153].

Исследователи подчеркивают, что цветовая геосимволика у башкир отличается от геосимволики других тюркских народов в обозначении запада, востока, юга (по А.Н. Кононову: черный – север; желтый, белый – запад; синий – восток; красный – юг)¹. Предполагается, что эти отличия могут быть связаны с архаическими представлениями древних башкир, которые называли стороны света относительно пещеры Шульганташ («центральной местной святыни»), располагающейся в центральной части территории проживания башкирских племен [Котов 2006: 325, Цветобозначения... 2019: 152–153].

В то же время авторами приводится и другое мнение, согласно которому метафорическое использование башкирских цветобозначений вытекает из мирозерцания башкир. Кочевники ориентировались на просторах по движениям небесных светил и определяли время суток по цвету неба и окраске небосвода во время восхода и заката солнца, неравномерной освещенности южных и северных частей топообъекта (например, гор). У башкир восход ассоциируется с красным, розовым цветами, что зафиксировано в выражениях: *ал таң* ‘алый рассвет’, *кызыл таң* ‘красный рассвет’, *кызарып кояш калкканда* ‘когда, краснея, восходит солнце’. Возможно, красный цвет впоследствии стал употребляться для обозначения востока. Нахождение солнца в южной части небосклона обозначается словосочетаниями *ак көн* ‘белый день’, *көн һарыһы* ‘полдень; дневной свет, светлый день, букв. желтизна дня, желтый день’, следовательно, для башкир белый и желтый цвета символизировали юг. Цвет небосвода во время заката башкирами воспринимался от голубого до темно-синего, что закрепилось в выражениях *бузрап кояш батканда* ‘когда, синея, заходит солнце’, *офок зәңгәрләнә* ‘горизонт голубеет’ (запад в башкирском языке обозначен цветобозначением ‘синий’). Слабая освещенность солнцем северных частей топообъектов (например, склона горы) способствовала развитию значения

¹ А.Н. Кононов относительно подобных расхождений пишет, что «в разное время и у разных народов цветовая символика могла видоизменяться» [Кононов 1978: 159–160].

‘северный’ у слова *кара* ‘черный, темный’ [Цветобозначения... 2019, 140–159].

Цветобозначающая лексика башкирского языка в том или ином аспекте также представлена в монографиях, научных статьях, словарях, выполненных по лексике, ономастике, фразеологии, этнолингвистике, мифологии и т. д. [Камалов 1994, Усманова 1994, Хабибуллина 2008, Хисамитдинова 2010, 2011, 2015, Хусаинова, Габбасова 2013, Шаяхметов, Хусаинова 2020, Ягафарова 2008 и др.].

Наиболее полное лексикографическое описание цветообозначений башкирского языка, включая их прямые, переносные, метафорические, коннотативные, мифологические, этнокультурологические и другие значения, приводится в толковых, двуязычных, терминологических, фразеологических, топонимических, этнолингвистических, лингвокультурологических и других словарях современного башкирского языка [Ишбердин 1986б, БТн 1993а, БТн 1993б, БРС 1996, Ураксин 1996, Фатихов 1997, СТ РБ 2002, Хадыева 2002, Каримова 2005, РБС 2005а, РБС 2005б, Самситова 2006, 2010, Хисамитдинова 2010, 2011, 2015, АСБЯ 2011–2018, Багаутдинова 2012, Сулейманова 2013 и др.].

Отдельно отметим 10-томный «Академический словарь башкирского языка» (Уфа, 2011–2018). Ценность этого лексикографического труда для изучения цветообозначений заключается в том, что если в словарях башкирского языка XX в. аналитические формы названий цвета приведены внутри словарных статей (*ал кызыл* ‘розовато-красный’, *куйы кызыл* ‘темно-красный, багровый, букв. густо-красный’, *зәңгәр күк* ‘лазурный, небесно-голубой, букв. голубовато-синий’, *кара күк* ‘темно-синий’, *карагускыл күк* ‘сизый, букв. темно-синий’, *кызыл күк* ‘фиолетовый, букв. красно-синий’, *тимер күк* ‘стальной (о цвете), букв. синий, как железо, сталь’, *сейә көрән* ‘темно-вишневый, бордовый, букв. вишнево-коричневый, вишнево-фиолетовый’, *һары көрән* ‘рыжевато-бурый, ржавый, букв. желто-коричневый’, *кан ерән* ‘красно-рыжий, медно-красный, букв. кроваво-рыжий’, *кола ерән* ‘булано-рыжий’, *сагыу ерән* ‘ярко-рыжий’ [МФБЛ]), то в «Академическом словаре башкирского языка» каждая из них представлена отдельной словарной статьей. Например, в словаре отдельно выделены такие

сложные названия, как *кызгылт һары* ‘оранжевый, букв. красновато-желтый’, *кан кызыл* ‘ярко-красный, букв. кроваво-красный’, *карагускыл кызыл* ‘пурпурный, букв. темно-красный’, *кызгылт көрән* ‘красновато-бурый’ и др. [АСБЯ 2011–2018].

В исследованиях по башкирской диалектологии можно найти сведения об особенностях употребления цветообозначений в том или ином диалекте и говоре. С 20-х гг. XX в. учеными-башкироведами ведется работа по изучению живых народных говоров башкирского языка. В результате многочисленных экспедиций были изданы фундаментальные труды по диалектам и говорам башкирского языка: монографии по всем трем диалектам (южному, восточному, северо-западному) [Максютова 1976, Миржанова 1979, 1991, 2006], по отдельным говорам (демскому, среднеуральскому; говорам, находящимся в иноязычном окружении) [Максютова 1996, Дильмухаметов 2006, Яруллина 2009], трехтомный словарь башкирских говоров [Бһһ 1967, 1970, 1987], сводный словарь диалектов [ДСБЯ 2002] и диалектологический атлас [ДАБЯ 2005].

Так, в упомянутых выше источниках можно обнаружить семантические различия в значениях некоторых названий цвета, например, в среднем говоре южного диалекта слово *йәшел* употребляется в значении ‘голубой’, тогда как в литературном языке и других говорах оно обозначает зеленый цвет [Бһһ 1970: 99]. В демском говоре отчетливо выделяется значение ‘серый’ лексемы *күк*, которая в других говорах указывает на синий, голубой цвета [Бһһ 1970: 116]. В диалектах и говорах наблюдаются особенности употребления того или иного названия цвета в составе терминов, например: ик.-сакм. *сәңгәр, зәңгәрләр* ‘молодняк летнего окота, букв. голубой / голубые’ [Миржанова 1979: 90], демск. *агүзәк* ‘спинной мозг, букв. белый стержень / сердцевина / центр’ [Миржанова 1979: 240], танып. *кара әсбе* ‘дифтерия, букв. черная сыпь’, *кызыл әсбе* ‘скарлатина, букв. красная сыпь’ [Миржанова 2006: 129], среднеур. *кара сәпсек* ‘воробей, букв. черный воробей’ [Дильмухаметов 2006: 104], инзер. *күкһыу* ‘сыворотка из-под простокваши, букв. синяя вода’ [Бһһ 1970: 116], танып. *кара кесерткән* ‘яснотка белая, крапива

глухая, букв. черная крапива' [Бһһ 1970: 134]. Как видим, в названиях с компонентами-цветообозначениями отражаются особенности языковой картины мира носителей того или иного диалекта или говора башкирского языка.

Таким образом, в тюркологических научных изысканиях цветообозначающая лексика рассматривается со следующих позиций, во-первых, описывается история возникновения и развития цветообозначений того или иного языка; во-вторых, исследуются семантические и структурные характеристики, словообразовательная функция цветонаименований; в-третьих, выявляются особенности употребления названий цветов в фольклорных и художественных произведениях; в-четвертых, разрабатывается лексикографический аспект названий цвета; в-пятых, проводится этимологический анализ цветообозначений и т. д. Тем не менее, несмотря на наличие обширного количества исследований по тюркским колоративам, тема цветообозначений в тюркологии остается до конца не изученной, в связи с чем появляются научные работы, выполненные с учетом современных тенденций и методов изучения данного класса лексики.

1.4. К проблеме классификации цветообозначений в лингвистике

В лингвистической науке существуют различные подходы к проблеме классификации цветообозначений. Изучая вербализацию цветового восприятия, лингвисты подразделяют лексемы, обозначающие цвет, на основные и оттеночные цветообозначения, основные и неосновные слова, цветообозначения с неограниченной предметной сочетаемостью и ограниченно-предметным сочетанием и т. д. Имеющееся разнообразие классификаций говорит об отсутствии единых принципов систематизации названий цвета.

Одним из распространенных принципов классификации названий цвета является выявление так называемых основных цветов. В основе данного принципа лежит различие цветов преимущественно по оттенкам. Как известно, Аристотель в качестве основных выделил черный, белый и желтый, И. Ньютон – семь основных цветов. В научной литературе, посвященной цветам, существует

мнение, что красный, синий и желтый цвета являются первичными (базовыми) цветами, а все остальные образуются при смешении этих цветов и называются вторичными или даже третичными [Гатаева 2022: 134].

Как упоминалось выше, Б. Берлин и П. Кей на основе данных около 80 языков разных языковых семей установили некоторые закономерности устройства системы цветообозначений, выделив при этом 11 основных названий цвета: белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый, серый [Berlin, Kay 1969: 2].

Р.М. Фрумкина отмечает, что в русском языке «наивная картина мира» включает «семь цветов радуги», а также розовый, коричневый и так называемые ахроматические цвета – черный, белый, серый. Эти цвета, по Р.М. Фрумкиной, носители русского языка считают «основными». Малоупотребительные второстепенные имена цвета исследователь называет «прочими». Кроме того, она выделяет 32 «базовые» цветовые лексемы, смысл которых известен всем носителям языка (алый, вишневый, бордовый, малиновый, морковный, апельсиновый, медный, песочный и т. д.) [Фрумкина 2001: 64–85].

В.И. Иваровская называет десять основных цветов: белый, красный, синий, зеленый, желтый, коричневый, серый, черный, оранжевый, фиолетовый. В основе ее классификации лежит так называемый «полевой» принцип деления: все перечисленные цвета обладают способностью входить в состав цветовых полей. Кроме того, цветоименования рассматриваются ученым с позиции мотивированности и немотивированности [Иваровская 1998: 104–109].

В исследованиях Э. Рош в области цветообозначений используется понятие прототипа. Прототип – это такой член категории, который максимально полно воплощает характерные для данной категории свойства и особенности, поэтому цветообозначения можно квалифицировать по принципу соотнесенности с цветовым прототипом (изумрудный – ‘это такой зеленый’, салатный – ‘это тоже зеленый’, где зеленый – это прототип, имя категории, а оттенки – члены

категории). Категория понимается как имеющая центр и периферию, то есть «более прототипические» и «менее прототипические» члены [Rosch 1977].

Ю.Д. Апресян кладет в основу деления цветowych прилагательных семантический признак предельности, по которому максимальной степени определенного цвета будет соответствовать середина соответствующего участка спектра, и уклонение в одну сторону будет давать постепенный переход в оранжевый цвет, а в другую сторону – в фиолетовый [Апресян 1995: 44].

В работе А.А. Брагиной говорится об основных (абсолютных) и оттеночных цветообозначениях. Абсолютные цветоименования, как отмечает автор, делятся на хроматические, называющие семь цветов радужного спектра (*красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый*), и ахроматические (*белый, серый, черный*). Остальные цветоименования называют оттеночными, среди которых есть однословные цветowe прилагательные и аналитические цветоименования [Брагина 1972: 84].

Ю.В. Дюпина, Т.В. Шакирова, Н.А. Чуманова предлагают классификацию однословных и аналитических (сложных, составных) цветоименований. Однословные цветowe прилагательные представлены следующими типами: а) вторичной номинации (*сиреневый, молочный*); б) без ясно прослеживающейся этимологии (*бурый, алый*); в) с ограниченной сочетаемостью (*белокурый, карий*); г) заимствованные (*индиго*); д) неологизмы и архаизмы (*смарагдовый, кубовый*); е) терминологические (*кобальт, ультрамарин*); ж) окказионализмы (*полунебесный, то есть светло-голубой*). Аналитические (сложные, составные) цветоименования также подразделяются на несколько типов: а) с формантами *ярко-, светло-, темно-, нежно-*, обозначающими интенсивность окраски (*ярко-зеленый*); б) цветоименования, представляющие названия смешанных цветов или разноцветных объектов (*сине-белый, желто-зеленый*); в) конструктивно-сложные (генетивные) цветообозначения (*цвета меда, цвета слоновой кости*), г) сравнительные обороты (*щечки как маков цвет*) и т. д. [Дюпина, Шакирова, Чуманова 2013: 220–221]. Как видим, в данной классификации оттеночные

цветонаименования характеризуются исходя из нескольких принципов их деления (по структуре, происхождению, сфере применения, сочетаемости и т.д).

А. В. Дыбо, Т. А. Михайлова, Ю. В. Норманская предлагают классификацию цветообозначений, основанную на характере их сочетаемости:

1) основные слова – наиболее употребительные цветообозначения с неограниченной предметной сочетаемостью;

а) неосновные слова – цветообозначения, сферы употребления которых являются подмножествами сфер употребления основных цветообозначений. Среди них выделяются: а) оттенки (цветообозначения для части спектра, являющейся «куском» части спектра, обозначенным каким-либо цветообозначением); б) предметно-ограниченные цветообозначения (масти животных, цвета автомобилей...) [Дыбо, Михайлова, Норманская 2002: 9–10].

Также существуют классификации цветообозначений, в основу которых положен принцип их структуры. Е.А. Косых разделяет цветонаименования на две группы: прилагательные и сочетания, выполняющие функцию цветowych прилагательных. Ученый отмечает, что система цветообозначений в русском языке по структуре представлена следующими номинативными единицами: 1) моноксеммы; 2) сложные прилагательные, в структуре которых выделяются, как правило, два или три корня-основы, представляющие собой названия равноправных цветов и оттенков, либо название цвета с уточнением его интенсивности; 3) сложные цветообозначения со структурой «существительное *цвет* + имя существительное» (*цвета хаки*); 4) сложные цветообозначения со структурой «существительное *цвет* + имя прилагательное + имя существительное» (*цвет мокрого асфальта, цвет старой розы*) [Косых 2002: 29].

Для другого типа классификации определяющим признаком служит часть речи цветообозначения. Я. Мерзук предлагает классификацию, где главным признаком является употребление наименования на основе частеречной сочетаемости: прилагательные (*белый цвет*), наречия (*красно-синий*), существительные (*парижская зелень*) [Мерзук 1997: 12].

Е. Штенгелов разработал классификацию названий цвета по их основным функциям. Он выделяет три функции цветообозначающей лексики: 1) смысловая (розовый цвет лица – признак завидного здоровья персонажа; рыжеватость сапог – свидетельство их поношенности); 2) описательная (привлекается, чтобы описание стало зримым, выпуклым); 3) эмоциональная (воздействие на чувства человека определенных цветов, их сочетаний) [Штенгелов 1970: 25].

В.Н. Рябова за основу классификации цветообозначений берет названия предметов-эталонов, от которых произошли вторичные цветовые прилагательные. Согласно этому принципу, она выделяет следующие названия цвета: наименования по цвету природных материалов (*аквамариновый, золотой, изумрудный, рудой, соломенный, угольный, землистый*), наименования по цвету растений (*лиловый, розовый, сиреневый*), наименования по цвету продуктов питания (*кофейный, кремовый, горчичный, фисташковый, сахарный, молочный*) [Рябова 2002: 15].

Таким образом, на сегодняшний день известны различные подходы к классификации цветообозначений. Большинство ученых за основу систематизации этого класса лексики берут физические данные цвета и разделяют названия на основные и оттеночные цветообозначения. Также распространен принцип классификации цветонаименований по структуре. Существуют классификации, по которым названия цвета группируются по сочетаемости, происхождению, сфере применения и т.д. Следует отметить, что при классификации цветообозначений важно учитывать те принципы, выбор которых соответствует целям и задачам конкретного исследования.

Выводы по главе 1

1. Цвет представляет собой сложный физический феномен, имеющий множество параметров. В языке отражаются такие характеристики цвета, как цветовой тон, насыщенность и светлота, которые являются взаимосвязанными физическими величинами. Любое название хроматического или ахроматического

цвета имеет определенную семантическую структуру, отражающую следующие его физические параметры: а) цветовой тон, б) светлоту, в) цветовой тон и светлоту, г) цветовой тон и насыщенность.

2. Понятие «цвет» может существовать только в связи с понятием «восприятие цвета». А восприятие и номинация цвета связаны со спецификой мировоззрения человека. Поэтому физические параметры цвета и их отражение в языке могут не всегда быть пропорциональными: например, выделенный в физике отдельным цветом участок спектра может и не обозначаться отдельным словом в том или ином языке в связи с тем, что этот участок спектра не воспринимается носителем языка как самостоятельный цвет. Также нет определенных критериев отнесения лексем к основным цветообозначениям (основными считать названия цветов, выделенных как основные по физическим параметрам, или же производные слова, за которыми закреплены не только названия основных цветов, но и неспектральных и оттеночных цветов?)

3. Выделяют названия с неограниченным предметным сочетанием и слова с ограниченной лексической сочетаемостью. Названия с неограниченным предметным сочетанием применимы для описания окраски любого предмета. Слова с ограниченной лексической сочетаемостью могут вступать в сочетания лишь с ограниченным количеством (или единицами) слов (например, названия мастей животных, цветов автомобилей и т. д.).

4. В семантике цвета интерес представляет связь цветообозначения и названия предмета, обозначаемого им. В одних случаях название объекта происходит от названия цвета (др.-русск. *зьльчъ* / *жьльчъ* < *зеленый*), в других – цветообозначение, наоборот, может происходить от названия эталона цвета (ПТЮ. **Kiř-il* ‘красный’ < **Kiř-* ‘накаляться’).

5. В лингвистике в качестве цветообозначений рассматриваются названия основных цветов и их оттенков, а также лексемы, называющие смешанные цвета и масть лошади.

6. Цветонаименования, их происхождение, развитие, номинативная функция, связь названий цветов с их местом в культуре того или иного народа, а также другие аспекты цветообозначений рассматриваются как в мировой, так и в российской лингвистике. В языкознании исследователей интересуют не сам цвет как таковой, а слова, обозначающие цвет, а также их семантика.

7. В тюркологической науке цветообозначения являются объектом внимания в исследованиях, проводимых в различных аспектах. Особенности семантики, развития и функционирования цветообозначений изучались как в отдельных языках, так и в тюркских языках в целом. В башкирском языкознании также имеются работы, затрагивающие отдельные аспекты изучения цветообозначающей лексики.

8. На сегодняшний день известны различные подходы к классификации цветообозначений. Большинство ученых за основу систематизации этого класса лексики берут физические данные цвета и разделяют названия на основные и оттеночные цветообозначения. Также распространен принцип классификации цветонаименований по структуре. Существуют классификации, по которым названия цвета группируются по происхождению, сочетаемости, сфере употребления и т. д.

ГЛАВА 2. ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БАШКИРСКИХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ

2.1. Цветообозначения в башкирском языке тюркского происхождения

2.1.1. Пратюркский пласт цветообозначений башкирского языка

Под пратюркским пластом лексики подразумеваются слова, характерные для пратюркской общности, которая по глоттохронологическим расчетам существовала до отделения болгар (предков современных чувашей) от общей массы тюрков (III в. до н.э.) [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2001: 731–735, Дыбо 2007: 200].

Как отмечает А.В. Дыбо, «тюркское слово может оказаться гапаксом (то есть встретиться только в одном тюркском языке, только в одном письменном памятнике или только в одном месте одного письменного памятника); или, наоборот, оно может быть общетюркским – функционировать во всех тюркских языках, кроме чувашского (булгарской группы) и /или якутско-долганской группы; или же слово может быть пратюркским, представленным во всех тюркских группах и демонстрирующим нетривиальные фонетические соответствия» [Дыбо 2007: 4].

Исходя из вышеизложенного, отметим, что к пратюркскому пласту относятся лексические единицы, имеющиеся во всех подгруппах тюркских языков, включая болгарскую.

Что касается этноса-носителя пратюркского языка периода распада, по языковым данным, он «обитал в регионе, с одной стороны, достаточно гористом (изобилие терминов различных частей горы, специальные слова со значениями ‘переваливать через горы’, ‘северный / южный склон’), с другой стороны, содержащем и степные ландшафты; среди растений и животных, с которыми сталкивались пратюрки, встречались и виды, характерные для южной тайги, и типично степные (ковыль; дрофа)» [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2001: 732]. Исходя из этих данных, прародиной тюрков можно

определить «южную, таежно-степную часть Саяно-Алтая» [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2001: 732].

Эти сведения не противоречат предположениям историков о древнейшем местонахождении тюрков. Согласно историческим источникам, первые сведения, предположительно о тюрках, встречаются в связи с появлением на исторической арене гуннов. Империя гуннов не была моноэтнической, но в ней присутствовал тюркский элемент. Датировка сведений о гуннах (IV–III вв. до н.э.) совпадает с глоттохронологическим определением распада пратюркской общности – отделения болгар от общей массы тюрков. Далее гунны постепенно двинулись на запад.

Языковедов, естественно, интересуют особенности языка, характерного для эпохи до распада тюрков, который называется пратюркским.

Исходя из упомянутого выше критерия определения пратюркского пласта лексики (то есть наличие исконного слова во всех тюркских языках, включая чувашский), мы выявили, что следующие цветообозначения башкирского языка восходят к пратюркским основам: *кара* ‘черный’, *һоро* ‘серый’, *кызыл* ‘красный’, *һары* ‘желтый’, *күк* ‘синий’, *куңыр* ‘бурый, темно-коричневый’, *ерән* ‘рыжий’, *ала* ‘пегий’. Пратюркские корни имеют также некоторые названия мастей животных, древность которых связывается с кочевым скотоводческим образом жизни тюрков: *кола* ‘саврасый, буланный’, *туры* ‘гнедой’.

Кара ‘черный’

1. Черный цвет, как и белый и серый, относится к ахроматическим цветам. Он представляет собой полное отсутствие светового потока от объекта, соответственно, не имеет цветового тона. Эталонами черного цвета являются тьма, уголь, сажа, графит.

2. Черный цвет в башкирском языке обозначается лексемой *кара*. В других тюркских языках эта лексема встречается в разных фонетических вариантах: каз., ккалп., уйг., телеут., туб., шор., тоф. *қара*, тат., ног., караим., кирг., алт., куманд.,

гаг., тув. *кара*, кбалк., кум. *къара*, аз. *qara*, туркм. *гара*, сал. *qara*, узб. *қора*, тур. *kara*, хак., як. *хара*, чув. *хура* [КРС 1958: 375, НРС 1963: 147, ТРС 1968: 154, ТувРС 1968: 226, УРС 1968: 579, ЯРС 1972: 481, ГРМС 1973: 247, КРПС 1974: 290, Тенишев 1976: 117, ТРС 1977: 511, КРС 1985а: 345, ЧРС 1985: 565, КБРС 1989: 389, УРС 1989: 263, ШРС 1993: 22, Бектаев 1995: 275, КРС 1995: 19, ТРС 1995: 36, Кормушин 2001: 592–593, Рассадин 2005: 289, АРС 2006в: 48, ХРС 2006: 805, ТРС 2007а: 532, Дыбо 2013: 167–169, АРС 2015: 62, РТС 2019: 365].

Как видим, данное слово встречается во всех подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его пратюркский характер. Во всех языках основное значение слова – ‘черный’.

Слово *qara* зафиксировано в письменных источниках тюрков в прямом и переносных значениях. Первая его фиксация наблюдается в древнетюркских памятниках: орх., ен., др.-уйг. рун., др.-уйг., крх.-уйг. *qara* [ДТС 1969: 422]. Далее оно встречается в среднетюркских (напр., ср.-кыпч. *qara*) [Курышжанов 1970: 157, Гаркавец 2006: 18] и новотюркских источниках (*qara*) [Будагов 1869: 42–44, Радлов 1899а: 132–142].

3. Пратюркская форма этого цветообозначения восстановлена как **Kara* ‘черный’ [EDAL 2003: 651, Дыбо 2013: 168].

Этимология тюркского *qara* рассматривалась во многих трудах по тюркологии, алтаистике и др. [Егоров 1964: 306, Иллич-Свитыч 1971: 337–338, Кормушин 1971: 16–17, Старостин 1991: 165, Федотов 1996б: 362, ЭСТЯ 1997: 286–287, Ахметьянов 2001: 91, Кормушин 2001: 592–598, EDAL 2003: 651–652, Татаринцев 2004: 96, Дыбо 2013: 167–169].

Исходная семантика слова *qara* определяется как ‘черный’. Вместе с тем И.В. Кормушин на основании анализа значений типа ‘многочисленный; многочисленность, множественность’ у рассматриваемого слова выдвигает предположение о том, что тюркское *qara* этимологически принадлежит корню *qa-* со значением «действия, направленного на достижение какой-либо совокупности предметов». При этом «значение ‘черный’ находит свое место в этой системе как

одно из вторичных», образование которого относится к дальнему состоянию праязыка [Кормушин 2001: 592–596]. И.В. Кормушин также отмечает, что большинство значений слова *qara* лишены цветовой мотивировки, и все они объединяются исходной семой ‘множественности, массовидности’ с дальнейшим развитием в сторону ‘крепкости, силы’, вплоть до абстрактного значения ‘очень’. Цветовая характеристика появляется за счет восприятия, когда масса предметов видится как нечто неопределенное, сливающееся в темное пятно [Кормушин 2001: 592–596].

ПТю. **Kara* ‘черный’ восходит к праалтайской форме **kàru* ‘черный’ [EDAL 2003: 651–652, Дыбо 2013: 168], рефлекс которой наблюдается также в монгольских и японском языках в значении ‘черный’ (халх.-монг. *xar*, бур., орд. *xara*, калм. *xarъ* < ПМо. **kara* ‘черный’; яп. *kuró-*, *kúrò-* < ПЯп. **kùruà-* ‘черный’). Монгольские формы были заимствованы в тунгусо-маньчжурские и корейский языки для обозначения коневодческих терминов (эвенк. *kara* ‘черный (о масти), карий’; маньчж. *qara* ‘чисто черный, вороной’; среднекор. *kara-mǎr*, *kòràtmǎr* ‘лошадь темной масти’) [Старостин 1991: 85, EDAL 2003: 651–652, Дыбо 2013: 168].

4. Рефлексы ПТю. **Kara* употребляются для обозначения черного цвета во всех тюркских языках. Кроме этого, в турецком языке функционирует лексема *siyah* < перс. *siyāh* ‘черный’: *siyah ekmek* ‘черный хлеб’, *siyah palto* ‘черное пальто’, *siyah havuyar* ‘черная икра’. Отмечается, что в турецком идет процесс вытеснения из системы цветообозначений лексемы *kara* словом *siyah*. Если в начале XX в. слово *kara* употреблялось по отношению к природным объектам (в том числе к волосам и глазам человека), а слово *siyah* – к артефактам, то в конце XX – нач. XXI в. слово *siyah* уже вполне нейтрально применяется и к человеку, и к природным объектам, тогда как за словом *kara* остаются в основном значение ‘темный’ и переносные значения [Дыбо 2013: 169].

5. Семантика цветообозначения *kara* ‘черный’ в башкирском языке:

5.1. Основное значение слова *kara* в башкирском языке – обозначение

черного цвета, который ассоциируется с цветом сажи или угля: *кара төтөн* ‘черный дым’, *кара кором* ‘черная сажа’.

Лексема *кара* ‘черный’ в своем основном значении активно выступает в словообразовании: в фитонимах данной лексемой определяется цвет ствола, плода и т. п. (*кара кайын* ‘черная береза’, *кара карагат* ‘черная смородина’); в зоонимах – цвет меха, шерсти животных, перьев птиц (*кара торна* ‘красавка (журавль), букв. черный журавль’) и т. д. Кроме того, рассматриваемое цветообозначение участвует в образовании названий других понятий и терминов: так, баня, топящаяся по-черному, стены и потолок которой закопчены сажей, называется *кара мунса* ‘курная (топящаяся по-черному) баня, букв. черная баня’.

Ср. в источниках: орх. *qara kis* ‘черный соболь’ [Малов 1959: 18, 23], хрз.-тюрк. *qara qulaq* ‘шакал’, ‘рысь’ [Наджип 1975:166]; в других тюркских языках: ног. *кара коьз* ‘черные глаза’, туркм. *гара топрак* ‘чернозем’, хак. *хара торгы* ‘черный шелк’, чув. *хура мунча* ‘курная баня, букв. черная баня’ [НРС 1963: 147, ТРС 1968: 154, ЧРС 1985: 565, ХРС 2006: 805].

Основное значение цветообозначения ‘черный’, естественно, наблюдается во всех тюркских языках, что подтверждает его пратюркский характер.

5.2. Темный: *кара болот* ‘темная туча’, *кара күзлек* ‘темные (солнцезащитные) очки’.

Встречаются названия с компонентом *кара* ‘черный’, где данная лексема применяется для обозначения темного цвета предметов (например, названия разновидностей пищи и продуктов питания): *кара он* ‘ржаная мука, букв. черная мука’, *кара икмәк* ‘ржаной хлеб, букв. черный хлеб’.

В составе аналитических цветообозначений слово *кара* ‘черный’ обозначает темные оттенки того или иного цвета: *кара йәшел* ‘темно-зеленый’, *кара кызыл* ‘темно-красный, бордовый’, *кара күк* ‘темно-синий’.

Ср. в источниках: др.-уйг. *qara tuman* ‘темный туман’ [Малов 1951: 176, 183], ср.-уйг. *tün qarardī* ‘потемнела ночь’ [Боровков 1963: 200]; в других тюркских языках: ног. *кара коьк* ‘темно-синий’, уйг. *қара қизил* ‘бордовый, букв.

темно-красный’, *қара булутлар* ‘черные тучи’, хак. *хара кўрең* ‘темно-коричневый’, як. *хара былыт* ‘готовая пролиться туча’, чув. *хура сёр* ‘темная ночь’, *хура кайвак* ‘темно-синий’, *хура-хёрлэ* ‘темно-красный’ [НРС 1963: 147, УРС 1968: 579, ЯРС 1972: 481, ЧРС 1985: 565, ХРС 2006: 805].

Данное значение является пратюркским, так как оно встречается во всех подгруппах тюркских языков.

5.3. Вороной (о масти лошади). Лошади с черной окраской всего туловища, головы, конечностей, гривы и хвоста в башкирском языке обозначаются цветообозначением *кара: кара ат* ‘вороной конь’.

Ср. в источниках: ср.-кыпч. *qara-qula uvşar* ‘вороной и саврасый уподобились’ [Гаркавец 2006: 14], новотюрк. *qara at* ‘вороная лошадь’ [Радлов 1899а: 133]; в других тюркских языках: уйг. *қара ат* ‘вороной конь’, аз. *гара* ‘вороной’, хак. *хара ат* ‘вороной конь’, чув. *хура ум* ‘вороной конь’ [РАС 1951: 46, УРС 1968: 579, ЧРС 1985: 565, ХРС 2006: 805].

Данное значение наблюдается во всех подгруппах тюркских языков, что позволяет отнести его существование к пратюркскому периоду.

5.4. Темный, неосвещенный, глубокий, бездонный, дремучий, густой. Из значения ‘темный’, описанного выше, вытекают новые семантические оттенки слова *кара*, а именно – усиление признака, с одной стороны, и обозначение темноты, отсутствия света, бездонности, дремучести – с другой: *кара урман* ‘дремучий лес, букв. черный лес’, *кара упкын* ‘бездонная дыра, букв. черная дыра’, *кара тән* ‘глубокая ночь, букв. черная ночь’.

Слово *кара* в значении ‘темный, неосвещенный’ сочетается со словом *тән* ‘ночь’: *кара тән* ‘безлунная и беззвездная темная ночь, букв. черная ночь’. Но все же в башкирском языке для передачи этого значения доминирует слово *караңгы*, производное от *кара* (напр., *караңгы булма* ‘темная комната’), тогда как в некоторых тюркских языках более активно употребляется слово *qara*: туркм. *гаралмак* ‘темнеть’, узб. *қош қорайди* ‘наступили сумерки’, хак. *хараа* ‘ночь’, чув. *хура сёр* ‘темная ночь’ [ТРС 1968: 156, ЧРС 1985: 565, УРС 1989: 263, ХРС 2006: 806].

Ср. в источниках: др.-уйг. *qar qara tünlä* ‘очень темной ночью’ [ДТС 1969: 423]; в других тюркских языках: тат. *кара урман* ‘дремучий лес, букв. черный лес’, хак. *хара тайга* ‘дремучая тайга, букв. черная тайга’, чув. *хура вйрман* ‘темный лес; чернолесье, лиственный лес, букв. черный лес’ [ЧРС 1985: 565, ХРС 2006: 806, ТРС 2007а: 532].

Описываемое значение наблюдается во всех подгруппах тюркских языков, что позволяет отнести его существование к пратюркскому периоду.

5.5. Темный, смуглый (о цвете кожи). Данное значение применяется относительно темного, смуглого цвета кожи: башк. *кара егет* ‘смуглый парень; брюнет’, *кара һылыу* ‘брюнет-красавец; красавица-смуглянка’.

Ср. в других тюркских языках: каз. *қара торы бала* ‘смуглолицый мальчик’, тур. *kara kız* ‘смуглянка, брюнетка’, уйг. *қарақомчақ* ‘смуглый’, як. *хара бараан* ‘смуглый’, чув. *хура хёрача* ‘смуглая девочка’ [УРС 1968: 580, ЯРС 1972: 481, ТРС 1977: 511, ЧРС 1985: 565, Бектаев 1995: 275].

Рассматриваемое значение наблюдается во всех подгруппах тюркских языков, что позволяет отнести его существование к пратюркскому периоду.

5.6. Темнокожий (о негроидной расе). Лексемой *кара* ‘черный’ также обозначается цвет кожи людей негроидной расы: *кара тәнлеләр* ‘темнокожие’, *кара халык* ‘темнокожий народ’.

Ср. в источниках: др.-уйг. рун. *кара баш* ‘раб и рабыни, букв. черноголовый’ [Малов 1959: 53], хрз.-тюрк. *qara qul* ‘темнокожий раб, букв. черный раб’ [Наджип 1975: 82]; в других тюркских языках: тат. *кара тәнле кеше* ‘темнокожий человек’, аз. *гара әрәб* ‘негр, букв. черный араб’, шор. *қарачақ* ‘темнокожий’, чув. *хура ўтлисем* ‘чернокожие’ [АРС 1941: 73, ЧРС 1985: 565, ТРС 2007а: 532].

Указанное значение наблюдается во всех подгруппах тюркских языков, что позволяет отнести его существование к пратюркскому периоду.

5.7. Поздний, ранний. В этом значении слово употребляется в сочетании с темпоральной лексикой (*кис* ‘вечер’, *таң* ‘утро’, *көз* ‘осень’, *яз* ‘весна’), а также с

лексемой *йәш* ‘год, лет’, обозначающей возраст: *кара кис* ‘поздний вечер, букв. черный вечер’, *кара таң* ‘раннее утро, букв. черный рассвет, черное утро’, *кара яз* ‘ранняя весна, букв. черная весна’, *кара көз* ‘поздняя осень, букв. черная осень’. В выражении *кара йәштән* ‘с ранних лет, букв. с черных лет’ наблюдается метафорический перенос значения *кара*: ‘ранний (относительно времени суток и года)’ → ‘ранний (относительно возраста)’.

Ср. в других тюркских языках: ккалп. *эртеден қара кешке шекем* ‘с утра до поздней ночи, букв. с утра до черной ночи’, уйг. *қара сәхәрдә* ‘ранним утром, букв. черным утром’, хак. *хара иртен* ‘ранним утром, букв. черным утром’, *хара кичигдөк* ‘в раннем детстве, букв. в черном детстве’, *хара пурун* ‘далекая древность, букв. черная древность’, як. *хара ааныттан* ‘с самого начала, букв. с черного начала’, чув. *хура кёр* ‘поздняя осень, букв. черная осень’ [КРС 1958: 375, УРС 1968: 579, ЯРС 1972: 481, ЧРС 1985: 565, ХРС 2006: 806].

Значение является пратюркским, так как оно наблюдается во всех подгруппах тюркских языков.

5.8. Грязный, испачканный. Метафорическое переосмысление значения ‘черный’ → ‘грязный’ произошло в связи с тем, что пыль, земля и все другое, что пачкает, в основном имеет черный цвет: *кара кер* ‘грязное белье, букв. черное белье’, *бите кара* ‘лицо его грязное, букв. черное’, *күлдәге карайган* ‘платье стало грязным, букв. черным’.

Ср. в источниках: крх.-уйг. *tonqa qara juquldi* ‘к одежде пристала грязь (букв. черное)’ [Кашгари 2005: 908–909]; в других тюркских языках: туркм. *гарасыны айырмак* ‘удалять пятно, букв. удалять черное’, уйг. *қара жуқтурмақ* ‘пятнать, запятнать, букв. прихватить черное’, як. *хараар-* ‘загрязнять, пачкать, букв. чернить’, чув. *ачан тичё хура* ‘лицо у ребенка грязное, букв. черное’ [ТРС 1968: 154, УРС 1968: 579, ЯРС 1972: 482, ЧРС 1985: 565].

Значение также является пратюркским, так как оно наблюдается во всех подгруппах тюркских языков.

5.9. Бесснежный (о поздней бесснежной осенней поре). Данное значение

появилось, возможно, в результате метафорического переноса ‘большое, видимое как темное’ → ‘земля’ → ‘черная земля’ → ‘бесснежный’ → ‘поздняя бесснежная осенняя пора’: *кара туңгак* ‘осенние бесснежные морозы, букв. черная мерзлая земля’, *кара һыуык* ‘мороз без снега, сухой мороз, букв. черный мороз’.

Ср. в других тюркских языках: кирг. *кара тартып* ‘в поисках не покрытого снегом места, букв. в поисках черного’, тув. *кара кыш* ‘бесснежная зима, букв. черная зима’, як. *хара сир* ‘земля, не покрытая снегом, букв. черная земля’, чув. *хура сул* ‘бесснежная дорога, букв. черная дорога’ [Ашмарин 1941: 197, ТувРС 1968: 226, ЯРС 1972: 481, КРС 1985а: 346].

Это значение является пратюркским и наблюдается во всех подгруппах тюркских языков.

5.10. Подземный, родниковый. По мнению топонимистов, в тюркской гидронимии слово *qara* ‘черный’ является определением родниковой, земляной, бьющей из-под земли воды: *кара суу* ‘подземные воды, букв. черная вода’ [Кононов 1954: 83–85, Молчанова 1979: 51, Григорьев 1985: 106]. В башкирской топонимии встречаются множество названий с компонентом *кара*: *Караболак* ‘букв. черный родник’ (родник в Архангельском районе Республики Башкортостан), *Каракул* ‘букв. черное озеро’ (озеро в Дуванском районе Республики Башкортостан) и др.

Ср. в других тюркских языках: аз. *гара су* ‘болотистая вода, букв. черная вода’, хак. *хара суг* ‘родник, букв. черная вода’ [АРС 1941: 73, ХРС 2006: 805–806].

5.11. Простой, непросвещенный, необразованный. Судя по выражениям, закрепленным в башкирском языке, произошел метафорический перенос ‘большое, видимое как темное’ → ‘земля’ → ‘большой, обильный, масса’ → ‘массовидный, однородный’ → ‘простой, обыкновенный’: *кара халык* ‘простой народ, простолюдин’, *кара мужик* ‘необразованный мужик’ [БРС 1996: 349, АСБЯ 2013: 228–229]. В дальнейшем в развитии значения слова наблюдается следующий метафорический перенос ‘необразованный’ → ‘глупый’: *кара һарык*

‘глупый (о человеке), букв. черная овца’. Перенос ‘простой’ → ‘нерелигиозный’ имеется в выражениях *кара дога* ‘языческая молитва, букв. черная молитва’; перенос ‘необразованный’ → ‘обыкновенный, простой’ (относительно опыта, подсчетов) – в выражениях *кара акыл* ‘(жизненный) опыт, букв. черный ум’, *кара ицэп* ‘грубый, приблизительный подсчет, букв. черный подсчет’.

Ср. в источниках: ен. *qara budun* ‘простой народ, букв. черный народ’ [Малов 1952: 41], др.-уйг. *qara nom* ‘темное учение’ [ДТС 1969: 287]; в других тюркских языках: ног. *кара халк* ‘простонародье, букв. черный народ’, туркм. *гарамаяк* ‘простонародье, букв. черный народ’, хак. *хара чон* ‘народ, простолюдин, букв. черный народ’, чув. *хура халӑх* ‘черный люд, крестьянин, букв. черный народ’ [НРС 1963: 147, ТРС 1968: 157, ЧРС 1985: 565, ХРС 2006: 806].

Указанное значение является пратюркским и наблюдается во всех подгруппах тюркских языков.

5.12. Черный, неквалифицированный, подсобный, рабочий. В результате метафорического переосмысления ‘простой’ → ‘черный, неквалифицированный, подсобный’ прилагательное *кара* ‘черный’ стало употребляться в выражениях, где подразумевается тяжелый физический труд, а также труд, не требующий определенных теоретических и специальных знаний в какой-либо области: *кара кәс* ‘физическая сила, букв. черная сила’, *кара эш* ‘тяжелый физический труд, букв. черный труд’, *кара эшсе* ‘чернорабочий’ [БРС 1996: 349, АСБЯ 2013: 228–229].

Значение ‘подсобный’ зафиксировано и в названиях вспомогательных, подсобных помещений: *кара өй* ‘кухня; подсобное помещение, букв. черная изба / дом / жилище’, *кара аласык* ‘летняя кухня без печной трубы, букв. черная летняя кухня’.

Ср. в источниках: др.-уйг. *qara ton* ‘рабочая одежда, букв. черная одежда’ [ДТС 1969: 423]; в других тюркских языках: кирг. *кара алачык* ‘бедная юрта, букв. черная летняя кухня’, уйг. *қара өй* ‘юрта, кибитка, букв. черное жилище’, як. *хара*

улэ ‘физическая работа, букв. черная работа’, чув. *хура нурт* [УРС 1968: 579, ЯРС 1972: 481, КРС 1985а: 346].

Значение также является пратюркским, так как оно наблюдается во всех подгруппах тюркских языков.

5.13. Сильный, очень. В результате метафорического переноса ‘множество, масса’ → ‘сильный, обильный, многочисленный’ → ‘сильный, очень’ прилагательное *кара* ‘черный’ приобрело множество новых значений: *кара аслык* ‘сильный голод, букв. черный голод’, *кара тир* ‘обильный пот, букв. черный пот’, *кара тир түгеу* ‘сильно стараться, соотв. до седьмого пота, букв. проливать черный пот’, *кара һыуга батыу* ‘вспотеть, букв. покрыться черной водой / потом’, *кара һыуык* ‘сильные морозы, букв. черный мороз’, *кара буран* ‘вихрь, сильный ветер без снега, букв. черная метель’, *кара ел* ‘резкий осенний ветер, букв. черный ветер’, *кара яу* ‘несметное войско, рать, букв. черное войско’.

Слово *кара* также несет семантику ‘непроходящий, очень сильный (о тяжелой форме некоторых болезней)’: *кара һары* ‘тяжелая форма гепатита, букв. черный гепатит’, *кара кылау* ‘катаракта, букв. черное бельмо’, *кара сәсәк* ‘черная оспа’, *кара бизәу* ‘бесплодная (о женщине), букв. черное бесплодие’ (в противоположность к словосочетанию *ак бизәу* ‘вторичное бесплодие, букв. белое бесплодие’).

Ср. в источниках: др.-уйг. *qara jel* ‘сильный неистовый ветер, шторм, букв. черный ветер’ [ДТС 1969: 423], ср.-кыпч. *küsten qara çinlamiş* ‘сильно стонала корова’ [Гаркавец 2006: 18]; в других тюркских языках: тат. *кара явым* ‘очень сильные осадки, черное ненастье, букв. черные осадки’, кирг. *орчун кара кол* ‘большое многочисленное, букв. черное, войско’, аз. *гарайел* ‘суховей, букв. черный ветер’, уйг. *қара соғақ* ‘жгучий мороз, букв. черный мороз’, тув. *кара хөктүг* ‘очень смешной, букв. черный смешной’, хак. *хара силегей* ‘обильное слюноотделение, букв. черная слюна’, як. *хара уу буол-* ‘промокнуть до ниточки, букв. быть в черной воде’, чув. *хура сарамак* ‘чахотка, туберкулез, букв. черная болезнь’, *хура чир* ‘проказа, букв. черная болезнь’ [АРС 1941: 73, ТуВРС 1968:

226, УРС 1968: 579, ЯРС 1972: 481, КРС 1985а: 346, ЧРС 1985: 565, ХРС 2006: 806, ТРС 2007а: 532].

Значение является пратюркским, так как оно наблюдается во всех подгруппах тюркских языков.

5.14. Великий, могучий, грозный, страшный. Данные значения развиваются на базе семы 'сильный'. Они присутствуют в этнонимах и антропонимах: *кара хан* 'великий хан'.

А.Н. Кононов, опираясь на исследования предшественников, приводит такие примеры, как *kara aygır* 'могучий жеребец, букв. черный / вороной жеребец' (в эпосе «Китабе-и Дедем Коркут»), *kara polat kılıc* 'крепкий булатный меч, букв. черный булатный меч'. Он пишет, что *қара* является синонимом храбрости и силы. Ученый также ссылается на В.В. Бартольда, который отмечает, что *қара* в названии *Қара деңиз* 'Черное море' обозначает не 'черное', а 'большое, могучее, страшное' (море) [Кононов 1978: 162–164].

5.15. Основной, главный. В башкирской этнонимии значение 'сильный' было переосмыслено как 'основной, главный'. В названиях племен компонент *кара* 'черный' обозначает главный род или племя: *кара кыпсак* 'основной племяобразующий компонент племени кыпчак, букв. черные кыпчаки', *кара табын* 'главные табынцы, букв. черные табынцы', *кара башкорт* 'настоящий, истинный башкир, букв. черный башкир'.

5.16. Большой, обильный / народ, народная масса, толпа, люди. Много значений слова связаны с метафорическим переносом 'большое, видимое как темное' → 'земля' → 'большой, обильный, масса': башк. *каранан йәшенеп кән итеү* 'жить, скрываясь от людей, букв. от черного', *карага күренеү оят* 'стыдно показаться людям, букв. черному'.

Ср. в источниках: орх. *qarasın jüydım* 'я народ их поразил' [Малов 1959: 9, 10].

5.17. Одинокий (о человеке). Развитие данного значения слова выглядит так: 'масса' → 'человек' → 'одинокий (о человеке)': *кара баш* 'одинокий, совсем

один, *букв.* черная, то есть одинокая, голова’, *кара башым тороп калдым* ‘остался совсем один, *букв.* осталась моя черная голова’.

Ср. в других тюркских языках: каз. *қарабасы* ‘одинокий, *букв.* черная голова’, туркм. *гара башы* ‘одинокий, *букв.* черная голова’, хак. *хара чалгыс* ‘совершенно одинокий, *букв.* черный одинокий’ [ТРС 1968: 155, Бектаев 1995: 275, ХРС 2006: 806].

5.18. Однородный, без примеси, без добавок, незаправленный. Метафорический перенос ‘множество, масса’ → ‘однородный, без примеси, без добавок, незаправленный’ наблюдается в выражениях *кара азык* ‘постная пища, *букв.* черная пища’, *кара бутка* ‘каша без жира, *букв.* черная каша’, *кара һыуга һимереу* ‘поправляться даже от одной воды, *букв.* поправляться от черной воды’.

Ср. в других тюркских языках: тур. *kara et* ‘постное (нежирное) мясо, *букв.* черное мясо’, хак. *хара сине саап парган* ‘[у него] кости да кожа остались (исхудал), *букв.* от черного остался только стебель’, як. *хара самыыр* ‘дождь без примеси снега, *букв.* черный дождь’ [ЯРС 1972: 481, ТРС 1977: 512, ХРС 2006: 806].

5.19. Мрачный, безрадостный, тяжелый, несчастный, горестный, горький. В некоторых выражениях происходит метафорический сдвиг ‘не светлый, темный’ → ‘мрачный, безрадостный, тяжелый, несчастный, горестный, горький’: *кара бахет* ‘мрачное счастье, *букв.* черное счастье’, *кара тәкдир* ‘тяжелый рок, *букв.* черный удел / рок’, *кара язмыш* ‘несчастливая судьба, *букв.* черная судьба’, *кара кәндәр* ‘мрачные дни, *букв.* черные дни’. В выражении *кара кайгы* ‘большое горе, *букв.* черное горе’ значение слова *кара* заключается в следующем: во-первых, оно определяет слово горе, которое ассоциируется с черным цветом (тогда как счастье ассоциируется с белым, а печаль, тоска – с желтым: *ак бахет* ‘светлое счастье, *букв.* белое счастье’, *һары һагыш* ‘сильная печаль, тоска, *букв.* желтая печаль, тоска’), во-вторых, слово *кара* усиливает значение этой эмоции, то есть подчеркивает тяжесть и скорбный характер горя.

Ср. в источниках: ен. *qara tul* ‘печальная вдова, *букв.* черная вдова’ [Малов

1959: 61, 62]; в других тюркских языках: кум. *къара гюнлер* ‘черные дни’, туркм. *гара маңлай* ‘несчастный, букв. чернолобый’, як. *хара санаа* ‘черные, мрачные мысли’, чув. *хура куьсуль* ‘горькие слезы, букв. черные слезы’ [ТРС 1968: 155, КРС 1969: 189, ЯРС 1972: 481, ЧРС 1985: 565].

Значение также является пратюркским, так как оно наблюдается во всех подгруппах тюркских языков.

5.20. Злой, злостный, коварный. Метафорический перенос ‘черный’ → ‘грязный (нечистый)’ → ‘злой, злостный, коварный’ происходит в выражениях, имеющих отрицательную семантику: *кара уй* ‘злые, коварные замыслы, букв. черные мысли’, *кара ниэт* ‘злое намерение, букв. черное намерение’, *кара асьу* ‘темная, черная злоба’, *кара котко* ‘злостное подстрекательство, букв. черное подстрекательство’, *кара уйлының йөзө лә кара* ‘у злого и лицо черное, букв. у кого мысли черные, у того и лицо черное’, *кара бизәктәр менән һүрәтләү* ‘показывать в черном цвете, букв. описывать черными красками / узорами’, *кара көйөү / яныу* ‘мрачнеть (почернеть от гнева, злости, переживаний)’.

Ср. в источниках: др.-уйг. *qararmiş köñüllüg* ‘с черной душой’ [ДТС 1969: 425]; в других тюркских языках: ног. *кара юрекли* ‘злой человек, букв. с черным сердцем’, тур. *kara жүзлү* ‘бесчестный, бессовестный, букв. чернолицый’, уйг. *ичи қара* ‘зловредный, букв. у него нутро черное’, хак. *хара сагыс* ‘злой умысел, букв. черный умысел’, чув. *хура кавар* ‘преступный сговор, букв. черный сговор’ [НРС 1963: 147, УРС 1968: 579, ТРС 1977: 512, ЧРС 1985: 565, ХРС 2006: 806].

Значение также является пратюркским, так как оно отмечается во всех подгруппах тюркских языков.

5.21. Позорный, запятнанный, оскверненный, опороченный / позор, стыд. Сдвиг ‘черный’ → ‘грязный, нечистый’ получил дальнейшее развитие и привел к данному значению: *кара мөһөр* ‘запятнанная репутация, букв. черный штамп’, *кара тап* ‘позор, букв. черное пятно’, *йөз караһы* ‘позор, стыд, букв. чернота лица’, *йөзгә кара ягыу* ‘очернить, осквернить, оклеветать, букв. пачкать чье-либо лицо черным’.

Ср. в других тюркских языках: кирг. *ак жерден кара болду* ‘он оказался без вины виноватым, букв. было белым, стало черным’, туркм. *гара донлы* ‘очерненный, опороченный, букв. в черном халате’, уйг. *қара қилмақ* ‘обвинять, чернить, букв. делать черным’, як. *хара балыыр* ‘тяжкая клевета, букв. черная клевета’ [ТРС 1968: 155, УРС 1968: 579, ЯРС 1972: 481, КРС 1985а: 346].

5.22. Дурной, злой / злой дух. Черный цвет в мифологии связывается с нечистыми силами, что объясняет возникновение следующих понятий: *кара көстәр* ‘темные силы, букв. черные силы’, *кара баҫу* ‘нечистая давит, букв. черное давит’.

Ср. в других тюркских языках: ккалп. *қара басты ма сени* ‘куда пропал, букв. нечистая сила тебя задавила что ли?’, алт. *кара јелбис* ‘нечистый дух, букв. черный дух’, тур. *kara kuvvet* ‘темные силы, букв. черные силы’, уйг. *қара басмақ* ‘видеть кошмарные сны, букв. черное давит’, хак. *таг харазы* ‘горные (злые) духи, букв. горная нечисть’ [КРС 1958: 375, УРС 1968: 579, ТРС 1977: 511, ХРС 2006: 806, АРС 2015: 62].

5.23. Северный. О. Прицак, А.Ф. Габен, вслед за ними А.Н. Кононов писали о значении ‘северный’ цветообозначения *қара* ‘черный’ [Pritsak 1955, Кононов 1978]. А.Н. Кононов приводит примеры *қара қум* ‘северная песчаная пустыня, букв. черная пустыня’, *kara yel* (тур.) ‘холодный, северо-западный ветер, букв. черный ветер’, *қара қырғыз* ‘киргизы, проживающие по северному склону Тянь-Шаня, букв. черные киргизы’ [Кононов 1978: 161–164]. Для обозначения сторон света башкиры, как уже отмечалось, также использовали четыре цветообозначения: *кара* ‘черный’ – север; *ак* ‘белый’ – юг; *кызыл* ‘красный’ – восток; *күк* ‘синий’ – запад. В топонимике Республики Башкортостан цветолексема *кара* ‘черный’ зафиксирована в названии реки *Каризел* ‘букв. черная река’, которая, очевидно, названа была потому, что протекает в северной части республики [Цветобозначения... 2019: 152–153]. Как видим, обозначение севера у башкир цветоименованием *кара* ‘черный’ совпадает с геосимволикой других тюркских народов, тогда как при указании на другие стороны света у

башкир и других тюркских народов наблюдаются различия (см. разделы о цветообозначениях *ак* ‘белый’, *кызыл* ‘красный’, *күк* ‘синий’).

Ср. в других тюркских языках: тур. *karayel* ‘северо-западный ветер, букв. черный ветер’ [ТРС 1977: 514].

5.24. Земля, почва (субстантив, образованный лексико-семантическим способом). Данное значение, возможно, связано с цветом почвы, а также восприятием земли как нечто черного. В башкирском языке у слова *кара* ‘черный’ активно развилась сема ‘земля, освободившаяся от снега весной’, которое наблюдается в следующих выражениях: *карага (аяк) баҫыу* ‘ступить на освободившуюся от снега весной черную землю, букв. ступить ногами на черное’, *карага сығыу* ‘выйти весной на поле, только что освободившееся от снега, букв. выйти на черное’, *мал аягы карага тейзе* ‘скот выгнали на поле, букв. нога скота ступила на землю’.

Ср. в других тюркских языках: тур. *karaya çıkmak* ‘ступить на землю, сойти на берег (с парохода), букв. ступить на черное’, *karaja vurman* ‘быть выброшенным на землю, букв. на черное (например, о рыбе)’ [ТРС 1977: 511].

Также отметим, что слово *кара* ‘черный’ в сочетании со словом *ер* ‘земля’ передает значение ‘могила’ и образует ряд устойчивых выражений: *кара ер куйынына инеу* ‘умереть, букв. войти в черное лоно земли, то есть в могилу’, *кара ергә инеу* ‘умереть, букв. войти / лечь в могилу, то есть в черную землю’.

Ср. в источниках: крх.-уйг. *qara jer qatı* ‘могила, букв. слой черной земли’ [ДТС 1969: 423]; в других тюркских языках: ног. *кара ер* ‘могила, букв. черная земля’, кбалк. *къара джерни аманлама, къайытыб ары барлыкъса* ‘букв. не хули черную землю-матушку, [после смерти] к ней вернешься’, гаг. *кара ер* ‘могила, букв. черная земля’ [НРС 1963: 147, ГРМС 1973: 247, КБРС 1989: 390].

5.25. Крупный скот. Метафорический перенос здесь объясняется следующим образом: ‘большое, видимое как темное’ → ‘скот’ (то есть тюркско-скотоводу его табуны виднелись издали как темная масса): *азбарында караһы туп-тулы* ‘в хлеву много скота, букв. черного’, *кыззы караһын тултырып кына*

алгандар ‘на девушке женились, только если у жениха хватало калыма (в виде скота), букв. черного’.

Сочетанием *кара мал* ‘букв. черный скот’ обозначается весь крупный рогатый скот, кроме лошадей и овец (корова, верблюд и др.). Это значение появилось, возможно, в связи с тем, что со словом *ат* ‘конь’ употреблялся эпитет *ак* ‘белый, священный, благородный’, так как у тюрков конь считался священным, сакральным животным. В противоположность к слову *ак* ‘белый’ появился эпитет *кара* ‘черный’ для обозначения остальных животных. По другой версии, у тюрков и монголов деление скота происходило по цветовым понятиям: белым был скот с горячим дыханием – кони и овцы; черным же считался скот с холодным дыханием – крупный рогатый скот, козы и верблюды [Габышева 2003: 139].

Ср. в источниках: ен. *örüñüt-qaram* ‘собир. скот, букв. мое светлое и черное’ [Малов 1952: 80, 82]; в других тюркских языках: ног. *кара мал* ‘крупный рогатый скот, букв. черный скот’, туркм. *гара мал* ‘крупный рогатый скот, букв. черный скот’, уйг. *қара мал* ‘крупный рогатый скот, букв. черный скот’ [НРС 1963: 147, ТРС 1968: 155, УРС 1968: 579].

5.26. Силуэт, контур. Данное значение является следствием метафорического переноса ‘темная масса’ → ‘человек’ → ‘силуэт, контур’: *теге оста бер кара күренде* ‘на том конце показался какой-то силуэт, букв. черное’.

Ср. в других тюркских языках: туркм. *узакдан ики саны атлының гарасы гөрүнди* ‘вдали показались силуэты двух всадников’, *ит гара гөрмесе үйрмез* ‘никого, букв. черного не увидав, собака не залает, соотв. дыма без огня не бывает’, уйг. *жирақта бир қара көрүнди* ‘вдали показался какой-то силуэт’ [ТРС 1968: 154, УРС 1968: 579].

5.27. Ложь, вина / ложный, виновный. Это значение семантически противоположно значениям ‘правда’, ‘суть’, ‘истина’, ‘истинный’ лексемы *ак* ‘белый’, поэтому оно раскрывается в составе выражений, в которых противопоставляется последней: *акты кара итеү* ‘выдавать белое за черное, букв.

показать белое черным’, *акты каранан айырыу* ‘разбираться, понимать суть; различать доброе от злого, истину от лжи, *букв.* отличить белое от черного’.

Ср. в других тюркских языках: кирг. *ак карасын текшерип* ‘разобравшись в том, прав он или виноват, *букв.* перебирая белые и черные’, туркм. *агы-гараны сайгармак* ‘разбираться в чем-либо, понимать что-либо, *букв.* отличать белое от черного’, уйг. *ақ-қарини тонуган* ‘разбирающийся в жизни человек, *букв.* человек, разбирающийся в белом и черном’ [ТРС 1968: 155, УРС 1968: 579, КРС 1985а: 345].

5.28. Зрачок. Если названием для белка глаза является цветообозначение *ак* ‘белый’ (*күз агы* ‘белок глаза’), то зрачок соответственно обозначается словом *кара* ‘черный’: *күз караһы* ‘зрачок’.

Ср. в источниках: крх.-уйг. *qara qaraq* ‘зрачок’ [ДТС 1969: 423], ср.-кыпч. *qaraq* ‘зрачок’ [Курышжанов 1970: 157], в других тюркских языках: ккалп. *көздиң қарасы*, аз. *көз гарасы*, уйг. *көз қариси*, як. *харах харата*, чув. *кус хури* [АРС 1941: 73, КРС 1958: 375, УРС 1968: 579, ЯРС 1972: 481, ЧРС 1985: 565].

Данное значение является пратюркским, так как оно наблюдается во всех подгруппах тюркских языков.

5.29. Чернила: *кара менән языу* ‘писать чернилами’. В дальнейшем развился метафорический перенос ‘чернила’ → ‘буквы, письменность’: *кара таныу* ‘уметь писать и читать; быть грамотным, *букв.* узнавать черное, то есть разбирать буквы, письмо, соответственно уметь читать и писать’.

Ср. в источниках: крх.-уйг. *qara tamsa* ‘когда прольются чернила’ [ДТС 1969: 423], в других тюркских языках: каз. *қара тану* ‘научиться грамоте, *букв.* знать черное, то есть буквы, соответственно уметь читать и писать’ [КРФС 1988: 118].

5.30. Кроме закрепленных в активном словарном составе башкирского языка субстантивов лексемы *кара* ‘черный’, образованных лексико-семантическим способом (например, земля, суша, зрачок), имеются и контекстные субстантивы, возникшие тем же путем. Например, обозначение

словом *кара* ‘черный’ цвета сажи привело к образованию субстантива *кара* ‘сажа’. Ср. посл.: *казанга якын барһаң, караһы йогор, яманга якын барһаң, бәләһе йогор* ‘букв. подойдешь близко к котлу – испачкаешься сажей, подойдешь близко к скверному (человеку) – попадешь в беду, соотв. русск. не трись подле сажи, а то сам замараешься’; *казан караһы китер, күңел караһы китмәс* ‘котел очистишь от сажи, но черную душу – никак, букв. чернота котла отмоется, а чернота души останется’.

5.31. Усилительная частица. Слово *кара* ‘черный’, присоединяясь к некоторым словам впереди себя, получает усилительное значение: *капыл-кара* ‘внезапно’, *оло-кара* ‘очень большой’.

5.32. Собирательная частица. Метафорический перенос ‘множество, масса’ → ‘многочисленный, обильный’ → ‘неопределенный, собирательность, обобщение’ наблюдается при употреблении слова *кара* ‘черный’ в функции собирательной частицы: *кура-кара* ‘хлев и другие постройки’, *түрә-кара* ‘разное начальство’, *кейем-кара* ‘различная одежда’, *кеше-кара* ‘люди’, *мал-кара* ‘скот’, *һәмә-кара* ‘вещи’.

Ср. в других тюркских языках: як. *киһи-хара буол*- ‘стать человеком, выйти в люди’ [ЯРС 1972: 481].

5.33. Топонимообразующий компонент. Кроме вышперечисленных значений слова *кара*, таких как ‘подземный, родниковый’, ‘северный’, в топонимах Башкортостана проявляются значения, связанные с основной семантикой этой цветолексемы. Как уже отмечалось, при формировании географических названий одним из ведущих мотивов наименования является признак цвета объекта. При этом в оронимах цветообозначения указывают на цвет природного материала (горных пород, отложений, почвы, песка и т. д.), в гидронимах – на цвет водоема, особенности растительности по его берегам. Например, А.ф. Габен считает, что название пустыни *Қара құм* ‘Черная > Северная пустыня’ включает в себе два значения: 1) тип песков, закрепленных растительностью, а потому неподвижных, в отличие от барханных, подвижных

песков (*Ақ қум* ‘белая пустыня’); 2) песчаная пустыня, расположенная на северной границе Китая, на северном склоне Инсана, находящегося к северу от большой излучины реки Хуанхэ [Кононов 1978: 166–167].

Как показывают примеры, в башкирских оронимах цветообозначение *кара* ‘черный’ указывает на графитовые и гранитовые выступы: *Караташ* ‘букв. черный камень’ (скалы в Баймакском, Белорецком, Гафурийском районах Республики Башкортостан), *Каракая* ‘букв. черная скала’ (выступы пород в Белорецком, Гафурийском, Учалинском районах Республики Башкортостан).

В гидронимах лексема *кара* ‘черный, темный’ может обозначать темный оттенок воды: *Караболак* ‘букв. черный ручей’ (родник в Архангельском районе Республики Башкортостан), *Карайылга* ‘букв. черная река’ (реки в Абзелиловском, Белорецком, Гафурийском, Дюртюлинском, Илишевском, Учалинском районах Республики Башкортостан).

Также можно предположить, что в башкирских географических названиях слово *кара* ‘черный’ имеет значения, отмеченные исследователями в других тюркских языках, – ‘подземный / родниковый’, ‘болотистый’, ‘бесснежный’: *Каракул* ‘букв. черное озеро’ (озеро в Дуванском районе Республики Башкортостан), *Каратау* ‘букв. черная гора’ (горы в Абзелиловском, Бурзянском, Зианчуринском, Кугарчинском, Салаватском районах Республики Башкортостан) [Цветообозначения... 2019: 140–159].

Ср. в источниках: орх. *qara köl* ‘Кара-Кёл, букв. черное озеро’ [Малов 1951: 32, 42], крх.-уйг. *qara jüyaç* ‘Кара-Джыгач, букв. черное дерево’ [ДТС 1969: 424].

5.34. Антропонимообразующий компонент. Когда слово *кара* выступает в прямом значении ‘черный’, ‘темный’, оно встраивается в бинарное противопоставление *ак* ↔ *кара*, например: *Ак баш* ‘букв. белая голова’ – *Кара баш* ‘букв. черная голова’. По мнению А.ф. Габен, *qara* в составе имени *Qara Хан* ‘букв. черный хан’ имеет значение ‘северный’. Также в личных именах, как отмечает Г.Ф. Благова, может происходить метафоризация значения ‘черный’, ‘темный’, ‘погруженный во мрак’ → ‘великий’, ‘могучий’ слова *qara* [Благова

2001: 680]. М. Кашгари пишет, что *qara* в именах хаканских ханов употребляется в значении 'главный, великий'. По мнению А. Джафероглу, эпитет *qara* при именах эпосов героя «Китаб-и Дедем Коркут» является синонимом храбрости и силы [Кононов 1978: 162].

В башкирской антропонимии, как и в тюркской в целом, широко распространены мужские имена с компонентом *кара* 'черный', проявляющим в себе вышеназванные значения, такие как 'темный', 'главный', 'великий', 'храбрый', 'сильный', 'могучий': *Карабай* 'букв. черный, могущественный, мощный, крепкий + *бай* (компонент мужского имени)', *Карасура* 'букв. крепкий, сильный, могущественный' + *сура* (джигит, герой)' [Сулейманова 2013: 129–130]. В женских именах компонент *кара* 'черный', как правило, употребляется для описания внешности человека: *Карасэс* 'букв. черные волосы', *Каракаш* 'букв. черные брови'.

5.35. Этнонимообразующий компонент. Как отмечалось выше, в родоплеменных названиях слово *кара* 'черный' имеет значение 'основной', 'главный', 'истинный', например: *кара кыпсак* 'основной племяобразующий компонент племени кыпчак, букв. черные кыпчаки'. Кроме того, оно имеет значения 'великий', 'северный'. По А.Н. Кононову, слово *қара* широко используется в этнонимах как детерминатив при родовых названиях, обозначавший, по-видимому, часто исторически исходное географическое положение их носителей по отношению к главному роду, носящему то же название: кара китаи назывались кидане, эмигрировавшие на север Китая за век до похода Чингисхана на восток, следовательно, можно предположить с известной долей вероятности, что кара китаи ~ северные китаи ~ кидане [Кононов 1978: 164, 168].

5.36. Мифологизированный цвет. В мифологии башкир черный цвет в основном имеет отрицательную семантику, что находит отражение в верованиях, обычаях, обрядах, запретах, предписаниях и заговорах. Так, выше отмечалось, что нечистые силы обычно связаны с черным цветом (*кара* 'дурной', *кара кәс*

‘дурной / злой дух’). Башкиры также верили, что нечистые силы появляются в темное время суток, обитают в темных лесах и пещерах. Такие выражения, как *кара кайгы* ‘черное (большое) горе’, *кара хэбар* ‘черная (плохая) весть’ и т. д., подтверждают отрицательную семантику слова [Хисамитдинова 2010: 174–176].

Вместе с тем отмечается, что черный цвет обладает и положительной семантикой: так, черный является одним из трех цветов (красный, белый, черный), применяемых в лечебной магии; отдельные территориальные группы башкир в обрядах вызывания дождя использовали предметы черного цвета; черный цвет выступал и в качестве оберега от сглаза и т. д. [Хисамитдинова 2011: 244].

6. В некоторых тюркских языках отмечены и другие значения данного названия цвета, например: опора (кирг. *кара колуп отурган жалгыз уулум* ‘единственный сын, на которого я возлагаю надежды, букв. мой единственный сын, которого считаю черным, то есть опорой’, ккалп. *мениң сүйенер қарам жоқ* ‘у меня не осталось опоры, букв. у меня нет черного, то есть опоры, чтобы радоваться’) и др. [КРС 1958: 375, КРС 1985а: 345].

7. Таким образом, исследование цветообозначения *кара* ‘черный’ в башкирском языке в сравнительно-историческом и лексико-семантическом планах позволяет сделать определенные выводы.

Пратюркская форма данного цветообозначения восстановлена как **Kara* ‘черный’, ее рефлексy сохранялись во всех тюркских языках в значении ‘черный’. Слово *qara* ‘черный’ в прямом и переносных значениях встречается в древне-, средне-, новотюркских источниках.

Праалтайская форма реконструируется как **kàru* ‘черный’, ее рефлексy функционируют также в монгольских и японском языках в значении ‘черный’. Монгольские формы слова заимствованы в тунгусо-маньчжурские и корейский языки для обозначения вороной масти лошади.

В башкирском языке выявлены следующие значения слова *кара*: цвет, свет и масть (‘черный’, ‘темный’, ‘вороной’), вторичные метафорические значения

(‘неосвященный’, ‘смуглый’, ‘темнокожий’, ‘поздний, ранний’, ‘грязный’, ‘простой, необразованный’, ‘подсобный, тяжелый’, ‘сильный’, ‘глубокий, дремучий’, ‘бесснежный’, ‘подземный’, ‘северный’, ‘одинокий’, ‘великий, могучий’, ‘истинный, основной’, ‘большой, обильный’, ‘однородный’, ‘мрачный’, ‘дурной, злой’, ‘позорный, запятнанный’). Кроме того, от прилагательного *кара* ‘черный’ образовались субстантивы со значениями ‘земля, почва’, ‘зрачок’, ‘скот’, ‘сажа’, ‘человек’, ‘силуэт’, ‘чернила’, ‘ложь’ и т. д. В сочетании с некоторыми словами цветообозначение *кара* ‘черный’ приобретает усилительное или собирательное значение. Цветообозначение *кара* ‘черный’ активно участвует в образовании терминов, топонимов, этнонимов, антропонимов. Отмечается мифологическая семантика черного цвета в башкирской культуре. Практически все эти значения имеются в других тюркских языках и носят преимущественно пратюркский характер.

В целом цветообозначение *кара* ‘черный’ в башкирском языке имеет пратюркскую и праалтайскую основы, в формировании и развитии его семантики наблюдаются главным образом пратюркские особенности.

Һоро ‘серый’

1. Серый цвет, как белый и черный, считается ахроматическим цветом, который характеризуется отсутствием цветового тона. Он связан с такими понятиями, как насыщенность и светлота. В зависимости от яркости (светлоты) оттенок серого изменяется от черного (*отсутствие яркости*) до белого (*яркость 100%*). К серому цвету имеет прямое отношение также такой физический параметр цвета, как насыщенность: при максимальном снижении насыщенности любого хроматического цвета тон оттенка становится неразличимым, вследствие чего он переходит в ахроматический серый. Другими словами, любой цвет в зависимости от яркости и насыщенности может превратиться в серый. Серый цвет является эталоном цвета мыши, золы, пепла.

2. Серый цвет в башкирском языке обозначается лексемой *һоро*. Также

имеется другая лексема для обозначения серого цвета – *буз* ‘сивый, серый’, которая обладает более узким значением, чем слово *һоро* ‘серый’ (см. раздел о цветообозначении *буз* ‘сивый, серый’).

В других тюркских языках и их диалектах лексема *sur* встречается в разных фонетических вариантах и значениях: уйг. *сур* ‘серый’, ккалп. *сур* ‘серый, бледный’, каз. *сұр* ‘серый, бледный’, тат. *соры* ‘серый’, сиб.-тат. *сур* ‘серо-синий’, кирг. *сур* ‘серый; голубой (о масти лошади)’, алт. *сур* ‘светло-серый (о масти лошади)’, телеут. *сур* ‘буланый’, куманд. *сур* ‘голубой’, караим. *сур* ‘рыжий, рыжеватый (о лошади)’, кум. *сюр* ‘смушка коричневого цвета’, узб. *сур* ‘светло-серый, светло-коричневый; смушка высшего сорта светло-коричневого цвета’, туркм. *сур* (*су:p*) ‘смушка коричневого цвета’, чув. *сӑр / сӑрӑ* ‘серый’, як. *сур* ‘серый, бурый (о масти животных)’ (заимств.) [КРС 1958: 589, УРС 1959: 386, УРС 1961: 167, ТРС 1968: 594, КРС 1969: 296, ЯРС 1972: 344, КРПС 1974: 485, КРС 1985б: 165, ЧРС 1985: 354, Бектаев 1995: 424, ТРС 1995: 76, ЭСТЯ 2003: 360–361, ТРС 2007б: 248, АРС 2015: 108, СТРС 2019: 352].

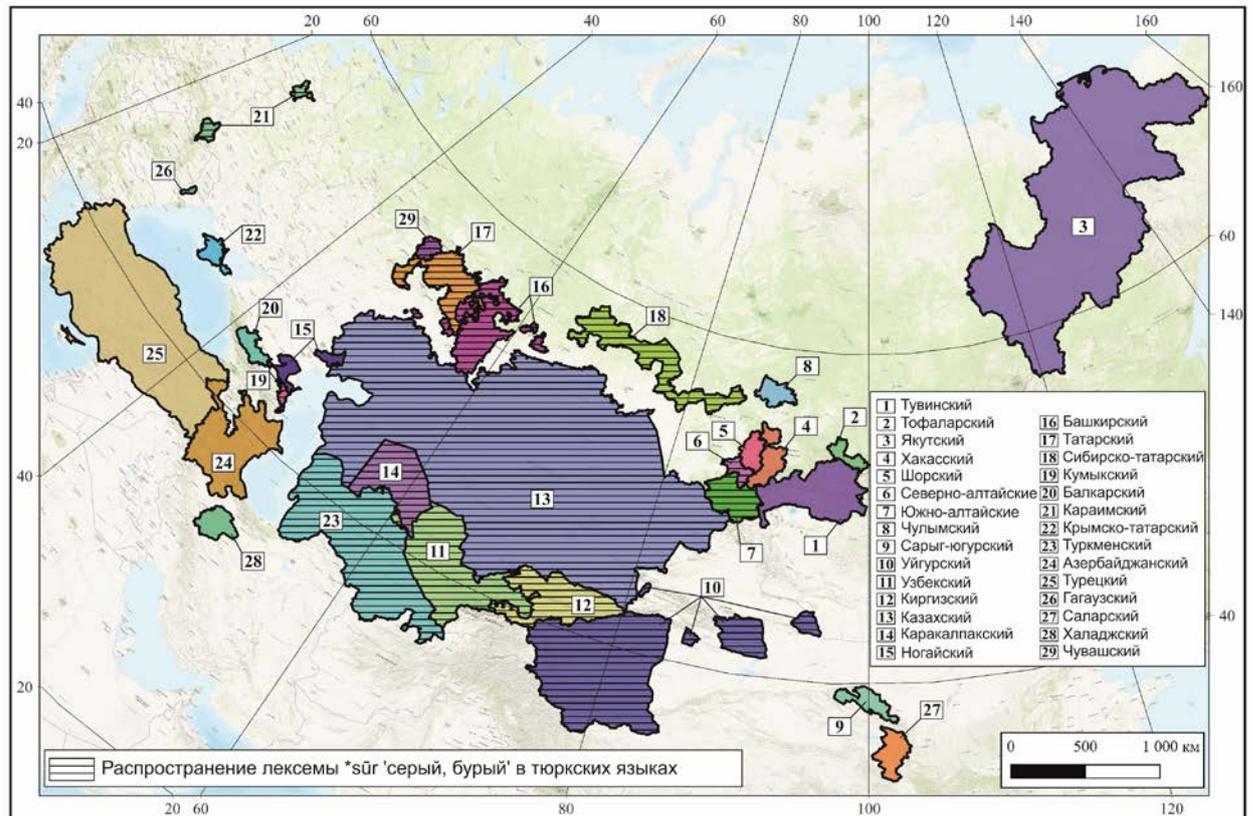
Как видим, данное слово встречается во всех подгруппах тюркских языков (кроме уйгуро-огузской), что позволяет предположить его пратюркский характер. В указанных языках оно употребляется для обозначения главным образом серого цвета; смушки коричневого цвета; масти животных.

Как показывают исследования, распространение лексем в современных тюркских языках, возможно, носит ареальный характер (*карта 1¹*):

¹ Здесь и далее примеры для составления карт собраны из лексикографических трудов, которые отличаются по степени полноты освещения разных значений слова, но тем не менее во многих из них представлены не только основные, но и большинство дополнительных значений цветообозначающих лексем. При необходимости поиск значений слов производился по электронным корпусам тюркских языков.

Карты составлены в программе QGIS Desktop 3.34.12 на основе географических и исторических сведений расселения тюркских народов.

**Карта 1. Распространение лексемы **sūr* ‘серый, бурый’
в тюркских языках**

Карта 1 позволяет утверждать, что распространение лексемы **sūr* ‘серый, бурый’ в основном характерно для тюркских языков Урало-Поволжья, Западной Сибири, Средней Азии и прилегающих к ней некоторых территорий. Ее ареал тянется с Кавказа на западе и до Алтая на востоке.

Слово *sur* (*surī*, *sor* и т.д.) зафиксировано в письменных источниках тюрков в значении ‘серый’. Первая его фиксация наблюдается в среднетюркских памятниках: хрз.-тюрк. *surī* [Наджип 1975: 149]. Далее оно встречается в новотюркских источниках: *sor* [Будагов 1869: 707], *sörö* / *sur* [Радлов 1911a: 591, 764].

3. Пратюркская форма этого цветообозначения восстановлена как **sūr* ‘серый, бурый’ [EDAL 2003: 1288–1289].

Происхождение слова рассматривается в этимологических исследованиях [Егоров 1964: 183, Федотов 1996б: 29, ЭСТЯ 2003: 360–361, Ахметьянов 2015б:

169], в которых отмечается ограниченный ареал его распространения.

Праалтайская форма реконструируется как **süjro* ‘желтоватый, светлый’ [EDAL 2003: 1288–1289], рефлексy которой наблюдаются также в монгольских, тунгусо-маньчжурских и корейском языках: халх.-монг., бур. *šarga, šargal*, калм. *šaryə*, даг. *šarga, šarag* (< ПМо. **sirga* ‘соловый’); эвенк. *hiraŋan* ‘желтоватый, сероватый’, лит. маньчж. *suru morin* ‘белый (о лошади)’, нан. *sūr-* ‘рыжеватый, красноватый’, удыг. *sī* ‘желтая краска’ (< ПТМ **sür-* ‘желтоватый, сероватый’, ‘рыжеватый, красноватый’, ‘белый (о лошади)’); кор. *sē-* ‘беловатый’ (< ПКор. **sjāi-*) [EDAL 2003: 1288–1289].

4. В других тюркских языках для обозначения серого цвета функционируют и другие лексемы, например: туркм. *чал* < ПТю. **čAl* ‘серый, седой’ (*чал топрак* ‘серозем’) [КРТС 1968: 419, ТРС 1968: 719], тур. *külrengi* ‘букв. цвета пепла’, *gri* < франц. *gris* (*külrengi gözler* ‘серые глаза’, *gri ceket* ‘серый пиджак’), *boz* < ПТю. **boŕ* (*boz kurt* ‘серый волк’) [ТРС 1977: 359, БРТС 2009: 476], тув. *бора* < монг. *bora* (= ПТю. **boŕ*) ‘серый’ (*бора аьт* ‘серая лошадь’) [РТС 1980: 529, ТувРС 1968: 113, 267], алт. *боро* < монг. *bora* (= ПТю. **boŕ*) ‘серый’ (*боро бөрү* ‘серый волк’) [РАС 1964: 688], кум. *кюлтюс, кюлсыпат* ‘букв. цвета пепла’ (*кюлтюс кьумач* ‘серая ткань’) [РКС 1960: 916, КРС 2011: 150], узб. *кул ранг* ‘букв. цвета пепла, пепельный’ [УРС 1959: 222].

Как видно из примеров, в тех языках, где лексема **sür* не употребляется, для обозначения серого цвета может использоваться: а) другая тюркская лексема (туркм. *чал* < ПТю. **čAl*, тур. *boz* < ПТю. **boŕ*); б) заимствование (тур. *gri* < франц. *gris*); в) дериват, образованный от слова **kül* ‘зола, пепел’ и обозначающий ‘пепельный цвет’ (кум. *кюлтюс*).

В башкирском языке для обозначения серого цвета, кроме слова *һоро* ‘серый’, могут употребляться также и другие лексемы, например: *көлһыу* ‘серый, пепельный’, *буз* ‘светло-серый’, ‘сивый (о масти лошади)’.

5. Семантика цветообозначения *һоро* ‘серый’ в башкирском языке:

5.1. В башкирском языке основное значение слова *һоро* – обозначение

серого цвета: *хоро болот* ‘серые тучи’.

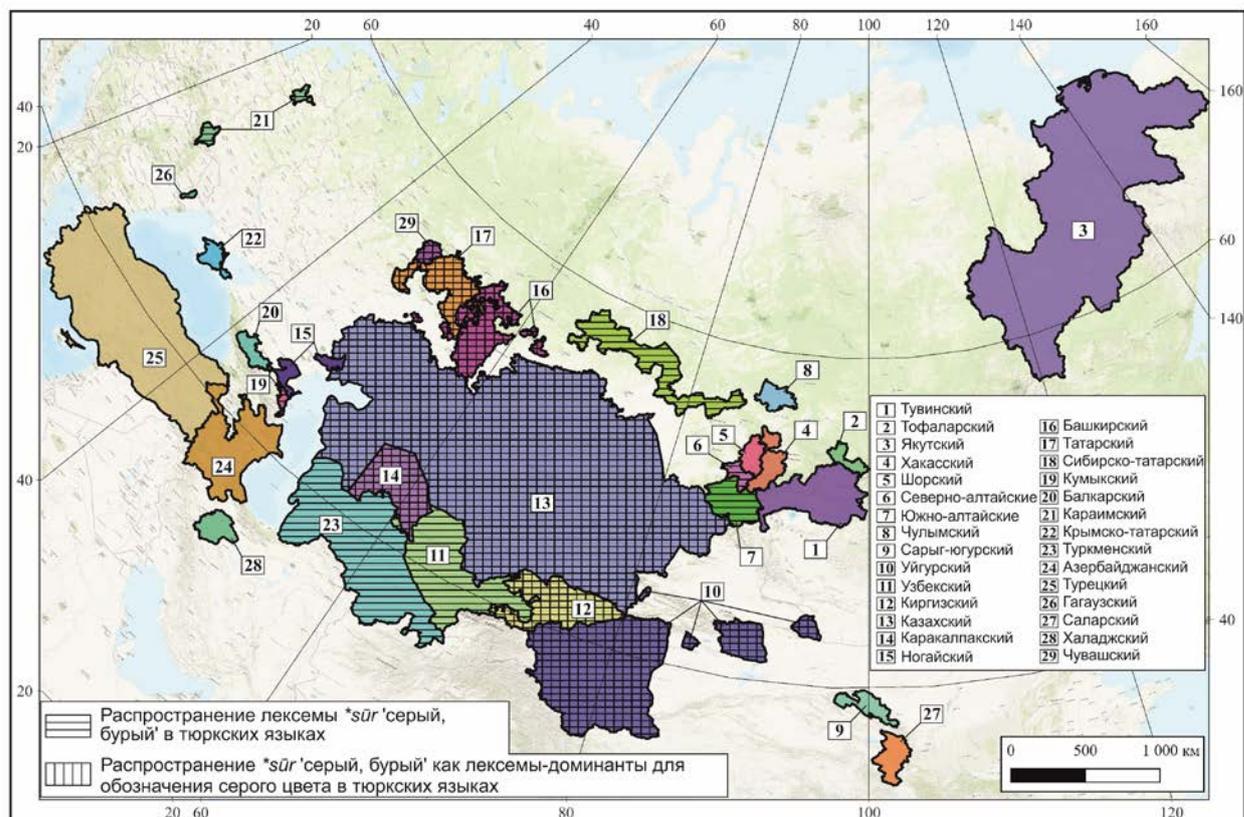
Лексема *хоро* ‘серый’ является активным компонентом в образовании терминов, в большинстве случаев – зоонимов: *хоро ябалак* ‘серая неясность’, *хоро торна* ‘серый журавль’ [Ишбердин 1986б], *хоро корт* ‘трутень, букв. серый червь’ [БРС 1996].

Ср. в источниках: хрз.-тюрк. *суры* ‘серый’ [Наджип 1975: 149]; в других тюркских языках: тат. *соры томан* ‘серый туман’, каз. *сұр шойын* ‘серый чугу́н’, ккалп. *сур гезлеме* ‘серая ткань’, кирг. *сур булут* ‘серые тучи’, *сур түтүн* ‘серый дым’, уйг. *сур сукно* ‘серое сукно’, чув. *сăрă костюм* ‘серый костюм’ [КРС 1958: 589, УРС 1961: 167, РКС 1967: 922, КРС 1985б: 165, ЧРС 1985: 354, Бектаев 1995: 424, ТРС 2007б: 248].

Данное значение встречается в кыпчакской, киргизско-кыпчакской, карлукской, болгарской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его пратюркский характер.

Вместе с тем наблюдается неравномерное распространение **sūr* ‘серый, бурый’ как лексем-доминанты для обозначения серого цвета в тюркских языках – оно встречается в некоторых кыпчакских (башкирском, татарском, казахском, каракалпакском, киргизском), уйгурском и чувашском языках (*карта 2*):

Карта 2. Распространение **sūr* ‘серый, бурый’ как лексемы-доминанты для обозначения серого цвета в тюркских языках

Судя по карте 2, распространение лексемы **sūr* ‘серый, бурый’ в качестве основной лексемы для серого цвета можно считать ареальным явлением, характерным для тюркских языков Урало-Поволжья и северо-востока Средней Азии. В других тюркских языках слово употребляется в значениях ‘серый’, ‘рыжий’, ‘смушка коричневого цвета’, но не является лексемой-доминантой для обозначения серого цвета.

5.2. Серый (масть и окраска животных). Другое распространенное значение слова *horo* – обозначение масти лошади и других животных: *horo at* ‘серый конь’, *horo буре* ‘серый волк’, *horo куйн* ‘серый заяц’, *horo бесэй* ‘серый кот’.

Значение ‘серый’, ‘светло-серый, голубой (о масти лошади)’, ‘бледный’ наблюдается также в татарском, казахском, каракалпакском, киргизском, алтайском, узбекском, уйгурском, якутском, чувашском языках: алт. *сур* ‘светло-серый (о масти лошади)’, ккалп. *сур қасқыр* ‘серый волк’, кирг. *сур ат* ‘голубая

лошадь’, *сур коён* ‘серый заяц’, уйг. *сур бөрә* ‘серый волк’, узб. *сур* ‘светло-серый, светло-коричневый’, як. *сур бөрө* ‘серый волк’, *сур күүдээх* ‘серая мышь’ (*сур* – заимств.), чув. *сăрă лаша* ‘лошадь серой масти’, *сутă-сăрă* ‘светло-серый’ [КРС 1958: 589, УРС 1959: 386, УРС 1961: 167, ЯРС 1972: 344, КРС 1985б: 165, ЧРС 1985: 354, АРС 2015: 108].

Данное значение встречается в кыпчакской, киргизско-кыпчакской, карлукской, болгарской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его пратюркский характер.

5.3. Светло-бурый, светло-коричневый, карий (в диалектах башкирского языка, главным образом в форме *һор*): *һоро айыу* ‘бурый медведь’, *һор ат* ‘светло-коричневая лошадь’, *һор булыу* ‘быть бурым’, *һоро күз* ‘карие глаза’ [БРС 1996].

Значение ‘бурый’ (о масти лошади и шерсти животных) встречается в каракалпакском и якутском языках: ккалп. *сур аюу* ‘бурый медведь’, як. *сур ат* ‘бурая лошадь’ (*сур* – заимств.) [КРС 1958: 67, ЯРС 1972: 344].

5.4. Серый (посредственный, безликий, ничем не замечательный): *һоро масса* ‘серая масса’. Данное словосочетание, вероятнее всего, является калькой с русского языка, так как в тюркских языках, как отмечалось в предыдущем разделе, простой народ, толпа, масса выражались цветообозначением *кара* ‘черный’.

Ср. в других тюркских языках: тув. *хоор чон* ‘народные массы, народ, букв. серый народ’ [ТувРС 1968: 483].

6. В некоторых тюркских языках отмечены и другие значения данного названия цвета. В кумыкском, туркменском языках основное значение слова – ‘смушка коричневого цвета’, ‘высший сорт каракуля’: туркм. *сур* ‘светло-коричневая смушка высшего сорта’, кум. *сюр* ‘светло-коричневая смушка высшего качества’ [ТРС 1968: 594, КРС 1969: 296]. В диалекте узбекского языка вторичное значение слова *сур* ‘светло-серый, светло-коричневый’ – ‘смушка высшего сорта светло-коричневого цвета’ [УРС 1959: 386].

В караимском языке основное значение слова – ‘рыжий, рыжеватый (о лошади)’ [КРПС 1974: 485]. Переносное значение ‘мрачный, пасмурный, злой’ отмечено в словарях киргизского, каракалпакского, уйгурского языков: уйг. *униң рәңги сур* ‘у него пасмурный вид, букв. у него цвет серый’, кирг. *сур жылдар* ‘мрачные, тяжелые годы, букв. серые годы’, *көрүнүшү сур* ‘у него мрачный вид, букв. вид его серый’, ккалп. *сур бет* ‘злое лицо, букв. серое лицо’ [КРС 1958: 589, УРС 1961: 167, КРС 1985б: 165].

7. Таким образом, исследование цветообозначения *һоро* ‘серый’ в башкирском языке в сравнительно-историческом и лексико-семантическом планах позволяет сделать определенные выводы.

Пратюркская форма данного цветообозначения восстанавливается как **sūr* ‘серый, бурый’, ее рефлексы распространены преимущественно в тюркских языках Урало-Поволжья, Западной Сибири и Средней Азии, в которых она обозначает главным образом цвет и масть лошади (‘серый’, ‘коричневый’, ‘бурый’, ‘голубой’, ‘рыжий’, ‘бледный’). Слово встречается в средне- и новотюркских источниках.

Праалтайская форма реконструируется как **sijro* ‘желтоватый, светлый’, ее рефлексы встречаются также в монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейском языках для обозначения цвета и масти (‘беловатый’, ‘желтоватый’, ‘сероватый’, ‘соловый’ и др.).

В башкирском языке лексема *һоро* ‘серый’ употребляется в значениях ‘серый’, ‘светло-бурый, светло-коричневый’, ‘карий’, ‘серый, посредственный’ и активно участвует в образовании зоонимов. Использование этой лексемы в качестве доминанты для обозначения серого цвета в тюркских языках можно считать ареальным явлением, характерным для тюркских языков Урало-Поволжья и северо-востока Средней Азии.

В целом цветообозначение *һоро* ‘серый’ в башкирском языке имеет пратюркскую и праалтайскую основы, в формировании и развитии его семантики наблюдаются пратюркские и ареальные особенности.

Кызыл ‘красный’

1. Красный цвет – первый по счету цвет спектра и соответственно первый цвет радуги, который находится в самом начале. Эталонами красного цвета в природе считают цвет крови (гемоглобина), сандала, красной охры и др.

2. Красный цвет в литературном башкирском языке обозначается лексемой *кызыл*. В диалектах и говорах имеются следующие фонетические варианты этой лексемы: сальют. гов. *кыһыл*, сев.-зап. диал. *кызыл* [Ишкильдина 2013: 189, 204].

В других тюркских языках эта лексема встречается в разных фонетических вариантах: каз., ккалп., телеут., туб., тоф. *қызыл*, тат., ног., кирг., алт., куманд., гаг., тув. *кызыл*, кбалк., кум. *кьызыл*, караим. *кызыл / кызыл / кьызыл*, сиб.-тат. *кысыл*, аз. *qızıl*, тур. *kızıl*, туркм. *гызыл*, сал. *quzuł*, узб., уйг. *қизил*, хак. *хызыл*, як. *кыһыл*, чув. *хёрлэ* [КРС 1958: 421, НРС 1963: 197, УРС 1968: 626, ТувРС 1968: 274, КРС 1969: 210, ЯРС 1972: 213, ГРМС 1973: 306, КРПС 1974: 317, 378, 383, Тенишев 1976: 117, ТРС 1968: 229, ТРС 1977: 548, КРС 1985а: 478, ЧРС 1985: 555, КБРС 1989: 438, УРС 1989: 256, Бектаев 1995: 305, КРС 1995: 35, ТРС 1995: 51, Рассадин 2005: 199, АРС 2006в: 162, ХРС 2006: 877, ТРС 2007а: 693, АРС 2015: 84, РТС 2019: 109, СТРС 2019].

Как видим, данное слово встречается во всех подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его пратюркский характер. В большинстве тюркских языков оно имеет значение ‘красный’. В азербайджанском языке основное значение слова *qızıl* – ‘золото, золотой’, в то же время слово функционирует и в значении ‘красный’ [АРС 2006б: 162]. В словаре гагаузского языка *кызыл* дается как устаревшая лексема для красного цвета [ГРМС 1973: 306].

Слово *qızıl* зафиксировано в письменных источниках тюрков в прямом и переносных значениях. Первая его фиксация наблюдается в древнетюркских памятниках: орх., др.-уйг., крх.-уйг. *qızıl* [ДТС 1969: 450, Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2001: 602]. Далее оно также в форме *qızıl* встречается в среднетюркских (например, в ср.-кыпч., хрз.-тюрк.) [Курышжанов 1970: 161, Наджип 1975: 194] и новотюркских источниках [Будагов

1871: 55].

3. Пратюркская форма этого цветообозначения восстановлена как **Kiř-il* ‘красный’, которую исследователи трактуют как производное от глагола **Kiř-* ‘краснеть, раскаляться’ [Clauson 1972: 681, Кормушин 2001: 603, EDAL 2003: 828–829, Дыбо 2013: 428].

Этимологию тюркского *qizil* можно найти в словарях, а также в работах некоторых авторов [Егоров 1964, Clauson 1972, Федотов 1996б, ЭСТЯ 2000, Дыбо 2013, Ахметьянов 2015б и др.].

Большинство исследователей (А. Вамбери, В.В. Радлов, В. Банг и др.) обращают внимание на происхождение общетюркского прилагательного *qizil* от глагола-основы *qiz-* ‘накаляться’, значение которого связано с сильным нагреванием, а не с цветом. В переносном значении глагол-основа передает сильное психологическое возбуждение: ‘горячиться’, ‘сердиться’, ‘раздражаться’ [Кормушин 2001: 603]. Как видно, в последнем случае цветовое значение все же представлено: когда человек разгорячен, раздражен, у него лицо часто приобретает красноватый оттенок. Семантика цвета четко проявляется только в производных глаголах, которые имеют значение ‘краснеть’: каз., ккалп. *қызар-*, тат., ног., кирг., алт., гаг., тув. *кызар-*, кбалк., кум. *къызар-*, караим. *кызар-* / *къызар*, сиб.-тат. *кысар-*, башк. *кызар-*, тур. *kizar-*, аз. *qizar-*, туркм. *гызар-*, узб., уйг. *қизар-*, хак. *хызар-*, як. *кытар-*, чув. *хёрёл-* [КРС 1958: 421, НРС 1963: 196, ТРС 1968: 227, ТувРС 1968: 273, УРС 1968: 625, КРС 1969: 209, ЯРС 1972: 213, ГРМС 1973: 305, КРПС 1974: 378, 383, ТРС 1977: 548, КРС 1985а: 477, ЧРС 1985: 554, КБРС 1989: 436, УРС 1989: 256, Бектаев 1995: 303, АРС 2006в: 160, ХРС 2006: 876, ТРС 2007а: 690, АРС 2015: 84], что позволяет предполагать эволюцию глагола таким образом: ‘накаляться’ → ‘накаленный’ → ‘красный’ → ‘краснеть’.

Г. Рамстедт, Н. Поппе происхождение слова связывали с монгольским *kiraga* ‘начало рассвета, вечерняя заря’ [ЭСТЯ 2000: 196–197].

ПТю. **Kiř-il* ‘красный’ восходит к праалтайской форме **k'jūru* ‘красный; коричневый, темный’ [EDAL 2003: 828–829]. В современных языках алтайской

языковой семьи семантика ее рефлексов развилась следующим образом: ‘коричневый’ (монг.: халх.-монг. *xüren*, калм. *kürŋ*, бур. *xürin* < ПМо. **küre-* / **küri*); ‘серый’ (тунг.-маньчж.: эвенк. *uri-m* < ПТМ **xuri-*); ‘медь’ (кор. *kuri* < ПКор. **kürü*); ‘темный’ (яп. *kúra-* < ПЯп. **kúrá-*) [EDAL 2003: 828–829, Дыбо 2013: 429].

4. В некоторых тюркских языках для обозначения красного цвета употребляются и другие лексемы: алт. *jeeren* ‘красный (о вине, ткани, волосах)’ (< ПТю. *jegre-n* ‘рыжий’) [Дыбо 2013: 429]; гаг. *кырмызы*, тур. *kırmızı*, туркм. *гырмызы*, аз. *qırmızı*, караим. *кырмызы*, *къырмазы* (иранизм или арабизм) [TPC 1968: 234, ГРМС 1973: 310, КРПС 1974: 381, 387, TPC 1977: 543, APC 2006в: 150, БРТС 2009: 190]. В современных азербайджанском, гагаузском, турецком, туркменском языках *qırmızı* / *кырмызы* / *kırmızı* / *гырмызы* занимает доминирующее положение для выражения красного цвета.

5. Семантика цветообозначения *кызыл* ‘красный’ в башкирском языке:

5.1. Основное значение *кызыл* в башкирском языке – обозначение красного цвета и его оттенков: *кызыл буяу* ‘красная краска’, *кызыл яулык* ‘красный платок’, *кызыл сәскә* ‘красный цветок’, *кызыл күлдәк* ‘красное платье’, *кызыл таҗма* ‘красная лента’.

Ср. в источниках: орх. *qizil qanım tökti* ‘проливая красную свою кровь’ [Малов 1951: 64, 69]; в других тюркских языках: ног. *кызыл бояк* ‘красная краска’, тат. *кызыл күлмәк* ‘красная рубаша’, ккалп. *қызыл көйлек* ‘красная рубашка’, кум. *къызыл гюл* ‘красная роза’, *къызыл йип* ‘красная нитка’, хак. *хызыл көгенек* ‘красное платье’, *хызыл сыр* ‘красная краска’, *хызыл чылтыс* ‘красная звезда’, чув. *хёрлэ тайпра* ‘краснозем’ [РНС 1956: 270, КРС 1958: 421, КРС 1969: 210, РЧС 2002: 307, ХРС 2006: 877, TPC 2007а: 693].

В узком смысле слова лексема *кызыл* ‘красный’ обозначает цвет, эталоном которого прежде всего является цвет крови: *кызыл кан* ‘красная кровь’. В широком смысле слова диапазон красного цвета в тюркских языках, в том числе и в башкирском, охватывает красный и оранжевый спектры, включая оттенки этих

цветов. Известно, что оранжевый цвет в восприятии тюрков – оттенок желтого либо красного. Поэтому в тюркских языках нет производного слова для оранжевого, и в его обозначении нередко используются лексемы *кызыл* или *һары*: *кызыл әфлисун* ‘оранжевый апельсин, букв. красный апельсин’.

Словом *кызыл* также могут обозначаться следующие оттенки красного цвета: например, рыжий – *кызыл сәсле* ‘рыжеволосый’; золотистый – *кызыл алтын* ‘красное золото’. Ср. в других тюркских языках: хак. *хызыл* ‘рыжий, бурый (о масти животных)’, *хызыл сас* ‘рыжие волосы’, *хызыл тұлғу* ‘рыжая лисица’, *хызыл инек* ‘рыжая (бурая) корова’, уйг. *қизил сақал* ‘рыжая борода’, чув. *хёрлэ ёне* ‘рыжая корова’, *хёрлэ сұслэ ача* ‘рыжеволосый мальчик’ [УРС 1968: 626, ЧРС 1985: 555, ХРС 2006: 877].

Лексема *кызыл* ‘красный’ в башкирском языке активно участвует в словообразовании, являясь компонентом множества терминов: в фитонимах она указывает на цвет плода или стебля, коры (*кызыл бөрләгән* ‘костяника’ (в отличие от *кара бөрләгән* ‘ежевика’), *кызыл тал* ‘краснотал’); в зоонимах – на окраску шерсти животных, перьев птиц (*кызыл төлкө* ‘лиса красная’, *кызыл аксарлак* ‘розовая чайка, букв. красная чайка’); в названиях минералов, горных пород – на их цвет (*кызыл якут* ‘рубин, букв. красный яхонт’, *кызыл акык* ‘красный сердолик’); в анатомических терминах – на их ярко выраженную красноту на фоне других частей тела (*кызыл үңәс* ‘пищевод, букв. красный пищевод’, *кызыл тел* (диал.) ‘язычок, букв. красный язык’); в названиях болезней – на высыпания красного цвета на теле (*кызыл һыр* ‘рожа, рожистое воспаление, букв. красная рожа’, *кызыл тимерәү* ‘водянистый лишай, букв. красный лишай’). Кроме того, данное цветообозначение активно участвует в образовании других терминов (названий пищи, напитков и др): *кызыл эремсек* ‘красный творог (вываренный творог)’, *кызыл аракы* (разг.) ‘вино, букв. красная водка’.

Ср. в других тюркских языках: кбалк. *къызыл наныкъ* ‘малина, букв. красная ягода’ (в отличие от *къара наныкъ* ‘ежевика, букв. черная ягода’), караим. *кызыл тас* ‘рубин, букв. красный камень’, *кызыл ас* ‘борщ, букв. красный суп’, тур.

kızılyara ‘мед. карбункул, букв. красная рана’, уйг. *қизил өңгәч* ‘пищевод, букв. красный пищевод’, тув. *кызыл-өөш* ‘пищевод, букв. красный пищевод’, хак. *хызыл харах* ‘сорога, букв. красный глаз’, чув. *хёрлэ тилё* ‘рыжая лиса’ [ТувРС 1968: 274, УРС 1968: 626, КРПС 1974: 383–384, ТРС 1977: 549, ЧРС 1985: 555, КБРС 1989: 390, 438, ХРС 2006: 877].

Данное значение является пратюркским, так как оно наблюдается во всех подгруппах тюркских языков.

5.2. Румяный, алый, покрасневший / румянец. Розовый или алый цвет в башкирском языке наряду с лексемами *ал* / *алһыу* передается словом *кызыл* ‘красный’: *кызыл алмалар* ‘румяные яблоки’, *кызыл таң* ‘алая заря, алый рассвет’, *кызыл эңер* ‘начало вечерних сумерек, букв. красные сумерки’. Активно используется и глагол *кызарыу* ‘краснеть’: *таң кызара* ‘заря занялась, букв. утро / рассвет краснеет’, *шәфәк кызарып тора* ‘краснеет вечерняя заря’. В глаголе *кызарыу* также наблюдается следующая метафоризация значения: ‘краснеть, покрываться румянцем’ → ‘покраснеть (о лице – от холода, жары, стыда, гнева)’ → ‘стыдиться’, ‘гневаться’ (напр., *асыузан кызарыу* ‘краснеть от гнева’, *асыузан йөзө кызарзы* ‘от гнева у него покраснело лицо’, *оялып кызарыу* ‘покраснеть от стыда’).

Ср. в источниках: крх.-уйг. *qizil äñ* ‘красная щека’ [Кашгари 2010: 85]; в других тюркских языках: тат. *кызыл таң* ‘румяная заря’, кум. *чакъ къызарды* ‘в небе загорелась заря’, кбалк. *къызыл къанлы бет* ‘румяное лицо’, *къызыл увуртла* ‘румяные щеки’, ккалп. *бетине қызыл жууырды* ‘у него на лице появился румянец’, *уялғаннан қызар-* ‘сгореть со стыда’, кирг. *бетине кызыл жүгүрдү* ‘у него на лице появился румянец’, гаг. *дан ерлери кызарэр* ‘рассветает, алеет восток’, тув. *кызыл-хаяа* ‘заревое, зарница, букв. красное зарево, зарница’, чув. *хёрлэ питçаймарти* ‘румяные щеки, букв. красные щеки’ [КРС 1958: 420, ТувРС 1968: 274, КРС 1969: 209, ГРМС 1973: 305, КРС 1985а: 478, ЧРС 1985: 554, КБРС 1989: 438, ТРС 2007а: 694].

Описанное значение является пратюркским, так как оно наблюдается во

всех подгруппах тюркских языков.

5.3. Спелый, созревший. Перенос ‘красный’ → ‘спелый, созревший’ происходит относительно названий ягод, плодов: *кызыл елак* ‘спелые ягоды, букв. красные ягоды’, *кызыл помидор* ‘спелый помидор, букв. красный помидор’, *кызыл алма* ‘спелое яблоко, букв. красное яблоко’. Это значение наблюдается также у глагола *кызарыу* ‘поспевать, созревать, букв. ‘краснеть’, который используется в отношении некоторых плодов и ягод красного цвета: *елак кызарган* ‘ягоды поспели, букв. ягоды покраснели’, *кызара башлау* ‘поспевать, букв. начать краснеть’, *кызарып бешеу* ‘покраснеть, созреть’.

Ср. в других тюркских языках: алт. *јишлектер кызарып јат-* ‘ягоды краснеют’, гаг. *кызар-* ‘поспевать, созревать (о плодах), букв. краснеть’, хак. *хызыл чистек* ‘спелая ягода, букв. красная ягода’, чув. *хёрлѣ сырла* ‘спелые ягоды, букв. красные ягоды’ [РАС 1964: 263, ГРМС 1973: 305, ЧРС 1985: 555, ХРС 2006: 877].

Данное значение также является пратюркским, так как оно наблюдается во всех подгруппах тюркских языков.

5.4. Яркий. Физическое свойство красного цвета – яркость – способствовало развитию у слова *кызыл* значения ‘яркий, броский’, которое наиболее выпукло выступает в поговорках и фразеологизмах: *утә кызыл тиз уңа* ‘соотв. слишком пылкие чувства быстро проходят, букв. слишком красный быстро выцветает’, *кызыл ыштан кейзереу* ‘букв. надеть на кого-то красные штаны’ (выражение употребляется по отношению к людям, занимающимся наушничеством, доносом), *һәр кызылга кызыкма* ‘соотв. не все золото, что блестит, букв. не зарись на любое красное’.

Ср. в других тюркских языках: кбалк. *кызыл кырккыны кыратыр* ‘букв. красное привлечет взгляд многих’, асї *qizil terk oңar* ‘букв. ярко-красное быстро линяет’, ккалп. *қыздың көзи қызылда* ‘девушки любят наряды, букв. глаза девушки в ярком’ [КРС 1958: 421, КБРС 1989: 438].

5.5. Восточный (в топонимии). В географических названиях лексема *кызыл*

‘красный’ наряду с другими цветоименованиями используется при обозначении сторон света. Так, в башкирской топонимии есть гидроним *Оло Кызыл* ‘Большой Кизил’ (от *оло* ‘большой’ и *кызыл* ‘красный’). Река Большой Кизил протекает на востоке территории проживания башкирских племен, возможно, поэтому она и именовалась словом *кызыл*, семантика которого предполагает указание на восток. Здесь наблюдается отличие цветового обозначения востока у башкир от традиционной цветовой геосимволики древних тюрков, предложенной А.Н. Кононовым, по которой красный цвет обозначал юг [Кононов 1978: 159–160].

5.6. Сильная степень проявления качества. В составе некоторых выражений лексема *кызыл* ‘красный’ обозначает сильную степень чего-либо, употребляясь в значении ‘совершенно’, ‘очень’: *кызыл тел* ‘красноречивый, букв. красноязычный’, *кызыл ялангас калыу* ‘остаться совершенно без ничего, букв. остаться “красного цвета” голым’.

Ср. в других тюркских языках: кирг. *кызылдай эле жаздым* ‘я здорово ошибся, букв. я только что ошибся как будто красным’, *кызыл камчы* ‘жестокий, букв. красная плеть’, *кызыл чөл* ‘безжизненная пустыня, букв. красная пустыня’, *кызыл уурулар* ‘ворюги, букв. красные вору’, уйг. *қип-қизил ялғанчи* ‘наглый лгун, лжец, букв. совершенно красный лгун’, тув. *кызыл-даван* ‘босой, босиком, букв. красная подошва’, хак. *хызыл ачыргастыг* ‘в высшей степени досадный, букв. докрасна досадный’ (*ачыргастыг* ‘досадный’), *хызыл чалаас* ‘совершенно голый, в чем мать родила, букв. “красный” голый’ (где *чалаас* – ‘голый’), *хызыл пырчык* ‘лишь красное тельце (о новорожденном)’, *хызыл холнаң* ‘голыми руками, букв. красными руками’, *хызыл чиит* ‘совсем юный молодой, букв. “красный” молодой’ (где *чиит* – ‘молодой’)’ [ТувРС 1968: 274, УРС 1968: 626, КРС 1985а: 478, ХРС 2006: 877–878].

5.7. Субстантивы. В башкирском языке нередко происходит субстантивация прилагательного цвета *кызыл* ‘красный’ для обозначения разных предметов, явлений (‘помада’, ‘румяна’, ‘ржавчина’ и т. д.): *иренгә кызыл һөртөү* ‘накрасить

губы, *букв.* нанести на губы красное’, *биткә кызыл ягыу* ‘нанести на лицо румяна, *букв.* нанести на лицо красное’, *кызыл ултырыу* ‘заржаветь, *букв.* осело красное’, *кызылдан тазартыу* ‘удалять ржавчину, *букв.* чистить от красного’.

5.8. Красный (относящийся к Советской армии, революции). Это значение зафиксировано в исторических терминах *Кызыл армия* ‘Красная армия’, *кызыл фронтовиктар* ‘красные фронтовики’, *Кызыл байрак* ‘Красное знамя’, *кызыл галстук* ‘красный галстук’, *кызыл мөйөш* ‘*букв.* красный уголок’, в которых слово ‘красный’ изначально употреблялось в значении ‘относящийся к революционной деятельности’.

Ср. в других тюркских языках: тат. *кызыл командир* ‘красный командир’, ног. *кызыл аскерлер* ‘красные войска’, алт. *кызыл мааны* ‘красное знамя’, чув. *хёрлэ гвардеец* ‘красногвардеец’, *хёрлэ командир* ‘красный командир’, *Хёрлэ сар* ‘Красная армия’ [РНС 1956: 270, РАС 1964: 263, ЧРС 1985: 555, ТРС 2007а: 694].

5.9. Топонимообразующий компонент. В географических названиях Республики Башкортостан, кроме значения ‘восточный’, отмеченного выше, цветообозначение *кызыл* ‘красный’ может указывать на цвет топообъекта. Например, в южноуральских месторождениях яшмы, где присутствуют горные породы темно-красного цвета, яшмовые выступы скал имеют названия с компонентом *кызыл* ‘красный’: *Кызылташ* ‘*букв.* красный камень’ (скалы в Баймакском, Гафурийском, Учалинском районах Республики Башкортостан), *Кызылкая* ‘*букв.* красный утес / скала’ (скала в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан) [Цветообозначения... 2019: 140–159].

5.10. Антропонимообразующий компонент. В башкирских антропонимах отмечается значение ‘красивый’ цветообозначения *кызыл*: *Кызылбай* ‘*букв.* красный + *бай* (компонент мужского имени)’, *Кызылбикә* ‘*букв.* красный + *бикә* (компонент женского имени)’.

5.11. Этнонимообразующий компонент. Как отмечает А.Н. Кононов, в тюркских этнонимах цветообозначение *qizil* встречается крайне редко [Кононов 1978: 177]. В башкирском языке встречаются родоплеменные названия с

компонентом *кызыл*: *кызылбаш* ‘букв. красная / рыжая голова’.

5.12. Мифологизированный цвет. У башкир красный цвет является одним из мифологизированных цветов – он символизирует жизнь. По поверьям башкир, красный цвет выполняет обережную / охранительную и отгоняющую функции: его использовали в одежде и украшениях как оберег от сглаза, нечистой силы (*кызыл акык* ‘красный сердолик’, *кызыл мунсак* ‘красные бусы’); животным от сглаза привязывали красную матерую (*кызыл сепрак*), красную нить (*кызыл еп*); болезни, проявляющиеся с красными высыпаниями на коже (корь, краснуха, рожа, водянистый лишай), заговаривали предметами красного цвета (*кызыл елак* ‘красные ягоды’, *кызыл яулык* ‘красный платок’) и т. д. [Хисамитдинова 2010: 207].

5.13. Кроме отмеченных выше положительных коннотаций, слово *кызыл* употребляется в названиях понятий и явлений, которые в основном несут отрицательную семантику: *кызыл ауыз* ‘невозмужавший, неокрепший (с пренебрежением), букв. красноротый’, *кызыл кар яугас* ‘соотв. после дождичка в четверг, букв. когда выпадет красный снег’, *кызыл эт ашаһын* ‘букв. пусть съест красная собака (об имуществе скупого человека с презрением)’, *кызыл этас* ‘пожар, букв. красный петух’ [АСБЯ 2013: 668].

6. В некоторых тюркских языках отмечены и другие значения данного названия цвета: ‘пустыня’ (ккалп. *қызыл*), ‘мясо’ (кирг. *бир тиштем кызыл* ‘кусочек мяса, букв. кусочек красного’, *кызылга кароо* ‘любитель мяса, любитель мясного, имеющий пристрастие к мясу, букв. пристрастие к красному’, *кызылды көрсө, кыя өтпөгөн* ‘если он видит мясо, букв. красное, то мимо не пройдет’), ‘обмолоченное чистое зерно’ (ккалп. *қызыл*), ‘хан’ (кирг. *кызыл*, напр.: *кызыл тебетей* ‘красная шапка (признак ханского достоинства)’), ‘жариться’ (кум. *къызармакъ*, напр.: *эт къызарды* ‘мясо поджарилось, букв. мясо покраснело’, аз. *qizar-* ‘румяниться; поджариваясь, приобретать красноватый цвет, букв. краснеть’) [КРС 1958: 421, КРС 1969: 209, КРС 1985б: 478, АРС 2006в: 160].

7. Таким образом, исследование цветообозначения *кызыл* ‘красный’ в

башкирском языке в сравнительно-историческом и лексико-семантическом планах позволяет сделать определенные выводы.

Пратюркская форма данного цветообозначения восстанавливается как **Kiř-il* ‘красный’ (< ПТю. **Kiř-* ‘краснеть, раскаляться’), ее рефлексy сохранялись во всех тюркских языках в значении ‘красный’. Слово *qizil* ‘красный’ встречается в древне-, средне- и новотюркских источниках в прямом и переносном значениях.

Праалтайская форма реконструируется как **k'jūru* ‘красный; коричневый, темный’, ее рефлексy функционируют во всех группах алтайской языковой семьи в значениях ‘коричневый’ (монг.), ‘серый’ (тунг.-маньчж.), ‘медь’ (кор.), ‘темный’ (яп.).

Основное значение лексемы *кызыл* ‘красный’ в башкирском языке – обозначение красного цвета, эталоном которого является цвет крови. В широком смысле слова лексема *кызыл* ‘красный’ охватывает весь диапазон красного и оранжевого спектров. Также в башкирском языке она имеет вторичные значения (‘спелый’, ‘яркий’, ‘восточный’, ‘советский, революционный (ист.)’); образует субстантивы (‘помада’, ‘румяна’, ‘ржавчина’, ‘золото’); обозначает сильную степень проявления качества (‘совершенно’, ‘очень’). Цветообозначение *кызыл* ‘красный’ активно участвует в образовании топонимов, этнонимов, антропонимов. В башкирской культуре отмечается мифологическая семантика красного цвета.

Большинство значений данного слова, зафиксированные в башкирском языке, носят пратюркский характер. Тем не менее в башкирском языке присутствует отличающееся от других тюркских языков значение лексемы *кызыл*, а именно – ‘восточный’ (в топонимах), в то время как у многих тюркских народов красным обозначался юг, южная сторона.

В целом цветообозначение *кызыл* ‘красный’ в башкирском языке имеет пратюркскую и праалтайскую основы, в формировании и развитии ее семантики преобладают пратюркские особенности, в то же время выделяется и собственно башкирская специфика.

Һары ‘желтый’

1. Желтый цвет – третий по счету цвет спектра и соответственно третий цвет радуги, который находится между оранжевым и зеленым цветами. Желтый цвет является природной окраской цветков одуванчика, горечавки, лютика, подсолнуха и т. д.; осенних листьев и зерен; яичного желтка. Можно сказать, что цвет вышеперечисленных органических веществ является эталоном желтого цвета. Примером неорганических пигментов выступает цвет желтой охры, желтого песка.

2. Желтый цвет в литературном башкирском языке обозначается лексемой *һары*. В диалектах и говорах имеются следующие фонетические варианты этой лексемы: ай., демск., тук-соран., уршак., иргизо-кам. гов. *сары*, сев.-зап. диал. *сары* [Ишкильдина 2013: 195–196].

В других тюркских языках и их диалектах эта лексема встречается в разных фонетических вариантах: тат., каз., ккалп., ног., кбалк., кум., кр.-тат., сиб.-тат., телеут., туб., куманд., гаг. *сары*, кирг. сев. *сары* // кирг. южн. *сарык* ‘желтуха’, караим. *сары* ‘желтый’ // *сарув*, *саров* ‘рассвет’, аз., тур. *sarı*, тув. *сарыг*, туркм. *сары* (*са:ры*), алт. *сары* / *сарыг*, узб. *сарик* // диал. *сариг*, уйг. *серик* // диал. *сариг*, хак., тоф. *сарыг*, сал. *sary* / *sāre*, як. *арыы*, халадж. *sāruy*, чув. *шурӑ* (генуинное) / *сарӑ* (< кыпч.) [КРС 1958: 566, УРС 1959: 356, НРС 1963: 289, ТРС 1968: 567, ТувРС 1968: 369, УРС 1968: 495, 530, КРС 1969: 279, ЯРС 1972: 44, 48, ГРМС 1973: 401, КРПС 1974: 467, Тенишев 1976: 117, ТРС 1977: 752, КРС 1985б: 138, ЧРС 1985: 347, 622, КБРС 1989: 542, УРС 1989: 155, Бектаев 1995: 400, КРС 1995: 63, ТРС 1995: 73, Кормушин 2001: 601, Рассадин 2005: 181, АРС 2006г: 49, ХРС 2006: 450, ТРС 2007б: 219, Усеинов 2007: 503, Дыбо 2013: 531–532, АРС 2015: 103, РТС 2019: 66, СТРС 2019].

Как видим, данное слово встречается во всех подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его пратюркский характер. В большинстве современных тюркских языков (кроме чувашского, якутского, халаджского) слово *сары* (*сарыг* и т.д.) употребляется в значении ‘желтый’ [Кормушин 2001: 601,

ЭСТЯ 2003: 220–221]. В чувашском языке слово *шурă* имеет значение ‘белый’ [ЧРС 1985: 622–623], в якутском *арыы* – ‘масло’ [ЭСТЯ 2003: 220–221], в халаджском языке *sāruu* – ‘оранжевый’ [Doerfer 1987: 478].

Слово зафиксировано в письменных источниках тюрков в прямом и переносных значениях. Первая его фиксация наблюдается в древнетюркских памятниках: орх., ен., др.-уйг., крх.-уйг. *sariy* [ДТС 1969: 488, Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2001: 601]. Далее оно встречается в среднетюркских и новотюркских источниках, например: ср.-кыпч. *saru* [Курьшжанов 1970: 185], *sari* [Гаркавец 2006: 17], новотюрк. *saru* / *sari* / *sariq* / *sariy* [Будагов 1869: 685], *sari* / *sariq* [Радлов 1911а: 319–321].

3. Пратюркская форма этого цветообозначения восстановлена как **siāriḡ* ‘желтый, белый’ [EDAL 2003: 1264, Дыбо 2013: 532].

Этимологию слова можно найти в работах тюркологов [Егоров 1964, Doerfer 1967, VEWT 1969, Федотов 1996б, ЭСТЯ 2003, Дыбо 2013, Ахметьянов 2015б], соответствия представлены в исследованиях по монгольской, тунгусо-маньчжурской, японской этимологиям [Ramstedt 1935, ССТМЯ 1977, Старостин 1991], в трудах по восстановлению алтайских праформ [EDAL 2003].

Как предполагают исследователи, имеющееся значение ‘белый’ лексемы *шурă* в чувашском языке является первичным явлением. В древности для обозначения и белого, и желтого использовалось одно слово *шурă*. Когда в язык вошло кыпчакское *сарă* ‘желтый’, лексема *шурă* стала описывать бледные оттенки, а *сарă* – обозначала сначала более насыщенный желтый цвет и стало основным словом для описания всего желтого спектра, а *шурă* – белого [Егоров 1964: 339, Кормушин 2001: 602].

О наличии у рефлексов ПТю. **siāriḡ* в болгарской группе значения ‘желтый’ говорит значение древнеболгарского заимствования в венгерском: *sár*, *sárga*, диал. *sárog* ‘желтый’ (-og – собственно венгерский суфф., в нём – венгерская же метатеза) [MNyTESz 1976: 227, Гомбоц 1985: 38, Дыбо 2010: 81]. Но уже, вероятно, в ранневожскоболгарском значение изменилось – ср.

приписываемый средневековыми историческими источниками хазарам топоним Саркел, толкуемый как булг. *сар кел, при древнерусском переводе *Белая Вежа* (то есть белое здание), который по составу лучше всего объясняется как болгарский (булг. *кел > чув. кил ‘дом, жилище’) [Федотов 1996а: 292].

Вместе с тем в остальных тюркских языках значение ‘желтый’ ПТю. *siāriḡ, скорее всего, имеет вторичный характер. По всей видимости, ПТю. *siāriḡ ‘желтый, белый’ изменило значение уже после отделения чувашского, будучи вытеснено корнем *Āk ‘белый’, отсутствующим в чувашском.

Корень *Āk, вероятно, первоначально означал ‘светлый’. Для объяснения приводятся японские параллели к обоим корням: ПТю. *siāri-g ‘желтый, белый’ / ПЯп. *siṛuà- ‘белый’; ПТю. *Āk ‘белый’ / ПЯп. *aka- ‘светлый, красный’. Из тунгусо-маньчжурского материала к рассматриваемому алтайскому корню привлекается маньчж. šara- ‘сесть, белеть’, šari ‘свет, сияние’, ša-xun (< šar-xun) ‘беловатый’ [Старостин 1991: 41–42] (вместе с тем маньчж. sira ‘желтый’ – монголизм [Rozycki 1994: 184]).

Другими словами, предполагается, что в пратюркском языке белый цвет обозначался лексемой *siāri-g, а светлый – словом *Āk.

В якутском языке произошел следующий семантический переход: ПТю. *siāriḡ ‘желтый, белый’ > як. арыы ‘масло’ [ЭСТЯ 2003: 220–221].

ПТю. *siāriḡ ‘желтый, белый’ восходит к праалтайской форме *siājri ‘белый, желтый’, рефлексy которой встречаются во всех ветвях алтайской языковой семьи: ПМо. *sira ‘желтый’ > халх.-монг., калм. шар, бур. шара ‘желтый, рыжий, русый’; ПТМ *siṛuà- ‘молния, радуга; свет, светлый’ > маньчж. šari ‘свет, светлый’, эвенк. sêrûn ‘молния, радуга’, орок. srro, sêro ‘молния, радуга’; ПКор. *hăi- ‘белый’ > кор. hi- ‘белый’; ПЯп. siṛuà- ‘белый’ > яп. siroi ‘белый’, siromi ‘белок яйца’, sirome ‘белок глаза’ [МРС 1957: 645–646, БРС 1973: 720–721, МNyTESz 1976: 227, КРС 1977: 665, Гомбоц 1985: 38, РЯС 1988, Федотов 1996б: 15–16, ЭСТЯ 2003: 222, EDAL 2003: 1264, 1265, WOT 2011: 691–695, Дыбо 2013: 532]:

4. В тюркских языках для обозначения желтого цвета функционируют и другие лексемы. Желтый цвет на большинстве территории распространения халаджей представлен лексемой *çaqir* (< ПТю. **çakir* ‘светло-серый, серовато-голубой’), но в то же время в некоторых местах наблюдается сохранение *sāruu* в значении ‘желтый’ [Doerfer 1987: 478].

В якутском для обозначения желтого цвета функционируют два слова, которые указывают на «различие по степени насыщенности» [Борисова 2014: 75–83]: 1) *араҕас* (< ПТю. **siāriḡ* + *ҕас* ‘аффикс ослабления качества’) ‘желтый, светло-желтый, красноватый’ (*араҕас арыы* ‘топленое масло, букв. желтое масло’, *араҕас таиһ* ‘желтый камень’, *араҕас көмүс* ‘золото, букв. желтое серебро’, *ыыс араҕас* ‘изжелта-желтый, предельно желтый’); 2) *саһархай* < *саһар-* ‘желтеть’ (< ПТю. **jāl-il* ‘зеленый’) ‘желтоватый, с желтым оттенком’ или же ‘желто-красный, рыжий, гнедой (о лошади), желтый, оранжевый’, который обладает более красным, оранжевым оттенком в отличие от *араҕас* (*саһархай кырааска* ‘желтая краска’) [Дыбо 2013: 532–533, Борисова 2014: 75–83].

5. Семантика цветообозначения *һары* ‘желтый’ в башкирском языке:

5.1. Основное значение башкирской лексемы *һары* – это обозначение желтого и оранжевого цветов спектра и их оттенков.

В узком смысле слова лексема *һары* обозначает желтый цвет, эталонами которого являются: 1) элементы живой природы (*һары сәскә* ‘желтый цветок’, *һары бәнембә* ‘желтый одуванчик’, *һары япрак* ‘желтый лист (растения)’); 2) элементы неживой природы (*һары балсык* ‘желтая глина’, *һары ком* ‘желтый песок’, *һары таиһ* ‘желтый камень’, *һары гәрәбә* ‘янтарь, букв. желтый янтарь’ (в отличие от *кара гәрәбә* ‘агат, букв. черный янтарь’), *һары алтын* ‘желтое золото’).

В современной речи оно используется по отношению к цвету любого предмета, близкого к этим эталонам: *һары күлдәк* ‘желтое платье’, *һары тышлы китап* ‘книга с желтой обложкой’. В говорах наблюдается субстантивация значения: средн. *ағас һарыһын түгә* ‘дерево сбрасывает пожелтевшие [листья]’ (где *һары* – ‘пожелтевший лист дерева’) [ДСБЯ 2002: 373].

Лексема *һары* ‘желтый’ активно выступает в словообразовании как первый компонент фитонимов, зоонимов, где наблюдается принцип номинации по цвету: *һарыгүз* ‘золототысячник, букв. желтый глаз’, *һарыгат* ‘облепиха, букв. желтая ягода’, *һарыгош* ‘иволга, букв. желтая птица’, *һарыбауыр* ‘златогузка, букв. желтое брюхо’. Кроме того, данное цветообозначение активно участвует в образовании других названий (пищи, болезней и т. д.), например: *һары май* ‘букв. желтое масло’, *һары һыу* ‘1) болезнь суставов, 2) молочная сыворотка, 3) весенняя талая вода; букв. желтая вода / жидкость’.

Ср. в источниках: др.-уйг. *sariy taş* ‘желтый камень’ [ДТС 1969: 422]; в других тюркских языках: тат. *сары чәчәк* ‘курслеп, желтоцвет, букв. желтый цветок’, *сары чыпчык* ‘чиж, букв. желтый воробей’, каз. *сарысу* ‘суставная жидкость, букв. желтая жидкость’, туркм. *сары гарынжа* ‘термит, букв. ‘желтый муравей’, тур. *sarı menekşe* ‘желтая фиалка’, узб. *сариг илон* ‘уж; медянка, букв. желтая змея’, *сарийғ* ‘масло (сливочное и топленое), букв. желтое масло’, тув. *сарыг ары* ‘оса, букв. желтая пчела’, хак. *сарыг сеек* ‘комар, букв. желтая муха’ (в отличие от *хара сеек* ‘муха, букв. черная муха’), чув. *сар-каййак* ‘иволга, букв. желтая птица’ [УРС 1959: 356, ТРС 1968: 567, ТувРС 1968: 369, ТРС 1977: 752, УРС 1989: 155, 263, Бектаев 1995: 400, РЧС 2002: 189, ХРС 2006: 450, ТРС 2007б: 219].

В широком смысле слова диапазон желтого цвета в тюркских языках, в том числе и в башкирском, находится между красным и зеленым цветами (включая оранжевый, который в физике обозначен отдельным участком спектра). Этот участок спектра (желто-оранжевый) в башкирском языке иногда может обозначаться лексемами *һары* ‘желтый’ или *кызыл* ‘красный’, но в большинстве случаев оттенки или насыщенность этого цвета указываются сложными прилагательными, образованными аналитическим способом, а также с помощью частиц и аффиксов, различающих степени прилагательных.

Данное значение слова *һары* ‘желтый’ имеет пратюркский характер, так как встречается во всех подгруппах тюркских языков (о его наличии в болгарской

подгруппе, как говорилось выше, свидетельствуют древнебулгарские заимствования в венгерском).

5.2. Светлые цвета с легким желтоватым оттенком (бежевый, кремовый, белесый). Лексемой *һары* ‘желтый’ в разговорной речи выражаются светлые цвета (бежевый, кремовый, белесый) с чуть заметным желтоватым оттенком: *һары күлдәк* ‘кремовое платье, букв. желтое платье’, *һары такта* ‘белесая доска, букв. желтая доска’, *һары кершән* ‘бежевая пудра, букв. желтая пудра’.

Ср. в других тюркских языках: тат. *көрән сары* ‘бежевый, букв. коричнево-желтый’, уйг. *ақ сериқ* ‘кремовый’ (от *ақ* ‘белый’ + *сериқ* ‘желтый’), чув. *сарйрах шупка* ‘кремовый, букв. желтовато-белесый’ (*сара* < кыпч.) [УРС 1968: 530, ТРС 2007б: 219, РЧС 2012а: 400].

Данное значение встречается в кыпчакской и карлукской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.3. Пожелтевший (потерявший природную белизну) / желтизна. Значение ‘пожелтевший’ имеет место в следующих выражениях: *һары теш* ‘желтые зубы’, *һары кағыз* ‘желтая бумага’.

Ср. в источниках: ср.-уйг. *tiş sarusı* ‘желтизна зубов’ (Тефсир) [Боровков 1963: 262]; в других тюркских языках: хак. *хасха тізің сарғалғанча чөр* ‘пожелание долголетия, букв. живи до тех пор, пока твои белые зубы не пожелтеют’ [ХРС 2006: 448].

Данное значение встречается в кыпчакской и уйгуро-огузской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.4. Русый (цвет волос) / светлый, белесый (цвет кожи) / блондин. Лексема *һары* ‘желтый’ в башкирском языке может обозначать русый цвет волос: *һары сәсле* ‘светловолосый, русоволосый’. Эпитетом *һары* обозначается светлолицый, светловолосый человек – блондин(ка): *һары кыз* ‘светлая девушка’. Эти значения лежат в основе некоторых антропонимов: *Һарысәс* ‘букв. желтоволосая, светловолосая’, *Һарыбикә* ‘букв. желтый + *бикә* (компонент женского имени)’, *Һарыбай* ‘букв. ‘желтый + *бай* (компонент мужского имени)’.

Ср. в других тюркских языках: ккалп. *сары жигит* ‘блондин’, кирг. *сары* ‘русый’, туркм. *сарыягыз* ‘блондин’, *сарыягыз гыз* ‘блондинка’, тур. *sarı saçlı* ‘блондин, светловолосый’, хак. антроп. *Сарыг-оол* ‘букв. русый парень’, чув. *сарă каччă* ‘русый парень’ (*сарă* < кыпч.) [КРС 1958: 566, ТРС 1968: 567, ТРС 1977: 752, КРС 1985б: 138, ЧРС 1985: 347, Благова 2001: 682].

Данное значение встречается в кыпчакской, киргизско-кыпчакской, огузской, уйгуро-огузской, болгарской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.5. Рыжий (о бороде и усах): *һары мыйык* ‘рыжие усы, букв. желтые ус(ы)’, *һары һакал* ‘рыжая борода, букв. желтая борода’.

Ср. в других тюркских языках: каз. *сары сақалды еркек* ‘мужчина с рыжей бородой’, кирг. *сары ит* ‘рыжая собака’, узб. *сариг муйлов* ‘рыжие усы’, хак. *хызыл сарыг* ‘рыжий, букв. красно-желтый’ [УРС 1959: 356, КРС 1985б: 138, ХРС 2006: 877].

Данное значение встречается в кыпчакской, киргизско-кыпчакской, карлукской, уйгуро-огузской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.6. Соловый (масть лошади). Лексемой *һары* в башкирском языке обозначается масть лошади с желтоватой окраской волосяного покрова и со светлыми хвостом и гривой: *һары ат* ‘соловый конь’, *һары бейә* ‘соловая кобыла’, *Һарысай* ‘кличка лошади’.

Ср. в источниках: др.-уйг. *sariy atliy sabci* ‘на соловой лошади вестник’ [Малов 1951: 81, 86]; в других тюркских языках: тат. *сары ат* ‘буланая лошадь; саврасая лошадь’, ккалп. *сары ала* ‘желтопегий’, *сары ат* ‘рыжая лошадь’, тув. *сарыг / сара аът* ‘соловый конь’, хак. *ах сарыг* ‘соловый’, чув. *сарă* ‘саврасый, соловый, буланый’ (*сарă* < кыпч.) [Ашмарин 1936: 66, КРС 1958: 566, ТувРС 1968: 368–369, ЧРС 1985: 347, ХРС 2006: 450, ТРС 2007б: 219].

Данное значение встречается в кыпчакской, киргизско-кыпчакской, карлукской, уйгуро-огузской подгруппах тюркских языков, что позволяет

предположить его общетюркский характер.

5.7. Желто-сивый, желто-серый (окраска шерсти животных, оперения птиц). Кроме обозначения желтого цвета и его оттенков, слово *һары* ‘желтый’ в башкирском языке употребляется в значении ‘желто-сивый, желто-серый’ (при описании оперения птиц): *һары һандугас* ‘желто-сивый соловей’, *һары тургай* ‘желто-сивый воробей’.

Ср. в других тюркских языках: тат. *сары сандугач* ‘поэт. соловей желтоперый’, чув. *сарă ӗрӗкӗ* ‘сивый соловей’ (*сарă* < кыпч.) [ГРС 2007а: 219].

Образ желто-сивого соловья часто встречается в лирике тюркских народов. Удмуртский исследователь С.А. Максимов отмечает проникновение в удмуртский фольклор через татарский образ «желтого соловья». По его описанию, «в природе эта птица далеко не желтого цвета, у нее коричневое и коричнево-серое оперение», а формированию образа желтого соловья в фольклоре «способствовало культурно-психологическое значение желтого цвета: символ печали, символ светлой грусти» [Максимов 2016: 58–72].

5.8. Светлый / свет / рассвет. В башкирском языке есть выражения *һары таң* ‘раннее утро, букв. желтый рассвет’, *таң һарыһы* ‘раннее утро, букв. желтизна зари’, *таң һарыһынан* ‘спозаранок, букв. с желтой зарей’. Наряду с этим есть и *ала таң* ‘букв. пестрый рассвет’, *ал / алһыу таң* ‘букв. алый рассвет’, *кара таң* ‘букв. черный рассвет’, *кызыл таң* ‘букв. красный рассвет’. Все эти словосочетания передают наступление утра, но каждое из них выражает его какую-то определенную фазу: *кара таң* ‘время суток, когда ночь близится к утру, но еще темно, соотв. ни свет ни заря’, *ала таң* ‘предрассветные сумерки, когда уже не темно, но еще и не светло’, *һары таң* ‘время суток перед самым восходом солнца, когда начинает светать’, *ал / алһыу таң, кызыл таң* ‘восход солнца, появление алых / красных лучей солнца’.

Как видим, выражение *һары таң* ‘раннее утро, букв. желтый рассвет’ подразумевает наступление рассвета, появление лучей света, где *һары* ‘желтый’ несет семантику ‘свет, рассвет’ (можно также предположить значение ‘белый’,

так как пратюркская и праалтайская формы заключают в себе и данное значение: ПТю. **siārīg* ‘желтый, белый’, ПА **siājri* ‘белый, желтый’).

Значение ‘свет’ лексемы *һары* ‘желтый’ наблюдается и в диалектах башкирского языка: кызыл., ик.-сакм. *көн һарыһы* ‘полдень, дневной свет, светлый день, букв. желтизна дня’.

Ср. в источниках: крх.-уйг. *sariy taŋ* ‘бледный рассвет, букв. желтый рассвет’ [ДТС 1969: 488]; в других тюркских языках: каз. *сары таң* ‘поэт. долгое летнее утро, букв. желтое / светлое утро’, караим. *тан сарувларында* ‘на рассвете’, алт. *сары тан* ‘раннее утро, букв. желтое / светлое утро’ [КРПС 1974: 467, Молчанова 1986: 193].

Данное значение встречается в древнетюркских источниках, кыпчакской, киргизско-кыпчакской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.9. Золотистый / эпитет золота. Золотистый цвет в башкирском языке обозначен лексемой *һары*: *һары көмбәз* ‘золотистый купол’. Слово *һары* ‘желтый’ является постоянным эпитетом золота (*һары алтын* ‘букв. желтое золото’), например: *һары алтын* ‘чистое золото, золото наивысшей пробы’, посл. *сабырлык төбө – һары алтын* ‘букв. на дне терпенья – желтое золото’ [БТһ 1993б: 577, БРС 1996: 28].

Ср. в источниках: орх. *sariy altun* ‘желтое золото’ [Малов 1951: 64, 69]; в других тюркских языках: каз. *сары алтын* ‘чистое золото, букв. желтое золото’, тур. *sarı altın* ‘чистое (червонное) золото, букв. желтое золото’ [ТРС 1977: 752, Хасен, Болат 2016: 74].

Данное значение встречается в древнетюркских источниках, кыпчакской, огузской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.10. Желток. Субстантивация прилагательного *һары* ‘желтый’ происходит при обозначении яичного желтка: *йомортка һарыһы*.

Ср. в других тюркских языках: тат. *йомырка сарысы*, каз. *сары уыз*, ног.

юмырткадынъ сарысы, ккалп. *сары уўуз*, кирг. *жумуртканын сарысы*, туркм. *юмуртганың сарысы*, узб. *тухум сариги*, уйг. *тухумниң сериги*, чув. *самарта сари* (*сарă* < кыпч.) [НРС 1963: 289, РКС 1967: 221, ТРС 1968: 567, УРС 1968: 530, РУС 1983: 291, КРС 1985б: 138, ЧРС 1985: 347, Бектаев 1995: 400, ТРС 2007б: 219].

Данное значение встречается в кыпчакской, огузской, карлукской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.11. Желтуха (гепатит). Субстантивация прилагательного *һары* происходит при обозначении болезни желтухи (при которой печень не может перерабатывать билирубин, он накапливается в крови, в результате чего желтеют кожа и белки глаз): *һары менән ауырыу* ‘болеть желтухой’.

К слову, отметим, что в башкирской народной медицине основным приемом лечения желтухи была магия подобия, то есть болезнь выводили с помощью желтых предметов: пили отвар желтых цветов, ели желтую морковь, пользовались желтой (медной) посудой, надевали желтые (янтарные) бусы, купались в отваре желтого овса. В башкирском языке есть выражение, которое суммирует поверье о воздействии предметов желтого цвета на желтуху: *һарыны һары ала* ‘от желтухи помогает желтое, букв. желтое (желтуху) берет желтое’ [Хисамитдинова 2011: 358].

Ср. в источниках: крх.-уйг. *sariy kezik* ‘болезнь желтуха’ [ДТС 1969: 488]; в других тюркских языках: тат. *сары авыруы* ‘желтуха’, ног. *сары аврув*, кирг. *сары оору*, туркм. *сары гетирме*, узб. *сарик*, уйг. *серик кесэл*, чув. *сарă*, *сар-çір* (*сарă* < кыпч.) [НРС 1956: 176, ТРС 1968: 567, УРС 1968: 531, КРС 1985б: 138, ЧРС 1985: 347, УРС 1989: 155, ТРС 2007б: 219, РЧС 2012а: 248].

Данное значение встречается в древнетюркских источниках, кыпчакской, огузской, карлукской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.12. Желчь / Изжога. Этот субстантив зафиксирован в словаре М. Кашгари (XI в.): *sariy* ‘желчь’, *sariyliy ir* ‘желчный человек’ [ДТС 1969: 488]. В словаре

имеется и другой лексический вариант слова – *öt* ‘желчь’. Слово *öt* в значении ‘желчь’ встречается и в лечебнике, написанном уйгурским письмом [Rachmati 1930: 451–473]. В современных тюркских языках, в том числе и башкирском, желчь обозначается различными фонетическими вариантами лексемы **öt*: башк., тат. *yt*, каз., ккалп., кирг. *өт*, тув. *өт*, аз. *öd*, як. *үөс* и т. д. [КРС 1958: 515, ТувРС 1968: 341, ЯРС 1972: 455, КРС 1985б: 102, Бектаев 1995: 375, АРС 2006в: 628, ТРС 2007б: 501].

Значение ‘желчь’ ПТю. **siāriḡ* ‘желтый, белый’ в тюркских языках, в том числе и башкирском, изменилось следующим образом: ‘желчь’ → ‘изжога’ (*һарыу кайнау* ‘страдать изжогой; разозлиться, букв. желчь кипит’, вост. диал. *һары кайнау* ‘разозлиться, букв. желчь кипит’, караид. *сару кайнау* ‘изжога, букв. желчь кипит’) [ДСБЯ 2002: 270, 373]. Форма на *-у /-ыу* (*һарыу / сару*) в башкирском языке, возможно, является рефлексом пракыпчакского типа – это, скорее всего, рефлекс образованного от цветообозначения существительного-носителя признака (**siāriḡu*). Это может быть форма, возникшая от **siāriḡ* с помощью аффикса *-AgU*, образующего название предмета, охарактеризованного первообразным словом [Erdal 1991: 162–165]. Вероятно, здесь место имеет гаплоглия: **siāriḡu-agu* > **siāriḡ-u*.

Подобный рефлекс наблюдается в караимском языке в слове *сарув* ‘рассвет’, а в кыпчакских – в словах со значением ‘желчь, изжога’, употребляемых преимущественно в составе идиом: тат. *сару кайнау* ‘изжога, разозлиться, переживать, букв. желчь кипит’, кбалк. *сарыўум кеседи* ‘меня тошнит, букв. моя желчь режет, жгет’, *сарыўунъ къайнарġа* ‘ревностно желать чего, букв. желчь кипит’, ног. *сарув янув / кайнав / куйюв* ‘изжога, букв. желчь кипит, горит, подгорает’, кр.-тат. степн. (который относится к кыпчакскому типу) *сарув* ‘кардия (вход в желудок)’ [РНС 1956: 223, КБРС 1989: 543, ТРС 2007б: 219].

В остальных тюркских языках также имеются аналогичные выражения, где рефлекс ПТю. **siāriḡ* ‘желтый, белый’ имеют значение ‘желчь, изжога’: туркм. *сарың гайнамак* ‘изжога, букв. ‘кипение желчи’, кр.-тат. средн. *саругъ* ‘кардия

(вход в желудок)', *саругъым кие* 'у меня изжога, букв. у меня кипит желчь', *саругъ куймеси* 'изжога, букв. горение желчи', тув. *сарыг* 'изжога', *сарыг хайныр* 'жечь (об изжоге), букв. желчь кипит' [ТРС 1968: 567, ТувРС 1968: 369].

Данное значение встречается в кыпчакской, огузской, уйгуро-огузской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.13. Широкий, обширный, просторный. В башкирском языке встречается выражение *һары дала* 'просторная степь, букв. желтая степь'.

В словаре Л.З. Будагова *sari dala* – 'необозримая степь' [Будагов 1869: 686], у В.В. Радлова – 'сухая степь' [Радлов 1911а: 319].

Исследователь казахской топонимики Е. Койчубаев полагает, что элемент *сар*, *сары* в составе казахских топонимов передает значение 'широкий', 'обширный', 'просторный' [Койчубаев 1974: 190–192]. Это же значение прослеживается в следующих сочетаниях: каз. *сары дала* 'широкая, необъятная степь, букв. желтая степь', *сары жазык* 'просторная, широкая равнина, букв. желтая равнина', *сары жота* 'широкий хребет, букв. желтый хребет', *сары бел* 'широкий перевал, букв. желтый перевал' [Калимова 1992: 9].

В киргизском языке *сары талаа* обозначает: 1) пожелтевшую степь; 2) осеннюю степь; 3) безлюдную степь, пустыню [КРС 1985б: 138, 195]. В некоторых других тюркских языках цветообозначение *сары* 'желтый' также является эпитетом степи: алт. *сарыг јазы* 'желтая степь', в тувинском есть фольклорное выражение *карак четпее сарыг хову* 'бескрайняя степь, букв. степь, куда не хватит взора' [Молчанова 1986: 193], тат. *сары дала* 'бескрайняя степь' [ТНК ТТ]

Переосмысления, отмеченные в словарях Л.З. Будагова, В.В. Радлова, К.К. Юдахина, можно выстроить таким образом: 'желтая, пожелтевшая (степь)' → 'осенняя (степь)' → 'сухая (степь)' → 'безлюдная, пустынная (степь)' → 'широкая, просторная (степь)'.

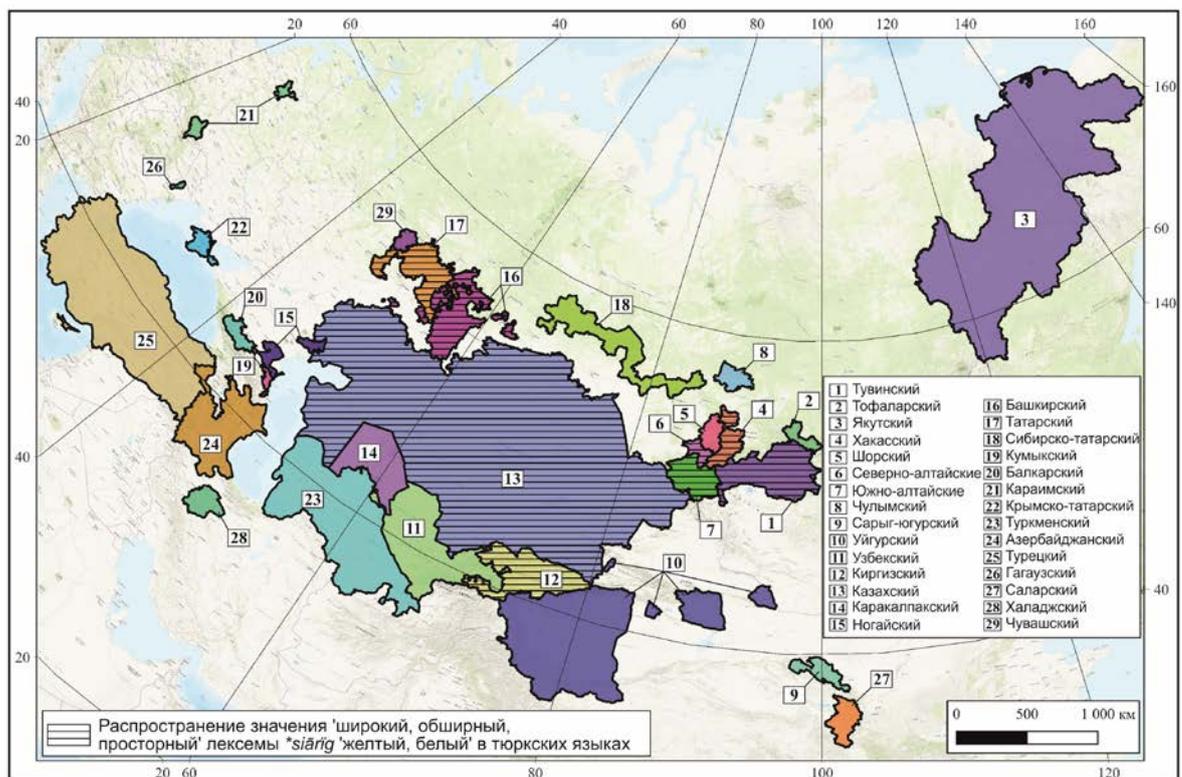
Значение 'пустой' наблюдается также в следующих тюркских языках: алт.

сары тала (редко) ‘пустырь, пустошь, букв. желтая степь’, *сары карын* ‘пустой / голодный желудок, букв. желтый желудок’, кирг. *сары журт* ‘место, где раньше стоял аул (ровное и без травы), букв. желтый аул’, хак. *сарыг сӧл* ‘безжизненная степь’ [КРС 1985б: 138, Молчанова 1986: 193, Чугунекова 2017: 341].

Данное значение встречается в кыпчакской, киргизско-кыпчакской, уйгуро-огузской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

Судя по тому, что рефлексы ПТю. **siārīg* являются эпитетом слова ‘степь’ и встречаются именно в башкирском, татарском, казахском, киргизском, алтайском, тувинском, хакасском языках, можно предположить, что оно развилось у тех народов, некоторые представители которых проживают (кочевали) в степной местности в Урало-Поволжье, Южной Сибири, на севере Средней Азии (карта 3):

Карта 3. Распространение значения ‘широкий, обширный, просторный’ лексемы **siārīg* ‘желтый, белый’ в тюркских языках

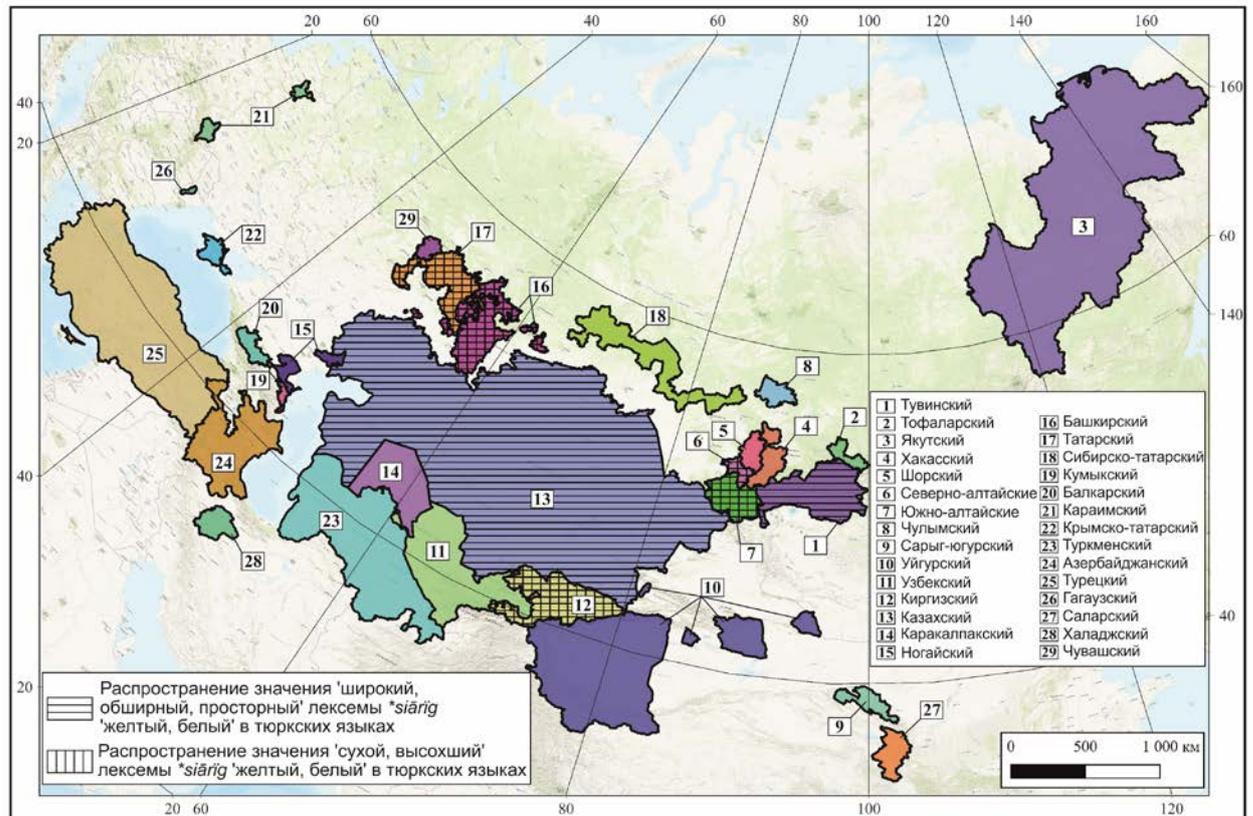
5.14. Сухой, высохший. Значение наблюдается в следующих сочетаниях слов: *һары үлән* ‘сухая, высохшая трава, букв. желтая трава’. Развитие этого значения можно представить таким образом: ‘желтый, пожелтевший’ → ‘осенний’ → ‘сухой’.

Ср. в других тюркских языках: тат. *сары дала* ‘высохшая степь’, кирг. *сары өзөн* ‘высохшее русло реки, букв. желтое русло реки’, алт. *сары јазы* ‘желтая степь’, *сангыскан учпас сары чөл* ‘букв. пожелтевшая степь, на которую не залетает сорока’ [КРС 1985б: 138, Молчанова 1986: 193, Саматов 2016: 109–121, ТНК ТТ].

Здесь наблюдается постепенное смещение значения слова **siārig* ‘желтый, белый’ – сначала сохраняется связь между новым значением и первоначальным содержанием слова, затем происходит переосмысление значения: ‘желтый, пожелтевший’ (листья, трава) → ‘осенний’ (листья, трава) → ‘сухой’ (листья, трава) → ‘высохший’ (русло реки).

Также можно предположить, что произошел следующий семантический переход: ‘широкий, обширный, просторный’ → ‘сухой, высохший’. Слово **siārig* ‘желтый, белый’, употреблявшийся сначала по отношению к широкой просторной степи (в башк., тат., кирг., алт., тув., хак. языках), постепенно приобрело значение ‘сухой, высохший’ (в башк., тат., кирг., алт. языках). По нашим данным, вышеупомянутый переход произошел в урало-поволжских кыпчакских (башк., тат.) и киргизско-кыпчакских (кирг., алт.) языках (карта 4):

**Карта 4. Распространение значения ‘сухой, высохший’
лексемы *siāriġ ‘желтый, белый’ в тюркских языках**

Итак, мы предполагаем, что значение ‘сухой, высохший’ является ареальным явлением, характерным для кыпчакских языков Урало-Поволжья и киргизско-кыпчакских языков.

5.15. Весенний, талый. В некоторых сочетаниях обнаруживается значение ‘весна / весенний, талый’ слова *һары* ‘желтый’: вост., средн., ик.-сакм. *язгы һары һыу* ‘весенние талые воды, букв. весенние желтые воды’ [ДСБЯ 2002: 373].

Ср. в других тюркских языках: кирг. *узун сары* ‘ранняя весна’, ‘голодуха (время, когда истощаются зимние запасы еды)’, *сары йол* ‘весенняя дорога, дорога с талым снегом, букв. желтая дорога’, узб. *сарик сумалақ* ‘желтые сосульки (символ наступающей весны)’, тув. *сарыг суг* ‘вешняя талая вода (всякого рода ручьи и т. п.), букв. желтая вода’, хак. *сарыг суг* ‘весенние воды, букв. желтые воды’, чув. *сарй шыв* ‘капающая весной с крыши желтая вода, букв. желтая вода’ (*сарй* < кыпч.) [Ашмарин 1936: 69, КРС 1985б: 138, Молчанова 1986: 193, ХРС 2006: 450].

О. Т. Молчанова допускает, что в гидронимах значение всех оттенков желтого могло развиваться в сторону ‘весенний’, ‘снеговой’, ‘талый’, ‘песочный’, ‘мутный’ [Молчанова 1986: 195].

Данное значение встречается в кыпчакской, киргизско-кыпчакской, карлукской, уйгуро-огузской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.16. Сильный. В некоторых сочетаниях выявляется значение ‘сильный’. Например, в «Словаре башкирского языка» (М., 1993) даются названия двух видов болезни желтухи: *кара һары* ‘тяжелая форма гепатита, букв. черный гепатит’, *һары һары* ‘более тяжелая форма гепатита, букв. желтый гепатит’ [БТН 1993б: 577]. Есть также выражение *һары елек* ‘букв. желтый костный мозг’, которое употребляется в значении ‘сильный, крепкий’.

Ср. в других тюркских языках: каз. *сары аяз* ‘трескучий мороз, букв. желтый мороз’, *сары жел* ‘постоянно дующий ветер, букв. желтый ветер’, тур. *sarı sıcak* ‘палящий зной, сильная жара, букв. желтая жара’ [ТРС 1977: 752, Саматов 2016: 114].

Данное значение встречается в кыпчакской, огузской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.17. Золотой / осенний / эпитет золотой осени. В башкирском языке наряду с выражением *алтын көз* ‘золотая осень’ существует и выражение *һары көз* ‘золотая осень, букв. желтая осень’ (в отличие от *кара көз* ‘поздняя осень, букв. черная осень’). Здесь отметим, что переосмысление прилагательного ‘желтый’ напрямую связано с изначальной семантикой слова. Сочетание *һары көз*, встречающееся в башкирском языке, в основном является постоянным эпитетом в стихотворных произведениях современных авторов.

5.18. Тоска, печаль, грусть, болезнь. В тюркских языках, в том числе и в башкирском языке, название желтого цвета – постоянный эпитет тоски, печали, грусти, болезненного состояния лица: *һары йөз* ‘болезненное лицо, букв. желтое / пожелтевшее лицо’, *һары һағыш* ‘сильная тоска, букв. желтая тоска’. Это

связано с тем, что от тоски, грусти лицо человека желтеет, приобретает нездоровый, болезненный вид. Подобное состояние человека в башкирском языке передается следующими выражениями: *һарыға һабышыу* ‘1) предаваться тоске, грусти, 2) заболеть (от тяжелого горя, переживаний)’; *һарғайыу* ‘чахнуть, сохнуть (от тоски грусти, переживаний), букв. желтеть’. В диалектах башкирского языка наблюдается субстантив *һары* в этом же значении: *һары* ‘тоска’, *йөрәкте һары алды* ‘печаль охватила сердце’.

Ср. в источниках: крх.-уйг. *bu näñim tukänsä, sariy bolya äñ* ‘если иссякнут эти средства мои, то лицо сделается желтым’ [Малов 1951: 248, 274]; в других тюркских языках: каз. *сарғай-* ‘печалиться, грустить, тосковать’, кум. *сарғаймакъ* ‘чахнуть’, ккалп. *сары уйайым* ‘безутешное горе’, кирг. *сары оору* ‘глубокая печаль’, аз. *xästəlikdən saralmaq* ‘желтеть от болезни’, хак. *саргал-* ‘вянуть, стареть’ [КРС 1958: 566, КРС 1969: 279, КРС 1985б: 138, Бектаев 1995: 399, АРС 2006г: 48, ХРС 2006: 448].

Данное значение слова встречается в кыпчакской, огузской, уйгуро-огузской подгруппах тюркских языков, также зафиксировано в древнетюркском, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.19. Топонимообразующий компонент. По мнению А.Н. Кононова, в топонимах *сары* ‘желтый’ (как и *ақ* ‘белый’) в космогоническом употреблении имело значение ‘запад(ный)’. В качестве примеров он приводит следующие названия: крепость *Саркел* (Белая Вежа; ‘букв. белая крепость’ от булг. *сар* (*шар*) ‘белый’ + *кел* ‘дом’, построенная хазарами для отражения врагов, появившихся с запада; название западной части города Итиля – *Сарашен* (также от булг. *Сар* (*шар*) + уменьшительно-ласкательный аффикс *-шен*) [Кононов 1978: 175–176].

У башкир запад был связан с синим цветом (см. раздел о цветообозначении *күк* ‘синий’). Башкирские топонимисты отмечают, что в большинстве географических названий мотивом для номинации могли послужить цвета горных пород, отложений на местности или цветовые признаки самих географических объектов: *Һарыйылға* ‘букв. желтая река’ (реки в Куюргазинском районе

Республики Башкортостан, Саракташском районе Оренбургской области), *Һарыһаз* ‘букв. желтое болото’ (местность в Баймакском районе Республики Башкортостан), ойк. *Һарыбалсык* ‘букв. желтая глина’ (деревня в Зилаирском районе Республики Башкортостан) [Камалов 1994: 108, Усманова 1994: 29, 224–225].

5.20. Антропонимообразующий компонент. Как считает Г.Ф. Благова, в тюркских личных именах происходит следующая метафоризация значения цветообозначения *sari* ‘желтый’: ‘бледный’ → ‘старый’, ‘умудренный жизнью’. Не исключена возможность использования этого цветообозначения для именованья блондина, светлый цвет волос которого был необычен для тюрков [Благова 2001: 681].

В словаре Л.З. Будагова *sari* представлено в значении ‘пожилой’: кирг. *sari ködör* ‘пожилой мужчина’ [Будагов 1869: 686].

В башкирском языке с компонентом *һары* ‘желтый’ встречаются такие имена, как *Һарыбай* ‘букв. желтый + бай (компонент мужского имени)’, *Һарыхан* ‘букв. желтый + хан (компонент мужского имени)’.

В других тюркских языках значение ‘мудрый’ данного цветообозначения прослеживается в следующих выражениях: каз. *сары жілік* ‘старый (о скоте, человеке)’, *сары қарын әйел* ‘женщина в годах (много рожавшая)’, кирг. *сары* ‘осведомленный о происходящем вокруг’, *сары таман* ‘в полной силе (о коне, воле)’ [КРС 1985б: 138, 200].

5.21. Этнонимообразующий компонент. А.Н. Кононов отмечает, что в составе этнонимов тюрк. *сары(ғ)*, как и в топонимах, могло обозначать сторону света – запад(ный): *сарығ югур* ‘западные уйгуры’. В связи с этим он указывает, что сарыг югуры обитали (по крайней мере с XI в.) на северо-западе Китая [Кононов 1978: 176]. Л.Л. Габышева также заявляет, что запад ассоциируется с желтым цветом. Она отмечает, что в олонхо и народных песнях, шаманских легендах якутов и текстах камланий западная сторона небосклона имеет эпитет *араҕас* ‘желтый’: *араҕас халлал* ‘желтое небо’ [Габышева 2006].

Однако группа этнонимов с компонентом *сары(з)* ‘желтый’ может нести и другую смысловую нагрузку. Так, в XVIII в. Страленберг пишет, что башкиры рыжеволосые, и соседи называли их сары-иштяками [История башкирского народа 2012: 19]. Н.А. Аристов высказывал предположение, что слово *sari* ‘рыжий, русый’ в составе этнонимов свидетельствует о смешении тюрков с динлинами [Кононов 1978: 174].

Итак, по мнению одних исследователей, в составе этнонимов слово *сары(з)* ‘желтый’ может передавать значение ‘западный’, другие ученые толкуют его как ‘русый, рыжий’. На наш взгляд, в башкирских этнонимах слово *һары* может иметь и то, и другое значение.

5.22. Мифологизированный цвет. В башкирской народной культуре отмечается положительная семантика цветообозначения *һары* ‘желтый’, что видимо связано с тем, что желтый цвет олицетворяет солнце (источник жизни) и такой продукт, как топленое масло, олицетворяющий богатство и изобилие. Например, в башкирском языке существует поговорка о благотворном влиянии топленого масла на человека: *һыйыр майы – һары май, һыйыр кәткән арымай* ‘букв. коровье масло – топленое масло, пасущий корову – не устает’ [Хисамитдинова 2011: 358].

6. В некоторых тюркских языках отмечены и другие значения данного названия цвета: красивый (чув. *сарй хёр* ‘красивая девушка, букв. желтая / светлая девушка’, *сарй чёрес* ‘красивый чиряс, букв. желтый чиряс’), спелый, наливной (ккалп. *сары қауын* ‘спелая дыня, букв. желтая дыня’, чув. *сарй улма* ‘наливное яблоко, букв. желтое яблоко’), вкусный, жирный (каз. *сары қымыз* ‘вкусный, жирный кумыс, букв. желтый кумыс’), пустой / голодный (алт. *сары карын* ‘голодный желудок, букв. желтый желудок’) и др. [ЧРС 1985: 347, Молчанова 1986: 193].

7. Таким образом, исследование цветообозначения *һары* ‘желтый’ в башкирском языке в сравнительно-историческом и лексико-семантическом планах позволяет сделать определенные выводы.

Пратюркская форма данного цветообозначения реконструирована как **siāriḡ* ‘желтый, белый’, ее рефлексy встречаются во всех подгруппах тюркских языков, в большинстве которых (кроме чувашского, якутского, халаджского) – в значении ‘желтый’. Лексема *sariy* ‘желтый’ и его фонетические варианты зафиксированы в древне-, средне-, новотюркских источниках в прямом и переносном значениях.

Праалтайская форма реконструируется как **sjājri* ‘белый; желтый’, ее рефлексy встречаются в других языках алтайской языковой семьи в значениях ‘желтый’ (монг.), ‘белый’ (яп., кор.), ‘молния, радуга; свет, светлый’ (тунг.-маньчж.).

В башкирском языке выявлены следующие значения слова *һары* ‘желтый’: цвет и масть (‘желтый’, ‘оранжевый’, ‘русый’, ‘рыжий’, ‘соловый’, ‘светлый’, ‘золотистый’, ‘бежевый’), свет (‘свет, рассвет’), вторичные значения (‘весенний, талый’, ‘широкий, обширный’, ‘высохший, сухой’, ‘сильный’), субстантивы (‘желток’, ‘желтуха’, ‘желчь, изжога’, ‘печаль, грусть, болезнь’, ‘листва’, ‘полдень’).

Многие значения слова *һары* ‘желтый’, зафиксированные в башкирском языке, носят пратюркский и общетюркский характер. Имеются также ареальные (широкий, сухой), собственно башкирские (листва, полдень) значения слова. В башкирском языке отмечен еще пракыпчакский рефлекс на *-ыу* (*һарыу*) с первоначальным значением ‘желчь’. Цветообозначение *һары* ‘желтый’ активно участвует в образовании терминов, топонимов, этнонимов, антропонимов. В башкирской культуре наблюдается мифологическая семантика желтого цвета.

В целом цветообозначение *һары* ‘желтый’ в башкирском языке имеет пратюркскую и праалтайскую основы, в формировании и развитии его семантики наблюдаются пратюркские, общетюркские, ареальные, пракыпчакские и собственно башкирские особенности.

Күк ‘синий’

1. Синий цвет – шестой по счету цвет спектра, шестой цвет радуги, который находится между голубым и фиолетовым цветами. Природными эталонами синего цвета являются небо, вода (в толстом слое), цветок василька, сапфир и др.

2. Синий цвет в литературном башкирском языке обозначается лексемой *күк*. В диалектах и говорах могут использоваться другие лексемы для передачи синего цвета: ср. гов. *йәшел*, басув. подгов. *зәңгәр* (см. разделы о цветообозначениях *йәшел* ‘зеленый’, *зәңгәр* ‘голубой’).

В других тюркских языках лексема *күк* встречается в разных фонетических вариантах: тур. *gök*, аз. *göy*, туркм. *gök* (*gø:k*), каз., ккалп., кирг., уйг., тув., тоф. *көк*, ног. *коьк*, кбалк. *кёк*, караим., алт., куманд., хак. *көк*, кум. *гёк* (*кёк* ‘небо’), телеут., туб., шор. *көк*, тат. *күк*, башк. *күк*, гаг. *гөк*, узб. *кўк*, сюг. *kök / kük*, сал. *köx / k'öx*, як. *күөх*, чув. *кйвак* [КРС 1958: 332, НРС 1963: 177, ТРС 1968: 198, ТувРС 1968: 257, УРС 1968: 652, КРС 1969: 102, 165, ЯРС 1972: 200, ГРМС 1973: 117, КРПС 1974: 337, Тенишев 1976: 117, ТРС 1977: 343, КРС 1985а: 417–418, ЧРС 1985: 156, КБРС 1989: 338, УРС 1989: 99, ШРС 1993: 27, Бектаев 1995: 246, КРС 1995: 29, ТРС 1995: 45, Рассадин 2005: 261, АРС 2006б: 286, ХРС 2006: 196, ТРС 2007а: 671, АРС 2015: 76, ТРС 2019: 301].

Как видим, данное слово встречается во всех подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его пратюркский характер. Во всех приведенных языках основное значение слова – ‘синий’, ‘синий, зеленый (макросиний)’.

Слово *kök* (*gök* и т.д.) зафиксировано в письменных источниках тюрков в тех же значениях. Первая его фиксация наблюдается в древнетюркских памятниках: орх., ен., др.-уйг. рун., др.-уйг., крх.-уйг. *kök* [ДТС 1969: 312, Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2001: 604]. Далее оно встречается в среднетюркских и новотюркских источниках, например: ср.-кыпч. *kök* [Курышжанов 1970: 146, Гаркавец 2006: 14], новотюрк. *kök / gök / göj* [Будагов 1871: 157], *kök / kük* Радлов 1899б: 1423].

3. Пратюркская форма этого цветообозначения восстановлена как **gōk*

‘синий, зеленый (макросиний)’ [EDAL 2003: 714].

Исходное значение слова **gōk* в тюркских языках возводят также к значению ‘небо’ [Clauson 1972: 708, Мусаев 1996]. Оно свойственно многим древним и современным языкам, за исключением сибирских тюркских языков (где лексема для обозначения неба – *asman*). Также допускается, что слово **gōk* ‘синий, зеленый (макросиний)’ первоначально имело значение прилагательного, обозначающего сине-голубо-зеленый участок спектра. От каждого цвета в тюркских языках образовывались субстантивы: ‘зеленый’ → ‘зелень’ (в аз., кирг., ног., уз., уйг., сюг., як. языках), голубой → ‘небо’ (в тюркских языках, кроме сибирских и чувашского), ‘синий’ → ‘траурная одежда’ (в узбекском). Судя по большей распространенности субстантива ‘небо’ и наличию нескольких значений – оттенков голубого цвета, обозначение именно этого цвета стало постепенно доминирующим, и это способствовало появлению нового названия для зеленого цвета – **jāl-il*, производного от **jāl* ‘зелень, зеленый, незрелый’ [Clauson 1972: 978, Кормушин 2001: 604].

Рефлексы ПТю. **gōk* ‘синий, зеленый (макросиний)’ сохранились как лексемы для синего цвета во всех тюркских языках, также во всех из них ими обозначается цвет молодой зеленой травы. В якутском языке слово употребляется для обозначения всех трех цветов – синего, голубого, зеленого. В некоторых языках **gōk* также используется как основная лексема для синего и голубого цветов (например, в тув., хак., караим., ккалп. яз.).

Значения ‘голубой’, ‘зеленый’ рефлексов ПТю. **gōk* ‘синий, зеленый (макросиний)’ в некоторых языках были вытеснены другими словами. В кыпчакских, огузских, карлукских для обозначения зеленого цвета стало употребляться ПТю. **jāl-il* ‘зеленый’ (< **jāl* ‘зелень, зеленый, незрелый’), которое изначально обозначало цвет зеленой травы; в чувашском – *ешёл* (заимств. из тат.) и персидское заимствование *симёс* (< перс. سبز (*säbz*) ‘зеленый’); в узбекском – также персидское *сабза* (< перс. سبز (*säbz*) ‘зеленый’); в некоторых сибирских тюркских языках – монголизм (алт. *ногон*, тув. *ногаан*, хак. *ноган*).

Для обозначения голубого цвета в ряде тюркских языков начали применяться заимствования: в некоторых кыпчакских (тат., башк., кр.-тат., разговорном каз. и, возможно, в ног.), а также в алт., узб., чув. – персидское زنگار [zəŋgar]; в огузских, а также в узбекском – арабизм ملوى [mavi] (гаг. *маави*, аз., тур. *mavi*, туркм. *мавы* (*ма:вы*), узб. *мовий*).

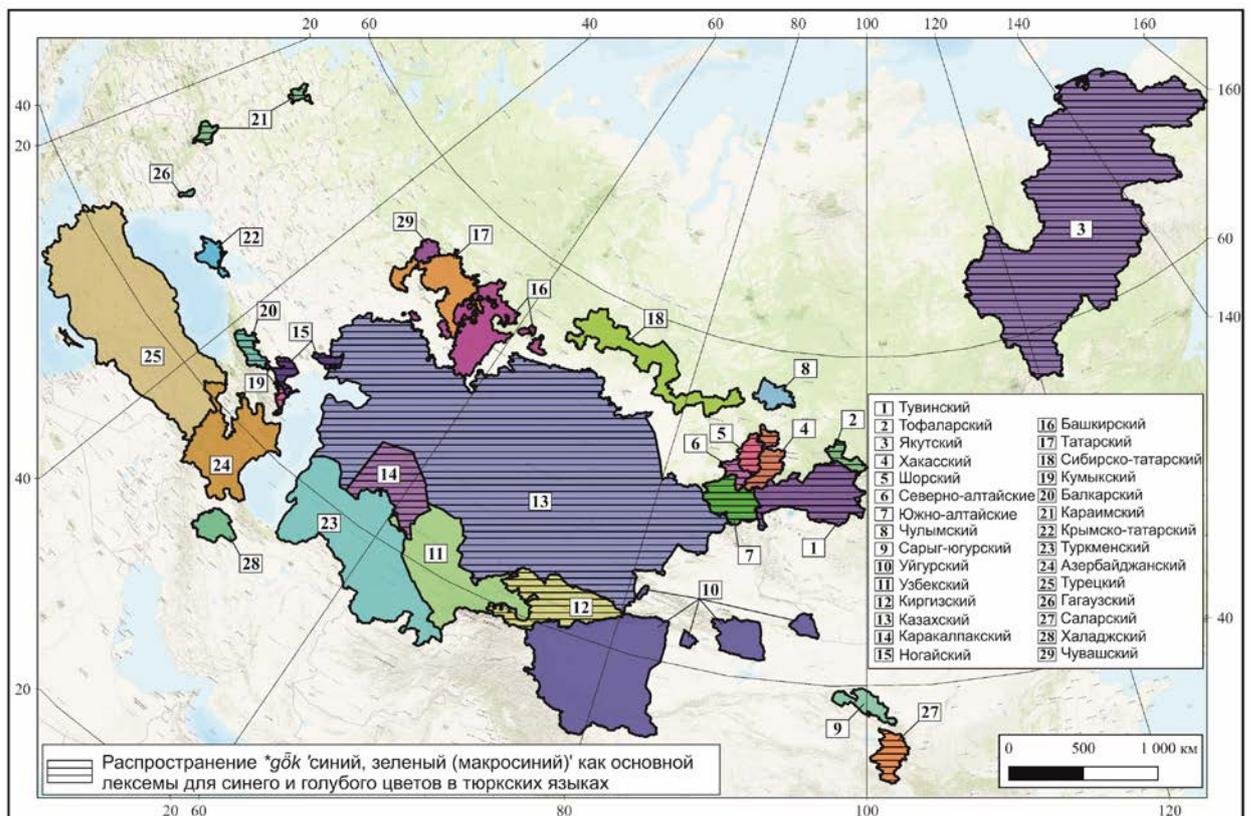
Употребление лексем для обозначения синего, голубого, зеленого цветов в тюркских языках можно представить в следующей таблице (табл. 2):

Таблица 2. Лексемы для обозначения синего, голубого, зеленого цветов в тюркских языках

Языки		Цветобозначения		
		Синий	Голубой	Зеленый
кыпч.	башк.	<i>күк</i>	<i>зәңгәр</i>	<i>йәшел</i>
	тат.	<i>күк</i>	<i>зәңгәр</i>	<i>яшел</i>
	каз.	<i>көк</i>	<i>зеңгер (разг.)</i>	<i>жасыл</i>
	ккалп.	<i>көк</i>	<i>көк</i>	<i>жасыл</i>
	ног.	<i>коьк</i>	<i>коьк, зеңгер</i>	<i>ясыл</i>
	кбалк.	<i>кёк</i>	<i>кёк</i>	<i>джашил</i>
	караим.	<i>көк</i>	<i>көк</i>	<i>йесил</i>
	кум.	<i>гёк</i>	<i>гёк</i>	<i>яшыл</i>
	кр.-тат.	<i>мавы, көк</i>	<i>зенгер, ачык мавы</i>	<i>ешил</i>
	сиб.-тат.	<i>күк</i>	<i>сәңкәр, аңык күк</i>	<i>йәшел</i>
кирг.-кыпч.	кирг.	<i>көк</i>	<i>көк</i>	<i>жашыл</i>
	алт.	<i>көк</i>	<i>чанкыр, көк</i>	<i>јажсыл, ногон</i>
	тел.	<i>көк</i>	<i>чаңқыр</i>	<i>јажсыл</i>
огузск.	аз.	<i>göy</i>	<i>mavi</i>	<i>yaşıl</i>
	гаг.	<i>гөк</i>	<i>маави</i>	<i>ешил</i>
	туркм.	<i>гөк (гө:к)</i>	<i>мавы (ма:вы)</i>	<i>яшыл</i>
	тур.	<i>mavi, gök</i>	<i>mavi</i>	<i>yeşil</i>
	сал.	<i>köx / k'öx</i>	<i>köx / k'öx</i>	<i>jāşil</i>
карлук.	узб.	<i>кўк</i>	<i>зангори, мовий</i>	<i>яшил, сабза</i>
	уйг.	<i>көк</i>	<i>көк, һаварәң</i>	<i>йешил</i>
уйг.-огузск.	тув.	<i>көк</i>	<i>көк</i>	<i>ногаан, көк</i>
	хак.	<i>көк</i>	<i>көк</i>	<i>ноган, көк, чазыл (уст.)</i>
	як.	<i>күөх</i>	<i>күөх</i>	<i>күөх</i>
	шор.	<i>көк</i>	<i>көк</i>	<i>чажыл</i>
	тоф.	<i>көк</i>	<i>ақ-көк, чырық-көк</i>	<i>көк, суг-көк</i>
	сюг.	<i>kök / kük</i>	<i>kök / kük</i>	<i>jahsil</i>

Таким образом, можно констатировать, что устойчивость всех трех значений ('синий', 'голубой', 'зеленый') рефлексов ПТю. **gōk* 'синий, зеленый (макросиний)' наблюдается лишь в якутском языке. Сохранение значений 'синий', 'голубой' данной лексемы в тюркских языках можно проследить на карте (карта 5):

Карта 5. Распространение **gōk* 'синий, зеленый (макросиний)' как основной лексемы для синего и голубого цветов в тюркских языках

Судя по карте 5, рефлексы **gōk* употребляются как основная лексема для синего и голубого цветов в тюркских языках Северного Кавказа, Сибири и северной части Средней Азии. Изоглосса, характеризующая наличие данного языкового явления, тянется по центру ареала распространения тюркских языков узкой полосой с запада на восток. Следовательно, внешнему воздействию (проникновению заимствований для голубого) были подвергнуты языки, находящиеся по краям ареала распространения тюркских языков.

Значение ‘серый’ слова **gōk* ‘синий, голубой (макросиний)’, возможно, было вытеснено словом **sūr* ‘серый, бурый’, которое появилось в тюркских языках для обозначения серого цвета (кроме масти лошади, которая изначально обозначалась словом **bor’V* ‘серый’).

ПТю. **gōk* ‘синий, голубой (макросиний)’ восходит к праалтайской форме **kōk’e* ‘синий, зеленый’ [EDAL 2003: 714], рефлексy которой сохранились также в монгольских языках: калм. *көк* ‘синий, голубой, зеленый’, халх.-монг. *хөх* ‘синий, голубой, зеленый (о растениях), серый, сивый (о масти), смуглый, темный, черный (о коже)’, бур. *хүхэ* ‘синий, голубой, зеленый (о растениях), серый, сивый (о масти)’ (< ПМо. **köke* ‘синий, зеленый’) [MPC 1957: 556–557, БРС 1973: 635, КРС 1977: 312]. Монгольские формы были заимствованы в тунгусо-маньчжурские языки: эвенк. *kuku* (< монг.), *kukuto*, *keek* ‘синий, зеленый, зеленовато-серый’, маньчж. *kuku fulan* ‘сивый, темно-голубой (о конской масти)’ [Федотов 1996а: 245–246, Дыбо 2013: 292].

4. Во всех тюркских языках для обозначения синего цвета используются рефлексy ПТю. **gōk* ‘синий, зеленый (макросиний)’, что подтверждает устойчивость данного значения, тогда как для голубого и зеленого в том или ином языке появились другие лексемy. Можно сказать, что другой лексемy, активно употребляющейся для передачи синего цвета, в тюркских языках не выявлено.

5. Семантика цветообозначения *күк* ‘синий’ в башкирском языке:

5.1. Основное значение слова *күк* в башкирском языке – обозначение синего и голубого цветов. Если в литературном языке словом *күк* передается синий цвет, то в диалектах и говорах оно может обозначать голубой или зеленый цвет, а также – все три цвета: лит. башк. *күк буяу* ‘синяя краска’, *күк күлдәк* ‘синее платье’, средн. *күк тукыма* ‘голубая ткань’.

Как уже отмечалось, именно значения ‘синий’, ‘голубой’ пратюркского **gōk* ‘синий, зеленый (макросиний)’ сохранились во всех современных тюркских языках, например: тат. *күк томан* ‘синий туман’, ккалп. *көк аспан* ‘синее небо’, кум. *гөк гөз* ‘синеглазый’, туркм. *гөк деңиз* ‘синее море’, гаг. *гөк гөзлү*

‘голубоглазый’, хак. *kök kögenek* ‘синее платье’, шор. *kök қарақтығ* ‘синеглазый’, чув. *кавак кёне* ‘синяя рубашка’, *кавак пёлт* ‘синяя туча’ [РКС 1967: 927, ТРС 1968: 198, КРС 1969: 102, ГРМС 1973: 117, ЧРС 1985: 155, ШРС 1993: 132, ХРС 2006: 196, ТРС 2007а: 671]. Ср. в источниках: орх. *kök täñri* ‘голубое небо’ [Малов 1951: 28, 36].

Лексема *күк* ‘синий’ активно участвует в словообразовании по принципу номинации по цвету, который характерен в основном для фитонимов, зоонимов и названий минералов: башк. *күк карсыга* ‘серо-голубой ястреб’, *күкйөн* ‘синец (рыба), букв. синий волосок’, *күк һөтлөгән* ‘медуница’, *күк якут* ‘сапфир, букв. синий яхонт’.

Ср. в других тюркских языках: тат. *күк җиләк* ‘голубика, букв. синяя ягода’, кум. *гёк чечек* ‘василек, букв. синий цветок’, караим. *көк йакьут* ‘хризолит, букв. синий / зеленый яхонт’, туркм. *гөкнар* ‘мак опийный, букв. синий гранат’, узб. *күк қарға* ‘сизоворонка’, алт. *көккат* ‘голубика, букв. синяя ягода’, чув. *кавак сырла* ‘ежевика; голубика, букв. синяя ягода’ [УРС 1959: 229, ТРС 1968: 199, КРС 1969: 102, КРПС 1974: 337, ЧРС 1985: 156, ТРС 2007а: 671, АРС 2015: 76].

Наличие значения во всех подгруппах тюркских языков позволяет предположить его пратюркский характер.

5.2. Серый: башк. *күк төтөн* ‘серый дым’, *күк буре* ‘серый волк’.

В некоторых подговорах среднего говора слово *күк* употребляется только в значении ‘серый’, а для обозначения синего и голубого применяется лексема *йәшел*, которая, видимо, расширила свое значение и стала употребляться для обозначения всего участка спектра ‘сине-голубо-зеленый’, тем самым полностью заменив слово *күк*.

Ср. в источниках: орх. *kök täjin* ‘голубая (серая) белка’ [Малов 1959: 18, 23], в других тюркских языках: ккалп. *көк ат* ‘серая лошадь’, ног. *коьк ат* ‘серая лошадь’, аз. *göy qulan* ‘серый кулан / жеребенок’, уйг. *көк ат* ‘лошадь серой масти’, *көк көз* ‘серые глаза’, хак. *көк ат* ‘серый (мышастый) конь’, тув. *көк бөрү* ‘серый волк’, чув. *кавак кашкәр* ‘серый волк’ [КРС 1958: 332, НРС 1963: 177,

ТувРС 1968: 257, УРС 1968: 652, ЧРС 1985: 156, ХРС 2006: 196].

Как видно из примеров, это значение наблюдается во всех подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его пратюркский характер.

5.3. Седой, древний: башк. *күк Урал* ‘седой Урал’, *сал тарих* ‘древняя история’.

Ср. в источниках: крх.-уйг. *qari köklämiş* ‘поседевший старик’ [ДТС 1969: 313]; в других тюркских языках: каз. *көк-ала сақал* ‘борода с проседью’, уйг. *көк ана* ‘прабабушка, букв. седая бабушка’, хак. *көк* ‘седина’, *көк саап парган* ‘появилась седина’, чув. *кăвак сухал* ‘седая борода’, *кăвак сўс* ‘седые волосы’ [УРС 1968: 652, ЧРС 1985: 156, Бектаев 1995: 246, ХРС 2006: 196].

Данное значение встречается во всех подгруппах тюркских языков, что позволяет определить его пратюркский характер.

5.4. Сивый (о масти лошади): башк. *күк айғыр* ‘сивый жеребец’, *күк юрга* ‘сивый иноходец’.

Ср. в источниках: ен. *kök at* ‘сивый конь’ [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 140, 141]; в других тюркских языках: тат. *күк ат* ‘сивая лошадь’, каз. *көкжал* ‘сивогривый’, узб. *кўк* ‘серый, сивый’, *кўк от* ‘серая лошадь’, хак. *пора көк* ‘голубовато-сивый’, як. *күөх элэмэс* ‘сиво-пегий’, чув. *кăвак ут* ‘сивый конь’ [УРС 1959: 228, ЧРС 1985: 156, Бектаев 1995: 246, ХРС 2006: 196, ТРС 2007а: 671, БТСЯЯ 2008: 78]. В турецком языке *gök* применяется по отношению к чалой масти: тур. *gök at* ‘чалая лошадь’ [ТРС 1977: 343].

Значение имеет пратюркский характер – оно зафиксировано во всех подгруппах тюркских языков.

5.5. Сизый (в составе терминов): башк. *күк сарлак* ‘сизая чайка’, *күк әрем* ‘полынь сизая’.

Ср. в источниках: крх.-уйг. *kök* ‘сизый’ [ДТС 1969: 312–313]; в других тюркских языках: тат. *күк күгәрчен* ‘сизый голубь’, кбалк. *көк кёгюрчюн* ‘сизый голубь’, туркм. *гөкгарга* ‘сизоворонка’, уйг. *көкқага* ‘сизоворонка’, чув. *кăвак кăвакарчян* ‘сизый голубь’ [ТРС 1968: 199, УРС 1968: 652, ЧРС 1985: 156, КБРС

1989: 338, ТРС 2007а: 671].

Наличие данного значения во всех подгруппах тюркских языков позволяет предположить его пратюркский характер.

5.6. Зеленый. В башкирском языке слово *күк* в значении ‘зеленый’ употребляется лишь в сочетании со словами *үлән* ‘трава’, *сәй* ‘чай’: *күк үлән калкты* ‘взошла зеленая трава’, *күк үләнгә аяк баһыу* ‘дождаться появления молодой травы (пробуждения природы), букв. ступить на зеленую траву’, *күк сәй* ‘зеленый чай’.

Примечательным является тот факт, что первоначальное значение более позднего слова *йәшел* ‘зеленый’ подразумевало цвет зеленой травы. Вместе с тем подчеркнем, что в тюркских языках именно рефлексy **gōk* употребляются для обозначения цвета молодой, свежей травы.

Ср. в источниках: хрз.-тюрк. *kök* ‘зеленый’ [Наджип 1975: 194]; в других тюркских языках: тат. *күк чай* ‘зеленый чай’, ккалп. *көк шөплер* ‘зеленые травы’, *kök çaj* ‘зеленый чай’, кум. *гёк от* ‘зеленая трава’, ног. *коьк кавын* ‘зеленая дыня’, туркм. *гөк чай* ‘зеленый чай’, *гөк агач* ‘зеленое дерево’, уйг. *көк пийаз* ‘зеленый лук’, узб. *кўк чой* ‘зеленый чай’ [КРС 1958: 332, НРС 1963: 177, ТРС 1968: 199, ТуВРС 1968: 257, УРС 1968: 652, КРС 1969: 102, УРС 1989: 99, ТРС 2007а: 671, АРС 2015: 76].

Отметим, что в каракалпакском языке слово *көк* ‘синий’ употребляется в значениях ‘весна’ и ‘весеннее пастбище’, образуя производные: *көклем* ‘весна’, ‘весеннее пастбище’, *көклемге шық-* ‘выходить на весеннее пастбище’, что, очевидно, связано с появлением молодой зеленой травы в этом сезоне [КРС 1958: 333].

В некоторых сибирских тюркских языках рефлексy **gōk*, кроме голубого и синего, обозначают и зеленый цвет, то есть используются для макроцвета ‘сине-голубо-зеленый’: як. *сааскы күөх* ‘весенняя зелень’, хак. *көк чистек* ‘зеленая ягода’ [ЯРС 1972: 200, ХРС 2006: 196]. В чувашском есть выражение *есё кăвак-ха, ним те корман*, которое употребляется в значении ‘ты еще молод, букв. зелен’.

Как видим, в основе выражения лежит первоначальное значение слова *кйвак* – ‘зеленый’, что позволяет рассуждать о его наличии в древнечувашском. В остальных случаях, как пишет Н.И. Ашмарин, употребление *кйвак* в значениях ‘зеленый’, ‘молодой’ неизвестно [Ашмарин 1934: 92].

Учитывая, что рассматриваемое значение сохранилось во всех подгруппах тюркских языков, его существование, несомненно, можно отнести к пратюркскому периоду.

5.7. Западный. Лексема *күк* ‘синий’ наряду с цветообозначениями *кара* ‘черный’, *ак* ‘белый’, *кызыл* ‘красный’ участвует в цветовой геосимволике, то есть при обозначении сторон света. Например, это прослеживается в названии реки, которая протекает на западе Республики Башкортостан: *Күгизел* ‘Дема’ (от *күк* ‘синий’ и *изел* ‘река’). Как видно, цветное обозначение запада у башкир отличается от цветовой геосимволики других тюркских народов. Так, по А.Н. Кононову, черный символизировал север; желтый, белый – запад; красный – юг; синий – восток (напр., *Көк түрк* ‘восточные тюрки’) [Кононов 1978: 173]. Выше мы отмечали (в разделах о цветообозначениях *кара* ‘черный’, *кызыл* ‘красный’), что это обстоятельство может быть связано с архаическими представлениями древнебашкирских племен Южного Урала, по которым стороны света именовались относительно исходной точки их пространственной ориентации в этом регионе – пещеры Шульганташ.

5.8. Посинелый / синяк / синева: *тэнгә күк һалыу* ‘наставить синяков’, *күк талак итеү* ‘набить синяков, крепко побить’, *күз төбөнә күк төшкән* ‘под глазами появилась синюшность’.

Ср. в других тюркских языках: туркм. *гөк-ала* ‘в синяках, кровоподтеках’, уйг. *көк* ‘синяк’, хак. *көк наар* ‘синяк’, чув. *ўт кйвакарса ларчй* ‘появился синяк’ [ТРС 1968: 199, УРС 1968: 652, ЧРС 1985: 156, ХРС 2006: 195].

Наличие данного значения во всех подгруппах тюркских языков позволяет предположить его пратюркский характер.

5.9. Плесень. Это значение связано с тем, что на поверхности заплесневелых

продуктов или других субстанций обычно появляется пленка плесени (часто сине-зеленого цвета): *күк есе* ‘запах плесени’, *күк баһыу* / *күгәреу* ‘плесневеть’, *күк икмәк* ‘заплесневелый хлеб’.

Ср. в других тюркских языках: каз. *көгеру* ‘заплесневеть’, чув. *сәкәр кәвакарнә* ‘хлеб заплесневел’ [ЧРС 1985: 156, Бектаев 1995: 547].

Наличие данного значения кыпчакской и болгарской подгруппах тюркских языков позволяет предположить его пратюркский характер.

5.10. Трава, мурава. Использование слова *күк* ‘синий’ как эпитета молодой травы способствовало субстантивации слова – приобретению им значения ‘трава’, ‘весна’: *мал күккә тейенде* ‘скот вступил на первую зеленую траву’, *күккә баһыу* ‘перезимовать, дожить до весны, букв. наступить на зеленое, то есть на траву’ (ср. *карага баһыу* ‘наступить на освободившуюся от снега черную землю’).

Ср. в других тюркских языках: туркм. *гәк салмак* ‘зеленеть (о полях, деревьях)’, уйг. *көк* ‘зелень, овощи’, *көкат* ‘зелень, трава’, як. *күөххө көттө*, *көңүл барда* ‘вылетел на зелень, вышел на волю’ [ТРС 1968: 199, УРС 1968: 651, ЯРС 1972: 200].

Наличие данного значения кыпчакской, огузской, карлукской и уйгуро-огузской подгруппах тюркских языков позволяет предположить его пратюркский характер.

5.11. Переносное значение слова *күк* ‘синий’ – визгливо-писклявый (о голосе): *күкле-йәшелле тауыш сығарыу* ‘издавать визгливо-писклявые звуки’.

5.12. Топонимообразующий компонент. В башкирских географических названиях, кроме значения ‘западный’, отмеченного выше, цветообозначение *күк* ‘синий’ может указывать на цвет топообъекта. В составе оронимов оно указывает на внешний вид объекта или ляписовые горные породы: *Күктау* ‘букв. синяя гора’ (горы в Альшеевском, Бакалинском районах Республики Башкортостан), *Күккаш* ‘букв. синий холм, косогор, возвышенность’ (скалы в Белорецком, Куюргазинском, Учалинском районах Республики Башкортостан), *Күкһеңер* ‘букв. синий мыс’ (хребет в Куюргазинском районе Республики Башкортостан). В

составе цветооронимов слово *күк* ‘синий’ также может обозначать заросли мха, в силу чего объект может казаться синеватым: *Күгуй* ‘букв. синяя долина’ (долина в Учалинском районе Республики Башкортостан). Названия озер и болот с цветообозначением *күк* ‘зелено-голубой’ указывают на обилие мха на болоте или водных растений в озере: *Күкшар* ‘букв. зеленое болото’ (болота в Альшеевском, Благоварском районах Республики Башкортостан) [Цветобозначения... 2019: 140–159].

Ср. в источниках: орх. *Kök öŋ* ‘Кек-онг, букв. голубого цвета’ (название реки) [Малов 1951: 62, 66].

5.13. Антропонимообразующий компонент. В башкирской антропонимии встречаются имена с компонентом *күк*: *Күккужа* ‘букв. синий хозяин’, *Күкбаиш* ‘букв. синяя голова’, *Күкәиш* ‘букв. синий + аффикс -әиш’, *Күгәиш* ‘букв. синий + аффикс -әиш’.

Как отмечает Г.Ф. Благова, в тюркских именах сохраняются значения ‘голубой’, ‘синий’, ‘сизый’ компонента **kök*, которые приобретают оттенок престижности благодаря историческим ассоциациям с названием древнего этнополитического объединения *kök törk* ‘голубые / восточные тюрки’. В сочетаниях этого компонента личных имен с социально-бытовыми титулами, как, например, в тат. *Күкморза*, возможна метафоризация значения ‘голубой (как небо)’ → ‘святой’. В значении ‘небо’ слово *күк* зафиксировано в таких башкирских антропонимах, как *Күкдәй* ‘букв. небоподобный’, *Колбай Күк углы* ‘букв. Колбай, сын Неба’. Не исключено использование лексемы в прямом значении: кирг. *Көккөз* ‘букв. голубые глаза’ → ‘человек с голубыми глазами’ [Благова 2001: 682–683].

5.14. Этнонимообразующий компонент. Встречающиеся в башкирском языке этнонимы (в большинстве своем родоплеменные названия) с компонентом-цветообозначением *күк* ‘синий’ являются в основном вторичными: *күк карын* ‘синее брюхо’, *күк кош* ‘синяя птица’. В тюркских этнонимах, как и в топонимах, отмечается значение ‘восточный’ компонента *kök*. Например, тюрки, обитавшие в

«Отюкенской земле» (один из лесистых горных узлов Восточного Хангая), расположенной на востоке монгольской степи, носили название *Кök түрк* ‘голубые / восточные тюрки’ [Кононов 1978: 172–174].

Ср. в источниках: орх. *kök türk* ‘голубые тюрки’ [Малов 1951: 29].

5.15. Мифологизированный цвет. Мифологическая семантика цветообозначения *күк* ‘синий, голубой’, возможно, связана с отмеченным выше метафорическим переносом ‘голубой (как небо)’ → ‘святой’. Например, в тюркской, в том числе и башкирской, мифологии серый / сивый / голубой волк является первопредком, тотемом, основателем, покровителем башкирских родов: *Көзэй башкорттарының күк бүре тигән ырыуы бар* ‘У башкир-кудейцев есть род голубой волк’ [Хисамитдинова 2010: 160].

5.16. Слово *күк* ‘синий’ участвует в образовании названий некоторых понятий и явлений: *күк йүтәл* ‘коклюш, букв. синий кашель’, *күк табан* ‘первые заморозки, букв. синие пятки’, *күк һөт* ‘пропущенное, очень жидкое молоко, букв. синее молоко’, *күк яшык (ит)* ‘очень постный (о мясе), букв. синее постное (мясо)’.

Ср. в других тюркских языках: каз. *көк жалкау* ‘очень ленивый, букв. синий ленивец’ [Абжапарова, Широбокова 2020: 51].

6. В некоторых тюркских языках отмечены и другие значения данного названия цвета: ‘неспелый’, ‘незрелый’, ‘скупой’, ‘глупый’, ‘овощи’, ‘ботва’, ‘траур, цвет траура’ и т. д. (аз. *göy* ‘скупой, жадный’, туркм. *gök alma* ‘зеленое, то есть неспелое, яблоко’, уйг. *қизилчиниң көки* ‘свекольная ботва’, хак. *харагаттың чистее ам даа көк* ‘ягоды смородины еще зеленые, то есть неспелые’ и т. д.) [ГРС 1968: 199, УРС 1968: 652, ЭСТЯ 1980: 66–68, Кормушин 2001: 604, АРС 2006б: 287, ХРС 2006: 196].

7. Таким образом, исследование цветообозначения *күк* ‘синий’ в башкирском языке в сравнительно-историческом и лексико-семантическом планах позволяет сделать определенные выводы.

Пратюркская форма данного цветообозначения восстанавливается как **gōk*

‘синий, зеленый (макросиний)’, ее рефлексy встречаются во всех тюркских языках в значениях ‘синий’, ‘синий, зеленый (макросиний)’. Слово *kök* и его фонетические варианты зафиксированы в древне-, средне- и новотюркских источниках в тех же значениях.

Праалтайская форма реконструируется как **kōk'e* ‘синий, зеленый’, ее рефлексy сохранились в монгольских языках также в значениях ‘синий’, ‘зеленый’.

В башкирском языке лексемой *күк* ‘синий’ обозначаются: макроцвет ‘сине-голубо-зеленый’ (‘синий’, ‘серый’, ‘седой’, ‘сивый’, ‘сизый’, ‘голубой’, ‘зеленый’), цвет молодой травы (*күк үлән* ‘молодая / зеленая трава’), переносные (‘визгливо-писклявый (о голосе)’) и субстантивы (‘трава, мурава’). Данная лексема также имеет семантику, связанную с приобретением синего цвета вследствие какого-либо действия (‘посинелый, синяк, синева’, ‘плесень, заплесневелый’). Слово *күк* ‘синий’ активно участвует в образовании терминов, топонимов, этнонимов, антропонимов. Отмечается мифологическая семантика синего цвета в башкирской культуре.

Большинство значений данного слова являются пратюркскими. В башкирском языке имеется отличающееся от других тюркских языков переносное значение – ‘западный’, в то время как в других тюркских языках, по А.Н. Кононову, синим цветом обозначается восток.

В целом цветообозначение *күк* ‘синий’ в башкирском языке имеет пратюркскую и праалтайскую основы, в формировании и развитии его семантики преобладают пратюркские особенности, в то же время выделяется и собственно башкирская специфика.

Куңыр ‘бурый, темно-коричневый’

1. Бурый цвет считается сероватым или темным, темно-красноватым оттенком коричневого цвета. Он включает в себя широкий спектр цветов, диапазон которого охватывает оттенки от коричневого (по цвету бурого медведя)

до серого (смурого), от орехового до «искрасна черноватого». Также он описывается как земляной / землистый цвет (например, бурый уголь).

2. Бурый, темно-коричневый цвет в литературном башкирском языке обозначается лексемой *куңыр*. В диалектах и говорах функционируют следующие фонетические варианты этой лексемы: *кумыр, куңгыр, коңгор, көңгөр*.

В других тюркских языках и их диалектах эта лексема встречается в разных фонетических вариантах: сиб.-тат. *куңыр*, каз., ккалп., телеут. *қоңыр*, ног. *конъыр*, алт. *конгыр*, кирг. *коңур*, кум. *къонгур*, кр.-тат. *къонъур*, уйг. *қоңур*, тат. *коңгыр / коңгырт*, узб. *қўнғир*, гаг. *комур*, аз. *qonur*, туркм. *гоңур*, тур. диал. *goñur, gonür, göniür, goğur*, тув. *хоор*, як. *хонгор*, хак. *хоор* / диал. *хуур*, чув. *хăмър* [КРС 1958: 400, РКС 1960: 352, РХС 1961: 780, НРС 1963: 173, ТРС 1968: 187, ТувРС 1968: 483, УРС 1968: 606, ЯРС 1972: 498, ГРМС 1973: 278, КРС 1985а: 403, ЧРС 1985: 544, УРС 1989: 270, Бектаев 1995: 292, ТРС 1995: 43, ЭСТЯ 2000: 61, АРС 2006в: 183, ТРС 2007а: 610, Усеинов 2007: 425, АРС 2015: 73].

Как видим, данное слово встречается во всех подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его пратюркский характер. Во всех языках слово является названием бурого, коричневого цвета.

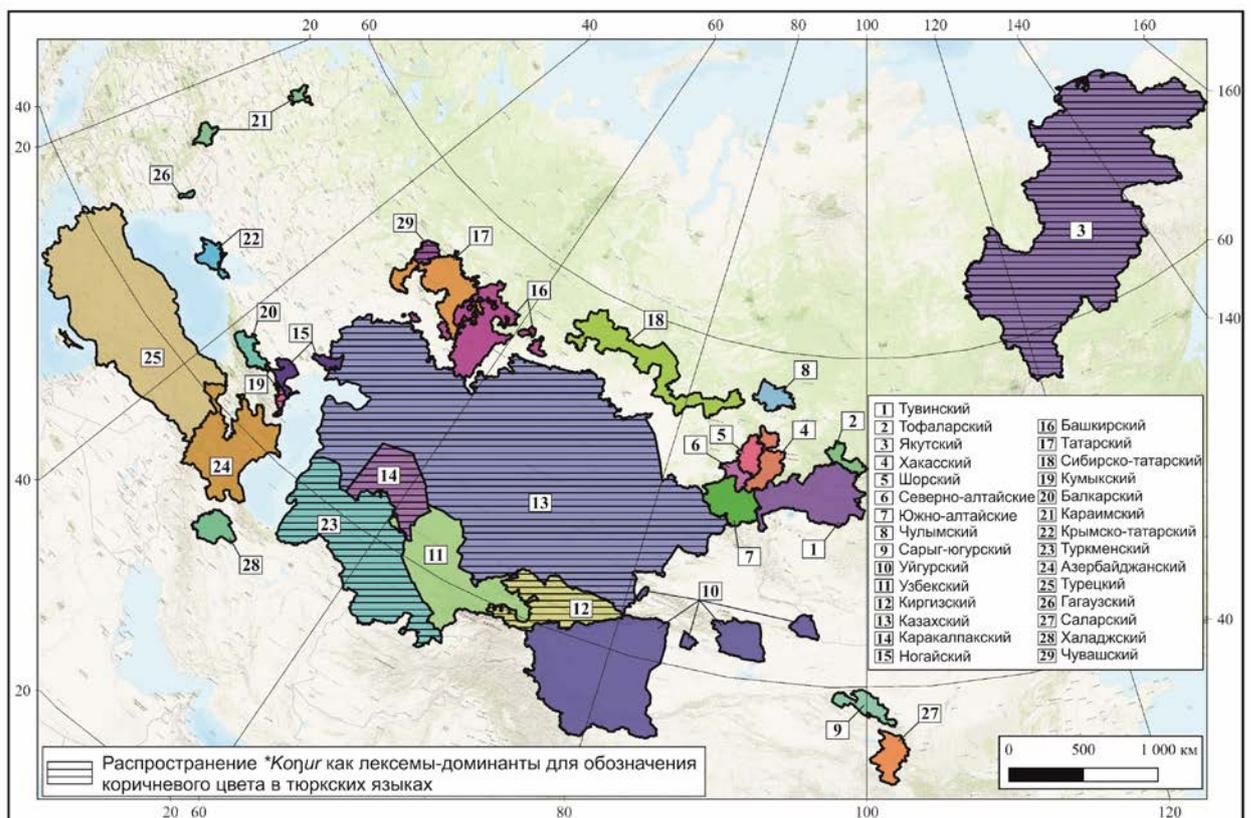
Слово *qoñur* зафиксировано в письменных источниках тюрков как обозначение масти животных. Первая его фиксация слова наблюдается в древнетюркских памятниках: крх.-уйг. *qoñur* [ДТС 1969: 456]. Далее оно встречается среднетюркских и новотюркских источниках, например: ср.-кыпч. *qoñur* [Курышжанов 1970: 165], новотюрк. *qoñur / qoñür / qonqar / qoñir* (قونقار, قونقار, قونكر) [Будагов 1871: 86], *qonur / qoñur / qoñir / qunir / qonçor / qonçort* [Радлов 1899а: 521, 522, 541, 674].

В ккалп., каз., кирг., кум., туркм., як., чув. языках **Коңур* – основная лексема для обозначения коричневого цвета, диапазон которого охватывает оттенки от серо-желтого до коричневого, в остальных – бурого оттенка коричневого [КРС 1958: 400, РКС 1960: 352, КРТС 1968: 199, ТувРС 1968: 483, ЯРС 1972: 498, КРС 1985а: 403, Бектаев 1995: 292, ХРС 2006: 845, ТРС 2007а: 610,

Усеинов 2007: 425].

Обозначим на карте языки, в которых **Коңур* является лексемой-доминантой для обозначения коричневого цвета (карта б):

Карта 6. Распространение **Коңур* как лексем-доминанты для обозначения коричневого цвета в тюркских языках

Карта 6 позволяет утверждать, что в чувашском, якутском и некоторых языках Средней Азии и Кавказа **Коңур* используется как лексема-доминанта для обозначения коричневого цвета и его оттенков. В остальных тюркских языках в качестве лексем-доминанты для коричневого употребляются другие лексемы. Например, в языках Урало-Поволжья, Западной и Южной Сибири функционирует слово **küren* (< монг.), в некоторых языках могут употребляться иные заимствования.

3. Пратюркская форма этого цветообозначения восстановлена как **Коңур* ‘бурый’ [EDAL 2003: 720].

Этимологию пратюркского **Koŋur* можно найти в словарях и других исследованиях лингвистов [Егоров 1964: 291, Clauson 1972, Федотов 1996б: 325, ЭСТЯ 2000: 61–64, Ахметьянов 2015а: 438]. Одни исследователи отмечают, что монг. *xongor* является ранним заимствованием из тюркского [VEWT 1969: 280–281], другие авторы монг. *xongor* и тюрк. *qoŋur* относят к прародственным словам [Ramstedt 1935: 185]. В исследованиях последних лет эти основы рассматриваются как прародственные [EDAL 2003: 720].

Как отмечалось выше, в некоторых тюркских языках **Koŋur* – основная лексема для коричневого цвета. По этому поводу И. Лауде-Циртаутас отмечает, что *qoŋur* имеет очень широкое содержание, представляя цветовые оттенки от серо-желтого до коричневого [Laude-Cirtautas 1961].

ПТю. **Koŋur* ‘бурый’ восходит к праалтайской форме **kòŋa* ‘коричневый, черный’, рефлексy которой сохранились во всех ветвях алтайской языковой семьи: халх.-монг. *xongor*, калм. *xongär*, бур. *xongor* ‘светло-коричневый’ (< ПМо. **koŋ-*); эвенк. *koŋno-to,-rin* ‘черный’ (< ПТМ **koŋna-*); кор. *kinil* ‘тень’ (< ПКор. **kânârh*); яп. *kàge* ‘тень, отражение’ (< ПЯп. **kânkâ-i*) [EDAL 2003: 720].

4. Кроме рефлексов **Koŋur*, в тюркских языках для бурого цвета может употребляться заимствование *küren* (напр., хак. *küreŋ* ‘бурый’, *küreŋ inek* ‘бурая корова’ [ХРС 2006: 216]), а также другие лексемы и аналитические (сложные, составные) названия (напр., ккалп. *güŋgürt-qyzył* ‘коричневый, букв. буровато-красный’, ног. *моры* < возможно, инд.-евр., аз. *darçını* ‘букв. цвета корицы’, тур. *kahverengi* ‘букв. цвета кофе’, узб. *жигар ранг* ‘темно-коричневый, букв. цвета печени’, уйг. *бегирәң* ‘букв. цвета печени’) [РНС 1956: 265, УРС 1961: 35, НРС 1963: 226, РКС 1967: 363, УРС 1989: 68, АРС 2006а: 680, БРТС 2009: 186].

Отметим, что для обозначения бурого цвета в тюркских источниках встречается лексема *jayüz* ‘темный, бурый’. Данная лексема зафиксирована в древнетюркских и среднетюркских памятниках и описывает цвет земли, лица и других предметов, а также масть лошади: *jayüz jir* ‘темная (бурая) земля’, *az jayüz* ‘бурый азский (конь)’ (памятник в честь Кюль-Тегина, VIII в.) [Малов 1951: 28,

36: 32, 42, 33], *jayiz er* ‘бурый муж / смуглый человек’ (антроп.) (памятник Горного Алтая) [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 74], *jayiz* ‘цвета пыли, бурый’, *qara jayiz* ‘темный, тусклый, мрачный, темно-бурый, темно-коричневый’ («Тюркско-арабский словарь», 1245 г.) [Курышжанов 1970: 120]. Как предполагает И.В. Кормушин, слово *jayiz* первоначально было эпитетом земли [Кормушин 2001: 606]. Между тем, слово *qoŋur* ‘бурый’ употребляется в древне- и среднетюркских источниках для обозначения масти таких животных, как бык, овца и т. д. [ДТС 1969: 456]. В связи с этим можно предположить, что *jayiz* ‘темный, бурый’ использовалось для обозначения широкого круга предметов и масти лошади, а *qoŋur* ‘бурый’ – масти других животных.

Слово *jayiz* отсутствует в современных языках, за исключением турецкого, в котором *yağiz* встречается в значениях ‘вороная масть лошади’, ‘брюнет’, ‘смуглый’ [ТРС 1977: 903].

5. Семантика цветообозначения *куңыр* ‘бурый, темно-коричневый’ в башкирском языке:

5.1. Основным значением лексемы *куңыр* в башкирском языке является обозначение бурого цвета (то есть темного оттенка коричневого цвета). Этим словом обычно определяется окраска крупного рогатого скота: *куңыр һыйыр* ‘бурая корова’.

Ср. в источниках: крх.-уйг. *qoŋur* ‘рыжеватый, каштановый; коричневый, каурый’ [ДТС 1969: 456]. В тех или иных тюркских языках рефлексy **Коңур* обозначают масть и окраску также других животных и птиц: ккалп. *қоңыр айыў* ‘бурый медведь’, каз. *қоңыр аю* ‘бурый медведь’, тат. *коңгырт каз* ‘бурый гусь’, *коңгырт төлкө* ‘бурая лиса’, уйг. *қоңур* ‘бурый’, чув. *хәмайр уна* ‘бурый медведь’ [РКС 1967: 69, УРС 1968: 606, ЧРС 1985: 160, 544, АРС 2006в: 183].

Наличие значения ‘бурый, темно-коричневый’ во всех подгруппах тюркских языков позволяет предположить его пратюркский характер.

5.2. Карий (о цвете глаз): башк. *куңыр күзле* ‘кареглазый’.

Ср. в других тюркских языках: тат. *коңгырт кара* ‘карий (о глазах)’, ккалп.

қоңыр ‘карий’, аз. *qonur göz* ‘кареглазый’, хак. *хызыл хоор харах* ‘карие глаза’, чув. *хәмәр куҗ* ‘карие глаза’ [КРС 1958: 400, ЧРС 1985: 543, АРС 2006в: 183, ХРС 2006: 845, ТРС 2007а: 610].

Наличие данного значения в кыпчакской, огузской, уйгуро-огузской и болгарской подгруппах тюркских языков свидетельствует о его пратюркском характере.

5.3. Смуглый (о коже): *куңыр йөзлө малай* ‘смуглолицый мальчик’.

Значение также зафиксировано в словарях татарского, каракалпакского, киргизского, хакасского языков [КРС 1958: 146, КРС 1985а: 403, ХРС 2006: 217].

Наличие описываемого значения в кыпчакской, киргизско-кыпчакской, уйгуро-огузской подгруппах тюркских языков позволяет предположить его общетюркский характер.

5.4. Темно-русый, каштановый (о цвете волос и т. д.): *куңыр сәс* ‘темно-русые волосы’.

Ср. в других тюркских языках: тат. *коңгырт чәчле* ‘русоволосый’, ккалп. *қара қоңыр шаш* ‘каштановые волосы’, кирг. *коңур чач* ‘темные, каштановые волосы’, уйг. *қоңур чачлиқ* ‘шатен, букв. с темно-русыми волосами’, чув. *сұтй хәмәр сўс* ‘темно-карие глаза’ [КРС 1967: 333, УРС 1968: 606, КРС 1985а: 403, ЧРС 1985: 544, ТРС 2007а: 610].

Наличие данного значения в кыпчакской, киргизско-кыпчакской, карлукской и болгарской подгруппах тюркских языков свидетельствует о его пратюркском характере.

5.5. Темный, неясный, тусклый, неяркий: *куңыр болоттар* ‘темные облака’, *куңыр һыу* ‘темная вода’, *куңгырт кызыл* ‘тускло-красный, букв. буровато-красный’, *куңгырт һары* ‘тускло-желтый, букв. буровато-желтый’.

Ср. в других тюркских языках: тат. *коңгырт су* ‘темная вода’, *коңгырт болытлар* ‘темные облака’, ккалп. *гүңгирт* ‘тусклый, темноватый’, чув. *пёләт хәмәрланать* ‘небо становится свинцовым’ [КРС 1958: 145, ЧРС 1985: 544].

Ввиду того, что данное значение отмечено в словарях кыпчакской,

булгарской подгруппы тюркских языков, можно предположить его пратюркский характер.

5.6. Коричневый. Для коричневого цвета в башкирском языке главным образом употребляется *көрән* (< монг.), но спорадически встречается слово *куңыр*: *Башында куңыр кепка, өстөндә кала формаһына тегелгән куңыр пальто, аяғында итек* 'На голове у него коричневая кепка, на нем сшитое коричневое пальто, на ногах сапоги' (Х. Давлетшина) [КБЯП]. Вместе с тем отметим, что *куңыр* употребляется для обозначения более темных оттенков, а *көрән* – более светлых тонов, а также в сочетании с названиями артефактов.

Ср. в других тюркских языках: тат. *коңгырт күн* 'коричневая кожа', *коңгырт сөрмә* 'коричневые тени', ккалп. *гүңгирт-қызыл рең* 'коричневый цвет', каз. *қызыл қоңыр* 'коричневый', туркм. *гоңур*, як. *хонор көстүүм* 'коричневый костюм', чув. *хәмәр сәрә* 'коричневая краска' [РКС 1967: 363, ТРС 1968: 187, ЯРС 1972: 498, ЧРС 1985: 544].

Наличие значения в кыпчакской, огузской, уйгуро-огузской, булгарской подгруппах тюркских языков позволяет предположить его пратюркский характер.

5.7. Топонимообразующий компонент. В башкирских географических названиях цветообозначение *куңыр* 'бурый, темно-коричневый' в основном указывает на бурый, темный цвет топообъекта: *Куңыр* 'букв. бурый' (река в Мелеузовском районе Республики Башкортостан). По нашим предположениям, гидроним, от которого произошло название города Кунгур в Пермском крае, также восходит к лексеме *куңыр* 'темный' (река протекает на территории проживания гайнинских башкир, которые, возможно, и дали ей название по окраске вод).

5.8. Мифологизированный цвет. В башкирской мифологии отмечается особая роль животных бурой масти. Например, в эпосе «Кунгыр-буга» (башк. «Куңыр буға» 'букв. бык / корова бурой масти'), относящемся к эпическим сказаниям о священных животных, говорится о том, что выданная замуж далеко от родного дома девушка возвращается в родные места вслед за бурой коровой по

кличке *Куңыр буга* ‘букв. бык / корова бурой масти’ [КБЯФ]. Это связано с тем, что, по древним верованиям башкир, корова бурой масти является тотемным животным, приносящим счастье и благополучие [Хисамитдинова 2010: 199].

6. В некоторых тюркских языках наблюдаются и другие значения данного названия цвета, например: ‘рыжий’ (уйг. *қоңур сақал* ‘рыжая борода’); ‘золотой, ранний (об осени)’ (ккалп. *қоңыр гүз* ‘ранняя осень’); ‘легкий, приятный’ (ккалп. *қоңыр салқын* ‘легкая и приятная прохлада’); ‘мягкий, нежный, милый’ (кирг. *коңур* ‘мягкий, нежный (о характере)’, тув. *хоор* ‘милый’); ‘бурый (об угле)’ (аз. *qonur kötiür* ‘бурый уголь’, чув. *хәмәр кәмрәк* ‘бурый уголь’) [КРС 1958: 400, ТувРС 1968: 483, УРС 1968: 606, КРС 1985а: 403, ЧРС 1985: 160, 544, АРС 2006в: 183].

7. Таким образом, исследование цветообозначения *куңыр* ‘бурый, темно-коричневый’ в башкирском языке в сравнительно-историческом и лексико-семантическом планах позволяет сделать определенные выводы.

Пратюркская форма данного цветообозначения восстанавливается как **Коңур* ‘бурый’, ее рефлексy встречаются во всех тюркских языках для обозначения бурого и коричневого цветов. В кыпчакских языках Урало-Поволжья и сибирских тюркских языках (кроме якутского) рефлексy **Коңур* ‘бурый’ обозначают темный оттенок коричневого цвета (то есть бурый цвет); в чувашском, якутском, а также в некоторых языках Средней Азии – являются лексемой-доминантой для обозначения коричневого цвета. Слово *qonur* ‘бурый’ зафиксировано в древне-, средне-, новотюркских источниках как обозначение масти животных.

Праалтайская форма реконструируется как **kõna* ‘коричневый, черный’, ее рефлексy встречаются также других группах алтайской языковой семьи в значениях ‘светло-коричневый’ (монг.), ‘черный’ (тунг.-маньчж.), ‘тень’ (кор.), ‘тень, отражение’ (яп.).

В башкирском языке лексема *куңыр* ‘бурый’ употребляется для описания внешности человека (глаз, кожи, волос), окраски животных (шерсти, масти, за

исключением масти лошади), а также для передачи темных оттенков других цветов: ‘бурый’, ‘темно-коричневый’, ‘коричневый’, ‘карий (о цвете глаз)’, ‘темно-русый, каштановый (о цвете волос)’, смуглый (о коже), ‘темный, неясный, тусклый, неяркий’. Большинство значений слова имеют пратюркский характер, в то же время наблюдаются их общетюркские особенности. Цветообозначение *куңыр* ‘бурый, темно-коричневый’ участвует в образовании топонимов, где, как правило, обозначает темный цвет топообъекта. Отмечается мифологическая семантика бурого цвета в башкирской культуре.

В целом цветообозначение *куңыр* ‘бурый, темно-коричневый’ в башкирском языке имеет пратюркскую и праалтайскую основы, в формировании и развитии его семантики наблюдаются пратюркские и общетюркские особенности.

Ерэн ‘рыжий’

1. Рыжий цвет представляет собой оттенок оранжевого цвета (получаемый при добавлении к нему коричневого), диапазон которого варьирует от золотистого и медного до бронзового. Как правило, название *рыжий* в русском языке употребляется относительно цвета волос человека и окраски шерсти животного, а цвет остальных неживых предметов называется словом *оранжевый*.

2. Рыжий цвет в башкирском языке обозначается лексемой *ерэн*. В других тюркских языках эта лексема встречается в разных фонетических вариантах: сиб.-тат. *йерэн*, кр.-тат. *джийрен*, тат., уйг. *жирэн*, ног. *иййрен*, ккалп., кум. *жийрен* / *жайран*, каз. *жирен* / *джейран*, кирг. *жейрен*, *жээрде*, аз. *сеуган*, тур. *серан* / *сеулан*, туркм. *жсерен*, узб. *жийрон* / *жайрон*, уйг. *жэрэн*, алт., туб. *јеерен*, телеут. *јеерин*, хак. *чигірен*, тув. *чээрэн*, шор. *чезрен*, як. *сиэр*, чув. *сўрен* [КРС 1958: 251, УРС 1959: 153, УРС 1961: 269, 271, НРС 1963: 123, РЯС 1968: 556, ТРС 1968: 324, ТувРС 1968: 561, КРС 1969: 140, ТРС 1977: 150, КРС 1985а: 243, 285, ЧРС 1985: 430, УРС 1989: 67, Бектаев 1995: 200, ТРС 1995: 24, АРС 2006а: 417, ХРС 2006: 962, ТРС 2007а: 401, Усеинов 2007: 596, АРС 2015: 44, ТРС 2019: 291, СТРС 2019: 109, 152].

Как видим, данное слово встречается во всех подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его пратюркский характер. В вышеперечисленных языках оно употребляется в значении ‘рыжий’, обозначая в большинстве из них масть лошади. В некоторых языках (кум., каз., ккалп., кирг., аз., тур., туркм., узб., уйг., алт., тув.) это слово является названием животных рода антилоп, газелей и оленей, которые имеют шкуру рыжего цвета и близких к нему оттенков.

Слово *jägrän* (*järän* и т. д.) зафиксировано в письменных источниках тюрков также как обозначение рыжей масти лошади. Первая его фиксация наблюдается в древнетюркских памятниках: орх., ен. *jägrän* [ДТС 1969: 253]. В новотюркских источниках встречаются следующие формы этого слова: *järän* / *jägrän*, *cirän*, *čägrän* / *čärgän*, *čegri* / *čegrin* [Радлов, 1905а: 338, Радлов, 1905б: 1958, 1966, 1971, Радлов 1911а: 142], *žirän* / *žirän* [Будагов 1869: 448].

3. Пратюркская форма этого цветообозначения восстановлена как **jēgre-n* ‘рыжий (о масти лошади); олень, джейран, антилопа’ [EDAL 2003:966].

Для обозначения рыжей масти или животных рода газелей, антилоп, оленей в тюркских языках представлены три основы (*жерен*, *жерде*, *йегер*), которые, возможно, составляют одну лексическую основу, что является фонетически закономерным. В некоторых языках представлены по два фонетических варианта данного названия. В связи с этим в научной литературе существуют ряд предположений по поводу исходной лексемы: одни ученые считают, что эти формы восходят к разным основам, другие относят их к родственным лексемам [ЭСТЯ 1989: 22–24].

Как предполагает Дж. Клосон, *jegren* ‘каштановый’ в тюркских языках изначально обозначал цвет шкуры лошади [Молчанова 1988: 99, Clauson 1972: 914]. Затем слово *jegren* было заимствовано монгольским в форме *žegere* для обозначения ‘джейран’; производная от нее форма *žegerde* стала обозначать цвет и была обратно заимствована тюркскими языками [Clauson 1972: 914, Молчанова 1988: 99].

В современных монгольских языках также имеются разные фонетические

варианты тюркского заимствования *jegren*: одна форма употребляется в значении ‘рыжий (о лошади)’; другая – в значении ‘косуля, джейран и т. д.’ (халх.-монг. *зээрд*, бур. *зээрдэ*, калм. *зеерд*, даг. *джэрдэ* ‘рыжий (о лошади)’ / халх.-монг. *зээрэн*, бур. *зээрэн*, калм. *зеерн*, даг. *джэрэн* ‘антилопа, серна, джейран’) [ЭСМЯ 2016: 66].

Встречающаяся в тунгусо-маньчжурских языках форма слова, употребляемая в значениях ‘рыжий’, ‘косуля, коза дикая’, считается заимствованием из монгольских: эвенк., маньчж. *жэрдэ* ‘рыжий (о масти лошади)’, маньчж. *жэрен* ‘косуля, коза дикая’, удэг. *жэли* ‘косуля, коза дикая’ [ССТМЯ 1975: 282, 285].

ПТю. **jegre-n* ‘рыжий (о масти лошади); олень, джейран, антилопа’ восходит к праалтайской форме **negre* ‘вид оленя’, рефлексy которой сохранились также в тунгусо-маньчжурских и корейском языках: эвенк. *negdi* ‘важенка (самка северного оленя)’ (< ПТМ **negdi*), кор. *nirani* ‘косуля’ (< ПКор. **nirə-*) [EDAL 2003: 966].

Известно, что тюркское слово *jegren* вошло и в русский язык: русск. *игрневый, игрений* ‘светло-рыжий (о лошадиной масти)’. Как отмечает М. Фасмер, в источниках слово встречается уже с XVI в. [Фасмер 1986б: 116–117].

Лексема *jejrān* ‘джейран, газель’ наблюдается также в персидском языке (заимствование из тюркских или монгольских языков), откуда она была обратно заимствована азербайджанским языком (аз. *ceyrān* ‘джейран’) [ЭСТЯ 1989: 25].

4. В отдельных языках для рыжей масти лошади могут применяться и другие цветообозначения: тур. *al* (< ПТю. **Āl* ‘красный, алый’), туркм. *чынар* (< ПТю. **šorur* ‘пестрый, рябой’), тув. *шилги*, як. *кугас* [КРТС 1968: 402, ТувРС 1968: 573, ЯРС 1972: 185, БРТС 2009: 461].

5. Семантика цветообозначения *ерэн* ‘рыжий’ в башкирском языке:

5.1. Рыжий (о цвете волос, усов, бороды). В башкирском языке наиболее распространенное значение слова – обозначение рыжего цвета волос, усов,

бороды: *ерән һакал* ‘рыжая борода’, *ерән мыйык* ‘рыжие усы’.

В фольклоре некоторых кыпчакских народов, в том числе и башкирского, упоминается персонаж *Ерәнсэ-сэсэн*, поэт и импровизатор, который отличался смелостью, находчивостью и умом. Судя по имени, предполагается, что герой легенд и преданий был рыжеволосым [КБЯФ].

Значение ‘рыжий’ (как цвет волос, бороды, усов) встречается в основном в кыпчакских языках: тат. *жирән сакаллы* ‘рыжебородый’, *жирән чәчле* ‘с рыжими волосами’, ккалп. *жыйрен сақаллы* ‘рыжебородый’, кирг. *жейрен сакал* ‘рыжебородый’, *жээрде сакал* ‘рыжая борода’ [КРС 1958: 251, КРС 1985а: 243, 285, ТРС 2007а: 401].

5.2. Рыжий (о масти лошади, а также других животных): *ерән айгыр* ‘рыжий жеребец’.

Ср. в источниках: орх. *jägrän at* ‘гнедая лошадь’ [Малов 1959: 27]; в других тюркских языках: тат. *жирән кашка* ‘рыжий конь с белой звездочкой на лбу’, *кызыл жирән* ‘медно-красный’, ног. *йийрен ат* ‘конь рыжей масти’, ккалп. *жыйрен ат* ‘рыжий конь’, кум. *жыйрен ат* ‘лошадь рыжей масти’, кирг. *жээрде ат* ‘рыжий конь’, алт. *јеерен* ‘рыжий’, узб. *жыйрон* ‘рыжий’, хак. *чигірен ат* ‘рыжий конь’, чув. *сўрен* ‘рыжий’, *сарй сўрен* ‘каурый’ [КРС 1958: 251, УРС 1959: 153, НРС 1963: 123, КРС 1969: 140, КРС 1985а: 285, ЧРС 1985: 430, ХРС 2006: 962, ТРС 2007а: 401, АРС 2015: 44].

Данное значение является пратюркским явлением, так как оно встречается во всех подгруппах тюркских языков.

5.3. Рыжий (по отношению к цвету артефактов). Как показывают исследования, лексема *ерән* ‘рыжий’ в башкирском языке первоначально также применялась только относительно цвета волос, бороды, усов, масти животных. Далее она постепенно начинает употребляться по отношению к цвету артефактов: *ерән костюм* ‘рыжий костюм’, *ерән машина* ‘рыжий автомобиль’.

Участие этого слова в образовании терминов тоже является более поздним явлением: *ерән бәшмәк* ‘рыжик, букв. рыжий гриб’.

Ср. в других тюркских языках: тат. *жырэн гәмбә* ‘рыжик, букв. рыжий гриб’ [ТРС 2007а: 401].

6. В некоторых тюркских языках лексема **jəgre-n*, как отмечалось выше, является названием животных рода газелей, антилоп, оленей, которые имеют шкуру рыжего цвета и близких к нему оттенков: каз. *жайран* ‘джейран (дикая коза)’, ккалп. *жайран* ‘джейран’, кирг. *жейрен* ‘джейран, газель’, кум. *жайран* ‘джейран’, тав *жайран* ‘серна’, кирг. *жейрен, жээрде* ‘джейран и газель’, аз. *сеуган* ‘джейран (парнокопытное животное рода газелей; лань, небольшая антилопа)’, тур. *seran / seylan* ‘газель’, туркм. *жэрен* ‘джейран, газель’, узб. *жайрон* ‘джейран’, уйг. *жэрэн* ‘джейран’, алт. *јеерен* ‘джейран, антилопа, косуля’, тув. *чээрэн* ‘антилопа, джейран’ [КРС 1958: 213, УРС 1961: 271, ТРС 1968: 324, ТувРС 1968: 561, КРС 1969: 138, ТРС 1977: 150, 152, КРС 1985а: 243, УРС 1989: 67, Бектаев 1995: 172, АРС 2006а: 417, АРС 2015: 44].

7. Таким образом, исследование цветообозначения *ерэн* ‘рыжий’ в башкирском языке в сравнительно-историческом и лексико-семантическом планах позволяет сделать определенные выводы.

Пратюркская форма цветообозначения восстанавливается как **jəgre-n* ‘рыжий (о масти лошади); олень, джейран, антилопа’, ее рефлексy встречаются практически во всех тюркских языках в значении ‘рыжая масть лошади или других животных’; в кыпчакских – для описания рыжего цвета волос, усов, бороды; в некоторых тюркских языках – в качестве названия животных рода газелей, антилоп, оленей. Лексема *jəgren* и ее фонетические варианты зафиксированы в древне-, средне-, новотюркских источниках в значении рыжей масти лошади.

Праалтайская форма реконструируется как **negre* ‘вид оленя’, ее рефлексy встречаются в корейском и тунгусо-маньчжурских языках в значениях ‘косуля’, ‘важенка (самка северного оленя)’. Встречающиеся в монгольских языках формы являются тюркскими заимствованиями и употребляются в значениях ‘рыжий (о лошади)’, ‘косуля, антилопа’.

В башкирском языке цветообозначение *ерән* ‘рыжий’, как и рефлексы **jəgre-n* во многих тюркских языках, функционирует в значении ‘рыжий (о масти, волосах, усах, бороде)’, кроме того, наблюдается его употребление по отношению к артефактам.

В целом цветообозначение *ерән* ‘рыжий’ в башкирском языке имеет пратюркскую и праалтайскую основы, в формировании и развитии его семантики наблюдаются пратюркские и пракыпчакские особенности.

Ала ‘пегий’

1. Пегий цвет – это сочетание белого или черного с другими цветами. Особенность пегого цвета заключается в том, что разноцветные пятна составляют большие крупные участки. Пегим обычно обозначается масть лошади, но в то же время данное цветоименование применяется относительно окраса и других предметов и поверхностей.

2. Пегий цвет в башкирском языке обозначается лексемой *ала*. В других тюркских языках эта лексема встречается в разных фонетических вариантах: тат., каз., ккалп., ног., кбалк., кум., кр.-тат., кирг., алт., куманд., телеут., туб., уйг., тув., хак., шор., як. *ала*, узб. *ола*, сюг. *ала*, туркм. *ала* (*а:ла*), гаг. *ала-эжа*, тур. *ала* / *аласа*, аз. *ала*, чув. *ула* [КРС 1958: 35, НРС 1963: 36, ТРС 1968: 38, ТувРС 1968: 51, УРС 1968: 44, КРС 1969: 36, ЯРС 1972: 36, ГРМС 1973: 38, ТРС 1977: 41–42, КРС 1985а: 44, ЧРС 1985: 510, КБРС 1989: 47, УРС 1989: 132, ШРС 1993: 15, Бектаев 1995: 40, КРС 1995: 9, ТРС 1995: 14, АРС 2006а: 83, ТРС 2007а: 74, Усеинов 2007: 326, АРС 2015: 15, РТС 2019: 204].

Как видим, данное слово встречается во всех подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его пратюркский характер. Во всех языках основное значение слова – ‘пегий’, ‘пестрый’.

Слово *ала* зафиксировано в письменных памятниках тюрков, где представлены его цветные и нецветные значения. Первая его фиксация наблюдается в древнетюркских памятниках: др.-уйг. рун., др.-уйг., крх.-уйг. *ала*

[ДТС 1969: 32, Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2001: 607]. Далее оно встречается в среднетюркских и новотюркских источниках, например: ср.-кыпч. *ala / alača* [Курышжанов 1970: 83], новотюрк. *ala* [Будагов 1869: 78, Радлов 1893а: 351–352].

3. Пратюркская форма этого цветообозначения восстановлена как **āla* ‘пестрый’ [EDAL 2003: 291].

Предполагается, что изначально слово *ala* в тюркских языках передавало не цветовую окрашенность предметов, а образ светлых проплешин, пятен или даже полос на фоне более темного окружения на поверхности предметов при любой их цветовой гамме. Дальнейшее развитие семантики этого слова было связано с закреплением его применения в основном для обозначения окраса шкуры и перьев животных и птиц со светлыми, то есть белыми пятнами или полосами [ЭСТЯ 1974: 129–130, Кормушин 2001: 607].

ПТю. **āla* ‘пестрый’ восходит к праалтайской форме **ālv* ‘пестрый’, рефлексы которой также встречаются в монгольских и корейском языках: бур. *alag*, калм. *aläg*, халх.-монг. *alag* ‘пестрый’ (< ПМо. **ala-g*), кор. *älluk* ‘быть пятнистым, украшенным’ (< ПКор. *arí-núk-*) [EDAL 2003: 291].

4. Можно сказать, что лексема *ala* является древней и устойчивой – она является основным названием для пегого / пестрого цвета во всех тюркских языках.

5. Семантика цветообозначения *ala* ‘пегий’ в башкирском языке:

5.1. Пегий, пятнистый, пестрый (о масти лошади и других животных, окрасе птиц): *ала ат* ‘пегий конь’, *ала һыйыр* ‘пятнистая корова’, *ала каз* ‘пестрый гусь’, посл. *аттан ала ла тыуа, кола ла тыуа* ‘соотв. русск. в одно перо и птица не родится, букв. у кобылы рождаются и пегие, и буланые жеребята’.

Под пегим подразумевается в основном сочетание белого с черным цветом. Поэтому, если имеется в виду его сочетание с остальными цветами, второй цвет уточняется другой лексемой: *коба ала* ‘буро-пегий’, *һары ала* ‘желто-пегий, солово-пегий’, *ерән ала* ‘рыже-пегий’, *күк ала* ‘сиво-пегий’, *кола ала* ‘саврасо-пегий’.

Ср. в источниках: др.-уйг. *ala atliü* ‘на пегом коне’ [Малов 1951: 85]; в других тюркских языках: тат. *ала бия* ‘пегая кобыла’, тур. *alaca at* ‘пегая лошадь’, туркм. *ала сыгыр* ‘пятнистая корова’, уйг. *ала ат* ‘пегая лошадь’, хак. *ала инек* ‘пегая корова’, тув. *ала аът* ‘пегая лошадь’, як. *ала атыыр* ‘пегий жеребец’, чув. *ула ёне* ‘пегая корова’, *ула лаша* ‘пегая лошадь’ [УРС 1961: 14, ТРС 1968: 39, ТувРС 1968: 51, ЯРС 1972: 36, ТРС 1977: 41, ЧРС 1985: 510, ХРС 2006: 48, ТРС 2007а: 74].

Цветобозначение *ала* ‘пегий’ участвует в словообразовании, являясь составным компонентом названий животных, птиц, рыб, растений пегой и пятнистой окраски: *ала өйрэк* ‘хохлатая чернеть, букв. пестрая утка’, *ала сәпсәү* ‘хрустан, букв. пестрый кулик’, *ала себен тургайы* ‘мухоловка-пеструшка, букв. пестрая мухоловка’, *алабалык* ‘сиг, букв. пестрая рыба’, *алабуга* ‘окунь, букв. пегий бык’, *алаганат* ‘чернолобый сорокопуд, букв. пестрые крылья’, *ала миләүшә* ‘фиалка трехцветная, букв. пестрая фиалка’ [МФБЛ].

Ср. в других тюркских языках: тат. *ала кит* ‘полосатик, кит-полосатик, букв. пестрый кит’, *ала миләүшә* ‘анютины глазки; иван-да-марья, букв. пестрая фиалка’, *ала чумгалак* ‘гоголь, букв. пестрый нырок’, кр.-тат. *алакийик* ‘лань, букв. пегий зверь’, гаг. *алайса куш* ‘ястреб, букв. полосатая птица’, тур. *alabalık* ‘форель, букв. пятнистая рыба’, *alabaş* ‘капуста огородная, букв. пятнистый колос’, узб. *олабуга* ‘окунь, букв. пегий бык’, хак. *ала парыс* ‘лев, букв. пегий тигр’, чув. *ула каййак* ‘дятел, букв. пестрая птица’, *ула курак* ‘ворона, букв. пестрая ворона’ [ГРМС 1973: 38, ТРС 1977: 41–42, ЧРС 1985: 510, УРС 1989: 132, ХРС 2006: 48, ТРС 2007а: 74, Усеинов 2007: 326].

Данное значение имеется во всех подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его пратюркский характер.

5.2. Яростный, удивленный и т. д. (о глазах). В башкирском языке это значение в основном выражается глаголом, образованным от основы прилагательного: *кузе аларыу* ‘прийти в ярость, букв. глаза стали яростными (пестрыми)’.

Ср. в источниках: крх.-уйг. *köz alart-* ‘тарашить глаза’ [ДТС 1969: 320]; в других тюркских языках: тат. *ала күз* ‘пучеглазый, лупоглазый’, кбалк. *ала кёзле* ‘светлые глаза’, кум. *ала гёз* ‘серые глаза’, туркм. *онуң гөзлери гахарлы аларялды* ‘его глаза сердито сверкали’, узб. *ола кўз* ‘выпученные глаза, пучеглазый’, *олаймоқ* ‘вытарашиваться, выпучиваться (о глазах)’, хак. *ала харах* ‘игривые глаза’, чув. *ула куç* ‘имеющий разноцветную радужную оболочку (иронично о глазах)’ [Ашмарин 1929: 207, ТРС 1968: 39, КРС 1969: 36, КБРС 1989: 47, УРС 1989: 132, ХРС 2006: 48, ТРС 2007а: 74]. Как видим, в некоторых тюркских языках слово *ала* ‘пегий’ и образованные от него глаголы также часто употребляются со словом ‘глаз’, передавая разные значения.

Употребление слова в описаниях цвета (или особого состояния) глаз встречается во всех подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить пратюркский характер этого значения слова.

5.3. Почерневший, с проталинами (о снеге – весной): *ала кар* ‘почерневший, с проталинами, снег (весной)’, посл. *ала карза аласагың булһын* ‘соотв. за богом должок не пропадет, букв. пусть у тебя будет долг, который вернут весной’.

Ср. в других тюркских языках: тат. *ала кар* ‘весенняя или осенняя пора (когда земля пестрит проталинами)’, *ала карда аласың (алачагың) булсын* ‘посл. имей долг в земле, что в проталинах (то есть имей засеянное с осени, озимь)’, *ала кардан* ‘с ранней весны’, ккалп. *алагат қар* ‘снег, покрывающий землю неровным слоем’, тув. *ала-хар* ‘проталина, период появления проталин’, хак. *ала хар* ‘почерневший, с проталинами снег (весной)’ [КРС 1958: 35, ТувРС 1968: 52, ХРС 2006: 49, ТРС 2007а: 74]. Таким образом, в сочетании со словом *qar* ‘снег’ лексема *ала* ‘пегий’ в тюркских языках обозначает главным образом ‘почерневший, посеревший (весенний) снег’.

5.4. Разноцветный, пестрый, смешанный. Это значение обычно передается парными словами, первым компонентом которых является цветообозначение *ала* ‘пегий’: *ала-кола* ‘пятнистый, пестрый’ (*ала-кола ялан* ‘пестрое поле’, *ала-кола булып күренеу* ‘пестреть’), *ала-сола* ‘аляповатый’ (*ала-сола итеп буяу* ‘красить

небрежно в разные цвета’).

Ср. в других тюркских языках: ккалп. *ала-гула*, кбалк. *ала-къула* ‘аляповатый, разноцветный’, уйг. *ала-була* ‘разноцветный, пестрый’, *ала чапан* ‘пестрый халат’, тув. *ала-була* ‘разномастный, разноцветный’, хак. *ала-пула* ‘пестрый, разноцветный’, чув. *ула-чйла* ‘пестрый, неровный, неравномерный’ [КРС 1958: 35, УРС 1961: 14, ТувРС 1968: 51, ЧРС 1985: 510, КБРС 1989: 47, ХРС 2006: 49].

Данное значение имеется во всех подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его пратюркский характер.

5.5. Пигментные пятна на коже / кожная болезнь в виде белых пятен / проказа. Цветобозначение *ала* ‘пегий’ участвует в словообразовании, являясь компонентом названий болезней: *ала сир* ‘витилиго, букв. пестрая болезнь’, *ала тэн* ‘проказа, букв. пестрая кожа’, посл. *агай-эне азһа*, *ала булыр* ‘букв. если братья увязнут в разврате, к ним придет (пегая) болезнь’.

Ср. в источниках: др.-уйг. *ала* ‘кожная проказа, песь, витилиго’ [ДТС 1969: 32]; в других тюркских языках: кирг. *аланын изин баспа* ‘на след прокаженного не ступай [заразишься]’, чув. диал. *ула* ‘лысина’ [КРС 1985а: 44, ЧРС 1985: 510].

5.6. Выделяющийся, отличающийся. Очевидно, что данное значение является результатом метафорического переноса: ‘пестрый’ → ‘пятнистый’ → ‘пятно’ → ‘выделяться’ → ‘выделяющийся’: *ала бұлэк булыу* ‘выделяться, отличаться, букв. быть пятнистым наделом’, *ала карға* ‘соотв. белая ворона (о человеке, выделяющемся из толпы), букв. пегая ворона’.

Ср. в других тюркских языках: уйг. *ала қалған йәр* ‘огрех, букв. место, оставшееся пятнистым’, як. *ала бааччы* ‘особо явно’, *ала бэлиэ* ‘очень приметный, букв. пестрая метка’ [УРС 1961: 14, ЯРС 1972: 36].

5.7. Топонимообразующий компонент. Слово *ала* ‘пегий’ участвует в образовании названий гор, скал, озер и рек, которые выделяются пятнистостью пород, почвы, пестротой растительности, например: *Алатау* ‘букв. пестрая гора’ (горы в Ишимбайском, Гафурийском районах Республики Башкортостан), *Аласа* ‘букв. пестрый’ (озеро в Чишминском районе Республики Башкортостан), *Алакүл*

‘букв. пестрое озеро’ (озеро в Саракташском районе Оренбургской области).

Цветобозначение *ала* ‘пегий’, встречающееся в топонимии в сочетании с названиями животных или другими лексемами, указывает на уподобление объекта цвету, масти животного: *Алабайтал* ‘букв. пегая кобыла’ (гора в Кугарчинском районе Республики Башкортостан), *Алатана* ‘букв. пестрая телка’ (ойконим в Стерлитамакском районе Республики Башкортостан) [МФБЛ, Цветобозначения... 2019: 140–159].

Ср. в источниках: др.-уйг. рун. *ала йуаҫ* ‘Ала-йыгач, букв. разнообразные деревья’ (название местности) [ДТС 1969: 32]. В других тюркских языках словом *ала* ‘пегий’ также может обозначаться равнина, испещренная небольшими песчаными участками [ЭСТЯ 1974: 129–130].

5.8. Мифологизированный цвет. В башкирской мифологии пегий цвет считается символом пограничного состояния (например, болезненного): *ала* ‘кожная проказа’ [Хисамитдинова 2010: 21].

6. Кроме вышеперечисленных, в других тюркских языках встречаются такие более редкие значения слова, как ‘нарост’, ‘лысина’, ‘веснушчатый’, ‘ссора, раздор’, ‘заря’, ‘ранний’, ‘недозревший’, ‘нечестный’, ‘враждующий’, ‘изреженный, с пробелами (о всходах)’, ‘отличный, отменный’, ‘именно, как раз’ и др., например: караим. *ала* ‘нарост’, кбалк. *тань аласында* ‘на рассвете, на заре, рано утром, букв. на пестрой заре’, *иңир ала* ‘вечерком, ранним вечером, букв. пестрые сумерки’, ккалп. *аузының аласы* ‘разногласие, разлад, букв. пестрота слов / ртов’, *ала бол-* ‘быть в ссоре, букв. быть пестрыми’, кирг. *ала жаздан* ‘с ранней весны, букв. с пестрой весны’, *ала жайдан* ‘с раннего лета, букв. с пестрого лета’, *адам аласы ичинде, мал аласы тышында* ‘нечестность (букв. пестрота) человека внутри, а пестрота животного – снаружи’, тур. *ала* ‘непостоянство, переменчивость, изменчивость (о характере, нраве)’, туркм. *ала гөгерен говача* ‘разреженные (букв. пестрые) всходы хлопчатника’, *итиң агзы ала болсада можгеги гөренде биригер* ‘хоть собаки и не в ладу (букв. если рты у собак пестрые), а при виде волка в стаю сбиваются’, уйг. *ала болуп қалған өрүк*

‘недозревший абрикос, букв. абрикос, оставшийся пятнистым’, *көңли ала адәм* ‘нечестный человек, букв. человек с пестрой душой’, узб. *ола чыққан гўза* ‘изреженные (букв. пестрые) всходы хлопчатника’, як. *ала чуо* ‘именно, как раз, букв. точно пестрый’, чув. *ула сын* ‘веснушчатый (букв. пестрый) человек’ [КРС 1958: 35, УРС 1961: 14, ТРС 1968: 38, ЯРС 1972: 36, КРПС 1974: 61, ТРС 1977: 42, КРС 1985а: 44, ЧРС 1985: 510, КБРС 1989: 47, УРС 1989: 132].

7. Таким образом, исследование цветообозначения *ала* ‘пегий’ в башкирском языке в сравнительно-историческом и лексико-семантическом планах позволяет сделать определенные выводы.

Пратюркская форма данного цветообозначения восстанавливается как **āla* ‘пестрый’, ее рефлексy наблюдаются во всех тюркских языках в значениях ‘пегий’, ‘пестрый’. Лексема *ала* встречается в древне-, средне-, новотюркских памятниках, в которых зафиксированы ее цветовые и нецветовые значения.

Алтайская праформа реконструируется как **āIV*, ее рефлексy встречаются также в корейском языке и монгольской группе алтайских языков в близких значениях.

В башкирском языке слово *ала* ‘пегий’ обозначает пегий, пятнистый, пестрый окрас животных и птиц; является эпитетом яростных, удивленных глаз и весеннего почерневшего снега, пигментных пятен на коже; употребляется в значениях ‘разноцветный’, ‘выделяющийся’. Такие же значения отмечены и в других тюркских языках, что определяет их пратюркский характер. Цветообозначение *ала* ‘пегий’ активно участвует в образовании терминов и топонимов, в которых оно в основном обозначает внешний вид объекта, выделяющегося разноцветным характером окраски. Отмечается мифологическая семантика пегого цвета в башкирской культуре.

В целом цветообозначение *ала* ‘пегий’ в башкирском языке имеет пратюркскую и праалтайскую основы, большинство его значений имеют пратюркский характер.

Кола ‘саврасый, буланый’

1. Саврасая, буланая масть лошади имеет светло-желтый (светло-гнедой) окрас корпуса и черные гриву и хвост.

2. В башкирском языке саврасая, буланая масть лошади обозначается лексемой *кола*. В других тюркских языках эта лексема встречается в разных фонетических вариантах: ккалп., каз., телеут., туб., уйг. *кула*, ног., кирг., алт., куманд., тув. *кула*, тур. *kula*, хак. *хула*, чув. *хӳла* [КРС 1958: 408, НРС 1963: 186, РАС 1964: 673, ТувРС 1968: 263, УРС 1968: 616, ГРМС 1973: 293, КРС 1985а: 440, КРС 1995: 31, ТРС 1995: 47, ЭСТЯ 2000: 120–121, EDAL 2003: 849, ХРС 2006: 861, РТС 2019: 292].

Как видим, данное слово встречается во всех подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его пратюркский характер. В большинстве тюркских языков оно главным образом употребляется для обозначения саврасой, буланой масти лошади (кроме тур. *kula* ‘рыжий, бурый (о масти лошади)’ [ТРС 1977: 570]).

Слово *qula* зафиксировано в письменных источниках тюрков главным образом в значении буланой масти лошади. Первая его фиксация наблюдается в древнетюркских памятниках: крх.-уйг. *qula* [ДТС 1969: 464]. Далее оно встречается в среднетюркских (например, в среднекыпчакских) [Курышжанов 1970: 166, Гаркавец 2006: 14] и новотюркских источниках [Будагов 1871: 89, Радлов 1899а: 967–968].

3. Пратюркская форма этого названия масти лошади восстановлена как **Kula* ‘желтый, саврасый’ [EDAL 2003: 849].

В «Этимологическом словаре тюркских языков» (М., 2000) слово *кула* связывается с *кулан* ‘кулан, дикий осел, дикая лошадь’ и предполагается его возникновение на монгольской почве. Дж. Клосон и Г. Дерфер считают, что *кула* является тюркским заимствованием в монгольском, М. Рясянен относит эти лексемы к прародственным [ЭСТЯ 2000: 120–121].

А.М. Щербак название *qulan* ‘кулан’, представленное в разных фонетических вариантах в ряде тюркских языков, в том числе и в башкирском,

связывает с названием масти кула 'буланый' [Щербак 1961б: 95]. Дикие лошади – куланы, которые в прошлом водились на степных просторах Южного Урала, имели бледную, песчано-желтую окраску спины и боков [Надергулов 2000: 60]. Отметим, что в башкирском языке, в частности в эпосе «Кунгыр-буга», встречается антропоним *Колансас* 'букв. с волосами цвета кулана, то есть светловолосая' [КБЯФ].

Современные исследователи полагают, что встречающиеся созвучные формы в монгольских языках являются заимствованиями из тюркских (халх.-монг., калм. *хул* 'саврасый', бур. *хула* 'саврасый'), а тунгусо-маньчжурские названия, соответственно, вошли из монгольских языков (эвенк. *kula* 'саврасый') [EDAL 2003: 849].

ПТю. **Kula* 'желтый, саврасый' восходит к праалтайской форме **k'ūli* 'желтый, коричневый, серый', рефлексy которой встречаются также в монгольских языках: бур. *xūjlen* 'серый, голубоватый', халх.-монг. *xūlegčīn* 'белая лошадь с черными пятнами' (< ПМо. **kūjilen* 'серый, голубоватый') [EDAL 2003: 849].

4. Следует отметить, что в некоторых тюркских языках для обозначения буланой, саврасой масти могут применяться и другие лексемy, например: кбалк. *саргъылдым* 'букв. желтоватый', джарыкъ-тору 'букв. светло-гнедой', туркм. *меле*, узб. *саман от* 'саврасый конь', *қора думли от* 'букв. лошадь с черным хвостом' [РУС 1950: 148, РУС 1955: 3, РКБС 1965: 52, 557, КРТС 1968: 47].

5. Семантика названия масти лошади *кола* 'саврасый, буланый' в башкирском языке:

5.1. Основное значение слова *кола* в башкирском языке – 'саврасый, буланый (о масти лошади)'. Для выражения окраски других животных оно не применяется.

Лексема *кола* 'саврасый, буланый', помимо самостоятельного употребления, образует терминологические сочетания вместе с некоторыми названиями масти лошади: *ала кола ат* 'булано-пятнистая лошадь', *кола ерэн ат* 'булано-рыжая лошадь'. Лошадей бледной масти называют *ак кола* 'бледно-

саврасая, бледно-буланая’, а с преобладанием красно-коричневого цвета – *кызыл кола* ‘красно-саврасая’, *туры кола* ‘гнедо-саврасая’. Однако заметим, что эти названия в башкирском языке имеют весьма ограниченное распространение [Надергулов 2000: 59].

Это значение встречается во всех подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его пратюркский характер.

5.2. Пустынный, голый (о степи). В башкирском языке слово *кола* ‘саврасый, буланный’ также применяется по отношению к степи, пустыне, лишенной растительности, например: *кола дала* ‘пустынная, голая степь’, *кола ялан* ‘пустое, голое поле’.

Ср. в других тюркских языках: ккалп. *кула дала* ‘голая степь’, узб. *кулатуз* ‘обширное поле (от *кула* ‘широкий, бескрайний, безграничный’ и *туз* ‘голое место, степь’)’ [КРС 1958: 408, УРС 1959: 449, 628, 629, БРС 1996: 366].

Как видно из этих примеров, в тюркских языках слово *qula / qola* в сочетании со словами со значением ‘степь’, ‘поле’ обозначает широко простирающуюся равнинную местность. Р.Г. Ахметьянов связывает возникновение данных сочетаний слов с названием масти [Ахметьянов 1989: 82]. Действительно, как отмечает У.Ф. Надергулов, цвет травяного покрова пустынной, голой степи имеет определенную общность с саврасой, буланой мастью лошади [Надергулов 2000: 60].

6. В некоторых тюркских языках встречаются и другие значения данного названия цвета: тур. *kula* ‘рыжий, бурый (о масти лошади)’ [ТРС 1977: 570]. В чувашском *хйла*, кроме обозначения саврасой, буланой, гнедой масти лошади, применяется для выражения светло-коричневого, янтарного, серого (диал.) цвета [ЧРС 1985: 543]. В гагаузском языке также зафиксировано значение ‘блондин, русый’ слова *кула*: *кула сачлы кыз* ‘белокурая девушка’ [ГРМС 1973: 293].

7. Таким образом, исследование названия масти лошади *кола* ‘саврасый, буланный’ в башкирском языке в сравнительно-историческом и лексико-семантическом планах позволяет сделать определенные выводы.

Праткюрская форма данного цветообозначения восстанавливается как **Kula* ‘желтый, саврасый’, ее рефлексy встречаются во всех подгруппах тюркских языков для обозначения главным образом саврасой, буланой масти лошади. Слово *qula* зафиксировано в древне-, средне-, новотюркских источниках в том же значении.

Праалтайская форма реконструируется как **k'ūli* ‘желтый, коричневый, серый’, ее рефлексy сохранились в монгольских языках в значении ‘серый, голубоватый’. Встречающиеся в монгольских языках слова со значением масти лошади (халх.-монг., калм. *хул* ‘саврасый’, бур. *хула* ‘саврасый’) являются тюркскими заимствованиями, а в тунгусо-маньчжурских языках – монгольскими.

В башкирском языке, как и во многих тюркских языках, данная лексема, кроме масти лошади, обозначает пустынную степь.

В целом название масти лошади *кола* ‘саврасый, буланный’ в башкирском языке имеет пратюркскую и праалтайскую основы, оно главным образом употребляется для обозначения масти лошади и пустынной степи.

Туры ‘гнедой’

1. Гнедая масть лошади имеет красновато-рыжий окрас корпуса и черные хвост и гриву.

2. В башкирском языке гнедая масть лошади обозначается лексемой *туры*. В других тюркских языках эта лексема встречается в разных фонетических вариантах: кбалк., кум. *тору*, *тору*, тат. *туры*, ккалп. *торы*, ног. *торы*, кирг. *тору*, гаг. *доору*, тур. *dori*, туркм. *дор* (*до:p*), уйг. *торуқ*, узб. *тўриқ*, хак. *торыг*, тув. *доруг*, як. *турабас*, чув. *турă* [КРС 1958: 650, РКС 1960: 153, НРС 1963: 358, Егоров 1964: 259, ТРС 1968: 279, ТувРС 1968: 174, УРС 1968: 314, ЯРС 1972: 406, ЭСТЯ 1980: 268–269, РУС 1983: 208, КРС 1985б: 255, ЧРС 1985: 496, КБРС 1989: 646, ГРРГ 1993: 116, Федотов 1996а: 251–252, ХРС 2006: 653, ТРС 2007б: 440, БРТС 2009: 84].

Как видим, данное слово встречается во всех подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его пратюркский характер. В вышеперечисленных

тюркских языках оно употребляется для обозначения гнедой масти лошади.

Слово *toriḡ* (*toru* и т. д.) зафиксировано в письменных источниках тюрков также как обозначение гнедой масти лошади. Первая его фиксация наблюдается в древнетюркских памятниках: орх., ен., крх.-уйг. *toriḡ* [ДТС 1969: 578]. Далее оно встречается в среднетюркских и новотюркских источниках, например: ср.-кыпч. *turu* [Курышжанов 1970: 206], новотюрк. *toriḡ* / *toru* [Радлов 1905а: 1182], *turi* / *duri* [Будагов 1869: 391].

3. Пратюркская форма этого названия масти лошади восстановлена как **tōruy* ‘гнедой’.

4. Гнедая масть лошади в тюркских языках может обозначаться и другими лексемами: кбалк. *бурул* ‘чалый / гнедой, буланный’, гаг. *ал беегир* ‘гнедая (рыжая) лошадь’, тур. *al at* ‘гнедая лошадь’, аз. *kəhər* ‘гнедой, каурый’, тур. диал. *ger*, *keher* ‘гнедой’ [ГРМС 1973: 38, ТРС 1977: 41, КБРС 1989: 169, ЭСТЯ 1997: 64, АРС 2006б: 692].

5. В башкирском языке, как и во многих тюркских языках, данное название масти лошади употребляется только по отношению к гнедой масти лошади, в других значениях оно не применяется.

Гнедые лошади бывают в природе с различными дополнительными оттенками. Лошадей гнедой масти с преобладанием бурых цветовых оттенков называют *коба туры ат* ‘каурая лошадь’, с доминирующим красным цветом – *кызыл туры ат* ‘красно-гнедая или красно-рыжая лошадь’. Нередко гнедые лошади бывают с пятнами различных цветов, их именуют *ала туры ат* ‘гнедая с пятнами или в яблоках лошадь’. Коней с более темным окрасом корпуса называют *кара туры ат* ‘караковая лошадь, букв. темно-гнедая лошадь’, однако заметим, что здесь идет речь о другой масти лошади – караковой, которая обычно обозначается лексемой *буртә* [Надергулов 2000: 61–62].

Название *туры* активно употребляется в терминологических сочетаниях, обозначающих гнедые оттенки других мастей лошади: *туры бурыл* ‘гнедо-чалый’, *туры ала* ‘гнедо-пегий’, *туры сыбар* ‘гнедо-чубарый’.

Это значение встречается во всех подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его пратюркский характер.

6. Слово в тюркских языках может употребляться главным образом только для обозначения масти лошади, поэтому других его значений не выявлено.

7. Таким образом, исследование названия масти лошади *туры* 'гнедой' в башкирском языке в сравнительно-историческом и лексико-семантическом планах позволяет сделать определенные выводы.

Пратюркская форма данного названия масти восстанавливается как **tōruy* 'гнедой', ее рефлексy встречается во всех подгруппах тюркских языков как обозначение гнедой масти лошади. Лексема *tōruy* и ее фонетические варианты встречаются в древне-, средне- и новотюркских источниках в указанном значении.

В башкирском языке, как и во многих тюркских языках, данное название масти употребляется только по отношению к масти лошади, в других значениях оно не зафиксировано.

В целом название масти лошади *туры* 'гнедой' в башкирском языке имеет пратюркскую основу и употребляется исключительно для обозначения гнедой масти лошади.

2.1.2. Общетюркский пласт цветообозначений башкирского языка

Часть цветообозначающей лексики башкирского языка составляют названия, характерные для языков «общетюркской» ветви, образовавшейся после распада пратюркской общности (III в. до н.э.) [Дыбо 2007: 200]. В этот период складываются основной словарный фонд, базовые фонетические и другие особенности, общие для тюркских языков, в том числе и башкирского.

Как отмечалось выше, общетюркская лексема функционирует во всех подгруппах тюркских языков (или в нескольких из них), кроме чувашского (булгарской группы) и / или языков якутско-долганской группы. Надо сказать, что при определении статуса общетюркского слова регулярность соответствий имеет

не столь решающее значение, поскольку на этой стадии вполне вероятны случаи фонетической переинтерпретации [Дыбо 2007: 4].

Согласно историческим данным, после отделения болгар остальные тюрки продолжали оставаться на территории, близкой к их прародине, предположительно до VI в., когда они образовали тюркютскую конфедерацию на обширной территории от Амура до Иртыша и доминировали там до середины VII в. В 583 г. тюркютская конфедерация разделилась на западных и восточных тюркютов, и именно с этим историческим событием связывается распад тюркских языков на западную (огузская и кыпчакская подгруппы) и восточную (киргизско-кыпчакская, уйгуро-огузская, карлукская подгруппы) макрогруппы [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2001: 733]. Примерно на рубеже тысячелетий огузы и кыпчаки по отдельности мигрировали на запад.

Языковые особенности, характерные для языка этносов западных и восточных тюркютских конфедераций, соответственно считаются общетюркскими.

Следующие цветообозначения и названия мастей лошади являются общетюркскими: *ак* 'белый', *буз* 'сивый, серый', *йәшел* 'зеленый', *ал* 'алый, розовый', *сәгер* 'светло-голубой, зеленовато-голубой', *сыбар* 'пестрый', *коба* 'светло-желтый, бледно-бурый, палевый', *сал* 'седой, светло-серый; чалый', *таргыл* 'полосатый'.

Ак 'белый'

1. Белый цвет наряду с черным и серым относится к ахроматическим цветам. Он представляет собой наивысшее проявление яркости (светлоты), обладает наибольшей отражательной способностью, являясь самым светлым из всех цветов, и характеризуется отсутствием цветового тона.

2. Белый цвет в башкирском языке обозначается лексемой *ак*. В других тюркских языках эта лексема встречается в разных фонетических вариантах: караим. *ак* / *акъ*, каз., ккалп., уйг., телеут., туб., шор., тоф. *ак*, тат., ног., кирг., алт.,

куманд., гаг. (уст.), тув. *ак*, кбалк., кум., кр.-тат. *акъ*, сиб.-тат. *ак*, аз. *ағ*, узб. *оқ*, хак. *ах*, сал. *ах*, туркм. *ак* (*а:к*), тур. *ак* [КРС 1958: 31, УРС 1961: 25, НРС 1963: 32, ТРС 1968: 36, ТувРС 1968: 49, КРС 1969: 35, ГРМС 1973: 35, КРПС 1974: 57–58, Тенишев 1976: 117, ТРС 1977: 35, КРС 1985а: 37, КБРС 1989: 42, УРС 1989: 138, ШРС 1993: 15, Бектаев 1995: 35, КРС 1995: 9, ТРС 1995: 14, Кормушин 2001: 598, Рассадин 2005: 151, АРС 2006а: 48, ХРС 2006: 87, ТРС 2007а: 62, Усеинов 2007: 324, АРС 2015: 14, РТС 2019: 11, СТРС 2019].

Слово встречается во всех подгруппах тюркских языков, кроме болгарской, что позволяет предположить его общетюркский характер. Первичное немотивированное значение слова во всех вышеперечисленных языках – ‘белый’.

Первая фиксация слова *aq* наблюдается в древнетюркских памятниках, в которых им обозначается белый цвет, а также масть лошади: орх., ен., др.-уйг. рун., др.-уйг., крх.-уйг. *aq* [ДТС 1969: 48]. Далее оно встречается в среднетюркских (напр., ср.-кыпч., ср.-уйг. *aq*) [Боровков 1963: 47, Курмышанов 1970: 82–83, Гаркавец 2006: 14] и новотюркских источниках [Будагов 1869: 66, Радлов 1893а: 88-95].

3. Пратюркская форма этого цветообозначения восстановлена как **Āk* ‘белый’ [EDAL 2003: 598, Дыбо 2013: 523].

В этимологических разработках нет единого мнения относительно исходной семантики данного слова. Г. Вамбери сближал *ak*, *ag* ‘белый’ со словом *aj*, *ej* ‘луна’. К. Менгес и вслед за ним другие считают, что слово *ak* является заимствованием из древнекитайского *pāk* ‘белый’ [ЭСТЯ 1974: 117, Татаринцев 2000: 83, Ахметьянов 2015а: 84].

Обобщающие данные по происхождению слова можно найти в тюркологических трудах [Clauson 1972: 75, ЭСТЯ 1974: 116–117, Кормушин 2001: 598–601]. Так, И.В. Кормушин, анализируя производный глагол *ayar-* ‘белеть, виднеться (о белом)’, ‘становиться белым’, предполагает, что «производящая для глагола основа *ay-* передавала цвет или совокупность оттенков неопределенных, размытых, лишь приближающихся к белому – белесый, бледный, седой, сивый».

Возможно, семантика *aq* вытекает из противоположного значения *qara*: «В цвет *aq* изменяется что-либо темное, черное либо иные, безразлично какие, но насыщенные, хорошо окрашенные цвета» [Кормушин 2001: 599]. Другими словами, тюркское *aq* первоначально могло обозначать не цветное, а световое значение. Этим и подтверждается более глубинный характер слова, этимология которого выходит за рамки тюркского праязыка.

В древнетюркских источниках встречаются две лексемы для обозначения белого цвета – *aq* и *ürüñ*. В орхонских текстах *aq* употребляется относительно масти лошади, *ürüñ* – серебра. М. Кашгари слово *aq* рассматривает как огузское. В поэме «Кутадгу Билиг» Ю. Баласагуни (XI в.) встречается только слово *ürüñ*. Исходя из этих данных И.В. Кормушин предполагает следующую праязыковую изоглоссу: *aq* функционировал в западных древних тюркских языках (причем первоначально оно применялось только относительно масти лошади), *ürüñ* – в восточных языках. В период роста огузского влияния *aq* проникло в восточные тюркские языки и получило широкое распространение во всех тюркских языках, кроме чувашского и якутского, представители которых к этому времени уже отделились от остальных тюрков [Кормушин 2001: 600].

ПТю. **Āk* ‘белый’ восходит к праалтайской форме **jāk* ‘V ‘светлый, белый’ [EDAL 2003: 651–652, Дыбо 2013: 168], рефлексy которой наблюдаются также в монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейском и японском языках: халх.-монг. *jagān*, бур. *jagān* (< ПМо. **jagaγan* ‘розовый’); ульч. *ixere* ‘светильник, свеча лампа’, орок. *ixere* ‘свеча’, нан. *ixere* ‘светильник, свеча, лампа; свет’, ороч. *ixere* ‘светильник, свеча, лампа’ (< ПТМ **ixere* ‘светильник, свеча, свет’); кор. *igil-kəri-* (< ПКор. **ikir-* ‘ярко гореть, сильно краснеть’); яп. *aka-* (< ПЯп. **áká* ‘красный’) [Старостин 1991: 41–42, EDAL 2003: 598, Дыбо 2013: 523–524].

4. В других тюркских языках для обозначения белого цвета функционируют и иные лексемы, например: як. *үрүн*, чув. *шурă*.

Якутское *үрүн* имеет значения ‘белый’, ‘светлый, ясный’: *үрүн кумаабы* ‘белая бумага’, *үрүн күн* ‘светлое солнце’ [ЯРС 1972: 457]. Эта форма также сохранилась в

диалекте турецкого языка (*ürün* ‘молоко’), в киргизском языке (*ürün-baran* ‘предрассветная темнота; едва заметный, смутно виднеющийся в полутьме’) [Кормушин 2001: 598–601]. Данное слово вполне может быть оценено как праязыковое прилагательное, первоначальная семантика которого сочетала адъективное ‘белый’ и лексикализованный субстантив от него ‘молочные продукты’, что удостоверяют якутская и турецкая (диал.) формы [Кормушин 2001: 601].

В чувашском языке основной лексемой для обозначения белого цвета является *шурă* (*шурă пĕлĕтсем* ‘белые облака’, *шурă кăлкан* ‘белый ковыль’, *шурă кăмна* ‘боровик, белый гриб’ [ЧРС 1985: 622–623]), которая восходит к ПТю. **siāriḡ* ‘желтый, белый’ (< ПА **siājri* ‘белый, желтый’) [EDAL 2003: 1264]. Предполагается, что в чувашском языке *шурă* сохранило значение ‘белый’ праалтайского **siājri* [Старостин 1991: 41].

В турецком, кроме *ak*, которое употребляется по отношению к таким природным объектам, как снег, белок яйца, седые волосы и др., функционирует лексема *beuz* (< араб. *ḡabyad-*, *biyad-* ‘белый’), применяемая к артефактам (например, о бумаге). Эта же лексема в форме *буаз* встречается в гагаузском языке [ГРМС 1973: 82, Дыбо 2013: 523].

5. Семантика цветообозначения *ak* ‘белый’ в башкирском языке:

5.1. Основное значение слова – белый, которое обозначает ахроматический цвет, характеризующийся отсутствием цветового тона и являющийся признаком природных субстанций и предметов (чистый снег, молоко, мел): башк. *ак кар* ‘белый цвет’, *ак кейем* ‘белая одежда’, *ак кагыз* ‘белая бумага’.

Ср. в источниках: ен. *aq qujda* ‘в белом тереме’ [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 110]; в других тюркских языках: ккалп. *ақ шыт* ‘белый ситец’, ног. *ак явлык* ‘белый платок’, туркм. *ак кагыз* ‘белая бумага’, узб. *оқ қозғоз* ‘белая бумага’, тув. *ак хар* ‘белый снег’ [КРС 1958: 31, НРС 1963: 32, ТРС 1968: 36, ТувРС 1968: 49, УРС 1989: 138].

Лексема *ак* ‘белый’ часто встречается в составе терминов, что обусловлено широкой распространенностью в природе горных пород, минералов, растений,

шерсти животных белого или близкого к нему цвета: башк. *ак томбойок* ‘белая кувшинка’, *аксәскә* ‘ромашка, букв. белый цветок’. От этого слова образуются также другие термины (названия пищи, напитков): башк. *ак май* ‘сливочное масло, букв. белое масло’.

Ср. в других тюркских языках: тат. *ак балчык* ‘опак, букв. белая глина’, сиб.-тат. *аккубаләк* ‘капустница, букв. белая бабочка’, ног. *ак эт* ‘мясо птицы, букв. белое мясо’, ккалп. *ак нан* ‘белый хлеб’, кум. *акъ алтын* ‘платина, букв. белое золото’, гаг. *ак аач* ‘клен, букв. белое дерево’, уйг. *акчечәк* ‘подснежник, букв. белый цветок’, *акшорпа* ‘постный суп, букв. белый суп’, алт. *ак балык* ‘нельма, букв. белая рыба’, тув. *ак-демир* ‘алюминий, букв. белое железо’, хак. *ах парчык* ‘певчий дрозд, букв. белый скворец’ [РНС 1956: 43, РКС 1967: 47, ТувРС 1968: 49, УРС 1968: 41, КРС 1969: 35, ГРМС 1973: 35, ХРС 2006: 348, ТРС 2007а: 62, АРС 2015: 14, СТРС 2019].

Можно предположить, что значение ‘белый’ слова *ак* имеет общетюркский характер – оно наблюдается во всех подгруппах тюркских языков, кроме болгарской.

5.2. Светлый. Словом *ак* обозначаются светлые оттенки предметов и других цветов: *ак шәүлә* ‘светлый силуэт’, *ак күк* ‘светло-синий’, *ак һары* ‘светло-желтый’.

Ср. в источниках: хрз.-тюрк. *ақ жүз* ‘светлое лицо’ [Наджип 1975: 146]; в других тюркских языках: каз. *ақ көк* ‘светло-голубой’, тур. *ак kir* ‘светло-серый’, алт. *ак-сур* ‘светло-мышастая’, хак. *ах хыр* ‘светло-чалый’ [ТРС 1977: 35, Бектаев 1995: 35, ХРС 2006: 88, АРС 2015: 14].

Данное значение наблюдается во всех подгруппах тюркских языков, кроме болгарской, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.3. Светлый, белесый, бледный (о цвете коже): *ак тән* ‘светлая, белая кожа’, *ак йөзлә* ‘светлолицый’.

Ср. в источниках: ср.-кыпч. *ақ еді* ‘он был белый’ [Курышжанов 1970: 82–83]; в других тюркских языках: каз. *ақ жүзді* ‘белолицый’, ккалп. *ақ-сары* ‘блондин’, туркм. *ак жынс* ‘белая раса’, уйг. *ақ қува* ‘шатен, русоволосый’ [КРС

1958: 32, ТРС 1968: 36, УРС 1968: 40, Бектаев 1995: 35].

Данное значение наблюдается в нескольких подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.4. Белый, сивый, серый (о масти лошади, окрасе животных, птиц): башк. *ак айыу* ‘белый медведь’, *аккош* ‘лебедь, букв. белая птица’. Что касается масти лошади, следует отметить, что в башкирском языке для обозначения белой масти чаще всего употребляются слова *буз* ‘сивый, серый’, *күк* ‘сивый, букв. синий’, тогда как *ак* ‘белый’ может использоваться лишь в составе отмасток со светлым оттенком: *ак буз* / *ак күк* ‘светло-сивый (преобладает белый, но выделяется серый)’, *ак сантар* ‘бледно-игрневый’, *ак ерән* ‘бледно-рыжий’. Это связано с тем, что в природе чисто белые кони встречаются сравнительно редко. Обычно в их окрасе присутствуют дополнительные цветовые оттенки. Но, тем не менее, о самостоятельном употреблении слова *ак* ‘белый’ для обозначения масти лошади в башкирском языке говорят данные топонимии и фольклора, например, оно встречается в названии речки (*Акбайтал* ‘букв. белая < еще не жеребившаяся > кобыла’), в тексте загадки (*утыз ике ак ат, бер сыгынсы ерән ат* ‘тридцать два белых коня, < посредине > норовистый рыжий конь’) [МФБЛ].

Судя по лексикографическим трудам, в кыпчакских и огузских языках белая / сивая масть лошади также передается рефлексами ПТю. **boŕ* ‘серый’, **čAl* ‘серый, седой’, **gōk* ‘синий, зеленый (макросиний)’: ног. *боз*, кум. *чал*, *гёк*, туркм. *чал*, *боз*, аз. *çal* [РНС 1956: 567, РКС 1960: 918, КРТС 1968: 420, АРС 2006а: 505]. Вместе с тем в уйгуро-огузских и карлукских языках для обозначения масти лошади функционируют рефлексы ПТю. **Ak*: уйг. *ақ* ‘седой, серый’, *ақбоз* ‘серый, сивый’, *ақ ат* ‘серая лошадь’, тув. *ак аът* ‘сивая лошадь’, хак. *ах ат* ‘сивая лошадь’ [УРС 1961: 25, ТувРС 1968: 49, УРС 1968: 41, ХРС 2006: 88]. Это еще раз удостоверяет то, что слово *aq* в древнетюркском применялось только по отношению к масти лошади и сохранилось в этом значении в современных восточных тюркских языках (например, в уйгуро-огузских). Вместе с тем в западных тюркских (например, в огузских и кыпчакских) языках, наоборот, *aq*,

вероятнее всего, употреблялось по отношению ко всем другим предметам, кроме масти лошади, так как в них для сивой масти зафиксированы другие лексемы – рефлексы ПТю. **boŕ*, **čĀl*, **gōk*.

Ср. в источниках: орх. *aq adŷir* ‘белый жеребец’ [Малов 1951: 32, 41].

5.5. Седой (о волосах, шерсти) / седина: башк. *ак һакал* ‘седая борода’, *ак сәс* ‘седые волосы’, *сәсенә ак төшөү* ‘поседеть (о волосах)’.

Ср. в источниках: крх.-уйг. *aq saqal är* ‘седобородый мужчина’ [Кашгари 2010: 114]; в других тюркских языках: кум. *акъ сакъаллы къарт* ‘седобородый старик’, тур. *ак saçlar* ‘седые волосы’, туркм. *ак* ‘седина’, узб. *сочнинг оқи* ‘седина’, уйг. *ақ чач* ‘седые волосы’, тув. *ак баштыг ашак* ‘седой старик’, хак. *ах састыг* ‘седоволосый’ [ТРС 1968: 36, ТувРС 1968: 49, УРС 1968: 40, КРС 1969: 35, ТРС 1977: 35, УРС 1989: 138, ХРС 2006: 88].

Как показывают примеры, значение имеет общетюркский характер – оно имеется во всех подгруппах тюркских языков (кроме болгарской).

Семантика ‘седой (о волосах, шерсти)’ в башкирском языке передается также лексемой *сал* (< ПТю. **čĀl* ‘серый, седой’ < ПА **č’jōli* ‘серый, светлый’) [EDAL 2003: 441–442], которая употребляется и для обозначения масти лошади (*сал ат* ‘чалая лошадь’).

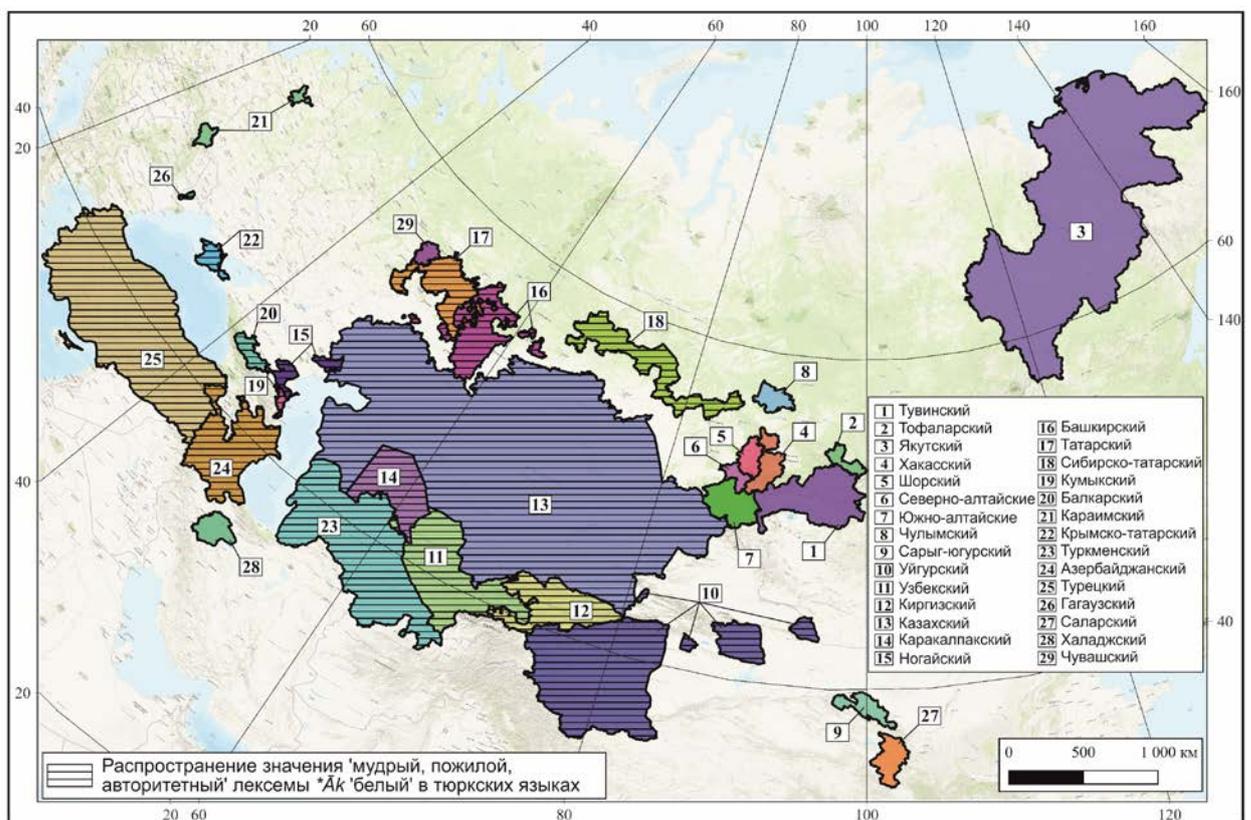
5.6. Мудрый, пожилой, авторитетный / старец: башк. *акһакал* ‘старейшина, старец, мудрец, букв. белая / седая борода’. Значение возникло путем метонимического переноса ‘седобородый / седоволосый’ → ‘пожилой’ → ‘мудрый’ → ‘старец’.

Ср. в других тюркских языках: тат. *аксакал* ‘старец, старейшина’, сиб.-тат. *аксагал* ‘старейшина, старец’, каз. *ақсақал* ‘почтенный старый человек, уважаемый старый человек’, ног. *аксакал* ‘старейшина, уважаемый человек, букв. седобородый’, ккалп. *ақсақал* ‘старейший уважаемый человек, букв. седобородый’, кум. *акъсакъал* ‘старец, старейшина’, кбалк. *акъсакъал* ‘старец, старейшина’, кр.-тат. *акъсакъал* ‘седобородый, почтенный’, кирг. *аксакал* ‘старейшина’, гаг. *ак сакал* ‘умудренный опытом, букв. седобородый’, аз. *ağsaqqal*

‘старейшина, почтенный человек’, туркм. *аксакгал* ‘старейшина’, тур. *aksakal* ‘почтенный старец, старейшина’, уйг. *аксақал* ‘седобородый, старейшина, букв. седобородый’, узб. *оқсоқол* ‘седобородый, старейшина, букв. седобородый’ [КРС 1958: 32, НРС 1963: 33, ТРС 1968: 37, УРС 1968: 41, ГРМС 1973: 35, ТРС 1977: 40, КРС 1985а: 39, КБРС 1989: 43, УРС 1989: 139, Бектаев 1995: 37, ТРС 2007а: 66, Усеинов 2007: 324, КРС 2011: 24, АРС 2015а: 64, СТРС 2019: 16].

Это значение встречается в кыпчакских, огузских, а также карлукских языках. По мнению Е.А. Аникина, *aksakal* – глава рода, старейшина, почтенный пожилой мужчина у тюркских народов в Средней Азии и на Кавказе [Аникин 2007: 132]. Наши исследования показывают, что слово распространено и у других тюрков (башкир, татар, уйгуров, турков). Можно предположить, что значение ‘мудрый’, ‘старейшина’ носит ареальный характер (карта 7):

Карта 7. Распространение значения ‘мудрый, пожилой, авторитетный’ лексемы **Ак* ‘белый’ в тюркских языках

Таким образом, значение ‘мудрый, пожилой, авторитетный’ тюркского **Āk* ‘белый’ является ареальным явлением, характерным для тюркских народов Урало-Поволжья, Кавказа, Западной Сибири, Средней Азии и Причерноморья (то есть за исключением языков Восточной Азии, Южной и Восточной Сибири).

5.7. Чистый, свежий, незагрязненный: башк. *ак кер* ‘чистое белье’. Здесь наблюдается метонимический перенос: ‘белый’, ‘отсутствие других цветов и пятен’ → ‘чистый, свежий, незагрязненный’.

Значение имеет общетюркский характер – оно наблюдается и в других подгруппах тюркских языков (кроме болгарской), например: тат. *идәнең бик ак икән* ‘полы у тебя чистые, букв. белые’, гаг. *ак* ‘чистый, незапятнанный’, тув. *ак хер* ‘белье’ [ТувРС 1968: 49, ГРМС 1973: 35].

5.8. Невинный, безгрешный; святой. Это значение вытекает из предыдущего: ‘чистый’ → ‘невинный, безгрешный’ → ‘честный’ → ‘святой’: башк. *ак күңел* ‘чистая душа, букв. белая душа’, *йөзө ак* ‘у него совесть чиста, букв. лицо у него белое / светлое’.

Ср. в источниках: хрз.-тюрк. *ақ* ‘честный’ [Наджи́п 1975: 24]; в других тюркских языках: тат. *ак жаң* ‘безгрешная душа, букв. белая душа’, ног. *ак коьньили* ‘чистосердечный, с чистым сердцем, букв. с белой душой’, ккалп. *ақ жүрек* ‘чистосердечный, добрый, добродушный, букв. с белым сердцем’, кум. *акъпейил адам* ‘простодушный человек, букв. человек с белым / светлым нравом’, туркм. *ак йүрек* ‘простодушный, добродушный, букв. белое сердце’, тур. *ак жүзлү* ‘честный, чистый, букв. с белым лицом’, тув. *ак сеткил* ‘честность, искренность, букв. белая совесть’, хак. *ах арыг* ‘святой, букв. белое чистое’ [КРС 1958: 31, НРС 1963: 32, ТРС 1968: 36, ТувРС 1968: 49, КРС 1969: 36, ТРС 1977: 35, ХРС 2006: 88].

Наличие значения во всех (кроме болгарской) подгруппах тюркских языков позволяет предположить его общетюркский характер.

5.9. Благой, благородный; добрый: башк. *ак ниәт* ‘благие намерения, букв. белые намерения’, *ак теләк* ‘доброе пожелание, букв. белое пожелание’. Это

значение также вытекает из предыдущих: ‘чистый’ → ‘невинный, безгрешный’ → ‘святой’ → ‘благородный’ → ‘добрый’.

Ср. в других тюркских языках: каз. *ақ бата* ‘добрые пожелания, букв. белая молитва’, алт. *ак сагышту* ‘добрый, букв. с белой мыслью’, уйг. *ақ дуа* ‘благословение, букв. белая молитва’ [УРС 1968: 40, Бектаев 1995: 35, АРС 2015: 14].

Наличие значения во всех (кроме болгарской) подгруппах тюркских языков позволяет предположить его общетюркский характер.

5.10. Истинный / правда, суть, истина: башк. *акты каранан айырыу* ‘разбираться, понимать суть; различать доброе от злого, букв. отличить белое от черного’, *акты кара тип айтеу / күрһәтеу* ‘представлять что-л. в искаженном виде, букв. показать белое черным’. Возникновение этого значения можно предположить таким образом: ‘чистый’ → ‘истинный’ → ‘суть’ → ‘правда’.

Данное значение также зафиксировано в словаре гагаузского языка: *ак* ‘истина, правда; истинный, правдивый’, *ак сөз* ‘правдивое слово, букв. белое слово’.

5.11. Счастливым, радостным: башк. *ак көндәр* ‘счастливые дни, букв. белые дни’, *ак юл* ‘счастливого пути, букв. белого пути’, *ак өмөт* ‘счастливая надежда, букв. белая надежда’, *ак бәхет* ‘светлое счастье, букв. белое счастье’. Это значение вытекает из значения ‘чистый, добрый’.

Ср. в других тюркских языках: сиб.-тат. *ак көн* ‘счастье, букв. белый день’, туркм. *ёлуң ак болсун* ‘счастливого пути, букв. пусть твой путь будет белым’, узб. *оқ йўл* ‘счастливого пути, букв. белого пути’, уйг. *ақ йол* ‘счастливого пути, букв. белого пути’, хак. *ах* ‘белый, светлый, прекрасный, чудесный’ [ТРС 1968: 36, УРС 1968: 40, УРС 1989: 138, ХРС 2006: 88, СТРС 2019].

Наличие значения во всех (кроме болгарской) подгруппах тюркских языков позволяет предположить его общетюркский характер.

5.12. Благородный (относительно происхождения). Это значение семантически противостоит следующим значениям слова *кара* ‘черный’:

‘простой’, ‘простолюдин’, ‘черная (работа)’. Оно в основном употребляется в социальной терминологии: башк. *акһөйәк* ‘аристократ, голубая кровь, букв. белая кость’.

Ср. в источниках: новотюрк. *aq süöktii* ‘благородный’, *aq sujak* ‘белой кости, султанского, благородного происхождения’ [Будагов 1869: 66, Радлов 1893а: 88–95], в других тюркских языках: ног. *ак суьек* ‘белая кость, феодальная знать, аристократия, букв. белая кость’, уйг. *ақ өйлүк* ‘человек, живущий в достатке, букв. имеющий белый дом’, *ақ суңак* ‘белая кость, аристократ, букв. белая кость’, тув. *ак хол* ‘белоручка, букв. белая рука’ [НРС 1963: 32, ТувРС 1968: 49, УРС 1968: 40].

Данное значение слова имеет общетюркский характер – оно наблюдается во всех подгруппах тюркских языков, кроме болгарской.

5.13. Дорогой, почетный, гостевой (о жилище и т.п.). Очевидно, здесь имеет место метафорический перенос значений ‘чистый, свежий’, ‘благородный’ → ‘дорогой’, ‘почетный’, ‘гостевой’, ‘элитный’, ‘чистовой’: башк. *ак өй* ‘чистая половина крестьянской избы, горница, букв. белый дом’, *ак тирмә* ‘гостевая юрта, букв. белая юрта’, *ак мунса* ‘баня, топящаяся по-белому, букв. белая баня’.

Ср. в других тюркских языках: тат. *ак мунча* ‘белая баня (с дымоходом)’, *ак өй* ‘горница, букв. белый дом’, ккалп. *ақ сарай* ‘дворец, букв. белый дворец’ [КРС 1958: 32, ТРС 2007а: 63].

5.14. Молоко, молочное: *ак*. В современном башкирском языке основная лексема для передачи значения ‘молоко’ – *һөт* (< ПТю. *sūt*). Вместе с тем при подчеркивании сакральности и почитаемости этого напитка (молоко особо почитается как основной продукт питания у тюрков) употребляется слово *ак*: *актан өзләгөү* ‘букв. остаться без молочных продуктов’, погов. *агы барзың тугы бар* ‘букв. у кого есть молочное, тот сыт’.

Ср. в других тюркских языках: каз. *ақ* ‘молоко’, туркм. диал. *ак* ‘молочные’, кирг. *ак чач-* ‘брызгать молоком (при виде змеи)’, тув. *ак чем* ‘молочная пища, букв. белая пища’ [ТРС 1968: 36, ТувРС 1968: 49, КРС 1985а: 37, Бектаев 1995:

35].

Можно предположить, что данное значение слова имеет общетюркский характер – оно наблюдается во всех подгруппах тюркских языков, кроме болгарской.

5.15. Белок (глаза, яйца): *куз агы* ‘белок глаза’, *йомортка агы* ‘белок яйца’.

Ср. в источниках: новотюрк. *aq* ‘белок глаза’, ‘белок яйца’ [Будагов, 1869: 66, Радлов, 1893а: 88–95]; в других тюркских языках: кум. *гёзню агъы* ‘белок глаза’, *йымырткъаны агъы* ‘белок яйца’, аз. *көз агы* ‘белок глаза’, *jumurta ağı* ‘белок яйца’, узб. *тухумнинг очи* ‘белок яйца’, тув. *карак агы* ‘белок’, хак. *харах агы* ‘белок глаза’, *нымырха агы* ‘белок яйца’ [АРС 1941: 3, ТувРС 1968: 227, КРС 1969: 35, УРС 1989: 138, ХРС 2006: 88].

Данное значение наблюдается во всех подгруппах тюркских языков, кроме болгарской, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.16. Бельмо (на глазу): башк. *күзгә ак һалыу* ‘появление бельма на глазу’.

Ср. в источниках: новотюрк. *aq bābāk* ‘бельмо’ [Будагов, 1869: 66, Радлов, 1893а: 88–95]; в других тюркских языках: каз. *ақ шел* ‘бельмо’, кирг. *көзүнө ак түштү* ‘у него на глазу появилось бельмо’, аз. *көзүнә аг дүшүб* ‘появилось бельмо на глазу’, гаг. *ак бенек* ‘бельмо, букв. белое пятно’, тур. *gözünde ak var* ‘у него на глазу бельмо’, уйг. *көзүмгә ақ чушти* ‘у меня на глазу образовалось бельмо’, узб. *кўзида оқи бор* ‘у него на глазу есть бельмо’, хак. *ах тастап парган харах* ‘глаз покрылся бельмом’ [АРС 1941: 3, УРС 1968: 40, ГРМС 1973: 35, ТРС 1977: 35, КРС 1985а: 37, УРС 1989: 138, Бектаев 1995: 36, ХРС 2006: 88].

Данное значение наблюдается во всех подгруппах тюркских языков, кроме болгарской, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.17. С появлением в употреблении новых предметов белого цвета возникают и новые субстантивы слова: *ак* ‘пудра’, ‘побелка’ (башк. *биткә ак һөртөү* ‘пудрить лицо’, *акка буяу* ‘побелить, букв. нанести побелку’).

Ср. в других тюркских языках: кум. *акъ* ‘бельевая ткань, полотно’, *ол тюкенден беш метр акъ алды* ‘он купил в магазине пять метров полотна’, аз. *аг*

‘тонкая белая материя’ [АРС 1941: 3, КРС 1969: 35].

5.18. Южный / западный (в геосимволике). Как уже отмечалось, следы цветовой геосимволики у башкир сохранились в топонимии. Для обозначения юга башкиры использовали цветообозначение *ак* ‘белый’, например: *Агизел* (от *ак* ‘белый’ и *изел* ‘река’) – река Агидель / Белая (левый приток реки Камы, протекает большей частью на юге Республики Башкортостан) [Цветообозначения... 2019: 152–153].

А.Н. Кононовым приводятся примеры употребления слова *ак* ‘белый’ в значении ‘западный’. Например, Средиземное море турками называется *Ақ деңиз* ‘западное море, букв. белое море’; русские цари первоначально у монголов и тюрков назывались белыми, то есть западными царями [Кононов 1978: 171–172].

Употребление цветообозначения *ак* ‘белый’ в значении ‘западный’ можно обнаружить и в башкирском языке, что можно объяснить общей тенденцией именования русского, то есть западного царя у тюркских народов: *ак батша* ‘белый (русский) царь’.

5.19. Текущий, проточный / прозрачный / ледниково-снеговой (в гидронимах). А.Н. Кононов отмечает значения ‘проточный’, ‘быстротекущий’ слова *ак*, сопоставляя его с глаголом *ак*- ‘течь, протекать’ [Кононов 1954: 83–85]. О.Т. Молчанова толкует гидронимическое значение слова *ақ* как ‘мутно-белый’, ‘ледниковый’, ‘чистый’, ‘хороший’, ‘пресный’; ‘текущий, проточный’, полагая, что *ак* определяет не характер объекта, а воду, имеющуюся в нем [Молчанова 1979: 19].

Что касается башкирских гидронимов, судя по народной этимологии, компонент *ак* ‘белый’ в составе названий рек и родников несет семантику быстротечности, чистоты, прозрачности и приятных вкусовых качеств воды: *Ақишимэ* ‘букв. белый родник’ (родник в Стерлибашевском районе Республики Башкортостан), *Ағүгез* ‘букв. белая река’ (речка в Зианчуринском районе Республики Башкортостан).

В составе башкирских лимнонимов цветообозначающее слово *ак* ‘белый’

выражает проточность озера: *Аккул* ‘букв. белое озеро’ (озеро в Альшеевском районе Республики Башкортостан) [Цветобозначения... 2019: 152–153].

5.20. Топонимообразующий компонент. Цветобозначение *ак* ‘белый’ является активным компонентом в составе топонимов. Кроме употребления в значениях ‘южный, западный’, ‘текущий, проточный’, отмеченных выше, в топонимах лексема *ак* ‘белый’ передает цвет объекта. При этом в оронимах она указывает на цвет природного материала (горных пород, отложений, почвы, песка и т. д.), в гидронимах – на цвет водоема, особенности растительности по его берегам. Например, на горные породы белого цвета – залежи известняка, слюды, кварца, горного хрусталя – указывает лексема *ак* ‘белый’ в таких оронимах, как *Акташ* ‘букв. белый камень’ (горы в Архангельском, Белорецком, Гафурийском районах Республики Башкортостан), *Актау* ‘букв. белая гора’ (горы в Баймакском, Бурзянском, Давлекановском, Зианчуринском, Кугарчинском районах Республики Башкортостан), *Акморон* ‘букв. белый мыс’ (горы в Баймакском, Белорецком, Бурзянском, Гафурийском, Учалинском районах Республики Башкортостан). В лимнонимах, гелонимах, кроме обозначения проточности, прозрачности, цветобозначение *ак* ‘белый’ может передавать признак сияния их поверхности на солнце или при луне: *Аккул* ‘букв. белое озеро’ (озеро в Альшеевском, Архангельском, Аургазинском районах Республики Башкортостан) [Цветобозначения... 2019: 149].

Ср. в источниках: орх. *Aq tärmäl* ‘Ак-Тэрмэль’ (название реки) [Малов 1951: 62, 67].

5.21. Этнонимообразующий компонент. Встречающиеся в башкирском языке этнонимы, в основном родоплеменные названия, с компонентом-цветобозначением *ак* ‘белый’ могут представлять собой вторичные названия, образованные от других онимов: *актай* ‘букв. белый жеребец’, *ак һуйыр* ‘букв. белый глухарь’, *аккул* ‘букв. белое озеро’, *аккүз* ‘букв. белый глаз’. В них также могут заключаться такие значения слова *ак*, как ‘святой’, ‘благородный’: *актабан* ‘букв. белая пятка’, *ак түбәтәй* ‘букв. белая тюбетейка’.

В тюркских этнонимах, возможно, как и в топонимах, можно предположить значение ‘западный’ компонента *aq*. В то же время в них может заключаться значение ‘светлый’ данного слова. А.Н. Кононов приводит следующие этнонимы с цветообозначением *aq*, семантика которого могла бы определяться как ‘западный’ или ‘светлый’: *aq ногай* ‘букв. белые ногойцы’, *aq найман* ‘букв. белые найманы’, *aq қалмақ* ‘букв. белые калмаки’ [Кононов 1978: 170].

5.22. Антропонимообразующий компонент. В тюркских женских личных именах, как утверждает Г.Ф. Благова, отмечаются значения ‘белый’, ‘чистый’ (прям. и перен.), ‘невинный’ слова *aq*. В мужских именах эпитет ‘белый’ восходит к древней мифологической и эпической традиции тюркских и монгольских народов: с ним связано все чистое, светлое, доброе. Метафоризация значений ‘белый’, ‘перен. благоприятный’ представляется двунаправленной: белый → счастливый, благословенный; белый → долгожитель [Благова 2001: 679].

В башкирских антропонимах также прослеживаются данные значения слова *ak* ‘белый’: *Акһылыу* ‘букв. белая, светлая, чистая, непорочная, невинная красавица’, *Акбикә* ‘букв. белая, светлая, чистая госпожа, хозяйка’, *Акбатыр* ‘букв. светлый, чистый храбрец; то есть богатырь с чистой, доброй душой’, *Акбала* ‘букв. белый, светлый, благородный ребенок’ и т. д. [Сулейманова 2013: 22, 23, 294, 295].

Ср. в источниках: ср.-кыпч. *Aqtaj* ‘букв. белый жеребенок’ (антроп.) [Курышжанов 1970: 82].

5.23. Мифологизированный цвет. Белый цвет у башкир несет сакральную семантику. Возможно, вышеперечисленные значения ‘невинный, безгрешный’, ‘святой, благородный’, ‘добрый’ поспособствовали сакрализации предметов белого цвета и животных белой масти: *ak болан* ‘белый олень’, *аккош* ‘лебедь, букв. белая птица’, *ak* ‘молочное’. Существуют у башкир запреты, по которым нельзя плохо обращаться с ними: проливать, разбрызгивать молочные продукты, убивать белого оленя, змею, лебедя и т. д. Но есть и отрицательная семантика слова *ak* ‘белый’, связанная со смертью, которая возникла с принятием ислама, в

чьих канонах белый саван – одеяние покойников [Хисамитдинова 2011: 43].

5.24. Белый (исторический термин – контрреволюционный, относящийся к общественно-политическому движению, выступавшему против советской власти в Российском государстве в 1918–1920 гг.): башк. *ак армия* ‘белая армия’, *актар* ‘белые (белогвардейцы)’. Ср. в других тюркских языках: тат. *ак* ‘белый офицер’, ккалп. *аклар* ‘белые (белогвардейцы)’ [РТС 1955: 45, КРС 1958: 32].

6. В некоторых тюркских языках отмечены и другие значения данного названия цвета, например: поле (алт. *ак* ‘поле’), белый свет, мир (алт. *ак-жарык* ‘мир, белый свет’, хак. *ах чарых* ‘этот свет, белый свет, земная жизнь’), пустой, безлесый (алт. *ак жер* ‘безлесое место, букв. белое место’), плохой, скверный (тур. *ак gözliü* ‘противный, вредный, имеющий дурной глаз, букв. имеющий белый глаз’), явный (аз. *аг ялан* ‘явная ложь, букв. белая ложь’), выходящий за пределы чего-то (аз. *ағ еләтәк* ‘переборщить, пересаливать; переходить пределы, букв. делать белым’, кум. *акъ этмек* ‘переборщить, переусердствовать, букв. делать белым’) и др. [АРС 1941: 3, КРС 1969: 35, ТРС 1977: 35, АРС 2006а: 48, ХРС 2006: 88, АРС 2015: 14].

7. Таким образом, исследование цветообозначения *ак* ‘белый’ в башкирском языке в сравнительно-историческом и лексико-семантическом планах позволяет сделать определенные выводы.

Пратюркская форма данного цветообозначения восстановлена как **Āk* ‘белый’, ее рефлексy сохранялись в значении ‘белый’ во всех тюркских языках, кроме чувашского и якутского (в них белый цвет выражается лексемами *шурă* и *үрүһ*).

Слово *ақ* ‘белый’ в прямом и переносных значениях встречается в древне-, средне-, новотюркских источниках. В древнетюркских источниках лексема *ақ* употребляется главным образом относительно масти лошади, а белый цвет в них маркируется словом *ürüñ*.

Праалтайская форма реконструируется как **ĵāk* ‘V’ ‘светлый, белый’, ее рефлексy функционируют также в монгольских (в значении ‘розовый’), тунгусо-

маньчжурских ('светильник, свеча, свет'), корейском ('ярко гореть, сильно краснеть'), японском ('красный') языках.

В башкирском языке цветообозначение *ак* 'белый' имеет следующие значения: цвет и масть ('белый', 'светлый', 'серый', 'сивый', 'седой'), вторичные ('чистый', 'безгрешный', 'святой', 'добрый', 'счастливый, радостный', 'благородный, гостевой', 'старый, мудрый', 'текущий, проточный', 'правдивый, истинный', 'южный', 'белый, контрреволюционный'); субстантивы ('молоко, молочные продукты', 'белок глаза, яйца', 'бельмо'). Большинство значений слова *ак* 'белый' имеют общетюркский характер. К ареальным можно отнести значение 'старый, мудрый, мудрец', к собственно башкирским – 'южный'. Цветообозначение *ак* 'белый' активно участвует в образовании топонимов, этнонимов, антропонимов. Отмечается мифологическая семантика белого цвета в башкирской культуре.

В целом цветообозначение *ак* 'белый' в башкирском языке имеет пратюркскую и праалтайскую основы, в формировании и развитии его семантики наблюдаются общетюркские, ареальные и собственно башкирские особенности.

Буз 'сивый, серый'

1. Серый цвет имеет сложную семантическую структуру, которая включает оттенки серого от темного до светлого с отливом. Для передачи серовато-сизой, пепельно-серой масти лошади употребляется специальный термин – 'сивый'.

2. В башкирском языке сивая масть лошади, серая окраска животных и птиц, а также светло-серый, светло-пепельный, землисто-серый цвета других предметов обозначаются лексемой *буз*. В других тюркских языках эта лексема встречается в разных фонетических вариантах: каз., ккалп., ног., кбалк., кум., кр.-тат., кирг., гаг., туркм., уйг. *боз*, тат. *бүз*, аз., тур. *boz*, узб. *бўз*, тув., тоф. *бора*, хак. *пора*, алт. *боро*, телеут. *поро*, шор. *нос*, туб. *нос*, *поро*, куманд. *нус*, *нос*, *пора* [КРС 1958: 111, УРС 1959: 93, УРС 1961: 39, НРС 1963: 83, ТРС 1968: 108, ТувРС 1968: 113, КРС 1969: 79, ГРМС 1973: 88, ТРС 1977: 129, ЭСТЯ 1978: 172, РТС 1980:

530, КРС 1985а: 138, КБРС 1989: 154, ШРС 1993: 131, Бектаев 1995: 103, КРС 1995: 57, 59, ТРС 1995: 67, Рассадин 2005: 261, АРС 2006а: 348, ТРС 2007а: 274, 00Усеинов 2007: 353, АРС 2015: 31, РТС 2019: 300].

Данное слово встречается во всех подгруппах тюркских языков, кроме болгарской, что позволяет предположить его общетюркский характер. Основные значения слова в вышеуказанных языках определяются как ‘сивый’, ‘серый’, ‘бурый’, ‘белесый’.

Слово *boz* зафиксировано в письменных источниках тюрков, в которых им обозначается серый цвет, а также масть лошади. Первая его фиксация наблюдается в древнетюркских памятниках: орх., др.-уйг., крх.-уйг. *boz* [ДТС 1969: 140]. Далее слово встречается в среднетюркских и новотюркских источниках, например: ср.-кыпч. *boz* [Курьшжанов 1970: 98], новотюрк. *buz / boz* [Будагов 1869: 279, Радлов 1911б: 1866].

3. Пратюркская форма этого цветообозначения восстановлена как **boʻ* ‘серый’ [EDAL 2003: 376].

Первичное значение слова предполагается как ‘серый’ со всеми его оттенками, в том числе как серая масть домашних животных, в первую очередь лошадей. Архетип *boz* А.М. Щербак восстанавливает как **nōs* ‘бурый’, ‘серый’. М. Рясянен считает тюрк. *boz* и монг. *боро* гомогенными [ЭСТЯ 1978: 172].

Как отмечает И.В. Кормушин, монгольские параллели *bora* удостоверяют древнейший праязыковой характер тюркского слова. Об этом же говорит и первичная нерасчлененность цветообозначения – от темного до серого с отливом, отразившаяся в двух основных значениях – ‘бурый’ и ‘серый’, с сокращением первого в пользу второго и «просветлением» второго до ‘белесый, беловатый’. Если семантическая история «белого» для тюркских языков связана с просветлением темного, с рассветом, то в случае с **bo:z* такие формы, как алт. *позам* ‘потемки, сумерки’, по-видимому, свидетельствуют об обратной направленности – переходе от светлого к темному [Кормушин 2001: 605–606].

ПТю. **boŕ* ‘серый’ восходит к праалтайской форме **boŕV* ‘серый’, рефлексy которой встречаются также в монгольских языках: бур. *boro*, халх.-монг., калм. *bor* (< ПМо. **boro* ‘серый’) [EDAL 2003: 376].

4. Рефлексы **boŕ* ‘серый’ употребляются для обозначения сивого, серого цвета во всех тюркских языках, кроме чувашского. В чувашском серый цвет представлен лексемами *сӑр / сӑрӑ* (< ПТю. **sūr* ‘серый, бурый’), *кӑвӑк* (< ПТю. **gōk* ‘синий, зеленый (макросиний)’) [ЧРС 1985: 354].

Для обозначения серого цвета в тюркских языках функционируют и другие лексемы, например: рефлексы ПТю. **sūr* ‘серый, бурый’ (алт. *сур* ‘светло-серый (о масти лошади)’, ккалп. *сур қасқыр* ‘серый волк’, кирг. *сур коён* ‘серый заяц’, *сур булут* ‘серые тучи’, *сур түтүн* ‘серый дым’, уйг. *сур бөрә* ‘серый волк’, *сур сукно* ‘серое сукно’, як. *сур бөрө* ‘серый волк’, *сур күүдээх* ‘серая мышь’); рефлексы ПТю. **čAl* ‘серый, седой’ (туркм. *чал топрак* ‘серозем’); дериваты, образованные от ПТю. **kül* ‘зола, пепел’ (тур. *külrengi gözler* ‘серые глаза’, кум. *кюлтюс, кюлсыпат* ‘букв. цвета пепла’, *кюлтюс кьумач* ‘серая ткань’, узб. *кул ранг* ‘букв. цвета пепла, пепельный’); заимствования (тур. *gri* < франц. *gris*) [КРС 1958: 589, УРС 1959: 222, РКС 1960: 916, УРС 1961: 167, КРТС 1968: 419, ТРС 1968: 719, ЯРС 1972: 344, КРС 1985б: 165, БРТС 2009: 476, КРС 2011: 150, АРС 2015: 108].

5. Семантика цветообозначения *буз* ‘сивый, серый’ в башкирском языке:

5.1. Основное доминирующее значение слова в башкирском языке – ‘сивый (о масти лошади)’: *буз ат* ‘сивая лошадь’.

В окрасе лошадей сивой масти обычно присутствуют другие цвета: *ак буз* ‘светло-сивый’, *күк буз* ‘голубовато-сивый’, *кара буз* ‘темно-сивый’, *ала буз* ‘серо-пегий (с преобладанием белого)’, *сыскан һыртлы буз* ‘сивый с серой полосой вдоль хребта, букв. сивый с мышастым хребтом’. В башкирском фольклоре есть образ коня *Акбузат* ‘букв. светло-сивая лошадь’, который является волшебным крылатым конем богатырей, родоначальником тулпаров.

Как отмечает У.Ф. Надергулов, *буз* и *кук* очень близки по окраске. Поэтому лошадей одной и той же масти могут называть как *буз ат*, так и *кук ат* [Надергулов 2000: 54].

Ср. в источниках: орх. *boz at* ‘серый конь’ [Малов 1951: 32, 41]; в других тюркских языках: ккалп. *боз ат* ‘сивая лошадь’, ног. *боз ат* ‘сивая лошадь’, тат. *буз ат* ‘лошадь пепельного цвета’, кирг. *боз ат* ‘сивая лошадь’, туркм. *боз ат* ‘серый конь’, уйг. *ақ боз ат* ‘светло-серая лошадь’, *көк боз ат* ‘серая лошадь’, тув. *бора* ‘сивый (о масти лошади)’ [КРС 1958: 251, НРС 1963: 83, ТРС 1968: 108, ТувРС 1968: 113, УРС 1968: 208, КРС 1985а: 138, ТРС 2007а: 274].

Данное значение встречается во всех подгруппах тюркских языков, кроме болгарской, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.2. Другое цветовое значение слова – ‘светло-серый, светло-пепельный, землисто-серый’: *буз кауырһын* ‘серое перышко’.

Ср. в источниках: др.-уйг. *boz bulit joridi* ‘серое облако шло’ [Малов 1951: 84, 90]; в других тюркских языках: ккалп. *боз* ‘беловатый, белесый’, алт. *боро бөрү* ‘серый волк’, гаг. *боз түүлү йабаны* ‘серый волк’, аз. *boz buludlar* ‘серые тучи’, *boz toprak* ‘серозем’, *boz qovaq* ‘тополь, букв. серый куст’, тур. *boz* ‘цвета земли, серый, бурый’, *boz kurt* ‘серый волк’, уйг. *боз* ‘светло-серый, серый’, *боз жилан* ‘медянка, букв. серая змея’, тув. *бора* ‘серый’ [КРС 1958: 251, РАС 1964: 688, ТРС 1968: 113, УРС 1968: 208, ГРМС 1973: 88, ТРС 1977: 129, КРС 1985а: 138, АРС 2006а: 348].

Данное значение наблюдается во всех подгруппах тюркских языков, кроме болгарской, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.3. Серый, сизый. Словом *буз* в башкирском языке также обозначается цвет оперения птиц: *буз тургай* ‘жаворонок, букв. сивый воробей’.

Ср. в других тюркских языках: ног. *боз торгай* ‘жаворонок’, аз. *boz qağayı* ‘сизая чайка’, уйг. *боз тогай* ‘вид жаворонка’ [НРС 1963: 83, УРС 1968: 208, АРС 2006а: 348].

Данное значение наблюдается в кыпчакской, огузской, карлукской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.4. Пустой, пустынный. Это значение образуется в сочетании со словами *дала* 'степь', *ялан* 'поле', *кыр* 'поле, нива' и т. д.: *буз дала* 'пустынная степь', *буз кырзар* 'пустые / пустынные поля'.

Ср. в других тюркских языках: кирг. *боз* 'сухая степь без сочной растительности', *боз жер* 'земля без сочной растительности', *боз талаада жеке калган каркырадай болдум* 'я был подобен испуганному журавлю, оказавшемуся в одиночестве в степи', гаг. *боз кыр* 'степь, букв. серая степь', туркм. *боз* 'невозделанный, целинный, залежный', *боз мейдан* 'целина, целинные земли', тур. *боз* 'целинный', уйг. *боз* 'нетронутая земля, залежная земля, новь', *боз йәр* 'целина, букв. нетронутая земля', узб. *бўз* 'целина', *бўз ерлар* 'целинные земли' [ТРС 1968: 108, УРС 1968: 208, ГРМС 1973: 88, ТРС 1977: 129, КРС 1985а: 138, УРС 1989: 45].

Данное значение наблюдается в кыпчакской, киргизско-кыпчакской, огузской, карлукской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.5. Молодой, вольный, независимый, беззаботный, одинокий, неженатый, незамужняя: *буз бала* 'беззаботный / несовершеннолетний ребенок', *буз егет* 'неженатый юноша', *буз мал* 'скот, пущенный на волю', *буз дөйә* 'одинокий верблюд'.

В башкирском языке имеются антропонимы с компонентом *буз*, в которых заключено значение 'холостой, неженатый': *Бузейегет* 'букв. неженатый парень', *Бузтимер* < *буз* 'неженатый' + *антроп.* Тимер 'букв. железо'.

Ср. в других тюркских языках: тат. *бўз* 'молодой, юный', *бўз егет* 'молодой парень', *бўз бала* 'подросток', кирг. *боз бала* 'молодой паренек', уйг. *боз бала* 'парень', *боз жигит* 'неженатый парень' [УРС 1968: 208, КРС 1985а: 138, ТРС 2007а: 274].

Это значение также можно считать общетюркским, так как оно встречается в нескольких подгруппах тюркских языков.

5.6. Топонимообразующий компонент. В гидронимах цветообозначение *буз* ‘сивый, серый’ указывает на серый, мутный оттенок воды: *Бузйылга* ‘букв. светло-серая река’ (река в Кугарчинском районе Республики Башкортостан).

5.7. Значение ‘тусклый, синий, темный’ прослеживается у глагола *бузарыу* ‘тускнеть, становиться серым, синим, мрачнеть (о лице)’, образованного от прилагательного цвета *буз* ‘серый, сивый’: *күк йөзө бузарзы* ‘небо посерело’, *кер бузарзы* ‘белье стало серым (от плохой стирки)’, *һыуыктан кулдары бузарзы* ‘от холода руки у него посинели’, *йөзө бузарзы* ‘лицо его стало мрачным’.

Ср. в источниках: крх.-уйг. *juzi boldi boz* ‘лицо [бека] стало серым’ [ДТС 1969: 115].

6. В некоторых тюркских языках отмечены и другие значения данного названия цвета, например: бурый (гаг. *боз айы* ‘бурый медведь’, тур. *boz ayı* ‘бурый медведь’), смуглый (кирг. *боз килен* ‘смуглянка, букв. смуглая невестка’), пасмурный (аз. *boz gün* ‘серый / пасмурный день’), грубый (аз. *boz adam* ‘грубый человек’), неважный (тув. *бора бүдүн* ‘неважный, посредственный, букв. целиком серый’), печальный (кирг. *эки көзүн боз чалды* ‘его глаза стали печальными, букв. серыми’), южный (тур. *boz yel* ‘южный ветер, букв. серый ветер’), марево (кирг. *Чөйдүн талаасына боз түшүп турду* ‘на Чуйских полях держалось марево’), бледный (узб. *бўзар-* ‘бледнеть’) и др. [ТувРС 1968: 113, ГРМС 1973: 88, ТРС 1977: 129, КРС 1985а: 138, УРС 1989: 45, АРС 2006а: 348].

7. Таким образом, исследование цветообозначения *буз* ‘сивый, серый’ в башкирском языке в сравнительно-историческом и семантическом планах позволяет сделать определенные выводы.

Пратюркская форма данного цветообозначения восстановлена как **boŕ* ‘серый’, ее рефлексy употребляют для обозначения серого, сивого цвета во всех тюркских языках, кроме чувашского. Слово зафиксировано в древне-, средне- и новотюркских источниках в тех же значениях.

Праалтайская форма реконструируется как **boʻV* ‘серый’, ее рефлексy встречаются также в монгольских языках и обозначают серый цвет и сивую масть лошади.

Цветобозначение *буз* ‘серый, сивый’ в башкирском языке имеет следующие значения: цвет и масть (‘серый’, ‘сивый’, ‘сизый’, ‘светло-серый, светло-пепельный, землисто-серый’), вторичные (‘пустой, пустынный’, ‘молодой, вольный, беззаботный, одинокий’, ‘тусклый’). Большинство значений слова имеют общетюркский характер. Слово активно участвует в образовании топонимов.

В целом цветобозначение *буз* ‘серый, сивый’ в башкирском языке имеет пратюркскую и праалтайскую основы, в формировании и развитии его семантики наблюдаются в основном общетюркские особенности.

Йәшел ‘зеленый’

1. Зеленый – четвертый по счету цвет спектра, четвертый цвет радуги, который находится между желтым и голубым цветами. Данный цвет широко распространен в живой природе – большинство растений имеют зеленую окраску, так как содержат пигмент фотосинтеза – хлорофилл (хлорофилл поглощает большую долю красных лучей из солнечного спектра, оставляя для восприятия отраженный и отфильтрованный зеленый цвет).

2. Зеленый цвет в литературном башкирском языке обозначается лексемой *йәшел*. В диалектах и говорах для передачи синего цвета может использоваться слово *күк* (см. раздел о цветобозначении *күк* ‘синий’).

В других тюркских языках и их диалектах лексема для обозначения зеленого цвета встречается в разных фонетических вариантах: тат. *яшел*, ног. *ясыл*, кум., туркм. *яшыл*, узб. *яшил*, гаг. *ешил*, уйг. *йешил*, кбалк. *джашил*, кирг. *жашыл*, каз., ккалп. *жасыл*, алт., туб., телеут. *јажыл*, хак. диал. *чазыл*, тув., шор. *чажыл*, куманд. *чажил*, сал. *jāšil*, сюг. *jahsil*, чув. *ешёл* (заимств. из тат.), тур. *yeşil*, аз. *yaşıl* [КРС 1958: 235, НРС 1963: 471, РАС 1964: 206, ТРС 1968: 823,

ТувРС 1968: 509, УРС 1968: 797, КРС 1969: 399, ГРМС 1973: 181, Тенишев 1976: 117, ТРС 1977: 924, КРС 1985а: 241, ЧРС 1985: 101, КБРС 1989: 238, УРС 1989: 240, ШРС 1993: 94, Бектаев 1995: 187, КРС 1995: 110, ТРС 1995: 19, АРС 2006г: 838, ХРС 2006: 923, ТРС 2007б: 726, Дыбо 2013: 289, АРС 2015: 37, РТС 2019: 89].

Как видим, данное слово встречается во всех подгруппах тюркских языков, кроме болгарской, что позволяет предположить его общетюркский характер. В вышеперечисленных языках (кроме тувинского) основное его значение – ‘зеленый’. В тувинском языке *чажыл* употребляется в значении ‘заячья капуста’.

Слово *jašil* и его фонетические формы зафиксированы в письменных источниках тюрков и обозначают зеленый, голубой цвета. Первая фиксация слова *jašil* наблюдается в древнетюркских источниках (орх., др.-уйг., крх.-уйг.) [ДТС 1969: 31–32]. Далее оно встречается в среднетюркских и новотюркских источниках, например: ср.-кыпч. *jašil* [Курышжанов 1970: 126], новотюрк. *jašil*, *ješil* [Будагов 1871: 331].

3. Пратюркская форма этого цветообозначения восстановлена как **jāl-il* ‘зеленый’ [EDAL 2003: 1015].

Вопросы происхождения слова рассматриваются в этимологических исследованиях [Егоров 1964: 62, ЭСТЯ 1989: 164, EDAL 2003: 1015, Дыбо 2013: 290, Ахметьянов 2015б: 565]. Большинство ученых сходятся во мнении, что цветообозначение **jāl-il* ‘зеленый’ появилось позднее, чем **gōk* ‘синий, зеленый (макросиний)’, и является производным от **jāl* ‘зелень, зеленый, незрелый’, то есть слово первоначально обозначало цвет зеленой травы [Кормушин 2001: 604–605, Дыбо 2013: 290].

ПТю. **jāl-il* восходит к позднеалтайскому **ñjōle* ‘зеленый, зелень, поросль’, рефлексы которой функционируют также в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках: халх.-монг. *züleg*, бур. *zülge*, калм. *zölgə* (< ПМо. **žöl(ü)ge* ‘зеленый луг’); маньчж. *holmon* ‘зеленый мох, зеленая плесень’, ульч. *holžokto* ‘синяк’, орок. *nōlto* / *ñōlto* ‘синяк’, нан. *ñolā* ‘синеватый’, ороч. *noligi* ‘зеленоватый’, удэг. *ñoliyi*, *ñolo* ‘синеватый’, ‘зеленоватый’ (< ПТМ **ñoli-* ‘зеленый мох, зеленая плесень’,

‘синеватый’, ‘синяк’, ‘зеленоватый’) [EDAL 2003: 1015, Дыбо 2013: 290].

4. Кроме рефлексов **jāl-il*, для обозначения зеленого цвета в тюркских языках используются и другие названия.

В якутском языке основная лексема для зеленого – *күөх* (< ПТю. **gōk* ‘синий, зеленый (макросиний)'), которая также употребляется для синего и голубого [ЯРС 1972: 200].

В чувашском для зеленого цвета, кроме *ешёл* (< тат.), употребляется персидское заимствование *симёс*, которое является доминантой. Р.Г. Ахметьянов и И.С. Насипов цветолексеми *симёс* относят к той группе слов, которые заимствованы в древний период булгарами, то есть прямо не связаны с татарским влиянием: *simës* < перс. سبز (*säbz*) ‘зеленый’ [Ахметьянов, Насипов 2004: 32–44]. По другой версии, *simës* является производным от названия медового напитка *sim*, *sät*, развитие которого предполагается как ‘желтый’ → ‘желтый, зеленый’ → ‘зеленый’ [Дыбо 2013: 292]. Персидское заимствование для обозначения зеленого цвета есть и в узбекском языке: *сабза* < перс. سبز (*säbz*) ‘зеленый’ [УРС 1989: 152].

В некоторых сибирских языках для обозначения зеленого цвета употребляется монголизм: алт. *ногон*, тув. *ногаан*, хак. *ноган* (< халх.-монг., бур. *nogōn* < ПМо. **nogoγan* ‘зеленый’) [ТувРС 1968: 310, ХРС 2006: 282, Дыбо 2013: 293, АРС 2015: 92].

5. Семантика цветообозначения *йәшел* ‘зеленый’ в башкирском языке:

5.1. Основное значение лексемы *йәшел* – ‘зеленый’: *йәшел япрак* ‘зеленый лист’, *йәшел тукыма* ‘зеленая материя’, *йәшелгә буятыу* ‘покрасить в зеленый цвет’.

Ср. в других тюркских языках: тат. *яшел тукыма* ‘зеленая ткань’, ног. *ясыл япырак* ‘зеленый лист’, гаг. *ешил фидан* ‘зеленое деревце’, узб. *яшил ранг* ‘зеленый цвет’, хак. *чазыл* ‘зеленый’, чув. *ешёл тум* ‘зеленый наряд’ (*ешёл* – тат. заимств.) [НРС 1963: 471, ГРМС 1973: 181, РУС 1983: 360, ЧРС 1985: 101, ХРС 2006: 923, ТРС 2007б: 726].

Слово участвует в образовании многих фитонимов и зоонимов, названий минералов: башк. диал. *йәшел зорт* ‘светлячок, букв. зеленый червь’, *йәшел йылан* ‘ящерица, букв. зеленый змей’, *йәшел төйөт* ‘пеночка (птица), букв. зеленая пеночка’, *йәшел йәүһәр* ‘изумруд, букв. зеленый бриллиант’.

Ср. в источниках: др.-уйг. *jašil qaja* ‘зеленая скала’ [Малов 1951: 84, 90]; в других тюркских языках: тат. *яшелбаш* ‘зеленоголовка (сорт моркови), букв. зеленая голова’, туркм. *яшылбаш* ‘селезень, утка-кряква, букв. зеленая голова’, уйг. *йешилташ* ‘малахит, букв. зеленый камень’ [ТРС 1968: 823, УРС 1968: 797, ТРС 2007б: 726].

Наличие данного значения в кыпчакских, огузских, карлукских, уйгуро-огузских подгруппах тюркских языков позволяет предположить его общетюркский характер.

5.2. Часто употребляется метонимический перенос ‘зеленый’ → ‘покрытый зеленью, поросший травой’: *йәшел ялан* ‘зеленое поле’, *йәшел һукмак* ‘зеленая тропинка’.

Ср. в источниках: крх.-уйг. *jīyačlar tonandī jašil* ‘деревья покрылись зеленью’ [Малов 1951: 238]; в других тюркских языках: тат. *яшел урам* ‘зеленая улица’, ккалп. *жасыллы* ‘покрытый зеленью’, *жасылы бәхәрги дала* ‘весенняя степь, покрытая зеленью’, кирг. *жашыл бак* ‘зеленый сад’, хак. *чазыл нүк* ‘зеленая лужайка’, *чазылда мал чөрчө* ‘скот пасется на отаве’, чув. *ешёл саран* ‘зеленый луг’ (*ешёл* – тат. заимств.) [КРС 1958: 236, КРС 1985а: 241, ЧРС 1985: 101, ХРС 2006: 923, ТРС 2007б: 726].

Наличие значения во всех подгруппах (кроме болгарской, где слово является заимствованием) тюркских языков позволяет предположить его общетюркский характер.

5.3. Метонимический перенос ‘зеленый’ → ‘свежий, молодой (о растительности, овощах)’ также закрепилось в башкирском языке: башк. *йәшел үлән* ‘молодая трава’, *йәшел бесән* ‘свежее сено’, *йәшел япрак* ‘молодой лист’.

Ср. в источниках: крх.-уйг. *jaɣtur otuɣ jašartti* ‘дождь освежил, позеленил

траву' [ДТС 1969: 246]; в других тюркских языках: тур. *yeşil fasulye* 'свежая фасоль' [ТРС 1977: 925].

Наличие значения в древнетюркских источниках и других подгруппах тюркских языков позволяет предположить его общетюркский характер.

5.4. Метонимический перенос 'зеленый' → 'растительный, зелень': башк. *йәшел азык* 'растительный корм, букв. зеленый корм', *йәшел масса* 'растительная масса, букв. зеленая масса'.

Ср. в источниках: крх.-уйг. *jaşil juşul* 'всякая зелень; парн. зеленый' [ДТС 1969: 246]; в других тюркских языках: тат. *яшел азык* 'зеленый корм', *яшел ашлама* 'зеленое удобрение', тур. *yeşillik* 'зеленые овощи, зелень', чув. *ешёл апат* 'зеленый корм' (*ешёл* – тат. заимств.) [ТРС 1977: 925, ЧРС 1985: 101, ТРС 2007б: 726].

Наличие значения в древнетюркских источниках и других подгруппах тюркских языков позволяет предположить его общетюркский характер.

5.5. Метонимический перенос 'зеленый' → 'незрелый, незрелый (о плодах, злаках)' связан с цветом незрелого фрукта, ягоды и т. д.: башк. *йәшел алма* 'зеленое яблоко', *йәшел кауын* 'незрелая дыня, букв. зеленая дыня'.

Ср. в других тюркских языках: тат. *яшел алма* 'зеленое яблоко', *яшел карлыган* 'незрелая смородина, букв. зеленая смородина', кум. *яшыл алма* 'незрелое (зеленое) яблоко', тур. *yeşil domates* 'незрелый помидор', чув. *панулмине ешёл ши* 'есть яблоки зелеными' (*ешёл* – тат. заимств.) [РКС 1960: 278, ТРС 1977: 925, ЧРС 1985: 101, ТРС 2007б: 726].

Вышеперечисленные метонимические переносы 'цвет' → 'другой признак' непосредственно происходят на основании внешнего признака, например, в выражении *йәшел карагат* 'зеленая незрелая смородина' смысловым значением слова *йәшел* является не цвет, а незрелость ягоды.

Наличие значения в древнетюркских источниках и других подгруппах тюркских языков позволяет предположить его общетюркский характер.

5.6. Синий, голубой. В некоторых говорах башкирского языка слово *йәшел*

закрепилось для обозначения синего и голубого цветов. Видимо, оно расширило свое значение и стало применяться для обозначения всего участка спектра ‘сине-голубо-зеленый’, тем самым полностью вытеснив слово *күк* ‘синий’ из активного употребления.

Так, в басувском подговоре среднего говора башкирского языка словом *йәшел* обозначается синий цвет. Возможно, в этом подговоре слово *йәшел* ‘зеленый’ сначала стало обозначать макроцвет ‘сине-голубо-зеленый’, затем – осталось как название только для синего участка спектра, тогда как лексема *күк* ‘синий’ закрепилась за зеленым.

Ср. в источниках: крх.-уйг. *jašil kök* ‘голубое небо’ [Малов 1951: 386]. Данное значение слова также зафиксировано в словаре уйгурского языка: уйг. *йешил* ‘синий, голубой’ [УРС 1961: 93].

Наличие значения в древнетюркских источниках и кыпчакской, карлукской подгруппах тюркских языков позволяет предположить его общетюркский характер.

5.7. Переносное значение лексемы *йәшел* – ‘визгливо-писклявый (о голосе)’: *йәшел тауыш менән кыскырыу* ‘кричать визгливо-писклявым голосом, букв. зеленым’, *күкле-йәшелле тауыш сызгарыу* ‘издавать визгливо-писклявые звуки, букв. издавать сине-зеленые звуки’.

Это же значение встречается и в татарском языке: *яшел тауыш белән* ‘визгливым голосом, букв. зеленым голосом’ [ТРС 2007б: 726].

5.8. Топонимообразующий компонент. В башкирских географических названиях цветолексема *йәшел* ‘зеленый’ может обозначать цвет топообъекта. В составе оронимов она указывает на внешний вид объекта или его окрестностей (на камни различных оттенков зеленого; малахитовые, нефритовые месторождения): *Йәшелташ* ‘букв. зеленый камень’ (камень / скала в Абзелиловском районе Республики Башкортостан), *Йәшелтүбә* ‘букв. зеленая вершина (горы)’ (местность в Учалинском районе Республики Башкортостан), *Йәшелтау* ‘букв. зеленая гора’ (деревня в Ишимбайском районе Республики

Башкортостан). Цветооронимы со словом *йәшел* ‘зеленый’ обозначают также горные долины, поросшие растительностью: *Йәшелуй* ‘букв. зеленая долина’ (долина в Мелеузовском районе Республики Башкортостан). Названия озер и болот с цветообозначением *йәшел* ‘зеленый’ дают информацию об обилии кустов, деревьев, мха на болоте или водных растений по берегам озера и в нем самом: *Йәшелйылга* ‘букв. зеленая река’, *Йәшелкул* ‘букв. зеленое озеро’ (озера в Альшеевском, Аскинском, Кармаскалинском, Куюргазинском, Мишкинском, Миякинском, Стерлибашевском районах Республики Башкортостан).

Ср. в источниках: орх. *jašil ügüz* ‘Яшиль-угюз, букв. зеленая / голубая река’ (река Хуанхэ) [Малов 1951: 30, 38].

5.9. Мифологизированный цвет. В башкирской мифологии зеленый цвет является символом жизни, пробуждения природы. С ним связаны ряд запретов и поверий, например: *йәшел япракты, үләнде утка якһаң, иренең кутырлай* ‘если зеленые листья и зеленую траву бросишь в огонь, на губах появятся болячки, заеды’, погов. *йәшел сирәм сир кыуыр* ‘зеленая трава изгонит болезни (то есть с наступлением весны уйдут болезни)’ [Хисамитдинова 2010: 133].

6. В некоторых тюркских языках отмечены и другие значения данного названия цвета, например: ‘цветущий’, ‘яркий’, ‘неопытный / молодой’ (ккалп. *жасыл баг* ‘цветущий сад, букв. зеленый сад’, кирг. *жашыл гүл* ‘яркий цветок, букв. зеленый цветок’, чув. *ешёл тёнче* ‘цветущая природа, букв. зеленая природа’, въл *ешёл кйна-ха* ‘молод он еще’) [КРС 1958: 235, КРС 1985а: 241, ЧРС 1985: 101].

7. Таким образом, исследование цветообозначения *йәшел* ‘зеленый’ в башкирском языке в сравнительно-историческом и лексико-семантическом планах позволяет сделать определенные выводы.

Пратюркская форма данного цветообозначения восстанавливается как **jāl-il* ‘зеленый, цвет зеленой травы’ (< **jāl* ‘зелень, зеленый, незрелый’), ее рефлексy встречаются во всех тюркских языках (кроме чувашского, где лексема *ешел* ‘зеленый’ – тат. заимств.) и употребляются главным образом для обозначения

зеленого цвета. Слово зафиксировано в древне-, средне- и новотюркских источниках в значениях ‘зеленый’, ‘голубой’.

Пратюркская форма *jāl-il* ‘зеленый, цвет зеленой травы’ восходит к позднеалтайскому **ñiǒ́le* ‘зеленый, зелень, поросль’, рефлексy которой встречаются в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках в близких значениях.

В башкирском языке лексема *йәшел* ‘зеленый’ имеет значение цвета (‘зеленый’, *диал.* ‘синий’, ‘голубой’), а также переносные, вторичные (‘свежий, молодой’, ‘покрытый зеленью / поросший травой’, ‘растительный / зелень’, ‘незрелый, незрелый’, ‘визгливо-писклявый (о голосе)’) значения, которые имеют общетюркский характер. Слово *йәшел* ‘зеленый’ участвует в образовании топонимов, в которых оно в основном обозначает цвет топообъекта. Также отмечается мифологическая семантика зеленого цвета в башкирской культуре.

В целом цветообозначение *йәшел* ‘зеленый’ в башкирском языке имеет пратюркскую и праалтайскую основы, в формировании и развитии его семантики преобладают общетюркские особенности.

Ал ‘алый, розовый’

1. Алый цвет – самый яркий оттенок красного цвета, который традиционно связывается с цветом пламени, артериальной крови и губ человека.

Розовый является неспектральным хроматическим цветом и образуется при смешивании красного и белого. Его можно описать как ненасыщенный красный цвет с примесью пурпурного. Природным эталоном розового цвета являются цветки растений рода Шиповник семейства Розовые (например, розы).

2. Алый и розовый цвета в башкирском языке обозначаются лексемой *ал*. В других тюркских языках эта лексема встречается в разных фонетических вариантах: тат., ног., кум., караим., кр.-тат., сиб.-тат., гаг., уйг. *ал*, туркм. *ал* (*а:л*), аз., тур. *al* [РУС 1956: 18, НРС 1963: 36, ТРС 1968: 38, КРС 1969: 36, ГРМС 1973: 38, КРПС 1974: 61, ТРС 1977: 41, АРС 2006а: 83, ТРС 2007а: 73–74, Усеинов 2007: 326, АСБЯ 2011а: 221, СТРС 2019], хак. *аалай*, як. *аалай* (обратное заимствование

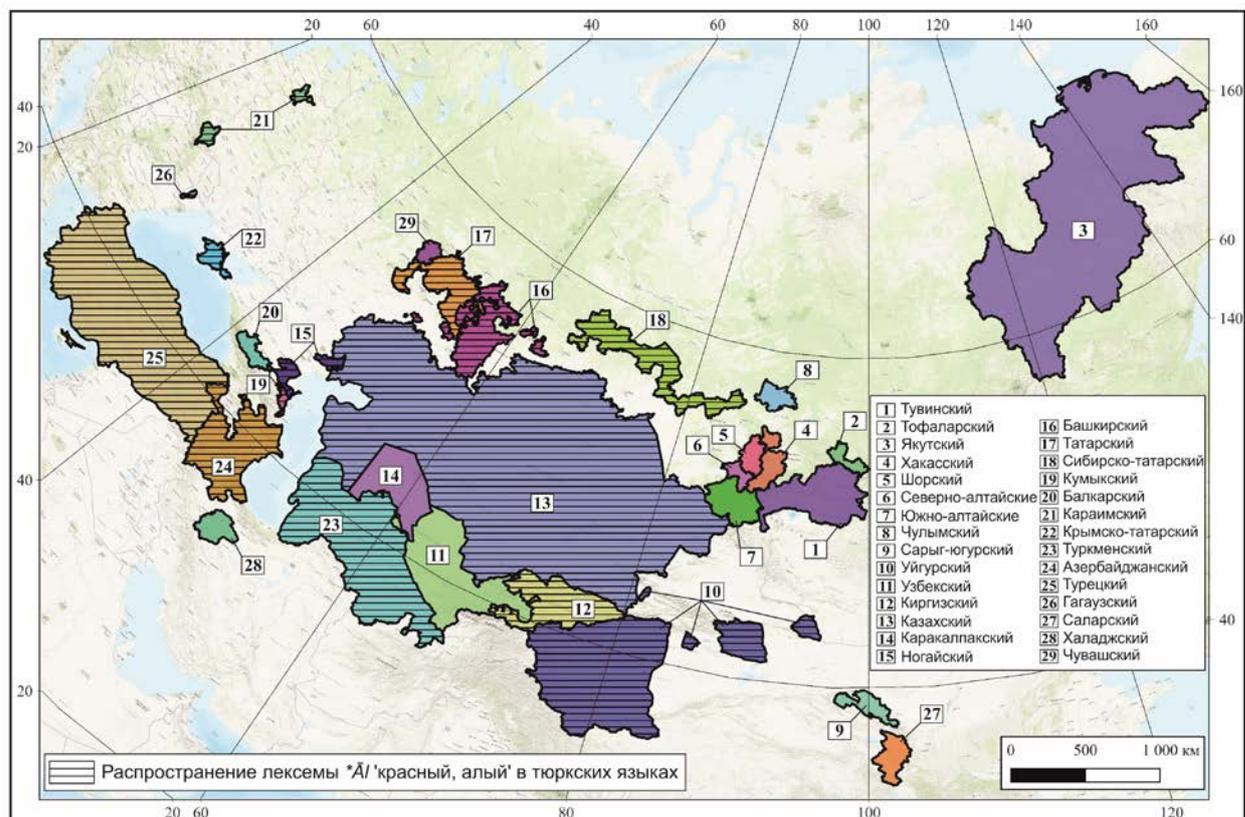
из русского *алый* < тюрк. *al*) [ЯРС 1972: 24, ХРС 2006: 17], разг. хак. *ал* [Тугужекова 2016: 67–73], каз. – в составе слова *алқызыл* ‘алый, румяный, букв. ало-красный’, кирг. – в составе слова *албырдуу* ‘румяный, краснощекий’ [КРС 1985а: 47, Бектаев 1995: 43].

Исконное слово встречается в кыпчакской, киргизско-кыпчакской, огузской, карлукской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер. Основное значение данного слова в вышеперечисленных языках – ‘алый, розовый, ярко-красный, румяный’.

Слово *al* зафиксировано в письменных источниках тюрков в тех же значениях. Первая его фиксация наблюдается в древнетюркских памятниках: ен., др.-уйг., крх.-уйг. *al* [ДТС 1969: 31–32]. Далее слово встречается в среднетюркских и новотюркских источниках, например: ср.-кыпч., ср.-уйг., хрз.-тюрк. *al* [Bang, Rachmati 1932, Курышжанов 1970: 83, Наджип 1975: 224, Гаркавец 2006: 15], новотюрк. *al* [Будагов 1869: 76, Радлов 1893а: 349–350].

Лексема **Al* ‘красный, алый’ в тюркских языках распространено неравномерно. Оно характерно для некоторых языков Урало-Поволжья, Причерноморья, Средней Азии, Западной Сибири, Кавказа (то есть за исключением языков Южной и Восточной Сибири) (*карта 8*):

Карта 8. Распространение лексемы **Al* 'красный, алый'
в тюркских языках

Отсутствие лексемы в чувашском и наличие ее в орхонских и древнеуйгурских текстах дает основание полагать, что слово *al* получило применение в древнетюркском языке после отделения булгар (предков чувашей) от общей массы тюрков. Однако в силу каких-то причин оно не сохранилось в современных сибирских тюркских языках, лишь некоторые факты (например, существование в разговорном хакасском) свидетельствуют о былом функционировании в них данной лексемы. Отсутствие тюркского *al* в узбекском, относящемся к карлукской подгруппе (в уйгурском это слово присутствует), вероятно, можно объяснить вытеснением его арабским заимствованием *алвон*.

Вместе с тем в кыпчакских и огузских подгруппах тюркских языков слово *al*, наоборот, стало широко употребляемым. Оно существует во всех огузских языках. Лексема *al* встречается в большинстве кыпчакских языков, тем не менее в некоторых из них (в карачаево-балкарском и каракалпакском), судя по словарям,

она не функционирует, а в казахском и киргизском *al* употребляется только в составе сложных слов. Эти данные свидетельствуют о неравномерном ареале распространения лексемы *al* в кыпчакских языках.

3. Пратюркская форма этого цветообозначения восстановлена как **Āl* ‘красный, алый’ [EDAL 2003: 1032].

В тюркологии вопрос происхождения **Āl* ‘красный, алый’ рассматривался довольно подробно. Сведения по этимологии слова можно найти в источниках как по тюркологии, так и алтаистике. Происхождение тюркского *al* затрагивалось в работах Г. Вамбери, Э.В. Севортяна, Дж. Клосона и др. [Vámbéry 1878, Clauson 1972, ЭСТЯ 1974].

Основываясь на значении ‘сияющий, блестящий’, Г. Вамбери *al* связывал с *jal-* ‘блестеть, сиять’ [Vámbéry 1878: 11]. Корень *al* в тех же атрибутивных значениях известен также в монгольских языках: например, калм. *al* ‘уст. светло-красный’, халх.-монг. *ал* ‘красный’ [ЭСТЯ 1974: 126]. Монг. *al* считается заимствованием из тюркских [EDAL 2003: 1032].

По рассуждениям Й.А. Фуллера, тюркское *آل* вошло в персидский язык (*آل* ‘государева печать’, ‘печать правителя’). По другой его гипотезе, персидское слово произошло от индийского *آल* ‘название дерева, из которого изготавливают красную краску для чернил, лекарств...’ [Vullers 1855: 47]. По этому поводу Э.В. Севортян рассуждает, что тюркский корень *al* формально и семантически совпадает с индоевропейским *al-, ol-, el-* – «корнем для обозначения цвета со значением ‘красный’, ‘коричневый’». Свое предположение он подкрепляет сведениями из персидских словарей, например: *آل* ‘красновато-желтый цвет, телесный цвет, красноватый’. Исходя из вышеизложенного, Э.В. Севортян высказывает версию о встрече (или совпадении) алтайского и индоевропейского корней [ЭСТЯ 1974: 126].

ПТю. **Āl* ‘красный, алый’ восходит к праалтайской форме **ŋiōle* ‘красный, розовый; желтый’ [EDAL 2003: 1032], рефлексy которой наблюдаются также в монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейском и японском языках: бур. *üle(n)*

‘сивый, сизый’, калм. *ölə*, орд. *ölö* ‘серый’ (< ПМо. **öle* ‘пестрый, с серыми пятнами’); эвен. *ɲule-ñe* ‘алый’ (< ПТМ **ɲule-* ‘алый, румяный, розовый’); кор. *nuri-, nori-* ‘желтый’ (< ПКор. **nürí-* ‘желтый’); яп. *müràsákì* ‘фиолетовый, фиолетовый цветок’ (< ПЯп. **mürà-sákì* ‘фиолетовый; *Lithospermum erythrorhizon*, фиолетовый цветок’) [ССТМЯ 1975: 666, EDAL 2003: 1032]. Как видно из примеров, значение ‘алый’ праалтайской формы **ɲiöle* ‘красный, розовый; желтый’ наблюдается в современных тюркских и тунгусо-маньчжурских языках.

Тюркское слово заимствовано в русский язык: *алый*. Как отмечает М. Фасмер, *аль* вошло в русский язык в период Золотой Орды – оно встречается в грамотах (в письменных указах) золотоордынских ханов с XIV в. в значении ‘ярко-красный’ [Фасмер 1986а: 73].

4. В некоторых тюркских языках наряду с лексемой *al* употребляются и другие названия для обозначения алого и розового, например, образованные от лексемы *qizil* ‘красный’ синтетическим и аналитическим способами: башк. *асык кызыл* ‘алый, букв. ярко-красный’, туркм. *ачык гызыл* ‘алый, букв. ярко-красный’, тоф. *қан қызыл* ‘алый, букв. кроваво-красный’, *қып-қызыл* ‘алый, букв. очень красный, совершенно красный’, тув. *гызгылт* ‘розовый, букв. светло-красный, красноватый’, уйг. *қип-қизил* ‘алый, букв. очень красный, совершенно красный’ [РУС 1956: 18, КРТС 1968: 19, 401, Рассадин 2005: 150, АСБЯ 2011а: 348].

Это же явление наблюдается и в других тюркских языках, в которых не зафиксирован рефлекс ПТю. **Al* и нет отдельной лексемы для алого и розового: ккалп. *ашық қызыл* ‘алый, букв. ярко-красный’, кбалк. *къып-къызыл* ‘алый, букв. совершенно красный’, *ачы къызыл* ‘алый, букв. ярко-красный’, алт. *кубакай кызыл* ‘алый, букв. бледно-красный’, шор. *қыпқызыл* ‘алый, букв. совершенно красный’, *қысқылым* ‘розовый, букв. красноватый’, тув. *ак-кызыл* ‘розовый, букв. светло-красный’, *чидиг кызыл* ‘алый, букв. ярко-красный’, чув. *шупка хёрлэ* ‘светло-розовый, букв. бледно-красный’, *йәм-хёрлэ* ‘алый, букв. густо-красный’ [РАС 1964: 7, РКБС 1965: 25, РКС 1967: 25, РТС 1980: 29, 511, ШРС 1993: 75, 129, РЧС 2002: 12, 390].

В тувинском языке есть также слово *ягаан-кызыл* ‘розовый, букв. розовато-красный, который имеет компонент-монголизм – *ягаан* ‘розовый’ [РТС 1980: 511]. В чувашском языке для обозначения розового цвета функционирует лексема *кӗрен* (< монг.), которая в других тюркских языках обозначает бурый, коричневый цвет (*kiiren*) [РЧС 2002: 390]. В узбекском языке употребляется арабское заимствование *алвон* ‘алый’ (< الوان [älvan]) [УРС 1989: 18].

5. Семантика цветообозначения *ал* ‘алый, розовый’ в башкирском языке:

5.1. Основное значение слова – обозначение розового цвета и ярких оттенков красного (алый, красный, ярко-красный, светло-красный, розовый, светло-розовый, малиновый, румяный): башк. *ал яулык* ‘розовый платок’, *ал сәскә* ‘алый цветок’, *ал таң* ‘алый рассвет’, *ал биттәр* ‘румяные щечки’ [АСБЯ 2011а: 221].

Ср. в источниках: ен. *ал ириш* ‘алое знамя’, др.-уйг. *ал [kedinin] kedip* ‘надев алую [мантию]’ [Малов 1952: 38, ДТС 1969: 31]; в других тюркских языках: тат. *ал шәфәкь* ‘малиновая (алая) заря’, кр.-тат. *ал байракь* ‘алый флаг’, *ал янакь* ‘румяные щеки’, караим. *ал йанакьлы* ‘краснощекий’, кирг. *албырдуу* ‘румяный, краснощекий’, каз. *алқызыл бет* ‘румяное лицо’, *алқызыл долана* ‘красный боярышник’, *алқызыл орамал* ‘алый платок’, гаг. *ал дуак* ‘алый платок (вуаль невесты)’, туркм. *ал байдак* ‘алый флаг’, *ал шеран* ‘розовое вино’, *албай* ‘красный кусок ткани (которым размахивают перед ловчей птицей, приучая ее к охоте)’, тур. *ал сiһа* ‘красное сукно’, хак. *аалай көгенек* ‘розовое платье’, *аалай торгы* ‘шелк розового цвета’, як. *аалай сарыал* ‘алая заря’ [ТРС 1968: 38, ЯРС 1972: 24, ГРМС 1973: 38, КРПС 1974: 61, ТРС 1977: 41, КРС 1985а: 47, Бектаев 1995: 43, ХРС 2006: 17, ТРС 2007а: 73–74, Усеинов 2007: 326].

Наличие данного значения в древнетюркских источниках и в других подгруппах тюркских языков позволяет предположить его общетюркский характер.

5.2. В сочетании со словом *гөл* ‘цветок’ лексема *ал* передает значение ‘красивый, цветастый, пестрый, разноцветный’: *аллы-гөллө* ‘красивый, цветастый,

разноцветный, пестрый' [АСБЯ 2011а: 221].

В других тюркских языках, как и в башкирском, в сочетании с другими цветообозначениями или со словом 'цветок' образуются значения 'красивый', 'цветастый', 'разноцветный', 'пестрый', 'узорчатый', 'цветущий' слова *al*: тат. *аллы-гәллә* 'красивый, цветастый, разноцветный, пестрый', кум. *аллы-гюлли* 'разноцветный, пестрый, узорчатый', сиб.-тат. *аллы-кәллә* 'пестрый, с разноцветными цветами, яркий', *аллы-кәллә тауар* 'разноцветный товар', кр.-тат. *аллы-гуллию* 'пестрый с преобладанием красного', аз. *ал-әлван* 'разноцветный, яркий, красочный', *аллы-куллү* 'расписанный красными узорами, красивый, расписной', *бахачаг аллы-куллү бостаныма* 'будет смотреть на мой красивый огород', туркм. *ал-яшыл* 'разноцветный, красный с зеленым', *ал-яшыл мейдан* 'цветущий луг', тур. *alli-güllü* 'разодетый в яркие цвета, разукрашенный', *alli yeşilli* 'разноцветный, яркий, броский' [АРС 1941: 13, 14, ТРС 1968: 43, КРС 1969: 36, ТРС 1977: 41, ТРС 2007а: 73–74, Усеинов 2007: 328, СТРС 2019: 18].

Как следует из примеров, в ряде языков произошел метафорический перенос: 'алый' → 'яркий, пестрый'. Такие сочетания употребляются относительно узора ткани, платья, цветущего поля, сада и др.

Значение встречается в кыпчакской и огузской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.3. Прекрасный. Цветообозначение *ал* 'алый' в башкирском языке употребляется в составе фразеологизма *ал да гәл*, который имеет значение 'все хорошо, прекрасно' (< *аллы-гәллә* 'красивый, цветастый, разноцветный, пестрый') [АСБЯ 2011а: 235].

5.4. Символ красоты. В башкирской языковой картине мира с алым, розовым цветами отождествляется красота (лица, губ и т. д.) девушки: *алһыу йөз* 'румяное лицо', *алһыу ирендәр* 'алые губы'.

6. В некоторых тюркских языках отмечены и другие значения данного цветообозначения, например: масть лошади (каз. *алкүрең* 'масть лошади' (где *күрең* – 'темно-рыжий, бурый'), кр.-тат. *ал тору* 'рыжий, мухортый' (где *тору* –

‘гнедой’), гаг. *ал беегир* ‘гнедая (рыжая) лошадь’, тур. *ал ат* ‘гнедая лошадь’); ‘благородный, знатный’ (тат. *ал кеш* ‘благородный соболь, букв. алый соболь’, *ал тахет* ‘высокий трон, букв. алый трон’); ‘волшебный, чудесный’ (тат. *ал балдак* ‘чудесное кольцо, букв. алое кольцо’, *ал көзге* ‘волшебное зеркало, букв. алое зеркало’, *ал бишек* ‘волшебная колыбель, букв. алая колыбель’); ‘румяна для лица’ (тур. *ал* ‘румяна для лица, румянец, краснота’); название обрядового или национального женского головного убора алого цвета (тур. *ал* ‘красный платок, надеваемый женихом на шею во время свадьбы’, ‘шелковая повязка с зеленым и красным, которой женщины повязывают себе лоб’, ‘длинное красное покрывало, которым покрывают голову невесты’); ‘желтый; русый, рыжий’ (кирг. *албайы*) [ГРМС 1973: 38, ЭСТЯ 1974: 126, ТРС 1977: 41, КРС 1985а: 46, Бектаев 1995: 43, ТРС 2007а: 73, Усеинов 2007: 326].

Семантические процессы, в результате которых у слова *ал* появились дополнительные метафорические значения, происходили в основном в кыпчакской и огузской подгруппах тюркских языков.

7. Таким образом, исследование цветообозначения *ал* ‘алый, розовый’ в башкирском языке в сравнительно-историческом и лексико-семантическом планах позволяет сделать определенные выводы.

Пратюркская форма данного цветообозначения восстанавливается как **Āl* ‘красный, алый’, рефлексy которой сохранились в кыпчакской, огузской, карлукской подгруппах тюркских языков, распространенных преимущественно в Средней Азии, Причерноморье, Урало-Поволжье, Западной Сибири и на Кавказе. Слово *ал* ‘красный, алый’ зафиксировано в древне-, средне- и новотюркских источниках в значениях ‘алый, ярко-красный, светло-красный; оранжевый; карий (о глазах)’.

Праалтайская форма реконструируется как **ŋiōle* ‘красный, розовый; желтый’, ее рефлексy сохранились также в других языках алтайской языковой семьи в следующих значениях: ‘алый’ (тунг.-маньчж.), ‘пестрый’ (монг.), ‘фиолетовый’ (яп.), ‘желтый’ (кор.).

В башкирском языке цветообозначение *ал* употребляется для обозначения алого, розового цвета. Также отмечены его следующие значения: ‘красивый’, ‘цветастый’, ‘прекрасный’. Все эти значения главным образом имеют общетюркский характер. В башкирской языковой картине мира с алым, розовым цветом отождествляется красота девушки.

В целом цветообозначение *ал* ‘алый, розовый’ в башкирском языке имеет пратюркскую и праалтайскую основы, в формировании и развитии его семантики преобладают общетюркские особенности.

Сәгер ‘светло-голубой, зеленовато-голубой’

1. Светло-голубой, зеленовато-голубой цвет в некоторых тюркских языках обозначается специальной лексемой.

2. В башкирском языке данный цвет обозначается лексемой *сәгер*, а также ее фонетическими вариантами *сагыр*, *шагыр*. В других тюркских языках эта лексема встречается в разных фонетических вариантах: кбалк. *чагыр*, тат. *чагыр*, тур. *çakır*, гаг., туркм. *чакыр*, халадж. *çaqır*, кирг. *чекир*, каз. *шагыр* / *шегир*, ккалп. *шегир*, ног. *шагыр*, узб. *чагир* (в составе названия *чагирқанот* ‘нырок белоглазый, букв. светлые / голубоватые крылья’), уйг. *чекир*, як. *чакыр* (< монг. < тюрк.), чув. *чакӑр* (< возможно, кыпч.) [КРС 1958: 732, УРС 1959: 518, УРС 1961: 216, НРС 1963: 401, ТРС 1968: 719, ЯРС 1972: 507, ГРМС 1973: 525, ТРС 1977: 164, КРС 1985б: 356, ЧРС 1985: 577, КБРС 1989: 720, Бектаев 1995: 474, ТРС 2007б: 555, EDAL 2003: 1323, Дыбо 2013: 532].

Исконная лексема встречается в кыпчакской, киргизско-кыпчакской, огузской, карлукской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить ее общетюркский характер. В большинстве из вышеперечисленных языков она употребляется для обозначения светлых глаз (голубых, серых, зеленых и т. д.).

Данное слово зафиксировано в письменных источниках тюрков и обозначает цвет глаз. Первая его фиксация наблюдается в древнетюркских памятниках: крх.-уйг. *çaqır* [ДТС 1969: 140]. Далее оно встречается в средне- и

новотюркских источниках, например: ср.-уйг. *çaqir* [Боровков 1963: 355], новотюрк. *şayir* [Будагов 1871: 157].

3. Пратюркская форма этого цветообозначения восстановлена как **čakir* ‘светло-серый, серовато-голубой’. Считается, что данная лексема первоначально применялась относительно цвета глаз человека, затем она расширила семантику и стала использоваться относительно и других предметов.

Рефлексы ПТю. **čakir* ‘светло-серый, серовато-голубой’ в вышеперечисленных подгруппах тюркских языков более-менее сходны со словами из некоторых тюркских языков, имеющими значение ‘голубой’ (башк., тат. *зәңгәр*, узб. *зангори*, алт. *чанкыр*, чув. *сенкер*), ‘прозрачный, просвечивающий’ (як. *чэнкир*, *дъэнкир*, *дъэнкир таас* ‘прозрачный камешек’) [ЯРС 1972: 137, 516, ЧРС 1985: 358, УРС 1989: 72, Дыбо 2013: 533, АРС 2015: 145]. Однако они относятся совершенно к разным корням [EDAL 2003: 1322–1323, Дыбо 2013: 533].

ПТю. **čakir* ‘светло-серый, серовато-голубой’ восходит к позднеалтайской форме **šāk'a* ‘белый’ [EDAL 2003: 1322–1323, Дыбо 2013: 532–533], рефлексы которой наблюдаются также в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках: халх.-монг. *sagān*, бур. *sagān*, калм. *caḡān*, орд. *čagān*, дунг. *čəGan*, дагур. *čigān* (< ПМо. **čagaγan* ‘белый’); лит. маньчж. *šaxun* ‘белый’, ‘бельмо’, ульч. *čāgža(n)* ‘белый’, *čaqi* ‘бельмо’, орок. *tagda(n)* ‘белый’, нан. *čāGžā* ‘белый’, *čāqi* ‘бельмо’, удэг. *sagza* ‘белый’, солон. *čiyá* ‘белый’ (< **šāk-* ‘белый’, ‘бельмо’) [EDAL 2003: 1322, Дыбо 2013: 533].

Тюркское цветообозначение было заимствовано в монгольские языки: халх.-монг. *цэхэр*, бур. *сэхир* ‘светло-серый’; бур. *сахир*, калм. *цэкр* ‘белесый, бледный’ [Дыбо 2013: 532, ЭСМЯ 2015: 131, 138].

4. Можно сказать, что лексема **čakir* – древняя и устойчивая, она является названием для светло-голубого, зеленовато-голубого, белесого, желтого, светло-серого цветов в кыпчакской, огузской, карлукской подгруппах тюркских языков, во многих из которых она используется по отношению к цвету глаз. Другой

лексемы для выражения совокупности указанных значений в тюркских языках не выявлено.

5. Семантика цветообозначения *сәгер* ‘светло-голубой, зеленовато-голубой’ в башкирском языке:

5.1. Основное значение слова *сәгер* / *сағыр* в башкирском языке – ‘светло-голубой, зеленовато-голубой, голубой, зеленый (о глазах)’: *сәгер күз* ‘светло-голубые глаза’, *сәгер күзле сабый* ‘голубоглазый ребенок’, *сәгер күзле кыз* ‘зеленоглазая девочка’, *сағыр күзле егет* ‘парень с зеленовато-голубыми глазами’ [ДСБЯ 2002: 292, АСБЯ 2015: 341, 781].

Слово участвует в образовании терминов: *сәгер балык* ‘белоглазка, букв. светло-голубая рыба (название рыбы)’ [АСБЯ 2015: 781].

Ср. в источниках: крх.-уйг. *şaqir* ‘голубо(глазый) / пепельно-серый (о глазах)’ [Кашгари 2010: 303]; в других тюркских языках: ккалп. *шегир* ‘серый (о глазах)’, кирг. *көзү чекир* ‘сероглазый’, гаг. *чакыр* ‘голубой, серовато-голубой’, *чакыр гөзлү* ‘голубоглазый, разноглазый’, тур. *şakır* ‘голубой, серовато-голубой’, *şakır gözlü* ‘сероглазый’, узб. *чагир* ‘белоглазый’ (в составе названия *чагирканот* ‘нырок белоглазый’), уйг. *чекир көз* ‘серые глаза’, чув. *чакър* ‘светлый, светло-голубой’, *чакър куç* ‘светлые глаза’ (*чакър* < кыпч.) [КРС 1958: 732, УРС 1959: 518, УРС 1961: 216, ГРМС 1973: 525, ТРС 1977: 164, КРС 1985б: 356, ЧРС 1985: 577].

Как показывают примеры, данное значение встречается в кыпчакской, огузской, карлукской подгруппах тюркских языков (в якутском и чувашском – заимствования), вследствие чего его можно назвать общетюркским.

5.2. Светло-голубой, голубой, зеленый (по отношению к цвету других предметов). Появление данного значения, возможно, является более поздним явлением: *сәгер таш* ‘светло-голубой камень’ [АСБЯ 2015: 781].

Ср. в других тюркских языках: чув. *чакър уш* ‘голубая жимолость’ (*чакър* < кыпч.) [ЧРС 1985: 577].

5.3. Светлый, белесый. В этом значении употребляются формы *сағыр* /

шагыр: *сагыр төс* ‘белесый цвет’, *сагыр болоттар* ‘белесые облака’, *сагыр күк йөзө* ‘белесое небо’, *шагыр болот* ‘белесые облака’, *шагыр күз* ‘белесые глаза’, *шагыр яулык* ‘белесый платок’, *шагырайыу* ‘белеть’ [БРС 1996: 761, АСБЯ 2015: 341, АСБЯ 2017: 745].

Ср. в других тюркских языках: чув. *чакър тўне* ‘светло-голубое небо’ (< кыпч.) [ЧРС 1985: 577].

Ср. в источниках: новотюрк. *şayır küik* ‘лазоревый, букв. светло-голубой’ [Будагов 1871: 157]. Как видим, в новотюркскую эпоху наблюдается расширение семантики слова.

5.4. Мифологизированный цвет. В башкирской мифологии отмечается отрицательная семантика данного цвета. Считалось, что зеленовато-голубые глаза являются опасными, способными сглазить, глазами: *зәңгәр күззән, сәгер күззән һакла* ‘спаси от голубых, зеленовато-голубых глаз’ [Хисамитдинова 2010: 258].

5.5. Топонимообразующий компонент. Слово *сәгер* ‘светло-голубой, зеленовато-голубой’ встречается в составе топонимов, где оно указывает на светлый, белесый цвет географических объектов: *Сәгертау* ‘букв. белесая гора’ (гора в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан), *Сәгерйылга* ‘букв. светлая, белесая река’ (река в Зианчуринском районе Республики Башкортостан).

6. В некоторых тюркских языках отмечены и другие значения данного цветообозначения, например: туркм. *чакыр* ‘выгоревший (на солнце)’, гаг. *чакыр* ‘выцветший на солнце’, кирг. *чекир* ‘бельмо’, як. *чакыр* ‘белый (о масти лошади)’, халадж. *şaqir* ‘желтый’ [ТРС 1968: 719, ЯРС 1972: 507, ГРМС 1973: 525, КРС 1985б: 356, Дыбо 2013: 532].

7. Таким образом, исследование цветообозначения *сәгер* ‘светло-голубой, зеленовато-голубой’ в башкирском языке в сравнительно-историческом и лексико-семантическом планах позволяет сделать определенные выводы.

Пратюркская форма данного цветообозначения восстанавливается как **şakir* ‘светло-серый, серовато-голубой’, ее рефлексy употребляют в кыпчакской, огузской, карлукской подгруппах тюркских языков главным образом

для обозначения светлых глаз. Слово зафиксировано в древне-, средне-, новотюркских памятниках в аналогичном значении.

Праалтайская форма реконструируется как *šāk'a 'белый', ее рефлексy встречаются также в монгольских (в значениях 'белый', 'белеть') и тунгусо-маньчжурских (в значениях 'белый', 'бельмо') языках.

В башкирском языке встречаются три фонетических варианта данного цветообозначения: *сәгер* / *сагыр* / *шагыр*. Основное значение формы *сәгер* – обозначение цвета глаз. Она также может называть светло-голубой, голубой, зеленый цвет других предметов. Формы *сагыр* / *шагыр* в основном имеют значения 'светлый', 'белесый'. Все эти значения главным образом имеют общетюркский характер. Цветообозначение участвует в образовании топонимов. Отмечается мифологическая семантика светло-голубых, зеленовато-голубых глаз в башкирской культуре.

В целом цветообозначение *сәгер* 'светло-голубой, зеленовато-голубой' в башкирском языке имеет пратюркскую и праалтайскую основы, в формировании и развитии его семантики преобладают общетюркские особенности.

Сыбар 'пестрый'

1. Пестрый цвет представляет собой сочетание пятен и полос. В отличие от пегого, который является совокупностью крупных участков цветов, пестрый цвет состоит из мелких разноцветных пятен.

2. Пестрый цвет в башкирском языке обозначается лексемой *сыбар*. В других тюркских языках эта лексема встречается в разных фонетических вариантах: ккалп., ног. *шубар*, каз. *шұбар*, кбалк. *чубар*, кум. *чопур* 'рябой' / *чубар* 'пестрый', караим. *чыбар* / *цыбар*, кр.-тат. *чубар*, уйг. *чипар*, тур. *çorur*, туркм. *чопур*, узб. *чипор*, чув. *чйпар* (< тат.) [КРС 1958: 742, НРС 1963: 417, ТРС 1968: 736, УРС 1968: 406, КРС 1969: 360, КРПС 1974: 615, 634, ТРС 1977: 197, ЧРС 1985: 584, КБРС 1989: 727, УРС 1989: 218, Бектаев 1995: 487, Усеинов 2007: 588]. Наблюдаются и другие формы данного цветообозначения: тат. *чуар*, кирг. *чаар*

[КРС 1985а: 331, ТРС 2007б: 584].

В сибирских тюркских языках слово является монгольским заимствованием и встречается с интервокальным *k / x / y*: алт. *чоокыр*, телеут. *чоқыр*, туб. *чоогыр*, тув. *шокар*, хак. *сохыр / чохыр*, тоф. *соогур*, як. *чуобур* [ТувРС 1968: 577, ЯРС 1972: 513, ТРС 1995: 100, Рассадин 2005: 232, ХРС 2006: 500, 993, АРС 2015: 149, РТС 2019: 213]. В «Древнетюркском словаре» слово *čoqur* ‘чубарый’ дается с пометкой *монг.* (монг. заимств.): *[o]γuz qaγan bir čoqur tan [a]jγür [a]tqa minä turur erdi* ‘Огуз-каган ехал верхом на чубаром жеребце’ [ДТС 1969: 154].

Исконная лексема встречается в кыпчакской, огузской, карлукской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить ее общетюркский характер. Основные ее значения во всех вышеперечисленных языках – ‘пестрый’, ‘рябой’, ‘чубарый’.

Первая фиксация данного слова наблюдается в среднетюркских письменных памятниках, в которых им обозначается чубарая масть лошади: ср.-кыпч. *čeper* (в источнике – چپر) [Курышжанов 1970: 218]. Далее оно встречается в новотюркских источниках как обозначение чубарой или серой масти лошади, например: новотюрк. *čibar / čibar / čubar* [Радлов 1905б: 2153, 2185–2186].

3. Пратюркская форма этого цветообозначения восстановлена как **čorur*, **čar-* ‘пестрый, рябой’, ‘непородистый, неряшливый’, ‘высыпать (о сыпи, чирьях)’ [EDAL 2003: 1344]. К этой форме восходят башк. *сыбар*, каз. *шубар*, кбалк. *чубар*, туркм. *чопур*, караим. *чыбар* и др.

Праформа других вариантов слов (тат. *чуар* / кирг. *чаар*) реконструируется как **čubar* ‘пестрый’ [EDAL 2003: 454].

Вместе с тем в работах М.Р. Федотова, Р.Г. Ахметьянова все тюркские варианты данного слова сводятся к единому корню [Федотов 1996б: 403, Ахметьянов 2001: 238]. Однако, судя по исследованиям последних лет, формы **čorur* и **čubar* относятся к разным основам [EDAL 2003: 454].

В чувашском языке слово *чйнар* ‘пестрый’ считается татарским заимствованием [VEWT 1969: 118–119].

ПТю. **čorur*, **čar*- ‘пестрый, рябой’, ‘непородистый, неряшливый’, ‘высыпать (о сыпи, чирьях)’ восходит к праалтайской форме **šor'é* ‘веснушки, пятна’, рефлексy которой наблюдаются также в монгольских и японском языках: бур. *sōxor*, калм. *cōxar*, халх.-монг. *cōxor* ‘пятнистый, пестрый’ (< ПМо. **čob*, **čow-kur* ‘пятнышко, веснушка; пятнистый, пестрый’), яп. *sobakasu* ‘веснушки’ (< ПЯп. **səmpa* ‘веснушки’) [EDAL 2003: 1344].

ПТю. **čubar* ‘пестрый’ (тат., кирг.) возводится к форме ПА **č'ura* ‘серый’, рефлексy которой наблюдаются также в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках: бур. *sabidar*, калм. *cäwdr*, халх.-монг. *cavdar* (< ПМо. **čabidar* ‘желтоватый, игреневый (о масти)’); эвенк. *čūri-n,-rin*, эвен. *čūriñ*, сол. *sūrī* (< ПТМ **čub-rī*- ‘зеленый, синий, желтый’) [EDAL 2003: 454].

Отметим, что тюркское слово было заимствовано в русский язык: *чубарый* (о масти лошади).

4. Рефлексy ПТю. **čorur* ‘пестрый, рябой’, ‘непородистый, неряшливый’, ‘высыпать (о сыпи, чирьях)’, ПТю. **čubar* ‘пестрый’, фонетические формы монголизма *čoqur* во всех тюркских языках являются основными названиями для обозначения пестрого цвета. Другой лексемы для выражения совокупности указанных значений в тюркских языках не выявлено.

5. Семантика цветообозначения *сыбар* ‘пестрый’ в башкирском языке:

5.1. Пестрый, рябой. Данным словом в первую очередь обозначается окраска животных, птиц: *сыбар һыйыр* ‘пестрая корова’, *сыбар тауык* ‘рябая курица’.

Лексема *сыбар* ‘пестрый’ участвует в словообразовании и является составным компонентом названий животных, птиц, рыб, растений пестрой окраски, а также других терминов: *сыбар баркылдак* ‘пестрый дрозд’, *сыбар бәшмәк* ‘ежевик пестрый, букв. пестрый гриб’, *сыбарганат* ‘монашенка (бабочка), букв. пестрые крылья’, *сыбар зәғфәрән* ‘шафран пестрый’, *сыбар килейек* ‘ястребиная славка, букв. пестрая славка’, *сыбар күгәуен* ‘овод лошадиный, букв. пестрый овод’, *сыбар күрән* ‘осока пузырчатая, букв. пестрая осока’, *сыбар каз*

‘гуменник, букв. пестрый гусь’, *сыбар карын* ‘сыгуч (верхний отдел желудка у крупного рогатого скота), букв. пестрый желудок’.

Ср. в других тюркских языках: каз. *шұбар бұзау* ‘пестрый теленок’, ног. *шубар йолбарс* ‘барс’, узб. *чупор товук* ‘рябая курица’, кирг. *чаар жылан* ‘пестрая змея’ (*чаар* < ПТю. **çubar*), тув. *шокар иви* ‘пятнистый олень’ (*шокар* < монг.), хак. *чохыр аң* ‘рысь, букв. пестрый зверь’ (*чохыр* < монг.), чув. *чӓпар куккук* ‘пестрая кукушка’ (*чӓпар* < тат.) [НРС 1963: 417, ТувРС 1968: 77, КРС 1985б: 331, ЧРС 1985: 510, УРС 1989: 218, Бектаев 1995: 487, ХРС 2006: 993].

Данное значение рефлексов ПТю. **çorur*, **çar-* ‘пестрый, рябой’, ‘непородистый, неряшливый’ имеется в кыпчакских и карлукских подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.2. Чубарый (о масти лошади). Лексема *сыбар* в этом значении может употребляться в форме производной основы, а также как часть составного названия масти лошади: *сыбар ат* ‘чубарая лошадь’, *алма сыбар* ‘чубарый в яблоках’, *сыбар ала* ‘чубаро-пегий’.

Ср. в источниках: ср.-уйг. *çoqur* ‘чубарый’ (< монг.) [Bang, Rachmati 1932], ср.-кыпч. *çeper* ‘чубарый (о масти лошади), лошадь серая в яблоках’ [Курышжанов 1970: 218]; в других тюркских языках: ккалп. *қара шубар* ‘черно-чубарый’, уйг. *чипар ат* ‘чубарый конь’, хак. *чохыр ат* ‘чубарый конь’ (*чохыр* < монг.), як. *чуобур* ‘чубарый’ (< монг.), чув. *улма чӓпар ут* ‘серый в яблоках конь’ (*чӓпар* < тат.) [КРС 1958: 742, УРС 1968: 406, ЯРС 1972: 513, ЧРС 1985: 510, ХРС 2006: 993].

Данное значение ПТю. **çorur*, **çar-* ‘пестрый, рябой’, ‘непородистый, неряшливый’ имеется в кыпчакских и карлукских подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.3. Пестрый, разноцветный. В данном случае словом *сыбар* ‘пестрый’ обозначается комбинация разных цветов на ткани или в поле, на лугу: *сыбар яулык* ‘пестрый платок’, *сыбар балаç* ‘пестрый палас’, *сыбар күлдәк* ‘пестрое платье’.

Ср. в других тюркских языках: ног. *шубар явлык* ‘разноцветный платок’, каз. *шұбар ала мата* ‘пестрая ткань’, ккалп. *шубар көйлек* ‘пестрая рубашка’, кирг. *чаар көйнөк* ‘пестрая рубаха’ (*чаар* < ПТю. **çubar*), хак. *часхыда чазылар чахайахтарнаң чохыралчалар* ‘весной луга пестреют от цветов’ (*чохыр* < монг.), чув. *чайпар саран* ‘цветистый луг’ (*чайпар* < тат.) [НРС 1963: 417, КРС 1985б: 331, ЧРС 1985: 510, Бектаев 1995: 487, ХРС 2006: 993].

5.4. Разный, разнообразный, разношерстный, пестрый. Словом *сыбар* ‘пестрый’ здесь передается неоднородность состава группы лиц, предметов, явлений, а также их несоответствие какому-то одному критерию: *сыбар халык* ‘разношерстный народ’.

В словаре тувинского языка также зафиксировано данное значение слова: тув. *шокар команда* ‘сборная команда’ (*шокар* < монг.) [ТувРС 1968: 577].

5.5. Изменчивый, многоцветный: *сыбар заман* ‘изменчивая эпоха’, *сыбар күүцелле* ‘изменчивый нрав’.

5.6. Веснушчатый, рябой (о лице) / веснушка: *сыбар йөзлө кыз* ‘веснушчатая девушка’, *сыбар(ка) төшөү* ‘покрываться веснушками’.

Ср. в других тюркских языках: каз. *шұбар бет* ‘рябое лицо’, кум. *чопур бет* ‘рябое лицо’, кирг. *чаар бет* ‘рябое лицо’ (*чаар* < ПТю. **çubar*), тур. *çorur* ‘рябой; с лицом, изрытым оспой’, туркм. *чопур йүз* ‘рябое лицо’ [ТРС 1968: 736, КРС 1969: 360, ТРС 1977: 197, КРС 1985б: 331, Бектаев 1995: 487].

Данное значение рефлексов ПТю. **çorur*, **çar-* ‘пестрый, рябой’, ‘непородистый, неряшливый’ встречается в кыпчакской и огузской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.7. В другой фонетической форме (*сабырт-*) это слово обозначает сыпь и появление сыпи, в результате которой кожа теряет ровный тон и приобретает неоднородный (как бы пестрый) внешний вид: *сабыртма* ‘сыпь’, *сабыртыу* ‘появляться (о сыпи)’. Здесь очевидна семантическая связь с исходным значением слова *сыбар* ‘пестрый’.

5.8. Топонимообразующий компонент. Цветообозначение *сыбар* ‘пестрый’

является активным компонентом географических названий – оно обозначает цвет объектов (равнин, степей, гор, скал и речек), отличающихся пестротой, пятнистостью (пород, почв, растительности и т. д.): *Сыбаркул* ‘букв. пестрое озеро’ (озера в Абзелиловском, Салаватском районах Республики Башкортостан, Челябинской области), *Сыбарйылга* ‘букв. пестрая река’ (река в Гафурийском районе Республики Башкортостан), *Сыбарморон* ‘букв. пестрый мыс’ (гора в Белорецком районе Республики Башкортостан), *Сыбартубэ* ‘букв. пестрая вершина’ (гора в Абзелиловском районе Республики Башкортостан).

6. В словарях других тюркских языков зафиксированы отличные от отмеченных выше значения этого слова: гаг. *чыбар*- ‘нарывать (о чирьях, фурункулах)’, караим. *чыбар* ‘полоса’, тур. *şorir* ‘оспина, рябина’, кирг. *чаар* ‘злобный, хитрый’, *түсү чаар* ‘злобное лицо, букв. вид у него пестрый’, *чаар курсак* ‘хитрый, догадливый, букв. пестрое брюхо’ (*чаар* < ПТю. **çubar*), тув. *шокар* ‘разрисованный, украшенный’, *шокар аптара* ‘сундук, окрашенный орнаментом, букв. пестрый сундук’ (*шокар* < монг.) [ТувРС 1968: 577, ГРМС 1973: 554, КРПС 1974: 634, ТРС 1977: 197, КРС 1985б: 331].

7. Таким образом, исследование цветообозначения *сыбар* ‘пестрый’ в башкирском языке в сравнительно-историческом и лексико-семантическом аспектах позволяет сделать определенные выводы.

Пратюркская форма данного цветообозначения восстанавливается как **şorir*, *şar*- ‘пестрый, рябой; непородистый, неряшливый; высыпать (о сыпи, чирьях)’, ее рефлексy сохранялись в кыпчакской, огузской, карлукской подгруппах тюркских языков в значениях ‘пестрый’, ‘рябой’, ‘чубарый’. Слово зафиксировано в средне- и новотюркских источниках.

Праалтайская форма реконструируется как **şor'é* ‘веснушки, пятна’, ее рефлексy встречаются в монгольских (в значении ‘пятнистый, пестрый’) и японском (в значении ‘веснушки’) языках.

В башкирском языке цветообозначение *сыбар* употребляется в значениях ‘пестрый’, ‘рябой’, ‘чубарый’, ‘разноцветный’, ‘разношерстный’,

‘разнообразный’, ‘изменчивый’, ‘веснушчатый’, ‘появляться (о сыпи)’. Все значения слова *сыбар* имеют сему ‘разнообразный по составу’. Эти значения главным образом имеют общетюркский характер. Цветообозначение активно участвует в образовании терминов и топонимов, где оно в основном обозначает пятнистый или пестрый цвет объекта.

В целом цветообозначение *сыбар* ‘пестрый’ в башкирском языке имеет пратюркскую и праалтайскую основы, в формировании и развитии его семантики преобладают общетюркские особенности.

Коба ‘светло-желтый, бледно-бурый, палевый’

1. Светло-желтая, бледно-бурая, палевая масть встречается среди лошадей, коров и других животных.

2. Данная масть животных в башкирском языке обозначается лексемой *коба*. В других тюркских языках эта лексема встречается в разных фонетических вариантах: кум. *кьуба*, ног., кирг., туркм. *куба*, каз. *құба*, хак. *хуба*, телеут. *қуба* [НРС 1963: 183, КРС 1985а: 435, ТРС 1995: 47, ЭСТЯ 2000: 94, ХРС 2006: 855, КРС 2011: 182].

Как видим, это слово встречается в кыпчакской, киргизско-кыпчакской, огузской, уйгуро-огузской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер. В вышеперечисленных языках оно главным образом обозначает бледно-бурую, светло-желтую, светло-рыжую, сероватую масть лошади и других животных.

Лексема *quba* зафиксирована в письменных источниках тюрков, в которых им обозначается масть лошади. Первая его фиксация наблюдается в древнетюркских памятниках: крх.-уйг. *quba* [ДТС 1969: 462]. Далее оно встречается в среднетюркских (напр., ср.-кыпч. *quba* [Toparli 2007: 161]) и новотюркских (напр., *quba* [Радлов 1899а: 500]) источниках.

3. Пратюркская форма этого цветообозначения восстановлена как **Kuba / *Koba* ‘желтоватый, сероватый’ [EDAL 2003: 695].

Праалтайская форма реконструирована как **kǝjbu* ‘бледный’, рефлексy которой встречаются также в монгольских, тунгусо-маньчжурских и японском языках: ПМо. **kubakaj* ‘бледный, засохший’ (ср.-монг. *qubi* ‘желтый (о лошади)’, халх.-монг. *хувхай*, бур. *хубхай*, калм. *х̄õхн*); ПТМ **kiaba-* ‘бледный’ (эвенк. *kêwama*, эвен. *kêtaku*); ПЯп. **kú-i* ‘желтый’ (яп. *kì-iro-*, *kîiro-*) [EDAL 2003: 695, ЭСМЯ 2018: 62].

В тюркских языках встречается также «стяженная» форма слова – *qiw* ‘желтый (о траве), сухой’: башк. *кыу*, ккалп. *қуў*, кирг., алт., тув. *куу*, тоф., телеут. *куу*, ног. *кув*, узб. *қув*, хак. *хуу* [КРС 1958: 416, УРС 1959: 627, НРС 1963: 184, ТувРС 1968: 267, КРС 1985а: 453–454, ТРС 1995: 49, ЭСТЯ 2000: 94, Рассадин 2005: 153, ХРС 2006: 879, АРС 2015: 80].

Относительно полной и «стяженной» форм слов (*quba* ‘цвет между красным и желтым’ и *qiw* ‘желтый (о траве), сухой’) можно сказать, что их значения в основном совпадают. Ученые утверждают, что эти два корня могли сблизиться из-за звукового сходства и совпадения некоторых связанных значений [ЭСТЯ 2000: 94].

В монгольских языках также имеются «стяженные» формы слова, которые считаются тюркским заимствованием: халх.-монг., бур. *ухаа*, *хуа*, *хуаа* ‘каурый (о масти лошади); светло-коричневый (о цвете)’; калм. *хо*, *хоо* ‘светло-желтый, соловый (о масти лошади); коричнево-желтый (о цвете)’ [ЭСМЯ 2018: 76].

4. Светло-желтая, бледно-бурая, палевая масть животных в тюркских языках именуется, как правило, только рефлексами ПТю. **Kuba* / **Koba*.

5. Семантика названия масти лошади *коба* ‘светло-желтый, бледно-бурый, палевый’ в башкирском языке:

5.1. Основное значение слова *коба* ‘светло-желтый, бледно-бурый, палевый’ в башкирском языке – обозначение окраса животных, главным образом масти лошади, коровы и других парнокопытных животных: *коба ат* ‘светло-желтая, бледно-бурая, палевая лошадь’, *коба һыйыр* ‘бледно-бурая корова’, *коба үгез* ‘бледно-бурый бык’, *коба болан* ‘бледно-бурый олень’ [АСБЯ 2013: 394]. Данная

лексема активно встречается в составе сложных названий для номинации оттенков масти лошади: бурых лошадей с преобладанием бледной, светлой окраски называют *ак коба* ‘бледно-бурый’, со светло-каштановым и рыжеватым цветовым фоном – *коба туры* ‘каурий’, а лошадей с черно-бурой окраской – *коба кызыл* ‘муругий’ [Надергулов 2000: 59].

Ср. в источниках: крх.-уйг. *qiba at* ‘светло-бурая (саврасая) лошадь’ [ДТС 1969: 462]; в других тюркских языках: кум. *кьуба* ‘сероватый, светло-желтый, бледно-бурый (о масти коровы)’, *кьуба оьгюзлер* ‘серые быки’, *кьубагийик* ‘олень, букв. светло-желтое / сероватое животное’, ног. *куба* ‘бурый (о масти коровы)’, *куба торы* ‘каурий’, каз. *құба сыйыр* ‘корова светло-желтой масти’, кирг. *куба кой* ‘изжелта-серая овца’, хак. *хуба инек* ‘светло-рыжая корова’ [НРС 1963: 183, КРС 1985а: 435, ЭСТЯ 2000: 94, ХРС 2006: 855, КРС 2011: 182].

В киргизском языке стяженная форма слова также может обозначать масть животных: кирг. *куу иңген* ‘белая верблюдица’, *куу бугу* ‘белый олень’ [КРС 1985а: 453–454].

Данное значение слова встречается в древнетюркских источниках и нескольких подгруппах языков общетюркской ветви, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.2. Словом *коба* обозначаются цвет и окраска других животных, птиц, растений: *коба каз* ‘дикий гусь, гусь-гуменник, букв. светло-желтый гусь’, *коба тал* ‘ива светло-коричневая’ [АСБЯ 2013: 395–396].

Ср. в других тюркских языках: кирг. *куба ит* ‘белая собака’, туркм. *куба* ‘золотистый (о цвете гусей и верблюдов)’ [КРС 1985а: 435, ЭСТЯ 2000: 94].

Данное значение имеется в кыпчакской и огузской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.3. Бледный, серый (о цвете лица) / становится бледным, серым: *йөз кобарыу* ‘побледнеть (о лице)’ [БРС 1996: 364].

Ср. в других тюркских языках: ккалп. *куба* ‘бледный’, каз. *құба* ‘бледный, пепельный’, кирг. *куба* ‘белый, бледный; пепельного цвета’, *кубакай* ‘бледный (о

цвете лица)’, алт. *кубакай* ‘бледный, бледно-желтый, бледноватый (о лице), слегка пожелтевший (о траве), белесый’, хак. *хуба* ‘бледный, бледно-желтый, светло-коричневый, светло-красный’ [КРС 1958: 406, КРС 1985а: 435, Бектаев 1995: 297, ХРС 2006: 855, АРС 2015: 78].

Стяженная форма слова употребляется также для обозначения бледного цвета: ккалп. *куу* ‘белый, бледный (о лице)’, *куу сақал* ‘светлобородый’, ног. *кув* ‘белый’, кирг. *куу* ‘белый, бледный, бледно-желтый’, алт. *куу* ‘белый, бледный’, узб. *ранги қув ўчди* ‘он сильно побледнел’, тув. *куу* ‘серый’, ‘бледный’, *куу арын* ‘бледное лицо’, хак. *хуу* ‘бледный, бесцветный’, ‘серый’, *хуу сырай* ‘бледное лицо’, *хуу таң* ‘раннее утро, букв. серая заря’ [КРС 1958: 416, УРС 1959: 627, НРС 1963: 184, ТувРС 1968: 267, КРС 1985а: 453–454, ХРС 2006: 879, АРС 2015: 80].

Как видим, данное значение слова наблюдается в кыпчакской, киргизско-кыпчакской, карлукской и уйгуро-огузской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.4. Высохший, сухой. В башкирском языке в этом значении употребляется стяженная форма слова, которая не имеет цветового значения: *кыу үлән* ‘сухая, высохшая трава’, *кыу агас* ‘сухое, высохшее дерево’. Его дериват *кыугыл* употребляется для обозначения масти лошади: *кыугыл* ‘бледно-рыжий’, *кыугыл ерән ат* ‘бледно-рыжая лошадь’ [Надергулов 2000: 56].

Ср. в источниках: новотюрк. *qow* ‘вялый, сухой, высохший’ [Радлов 1899а: 507]; в других тюркских языках: ккалп. *куу* ‘сухой, высохший’, *куу камыс* ‘сухой камыш’, кум. *къув* ‘сухой’, ног. *кув* ‘сухой, высохший’, *ер қув болган* ‘земля высохла’, кирг. *куу* ‘сухой, высохший’, хак. *хуу* ‘серый (выгоревший, высохший)’, *хуу агас* ‘высохшее (на корню) дерево’ [КРС 1958: 416, НРС 1963: 184, КРС 1985а: 453–454, ХРС 2006: 879, КРС 2011: 182].

Как видим, данное значение слова наблюдается в кыпчакской, киргизско-кыпчакской и уйгуро-огузской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.5. Голый, лишенный растительности: *коба сул* ‘голая пустыня’ [БРС 1996: 364].

В других тюркских языках в этом значении употребляются полная и стяженная формы слова: ног. *кув шовьл* ‘голый, совершенно открытый (о местности)’, кирг. *куба жапан чөл* ‘сухая, дикая пустыня’, *куу тала* ‘совершенно безжизненная пустыня’, хак. *хуба сёл* ‘голая степь’, *хуба чазы* ‘голая степь, седая степь’ [НРС 1963: 184, КРС 1985а: 435, 453–454, ХРС 2006: 855, Чугунекова 2017: 341].

Данное значение слова наблюдается в кыпчакской, киргизско-кыпчакской и уйгуро-огузской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.6. Недубленный, сыромятный (о коже): *коба кун* ‘сыромятная кожа’ [БРС 1996: 364].

5.7. Этнонимообразующий компонент. Цветообозначение *коба* ‘светло-желтый, бледно-бурый, палевый’ образует этнонимы как в башкирском, так и в других тюркских языках, например: башк. *коба*, кирг. *куба* [Ураксин 1987: 127–132].

6. В тюркских языках отмечены и другие значения данной лексики, например: ног. *куба* ‘багровый’ [НРС 1963: 183]. Стяженная форма слова наблюдается в следующих значениях: ног. *кув* ‘седой’, алт. *куу* ‘седой’, ккалп. *куй бас* ‘бездетный, букв. сухая / одинокая голова’, кирг. *куу* ‘бездетный’ [КРС 1958: 416, НРС 1963: 184, КРС 1985а: 453–454, ХРС 2006: 879, КРС 2011: 182, АРС 2015: 80]. В некоторых языках субстантив данного слова употребляется в значении ‘лебедь’: кум. *къув* ‘лебедь’, ног. *кув* ‘лебедь’, кирг. *куу / ак куу* ‘лебедь’, алт. *куу* ‘лебедь’, тув. *куу* ‘лебедь’ [НРС 1963: 184, КРС 1985а: 453–454, ТРС 2008, КРС 2011: 182, АРС 2015: 80].

7. Таким образом, исследование цветообозначения *коба* ‘светло-желтый, светло-бурый, палевый’ в башкирском языке в сравнительно-историческом и лексико-семантическом аспектах позволяет сделать определенные выводы.

Пратюркская форма данного цветообозначения восстанавливается как **Kuba / *Koba* ‘желтоватый, сероватый’. В тюркских языках встречается также «стяженная» форма слова *qiw* ‘желтый (о траве), сухой’, значения которой в основном совпадают со значениями *quba* ‘цвет между красным и желтым’. Полные и «стяженные» формы слова встречаются во всех подгруппах тюркских языков, кроме болгарской. Лексема *quba* зафиксирована в древне-, средне-, новотюркских источниках и обозначает преимущественно масть лошади.

Праалтайская форма реконструируется как **kǝjbu* ‘бледный’, ее рефлексy встречаются также в монгольских (в значении ‘бледный, засохший’), тунгусо-маньчжурских (‘бледный’) и японском (‘желтый’) языках. В монгольских языках имеются также «стяженные» формы слова, которые считаются тюркским заимствованием и употребляются для обозначения светло-коричневого цвета и масти лошади.

Слово *коба* ‘светло-желтый, светло-бурый, палевый’ в башкирском языке главным образом обозначает масть коровы, реже – масть лошади, цвет и окраску других животных и птиц. Имеются такие переносные значения слова *коба*, как ‘бледный, серый (о лице)’, ‘высохший, сухой’, ‘голый, лишенный растительности’, ‘сыромятный, недубленный (о коже)’. Эти значения главным образом имеют общетюркский характер.

В целом название масти животных *коба* ‘светло-желтый, светло-бурый, палевый’ в башкирском языке имеет пратюркскую и праалтайскую основы, в формировании и развитии его семантики преобладают общетюркские особенности.

Сал ‘седой, светло-серый; чалый’

1. Лошади седой, чалой масти характеризуются наличием сильной примеси белых волос на фоне другого окраса лошади, при этом блеклыми, седыми бывают хвост и грива, а голова и нижняя часть ног лошади имеют меньше всего белых волос и сохраняют цвет ее основной масти.

2. Данная масть лошади в башкирском языке обозначается лексемой *сал*

‘седой, светло-серый; чалый’. В других тюркских языках эта лексема встречается в разных фонетических вариантах: каз., ног., ккалп. *шал*, тат., кум., кбалк., караим., кирг., туркм., алт., телеут., куманд., хак. *чал*, аз., тур. *çal*, узб. *чол*, як. *саалыр* [PKC 1960: 918, НРС 1963: 402, КРТС 1968: 420, КРС 1995: 112, ТРС 1995: 97, EDAL 2003: 441–442, АРС 2006а: 505].

Как видим, данное слово встречается во всех подгруппах тюркских языков, кроме болгарской, что позволяет предположить его общетюркский характер. Во всех языках оно главным образом обозначает серую, сивую, чалую масти лошади и некоторых других животных, указывая на седину волос на их теле.

Слово *çal* зафиксировано в письменных источниках тюрков в тех же значениях. Первая фиксация слова наблюдается в древнетюркских памятниках: крх.-уйг. *çal* [ДТС 1969: 137]. Далее оно встречается в среднетюркских источниках: ср.-кыпч. *çal* [Курышжанов 1970: 217].

3. Пратюркская форма этого цветообозначения восстановлена как **čĀl* ‘серый, седой’. Данное слово было впоследствии заимствовано монгольскими языками: калм. *цал*, халх.-монг. *цал буурал* ‘седой, чалый’ [EDAL 2003: 441–442].

ПТю. **čĀl* ‘серый, седой’ восходит к праалтайской форме **č'jōli* ‘серый, светлый’, рефлексy которой встречаются также в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках: калм. *cel*, *čilgr* ‘ясный, безоблачный’, орд. *čilbaŋ* ‘альбинос’, *čil* ‘ясный, безоблачный’, бур. *šalgar* ‘ясный, безоблачный’ (< ПМо. **čil-* / **čel* ‘альбинос; ясный, безоблачный’); эвенк. *čolko* ‘серый, седой’ (< ПТМ **čolka* ‘седой’) [EDAL 2003: 441–442].

Тюркское *чал* ‘серый, седой’ вошло в русский язык и употребляется по отношению к чалой масти лошади.

4. В тюркских языках седая масть лошади может обозначаться также рефлексами следующих пратюркских лексем: **Āk* ‘белый’, **boŋ* ‘серый’, **buv(u)rulə* / **buŋrulə* ‘седой, чалый’.

5. Семантика названия масти лошади *сал* ‘седой, светло-серый; чалый’ в башкирском языке:

5.1. Одно из основных цветовых значений слова *сал* – обозначение седой, светло-серой, чалой масти лошади. В зависимости от интенсивности других цветовых оттенков существуют следующие оттенки данной масти: *һары сал* ‘рыже-чалая’, *кара сал* ‘вороно-чалая’, *туры сал* ‘гнедо-чалая’ [Надергулов 2000: 60].

В древних и современных тюркских языках слово употребляется по отношению к масти лошади, а также других животных. Ср. в источниках: крх.-уйг. *сал қој* ‘серо-белая овца’ («Дивану лугат ат-турк») [ДТС 1969: 137]; в других тюркских языках: ног. *шал ат* ‘серая лошадь’, кум. *чал тјос* ‘сивый (о масти)’, туркм. *чал* ‘сивый’, аз. *сал ауғір* ‘чалый жеребец’ [РКС 1960: 918, НРС 1963: 402, КРТС 1968: 420, АРС 2006а: 505].

Данное значение слова встречается в древнетюркских источниках и кыпчакской, огузской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.2. Слово *сал* в башкирском языке употребляется также в значениях ‘седой’, ‘седина’: *сал сәсле* ‘седоволосый’, *сал бөркөт* ‘седой орел’, *сал төшөү* ‘поседеть’. Здесь основной смысловый акцент слова заключается в обозначении не цвета как такового, а, наоборот, в указании на цвет волос как результат потери цветового пигмента.

Ср. в источниках: крх.-уйг. *салбаş* ‘седая голова’ [Малов 1951: 375], в других тюркских языках: ног. *шал* ‘седой; седина’, ккалп. *шал* ‘седой’, аз. *сал саqqal* ‘седая борода’, уйг. *чал* ‘седина, седой’ [КРС 1958: 722, НРС 1963: 402, УРС 1968: 386, УРС 1989: 219, АРС 2006а: 505].

Данное значение слова встречается в древнетюркских источниках и кыпчакской, огузской, карлукской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.3. Отмечается и цветное значение слова *сал* – ‘светло-серый, белесый, седой’: *сал кылган* ‘седой ковыль’.

Ср. в других тюркских языках: туркм. *чал топрак* ‘серозем’ [КРТС 1968:

419, ТРС 1968: 719].

5.4. Древний. В башкирском языке отмечается метафорический перенос ‘светло-серый, белесый, седой’ → ‘древний’: *сал Урал* ‘поэт. седой, древний Урал’, *сал дала* ‘древняя степь’ [БТн 1993б: 163, БРС 1996: 526].

6. В некоторых тюркских языках данная лексема также встречается в значениях ‘пожилой мужчина’, ‘старик’, например: ккалп. *шал* ‘старик’, каз. *шал* ‘старец; старик’, узб. *чол* ‘старик’, уйг. *чал* ‘старик’ [КРС 1958: 722, УРС 1968: 386, УРС 1989: 219, Бектаев 1995: 475].

7. Таким образом, исследование цветообозначения *сал* ‘седой, светло-серый; чалый’ в башкирском языке в сравнительно-историческом и лексико-семантическом аспектах позволяет сделать определенные выводы.

Пратюркская форма данного цветообозначения восстанавливается как **čĀl* ‘серый, седой’, ее рефлексy встречаются во всех подгруппах тюркских языков, кроме болгарской и обозначают главным образом серую, сивую, чалую масти животных и седину волос. Слово встречается в древне-, средне-, новотюркских источниках в тех же значениях.

Праалтайская форма реконструируется как **č’jōli* ‘серый, светлый’, ее рефлексy сохранились в монгольских (в значениях ‘альбинос; ясный, безоблачный’) и тунгусо-маньчжурских (‘седой’) языках. Вместе с тем встречающиеся в монгольских языках формы *цал / цал буурал* ‘седой, чалый’ (в калм., халх.-монг.) являются тюркскими заимствованиями.

Слово *сал* в башкирском языке функционирует в значениях ‘седой /седина’, ‘чалый (о масти лошади)’, ‘светло-серый, белесый, седой’, ‘древний’. Аналогичные значения имеет слово и в тюркских языках кыпчакской, огузской, карлукской подгрупп.

В целом название масти лошади *сал* ‘седой, светло-серый; чалый’ в башкирском языке имеет пратюркскую и праалтайскую основы, в формировании и развитии его семантики преобладают общетюркские особенности.

Тарғыл ‘полосатый’

1. Полосатая масть лошади характеризуется наличием тигровых или зебровых полос, при этом фоновый цвет и окраска могут быть различными.

2. Данная масть лошади в башкирском языке обозначается лексемой *тарғыл* или ее метатизированной формой *талғыр* [Надергулов 2000: 61]. В других тюркских языках эта лексема встречается в разных фонетических вариантах: каз., ккалп. *тарғыл*, тат., ног., кирг. *тарғыл*, кбалк. *талғыр*, уйг. *таргил* [КРС 1958: 623–624, НРС 1963: 336, УРС 1968: 273, КРС 1969: 302, КРС 1985б: 208, КБРС 1989: 599, Бектаев 1995: 436, ТРС 2007б: 318].

В вышеперечисленных языках эта лексема употребляется главным образом для обозначения полосатого, тигрового, пестрого окраса животных.

Слово *taryil* зафиксировано в письменных источниках тюрков и употребляется в них для обозначения масти животных. Первая его фиксация наблюдается в древнетюркских памятниках: крх.-уйг. *taryil* [ДТС 1969: 537]. Далее оно встречается в новотюркских источниках: *taryil* [Радлов 1905а: 854].

Итак, слово употребляется в древнетюркских источниках и кыпчакской, киргизско-кыпчакской, карлукской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

3. Тюркское *taryil* образовано от ПТю. **d(i)ār* ‘узкий’ [EDAL 2003: 1372] с помощью аффикса *-yil* (как и названия *qizil* ‘красный’, *jäšel* ‘зеленый’, которые были образованы с помощью аффиксов *-il / el*). Следовательно, слово *taryil* является производным на общетюркском уровне, но в современных тюркских языках название уже воспринимается как однословное простое слово, о чем свидетельствует имеющаяся в них производная со значением неполной степени проявления признака: ккалп. *тарғылт* ‘пестроватый’ (где *-m* – аффикс неполной степени проявления признака) [КРС 1958: 623–624].

В словаре М. Кашгари приводится словосочетание *taryil jilqi* ‘животное с белыми и черными полосами на спине, похожими на рябь’. Как отмечает М. Кашгари, «это прилагательное можно использовать при описании любого

животного, кроме лошади» («Дивану лугат ат-турк», XI в.) [Кашгари 2005: 446]. В.В. Радлов также приводит название *taryil* как ‘масть коровы (красная с черными пятнами)’ [Радлов 1905а: 854].

Предполагается, что слово изначально обозначало полосатую или тигровую масть крупного рогатого скота, затем оно в некоторых языках (например, в башк., уйг.) расширило семантику и стало употребляться для описания и масти лошади.

4. Полосатая или тигровая масть животных в тюркских языках может обозначаться и другими словами (например, рефлексами ПТю. **ala*; производными названиями, образованными от слов с семантикой ‘полоса’: башк. *һызыклы, юлаклы*).

5. Семантика цветообозначения *таргыл / талгыр* ‘полосатый’ в башкирском языке:

5.1. Полосатый, тигровый (о масти лошади): *таргыл йылкы* ‘полосатый конь’.

Ср. в других тюркских языках: уйг. *таргил ат* ‘лошадь тигровой масти’, *қара таргил* ‘лошадь темно-тигровой масти [УРС 1968: 273].

Данное значение слова встречается в кыпчакской и карлукской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.2. Полосатый, тигровый (о масти крупного рогатого скота): башк. *таргыл һыйыр* ‘полосатая корова’ [АСБЯ 2016: 106, 162].

Ср. в источниках: крх.-уйг. *taryil jilqi* ‘животное с белыми и черными полосами на спине, похожими на рябь’ [Кашгари 2005: 446]; в других тюркских языках: каз. *таргыл сиыр* ‘пестрая корова’, ккалп. *таргыл* ‘пестрый, красный с черными пятнами (о масти коровы, быка)’, ног. *таргыл* ‘тигровая масть (рогатого скота)’, кум. *талгыр* ‘полосатый (о животных)’, кирг. *таргыл* ‘красный с черными полосами; полосатый (о масти коровы, быка)’, тат. *таргыл* ‘красный с черными полосами; красно-черный, темно-красный; темно-рыжий’, *сыер алсаң танып ал, танымасаң таргылын ал* ‘посл. покупай корову со знанием дела, а если

не знаешь – покупай темно-рыжую’ [КРС 1958: 623–624, НРС 1963: 336, КРС 1969: 302, КРС 1985б: 208, ТРС 2007б: 318].

Данное значение слова встречается в древнетюркских источниках, в кыпчакской и киргизско-кыпчакской подгруппах тюркских языков, что позволяет предположить его общетюркский характер.

5.3. Полосатый (о цвете и окрасе других животных, а также растений и горных пород): *талгыр йылан* ‘полосатая змея’, *талгыр йыуа* ‘лук шаровидный, букв. полосатый дикий лук’, *талгыр таиш* ‘полосатый камень’ [АСБЯ 2016: 106, 162].

Ср. в других тюркских языках: каз. *таргыл мысық* ‘полосатая кошка’, *таргыл тас* ‘пестрый камень’, *таргыл жайын* ‘крапчатый сом’, кбалк. *талгыр джылан* ‘полосатая змея’, кирг. *таргыл* ‘красный с черными полосами; полосатый (о звере кошачьей породы)’, *чачы таргыл ала кылып таиштаптыр* ‘он ему окорнал волосы (где сбрил, где недобрил, где оставил)’, тат. *таргыл кош* ‘разновидность ловчего сокола, букв. полосатая птица’, *таргыл таиш* ‘гранит, букв. полосатый камень’ [КРС 1985б: 208, КБРС 1989: 599, Бектаев 1995: 436, ТРС 2007б: 318].

6. В некоторых тюркских языках отмечены и другие значения данного названия цвета, например: ‘рыжий’, ‘бурый’, ‘каурый’, ‘рябой’, ‘лысый’, ‘разноцветный’ (кбалк. *талгыр* рыжий, каурый (о масти), *талгыр кишитик* ‘рыжая кошка’, *талгыр айю* ‘бурый медведь’, каз. *таргыл бет адам* ‘человек с рябым лицом’, уйг. *таргил баиш* ‘лысый, букв. пестрая голова’, *таргил алма* ‘букв. разноцветное яблоко (летний и зимний сорта крупных яблок)’) [УРС 1968: 273, КБРС 1989: 599].

7. Таким образом, исследование цветообозначения *таргыл* ‘полосатый’ в сравнительно-историческом и лексико-семантическом планах позволяет сделать определенные выводы.

Предполагается, что *таргыл* ‘полосатый’ восходит к ПТю. **d(i)āryil* (<**d(i)ār* ‘узкий’+ *yil*). Слово встречается в кыпчакских, киргизско-кыпчакских,

карлукских подгруппах тюркских языков и обозначает главным образом масть животных. Оно зафиксировано в письменных источниках тюрков (древне-, новотюркских) в том же значении.

В башкирском языке слово *тарғыл* 'полосатый' употребляется для обозначения масти животных, в том числе и лошади, а также окраски птиц, цвета растений и горных пород. В других тюркских языках наблюдаются эти же значения слова.

В целом цветообозначение *тарғыл* 'полосатый' в башкирском языке имеет пратюркскую основу, в формировании и развитии его семантики преобладают общетюркские особенности.

2.2. Заимствованные цветообозначения в башкирском языке

2.2.1. Монгольские заимствования

Ученые насчитывают в лексике тюркских и монгольских языков до 25 % общих элементов [Котвич 1962: 351]. Одной из проблем монголистики и тюркологии является разграничение общего наследия, древних и более поздних заимствований. Другими словами, при изучении лексических параллелей, встречающихся в двух языковых семьях, необходимо иметь в виду, что они могут либо восходить к общим алтайским корням, либо являться древними (на пратюркском, прамонгольском уровне) или более поздними заимствованиями.

Лексические элементы общего наследия в тюркских и монгольских языках связываются с алтайской гипотезой. Гипотеза о характере родства алтайских языков была выдвинута в XVIII в. Ф.И. Страленбергом, который представил первую классификацию уральских (угро-финских и самодийских) и алтайских (тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских) языков [Баскаков 1981: 29].

Позже урало-алтайская теория в различных ее вариантах получила признание у многих исследователей уральских и алтайских языков, которые рассматривают фонетические и лексические соответствия в разных языках как

наследие от одного языка-основы [Поппе 1940, Рамстедт 1957, Поливанов 1968, 1991, Владимирцов 2005].

В.М. Иллич-Свитыч отмечал весьма отдаленное родство трех алтайских групп языков – тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской [Иллич-Свитыч 1971]. В.И. Цинциус впервые высказала мысль о возможности реконструкции лексики алтайских языков по лексико-семантическим группам [Цинциус 1979].

Одной из самых трудных проблем является разграничение общего наследия и древних заимствований. В связи с этим А. Рона-Таш приводит несколько аргументов, среди которых наиболее важными являются следующие:

– этимологический аргумент (если слово встречается в языках А и Б в регулярно соответствующих формах, но в языке А для него нет этимологии, тогда как его основа может быть найдена в языке Б, то это, скорее всего, заимствование в языке А из языка Б);

– семантико-исторический аргумент (если слово встречается в языках А и Б в регулярно соответствующих формах, но имеет только одно конкретное или специализированное значение в языке А и в то же время гораздо более широкий круг значений в языке Б, то, вероятнее всего, что язык А заимствовал его из языка Б, хотя и, возможно, вторичное ограничение значения могло произойти на почве языка А);

– аргумент основного словарного фонда (чем больше соответствий может быть найдено в основном словарном фонде языков А и Б, тем больше возможность их генетического родства);

– культурно-исторический аргумент (если данный комплекс терминов культуры, экономики и социальной истории совпадает в языках А и Б и если этот комплекс начал существовать позже, то можно предположить, что рассматриваемая терминология была заимствована или в языке А, или в языке Б, или же в обоих этих языках) [Рона-Таш 1974].

А.В. Дыбо, подчеркивая сложность изучения пратюркско-монгольских заимствований, отмечает, что алтайская этимология еще не настолько

разработана, чтобы отделять такие заимствования от слов, представляющих собой алтайские этимологические параллели. К пратюркским заимствованиям в прамонгольский язык – из лексики, которая не допускает интерпретации как заимствованная из древнетюркского в старомонгольский или среднемонгольский – могут относиться лишь те случаи, когда рассматриваемое прамонгольское слово содержит характерный тюркский морфологический / словообразовательный признак (доказать наличие таковых при, мягко говоря, неполном описании монгольской исторической морфонологии и словообразования нелегко) или для пратюркского слова имеется альтернативное монгольское сближение, для которого гипотеза о заимствовании менее вероятна из-за сильных поверхностных фонетических различий. Прамонгольские заимствования в пратюркский должны удовлетворять тем же критериям [Дыбо 2007: 181–182].

А.В. Дыбо впервые разработала методику семантической реконструкции наименований частей тела (плечевой пояс), одним из ценных достижений которой являются номинационные решетки по материалам тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков с опорой на ностратическую теорию. Суть ее исследования состоит в том, что реконструкция лексики праязыка должна включать реконструкцию первоначальных значений слов и объяснение изменений этих значений [Дыбо 1996].

В.И. Рассадин предлагает рассматривать монгольские заимствования в различных тюркских языках как результат древнейших и разнообразных контактов алтайских народов [Рассадин 1980].

Проблемы лексических взаимоотношений башкирского и монгольского языков освещаются в исследованиях башкирских языковедов [Киекбаев 1972, 1996, Ишбердин 1986а, Максютлова 1996, Вахитова 2009]. В указанных работах объектом описания была вся совпадающая лексика двух языков.

Дж. Г. Киекбаев включил в разряд исконно башкирской лексики слова, общие для башкирского, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков,

исследовал их на фоне семантико-структурных изменений в словарном составе башкирского языка [Киекбаев 1972, 1996].

Заимствованный пласт лексики также требует пристального внимания. Кроме общих для всех тюркских языков монголизмов, в тех или иных языках имеются более поздние заимствования. Анализ общих лексических единиц в башкирском и монгольском языках позволил Э.Ф. Ишбердину выделить несколько критериев, способствующих выявлению заимствований. Одним из важных критериев выделения поздних заимствований является определение степени распространения общих лексических единиц в башкирских говорах, в современных тюркских языках, а также в древних письменных памятниках. Для определения степени ареальной распространенности монголизмов Э.Ф. Ишбердин выбрал лингвогеографический метод. Нанесение на карты некоторых слов, общих для башкирского и монгольского языков, позволило сделать вывод о том, что эти поздние монгольские заимствования в башкирских говорах характерны в основном для южных и восточных зон территории, заселенной башкирами [Ишбердин 1986а: 32].

Исследователем отмечаются взаимодействие и взаимовлияние тюркских и монгольских народов: «Предварительное сравнение общих для тюркских и монгольских языков лексических единиц показывает, что из тюркских языков башкирский, татарский, казахский, киргизский, каракалпакский и в своеобразной форме чувашский стоят обособленно по степени усвоения монгольских слов. Кроме общих для всех тюркских языков монголизмов, в указанных языках имеются явные заимствования, видимо, более поздние, из монгольского и калмыцкого языков. Это могло быть результатом влияния монгольского языка в период монголо-татарского нашествия в XIII–XIV вв.» [Ишбердин 1986а: 33].

Необходимо отметить, что среди цветообозначений существуют также много общих для тюркских и монгольских языков слов: одни из них являются родственными на генетическом уровне названиями, другие – заимствованиями из

МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ В ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ ИЛИ ЗАИМСТВОВАНИЯМИ ИЗ ТЮРКСКИХ В МОНГОЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ.

К родственным словам на генетическом уровне можно отнести следующие цветообозначения, встречающиеся в тюркских и монгольских языках в близких значениях и восходящие к алтайским праформам:

- ПА **kàru* ‘черный’: ПТю. **Kara* ‘черный’ / ПМо. **kara* ‘черный’;
- ПА **sīājri* ‘белый, желтый’: ПТю. **siāriḡ* ‘желтый, белый’ / ПМо. **sira* ‘желтый’;
- ПА **kōk'e* ‘синий, зеленый’: ПТю. **gōk* ‘синий, зеленый (макросиний)’ / ПМо. **kōke* ‘синий, зеленый’;
- ПА **kōḡa* ‘коричневый, черный’: ПТю. **Koḡur* ‘бурый’ / ПМо. **koḡ-* ‘светло-коричневый’;
- ПА **ālv* ‘пестрый’: ПТю. **āla* ‘пестрый’ / ПМо. **ala-g* ‘пестрый’;
- ПА **boṛV* ‘серый’: ПТю. **boṛ* ‘серый’ / ПМо. **boro* ‘серый’;
- ПА **šop'é* ‘веснушки, пятна’: ПТю. **šopur*, **šap-* ‘пестрый, рябой’, ‘непородистый, неряшливый’, ‘высыпать (о сыпи, чирьях)’ / ПМо. **šob*, **šow-kur* ‘пятнышко, веснушка; пятнистый, пестрый’.

Эти цветообозначения нами были рассмотрены в предыдущих разделах (см. раздел 2.1).

К тюркским заимствованиям в монгольских языках относятся следующие цветообозначения:

- ПТю. **jēgre-n* ‘рыжий (о масти лошади); олень, джейран, антилопа’ / монг.: халх.-монг. *зээрд*, бур. *зээрдэ*, калм. *зеерд*, даг. *джэрдэ* ‘рыжий (о лошади)’ / халх.-монг. *зээрэн*, бур. *зээрэн*, калм. *зеерн*, даг. *джэрэн* ‘антилопа, серна, джейран’;
- ПТю. **Kula* ‘желтый, саврасый’ / монг.: халх.-монг., калм. *хул* ‘саврасый’, бур. *хула* ‘саврасый’;
- ПТю. **šAl* ‘серый, седой’ / монг.: калм. *цал*, халх.-монг. *цал буурал* ‘седой, чалый’;

– ПТю. **Kuba* / **Koba* ‘желтоватый, сероватый’ / монг.: халх.-монг., бур. *ухаа*, *хуа*, *хуаа* ‘каурый (о масти лошади); светло-коричневый (о цвете)’; калм. *хо*, *хоо* ‘светло-желтый, соловый (о масти лошади); коричнево-желтый (о цвете)’;

– ПТю. **Āl* ‘красный, алый’ / монг.: калм. *al* ‘уст. светло-красный’, халх.-монг. *ал* ‘красный’;

– ПТю. **čakir* ‘светло-серый, серовато-голубой’ / монг.: халх.-монг. *цэхэр*, бур. *сэхир* ‘светло-серый’; бур. *сахир*, калм. *цэкр* ‘белесый, бледный’.

Относительно заимствований из монгольских языков в тюркские А.М. Щербак отмечает, что «речь должна идти главным образом об относительно поздних заимствованиях (после XIII в.) из монгольских языков в тюркские» [Щербак 2005: 29].

В тюркских языках монгольские заимствования распространены неравномерно: самое большое количество монголизмов выявлено в сибирских тюркских языках (якутский, тувинский, алтайский, хакасский, шорский); далее – в кыпчакских языках арало-каспийского ареала (киргизский, казахский, каракалпакский, ногайский); в кыпчакских языках Урало-Поволжья (башкирский, татарский) их меньше, чем в первых двух группах [Рассадин 1980: 77, Малышева 2024: 334–335].

В башкирском языке следующие цветообозначения являются монголизмами: *көрән* ‘коричневый’, *саптар* ‘игреневый’, *бурыл* ‘чалый, серый’, *бүртә* ‘караковый’, *кир* ‘мухортый’, *тарлан* ‘(серый, сивый) с примесями другого цвета’. Далее остановимся на каждом из них более подробно.

Көрән ‘коричневый’

1. Коричневый цвет является неспектральным цветом, который не входит в палитру основных цветов. Он получается при смешивании зеленого и красного красителей или пигментов, а также оранжевого с серым или синим, желтого и пурпурного. В естественной среде коричневый цвет образуется в процессе загустевания желтых жидкостей, например желчи. Этот распространенный цвет

является цветом почвы, шерсти животных, волос, хорошо заваренного чая, шоколада, коры деревьев, опавших листьев, глины.

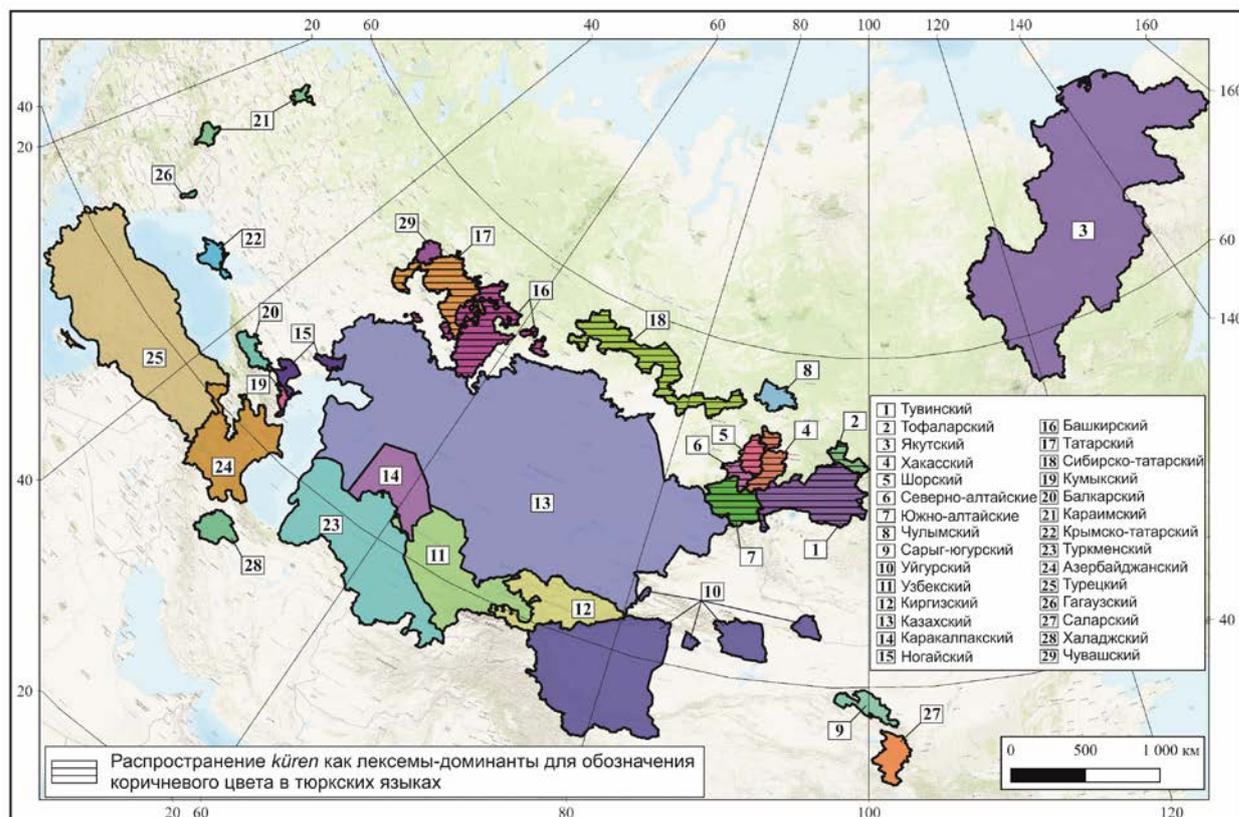
2. Коричневый цвет в литературном башкирском языке представлен лексемой *көрән*. В некоторых диалектах может встречаться лексема *һор* (см. раздел о цветообозначении *һоро* ‘серый’).

В других тюркских языках и их диалектах лексема *көрән* наблюдается в следующих фонетических вариантах: тат., сиб.-тат. *көрән*, ног. *куьрен*, аз. *kürän*, каз. *күрең*, алт., туб., куманд. *күрен*, телеут. *күрүң*, хак., шор. *күрең*, уйг. *күрән*, кирг. *күрөң*, кум. *гюрен*, ккалп. *гүрең*, тур. диал. *küren*, туркм. диал. *күрөң*, узб. диал. *күрән*, тув. *хүрең*, тоф. *һүрең*, як. *күрэн* / *күрүн*, чув. *кёре*, *кёрен* (тат. заимств.) [Ашмарин 1934: 280, КРС 1958: 146, НРС 1963: 194, ТувРС 1968: 498, УРС 1968: 661, КРС 1969: 110, КРС 1985а: 470, ЧРС 1985: 171, ЯРС 1972: 201, ШРС 1993: 30, 99, Бектаев 1995: 259, КРС 1995: 34, ТРС 1995: 50, ЭСТЯ 1997: 147, Рассадин 2005: 197, АРС 2006б: 828, ХРС 2006: 218, ТРС 2007а: 635, АРС 2015: 82, РТС 2019: 109, СТРС 2019: 151].

Во всех языках слово обозначает масть лошади (бурую, карюю, гнедую, рыжую, саврасую)’.

В башк., тат., сиб.-тат., алт., телеут., туб., куманд., тув., тоф., шор., хак. языках данное слово также является основной лексемой для обозначения коричневого цвета (*карта 9*):

Карта 9. Распространение *küren* как лексемы-доминанты для обозначения коричневого цвета в тюркских языках

Как видим, распространение монгольского заимствования *küren* как лексемы-доминанты для коричневого цвета в тюркских языках носит ареальный характер – оно наблюдается в языках Урало-Поволжья (в кыпчакских), Западной и Южной Сибири.

Слово зафиксировано в новотюркских источниках в значении масти лошади: *kürän / kürän* [Будагов 1871: 120, Радлов 1899б: 1450, 1451].

3. Сведения о происхождении слова *küren* представлены в этимологических исследованиях по тюркским и монгольским языкам [Ramstedt 1935: 195, Егоров 1964: 107, VEWT 1969: 310, Федотов 1996б: 278–279, ЭСТЯ 1997: 147, Ахметьянов 2015а: 452–453, ЭСМЯ 2016: 150], в большинстве из которых предполагается, что слово заимствовано в тюркские языки из разных монгольских источников.

Монгольские формы данного слова восходят к ПМо. **küre-* (**küri*)

‘коричневый, бурый’ (халх.-монг. *xüren*, калм. *kürŋ*, бур. *xürin*) [EDAL 2003: 828]. Праалтайская форма цветообозначения восстанавливается как **k'jürü* ‘красный; коричневый, темный’, семантика ее в других языках алтайской семьи получила следующее развитие: в тюркских – ‘красный’ (башк. *кызыл*, чув. *хёрлэ* и т. д. < ПТю. **Kür-il*), тунгусо-маньчжурских – ‘серый’ (эвенк. *uri-m* < ПТМ **xuri-*), корейском – ‘медь’ (кор. *kuri* < ПКор. **kürí*), японском – ‘темный’ (яп. *kúra-* < ПЯп. **kúra-*) [EDAL 2003: 828–829]. Как видим, ПМо. **küre-* (**küri*) ‘коричневый, бурый’ и ПТю. **Kür-il* восходят к общей праалтайской форме **k'jürü* ‘красный; коричневый, темный’.

4. В ряде тюркских языков (каз., ккалп., кум., кирг., туркм., як., чув.) основная лексема для коричневого цвета – **Koŋur*, в них *küren* употребляется лишь для обозначения масти лошади (см. раздел о цветообозначении *куңыр* ‘бурый, темно-коричневый’).

В остальных тюркских языках – в карлукских, огузских и некоторых кыпчакских языках Кавказа, находящихся по краям ареала (см. карты 6 и 9) распространения тюркских языков, обе лексеммы не являются основными для обозначения коричневого цвета. В этом ареале коричневый цвет представлен другими лексемами, например: ног. *моры* (< возможно, инд.-евр.), аз. *darçını* ‘букв. цвета корицы’, тур. *kahverengi* ‘букв. цвета кофе’, узб. *жигар ранг* ‘темно-коричневый, букв. цвета печени’, уйг. *бегирәң* ‘букв. цвета печени’ [PHS 1956: 265, УРС 1961: 35, НРС 1963: 226, УРС 1989: 68, АРС 2006а: 680, БРТС 2009: 186].

5. Семантика цветообозначения *көрән* ‘коричневый’ в башкирском языке:

5.1. Коричневый и его оттенки. В башкирском языке слово *көрән* является лексемой-доминантой для обозначения коричневого цвета и его оттенков. Она, как правило, используется в сочетании с названиями артефактов – предметов одежды, быта, а также является основной лексемой для описания масти лошади, окраски насекомых, цвета растений, предметов неживой природы: *көрән яулык* ‘коричневый платок’, *көрән күлдәк* ‘коричневое платье’, *көрән күбәләк*

‘коричневая бабочка’, *kөрән кырмаҗыска* ‘коричневый муравей’.

Аналогичное значение *küren* имеет в следующих тюркских языках: алт. *күрен камзал* ‘коричневый камзол’, хак. *күрең кип* ‘коричневое пальто’, тув. *хүрең өң* ‘коричневый цвет’ [ТувРС 1968: 498, ХРС 2006: 218]

Таким образом, данное значение имеется в кыпчакских (в кыпчакской, киргизско-кыпчакской подгруппах) и сибирских (в уйгуро-огузской подгруппе) тюркских языках. Его распространение в тюркских языках, как упоминалось выше, носит ареальный характер – оно наблюдается в языках Урало-Поволжья (в кыпчакских), Западной и Южной Сибири.

5.2. Бурый, карий, игрневый (о масти лошади и других животных). В башкирском языке *kөрән* является основным термином для обозначения бурой масти лошади, а также шерсти медведя: *kөрән бейә* ‘бурая кобыла’, *kөрән айгыр* ‘бурый жеребец’, *kөрән айыу* ‘бурый медведь’

В словаре башкирского языка В.В. Катаринского слово *kөрән* представлено в значении ‘бурый (о лошади)’ [Катаринский 1899: 148]. Это свидетельствует о том, что лексема *kөрән*, возможно, в то время еще не употреблялась для обозначения цвета артефактов.

В других тюркских языках *küren* – также основная лексема для выражения бурой масти лошади, шерсти медведя: каз. *күрең ат* ‘бурая лошадь’, хак. *күрең чорга* ‘бурый иноходец’, як. *күрэн* ‘бурый (о масти скота)’, *күрүн* ‘бурый, рыжий, темно-красный (о масти животного)’, хак. *күрең аба* ‘бурый медведь’, тув. *хүрең адыг* ‘бурый медведь’, чув. *кёрен лаша* ‘бурая лошадь’ (*кёрен* – тат. заимств.) [Ашмарин 1934: 280, ТувРС 1968: 498, ЯРС 1972: 201, ХРС 2006: 218]. Ср. в источниках: новотюрк. *kürän / küräñ* ‘бурый (масть лошади)’ [Радлов 1899б: 1450, 1451].

В каракалпакском языке слово обозначает темно-рыжую масть лошади (*гүрең* ‘темно-рыжий’) [КРС 1958: 146], в азербайджанском – рыжую (*kürän at* ‘рыжая лошадь’) [АРС 2006б: 828]. Исследования показывают, что практически во всех языках бурая (либо в некоторых языках – рыжая) масть лошади

обозначается лексемой *küren*, а не **Коңур*. Об этом писал еще И. Лауде-Циртаутас, отмечая, что *küren* употребляется в тюркских языках главным образом для обозначения масти лошади и передает оттенки коричневого, переходящие в красноватый [Laude-Cirtautas 1961: 102].

Таким образом, в значении масти лошади *küren* употребляется во всех языках, в которых есть данная лексема.

5.3. Карий (о цвете глаз). Для обозначения карего цвета глаз слово *көрән*, скорее всего, начало употребляться сравнительно позже (основная лексема для карего цвета глаз – *куңыр*): *көрән күзле* ‘кареглазый’. Судя по материалам электронных корпусов башкирского языка, *көрән* в сочетании со словом *күз* ‘глаз, глаза’ встречается в более поздних произведениях.

Из всех словарей только в словаре хакасского языка зафиксировано значение ‘карий’ слова *күрең* [ХРС 2006: 218]. В других тюркских языках для обозначения карего цвета глаз отмечены другие лексемы: каз. *қой* ‘букв. овечьи’, *қой* ‘букв. овечьи’, тур. *kahverengi* ‘букв. цвета кофе’, туркм. *гоюнғөз* ‘букв. овечьи глаза’, узб. *қўйкўз* ‘кареглазый, букв. овечьи глаза’, уйг. *қой көз* ‘букв. овечьи глаза’ (ср. башк. *куй күз* ‘большие карие глаза’) [РНС 1956: 244, УРС 1961: 246, РКС 1967: 329, КРТС 1968: 183, РЯС 1968: 221, ТРС 1977: 497, РУС 1983: 23, Бектаев 1995: 288].

5.4. Бурый (об угле): *көрән күмер* ‘бурый уголь’.

Ср. в других тюркских языках: кирг. *күрөң көмүр*, тув. *хүрең хөмүр*, хак. *күрең көмір* [РХС 1961: 75, ТувРС 1968: 498, КРС 1985а: 470].

В тех или иных тюркских языках бурый уголь обозначен также рефлексами **Коңур*: ккалп. *қоңыр тас көмир* ‘бурый уголь’, каз. *қоңыр көмір* ‘бурый уголь’ [РКС 1967: 69].

5.5. Фиолетовый, бордовый. Эти значения встречаются в демск., арг., миас., сред. говорах, а также в сев.-зап. диалекте башкирского языка: *көрән мәтрүшкә* ‘фиолетовая душица’, *көрән күксин* ‘фиолетовая сирень’.

6. В некоторых тюркских языках отмечены и другие значения данного

названия цвета, например: смуглый (каз. *күрең*, хак. *күрең*, тув. *кара-хүрең* ‘букв. темно-коричневый’, кирг. *кара күрөң* ‘букв. темно-коричневый’, чув. *кёре чын* ‘смуглый человек’), золотой (алт. *күрен күс* ‘золотая осень’), рыжий (аз. *kürän saçlar* ‘рыжие волосы’), розовый (чув. *кёрен пурсан* ‘розовый шелк’), бурый (о масти коровы) (хак. *күрең инек* ‘бурая корова’) [РТС 1980: 543, КРС 1985а: 470, РЧС 2002: 390, АРС 2006б: 828, ХРС 2006: 217–218, АРС 2015: 82].

7. Таким образом, исследование происхождения и лексической семантики цветообозначения *көрән* ‘коричневый’ в башкирском языке позволяет сделать определенные выводы.

Данное слово является монголизмом, который восходит к древним формам (ПМо. **küre-* (**küri*) ‘коричневый, бурый’ < ПА **k'jūru* ‘красный; коричневый, темный’). Рефлексы **k'jūru* сохранились во всех группах алтайских языков в значениях ‘красный’ (в тюрк.), ‘коричневый’ (в монг.), ‘серый’ (в тунг.-маньчж.), ‘медь’ (в кор.), ‘темный’ (в яп.).

Лексема *küren* встречается во всех подгруппах тюркских языков для обозначения масти лошади. Она также зафиксирована в новотюркских источниках.

В башкирском языке *көрән* имеет такие значения, как коричневый; карий (о цвете глаз); каштановый (о масти лошади и других животных); бурый; фиолетовый.

В тюркских языках Урало-Поволжья (в кыпчакских), Западной и Южной Сибири слово употребляется как основная лексема для коричневого цвета, что говорит об ареальном характере данного значения.

В целом цветообозначение *көрән* ‘коричневый’ в башкирском языке является монгольским заимствованием, которое также встречается в других тюркских языках главным образом для обозначения масти лошади и коричневого цвета.

Саптар ‘игрневый’

1. Игрневая масть лошади характеризуется рыжим окрасом туловища и светлыми (белыми) гривой и хвостом.

2. В башкирском языке игрневая масть лошади обозначается лексемой *саптар*. Эта же лексема в разных фонетических вариантах зафиксирована в других тюркских языках: каз., ккалп. *шабдар*, тат. *чаптар*, кирг. *чабдар*, хак. *сабдар*, чув. *чуптар* (тат. заимств.) [КРС 1958: 717, Егоров 1964: 327, КРС 1985б: 332, ЧРС 1985: 596, Федотов 1996б: 424, ХРС 2006: 422, ТРС 2007б: 560]. В вышеперечисленных языках лексема обозначает игрневую масть лошади.

Слово зафиксировано также в новотюркских источниках: *çaptar*, *çabıdar*, *şabdār* ‘игрневый’ [Радлов 1905б: 1926, 1932, Радлов 1911а: 989].

3. Предполагается, что это название масти лошади вошло в тюркские языки из монгольских. Слово в современных монгольских языках функционирует также в значении игрневой масти лошади: бур. *sabıdar*, калм. *cäwdır*, халх.-монг. *caıdar* (< ПМо. **çabıdar* ‘желтоватый, игрневый’ < ПА **ç’ura* ‘серый’) [EDAL 2003: 454].

4. Для обозначения игрневой масти в тюркских языках могут употребляться и другие названия, например: тув. *кыр* ‘чалый, игрневый’, *хурең-кызыл* ‘игрневый, букв. коричневато-красный’ [ТувРС 1968: 278, 498].

5. В башкирском языке, как и во многих тюркских языках, данное название употребляется только по отношению к масти лошади, в других значениях оно не функционирует.

Для указания на различные оттенки масти слово *саптар* ‘игрневый’ способно комбинироваться с другими цветоназваниями, например: *ак саптар* ‘бледно-игрневый’, *күк саптар* ‘седо-игрневый’, *ак ял саптар* ‘белогриво-игрневый’, *күк ял саптар* ‘серогриво-игрневый’.

6. Лексема в тюркских языках употребляется в основном лишь для обозначения игрневой масти лошади, других значений у нее не выявлено.

7. Таким образом, исследование происхождения и лексической семантики

цветообозначения *сантар* ‘игрневый’ в башкирском языке позволяет сделать определенные выводы.

Данное слово является монголизмом (< ПМо. **čabidar* ‘желтоватый, игрневый’ < ПА **č`ura* ‘серый’), встречающимся в кыпчакских и сибирских тюркских языках. Лексема зафиксирована в источниках новотюркской эпохи.

В башкирском языке слово *сантар* ‘игрневый’ употребляется только как обозначение масти лошади, то же самое имеет место и в других тюркских языках.

В целом название масти лошади *сантар* ‘игрневый’ в башкирском языке является монгольским заимствованием, которое встречается в кыпчакских и сибирских тюркских языках для обозначения игрневой масти лошади.

Бурыл ‘чалый, серый’

1. Чалая масть характеризуется наличием сильной примеси белых или серых волос на фоне другого окраса лошади, при этом голова и нижняя часть ног имеют меньше всего белых волос, сохраняя цвет основной масти.

2. В башкирском языке данная масть лошади обозначается лексемой *бурыл*. В отдельных говорах башкирского языка иногда сочетание *бурыл ат* употребляется в форме *бурлы ат*, то есть в метатизированной форме, а в контексте – нередко принимая форму *бурлат*.

Название *бурыл* в разных фонетических вариантах распространено и в других тюркских языках: тат. *бурлы*, кирг. *буурул*, тур. диал. *bögrül*, алт. *буурыл*, телеут. *пуурул*, туб. *пуурыл*, уйг. *буврул / бурул* ‘чалый’, узб. *бурул*, як. *буулуур* ‘чалый’, ккалп. *буурыл* ‘чалый, белый с коричневыми пятнами’, кбалк. *бурул* ‘чалый, гнедой, буланный’, тув. *буурул* ‘чалый, седой’, чув. *пурлă* ‘бурый, чалый’, *пăвăрлă* ‘сероватый, чалый, буланный’ [КРС 1958: 125, УРС 1959: 91, Егоров 1964: 146, РКБС 1965: 699, РКС 1967: 1089, ТувРС 1968: 124, УРС 1968: 219, 223, ЯРС 1972: 87, ЭСТЯ 1978: 228, РТС 1980: 526, 636, КРС 1985а: 164, ЧРС 1985: 276, 316, КБРС 1989: 169, ТРС 1995: 69, Федотов 1996а: 394–395, ТРС 2007а: 269, АРС

2015: 33, РТС 2019: 364]. Слово встречается во всех подгруппах тюркских языков главным образом для обозначения чалой масти лошади.

Лексема зафиксирована в новотюркских источниках в том же значении: *burul, purul, burli* [Будагов 1869: 274, Радлов 1911б: 1830].

3. Считается, что встречающаяся форма в тюркских языках является заимствованием из монгольских [ЭСТЯ 1978: 228]: халх.-монг., бур. *buural*, калм. *buurl* ‘седой, чалый’ (< ПМо. **buurul* ‘серый, седой’ < ПА **bagu* ‘белый, серый’) [EDAL 2003: 321, ЭСМЯ 2015: 109]. Оно в значении чалой масти лошади отмечено также в тунгусо-маньчжурских языках: сол. *б̄орал* ‘сивый (о коне)’ (< монг.), маньчж. *бурулу морин* ‘чалая лошадь’, эвенк. *бурул* ‘седой’ [ССТМЯ 1975: 114].

4. Чалая масть лошади в тюркских языках может обозначаться и другими лексемами: башк. *сал* ‘чалый’, хак. *ах хыр* ‘светло-чалый’, аз. *çal* ‘чалый’, тур. *kir* ‘чалый’, ‘сивый’, тув. *кыр* ‘чалый, игреневый’, тат. *тарлан* ‘чалый (о масти лошади)’ [ТРС 1966: 518, ТувРС 1968: 278, АРС 2006а: 505, ХРС 2006: 88, ТРС 2007б: 320, БРТС 2009: 477].

5. Название *бурыл* ‘чалый, серый’ в башкирском языке, как и в тюркских языках в целом, употребляется только для обозначения масти лошади, а в отношении окраса других животных оно не применяется.

Название чалых лошадей может состоять из сочетания двух лексем – слова *бурыл* и названия фонового цвета: лошадей с более темной окраской называют *бурыл кара ат* ‘вороно-чалая лошадь’, с примесью темно-коричневого цвета – *бурыл туры ат* ‘гнедо-чалая лошадь’, с рыжеватыми оттенками – *бурыл ерэн ат* ‘рыже-чалая лошадь’, со светлой шерстью и темным хвостом и гривой – *бурыл кук ат* ‘сиво-чалая лошадь’. Чалые лошади иногда бывают с пятнами другого цвета, то есть в яблоках, их называют *бурыл ала ат* ‘чало-пегая лошадь’ [Надергулов 2000: 54].

6. В некоторых тюркских языках эта лексема может применяться в значении ‘седой’: ккалп. *шашы буўрыл болган* ‘волосы у него стали седыми’, тув. *буурул баштыг* ‘седоголовый’ [КРС 1958: 125, ТувРС 1968: 124].

7. Таким образом, исследование происхождения и лексической семантики цветообозначения слово *бурыл* ‘чалый, серый’ в башкирском языке позволяет сделать определенные выводы.

Данная лексема считается заимствованием из монгольских языков (< ПМо. **biyurul* ‘серый, седой’ < ПА **bagu* ‘белый, серый’). Она зафиксирована в новотюркских источниках и встречается во всех подгруппах тюркских языков.

В башкирском языке слово *бурыл* ‘чалый, серый’ употребляется исключительно для обозначения масти лошади, то же самое наблюдается и в других тюркских языках.

В целом название масти лошади *бурыл* ‘чалый, серый’ в башкирском языке является монгольским заимствованием, которое также встречается в других тюркских языках для обозначения масти лошади.

Бүртә ‘караковый’

1. Караковая масть лошади представляет собой черный окрас корпуса, гривы и хвоста с ярко выраженными рыжими или коричневыми подпалинами на морде, вокруг глаз, под мышками и в паху.

2. В башкирском языке караковая масть лошади обозначается лексемой *бүртә*. Данная лексема наблюдается в сибирско-татарском языке и употребляется для обозначения мухортой масти: *бүртә* [Ахметьянов 2001]. Слово в близком значении встречается и в киргизском языке: кирг. *бөртө кызыл* ‘один из оттенков красного цвета’ [КРС 1985а: 153].

Судя по новотюркским источникам (а именно – словарям Л.З. Будагова и В.В. Радлова), лексема также представлена в уйгурском и киргизском языках: с пометкой *уйг.* – *bürtä* ‘белая лошадь’ [Будагов 1869: 274], с пометкой *Kir.* (киргизское наречие) – *bört* ‘со смешанной шерстью’ [Радлов 1911б: 1899].

3. Как рассуждает У.Ф. Надергулов, слово может быть связано с глаголом *буртеу* ‘наливаться, налиться’ [Надергулов 2000: 56]. В башкирском языке название цвета *буртә* также является аналогом *кара туры* ‘темно-гнедой’. По окраске темно-гнедые лошади бывают темно-красного цвета, то есть как бы налитые кровью. В башкирском языке есть выражение *кызара буртеу* ‘наливаться кровью’. Поэтому, по У.Ф. Надергулову, вполне возможна генетическая общность слов *буртә* ‘караковый, темно-гнедой’ и *буртеу* ‘наливаться’ [Надергулов 2000: 56].

Однако следует отметить, что у тюрков и монголов есть личное имя *Буртә / Бертә*, происхождение которого, скорее всего, связано с мастью лошади. Ф. Рыбацкий отмечает, что встречающаяся в уйгурских источниках *börtä* ‘белая лошадь’ восходит к среднемонгольскому *börte* ‘бледно-серый, бледный’ [Rybatzki 2006: 262]. Он также приводит следующие выражения, зафиксированные в источниках: в синографических – *börte cino* ‘сине-серый, бледноватый волк; волк-предок всех монголов’, позднемонгольских – *börtü ≈ börte* ‘пестрый, с пятнами, пестрый, в крапинку; серый’, халха-монгольских – *bört* ‘белый, бледно-белый с темно-серыми пятнами (о животных)’ [Rybatzki 2006: 262]. Как видно из примеров, *börtä / börte* встречается в монгольских источниках для обозначения масти животных.

В связи с этим можно предположить, что слово, встречающееся в тюркских (башкирском, сибирско-татарском, киргизском, уйгурском) языках, является монгольским заимствованием.

4. В некоторых тюркских языках для обозначения караковой масти используются и другие лексемы: каз. *қарагер*, ккалп. *қара торы*, *қарабайыр*, тат. *кара туры*, туркм. *гарадор*, узб. *қоратўрик*, уйг. *қара торуқ*, чув. *хура турă* [РТС 1956: 63, РКС 1967: 328, ТРС 1968: 155, УРС 1968: 314, РУС 1983: 421].

5. В башкирском языке слово функционирует только для обозначения караковой масти лошади, в других значениях оно не отмечено.

Лошадей караковой масти с преобладанием белого, светлого называют *күк буртә ат* ‘светло-караковая лошадь’, а коней более темной окраски – *кара туры ат* ‘караковая лошадь’.

6. Как отмечалось выше, слово *буртә / бөртө* в тюркских языках может употребляться по отношению к разным мастям лошади. В сибирско-татарском языке *буртә* употребляется для обозначения мухортой масти [Ахметьянов 2001]; в киргизском языке лексемой *бөртө* обозначается оттенок красного цвета: кирг. *бөртө кызыл* ‘один из оттенков красного цвета’ [КРС 1985а: 153].

7. Таким образом, исследование происхождения и лексической семантики названия масти лошади *буртә* ‘караковый’ в башкирском языке позволяет сделать определенные выводы.

Слово является монгольским заимствованием – оно в форме *börtä / börte* широко распространено в монгольских источниках и обозначает масть животных. Оно зафиксировано в новотюркских источниках и встречается в сибирско-татарском, киргизском, уйгурском языках.

В башкирском языке слово *буртә* обозначает караковую масть лошади. В тех или иных тюркских языках оно может обозначать иные масти: мухортую (в сиб.-тат.), белую (в уйг.), со смешанной шерстью (в кирг.).

В целом название масти лошади *буртә* ‘караковый’ в башкирском языке является монгольским заимствованием, которое также встречается в нескольких тюркских языках для обозначения разных мастей лошади.

Кир ‘мухортый’

1. Мухортая масть представляет собой окрас лошади красновато-рыжевато-желтых тонов с желтоватыми подпалинами у морды, ног и в паху. В отличие от рыжей масти, у мухортых лошадей хвост и грива бывают более темными.

2. В башкирском языке мухортая масть лошади обозначается словом *кир*. В других тюркских языках и их диалектах эта лексема встречается в разных фонетических вариантах: ккалп. *кер* ‘мухортый’, кирг. *кер* ‘карий’, телеут., туб.,

куманд. *кер* ‘гнедой’, туркм. *гар* (*гә:p*) ‘рыжеватый’, аз. *kəhər* ‘гнедой, каурый’, тур. *kir* ‘чалый’, ‘сивый’, тур. диал. *ger, keher* ‘гнедой’, тув. *кыр* ‘чалый, игренивый’, уйг. *кер* ‘мухортый’, хак. *ах хыр* ‘светло-чалый’, як. *кэрэ* ‘белый, беловатый’ [КРС 1958: 315, ТРС 1968: 239, ЯРС 1972: 222, ТРС 1977: 540, ТувРС 1968: 278, КРС 1985а: 376, КРС 1995: 23, ТРС 1995: 40, ЭСТЯ 1997: 64, АРС 2006б: 692, ХРС 2006: 88, БТСЯЯ 2008: 549, БРТС 2009: 477, РТС 2019: 46].

Как видим, слово встречается во всех подгруппах тюркских языков (кроме болгарской) и употребляется для обозначения лошадей разных мастей (мухортой, гнедой, каурой, чалой, сивой и т. д.).

Слово зафиксировано в тюркоязычных источниках XIX в. [Будагов, 1871: 118, Радлов 1899б: 1083–1084].

3. Данное слово является заимствованием из монгольских языков: калм. *кер*, халх.-монг. *хээр*, бур. *хээр* (< ПМо. **kehere* ‘гнедой’) [ЭСТЯ 1997: 65].

4. Мухортая масть лошади в некоторых тюркских языках может обозначаться другими лексемами: кр.-тат. *ал тору* ‘мухортый, букв. розовато-гнедой’ [Усеинов 2007: 326], сиб.-тат. *бүртә* [Ахметьянов 2001].

5. Лексема *кир* ‘мухортый’ в башкирском языке, так же как и в других тюркских языках, употребляется исключительно для обозначения масти лошади, а для описания окраски других животных оно не применяется.

Лошади мухортой масти нередко бывают с отливами той или иной цветовой гаммы. В зависимости от этого в башкирском языке имеются названия масти *кара кир* ‘темно-мухортая лошадь’, *кир туры* ‘гнедо-мухортая лошадь’ [Надергулов 2000: 57].

6. Как отмечалось выше, лексема в тюркских языках употребляется лишь для обозначения масти лошади (мухортой, гнедой, каурой, чалой, сивой и др.), других значений у нее не выявлено.

7. Таким образом, исследование происхождения и лексической семантики названия масти лошади *кир* ‘мухортый’ в башкирском языке позволяет сделать определенные выводы.

Слово *кир* ‘мухортый’ является заимствованием из монгольских языков. Оно зафиксировано в новотюркских источниках и встречается во всех подгруппах тюркских языков (кроме болгарской) для обозначения разных мастей лошади.

В башкирском языке слово *кир* обозначает мухортую масть лошади и в других значениях не применяется. В тех или иных тюркских языках оно может обозначать мухортую, гнедую, каурую, чалую, сивую масти лошади.

Тарлан ‘(серый, сивый) с примесями другого цвета’

1. В природе встречаются лошади серой, сивой масти с еле заметными примесями другого цвета.

2. В башкирском языке данная масть лошади обозначается термином *тарлан* ‘(серый, сивый) с примесями другого цвета’: *буз тарлан, кук тарлан, тарлан буз, тарлан кук* [Надергулов 2000: 54].

Эта лексема функционирует в ряде тюркских языков и обозначает преимущественно масть лошади (редко – масть других животных) самостоятельно или в сочетании с другими словами: тат. *тарлан* ‘чалый (о масти лошади)’, ‘сивый (преимущественно о лошади и ловчих птицах)’, ккалп. *тарлан* ‘светло-серый’, *боз тарлан* ‘сивый’, кум. *тарлан боз* ‘сивый (о масти)’, кирг. *тарлан / боз тарлан / тарлан боз* ‘сивый (о масти лошади)’, уйг. *тарлан* ‘сивый (о масти лошади)’, ‘белый с бурыми крапинками’, узб. *буз тарлон от* ‘сивая лошадь с мелкими коричневыми крапинками’, *тарлон* ‘пестрый’, хак. *тарлан* ‘пестрый в темную крапинку, в мелких пятнах (о рогатом скоте)’, *тарлан инек* ‘пестрая корова’ [КРС 1958: 623, УРС 1959: 93, 409, УРС 1961: 176, ТРС 1966: 518, УРС 1968: 274, КРС 1969: 305, КРС 1985б: 209, ХРС 2006: 595, ТРС 2007б: 320].

Как видно из примеров, слово встречается в некоторых тюркских языках кыпчакской, огузской и карлукской подгрупп и обозначает главным образом сивую, чалую, белую масти лошади с крапинками других цветов. Оно зафиксировано в новотюркских источниках [Радлов 1905а: 856].

3. Слово восходит к монг. *тарлан* ‘пестрый, крапчатый; пятнистый’ (о крупном рогатом скоте, птицах) [БАМРС 2001: 194, Хертек 2017: 304], которое зафиксировано в современных монгольских языках для обозначения масти животных: халх. *тарлан үнээ* ‘пестрая корова’, калм. *тарлң цоохр үкр* ‘пестрая корова’, бур. *тарлай* ‘пестрый, крапчатый’ [КРС 1977: 478, БАМРС 2001: 597, ЭСМЯ 2018: 155].

4. В лексикографических разработках тюркских языков не обнаружены другие лексемы для обозначения данной масти лошади.

5. В башкирском языке название масти лошади *тарлан* как лексическая единица самостоятельно не употребляется. Оно встречается только в сочетании с названиями мастей *күк / буз* ‘сивый, серый’: *тарлан буз ат, тарлан күк ат, буз тарлан ат, күк тарлан ат*.

6. Помимо обозначения масти лошади, слово в некоторых языках употребляется и в других значениях: тув. *дарлаң-шокар* ‘пестрый, кричащий (о расцветке, раскраске)’ [ТувРС 1968: 149].

7. Таким образом, исследование происхождения и семантики цветообозначения *тарлан* ‘(серый, сивый) с примесью другого цвета’ в башкирском языке позволяет сделать некоторые выводы.

Слово является заимствованием из монгольских языков. Оно зафиксировано в новотюркских источниках и встречается в нескольких тюркских языках. В них им может обозначаться сивая, чалая, белая масти лошади с крапинками других цветов.

2.2.2. Арабские и персидские заимствования

Изучение арабских и персидских элементов в башкирском языке начинается с 20–30 гг. XX в. [Дмитриев 1930, Киекбаев 1957, Гарипова, Гарипов 1964, Гарипова 1966, Гарипова 1973]. Позднее появляются работы, в которых арабским

и персидским заимствованиям в башкирском уделяется значительное внимание [Кейекбаев 1958, Максютлова 1966, Ишбердин 1986а, Эжба 2004].

Существуют два подхода к проблеме изучения арабских и персидских заимствований в башкирском языке. Первый из них – дифференцированный, приверженцы которого рассматривают арабизмы и персизмы отдельно друг от друга. Недостаток такого подхода заключается в том, что при этом не учитывается наличие общих для персидского и арабского языков слов, то есть присутствие в персидском языке арабских заимствований, в арабском – персидских, в связи с чем возникают трудности при определении принадлежности той или иной лексики к какому-либо языку. Второй подход предполагает рассмотрение арабских и персидских заимствований во взаимосвязи. Данный подход является более приемлемым, как так он позволяет называть слова, происхождение (арабское или персидское) которых определить сложно, общим термином «арабско-персидские заимствования» [Ишбердин 1986: 116–117].

Пути проникновения арабских и персидских заимствований в башкирский язык различны. Наиболее интенсивное проникновение арабских заимствований в башкирский язык, как и в другие тюркские, историки и филологи связывают с исламизацией тюркских народов. В тюркские языки Средней Азии, Малой Азии и Кавказа арабские элементы начинают активно проникать с IX в. Вместе с тем, по свидетельству историков, в X в. башкиры еще не были мусульманами. В целом принято считать, что распространение ислама среди башкир заняло несколько столетий и завершилось не ранее чем в XIV–XV вв. [Эжба 2004: 5].

Арабские лексические элементы до XIV–XV вв. заимствовались башкирами преимущественно устным путем, а с конца XV – нач. XVI в. двумя путями – устным и письменным, так как наиболее ранние башкирские тексты на основе арабской графики были составлены в XVI в. Первыми арабизмами в башкирском языке были термины религиозного, административного и юридического характера.

Р.Х. Халикова, рассматривая арабские элементы в башкирском языке, выделяет среди них одиннадцать семантических разрядов (отвлеченные понятия, государственные и административные термины, лексика, относящаяся к науке и образованию, к физиологии человека, а также религиозные понятия, названия населенных пунктов и сооружений и др.). Она приходит к выводу о том, что арабский язык оказывает наибольшее воздействие на башкирский в XVIII–XIX вв., которое продолжается до начала XX в. [Халикова 1990: 53–56].

Что касается персидских заимствований, по мнению ученых, значительная их часть появилась в башкирском языке раньше, чем арабизмы. С.П. Толстов указывает, что племена, обитавшие на Южном Урале, задолго до нашей эры поддерживали активные торговые и военные контакты с жителями таких персоязычных ханств, как Бухара, Хива и Хорезм [Толстов 1948: 25].

Арабские и персидские заимствования в современном башкирском языке получили весьма широкое распространение. Многие из них – неотъемлемая часть его активного словарного состава. Среди цветообозначений башкирского языка три названия являются заимствованиями из персидского и арабского языков: *зәңгәр* ‘голубой’ < перс.; *шәмәхә* ‘фиолетовый’ < перс., *хәнәүәт* ‘оранжевый’ < араб.

Зәңгәр ‘голубой’

1. Голубой – пятый по счету цвет спектра, пятый цвет радуги, который находится между зеленым и синим цветами. Эталоном голубого цвета является цвет ясного неба и бездонной воды.

2. В литературном башкирском языке голубой цвет обозначается лексемой *зәңгәр*, в некоторых его диалектах – словами *күк*, *йәшел* (см. раздел о цветообозначениях *күк* ‘синий’, *йәшел* ‘зеленый’).

Название *зәңгәр* в разных фонетических вариантах распространено в других тюркских языках главным образом в значениях ‘голубой’, ‘синий’: тат. *зәңгәр*, сиб.-тат. *сәңкәр*, кр.-тат. *зенгер*, каз. *зеңгер* (разг.), кум. *тунукъ зенгер* ‘сизый,

букв. мутно-голубой’, узб. *зангори*, чув. *сенкер* [УРС 1959: 163, РКС 1960: 919, ЧРС 1985: 358, ТРС 2007а: 418, Усеинов 2007: 380, СТРС 2019].

В сибирских тюркских языках также имеются лексемы со значением ‘голубой’, ‘зеленый’, созвучные со словом *zāṅgär*: алт. *чанкыр* ‘голубой’, телеут. *чаңқыр* ‘голубой’, тув. *шаңгыр* ‘неспелый, зеленый’, ‘светло-зеленый’, тоф. *шаңгыр* ‘о незрелых ягодах’ [ТувРС 1968: 567, ТРС 1995: 98, Рассадин 2005: 188, АРС 2015: 145].

Первая фиксация слова, которое встречается для обозначения медного купороса (*zancar*), наблюдается в среднекыпчакском памятнике «Кодекс Куманикус» (XIII – нач. XIV в.) [Toparlı 2007: 336]. В новотюркских источниках представлено и цветное значение слова: *zāṅgär* ‘голубой’ [Будагов 1869: 607], *zāṅgär* ‘голубой, лазоревый’ [Радлов 1911а: 886–887].

3. Слово является персидским заимствованием: перс. زنگار [*zāṅgar*] ‘ярмедянка; ржавчина’ или زنگاری [*zāṅgari*] ‘желто-зеленый’ [Ramstedt 1935: 473, Федотов 1996б: 37]. А.В. Дыбо отмечает, что иранское слово было заимствовано в тохарский, тюркский и монгольский языки [Дыбо 2013: 533].

В башкирском языке также сохранилось значение ‘медный купорос’ слова *зәңгәр* (*hәңгәр*): *йәшел һәңгәр* ‘медный купорос’ [БТһ 1993б: 637].

Существуют разные точки зрения по поводу этимологии слова. Г. Рамстедт считает, что калм. *zeṅkr* (*zeṅker*) ‘купорос’ пришло из тюркских языков (*zāṅgär*), которое, в свою очередь, является персидским заимствованием [Ramstedt 1935: 473].

О.Т. Молчанова названия, встречающиеся в сибирских тюркских языках (алт. *чанкыр* ‘голубой’, телеут. *чаңқыр* ‘голубой’, тув. *шаңгыр* ‘неспелый, зеленый’, ‘светло-зеленый’, тоф. *шаңгыр* ‘о незрелых ягодах’), относит к заимствованиям из монгольских языков [Молчанова 1988: 98]. Ср.: халх.-монг. *цэнхэр*, калм. *цеңкр*, бур. *сэнхир* ‘светло-голубой, светло-синий (цвет зимнего неба и т.п.)’ [ЭСМЯ 2015: 139], а также: халх.-монг. *цангир*, бур. *санхир*, калм. *цаңкр*, *цәнкр* ‘светлый, белесый; беловатый’ [ЭСМЯ 2015: 133].

Исходя из вышеизложенных фактов, можно предположить, что персидское слово زنگار [zāngar] вошло в некоторые тюркские языки (башк., тат., чув., узб.), откуда, в свою очередь, проникло в монгольские языки и, возможно, впоследствии уже оттуда было заимствовано сибирскими тюркскими языками.

4. В других тюркских языках для обозначения голубого цвета могут применяться и другие лексемы. В кбалк., караим., ккалп., ног., кум., кирг., алт., уйг., тув., хак., як. языках для голубого участка спектра употребляются рефлексy ПТю. *gōk, которые также употребляются в них для обозначения синего цвета. В огузских и узбекском языках функционирует арабское заимствование ماری [mavi]: гаг. *маави*, аз., тур. *tavi*, туркм. *мавы (ма:вы)*, узб. *мовий* [ТРС 1968: 437, ГРМС 1973: 320, ТРС 1977: 608, УРС 1989: 115, АРС 2006в: 322]. В уйгурском голубой цвет обозначается лексемой *хаварәң* ‘букв. цвета неба’ [УРС 1968: 652, 755].

5. Семантика цветообозначения *зәңгәр* ‘голубой’ в башкирском языке:

5.1. Основная функция слова *зәңгәр* в башкирском языке – обозначение голубого участка цветового спектра: *зәңгәр таҫма* ‘голубая лента’, *зәңгәр һауа* ‘голубое небо’, *зәңгәр күз* ‘голубые глаза’, *зәңгәр күл* ‘голубое озеро’.

В башкирском языке слово *зәңгәр* ‘голубой’ также активно участвует в образовании терминологической лексики: башк. *зәңгәр якут* ‘сапфир, букв. голубой яхонт’, *зәңгәр таиш* ‘лазурит, букв. голубой камень’, *зәңгәрсук* ‘василек, букв. голубая гроздь / кисть’.

Ср. в других тюркских языках: тат. *зәңгәр чыпчык* ‘лазоревка’, *зәңгәр чәчәк* ‘голубой цветок’, *зәңгәр күк йөзе* ‘синее небо’, узб. *зангори ипак* ‘голубой шелк’, чув. *сенкер чәйрәш* ‘голубая ель’, *сенкер куслә хёр* ‘голубоглазая девушка’, *сенкер тўпе* ‘голубое небо’ [УРС 1959: 163, ЧРС 1985: 358, ТРС 2007а: 418].

5.2. Как говорилось выше, в некоторых говорах башкирского языка слово обозначает синий цвет спектра: басув. подгов. *зәңгәр пинжәк* ‘синий пиджак’.

5.3. Голубой цвет в башкирской этнокультуре является символом неба, красоты и атрибутом молодой девушки. Образы девушек в голубом платье (*зәңгәр күлдәк* ‘голубое платье’), голубой шали (*зәңгәр шал* ‘голубая шаль’), голубом

платке (*зәңгәр яулык* ‘голубой платок’) запечатлены в творчестве художников и поэтов: например, широко известна картина художника К. Давлеткильдиева «Зәңгәр күлдәкле башкорт кызы» («Девушка-башкирка в голубом»).

5.4. Топонимообразующий компонент. В башкирских географических названиях встречается компонент-цветообозначение *зәңгәр* ‘голубой’. В составе оронимов он указывает на внешний вид объекта, например: *Зәңгәртау* ‘букв. голубая гора’ (гора в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан). Название горы, возможно, дано из-за окутывающей ее воздушной голубой дымки. В гидронимах слово может обозначать цвет воды, например: *Зәңгәркүл* ‘букв. голубое озеро’ (озеро в Уфимском районе Республики Башкортостан).

6. В других тюркских языках встречаются и переносные значения слова, например, в татарском лексема *зәңгәр* является эпитетом несбыточных мечт, надежд, желаний – *зәңгәр хыялга бату* ‘строить воздушные замки, букв. утопать в голубых мечтах’; жидкого молока – *зәңгәр сөт* ‘жидкое (сепарированное) молоко’; ярости – *зәңгәрләнеп кычкыру* ‘яростно кричать’ [ТРС 2007а: 418].

7. Таким образом, исследование происхождения и лексической семантики цветообозначения *зәңгәр* ‘голубой’ в башкирском языке позволяет сделать определенные выводы.

Лексема *зәңгәр* ‘голубой’ восходит к персидскому *زنگار* [zəŋgar], которая также встречается в тат., кум., каз., узб., чув. (в алт., тув. языках заимств. через монгольские) главным образом для обозначения голубого участка спектра.

Первая фиксация слова наблюдается в среднекыпчакском источнике в значении ‘медный купорос’, далее оно зафиксировано в новотюркских памятниках в значении ‘голубой’.

Лексема *зәңгәр* в башкирском языке имеет значения ‘голубой’, ‘синий’. Отмечена национально-культурная специфика голубого цвета в башкирской этнокультуре. В составе терминов и топонимов слово указывает на цвет объекта.

В целом цветообозначение *зәңгәр* ‘голубой’ в башкирском языке является персидским заимствованием, которое также наблюдается в некоторых других тюркских языках.

Шәмәхә ‘фиолетовый’

1. Фиолетовый является седьмым цветом, который завершает спектр. В цветовом круге он находится между синим и красным цветами. Природными эталонами фиолетового цвета являются минерал аметист, цветок фиалки.

2. В литературном башкирском языке фиолетовый цвет обозначается лексемой *шәмәхә* (в некоторых из них дается как устаревшая лексема). В диалектах наблюдается слово *көрән* (см. раздел о цветообозначении *көрән* ‘коричневый’). В тех или иных текстах встречаются названия *кызыл күк* ‘букв. красно-синий’, *кызғылт күк* ‘красновато-синий’, *көрән күк* ‘букв. коричнево-синий’, *зәңгәр күк* ‘букв. голубовато-синий’, *миләүшә төс* ‘букв. цвета фиалки’ (см. раздел 4.3.3).

Данная лексема также встречается в татарском языке: *шәмәхә* ‘фиолетовый’ [ТРС 2007б: 616].

Слово *шәмәхә* ‘фиолетовый’ в башкирском языке впервые появляется в художественных произведениях XX в.

3. Происхождение слова *шәмәхә* ‘фиолетовый’ восходит к перс. *شماخی* [šämaχi] ‘цвет шамаханских шелковых тканей’ < ‘сделанный в городе Шамахи’ [Ахметьянов 2015б: 484].

4. В тюркских языках нет исконной непроеводной лексемы для фиолетового, так как у тюрков этот участок спектра воспринимается как оттеночный цвет. В словарях других тюркских языков фиолетовый цвет обозначается как оттенок красного или синего, что наблюдается и в башкирском языке: ккалп. *қызғылт көк* ‘букв. красновато-синий’, алт. *көк-кызыл* ‘букв. сине-красный’, тув. *ягаан-көк* ‘розовато-синий’, хак. *хызамдых көк* ‘букв. красновато-синий’, тоф. *қараңғы-көк* ‘букв. темно-синий’, як. *кытаран көстөр күөх* ‘букв. ‘красновато-синий’, чув. *хёрлэ-кавак* ‘букв. красновато-синий’ [РХС 1961: 908, РАС 1964: 812, РКС 1967: 1069, РЯС 1968: 679, ТувРС 1968: 624, РЧС 2002: 460, Рассадин 2005: 286, АРС 2018: 371].

Также встречаются названия, употребляемые, как и в башкирском, в значении ‘цвета фиалки’ (калька с русского): тат. *миләүшә* ‘фиолетовый’, гаг. *меневше бойасы* ‘цвета фиалки’, аз. *bəpövsəyi* ‘цвета фиалки’ [ГРРГ 1993: 221, АРС 2006а: 280, ТРС 2007б: 42].

В некоторых языках функционируют непроеизводные слова, являющиеся заимствованиями (возможно, инд.-евр.): гаг. *мор*, тур. *mor* [ГРРГ 1993: 221, ЭСТЯ 2003: 79–80, БРТС 2009: 566].

5. В башкирском языке слово *шәмәхә* употребляется исключительно в значении ‘фиолетовый’: *шәмәхә күк йөзө* ‘фиолетовое небо’.

Ср. в татарском языке: *шәмәхә бәрхәт* ‘фиолетовый бархат’, *томан аша океан шәмәхәләнен күренә* ‘сквозь туман океан кажется фиолетовым’ [ТРС 2007б: 616].

6. В татарском языке в составе сложного названия слово *шәмәхә* ‘фиолетовый’ обозначает также лиловый цвет: *аксыл шәмәхә* ‘лиловый, букв. светло-фиолетовый’ [ТРС 2007б: 616].

7. Таким образом, исследование происхождения и лексической семантики цветообозначения *шәмәхә* ‘фиолетовый’ в башкирском языке позволяет сделать определенные выводы.

Слово *шәмәхә* в башкирском языке является персидским заимствованием и употребляется в значении ‘фиолетовый’. Оно впервые появляется в художественных произведениях XX в. В современных текстах можно проследить широкое употребление данного слова. Заимствованная лексема *шәмәхә* наблюдается в татарском языке в том же значении.

Хәнәүәт ‘оранжевый’

1. Оранжевый цвет – второй цвет спектра, находящийся между красным и желтым. Природным эталоном оранжевого является цвет моркови, тыквы, апельсина, который обусловлен содержащимся там каротином. Осенние листья также получают оранжевый оттенок от каротина.

2. В словарях башкирского языка оранжевый цвет представлен словом *ханәүәт* (дается обычно как книжное, устаревшее слово). В них же приводится аналитическое название *кызғылт һары* ‘оранжевый, букв. красновато-желтый’. Оба названия в башкирском языке считаются литературными обозначениями оранжевого цвета.

В тех или иных текстах для обозначения оранжевого цвета встречаются также следующие названия: *әфлисун төслө / төсөндәге* ‘букв. цвета апельсина’, *кызыл һары* ‘букв. красно-желтый’, *һарғылт кызыл* ‘букв. желтовато-красный’, *һары кызыл* ‘букв. желто-красный’ (см. раздел 4.3.3). В разговорной речи башкир наблюдается следующее название: *сыскак һары* ‘букв. «поносный» желтый’.

Случаи употребления лексемы *ханәүәт* для обозначения оранжевого цвета в современных тюркских языках не обнаружены.

Слово *ханәүәт* в значении ‘оранжевый’ впервые появляется в фольклорных текстах башкир: *ханәүәт тун* ‘оранжевая шуба’ (из народной песни, материалы экспедиции 1959 г.) [Картотека ИИЯЛ УФИЦ РАН].

3. Лексема *ханәүәт* ‘оранжевый’ восходит к арабскому *حنة* [henāt] < *حناء* [hena] ‘хна’ (буквальный перевод – ‘цвета хны’) [Биишев 2009: 125].

4. В тюркских языках нет исконной непроеводной лексемы для оранжевого цвета, так как для тюрков этот участок спектра воспринимался как желтый цвет с красным оттенком или красный с желтым оттенком. Поэтому оранжевый цвет в других тюркских языках, как и в башкирском, обозначается сочетаниями, которые переводятся как ‘желто-красный’ или ‘красно-желтый’: тат. *кызыл сары* ‘букв. красно-желтый, рыжий’, ккалп. *кызғылт сары* ‘букв. красновато-желтый’, алт. *кызыл-сары* ‘букв. красно-желтый’, уйг. *қызгуч сериқ* ‘букв. красновато-желтый’, тув. *кызыл-сарыг* ‘букв. красно-желтый’, тоф. *кызыл-сарыг* ‘букв. красно-желтый’, хак. *хызыл сарыг* ‘оранжевый, красно-желтый’, чув. *хёрлёрех сарй* ‘букв. красновато-желтый’ [РАС 1964: 414, РКС 1967: 581, ТувРС 1968: 274, УРС 1968: 625, РС 2002: 307, Рассадин 2005: 224, ХРС 2006: 877, ТРС 2007б: 219].

В некоторых языках возможны другие аналитические варианты лексем,

например: тат. *әфлисун төсле* ‘букв. цвета апельсина’ [РТС 1956: 388].

Г. Дерфер отмечает, что в халаджском языке оранжевый цвет представлен лексемой *sāruu* (< ПТю **siāriḡ* ‘желтый, белый’) [Doerfer 1987: 478].

В древнетюркских текстах встречается лексема *āl* в значении ‘оранжевый цвет’ («Дивану лугат ат-турк», XI в.) [Кашгари 2010: 114].

5. В башкирском языке слово *хәнәүәт* имеет единственное значение – ‘оранжевый’.

В «Башкирско-русском словаре» (Уфа, 1996) слово *хәнәүәт* ‘красновато-желтый’ представлено с пометкой *уст.* (устаревшее слово) [МФБЛ]. Оно сегодня, конечно, не входит в активный словарный запас башкирского языка, однако в средствах массовой информации и научно-справочной литературе наблюдается попытка внедрить его в обиход как краткого однословного термина: *хәнәүәт рюкзак* ‘оранжевый рюкзак’, *хәнәүәт таҫма* ‘оранжевая лента’, *хәнәүәт өкө* ‘оранжевая сова’, *хәнәүәт диңгез* ‘оранжевое море’, *хәнәүәт революция* ‘оранжевая революция’. Здесь, как видим, слово может употребляться в сочетании с названиями не только артефактов, но и более широкого круга предметов и явлений.

6. Таким образом, исследование происхождения и лексической семантики цветообозначения *хәнәүәт* ‘оранжевый’ в башкирском языке позволяет сделать определенные выводы.

Слово *хәнәүәт* ‘оранжевый’ в башкирском языке является арабским заимствованием и употребляется в значении ‘оранжевый’. Оно не входит в активный словарный запас лексики, однако в современных текстах различного характера наблюдается тенденция к активному употреблению данного слова. В других тюркских языках эта лексема не встречается.

2.3. Собственно башкирские цветообозначения

Кроме цветообозначений тюркского и заимствованного происхождения, в башкирском языке функционируют так называемые собственно башкирские названия цвета.

К таким названиям в первую очередь относятся цветообозначения, образованные от существительных и «нецветовых» прилагательных с помощью аффиксов неполной степени проявления признака (-һыу, -ғыл): *канһыу* ‘красноватый’ (< *кан* ‘кровь’), *көлһыу* ‘серый, пепельный’ (< *көл* ‘зола, пепел’), *алтынһыу* ‘золотистый’ (< *алтын* ‘золото’), *көмөшһыу* ‘серебристый’ (< *көмөш* ‘серебро’), *кыуғыл* ‘светло-желтый, бледно-рыжий’ (< *кыу* ‘сухой, высохший (о траве)’). Производные названия цвета со значением неполной степени проявления признака рассматриваются более подробно в разделе 3.2.2.

Далее к собственно башкирским можно отнести аналитические формы цветообозначений, образованные непосредственно в башкирском языке на более поздних этапах его развития. Например, в башкирском языке функционируют следующие названия цвета, образованные аналитическим путем: *сейә көрән* ‘темно-вишневый, бордовый’ (от *сейә* ‘вишня’, *көрән* ‘диал. фиолетовый, бордовый’); *кан ерән* ‘красно-рыжий, медно-красный’ (от *кан* ‘кровь’, *ерән* ‘рыжий’); *ут ерән* ‘огненно-рыжий’ (от *ут* ‘огонь’, *ерән* ‘рыжий’); *сыңғыз ерән* ‘цвета охры’ (от *сыңғыз* ‘охровый’, *ерән* ‘рыжий’); *бакыр ерән* ‘рыжий, как медь’ (от *бакыр* ‘медь’, *ерән* ‘рыжий’); *тәңкә сыбар* ‘чубарый с крапинками’ (от *тәңкә* ‘монета / чешуя’, *кара* ‘черный’); *басма сыбар* ‘чубарый с крапинками’ (от *басма* ‘крапинка’, *сыбар* ‘чубарый’); *һипкел туры* ‘гнедой в веснушках’ (от *һипкел* ‘веснушки’, *туры* ‘гнедой’), *етен кеүек һары* ‘желтый, как лен’, *балауыз төслө һары* ‘желтый, как воск’, *етен кеүек һары* ‘желтый, как лен’, *фәйрүзә төсөндәге* ‘бирюзовый, букв. цвета бирюзы’, *ез төсөндәге* ‘цвета латуни’, *әберсә төсөндәге* (диал.) ‘цвета малины’, *арыш төсөндәге* ‘цвета ржи’, *имән үзәге төсөндәге* ‘цвета сердцевины дуба’, *түшәк төсөндәге* ‘цвета простыни’, *кылган төсөндәге* ‘цвета

ковыли’, *торна төсөндәге* ‘цвета журавля’, *ут төсөндәге* ‘цвета огня’, *казан төсөндәге* ‘цвета котла’ и др.

Подобные названия образуются главным образом для обозначения оттенков по цветовому тону, которые сравниваются с эталоном оттенка. Для сравнения оттенка цвета может использоваться название любого предмета, с которым ассоциируется цвет у говорящего. Такой тип является продуктивным – по нему могут образовываться цветообозначения непрерывно. Модели образования аналитических цветообозначений, названия предметов-эталонов цвета в их составе и т.д. более подробно будут рассматриваться в разделе 3.3.

Выводы по главе 2

1. В генетическом плане цветообозначения башкирского языка подразделяются на исконную и заимствованную лексику.

2. Исконную лексику башкирского языка составляют слова пратюркского и общетюркского пластов: пратюркский пласт лексики характерен для всех подгрупп тюркских языков, общетюркский – для всех подгрупп, кроме болгарской.

3. Пратюркские и общетюркские лексемы в свою очередь восходят к праалтайским формам, рефлексy которых могут быть распространены и в других языках алтайской языковой семьи (монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейском и японском).

3. Заимствованный пласт лексики башкирского языка представлен монголизмами, персизмами и арабизмами, которые также могут встречаться в других тюркских языках.

4. Следует различать тюрко-монгольские параллели цветообозначений (родственные слова на генетическом уровне), монгольские заимствования в тюркских языках и тюркизмы в монгольских языках.

5. Персидские заимствования, заимствованные в средние века, могут функционировать также в других языках.

6. Цветообозначения, встречающиеся в тюркских языках, либо сохраняют свои первичные значения, либо подвергаются семантическим сдвигам (в сторону расширения или сужения).

7. Встречаются альтернативные названия для обозначения того или иного цвета в других тюркских языках: это может быть иная исконная лексема с близким значением; производное, образованное аналитическим способом, или заимствование из другого языка.

8. Основные и дополнительные значения цветоименований башкирского языка могут быть пратюркскими, общетюркскими, пракыпчакскими, ареальными или собственно башкирскими.

9. Собственно башкирские цветообозначения образуются главным образом от существительных и «нецветовых» прилагательных с помощью аффиксов неполной степени проявления признака, а также аналитическим способом.

ГЛАВА 3. ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА В СТРУКТУРНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

3.1. Непроизводные цветообозначения башкирского языка

3.1.1. Лексико-семантические группы производных цветообозначений

Непроизводные слова составляют базовую часть лексики цветообозначений башкирского языка, на основе которых образуются главным образом все остальные производные названия цвета. В башкирском языке весь состав непроизводных цветообозначений состоит из 28 названий, каждое из которых может нести в себе семантику цвета, сочетания цветов или масти лошади.

Здесь следует отметить, что некоторые непроизводные цветообозначения современного башкирского языка в пратюркском или общетюркском языке являлись производными названиями. Из праязыка / общетюркского языка они перешли в тюркские языки, в том числе в башкирский, уже как непроизводные основы.

К таким названиям цвета можно отнести следующие цветообозначения башкирского языка:

– *кызыл* ‘красный’ (< ПТю. **Kiř-il* ‘красный’ < ПТю. **Kiř-* ‘краснеть, раскаляться’) [Clauson 1972: 681, Кормушин 2001: 603, EDAL 2003: 828–829, Дыбо 2013: 428];

– *йәшел* ‘зеленый’ (< ПТю. **jāl-il* ‘зеленый’ < ПТю. **jāl* ‘зелень, зеленый, незрелый’) [Кормушин 2001: 604–605, Дыбо 2013: 290];

– *таргыл* ‘полосатый’ (< ПТю. **d(i)ār* ‘узкий’ + аффикс *-yil*) [EDAL 2003: 1372];

– *күк* ‘синий’ (< ПТю. **gōk* ‘синий, зеленый (макросиний)’ < ПТю. **gōk* ‘небо’) [Clauson 1972: 708, Мусаев 1996];

– *кара* ‘черный’ (тюркское *qara* этимологически принадлежит корню *qa-* со значением «действия, направленного на достижение какой-либо совокупности предметов», при этом «значение черный находит свое место в этой системе как

одно из вторичных», образование которого относится к дальнему состоянию праязыка [Кормушин 2001: 592–596]);

– *ак* ‘белый’ (в этимологических разработках нет единого мнения относительно исходной семантики данного слова: его сравнивали со словом *aj, ej* ‘луна’; считали заимствованием из древнекитайского *pāk* ‘белый’ и т.д. [ЭСТЯ 1974: 117]. И.В. Кормушин предполагает, что «глагол *ay-* передавал цвет или совокупность оттенков неопределенных, размытых, лишь приближающихся к белому – белесый, бледный, седой, сивый» [Кормушин 2001: 599]);

– *буз* ‘сивый, серый’ (как отмечает И.В. Кормушин, семантика слова связана с переходом от светлого к темному [Кормушин 2001: 605–606]).

Как видим, по предположениям ученых, названия цвета в праязыке были образованы от глаголов, имен существительных или прилагательных.

Весь состав производных цветообозначений башкирского языка нами разделен на следующие лексико-семантические группы (табл. 3):

Таблица 3. Лексико-семантические группы производных цветообозначений башкирского языка

Лексико-семантические группы		Цветообозначения	
Основные цвета	Ахроматические	<i>ак</i> ‘белый’ <i>кара</i> ‘черный’ <i>хоро</i> ‘серый’ <i>буз</i> ‘сивый, серый’	
	Хроматические	Спектральные	<i>кызыл</i> ‘красный’ <i>хәнәүәт</i> ‘оранжевый’ <i>һары</i> ‘желтый’ <i>йәшел</i> ‘зеленый’ <i>зәңгәр</i> ‘голубой’ <i>күк</i> ‘синий’ <i>шәмәхә</i> ‘фиолетовый’
		Неспектральные	<i>ал</i> ‘розовый’ <i>көрән</i> ‘коричневый’

Оттенки цветов	По цветовому тону	<i>сагер</i> 'светло-голубой, зеленовато-голубой' <i>еран</i> 'рыжий'
	По светлоте	<i>куңыр</i> 'бурый, темно- коричневый'
Смешанные цвета		<i>сыбар</i> 'пестрый' <i>ала</i> 'пегий'
Масти лошади		<i>кола</i> 'саврасый, буланный' <i>туры</i> 'гнедой' <i>коба</i> 'светло-желтый, бледно- бурый, палевый' <i>сал</i> 'седой, светло-серый; чалый' <i>таргыл</i> 'полосатый' <i>бурыл</i> 'чалый, серый' <i>буртә</i> 'караковый' <i>кир</i> 'мухортый' <i>саптар</i> 'игрневый' <i>тарлан</i> '(серый, сивый) с примесями другого цвета'

Прежде всего следует обратить внимание на то, что разделение цветообозначений на лексико-семантические группы является условным. Во-первых, названия основных, оттеночных и смешанных цветов, кроме обозначения цвета, могут выражать масть лошади (напр., *кара* 'черный' ~ *кара* 'вороной'; *һары* 'желтый' ~ *һары* 'соловый'; *сыбар* 'пестрый' ~ *сыбар* 'чубарый'). Во-вторых, некоторые названия, которые являются самостоятельными лексемами для обозначения масти лошади, расширили свою семантику и могут применяться относительно цвета и окраски других предметов (напр., *таргыл ат* 'полосатый конь' ~ *таргыл таш* 'полосатый камень').

Также отметим, что те или иные лексемы, активно употребляющиеся в современном башкирском языке в качестве цветообозначений, исторически произошли от названий мастей лошади (напр., *көрән* 'бурый', *ерән* 'рыжий').

В свою очередь, употребление слова *буз* 'сивый', имеющего в древности семантику как цвета, так и масти, в современном башкирском языке сводится главным образом к обозначению масти лошади, окраски животных, птиц. Для

обозначения серого цвета широкого круга предметов в башкирском языке чаще используется слово *һоро* ‘серый’.

Отдельные названия мастей лошади характеризуются ограниченной лексической сочетаемостью в современном башкирском языке, то есть они употребляются только для обозначения масти (*бурыл* ‘чалый, серый’, *бүртә* ‘караковый’, *кир* ‘мухортый’, *сантар* ‘игреневый’, *тарлан* ‘(серый, сивый) с примесью другого цвета’, *туры* ‘гнедой’).

Таким образом, из 28 непроеводных цветообозначений башкирского языка 13 лексем являются названиями основных цветов, три – названиями оттенков цветов, два – названиями смешанных цветов, десять – названиями масти лошади.

3.1.2. Генетические пласты непроеводных цветообозначений

В любом языке непроеводные названия цвета образуют ядро цветообозначающей лексики, в связи с этим они представляют интерес в плане происхождения. В башкирском языке непроеводные названия для обозначения цвета составляют исконные и заимствованные слова. Исконные цветообозначения башкирского языка представлены словами пратюркского и общетюркского пластов, восходящими в основном к праалтайским лексемам. Заимствованный пласт цветоименований составляют монголизмы, арабизмы и персизмы.

Пратюркский пласт. Следует отметить, что цвет является одним из наиболее доступных для человека обозначений признаков предметов окружающего мира, и группа цветообозначающих слов во всех языках – одна из самых древних. Базовые цветообозначения в тюркских языках главным образом имеют пратюркскую основу, большинство из них, судя по реконструкциям, восходят к алтайской эпохе [EDAL 2003, Дыбо 2013].

В башкирском языке десять цветообозначений восходят к пратюркским и далее – к праалтайским основам (*табл. 4*):

Таблица 4. Пратюркский пласт цветообозначений башкирского языка

Цветообозначения башкирского языка	Пратюркские формы	Праалтайские формы
<i>кара</i> 'черный'	* <i>Kara</i> 'черный'	* <i>kàru</i> 'черный'
<i>һоро</i> 'серый'	* <i>sūr</i> 'серый, бурый'	* <i>siŭjro</i> 'желтоватый, светлый'
<i>кызыл</i> 'красный'	* <i>Kiř-il</i> 'красный' < * <i>Kiř-</i> 'краснеть, раскаляться'	* <i>k'jūru</i> 'красный; коричневый, темный'
<i>һары</i> 'желтый'	* <i>siārig</i> 'желтый, белый'	* <i>siājri</i> 'белый, желтый'
<i>күк</i> 'синий'	* <i>gōk</i> 'синий, зеленый (макросиний)'	* <i>kōk'e</i> 'синий, зеленый'
<i>куңыр</i> 'бурый, темно-коричневый'	* <i>Koңur</i> 'бурый'	* <i>kōŋa</i> 'коричневый, черный'
<i>ерән</i> 'рыжий'	* <i>jəgre-n</i> 'рыжий (о масти лошади); олень, джейран, антилопа'	* <i>negre</i> 'вид оленя'
<i>ала</i> 'пегий'	* <i>āla</i> 'пестрый'	* <i>ālv</i> 'пестрый'
<i>кола</i> 'саврасый, буланный'	* <i>Kula</i> 'желтый, саврасый'	* <i>k'ūli</i> 'желтый, коричневый, серый'
<i>туры</i> 'гнедой'	* <i>tōruy</i> 'гнедой'	

Таким образом, в башкирском языке к пратюркским лексемам восходят названия пяти основных цветов (*кара* 'черный', *кызыл* 'красный', *һоро* 'серый', *һары* 'желтый', *күк* 'синий'), двух оттенков цветов (*куңыр* 'бурый, темно-коричневый', *ерән* 'рыжий'), одного смешанного цвета (*ала* 'пегий') и двух мастей лошади (*кола* 'саврасый, буланный', *туры* 'гнедой').

Общетюркский пласт. Общетюркский пласт лексики башкирского языка составляют названия, характерные для языков «общетюркской» ветви, образовавшейся после распада пратюркской общности (III в. до н.э.) [Дыбо 2007: 200]. Как правило, общетюркские лексемы встречаются в двух или более подгруппах тюркских языков.

В башкирском языке девять производных цветообозначений относятся к общетюркскому пласту лексики (табл. 5):

Таблица 5. Общeturкский пласт цветообозначений башкирского языка

Цветообозначения башкирского языка	Пратюркские формы	Праалтайские формы	Распространение в тюрк. языках
<i>ак</i> 'белый'	* <i>Āk</i> 'белый'	* <i>īāk</i> 'V 'светлый, белый'	во всех языках, кроме чув. и як.
<i>буз</i> 'сивый, серый'	* <i>boŕ</i> 'серый'	* <i>boŕ</i> 'V 'серый'	во всех подгруппах, кроме булг.
<i>йәшел</i> 'зеленый'	* <i>jāl-il</i> 'зеленый' < * <i>jāl</i> 'зелень, зеленый, незрелый'	* <i>ñjōle</i> 'зеленый, зелень, поросль'	во всех подгруппах, кроме булг.
<i>ал</i> 'алый, розовый'	* <i>Āl</i> 'красный, алый'	* <i>ñjōle</i> 'красный, розовый; желтый'	в кыпч., кирг.-кыпч., огузск., карлук. подгруппах
<i>сәгер</i> 'светло-голубой, зеленовато-голубой'	* <i>čakir</i> 'светло-серый, серовато-голубой'	* <i>šāk'a</i> 'белый'	в кыпч., кирг.-кыпч., огузск., карлук. подгруппах
<i>сыбар</i> 'пестрый'	<i>čorur, čar-</i> 'пестрый, рябой; непородистый, неряшливый; высыпать (о сыпи, чирьях)'	* <i>šor'é</i> 'веснушки, пятна'	в кыпч., огузск., карлук. подгруппах
<i>коба</i> 'светло-желтый, бледно-бурый, палевый'	* <i>Kuba</i> / * <i>Koba</i> 'желтоватый, сероватый'	* <i>qjōjbi</i> 'бледный'	во всех подгруппах, кроме булг.
<i>сал</i> 'седой, светло-серый; чалый'	* <i>čĀl</i> 'серый, седой'	* <i>č'jōli</i> 'серый, светлый'	во всех подгруппах, кроме булг.
<i>таргыл</i> 'полосатый'	< * <i>d(i)ār</i> 'узкий' + <i>-yil</i>		в кыпч., кирг.-кыпч., карлук. подгруппах

Как видим, в башкирском языке к общeturкскому пласту лексики относятся четыре названия основных цветов (*ак* 'белый', *буз* 'сивый, серый', *йәшел* 'зеленый', *ал* 'алый, розовый'), одно название оттенка цвета (*сәгер* 'светло-

голубой, зеленовато-голубой’), одно название смешанного цвета (*сыбар* ‘пестрый’), три названия масти лошади (*коба* ‘светло-желтый, бледно-бурый; палевый’, *сал* ‘седой, светло-серый; чалый’, *таргыл* ‘полосатый’).

Заимствованная лексика. Заимствованный пласт цветообозначающей лексики башкирского языка составляют слова монгольского, арабского и персидского происхождения.

Заимствования из монгольских языков отражают тесную взаимосвязь (в том числе и генетическую связь) между тюркскими и монгольскими народами и составляют в основном названия мастей лошади. Арабские и персидские заимствования, как отмечает Э.Ф. Ишбердин, вошли в башкирский язык разными путями: если арабизмы заимствовались в большинстве своем через книжный язык, то персидские слова – путем живого общения двух народов, в основном на почве торговых отношений [Ишбердин 1986а: 113–116].

Среди цветообозначений башкирского языка шесть названий являются лексемами монгольского происхождения, два названия – персидского, одно название – арабского. Эти цветообозначения (кроме арабизма *хәнәүәт* ‘оранжевый’) встречаются также в других тюркских языках (табл. б):

Таблица б.

Заимствованный пласт цветообозначений башкирского языка

Цветообозначения башкирского языка	Происхождение цветообозначений	Распространение в тюрк. языках
<i>көрән</i> ‘коричневый’	монг. < ПМо. * <i>küre-</i> (* <i>küri</i>) ‘коричневый, бурый’ < ПА * <i>k’iürü</i> ‘красный; коричневый, темный’	во всех подгруппах (но в булг. заимств. из тат.)
<i>сантар</i> ‘игренивый’	монг. < ПМо. * <i>čabidar</i> ‘желтоватый, игренивый’ < ПА * <i>č’ura</i> ‘серый’	в кыпч., кирг.-кыпч. и уйг.-огузск. подгруппах
<i>бурыл</i> ‘чалый, серый’	монг. < ПМо. * <i>buɣurul</i> ‘серый, седой’ < ПА * <i>bagu</i> ‘белый, серый’	во всех подгруппах

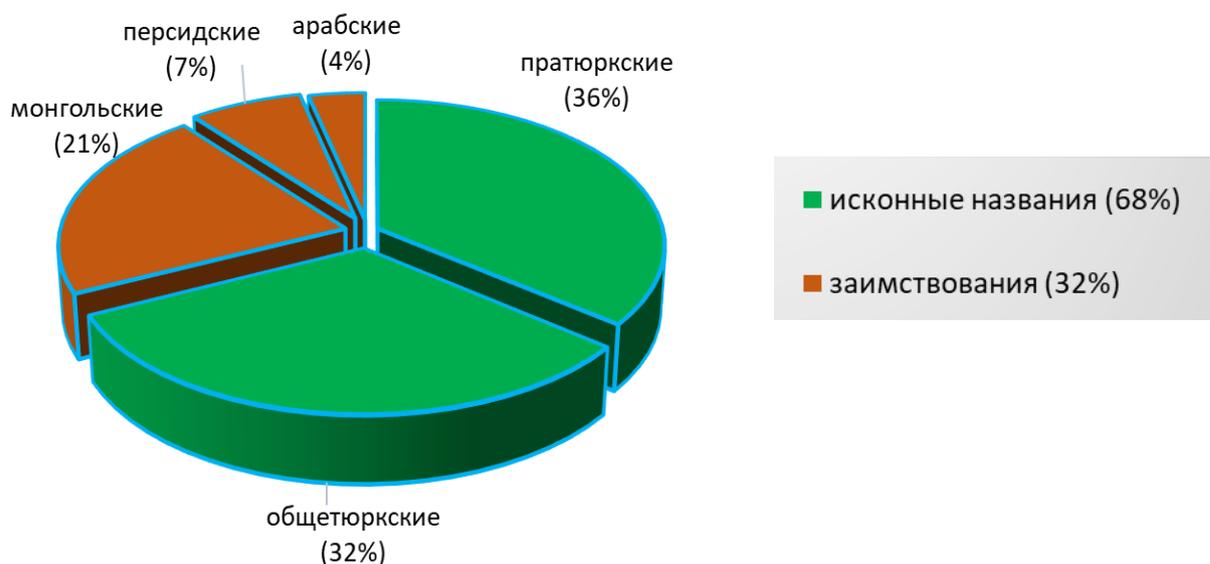
<i>бүртә</i> ‘караковый’	позднемонг. <i>börtü</i> ≈ <i>börte</i> ‘пестрый, с пятнами, пестрый, в крапинку; серый’	в башк., сиб.-тат., кирг, уйг. языках
<i>кир</i> ‘мухортый’	монг. < ПМо. * <i>kehere</i>	во всех подгруппах, кроме булг.
<i>тарлан</i> ‘(серый, сивый) с примесями другого цвета’	монг. <i>тарлан</i> ‘пестрый, крапчатый; пятнистый (о крупном рогатом скоте, птицах)’	во всех подгруппах, кроме булг. и огузск.
<i>зәңгәр</i> ‘голубой’	перс. زنگار [zäŋgar] ‘ярь- медянка; ржавчина’ или زنگاری [zäŋgari] ‘желто-зеленый’	в башк., тат., сиб.-тат., кр.-тат., кум., каз., узб., чув. яз.
<i>шәмәхә</i> ‘фиолетовый’	перс. شماخی [šämaxi] ‘цвет шамаханских шелковых тканей’ < ‘сделанный в городе Шамахи’	в башк. и тат. яз.
<i>хәнәүәт</i> ‘оранжевый’	араб. حنة [henāt] < حناء [hena] ‘хна’	в башк. яз.

Итак, в башкирском языке из шести монгольских заимствований пять наименований являются названиями масти лошади. Вместе с тем название неспектрального цвета *көрән* ‘коричневый’, которое входит в активный словарный запас башкирского языка, изначально также обозначало масть лошади. Арабские и персидские заимствования являются названиями спектральных цветов, среди которых слово *зәңгәр* ‘голубой’ входит в активный словарный состав башкирского языка, а названия *шәмәхә* ‘фиолетовый’ и *хәнәүәт* ‘оранжевый’ в основном характерны только для книжного стиля.

Соотношение исконных и заимствованных лексем цветообозначений башкирского языка представим в диаграмме (*диагр. 1*):

Диаграмма 1.

Генетические пласты цветообозначений башкирского языка

Итак, относительно происхождения непроемных цветообозначений в башкирском языке можно сказать, что из 28 лексем 19 названий являются лексемами исконно тюркского происхождения (десять пратюркских и девять общетюркских названий), девять лексем – заимствованиями (шесть – из монгольских языков, две – из персидского, одна – из арабского).

3.2. Производные цветообозначения башкирского языка со значением степени проявления признака

3.2.1. Цветообозначения со значением полной степени проявления признака

Прилагательные, в том числе и прилагательные цвета, «имеют специальные показатели, выражающие различные степени качества, признака, обозначаемого основой (от разных степеней неполноты признака до наиболее интенсивного его проявления)» [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 1988: 153]. Как пишут М.Х. Ахтямов, Т.М. Гарипов, «исходной форме прилагательного в лексико-грамматическом плане противопоставляются формы усиления

интенсива и ослабления признака предмета» [Грамматика современного башкирского литературного языка 1981: 196].

В башкирском языке, как и в других тюркских языках, интенсивность признака выражается производными прилагательными со значением степени проявления признака, то есть образуются от основы-прилагательного. Эти формы Н.К. Дмитриевым обозначены как «форма усиления качества» и «форма ослабления качества» [Дмитриев 2008: 85].

Формы усиления качества (форма усиленной степени качества, форма усиления интенсива) являются распространенным явлением в тюркских языках и детально описаны в грамматике тюркских языков [Грамматика современного башкирского литературного языка 1981, Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 1988, Дмитриев 2008].

Формы усиления качества (производные цветообозначения со значением полной степени проявления признака) выражают интенсивность признака, в том числе проявление таких физических характеристик цвета, как насыщенность и светлота. Так, производными со значением полной степени проявления признака обозначается наиболее насыщенный хроматический цвет (*кып-кызыл, сем кызыл* ‘совершенно красный’), наиболее светлый или темный ахроматический цвет (*ап-ак* ‘белый-пребелый’, *кап-кара / сем кара* ‘черный-пречерный’).

Здесь следует обратить внимание на то, что форма *ап-ак* ‘белый-пребелый’ выражает интенсивность света, а формы *кап-кара / сем кара* ‘черный-пречерный’, наоборот, передают отсутствие света (то есть интенсивность света равна нулю). Следовательно, можно сделать вывод о том, что данные формы прилагательного цвета образуются для выражения интенсивности признака, но не всегда интенсивности физических параметров цвета.

Относительно формы усиления качества Н.К. Дмитриев пишет, что «можно отметить две ее разновидности: аналитическую и синтетическую» [Дмитриев 2008: 85]. Отметим, что производные цветообозначения со значением полной

степени проявления признака в башкирском языке также образуются отмеченными двумя способами:

1. Аналитический способ (синтаксическое сочетание основной формы прилагательного с усилительными частицами *сем / сөм, селт / сылт, сей, дөм*). Производные со значением полной степени проявления признака с помощью усилительных частиц в башкирском языке образуются от десяти цветообозначений:

– *кара* ‘черный’: *сем / сөм кара, сылт кара, дөм кара* ‘черный-пречерный, совершенно черный’;

– *ак* ‘белый’: *сем ак, селт ак* ‘белый-пребелый, совершенно белый’;

– *һары* ‘желтый’: *сем һары, сылт / селт һары, сей һары* ‘желтый-прежелтый, совершенно желтый’;

– *кызыл* ‘красный’: *сем кызыл, селт / сылт кызыл* ‘ярко-красный, совершенно красный’;

– *йәшел* ‘зеленый’: *сем йәшел, селт йәшел* ‘зеленый-презеленый, совершенно зеленый’;

– *зәңгәр* ‘голубой’: *сем зәңгәр, селт зәңгәр* ‘голубой-преголубой, совершенно голубой’;

– *күк* ‘синий’: *сем күк, селт күк* ‘синий-пресиний, совершенно синий’;

– *ал* ‘алый, розовый’: *сем ал, селт ал* ‘алый-преалый, ярко-алый’;

– *көрән* ‘коричневый’: *сем көрән, селт / сылт көрән* ‘сильно коричневый’;

– *ерән* ‘рыжий’: *сем ерән, селт ерән* ‘сильно рыжий’.

Из этих десяти цветообозначений восемь названий являются древними исконными лексемами, две лексемы – заимствованиями, которые получили активное применение в современном башкирском языке.

2. Синтетический способ (частичная редупликация исходного прилагательного с вставкой структурной морфемы *-n* или *-m*):

– *кара* ‘черный’: *кан-кара* ‘черный-пречерный’;

– *ак* ‘белый’: *ан-ак* ‘белый-пребелый’;

- *horo* ‘серый’: *hon-horo* ‘серый-пресерый’ (*редко*);
- *буз* ‘сивый, серый’: *бун-буз* ‘серый-пресерый’ (*редко*);
- *кызыл* ‘красный’: *кын-кызыл* ‘совершенно красный’;
- *хары* ‘желтый’: *han-hары* ‘желтый-прежелтый, очень желтый, совершенно желтый’;
- *йәшел* ‘зеленый’: *йәп-йәшел* / *йәм-йәшел* ‘зеленый-презеленый’;
- *зәңгәр* ‘голубой’: *зәп-зәңгәр* ‘совершенно голубой’;
- *күк* ‘синий’: *күм-күк* ‘синий-пресиний’;
- *ал* ‘черный’: *ап-ал* ‘ярко-алый’ (*редко*);
- *көрән* ‘коричневый’: *көп-көрән* ‘совершенно коричневый’ (*редко*);
- *ерән* ‘рыжий’: *еп-ерән* ‘совершенно рыжий’ (*редко*);
- *сәгер* ‘светло-голубой, зеленовато-голубой’: *сәп-сәгер* ‘сильно зеленовато-голубой’ (*редко*);
- *куңыр* ‘бурый, темно-коричневый’: *куп-куңыр* ‘бурый-пребурый’ (*редко*);
- *ала* ‘черный’: *ап-ала* ‘сильно пегий’ (*редко*);
- *сыбар* ‘черный’: *сып-сыбар* ‘пестрый-репестрый’.

Производные со значением полной степени проявления признака способом редупликации образуются от 16 прилагательных цвета (то есть от всех прилагательных цвета, кроме заимствованных слов *шәмәхә* ‘фиолетовый’, *хәнәүәт* ‘оранжевый’ и названий мастей лошади).

Отметим, что формы *hon-horo* ‘серый-пресерый’, *көп-көрән* ‘совершенно коричневый’, *еп-ерән* ‘совершенно рыжий’, *куп-куңыр* ‘бурый-пребурый’, *бун-буз* ‘серый-пресерый’, *ап-ал* ‘ярко-алый’, *ап-ала* ‘сильно пегий’, *сәп-сәгер* ‘сильно зеленовато-голубой’ являются редко употребляемыми, которыми в основном передается эмоционально-экспрессивная стилистическая окраска. Так, в высказывании *сәп-сәгер күззәрен безерәйтән караны* ‘он вытаращил свои светло-голубые глаза’ форма *сәп-сәгер* выражает презрительное отношение говорящего к описываемому лицу. Семантика указанных форм также может быть связана с обозначением сплошной, одинаковой по всей области заливки цвета, например, в

словосочетании *һоп-һоро бесәй* ‘серый-пресерый кот’ форма *һоп-һоро* подразумевает сплошной, равномерно серый окрас шерсти кота.

Семантическая нагрузка слова *сыбар* ‘пестрый’ предполагает сочетание двух и более цветов, использование его с префиксом (*сын-сыбар*) указывает на их многообразие.

Производные прилагательные цвета со значением полной степени проявления признака, образованные этими двумя способами, в башкирском языке применяются довольно активно: *Рәшиттең атаһы буйға озон, сиган кеуек, кара йөзлө, үткер асыҡ күзлө, сөм кара сәсле кеше ине* ‘Отец Рашита был человеком высокого роста, смуглым, как у цыган, лицом, с зоркими светлыми глазами, **черными-пречерными** волосами’ (А. Бикчентаев) [КБЯП]; *Уға [Бибигөлгә] өләсәһе һабантуйға тип сылт кызыл төстәге күлдәк теккән була* ‘Бабушка на сабантуй сшила ей [Бибигуль] платье **ярко-красного** цвета’ (журнал «Шонкар»)¹; *Кояш тонйорап, кып-кызыл шарға әйләнә башлагас, тоҙ тауында эш туктала* ‘Когда солнце багровеет и начинает превращаться в **ярко-красный** шар, на соляной горе прекращается работа’ (З. Ураксин) [КБЯП].

В других тюркских языках наблюдаются такие же способы образования производных со значением полной степени проявления признака: ккалп., тат. *сап-сары*, аз. *sapsarı*, уйг. *сеп-серик*, хак. *сап-сарыг* ‘желтый-прежелтый’, тат. *дәм-кара* ‘черный, пречерный’ [КРС 1958: 564, УРС 1968: 530, ХРС 2006: 445, АРС 2006г: 48, ТРС 2007б: 216].

Таким образом, производные цветообозначения со значением полной степени проявления признака употребляются для выражения интенсивности признака и образуются двумя способами: аналитическим (*сем ак* ‘белый-пребелый’) – от десяти; синтетическим (*кып-кызыл* ‘ярко-красный, совершенно красный’, *кап-кара* ‘черный-пречерный’) – от 16 прилагательных цвета.

¹ Бибигөл менән Әбейсыуак. Әкият (Бибигуль и Әбисуак. Сказка) // URL: <https://shonkar.rbsmi.ru/articles/s-y-r-m-kt-be/bibig-l-men-n-beysyua/> (Дата обращения: 31.01.2025).

3.2.2. Цветообозначения со значением неполной степени проявления признака

Форма проявления качества в неполной степени Н.К. Дмитриевым обозначена как «форма ослабления качества» [Дмитриев 2008: 85]. Как пишет А.А. Юлдашев, формы ослабления качества «тяготеют больше к грамматическому уровню, нежели словообразовательному, как по семантике, так и по функционированию» [Юлдашев 1981: 196].

Относительно особенностей употребления производных цветообозначений со значением неполноты качества можно сказать, что они могут функционировать как самостоятельно (*күкһел* ‘синеватый’), так и в составе аналитических названий (*күкһел йәшел* ‘синевато-зеленый’, *күгеллем һары* ‘синевато-желтый’).

Производные цветообозначения со значением неполной степени проявления признака или формы ослабления качества в башкирском языке связаны с обозначением таких физических характеристик цвета, как насыщенность и светлота. Производные от названий хроматических цветов обозначают меньшую насыщенность цвета (*кызғылт* ‘красноватый’, *йәшкелт* ‘зеленоватый’). Производные названия от ахроматических цветов главным образом указывают на ослабление признака, а не выражают физические параметры светлоты (*акһыл* ‘беловатый’, *карагускыл / караһыу* ‘темноватый’). Производные от названий ахроматических цветов в составе аналитических названий передают светлоту (*акһыл йәшел* ‘светло-зеленый’, *карагускыл кызыл* ‘темно-красный’) или насыщенность (*бузғыл кызыл* ‘серовато-красный’) хроматического цвета.

Производные цветообозначения со значением неполной степени проявления признака в башкирском языке образуются синтетическим способом (а именно – аффиксацией) с помощью следующих аффиксов: *-кел(т) / -ғыл(т) / -гол(т)*, -

һыл(т) / -һел(т) / -шел(т), -келтем / -һылтым, -һылтым / -һелтем / -шелтем¹, -һыу, -лйым / -елйем / -ылйым, -ылтым, -һускыл, -т, -са / -сә:

– *кара* ‘черный’: *кара-һыу, кара-лйым, кара-һускыл* ‘черноватый’;

– *ак* ‘белый’: *ак-һыу, ак-һыл(т), ак-һылтым, аг-ылйым, аг-ылтым, аг-ылһым, ак-са* ‘беловатый’;

– *һоро* ‘серый’: *һор-һол(т)* ‘сероватый’;

– *буз* ‘сивый, серый’: *буз-һыу, буз-һыл(т)* ‘сероватый’;

– *кызыл* ‘красный’: *кызыл-һыу, кызыл-һыл(т), кызыл-һылтым, кызыл-ылйым, кызыл-ылтым*, диал. *кызыл-лау* ‘красноватый’;

– *һары* ‘желтый’: *һар-һыл(т), һар-һылтым*, диал. *һары-лау* ‘желтоватый’;

– *йәшел* ‘зеленый’: *йәшел-һыу, йәш-кел(т), йәш-келтем*, диал. *йәшел-ләү* ‘зеленоватый’;

– *зәңгәр* ‘голубой’: *зәңгәр-һыу* ‘голубоватый’;

– *күк* ‘синий’: *күк-һыу, күк-һел(т), күк-һелтем, күк-шел(т), күк-шелтем, күг-елйем, күг-елтем², күк-сә* ‘синеватый’;

– *ал* ‘алый, розовый’: *ал-һыу* ‘розоватый’;

– *көрән* ‘коричневый’: *көрән-һыу* ‘коричневатый’;

– *куңыр* ‘бурый, темно-коричневый’: *куңыр-һыу, куң(г)ыр-т* ‘буроватый’;

– *ерән* ‘рыжий’: *ерән-һыу, ерән-сә* ‘рыжеватый’;

– *сыбар* ‘пестрый’: *сыбар-һыу* ‘пестроватый’;

– *ала* ‘пегий’: *ала-с(а)* ‘пеговатый’.

Следует отметить, что производные со значением неполной степени проявления признака могут образовываться от существительных и «нецветовых» прилагательных прибавлением к ним аффиксов *-һыу, -һыл*:

– *канһыу* ‘красноватый’ (< *кан* ‘кровь’);

¹ Считается, что подобного рода аффиксы являются результатом дальнейшего развития формантов *-келт / -һылт, -һылт / -һелт*, к которым наращиваются еще показатели *-ым / -ем*. С прибавлением новых формантов в семантике слова уменьшается интенсивность цвета, например: *йәшкелт* – зеленоватый, *йәшкелтем* – менее зеленоватый [Азнабаев, Псянчин 1983: 101].

² Возможно: *аг-ылтым* < *ак-һылтым*; *кыз-ылтым* < *кыз-һылтым*; *күг-елтем* < *күк-һелтем*.

- *көлһыу* ‘серый, пепельный’ (< *көл* ‘зола, пепел’);
- *алтынһыу* ‘золотистый’ (< *алтын* ‘золото’);
- *көмөшһыу* ‘серебристый’ (< *көмөш* ‘серебро’);
- *кыугыл* ‘светло-желтый, бледно-рыжий’ (< *кыу* ‘сухой, высохший (о траве)’).

Как видим, здесь аффиксы *-һыу*, *-гыл* указывают на ослабление качества оттенка цвета, отождествляемого с цветом предмета. В положительной степени употреблялись бы другие производные от тех же существительных, например: *алтын төсөндәге* ‘золотистый, букв. цвета золота’, *көл төсөндәге* ‘серый, пепельный, букв. цвета золы’, *кан төсөндәге* ‘крово-красный, букв. цвета крови’, *көмөш төстәге* ‘серебристый, букв. цвета серебра’, *кыу төсөндәге* ‘рыжеватого-желтый, букв. цвета высохшей травы’.

Также отметим, что от слов *алтын* ‘золото’, *көмөш* ‘серебро’ образуются постоянные эпитеты со значением цвета: *алтын япрактар* ‘золотистые листья’, *алтын кояш* ‘золотистое солнце’, *көмөш ысык* ‘серебристая роса’, *көмөш тамсылар* ‘серебристые капли’. Относительно подобных эпитетов можно сказать, что они выражают цвет только в контексте.

Итак, аффиксальные производные со значением неполной степени проявления признака в башкирском языке образуются от 15 прилагательных-цветообозначений, одного «нецветового» прилагательного и четырех существительных. Такое производное не образуется от названия *сәгер* ‘светло-голубой, зеленовато-голубой’, так как в его значение уже изначально заложена семантика светлоты. От двух заимствованных цветообозначений (*хәнәүәт* ‘оранжевый’, *шәмәхә* ‘фиолетовый’) также не образуются формы неполной степени проявления признака.

Как отмечалось выше, аффиксы ослабления качества прилагательных-цветообозначений имеют различные варианты. Представим их в таблице (табл. 7):

Таблица 7. Аффиксы неполноты признака прилагательных-цветообозначений
(«нецветовых» прилагательных и существительных) в башкирском языке

Аффиксы ЦО	-кел(т) -ғыл(т) -ғол(т) -келтем -ғылтым	-һыл(т) -һел(т) -шел(т) -һылтым -һелтем -шелтем	-һыу	-лйым -ылайым -елйем -лтым -ылтым -елтем	-са ¹	-ғускыл -т -лау (диал.)	Значение форм
<i>кара</i> 'черный'			<i>кара-һыу</i>	<i>кара-лйым</i> <i>кара-лтым</i>		<i>кара-ғускыл</i>	'черноватый'
<i>ак</i> 'белый'		<i>ак-һыл</i> <i>ак-һылт</i> <i>ак-һылтым</i>	<i>ак-һыу</i>	<i>ағ-ылайым</i> <i>ағ-ылтым</i> <i>ағ-ылһым</i>	<i>ак-са</i>		'беловатый'
<i>һоро</i> 'серый'	<i>һор-ғол</i> <i>һор-ғолт</i>						'сероватый'
<i>буз</i> 'сивый, серый'	<i>буз-ғыл</i> <i>буз-ғылт</i>		<i>буз-һыу</i>				'сероватый'
<i>кызыл</i> 'красный'	<i>кыз-ғыл</i> <i>кыз-ғылт</i> <i>кыз-ғылтым</i>		<i>кызыл-һыу</i>	<i>кыз-ылайым</i> <i>кыз-ылтым</i>		<i>кызыл-лау</i>	'красноватый'
<i>һары</i> 'желтый'	<i>һар-ғыл</i> <i>һар-ғылт</i> <i>һар-ғылтым</i>					<i>һары-лау</i>	'желтоватый'
<i>йәшел</i> 'зеленый'	<i>йәш-кел</i> <i>йәш-келт</i> <i>йәш-келтем</i>		<i>йәшел-һыу</i>			<i>йәшел-ләу</i>	'зеленоватый'

¹ Аффиксы неполноты признака -са/-сә прибавляются главным образом к названиям мастей лошади.

<i>заңгар</i> ‘голубой’			<i>заңгар-һыу</i>				‘голубоватый’
<i>күк</i> ‘синий’		<i>күк-һел күк-һелт күк-һелтем күк-шел күк-шелт күк-шелтем</i>	<i>күк-һыу</i>	<i>күг-елйем күг-елтем</i>	<i>күк-сә</i>		‘синеватый’
<i>ал</i> ‘алый, розовый’			<i>ал-һыу</i>				‘аловатый, розоватый’
<i>куңыр</i> ‘бурый, темно- коричневый’			<i>куңыр-һыу</i>			<i>куң(ғ)ыр-т</i>	‘буроватый’
<i>көрән</i> ‘коричневый’			<i>көрән-һыу</i>				‘коричневатый’
<i>ерән</i> ‘рыжий’			<i>ерән-һыу</i>		<i>ерән-сә</i>		‘рыжеватый’
<i>ала</i> ‘пегий’					<i>ала-с(а)</i>		‘пеговатый’
<i>сыбар</i> ‘пестрый’			<i>сыбар-һыу</i>				‘пестроватый’
<i>кан</i> ‘кровь’			<i>кан-һыу</i>				‘красноватый’
<i>көл</i> ‘зола, пепел’			<i>көл-һыу</i>				‘серый, пепельный’
<i>алтын</i> ‘золото’			<i>алтын-һыу</i>				‘золотистый’
<i>көмөш</i> ‘серебро’			<i>көмөш-һыу</i>				‘серебристый’
<i>кыу</i> ‘сухой, высохший (о траве)’	<i>кыу-зыл</i>						‘светло- желтый, бледно-рыжий’

Из табл. 7 видим, что наиболее продуктивным является аффикс *-һыу* который употребляется с 12 прилагательными-цветообозначениями и четырьмя существительными. Аффиксы *-кел(т-ем) / -ғыл(т-ым) / -зол(т)* прибавляются к пяти цветообозначениям; *-лйым / -елйем / -ылйым, -лтым / -елтем / -ылтым / -ылһым, -са / -сә* – к четырем цветообозначениям; *-һыл(т-ым) / -һел(т-ым) / -шел(т-ем)* – к двум цветообозначениям; *-гускыл, -т* – только к одному цветообозначению.

В других тюркских языках наблюдается такой же синтетический способ (аффиксация) образования производных со значением неполной степени проявления признака, но с прибавлением и других различных типов аффиксов, например: желтоватый – ккалп. *саралтым, сарғыи, сарғылт*, кбалк. *сарғыыл, сарғыылдым*, кирг. *сарғылт, сарғымтал, сарғыч*, алт. *сарызымак*, аз. *sarımtıl*, туркм. *сарғылт*, узб. *сарғыи* [КРС 1958: 565, ТРС 1968: 566, КРС 19856: 137, КБРС 1989: 542, УРС 1989: 155, АРС 2006г: 52, АРС 2015: 103], красноватый – ккалп. *қызылсымақ*, кирг. *кызғылт, кызғылтым*, алт. *кызылзымак, кыскылтым*, уйг. *қизамтул* [КРС 1958: 421, УРС 1968: 625, КРС 19856: 477, АРС 2015: 84].

Аффиксы неполноты признака в тюркских языках подробно описаны А.М. Щербаком, который отмечает, что «тюркские языки не знают одного, единого показателя ослабленного качества, что говорит о позднем развитии этой формы и при этом о развитии самостоятельном в той или иной локальной группе языков» [Щербак 1977: 115, Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 1988: 154].

Производные слова со значением неполной степени проявления признака активно употребляются в башкирском языке, например: *Салт аяз зәңгәрһыу күк йөзөндә һабан тургайының сыңрауы, йылы ел йәнгә үзенә бер төрлө еңеллек өрзө* ‘Пение жаворонка в ясном голубоватом небе и теплый ветер создавали внутреннее ощущение легкости’ (А. Абдуллин); *Күк йөзөн һорголт болоттар каплаган, ат тояктары астында баткак лыстырлай* ‘Небо покрыто сероватыми тучами, под копытами лошадей хлюпает грязь’ (Н. Мусин) [КБЯП]; *Бына һорголт канаттарын йәйеп, бөркөт үзе төйәкләгән кая*

буйзарын урап сыга ‘Вот, раскинув сероватые крылья, орел облетает скалы, на которых он обитает’ (Г. Аллаяров).

Таким образом, в башкирском языке производные со значением неполной степени проявления признака выражают ослабление качества признака и образуются синтетическим способом (аффиксацией) от прилагательных и существительных (*кызгылт* ‘красный’, *алтынһыу* ‘золотистый’). Эти производные могут употребляться в составе аналитических конструкций, являясь их первым компонентом и уточняя оттенок второго компонента – основного цветообозначения (*кызгылт һары* ‘красновато-желтый’).

3.2.3. Модели образования производных цветообозначений со значением полной или неполной степени проявления признака

Производные слова со значением полной или неполной степени проявления признака, образованные от прилагательных-цветообозначений, представим в таблице (табл. 8):

Таблица 8. Производные цветообозначения башкирского языка со значением полной или неполной степени проявления признака

Цветообозначения / существительные	Полная степень проявления признака (аналитический способ)	Полная степень проявления признака (синтетический способ – редупликация)	Неполная степень проявления признака (синтетический способ – аффиксация)
<i>кара</i> ‘черный’	<i>сем / сөм кара</i> <i>селт кара</i> <i>дөм кара</i>	<i>кап-кара</i>	<i>кара-һыу</i> <i>кара-ғускыл</i> <i>кара-лйым</i> <i>кара-лтым</i>
<i>ак</i> ‘белый’	<i>сем ак</i> <i>селт ак</i>	<i>ап-ак</i>	<i>ак-һыу</i> <i>ак-һыл</i> <i>ак-һылт</i>

			<i>ак-һылтым</i> <i>аг-ылыым</i> <i>аг-ылтым</i> <i>аг-ылһым</i> <i>ак-са</i>
<i>һоро</i> ‘серый’	–	<i>һоп-һоро (редко)</i>	<i>һор-һолт</i>
<i>буз</i> ‘серый, сивый’	–	<i>буп-буз (редко)</i>	<i>буз-һыу</i> <i>буз-һыл</i>
<i>кызыл</i> ‘красный’	<i>сем кызыл</i> <i>селт / сылт</i> <i>кызыл</i>	<i>кып-кызыл</i>	<i>кызыл-һыу</i> <i>кыз-һыл</i> <i>кыз-һылт</i> <i>кыз-һылтым</i> <i>кыз-ылыым</i> <i>кыз-ылтым</i>
<i>һары</i> ‘желтый’	<i>сем һары</i> <i>селт / сылт һары</i> <i>сей һары</i>	<i>һап-һары</i>	<i>һар-һыл</i> <i>һар-һылт</i> <i>һар-һылтым</i> <i>һары-лау</i>
<i>йәшел</i> ‘зеленый’	<i>сем йәшел</i> <i>селт йәшел</i>	<i>йәм-йәшел</i> <i>йәп-йәшел</i>	<i>йәшел-һыу</i> <i>йәш-кел</i> <i>йәш-келт</i> <i>йәш-келтем</i> <i>йәшел-ләү</i>
<i>күк</i> ‘синий’	<i>сем күк</i> <i>селт күк</i>	<i>күм-күк</i>	<i>күк-һыу</i> <i>күк-һел</i> <i>күк-һелт</i> <i>күк-һелтем</i> <i>күк-шел</i> <i>күк-шелт</i> <i>күк-шелтем</i> <i>күг-елйем</i> <i>күг-елтем</i> <i>күк-сә</i>
<i>көрән</i> ‘коричневый’	<i>сем көрән</i> <i>селт көрән</i>	<i>көп-көрән (редко)</i>	<i>көрән-һыу</i> <i>көрән-сә</i>
<i>ерән</i> ‘рыжий’	<i>сем ерән</i> <i>селт ерән</i>	<i>еп-ерән (редко)</i>	<i>ерән-һыу</i> <i>ерән-сә</i>
<i>ал</i> ‘алый, розовый’	<i>сем ал</i> <i>селт ал</i>	<i>ап-ал (редко)</i>	<i>ал-һыу</i>
<i>куңыр</i> ‘бурый’	-	<i>куп-куңыр</i> <i>(редко)</i>	<i>куңыр-һыу</i> <i>куң(з)ыр-т</i>

<i>сәгер</i> ‘светло-голубой, зеленовато-голубой’	–	<i>сәп-сәгер (редко)</i>	–
<i>ала</i> ‘пегий’	–	<i>ап-ала (редко)</i>	<i>ала-са</i>
<i>сыбар</i> ‘пестрый’	–	<i>сын-сыбар</i>	<i>сыбар-һыу</i>
<i>зәңгәр</i> ‘голубой’	<i>сем зәңгәр</i> <i>селт зәңгәр</i>	<i>зәп-зәңгәр</i>	<i>зәңгәр-һыу</i>
<i>шәмәхә</i> ‘фиолетовый’	–	–	–
<i>хәнәүәт</i> ‘оранжевый’	–	–	–
<i>кан</i> ‘кровь’	–	–	<i>кан-һыу</i> ‘красноватый’
<i>көл</i> ‘зола’			<i>көл-һыу</i> ‘серый, пепельный’
<i>алтын</i> ‘золото’			<i>алтын-һыу</i> ‘золотистый’
<i>кәмөш</i> ‘серебро’			<i>кәмөш-һыу</i> ‘серебристый’
<i>кыу</i> ‘сухой, высохший (о траве)’			<i>кыу-һыл</i> ‘светло-желтый, бледно-рыжий’

Из табл. 8 видно, что производные со значением полной и неполной степени проявления признака в башкирском языке по всем трем моделям образуются только от десяти цветообозначений, которые являются названиями некоторых ахроматических и хроматических цветов.

От двух заимствованных цветообозначений (*хәнәүәт* ‘оранжевый’, *шәмәхә* ‘фиолетовый’) не образуются формы полной или неполной степени проявления признака. Это связано с тем, что они в башкирский язык вошли сравнительно недавно, и их фонетический состав не позволяет принимать им традиционные аффиксы. Здесь же отметим, что производные со значением полной или неполной степени проявления признака не образуются от названий мастей лошади.

Аналитическим способом (по модели «усилительная частица + ЦО») от десяти названий цвета образуются 22 производные лексемы. Синтетическим способом образуются 75 производных цветообозначений: редупликацией – 17 названий от 16 цветообозначений; аффиксацией – 58 названий от 15 прилагательных цвета, одного «нецветового» прилагательного и четырех существительных.

Таким образом, производные цветообозначения со значением полной или неполной степени проявления признака в башкирском языке составляют 97 единиц и выражают усиленное или ослабленное качество признака. Существуют три способа их образования: синтетический – аффиксация (58 названий), редупликация (17 названий); аналитический (22 названия).

3.3. Аналитические формы цветообозначений башкирского языка

3.3.1. Лексико-семантические группы аналитических форм цветообозначений

Аналитические названия представляют собой сочетания слов, которые образуют неделимое смысловое единство. В лингвистической литературе цветообозначения, состоящие из двух или нескольких слов, могут называться разными терминами: «составные цветообозначения», «сложные цветообозначения», «аналитические цветообозначения», «цветообозначения, образованные лексико-синтаксическим способом» и т. д. Например, А.А. Юлдашев, рассматривая подобные языковые единицы башкирского языка, называет их «составными прилагательными» [Юлдашев 1981: 189], К.Г. Ишбаев аналитический способ образования прилагательных обозначает как «лексико-синтаксический способ» [Грамматика башкирского языка... 2018: 261–262] и т. д.

Что касается семантического содержания, анализ собранного из текстов корпусов башкирского языка материала по цветоименованиям показал, что

аналитические формы названий цвета образуются для обозначения: а) основных цветов; б) оттенков цветов (масти) по цветовому тону; в) оттенков цветов по насыщенности; г) оттенков цветов (масти) по светлоте.

Аналитические формы цветообозначений, обозначающие основные цвета. Несмотря на наличие в башкирском языке однословных заимствованных терминов для оранжевого (*хәнәүәт*), фиолетового (*шамәхә*) цветов, более распространенными для их обозначения являются аналитические цветонаименования.

В литературном башкирском языке оранжевый участок спектра обозначается сочетанием слов *кызғылт һары* ‘оранжевый, букв. красновато-желтый’. В разговорном языке могут встречаться такие аналитические формы, как *кызыл һары* ‘букв. красно-желтый’, *һарғылт / һары кызыл* ‘букв. желтовато-красный’, *әфлисун төсөндәге* ‘букв. цвета апельсина’, диалектный вариант – *сыскак һары* ‘букв. «поносный» желтый’.

Для обозначения фиолетового цвета в башкирском языке наблюдается употребление следующих составных названий: в разговорном языке встречаются сложные названия *кызыл / кызғылт күк* ‘букв. красновато-синий’, *көрән күк* ‘букв. коричневатосиний’, *зәңгәр күк* ‘букв. голубовато-синий’, в публицистике – название *миләүшә төс* ‘букв. цвета фиалки’ (вероятно, по происхождению – калька с русск. *фиолетовый* < польск. < нем. < франц. *violette* < лат. *vilola*).

В других тюркских языках названия для оранжевого и фиолетового цветов также образуются аналитическим способом. Оранжевый цвет в них обозначается как оттенок желтого или красного цвета: тат. *кызыл сары* ‘букв. красно-желтый’, ккалп. *кызғылт сары* ‘букв. красновато-желтый’, алт. *кызыл-сары* ‘букв. красно-желтый’, уйг. *қызғуч сериқ* ‘букв. красновато-желтый’, тув. *кызыл-сарыг* ‘букв. красно-желтый’, чув. *хёрлётех сарй* ‘букв. красновато-желтый’ [РАС 1964: 414, РКС 1967: 581, ТувРС 1968: 274, УРС 1968: 625, РСЧ 2002: 307, ТРС 2007б: 219]; фиолетовый цвет – как оттенок красного или

синего: ккалп. *қызылт көк* ‘букв. красновато-синий’, алт. *көк кызыл* ‘букв. синевато-красный’, хак. *хызамдых көк* ‘букв. красновато-синий’, як. *кытаран көстөр күөх* ‘букв. красновато-синий’, чув. *хёрлэ-кавак* ‘букв. красновато-синий’ [РХС 1961: 908, РАС 1964: 812, РКС 1967: 1069, РЯС 1968: 679, РЧС 2002: 460].

Аналитические формы цветообозначений, обозначающие оттенки цвета по цветовому тону. Оттенки по цветовому тону могут иметь как основные цвета, так и смешанные цвета и масти лошади.

Цветовой тон может обозначаться уточняющим компонентом, являющимся названием другого цвета. Например, межспектральные оттенки цвета (то есть промежуточные цвета между двумя участками спектра) обозначаются сочетанием названий двух соседних участков спектра: *йәшкелт һары* ‘зеленовато-желтый’, *йәшкелт зәңгәр* ‘зеленовато-голубой’, *зәңгәрһыу йәшел* ‘голубовато-зеленый’, *һарғылт йәшел* ‘желтовато-зеленый’, *күкһел йәшел* ‘синевато-зеленый’, *күгеллем һары* ‘синевато-желтый’.

Оттенки по цветовому тону других хроматических, а также ахроматических, смешанных цветов, мастей животных образуются с помощью уточняющего компонента – названием хроматического цвета или масти, например: *һарғылт көрән* ‘желтовато-коричневый’, *йәшкелт кара* ‘зеленовато-черный (черный с зеленоватым отливом)’, *һары сыбар* ‘желто-пестрый’, *туры кола* ‘гнедо-саврасый’, *кир туры* ‘гнедо-мухортый’.

Оттенок цвета по цветовому тону может выражаться названием предмета, с которым он отождествляется: *бурлат кызыл* ‘темно-красный, ярко-красный, кумачовый, букв. красный, как кумач’, *етен кеүек һары* ‘желтый, как лен’, *ыныйлай ак* ‘белый, как жемчуг’, *фәйрүзә төсөндәге* ‘бирюзовый, букв. цвета бирюзы’, *һөт төсөндәге* ‘молочный (белый с едва заметным кремовым оттенком), букв. цвета молока’.

Аналитические названия, выражающие оттенки цвета (масти) по цветовому тону, широко употребляются в башкирской художественной

литературе и публицистике: *Рәилдең йәшкелт зәңгәр күззәре шар булды* ‘Раиль вытарашил свои зеленовато-голубые глаза’ (журнал «Шонкар»)¹; *Кәзриә кап-кара каштары астында тагы ла асыгырак күренгән йәшкелт һары күззәрен өләсәһенең нуры кайткан карашына төбәне* ‘Кадрия устремила свои зеленовато-желтые глаза, выглядевшие еще светлее под черными-пречерными бровями, на потухший взгляд бабушки’ (Т. Гарипова); *Калкыулык шунда ук һаргылт көрән төс менән капланды* ‘Возвышенность тут же погрузилась в желтовато-коричневый туман’ (Р. Ханнанов); *Куңыр күзлеләргә көз көнө ирендәрен кызгылт көрән төскә буярга мөмкин* ‘Осенью кареглазым можно красить губы в красновато-коричневый цвет’ (журнал «Шонкар»)²; *Кара ала карныи колак эте уның [хажизың] ике аягы араһында рәхәтләнен йоклап ята* ‘Черно-пегий лопоухий пес мирно спит между его [хаджи] ног’ (Р. Уметбаев) [КБЯП]; *Япондарзың аттары бар за кызыл, күк ала* ‘У японцев кони все красные и сиво-пегие’ (Песня «Порт-Артур»)³.

В других тюркских языках сложные прилагательные цвета, обозначающие оттенки по цветовому тону, также широко представлены в различных текстах: тат. *зәңгәр күк* ‘васильковый, букв. голубовато-синий’, *сары яшел* ‘желто-зеленый, оливковый’, *кызгылт көрән* ‘ржавый, букв. красно-коричневый’, каз. *көк-жасыл* ‘сине-зеленый’, *күрең қызыл* ‘бордовый, букв. коричневато-красный’, ккалп. *қызыл-ала* ‘красно-пегий’, кирг. *кара-ала* ‘черно-чубарый’, *сары-ала* ‘булано-пегий’, *көк-ала* ‘серо-пегий’, тув. *кызыл-хүрең* ‘бордовый, букв. ‘красно-коричневый’, хак. *хызыл күрең* ‘бордовый, красно-коричневый’, як. *уот кыһыл* ‘огненно-красный’ (где *уот* – ‘огонь’), *хаан кыһыл* ‘алый’ (где *хаан* – ‘кровь’), чув. *сарй-хәймәр* ‘табачный; белокурый, букв. желто-коричневый’, *сар симёс* ‘желто-зеленый’, *симёс-кавак* ‘зеленовато-голубой,

¹ Юғарынан аскыс бирелә (Бывают подсказки сверху) // URL: <https://shonkar.rbsmi.ru/news/Yu-arinan-as-is-birel-147884/> (Дата обращения: 31.01.2025).

² Ғәйнитдинова Л. Ирен буяуынды күрһәт, кемлегенде әйтермен (Гайнитдинова Л. Покажи помаду, скажу, кто ты) // URL: <https://shonkar.rbsmi.ru/articles/tabip-m-y-sh-iren-buayaуy-dy-k-r-t-kemlege-de-ytermen/> (Дата обращения: 31.01.2025).

³ Исемле йырзарзан өзөктәр (Отрывки из песен с названиями) // URL: <http://vatandash.ru/pics/pdf/2623.pdf> (Дата обращения: 31.01.2025).

сизый' [КРС 1958: 35, РТС 1958: 455, ТуВРС 1968: 274, ЯРС 1972: 213, ЧРС 1985: 367, Бектаев 1995: 513, ХРС 2006: 877, РЧС 2012а: 604, Мусуков 2019: 302, АККЯ].

Аналитические формы цветообозначений, обозначающие оттенки цвета по насыщенности. Оттенки цвета по насыщенности обозначаются при помощи квалификатора (прилагательного с семантикой яркости или тусклости) и цветообозначающего слова.

Высокая степень насыщенности цвета передается при помощи квалификаторов *куйы* 'густой, густо-' (< ПТю. **Кожу-г* 'толстый, густой') [EDAL 2003: 734], *асык* 'яркий, ярко-', 'светлый, светло-' (< *асык* 'открытый' < башк. *ас-* 'открывать' < ПТю. **ас'* 'открывать') [EDAL 2003: 1116]; *сагыу* 'яркий, ярко-' (башк. *сак-* 'высекать искру, огонь' < др.-тюрк. *саг-* 'высекать искру, огонь') [ДТС 1969: 140], например: *асык йәшел* 'ярко-зеленый', *сагыу ерән* 'ярко-рыжий', *куйы кызыл* 'темно-красный, густо-красный'.

Низкая степень насыщенности цвета образуется при помощи квалификаторов *тонок* 'тусклый, тускло-, мутный, мутно-' (< *тон-* 'тускнеть; отстаиваться (о жидкости)' < др.-тюрк. *тин-* 'успокаиваться, затихать') [ДТС 1969: 586], *бөләңгерт* 'тусклый, неясный' (< монг.) [Ахметьянов 2015а: 196], *хоро* 'серый', *хорзолт* 'сероватый': *тонок хары* 'тускло-желтый', *бөләңгерт күк* 'тускло-синий', *хоро кызыл* 'серовато-красный', *хорзолт йәшел* 'серовато-зеленый'.

Подобные конструкции широко представлены в художественных произведениях: *Гөлфия теге яктарак һауага тонок кына күгелйем тәтән күтәрелгәннен абайланы* 'Гульфия заметила, что на той стороне в воздух поднялся мутно-синеватый дым' (Р. Байбулатов); *Сагыу зәңгәр күк тә баянан бирле уны тышка сакырып тора: «Яз етте бит, Емеш!»* 'И ярко-голубое небо давно ее зовет на улицу: «Весна же наступила, Емеш!»' (З. Биешева) [КБЯП].

Ср. в других тюркских языках: тат. *куе кызыл* ‘пунцовый, пурпурный’, *куе сары* ‘густо-желтый, лимонно-желтый’ (где *куе* – ‘густой’), туркм. *гойы гызыл* ‘бордо’ (где *гойы* – ‘густой’), тур. *parlak kırmızı* ‘ярко-красный’ (где *parlak* – ‘яркий’), уйг. *қениқ қизил* ‘пунцовый, алый, ярко-красный’ (где *қениқ* – ‘густой, темный’), узб. *оч сариқ* ‘ярко-желтый’ (где *оч* – ‘яркий’), хак. *сыдың хызыл* ‘ярко-красный’ (где *сыдың* – ‘яркий’), чув. *йёпкён хёрлэ* ‘пурпурный’ (где *йёпкён* – ‘густой, сочный’) [УРС 1959: 356, КРТС 1968: 43, УРС 1968: 626, ЧРС 1985: 555, ХРС 2006: 877, ТРС 2007а: 219, 645, БРТС 2009: 599].

Аналитические названия цвета, обозначающие оттенки цвета по светлоте. Оттенки цвета и масти по светлоте образуются с уточняющим компонентом – названием ахроматического цвета, например: *кара йәшел* ‘темно-зеленый’, *кара туры* ‘темно-гнедой’, *карагускыл кызыл* ‘темно-красный’, *ак хары* ‘светло-желтый’, *ак кола* ‘бледно-саврасый, бледно-буланный’, *акһыл йәшел* ‘светло-зеленый’.

Также для обозначения оттенка цвета по светлоте перед названием основного цвета ставятся прилагательные-квалификаторы *куйы* ‘темный, темно-’, *асык* ‘светлый, светло-’, *кускыл* ‘темный’, например: *куйы йәшел* ‘темно-зеленый, букв. густо-зеленый’, *асык хары* ‘светло-желтый’, *кускыл көрән* ‘темно-коричневый’.

Здесь следует отметить, что слова *куйы* ‘темный, темно-; густой, густо-’, *асык* ‘светлый, светло-; яркий, ярко-’ имеют несколько значений. Первое из них заключается в обозначении насыщенности цвета (*асык кызыл* ‘ярко-красный’, *куйы кызыл* ‘густо-красный’); второе значение связано со светлотой (*асык кызыл* ‘светло-красный’, *куйы кызыл* ‘темно-красный’); а третье объединяет светлоту и насыщенность (*асык хары* можно понять как ‘яркий светло-желтый’, *куйы йәшел* – как ‘густой темно-зеленый’).

Разные степени светлоты ахроматических цветов передаются названием предмета-эталона этого оттенка: *кагыз кеүек ап-ак* ‘белый, как бумага’, *ак кар*

төсөндәге ‘цвета белого снега’, *курғаиш һымак һоро* ‘серый, как свинец’, *муйылдай кара* ‘черный, как черемуха’.

Аналитические названия для обозначения оттенков цветов по светлоте широко употребляются как в письменной, так и в разговорной речи: *Авитаминозды азырганда быуындар тотмай, тире кызара, йөззә һәм кулдарза карагускыл кызыл таптар барлыкка килә* ‘При запущенном авитаминозе суставы слабеют, краснеет кожа, на лице и руках появляются **темно-красные** пятна’ (газета «Йэшлек», 20 марта 2010 г.) [КБЯПубл]; *Ул сакта Дарница акһыл һары комдан, урмандарзан торған ярым бушлык ине* ‘В то время Дарница представляла из себя полупустыню, состоящую из **светло-желтого** песка и лесов’ (И. Абдуллин) [КБЯП]; *Вәсилдең һорғолт зәңгәр күзәрәндә таштарзы иретерлек оскон токанды* ‘В **серовато-голубых** глазах Василя загорелась искра, которой можно было бы расплавить камни’ (И. Абдуллин) [КБЯП]; *Генри телһез калды, йөзө кағыз һымак ап-ак булды* ‘Генри потерял дар речи, лицо стало **белым-пребелым, как бумага**’ (Г. Хисамов) [КБЯП].

Ср. в других тюркских языках: тат. *аксыл сары* ‘светло-желтый, белокурый’, *карасу яшел* ‘темно-зеленый’, тур. *açık al* ‘ярко-красный’, аз. *tünd sarı* ‘темно-желтый’, *açık yeşil* ‘светло-зеленый’, хак. *nürkek хызыл* ‘темно-красный’ (где *nürkek* – ‘темный’), чув. *тёксём-хёрлө* ‘темно-красный’ (где *тёксём* – ‘темный’) [ТРС 1977: 22, ЧРС 1985: 469, ХРС 2006: 877, АРС 2006г: 641, ТРС 2007а: 219, 536].

Таким образом, цветообозначения, образованные аналитическим (лексико-синтаксическим) способом, активно употребляются в башкирском языке для обозначения двух хроматических цветов, множества оттенков хроматических и ахроматических цветов по цветовому тону, насыщенности, светлоте, а также оттенков смешанных цветов и мастей животных. Аналитические формы цветообозначений особенно широко представлены в художественных произведениях, что можно объяснить спецификой литературы

как искусства словесного, где важным является детальное описание предметов и явлений (а именно, применение таких средств изобразительности, как эпитеты, сравнения и т. д.).

3.3.2. Названия предметов-эталонов цвета в аналитических цветонаименованиях

Сбор, обработка и анализ аналитических форм цветообозначений из корпусов прозы и публицистики [КБЯП, КБЯПубл] позволили выявить эталоны оттенков цветов (масти) по цветовому тону, насыщенности и светлоте, употребляемые в современном башкирском языке, то есть определить предметы и субстанции, с окраской которых ассоциируется то или иное цветообозначение. Здесь следует отметить, что большинство сравнений в аналитических цветонаименованиях характерны для народно-разговорного языка и отражают древнее мировосприятие башкир, а некоторые сочетания можно отнести к индивидуально-авторскому употреблению, передающему видение мира писателем. Есть такие, которые, изначально будучи авторскими, в дальнейшем получили широкое распространение в языке. В башкирском языке сравнительными конструкциями передаются оттенки в основном следующих цветов: *кара* ‘черный’, *ак* ‘белый’, *һоро* ‘серый’, *кызыл* ‘красный’, *һары* ‘желтый’, *йәшел* ‘зеленый’, *зәңгәр* ‘голубой’, *күк* ‘синий’, *ерән* ‘рыжий’, *куңыр* ‘бурый, темно-коричневый’, *ал* ‘алый, розовый’. Ниже рассмотрим эти названия их более подробно.

Кара ‘черный’. Образует аналитические формы названий цвета в сочетании со словами *күмер* ‘уголь’, *күмер кишәктәре* ‘куски угля’, *ысмала* ‘смола’, *мазут* ‘мазут’, *суйын* ‘чугун’, *кәстрүл төбө* ‘дно кастрюли’, *муйыл* ‘черемуха’, *төн* ‘ночь’, *көзгө төн* ‘осенняя ночь’, *эңер* ‘вечерняя заря, кургаиш ‘свинец’, например: *Береһе – язгы күк кеүек зәңгәр, икенсеһе муйыл кеүек кара күзле, мыкты кәүзәле һомғол был ике егет тә, күрәһең, калаға шундай ук яңы, якты төс өстәүселәрҙер* ‘Один – с голубыми, как весеннее небо, другой – с

черными, как черемуха, глазами, крепкого телосложения, эти два парня, кажется, являются теми, кто добавляет в облик города такой же новый, светлый колорит' (З. Биешева); *Барыйзың бите күмер кеүек кара көйгән, тештәре шартлап онталырлык булып кысылган, күззәре саткы кеүек утлангайны* 'Лицо Барыя стало **черным, как сажа**, зубы плотно стиснуты, глаза горели огнем' (Р. Габдрахманов) [КБЯП].

Ак 'белый, седой'. Образует аналитические формы названий цвета в сочетании со словами *һөт* 'молоко', *кағыз* 'бумага', *кар* 'снег', *ыңйы* 'жемчуг', *етен* 'лен', *шалкан* 'репа', *аккош* 'лебедь', *сынаяк* 'чашка', *мамык* 'вата', *кырау* 'иней', *көмөш* 'серебро', *шәкәр* 'сахар', *кершән* 'крем', *гәүһәр* 'бриллиант', *сылгаулык* 'портяночный материал', *тастамал* 'полотенце', *яулык* 'платок', *сепрәк* 'ткань', *балан сәскәһе* 'цветок калины', *сейә сәскәһе* 'цветок вишни', *кымыз* 'кумыс', *тоз* 'соль', например: *Тәүге һүз кар кеүек ак сәсле, ак кашлы генералга бирелде* 'Первым слово дали генералу с **белыми, как снег**, волосами, белыми бровями' (И. Абдуллин); *Сафура был һөйкөмлө, илгәзәк бикәсенең былай йомшак шаяртыуына каршы, үзенең тезеп куйган ыңйы кеүек ак тештәрен күрһәткәнсе, асык йылмайзы* 'Сафура улыбнулась в ответ на шутки своей миловидной веселой младшей золовки, показывая свои **белые, как жемчуг**, зубы' (Х. Давлетшина) [КБЯП].

Һоро 'серый'. Образует аналитические формы названий цвета в сочетании со словами *көл* 'зола', *кургаш* 'свинец', *томан* 'туман', например: *Рәкип атаһынан кала иң яқын кешеһенең йөзөнә төбәлдә, .. һоро күмер төсөндәй сәстәренән .. тотоп караны* 'Ракип взглянул на самого близкого после отца человека, .. потрогал его **цвета серого угля** волосы' (Р. Низамов); *Йортка иңеү менән, уң яқта, күп ямғырзарзы, карзарзы башынан үткәргән, такта түбәһе мүкләнгән, стеналары көл һымак һоро төскә иңеп нык искәргән куш өй* 'Во дворе справа сильно обветшавший дом, дощатая крыша которого пережила много дождя, снега и обросла мхом, а стены стали **серыми, как зола**' (А. Карнай) [КБЯП].

Кызыл ‘красный’. Образует аналитические формы названий цвета в сочетании со словами *кан* ‘кровь’, *ут* ‘огонь’, *ялкын* ‘пламя’, *бакыр* ‘медь’, *сөгөлдөр* ‘свекла’, *сейдә* ‘вишня’, *этәс кикреге* ‘гребень петуха’, например: *Кан төслө кызыл кайма бөркәнгән офок сите* ‘Горизонт окрасился в **крово-красный** цвет’ (Я. Валиев); *Йәш катындың сейдә кеүек кызыл ирендәренә йылмайыу ятты* ‘На **вишнево-красных** губах молодой женщины появилась улыбка’ (И. Гиззатуллин) [КБЯП].

Гары ‘желтый’. Образует аналитические формы названий цвета в сочетании со словами *гарәбә* ‘янтарь’, *балауыз* ‘воск’, *алтын* ‘золото’, *зәғфран* ‘шафран’, *арыш халамы* ‘ржаная солома’, *етен* ‘лен’, *үлек* ‘мертвец’, *кояш* ‘солнце’, *бәпкә йөнө* ‘пушок гусенка / утенка’, *мунсала* (диал.) ‘мочалка’, *көнбагыш сәскәһе* ‘цветок подсолнуха’, например: *Карагайлытау, Кайынлыкул итәгендә балауыз кеүек гары зур-зур халам өйөмдәре тезелеп китте* ‘На склонах гор Карагайлытау и Кайынлыкуль выстроились в ряд ометы **желтой, как воск, соломы**’ (Г. Лукманов); *Баләкәс кенә буйлы, эре һипкелле, етен кеүек гары сәсле малай ул* ‘Он мальчик маленького роста с крупными веснушками и **желтыми, как лен, волосами**’ (Р. Габдрахманов) [КБЯП].

Йәшел ‘зеленый’. Образует аналитические формы названий цвета в сочетании со словами *бесән* ‘сено’, *хәтфә* ‘плюш, бархат’, *ер шары* ‘земной шар’, *үлән* ‘трава’, *үт* ‘желчь’, например: *Урам хәтфә кеүек йәшел үләнгә күмелгән, ысык әле кибең етмәгән, көмөш кеүек ялтырап ята* ‘Улица покрылась **зеленой, как бархат, травой**, роса еще не высохла и блестит, как серебро’ (Т. Хайбуллин); *Армияга килгәс тә, энәнән-ептән генә сыккан йәшел гимнастерка, үлән төслө йәшел салбарзарзы, өр-яңы шинелде, шыгырлап торган итектәрзе кыуана-кыуана кейенеп алдым* ‘Как только прибыл в армию, с радостью надел совершенно новую зеленую гимнастерку, **зеленые, как трава, штаны, скрипучие сапоги**’ (Г. Давлетшин) [КБЯП].

Зәңгәр ‘голубой’. Образует аналитические формы названий цвета в сочетании со словами *күк йөзө* ‘небо, небосвод’, *язгы күк* ‘весеннее небо’, *май*

күге ‘майское небо’, *фэйрүзә / фирүзә ташы* ‘бирюза’, *күк сәскә* ‘василек’, например: *Рашизә был төндө кызыклы төш күрзе: йәшел урман ситендә гүзәл камыштар менән уратылып алынган, күк йөзө һымак зәңгәр күл, куйы япраклы агастар араһында һандугастар һайрай, кәкүк сакыра* ‘Рашиде в эту ночь приснился интересный сон: на опушке зеленого леса голубое, как небо, озеро, окруженное прекрасными камышами, на деревьях поют соловьи, зовет кукушка’ (Г. Аллаяров) [КБЯП].

Күк ‘синий’. Образует аналитические формы названий цвета в сочетании со словами *зөбәржәт* ‘изумруд’, *тимер* ‘железо, сталь’, *йәшен уты* ‘молния’, *күгәрсен* ‘голубь’, например: [*Фәнисә*] *өстөнә күгәрсен төсөндәге күк күлдәген кейгән, муйынына парсалы косынка бәйләгән* ‘На ней [Фанисе] синее, как цвет голубя, платье, на шее – парчовая косынка’ (Х. Зарипов) [КБЯП].

Ерән ‘рыжий’. Образует аналитические формы названий цвета в сочетании со словами *бакыр* ‘медь’, *кан* ‘кровь’, *ут* ‘огонь’, *һөләк* ‘пиявка’, *бохар бесәйе* ‘бухарский кот’, например: *Директор уның бүрке астынан калын булып, кабарып сыгып торган бакыр һымак ерән сәсенә .. карап та өлгөрмәне, егет һүзгә кереште* ‘Не успел директор взглянуть на его торчащие из-под шапки рыжие, как медь, пышные волосы, как парень заговорил’ (А. Вали); *Ә кипкән тарамышка окшаш арык Васяның ут төслө ерән сәсе .. төрлө якка сусайып тора* ‘Рыжие, как огонь, волосы худощавого Васи .. торчат в разные стороны’ (Х. Мухтар) [КБЯП].

Куңыр ‘бурый’. Образует аналитические формы названий цвета в сочетании со словами *гәрәбә* ‘янтарь’, *дөмһәргән күк* ‘мрачное небо’, например: *Дим, үзенең дөмһәргән күк төсөндәге куңыр һыузары менән ярзарын ялай-ялай, алга ашкына* ‘Река Дема рвется вперед, омывая берега своими бурого, как помрачневшее небо, цвета водами’ (М. Ямалитдинов) [КБЯП].

Ал / алһыу ‘розовый, алый’. Образует аналитические формы названий в сочетании со словами *кояш* ‘солнце’, *тау сейәһе* ‘горная вишня’, *бешкән алма* ‘спелое яблоко’, *бешеп еткән еләк* ‘спелая ягода’, *йыуаса* ‘лепешка’, *ялкын*

‘пламя’, например: *Зилараның бешкән алма кеүек алһыу, матур йөзөндә нур балкып китте* ‘Красивое алое, цвета спелого яблока, лицо Зилары озарилось светом’ (Х. Зарипов) [КБЯП].

В вышеперечисленных сравнительных конструкциях вместе с названием объекта сравнения присутствует то или иное цветообозначение. Но встречаются и такие модели сравнения, в которых, кроме эталона, нет другого указания на цвет. В текстах из корпусов Машинного фонда башкирского языка [КБЯП, КБЯПубл, КБЯФ] нами обнаружены такие сравнения, как *һалам төсөндәге* ‘цвета соломы’, *һазлык төсөндәге* ‘цвета болота’, *һорчица төсөндәге* ‘цвета горчицы’, *сейә төсөндәге* ‘цвета вишни’, *һронза төсөндәге* ‘цвета бронзы’, *һан төсөндәге* ‘цвета крови’, *һирһес төсөндәге* ‘цвета кирпича’, *һоһоһад төсөндәге* ‘цвета шоколада’, *әһһисун төсөндәге* ‘цвета апельсина’, *зөһәрһәт төсөндәге* ‘цвета изумруда’, *һүк төсөндәге* ‘цвета неба’, *һөл төсөндәге* ‘цвета золы’, *әһһерсә төсөндәге* (диал.) ‘цвета малины’, *арыһи төсөндәге* ‘цвета ржи’, *имән үзәге төсөндәге* ‘цвета сердцевины дуба’, *диңһез төсөндәге* ‘цвета моря’, *түһшәк төсөндәге* ‘цвета перины’, *һылһан төсөндәге* ‘цвета ковыли’, *ез төсөндәге* ‘цвета латуни’, *һорна төсөндәге* ‘цвета журавля’, *ут төсөндәге* ‘цвета огня’, *етен төсөндәге* ‘цвета льна’, *һаһһыр төсөндәге* ‘цвета меди’, *алһын төсөндәге* ‘цвета золота’, *һөмөһи төсөндәге* ‘цвета серебра’, *һөт төсөндәге* ‘цвета молока’, *һәйһүзә / һирһүзә төсөндәге* ‘цвета бирюзы’, *һазан төсөндәге* ‘цвета котла’.

Подобные аналитические цветообозначения в текстах башкирского языка встречаются довольно часто, например: *Сыһар салһар һәм сәһһәлә күлдәк кейһән Радһир аһһыл йөзлә, һарһылт сәһһлә, сирень төсөндәге күлдәкһә кызыкай – исеме уһһың Лариса – тирәһһендә әйһәнә* ‘Одетый в пестрые штаны и цветастую рубашку Радмир крутится вокруг Ларисы – светлолицей, русоволосой девушки в платье цвета сирени’ (Р. Байбулатов); *Өһһтөндә әһһерсә төсөндәге яһһы күлдәк, һоһар тукымаһһынан тегелһән әһһрәс һамзул, һаһһында һама һүрөк, түһһитә – һөмөһи тәһһһәләре сыһһлап һорһан һаһһал* ‘На ней новое

платье **цвета малины**, адрасовый камзол, сшитый из бухарской ткани, на голове – выдровая шапка, на груди – хакал (*нагрудное украшение*) со звенящими серебряными монетами’ (Г. Ибрагимов) [КБЯП].

Нами выявлено, что в сравнительных конструкциях в качестве эталона цвета используются названия явлений, предметов, которые можно объединить в следующие лексико-семантические группы:

– минералогическая лексика (напр.: *алтын* ‘золото’, *көмөш* ‘серебро’, *бакыр* ‘медь’, *тимер* ‘железо, сталь’, *кургаши* ‘свинец’, *файруза / фируза* ‘бирюза’, *гэрәбә* ‘янтарь’, *ыңйы* ‘жемчуг’, *гәүһәр* ‘бриллиант’);

– ботаническая лексика (напр., *етен* ‘лен’, *үләң* ‘трава’, *зәғфран* ‘шафран’, *күк сәскә* ‘василек’, *балан сәскәһе* ‘цветок калины’, *сейә сәскәһе* ‘цветок вишни’, *көнбагыш сәскәһе* ‘цветок подсолнуха’, *сөгәлдөр* ‘свекла’, *кишер* ‘морковь’, *сейә* ‘вишня’, *муйыл* ‘черемуха’, *еләк* ‘ягода’);

– зоонимическая лексика (напр., *күгәрсен* ‘голубь’, *торна* ‘журавль’, *һөлөк* ‘пиявка’, *этәс кикреге* ‘гребень петуха’, *бәпкә йөнө* ‘пушок гусенка / утенка’);

– анатомическая лексика (напр., *ут* ‘желчь’, *кан* ‘кровь’);

– метеорологическая лексика (напр., *болот* ‘туча’, *кар* ‘снег’, *томан* ‘туман’, *йәшен уты* ‘молния’);

– темпоральная лексика (напр., *төн* ‘ночь’, *көн* ‘день’, *эңер* ‘вечерняя заря’);

– животноводческая лексика (напр., *һалам* ‘солома’, *бесән* ‘сено’);

– гастрономическая лексика (напр., *һөт* ‘молоко’, *шәкәр* ‘сахар’, *кымыз* ‘кумыс’, *йыуаса* ‘лепешка’);

– бытовая лексика (напр., *тастамал* ‘полотенце’, *түшәк* ‘перина’, *казан* ‘казан’, *кәстрүл төбө* ‘дно кастрюли’, *мунсала* (диал.) ‘мочалка’);

– лексика стихии огня (напр., *ут* ‘огонь’, *ялкын* ‘пламя’, *көл* ‘зола, пепел’, *күмер* ‘уголь’, *кором* ‘сажа’);

– другие названия (напр., *үлек* ‘мертвец’).

Для других тюркских языков также характерно образование аналитических форм цветообозначений путем сравнения и идентификации с эталоном – объектом сравнения: тур. *tütiin renginde* ‘табачный, букв. цвета дыма’, чув. *улям тёслё* ‘соломенный, букв. цвета соломы’, тат. *йөзе загъфран кебек сары, әсәре калмаган* ‘лицо желтое, как шафран, без единой кровинки’ (Г. Апсалямов) [РЧС 2002: 414, БРТС 2009: 520, ТНК ТТ].

Как видно из анализируемого материала, эталоны, применяемые для передачи оттенка цвета и сравнения, во-первых, называют предмет, с которым ассоциируется цвет в языковом сознании народа, во-вторых, отражают прежде всего специфику окружающей его среды, образа жизни, хозяйства, быта и др.

3.3.3. Модели образования аналитических форм цветообозначений

Аналитические цветообозначения башкирского языка составляют главным образом сложные прилагательные, образованные лексико-синтаксическим способом, элементы которых связаны по принципу примыкания, а также сравнительные конструкции различных типов. Они образуются по следующим моделям:

1. ЦО + ЦО. Перед названием основного цвета ставятся уточняющие прилагательные цвета в исходной форме или форме уменьшительной степени (форме ослабления качества), например: *кызгылт хары* ‘оранжевый, букв. красновато-желтый’, *кызгылт күк* ‘фиолетовый, букв. красновато-синий’; *йәшкелт зәңгәр* ‘зеленовато-голубой’, *харгылт ак* ‘кремовый, букв. желтовато-белый’; *акһыл зәңгәр* ‘светло-голубой’, *карагускыл йәшел* ‘темно-зеленый’; *хары ала* ‘желто-пегий’.

Данный тип образования цветообозначений характерен для всех лексико-семантических групп аналитических цветообозначений и является наиболее продуктивным. Нами выявлены 580 названий цвета, образованных по данной модели (табл. 9):

2. Прил. + ЦО. Перед названием основного цвета ставятся прилагательные-квалификаторы, например: *сагыу кызыл* 'ярко-красный', *тонок хары* 'тускло-желтый'; *куйы йәшел* 'темно-зеленый', *асык хары* 'светло-желтый'.

По такой модели главным образом образуются цветообозначения, передающие насыщенность и светлоту. Такой тип также является продуктивным. Нами выявлено 86 названий, образованных по этой модели (табл. 10).

Таблица 10. Цветообозначения башкирского языка, образованные по модели «Прил. + ЦО»

Прил. / ЦО	кара 'черный'	ак 'белый'	һоро 'серый'	буз 'сивый, серый'	кызыл 'красный'	ханауат 'оранжевый'	һары 'желтый'	йашел 'зеленый'	зәңгәр 'голубой'	күк 'синий'	шаммахә 'фиолетовый'	ал 'алый, розовый'	көрән 'коричневый'	ерән 'рыжий'	сәгер 'светло-голубой, зеленоваго-голубой'	кунһыр 'бурый'	ала 'пегий'	сыбар 'пестрый'	кола 'саврасый, буланный'	туры 'гнедой'	коба 'светло-желтый'	сал 'седой, светло-серый; чалый'	тарһыл 'полосатый'	саптар 'игреенный'	бурыл 'чалый, серый'	буртә 'караковый'	кыр 'мухортый'	тарлан ' (серый, сивый) с примесями другого цвета'
саһыу 'ярко-'	+	+			+		+	+	+	+	+	+	+			+	+	+	+	+								
асык 'ярко-', 'светло-'	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+			+	+	+										
куйы 'густо-', 'темно-'	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+			+	+	+										
тонок 'тускло-', 'мутно-'	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+										
бәләңгерт 'тускло-', 'мутно-'	+	+	+		+		+	+	+	+	+	+																
кускыл 'темно-'	+		+	+			+	+	+	+	+		+	+														
сыскак '«поносный»'							+																					

3. Сущ. + ЦО. Перед названием основного цвета ставится название эталона оттенка цвета (цветовые признаки одного предмета служат эталоном сравнения для других): *алтын хары* ‘золотистый, букв. золотисто-желтый’, *кан ерэн* ‘красно-рыжий, медно-красный, букв. кроваво-рыжий’, *тимер күк* ‘стальной (о цвете), букв. синий, как железо, сталь’.

По этой модели образуются названия оттенков цвета и масти по цветовому тону. Такой тип является непродуктивным. Нами выявлено 25 названий, образованных данным способом:

- *муйыл кара* ‘черный-пречерный (*муйыл* ‘черемуха’ + *кара* ‘черный’);
- *шоморт кара* ‘черный-пречерный (*шоморт* диал. ‘черемуха’ + *кара* ‘черный’);
- *сейә кызыл* ‘вишневый’ (*сейә* ‘вишня’ + *кызыл* ‘красный’);
- *бурлат кызыл* ‘темно-красный, ярко-красный, кумачовый’ (*бурлат* ‘кумач’ + *кызыл* ‘красный’);
- *кан кызыл* ‘ярко-красный’ (*кан* ‘кровь’ + *кызыл* ‘красный’);
- *ут кызыл* ‘огненно-красный’ (*ут* ‘огонь’ + *кызыл* ‘красный’);
- *алтын хары* ‘золотисто-желтый’ (*алтын* ‘золото’ + *хары* ‘желтый’);
- *балауыз хары* ‘желтый, как воск’ (*балауыз* ‘воск’ + *хары* ‘желтый’);
- *гарәбә хары* ‘янтарно-желтый’ (*гарәбә* ‘янтарь’ + *хары* ‘желтый’);
- *етен хары* ‘желтый, как лен’ (*етен* ‘лен’ + *хары* ‘желтый’);
- *хәтфә йәшел* ‘зеленый, как плюш’ (*хәтфә* ‘плюш’ + *йәшел* ‘зеленый’);
- *бакыр йәшел* ‘зеленый, как медь’ (*бакыр* ‘медь’ + *йәшел* ‘зеленый’);
- *ут йәшел* ‘огненно-зеленый’ (*ут* ‘огонь’ + *йәшел* ‘зеленый’);
- *үт йәшел* ‘зеленый, как желчь’ (*үт* ‘желчь’ + *йәшел* ‘зеленый’);
- *тимер күк* ‘синий, как железо’ (*тимер* ‘железо’ + *күк* ‘синий’);
- *алма күк* ‘синий в яблоках’ (*алма* ‘яблоко’ + *күк* ‘синий’);
- *сейә көрән* ‘темно-вишневый, бордовый’ (*сейә* ‘вишня’ + *көрән* диал. ‘фиолетовый, бордовый’);
- *кан ерэн* ‘красно-рыжий, медно-красный’ (*кан* ‘кровь’ + *ерэн* ‘рыжий’);
- *ут ерэн* ‘огненно-рыжий’ (*ут* ‘огонь’ + *ерэн* ‘рыжий’);

- *сыңғыз ерән* ‘цвета охры’ (*сыңғыз* ‘охровый’ + *ерән* ‘рыжий’);
- *бакыр ерән* ‘рыжий, как медь’ (*бакыр* ‘медь’ + *ерән* ‘рыжий’);
- *алма сыбар* ‘чубарый в яблоках’ (*алма* ‘яблоко’ + *сыбар* ‘чубарый’);
- *тәңкә сыбар* ‘чубарый с крапинками’ (*тәңкә* ‘монета / чешуя’ + *сыбар* ‘чубарый’);
- *басма сыбар* ‘чубарый с крапинками’ (*басма* ‘крапинка’ + *сыбар* ‘чубарый’);
- *һипкел туры* ‘гнедой в веснушках’ (*һипкел* ‘веснушки’ + *туры* ‘гнедой’).

4. Сущ. + показатель сравнения (послелог *кеүек / төслө / һымак* или аффикс *-дай / -дәй, -тай / -тәй, -зай / -зәй, -лай / -ләй*) + ЦО, например: *һөттәй ак* ‘букв. белый, как молоко’, *балауыз төслө һары* ‘букв. желтый, как воск’, *гәрәбәләй һары* ‘янтарный, букв. желтый, как янтарь’, *хәтфә кеүек йәшел* ‘зеленый, как плюш’.

По такой модели формируются названия оттенков цветов по цветовому тону и светлоте, которые сравниваются с природным эталоном оттенка. Данный тип является продуктивным. Для уточнения оттенка цвета может использоваться название любого предмета, с которым ассоциируется цвет у говорящего. Например, в электронных корпусах текстов башкирского языка нами обнаружено 109 названий, образованных по данной модели. Приведем наиболее часто встречающиеся из них:

- *һөттәй ак* ‘белый, как молоко’;
- *ыңйылай ак* ‘белый, как жемчуг’;
- *кар кеүек ак* ‘белый, как снег’;
- *кағыз кеүек ак* ‘белый, как бумага’;
- *муйылдай кара* ‘черный, как черемуха’;
- *күмер кеүек кара* ‘черный, как сажа’;
- *сейәләй кызыл* ‘красный, как вишня’;
- *уттай кызыл* ‘красный, как огонь’;
- *алма кеүек кызыл* ‘красный, как яблоко’;

- *еләк кеүек кызыл* ‘красный, как ягода’;
- *кан кеүек кызыл* ‘красный, как кровь’;
- *ғарәбәләй һары* ‘желтый, как янтарь’;
- *балауыз төслө һары* ‘желтый, как воск’;
- *алтын төслө һары* ‘желтый, как золото’;
- *етен кеүек һары* ‘желтый, как лен’;
- *хәтфә кеүек йәшел* ‘зеленый, как плюш’;
- *алма кеүек алһыу* ‘алый, как яблоко’;
- *ут кеүек ерән* ‘рыжий, как огонь’.

Как видим, в большинстве названий используются те же предметы-эталоны, что и в предыдущей модели образования цветоименований, однако в данной модели идея сравнения выражается сравнительной конструкцией.

5. (ЦО +) сущ. + слово *төсөндәге* ‘цвета’, например: *һалам төсөндәге* ‘соломенный (цвет), букв. цвета соломы’, *зөбәржәт төсөндәге* ‘изумрудный, букв. цвета изумруда’, *диңгез төсөндәге* ‘цвета моря’, *ез төсөндәге* ‘цвета латуни’, *зәңгәр күк төсөндәге* ‘цвета голубого неба’, *күк болот төсөндәге* ‘цвета синего облака’, *ак кар төсөндәге* ‘цвета белого снега’, *һоро күмер төсөндәге* ‘цвета серого угля’.

По этой модели формируются обозначения оттенков по цветовому тону и светлоте, которые также сравниваются с природным эталоном оттенка. Такой тип является продуктивным. Для сравнения оттенка цвета, как и по предыдущей модели, может использоваться название любого предмета, с которым ассоциируется цвет у говорящего. В электронных корпусах текстов башкирского языка нами было обнаружено 54 названия, образованных по данной модели.

Модели образования цветообозначений аналитическим способом представим в таблице (табл. 11):

**Таблица 11. Модели образования аналитических форм цветообозначений
башкирского языка**

	Модели	Основные ЦО	Оттенки по цветовому тону	Оттенки по насыщенности	Оттенки по светлоте
1.	ЦО + ЦО	<i>кызғылт һары</i> 'оранжевый'	<i>һарғылт йәшел</i> 'желтовато-зеленый'	<i>һорғолт күк</i> 'серовато-синий'	<i>акһыл зәңгәр</i> 'светло-голубой'
2.	Прил. + ЦО			<i>сағыу йәшел</i> 'ярко-зеленый'	<i>асык һары</i> 'светло-желтый'
3.	Сущ. + ЦО		<i>сейә кызыл</i> 'вишневый, букв. вишнево-красный'		<i>шоморт кара</i> 'черный-пречерный, букв. «черемуховый» черный'
4.	Сущ. + показатель сравнения + ЦО		<i>бакыр һымак ерән</i> 'рыжий, как медь'		<i>муйыл кеуек кара</i> 'черный-пречерный, букв. черный, как черемуха'
5.	(ЦО +) сущ. + <i>тәсәндәге</i>	<i>әфлисун тәсәндәге</i> 'оранжевый'	<i>зәңгәр күк тәсәндәге</i> 'цвета синего неба'		<i>һоро күмер тәсәндәге</i> 'цвета серой золы'

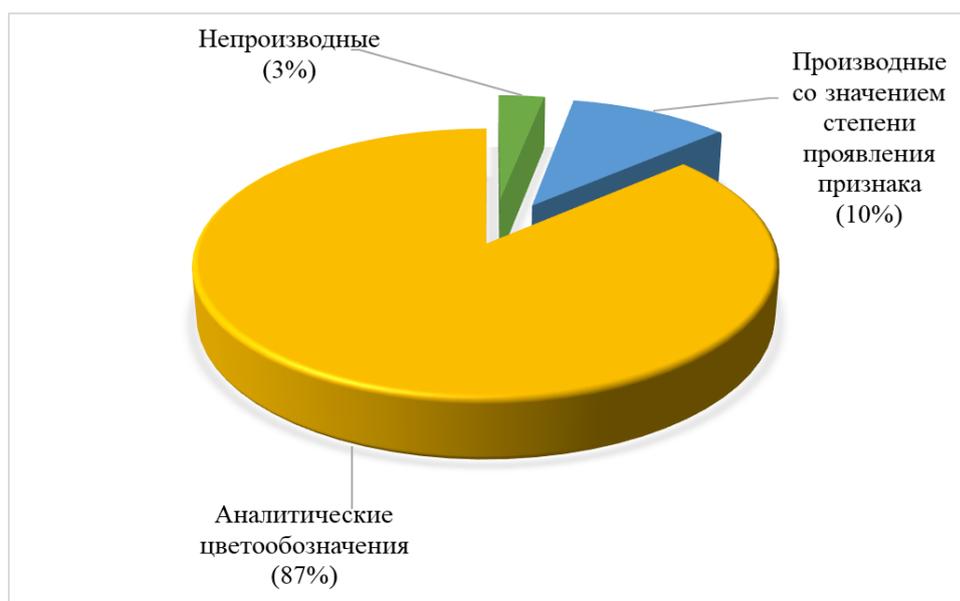
Таким образом, аналитические цветообозначения башкирского языка образуются по пяти моделям. Во всех из них в качестве основного смыслового компонента выступают цветообозначения. По последней модели также могут образовываться аналитические названия без употребления прилагательного цвета. Уточняющий компонент может быть цветообозначением, прилагательным-квалификатором, существительным (названием эталона оттенка цвета).

Общее количество цветообозначений, образованных по первым трем моделям, составляет 691 единицу. Остальные две модели являются продуктивными и могут образовывать новые названия неограниченно (в текстах электронных корпусов выявлено 163 названия, образованных по этим моделям).

Выводы по главе 3

1. Цветообозначения башкирского языка по их структуре и словообразовательным особенностям можно классифицировать следующим образом: а) непроизводные цветообозначения; б) производные цветообозначения со значением степени проявления признака; в) цветообозначения, образованные аналитическим способом. В количественном отношении нами было выявлено 28 непроизводных слов, 97 производных названий цвета со значением степени проявления признака и 854 аналитических цветообозначения (*диагр. 2*):

Диаграмма 2. Структурно-словообразовательные типы цветообозначений башкирского языка

Учитывая, что в башкирском языке цветообозначения образуются аналитическим способом постоянно, можно заключить, что данные, представленные на этой диаграмме, являются приблизительными.

2. В литературном башкирском языке в составе непрямых цветообозначений можно выделить следующие лексико-семантические группы: названия основных цветов; названия оттенков цветов; названия смешанных цветов; названия мастей животных.

3. По происхождению непрямые цветообозначения башкирского языка в основном представлены исконно тюркскими словами (пратюркского и общетюркского происхождения) и заимствованиями (из монгольских, персидского и арабского языков).

4. Производные со значением полной или неполной степени проявления признака выражают признаки ослабления или усиления качества и образуются синтетическим и аналитическим способами.

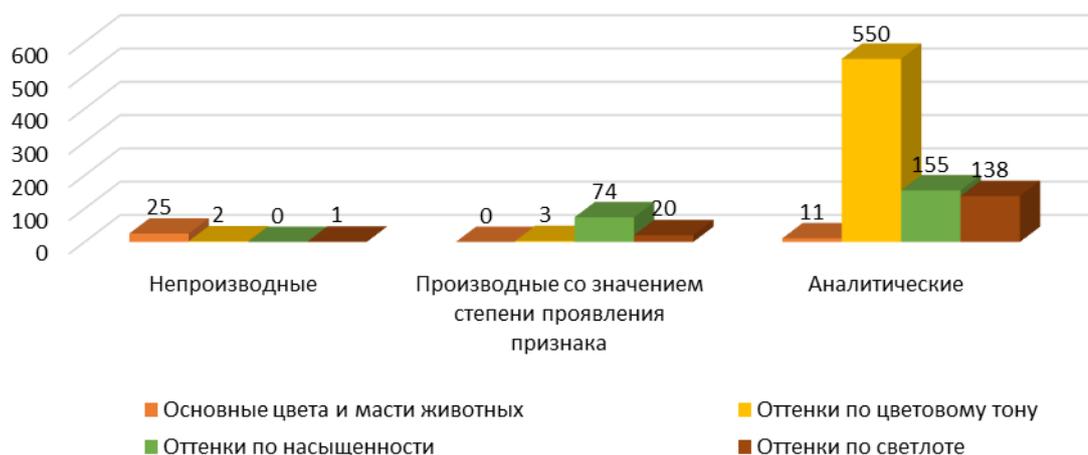
5. Аналитические формы цветообозначений образуются для обозначения: а) основных цветов; б) оттенков цветов (масти) по цветовому тону; в) оттенков цветов по насыщенности; г) оттенков цветов (масти) по светлоте.

6. Большинство аналитических форм цветообозначений образуются путем сравнения и идентификации с эталоном – объектом сравнения. В качестве предмета-эталона могут выступать названия горных пород, минералов и металлов, растений и плодов, животных и птиц, огня и связанных с ним предметов и явлений, атмосферных явлений, времен и суток, пищи и напитков, предметов быта, анатомическая, животноводческая лексика и др.

7. Аналитические цветообозначения башкирского языка образуются лексико-синтаксическим способом по пяти моделям, в которых главным компонентом является прилагательное цвета, а уточняющим – цветообозначение, прилагательное-квалификатор или существительное (название эталона цвета). По последней модели также могут образовываться аналитические цветообозначения без употребления прилагательного цвета.

8. Нами выявлены следующие семантические особенности разных структурно-словообразовательных типов цветообозначений (диагр. 3):

Диаграмма 3. Семантические особенности разных структурно-словообразовательных типов цветообозначений

Непроизводными словами главным образом обозначаются основные цвета и масти лошади (25 названий из 28); производные со значением степени проявления признака образуются в основном для обозначения оттенков цветов по насыщенности и светлоте (74 и 20 соответственно из 97 названий); аналитические цветообозначения по большей части выражают оттенки цвета и масти по цветовому тону (550 названий из 854), далее в порядке убывания – оттенки по насыщенности (155 названий), оттенки по светлоте (138 названий), основные цвета (11 названий).

ГЛАВА 4. ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА В ТЕКСТАХ РАЗНОГО ТИПА

4.1. Особенности отражения цветообозначений в письменных памятниках тюрков

4.1.1. Древнетюркские памятники

Древнетюркские памятники являются самыми первыми письменными источниками тюрков. В текстах этих памятников, выполненных руническим, уйгурским, арабским, а также согдийским, манихейским и брахми письмом, встречаются и цветообозначения. Данный пласт лексики представлен в них в довольно большом объеме, что позволяет выявить основные тенденции употребления цветообозначений в ту эпоху. Несмотря на наличие многочисленных исследований по языковым особенностям древнетюркских письменных источников, выполненных как в XX, так и XXI в. [Батманов 1959, Насилов 1960, 1974, Щербак 1961а, Тенишев 1964, Айдаров 1965, 1966, 1971, Кондратьев 1970, Кононов 1980, Кормушин 1997, Левин 2001, Erdal 2004 и др.], отражение цветообозначений в том или ином памятнике не было объектом отдельного внимания ученых-тюркологов.

Древнетюркские письменные памятники включают в себя:

– орхонские рунические памятники древнетюркского каганата VII–VIII вв., найденные в Монголии (памятники Кюль-Тегину, Тоньюкуку, Кули-Чуру, Бильге-Кагану – хану Могилян, Онгинский памятник);

– рунические памятники древнеуйгурского каганата VIII–IX вв. (памятник Моюн-Чуру, памятники из Хойто-Тамира, Ихе-Асхета, Карабалгасунская надпись, Терхинская и Тэсинская стелы и др.);

– енисейские рунические памятники VII–XI вв., обнаруженные на территории Тувы, Хакасии, Горного Алтая и др. (памятники с Элегеша, с Алтын-Кея, из Суджи и др.);

– древнеуйгурские памятники V–XIII вв. из Восточного Туркестана, написанные руническим, уйгурским, манихейским и брахми письмом (покаянная молитва манихейцев «Хуастуанифт», уйгурским письмом, V в.; памятник буддийского содержания «Алтун ярук» («Золотой блеск»), уйгурским письмом, X в.; книга гаданий на бумаге «Ырк Битиг» («Книга гаданий»), руническим письмом, IX в.; буддийско-манихейские и христианские фрагменты X–XIII вв., уйгурским письмом и др.);

– в качестве древнетюркских источников рассматриваются два крупных памятника XI в., выполненные на караханидско-уйгурском языке, – словарь «Дивану лугат ат-турк» («Свод тюркских слов») М. Кашгари (арабским письмом) и этико-дидактическая поэма «Кутадгу Билиг» («Благодатное знание») Ю. Баласагуни (уйгурским и арабским письмом)¹ [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2001: 10, Clauson 1972].

Если одни памятники являются надгробными надписями – эпитафиями (например, памятники Кюль-Тегину, Тоньюкуку, Кули-Чуру, Могилян), другие представляют бумажные версии (такие как «Ырк Битиг», «Дивану лугат ат-турк» М. Кашгари, «Кутадгу Билиг» Ю. Баласагуни и др.).

Тексты вышеперечисленных памятников на сегодняшний день опубликованы в исследованиях тюркологов [Малов 1951, 1952, 1959, Памятники древнетюркской письменности Тувы 1963, Кляшторный 1980, 1983, Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012], изданы отдельными книгами [Kaşgari 1939, 1940, 1941, Ырк Битиг 2004, Кашгари 2005, Кашгари 2010, Yusuf 2019], представлены в электронных корпусах [VATEC], а их словарный фонд систематизирован в лексикографических трудах по древнетюркскому языку [ДТС 1969, Clauson 1972].

Относительно лексем, обозначающих цвет, отметим, что в древнетюркских памятниках цветоименования употребляются не только в их основном значении – обозначении цвета, но и имеют вторичную, переносную, метафорическую

¹ Эти памятники в тюркологической литературе иногда рассматриваются как среднетюркские. Однако по языковым особенностям они более близки к языку письменных памятников древнетюркского периода, в связи чем многие исследователи относят их к древнетюркским (см. [Erdal 2004]).

семантику. В источниках, кроме непроезженных слов, встречаются производные слова и аналитические формы названий цветов, а также термины, онимы с компонентами-цветообозначениями и субстантивы от прилагательных-цветообозначений. Большинство названий, встречающиеся в древнетюркских памятниках, находят отражение в современном башкирском языке.

Цветообозначения-колоронимы. В древнетюркских источниках обнаружены следующие лексемы, употребляемые в своем прямом значении – обозначении цвета: *al* ‘алый, ярко-красный, светло-красный; оранжевый; карий (о глазах)’, *aq* ‘белый’, *boz* ‘серый’, *çaqır* ‘пепельно-серый (о глазах)’, *esri* ‘пестрый, пятнистый’, *jayüz* ‘бурый’, *jaşıl* ‘зеленый, голубой’, *jepün / jepin / jepkin / jepkil* ‘ярко-красный, пурпуровый’, *kök* ‘голубой, синий, сизый’, *örün / ürün / jürün* ‘белый, светлый’, *qara* ‘черный, темный’, *qizil* ‘красный’, *sariy* ‘желтый’¹ [ДТС 1969: 31, 48, 140, 184, 225, 246, 257, 287, 312, 422, 450, 488].

Например, дошедшая до нас первая фиксация немотивированного значения слова *qizil* ‘красный’ наблюдается в орхонском руническом памятнике в честь Тоньюкука (VIII в.), где оно употребляется в сочетании со словом *qan* ‘кровь’: [Тоңиуқ:] *Tün udumatī, küntüz olurmatī, qizil qanīm tökti, qara tärim jügürti, isig küçig bärtim ök, bän özüüm uzun jalmäg jämä it-im oq* ‘[Тоньюкук:] Я, не спав по ночам, не имея покоя днем, проливая **красную** свою кровь и заставляя течь свой черный пот, я отдавал народу (свои) работу и силу и я же сам направлял длинные (дальние) военные набеги’ [Малов 1951: 64, 69].

Там же встречаются лексемы *sariy* ‘желтый’ и *örün* ‘белый’: *Ol järkä bän, bilgä Toñuquq, tägürtük üçün sariy altun, örün kümüş, qiz quduz, ägritäbi, ayi buñ suz kälürti* ‘Так как я, мудрый Тоньюкук, дошел (с войском) до этого народа (букв. до этой земли), то он (народ) принес **желтое** золото, **белое** серебро, женщин и девиц, драгоценные попоны и другие сокровища в большом количестве (букв. без границ)’ [Малов 1951: 64, 69].

¹ Переводы на русский язык слов, выражений, предложений из текстов памятников приведены по источнику. Пометки *букв.* (буквально) сделаны нами.

В орхонском руническом памятнике в честь Кюль-Тегина (VIII в.) зафиксированы лексемы *kök* ‘голубой, синий, сизый’, *jaŷiz* ‘бурый’ в качестве эпитетов неба и земли: *üzä kök täŋri asra jaŷiz jir qilintiŋda äkin ara kisi oyli kilinmäs* ‘Когда было сотворено вверху **голубое** небо, внизу **темная (бурая)** земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие’ [Малов 1951: 28, 36].

Самая ранняя фиксация слова *al* приходится на орхоно-енисейские надписи тюрков, написанные руническим письмом, в которых оно употребляется в значении ‘алый’: *kört äŷ qan al(p) uruŋu* ‘красивое алое знамя государства’ (памятник с Элегеша, VII–VIII вв.) [Малов 1952: 26]. В текстах из Турфана (Восточный Туркестан), составленных уйгурским письмом в VIII–X вв., слово *al* также используется в значении ‘алый’: *al [kedinin] kedip* ‘надев алую [мантию]’ [ДТС 1969: 31–32].

Лексемы *qara* ‘черный’, *boz* ‘серый’, *jašil* ‘зеленый, голубой’ встречаются во многих древнетюркских источниках: *qara tuman* ‘черный туман’, *qararip* ‘стать темным’ («Алтун ярук», X в.) [Малов 1951: 176, 183]; *boz bulit joridi* ‘серое облако шло’ («Ырк Битиг», IX в.) [Малов 1951: 84, 90]; *jašil qaja jajlayim* ‘зеленая скала – мое летнее местопребывание’ («Ырк Битиг», IX в.) [Малов 1951: 84, 90], *jašil kök* ‘голубое небо’ («Кутадгу Билиг», XI в.) [Малов 1951: 386], *jašil öŋlüg ton* ‘одежда зеленого цвета’ («Дивану лугат ат-турк», XI в.) [ДТС 1969: 246, Кашгари 2010: 85].

В словаре «Дивану лугат ат-турк» Махмуда Кашгари (XI в.) приводится слово *aq*, которое отмечается как огузское название для обозначения «всякой белой вещи»: *aq saqal är* ‘седобородый мужчина’, *aq bulut* ‘белое облако’ [Кашгари 2010: 114]. Там же представлено и слово *ürüŋ* в значении ‘(как) всякий белый предмет’ [Кашгари 2010: 152].

В том же словаре встречается слово *čaŷiri* ‘голубо(глазый)’: *it čaŷiri atqa tägir at čaŷiri itqa tägmäs* ‘голубоглазая собака стоит коня, а **голубоглазый** конь не стоит собаки’ (поскольку зрение у такого коня бывает плохим). Оно

приводится в отрывке, где советуют остерегаться подобного коня («Дивану лугат ат-турк», XI в.) [Кашгари 2010: 303].

В «Кутадгу Билиг» Ю. Баласагуни и «Дивану лугат ат-турк» М. Кашгари широко используется цветообозначающая лексика для поэтического описания предметов и явлений (цвета одежды, ткани, цветка, лица и т. д.): *qurumiš jüyačlar tonandı jašıl bezändi jepün al sariy kök qizil* ‘сухие деревья оделись **зеленью** и украсились **светло-розовым, алым, желтым, голубо-зеленым и красным** [цветом]’ («Кутадгу Билиг», XI в.), *jašıl kök sariy al ayi ton kedip* ‘надев **зеленые, голубые, желтые и алые шелковые халаты**’ («Кутадгу Билиг», XI в.), *qizil sariy arqašip jepkin jašıl jörgäšip bir birkärü jörgäšip jalıuq anı tanılaşur* ‘теснятся **красные и желтые**, переплетаются пахучие травы; люди удивляются этому, *букв. красные и желтые* [цветы] опираются [друг на друга]; **пурпурные и зеленые** [растения] переплетаются друг с другом; люди восхищаются ими’ («Дивану лугат ат-турк», XI в.) [Малов 1951: 238, ДТС 1969: 31, Кашгари 2010: 327].

Из вышеперечисленных лексем в современном башкирском языке встречаются все цветообозначения, за исключением *jayız* ‘бурый’, *esri* ‘пестрый, пятнистый’, *jepün / jepin / jepkin / jepkil* ‘ярко-красный, пурпуровый’, *örün / ürün / jürün* ‘белый, светлый’, что в целом характерно и для большинства тюркских языков. Например, цветообозначение *ürün* ‘белый, светлый’ сохранилось только в якутском языке (*үрүн*) [ЯРС 1972: 457], в других значениях также наблюдается в диалекте турецкого языка (*ürün* ‘молоко’) и в киргизском языке (*үрүн-бараң* ‘предрассветная темнота; едва заметный, смутно виднеющийся в полутьме’) [Кормушин 2001: 598–601]. Слово *jayız* ‘бурый’ как обозначение цвета (главным образом – кожи) встречается лишь в турецком (*yağız* ‘брюнет’, ‘смуглый’), туркменском (в составе слова *гараягыз* ‘смуглый’) и кумыкском (лишь в слове *къараявуз* ‘смуглый’) языках [ТРС 1968: 158, КРС 1969: 191, ТРС 1977: 903, ЭСТЯ 1989: 64–65].

Названия мастей животных. В древнетюркских текстах встречаются такие названия, которые употребляются только в значении масти лошади (*jägrän*

‘рыжий; гнедой’, *jaziŷ* ‘пестрый’, *quba* ‘светло-бурый’, *qula* ‘буланный; гнедой’, *toriŷ* ‘гнедой’), например: *tum qula* ‘совершенно **гнедой**’ (памятник долины р. Талас) [Малов 1959: 60], *tum toriŷ at* ‘чисто **гнедой** конь’ («Дивану лугат ат-турк», XI в.) [Кашгари 2010: 287], *toriŷ at binip* ‘сел на **гнедого** коня’ (памятник в честь Кюль-Тегина, VIII в.) [Малов 1951: 31, 40], *quba* ‘цвет между красным и желтым’, *quba at* ‘светло-бурая (саврасая) лошадь’ («Дивану лугат ат-турк», XI в.) [ДТС 1969: 462], *jägrän at binip* ‘сел на **рыжую** лошадь’ (памятник Кули-Чуру, VIII в.) [Малов 1959: 27, 29], *j(e)gr(e)n (a)ǰz(i)p* ‘**коричневый** жеребец’ [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 140, 141], *jaziŷ atliŷ jalabač* ‘посланник на **пестрой** лошади’ («Ырк Битиг», IX в.) [Малов 1951: 81, 86]. В современном башкирском языке функционируют все вышеперечисленные названия мастей лошади, кроме *jaziŷ* ‘пестрый’.

Некоторые цветообозначения, встречающиеся в источниках, употребляются и в качестве названий масти лошади (*ala* ‘пегий’, *aq* ‘белый’, *boz* ‘серый с оттенками (о масти)’, *jayiz* ‘бурый’, *kök* ‘сивый’, *sariŷ* ‘соловый’), например: *kök at* ‘**сивый** конь’ (памятник Горного Алтая) [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 140, 141], *az jayiz* ‘**бурый** азский (конь)’ (памятник в честь Кюль-Тегина, VIII в.) [Малов 1951: 32–33, 42], *boz at* ‘**серый** конь’ (памятник Кули-Чуру, VIII в.) [Малов 1959: 27].

Подобные лексемы для обозначения масти лошади в большинстве случаев употребляются с определяемым словом *at* ‘лошадь’: *Kül tigin Başŷu boz at binip tägdi* ‘Кюль-Тегин, сев на **серого** коня Башгу, произвел атаку’ (памятник в честь Кюль-Тегина, VIII в.) [Малов 1951: 32, 41], *Sariŷ atliŷ sabčï, jaziŷ atliŷ jalabač ädgi söz sab älti kätir, – tir, anča biliŷ: aŷiŷ ädgi ol!* ‘Говорят: на **соловой** лошади вестник и посланник на **пестрой** лошади приехали, доставив хорошие речи’ («Ырк Битиг», IX в.) [Малов 1951: 81, 86]; *ala at* ‘**пегий** конь’ («Дивану лугат ат-турк», XI в.) [ДТС 1969: 32–33]; *ala atliŷ jol täŷri men* ‘я – Бог судьбы на **пегом** коне’ («Ырк Битиг», IX в.) [ДТС 1969: 32–33], *Uluŷ süŷüš süŷüšmiš, alp Šalčï aq atin binip tägmiš, qara türgis buduniŷ anta ölürmiš almiš* ‘Сев на **белого** коня героя

Шалчы, он [Кюль-Тегин] произвел атаку. Убил из народной массы тюргешей и покорил (оставшихся)’ (памятник в честь Кюль-Тегина, VIII в.) [Малов 1951: 32, 41].

Для обозначения масти других животных в древнетюркских памятниках используются цветообозначения *äsri* ‘пятнистый, пестрый’, *örünj* ‘белый, светлый’, *qoңur* ‘рыжеватый, каштановый; коричневый, каурый’: *örünj ingäni butulamiš* ‘белая его верблюдица родила верблюжонка’, *örünj äsri ingäk* ‘белая с черными пятнами корова’ («Ырк Битиг», IX в.) [Малов 1951: 80, 83, 85, 89], *qoңur* ‘рыжеватый, каштановый; коричневый, каурый’, *qoңra-* ‘быть, становиться рыжим, каштановым’, *qoj qoңradi* ‘овца была рыжей’ («Дивану лугат ат-турк», XI в.) [ДТС 1969: 456].

Слово *čal* ‘седой’ в древнетюркских памятниках также обозначает масть животных и окрас птиц (*čal* ‘серовато-белый, пепельно-белый, чалый’): *čal qoj* ‘серо-белая овца’ («Дивану лугат ат-турк», XI в.), *qara quzuun erdim quzu qıldı čal* ‘я был черным барашком – [время] превратило [меня] в пепельно-белого лебедя’ («Кутадгу Билиг», XI в.) [ДТС 1969: 137].

Из вышеперечисленных названий мастей лошади в башкирском языке функционируют практически все лексемы, кроме *jayız* ‘бурый’, *örünj / ürünj / jürünj* ‘белый, светлый’. Слово *jayız* ‘бурый’ как название масти лошади встречается лишь в турецком и гагаузском языках: тур. *yağız* ‘вороная масть лошади’, гаг. *йааз* ‘гнедой’ [ГРМС 1973: 206, ТРС 1977: 903].

В словаре М. Кашгари также представлены лексемы для обозначения масти лошади и других животных: *taryıl* ‘с белыми и черными полосами на спине, похожими на рябь’, *oj at* ‘гнедой конь’, *or at* ‘конь масти средней между гнедым и карим’, *čilgü at* ‘гнедая лошадь’, *čindan at* ‘рыжая лошадь’ («Дивану лугат ат-турк», XI в.) [Кашгари 2010: 88, 91, 94, 286, 304, 349, 351, 356, 387]. Из них в башкирском языке встречается лексема *тарғыл* и ее метатизированная форма *талғыр*. В словаре М. Кашгари приводится словосочетание *taryıl jilqi* ‘животное с белыми и черными полосами на спине, похожими на рябь’. Как отмечает

М. Кашгари, «это прилагательное можно использовать при описании любого животного, кроме лошади» («Дивану лугат ат-турк», XI в.) [Кашгари 2005: 446]. Примечательно, что в башкирском языке слово *таргыл / талгыр* употребляется для обозначения как масти лошади (*талгыр ат* ‘полосатая лошадь’), так и других животных (*талгыр һыйыр* ‘полосатая корова’) [Надергулов 2000: 61].

Цветообозначения со вторичными значениями. Еще в древнетюркских памятниках обнаруживается, что цветообозначающая лексика активно употребляется в метафорических значениях и имеет коннотативную семантику. Особой многозначностью отличаются лексемы *qara* ‘черный, темный’, *sariy* ‘желтый’, *qizil* ‘красный’, *al* ‘алый; ярко-красный, светло-красный; оранжевый; карий (о глазах)’, *örünj / ürünj / jürünj* ‘белый, светлый’.

Например, в памятниках древнетюркской письменности слово *qara* ‘черный, темный’ в сочетании с другими лексемами выражает какое-нибудь одно общее понятие: скот – *örünjüm qaram* ‘букв. мое светлое и **черное**’ (памятник из Кежилиг-Хобу) [Малов 1952: 82], народ, толпа – *qara türgis* ‘народные массы тюргешей, букв. **черные** тюргешеш’ (памятник в честь Кюль-Тегина, VIII в.) [Малов 1951: 32, 41], могила – *qara urun* ‘букв. **темное** место’, раб – *qara baş* ‘букв. **черноголовый**’ («Дивану лугат ат-турк», XI в.) [Кашгари 2005: 908–909], мрак – *jaruqli qarali* ‘свет и **мрак**, букв. со светлым и темным’ («Хуастуанифт», V в.) [Малов 1951: 118, 122].

В некоторых выражениях слово *qara* ‘черный’ имеет переносные значения: печальный – *qara tul* ‘печальная вдова, букв. черная вдова’ (памятник долины р. Талас) [Малов 1959: 61, 62], обильный – *qara tärim jügürti* ‘заставляя течь свой обильный (букв. **черный**) пот (о тяжелом труде)’ (памятник в честь Тоньюкука, VIII в.) [Малов 1951: 64, 69], грязь – *tonqa qara juquldi* ‘к одежде пристала грязь, букв. **черное**’ («Дивану лугат ат-турк», XI в.) [Кашгари 2005: 908–909], черные, темные силы – *qara jol täñri män* ‘Я **черное** божество судеб’ («Ырк Битиг», IX в.) [Малов 1951: 83, 84, 90] и др. Наряду с этим в переносном значении употребляются глаголы, образованные от цветообозначений, например, *qarartiw*

‘чернить’ → ‘стыдить’: *jüzüñni qarartma maña* ‘не стыдись за меня, букв. **не черни** свое лицо за меня’ («Кутадгу Билиг», XI в.) [Малов 1951: 262, 283].

Цветобозначения *sariy* ‘желтый’, *qizil* ‘красный’, *al* ‘алый; ярко-красный, светло-красный; оранжевый; карий (о глазах)’, *örünj / ürünj / jürünj* ‘белый, светлый’ в сочетании с названиями тех или иных предметов и явлений также обозначают одно общее абстрактное понятие либо употребляются в переносных и метафорических значениях: печаль, тоска – *jaribliq saqinçï sariy qildi äñ* ‘заботы чужбины сделали **желтым** лицо [визиря Ай-Толды] (то есть от тоски его лицо пожелтело)’, свет, рассвет – *sariy tañ ata keldi* ‘заялся **бледный** рассвет’ («Кутадгу Билиг», XI в.) [Малов 1951: 250, 275, ДТС 1969: 488], светлый – *jürünj nom* ‘**светлое** учение’ («Алтун ярук», X в.) [ДТС 1969: 287] и др. Наблюдается метафорический перенос слова *qizarıw* ‘краснеть, покрываться румянцем’ → ‘стыдиться’: *Älik ruštï artuq, qizartï mäniz* ‘Элик сильно тревожился, и лицо его омрачилось (букв. **покраснело**)’, а также словосочетания *al qil-* ‘заставить краснеть, покраснеть’ → ‘стыдить’: *eligkä bitig ber jüzüm qılma al* ‘отдай письмо правителю, не стыди меня (букв. **не заставляй краснеть** мое лицо)’ («Кутадгу Билиг», XI в.) [Малов 1951: 262, 283, ДТС 1969: 32].

Метафорические значения цветобозначений, зафиксированные в древнетюркских источниках, находят отражение и в современном башкирском языке, например: *harğayın kibey* ‘сохнуть от тоски, букв. **пожелтев**, высыхать’, *harı hağış* ‘сильная тоска, букв. **желтая** тоска’, *kara kайғы* ‘большое горе, букв. **черное** горе’, *harı tañ* ‘раннее утро, букв. **желтый** рассвет’, *kara болот каплары* ‘букв. покрыли **черные** тучи (о приближении беды)’.

Субстантивы от прилагательных-цветобозначений. Встречаются случаи использования прилагательных цвета в функции существительного: белизна – *jäl aqi* ‘белизна грив’ (памятник с р. Кемчик-Джиргак) [Малов 1952: 75], краснота – *eriniñiz qizili* ‘краснота ваших губ’ («Алтун ярук», X в.) [ДТС 1969: 450], народ – *qarasın jiydim* ‘я **народ** их поразил’ (Онгинский памятник, VIII в.) [Малов 1959: 9, 10], белое пятно – *tırnaq ürünü* ‘белое пятнышко на ногте’, желчь – *sariy* («Дивану

лугат ат-турк», XI в.) [Кашгари 2010: 152, 311]. Заметим, что в этой функции цветообозначения обычно употребляются с аффиксом принадлежности III лица, который часто используется в тюркских языках для субстантивации качественных прилагательных.

В «Древнетюркском словаре» приводятся следующие существительные, возможно, образованные от прилагательных цвета: *ala* ‘проказа’ (текст из турфанской коллекции уйгурским письмом, VIII–XI вв.) [ДТС 1969: 32–33], *āl* ‘материя оранжевого цвета, которая используется для [изготовления] знамен ханов и покрывал для седел их приближенных’ («Дивану лугат ат-турк», XI в.) и др. [ДТС 1969: 32, Кашгари 2010: 114].

Термины с компонентами-цветообозначениями. От цветообозначений активно образуются термины – названия растений, животных, птиц, минералов, пищи, болезней и т. д. В письменных источниках тюрков можно обнаружить активное употребление слов *qara* ‘черный, темный’, *ürüñ* ‘белый, светлый’, *sariyü* ‘желтый’, *al* ‘розовый’ в словообразовательной функции: *qara kis* ‘черный соболь’ (памятник хану Могилян, VIII в.) [Малов 1959: 18, 23], *qara örgük* ‘черный удод’ («Ырк Битиг», IX в.) [Малов 1951: 81, 87], *ürüñ quş* ‘лебедь, букв. белая птица’ («Кутадгу Билиг», XI в.) [ДТС 1969: 627], *al çivüt* ‘сурик, розовая краска’, *qara erük* ‘слива, чернослив, букв. черная костянка (косточковый фрукт)’, *qara quş* ‘орел, букв. черная птица’, *qara ot* ‘аконит, черное зелье, букв. черная, то есть ядовитая трава’, *qara jaу* ‘нефть, букв. черное масло’, *qara etmäk* ‘название мучного изделия, букв. черный хлеб’, *qara quş julduz* ‘Юпитер, букв. звезда «Черная птица»’, *ürüñ quş* ‘белый сокол, букв. белая птица’, *sariyü erük* ‘абрикос, букв. желтая костянка (косточковый плод)’, *sariyü turta* ‘морковь, букв. желтая редька’, *sariyü suv* ‘желтая жидкость, скапливающая в желудке, букв. желтая вода’ («Дивану лугат ат-турк», XI в.) [ДТС 1969: 32, Кашгари 2005: 908–909, Кашгари 2010: 104, 114, 152, 283, 311, 353].

Онимы с компонентами-цветообозначениями. В древнетюркских памятниках встречаются антропонимы и топонимы с компонентами-

цветообозначениями, в которых употребляются такие лексемы, как *qara* ‘черный, темный’, *aq* ‘белый’, *sariy* ‘желтый’, *jaşil* ‘зеленый, голубой’, *kök* ‘голубой, синий, сизый’, *qizil* ‘красный’, *al* ‘алый, ярко-красный, светло-красный; оранжевый; карий (о глазах)’: топ. *Qara qum* ‘Кара-Кум, букв. **черные** пески’ (памятник Моюн-Чуру, VIII в.) [Малов 1959: 35, 36, 39, 41], антроп. *Qara Ćur* ‘Кара-Чур’ (памятник долины р. Талас) [Малов 1959: 60], название озера *Qara köl* ‘Кара-Кель, букв. **черное** озеро’, названия рек *Aq tärmäl* ‘Ак-Тэрмэль’, *Kök öñ* ‘Кек-онг, букв. **голубого** цвета’ (памятник в честь Тоньюкука, VIII в.) [Малов 1951: 32, 42, 62, 66, 67], антроп. *Sariy Ćir* ‘Сарыг-Чыр’ (памятник из Мирана) [ДТС 1969: 488], антроп. *Aq kün* ‘Ак-кюн, букв. **белый** день / солнце’, *Al Jägin* ‘Ал-Егин, букв. **рыжий** племянник’ (памятник Горного Алтая) [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 73, 120], название реки *Jaşil ügüz* ‘Яшиль-угюз, букв. **зеленая / голубая** река’ (памятник в честь Кюль-Тегина, VIII в.) [Малов 1951: 30, 38], название местности *Aq saj* ‘Ак-сай, букв. **белое** каменистое место’, название зимовки в горах Кашгара *Qizil öz* ‘Кызыл-уз, букв. **красная** долина’ («Дивану лугат ат-турк», XI в.) [Кашгари 2010: 113, 114] и др.

Цветообозначения-производные со значением степени проявления признака (полной или неполной). В древнетюркских источниках широко представлены прилагательные-цветообозначения со значением полной степени проявления признака, образованные синтетическим способом (редупликацией): *ap aq, üp ürüñ* ‘совершенно белый, белый-пребелый’, *qar qara* ‘совершенно черный, черный-пречерный’, *sap sariy* ‘совершенно желтый, желтый-прежелтый’, *kör kök, köm kök* ‘совершенно синий, синий-пресиний’, *sap sariy* ‘совершенно желтый, желтый-прежелтый’ (напр., *qara qılqı barĉa bolur qar qara* ‘поступки простого люда бывают всецело прескверными (букв. **черными-пречерными**)’ («Кутадгу Билиг», XI в.) [ДТС 1969: 423], *kün täñri jaruqı qar qara közüniür* ‘свет Солнца-божества покажется **черным-пречерным**’ («Хуастуанифт», V в.) [ДТС 1969: 422]).

В древнетюркских памятниках наблюдается и аналитический способ образования производных цветоименований со значением полной степени

проявления признака *tum qula* ‘совершенно **гнедой**’ (памятник долины р. Талас) [Малов 1959: 60], *tum qara at* ‘чисто **вороной** конь’, *tum toriü at* ‘чисто **гнедой** конь’ («Дивану лугат ат-турк», XI в.) [Кашгари 2010: 287]. В указанных примерах производные со значением полной степени проявления признака образованы с помощью усилительной частицы *tum*. В словаре М. Кашгари отдельно приводится значение этого слова: *tum* ‘чистый (о масти лошади)’ [Кашгари 2010: 287].

Производные со значением неполной степени проявления признака в письменных памятниках древних тюрков представлены меньше, чем производные со значением полной степени проявления признака, но все же они присутствуют: *aqsıraq ordu* ‘**беловатый** лагерь’ (памятник Моюн-Чуру, VIII в.) [Малов 1959: 36, 40], *ürüñil sariü* ‘*букв.* светло-желтый’ («Алтун ярук», X в.) [ДТС 1969: 287]. В указанных примерах аффиксы *-il*, *-(i)raq* обозначают меньшее проявление признака [ДТС 1969: 287, Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 1988: 154, Erdal 2004: 103].

Аналитические формы цветообозначений. В древнетюркских памятниках зафиксированы цветообозначения, образованные аналитическим путем. Например, в них встречаются названия цвета, образованные сложением двух цветообозначений: *al sariü* ‘оранжевый, *букв.* красно-желтый (о планете)’ (текст из турфанской коллекции уйгурским письмом, VIII–XI вв.) [ДТС 1969: 32], *jürüñil sariü öñlüg* ‘светло-желтого цвета’ («Алтун ярук», X в.) [ДТС 1969: 287], *örüñ äsri* ‘светлая с темными крапинами’ («Ырк Битиг», IX в.) [Малов 1951: 80, 85]. В словаре М. Кашгари представлены цветообозначения, образованные парным путем: *sariü suriü* ‘*парн.* желтый’, *jaşil juşul* ‘всякая зелень; *парн.* зеленый’ («Дивану лугат ат-турк», XI в.) [ДТС 1969: 246, 488].

Кроме цветообозначений, в древнетюркских текстах встречаются слова, имеющие непосредственное отношение к классу цветообозначений, например, лексемы, обозначающие светлоту (*açiq* ‘светлый’, *jaruq* ‘светлый’, *tulas* ‘бледный’, *üläz* ‘мрачный, темный (о солнце)’), например: *j(a)ruq közümüz* ‘**светлые** глаза’ («Алтун ярук», X в.) [Малов 1951: 174, 181], *tulas jüz* ‘**бледное**

лицо' («Дивану лугат ат-турк», XI в.) [Кашгари 2010: 306]. Из них в башкирском языке функционирует лексема *асык* 'светлый' (др.-тюрк. *aſiq* 'светлый').

Чтобы воспроизвести общую картину цветообозначений, встречающихся в древнетюркских памятниках, приведем таблицу, которая позволит выявить прямые и переносные значения цветолексем, а также распределение их по зонам (табл. 12):

Таблица 12. Цветообозначения в древнетюркских источниках

ЦО	Значения	Примеры употребления
qara		Орхонские рунические
	черный простой (о народе) / народная масса обильный (о поте) народ	<i>qara kis</i> 'черный соболь' (памятник хану Могилянчу) [Малов 1959: 18, 23] <i>türk qara qatıu budun</i> 'вся масса тюркского народа' (памятник в честь Кюль-Тегина) [Малов 1951: 29, 37] <i>qara tärim jügürti</i> 'заставляя течь свой обильный (букв. черный) пот (памятник в честь Тоньюкука) [Малов 1951: 64, 69] <i>qarasın jüdim</i> 'я народ их поразил' (Онгинский памятник) [Малов 1959: 9, 10]
		Енисейские рунические
	черный простой (о народе) / народная масса печальный скот (собир., где <i>qara</i> – крупный рогатый скот)	<i>qara saç</i> 'черные волосы' (памятник д. Ачура) [Малов 1952: 49] <i>qara budun</i> 'простой народ, букв. черный народ' (памятник с Чакуля) [Малов 1952: 41] <i>qara tul</i> 'печальная вдова, букв. черная вдова' (памятник долины р. Талас) [Малов 1959: 61, 62] <i>örüñim-qaram</i> 'скот, букв. мое светлое и черное' (памятник из Кежилиг-Хобу) [Малов 1952: 80, 82]
	Древнеуйгурские рунические	
черный простой / народная масса	<i>Qara qum</i> 'Кара-Кум, букв. черные пески' (топоним) (памятник Моюн-Чуру) [Малов 1959: 35, 39] <i>qara budunim</i> 'простой народ, букв. черный народ' (памятник Моюн-Чуру) [Малов 1959: 35, 40]	

	Древнеуйгурские
черный простой (о народе) / народная масса мрак черный<- пречерный> темный рабочий (об одежде) обычный сильный скверный / низменный скот (скорее, крупный рогатый) темный (о душе)	<i>qara tuman üzä örtüldi</i> ‘покрылись черным туманом’ («Алтун ярук») [Малов 1951: 176, 183] <i>qara qatıu</i> ‘народ (народная масса, население), букв. черный народ’ («Ырк Битиг») [Малов 1951: 84, 91] <i>jaruqlı qaralı</i> ‘свет и мрак’ («Хуастуанифт») [Малов 1951: 118, 122] <i>qar qara tünlä</i> ‘очень темной ночью’ (гимн Мани манихейским письмом, берлинская коллекция) [ДТС 1969: 423] <i>qara nom</i> ‘темное учение’ («Алтун ярук») [ДТС 1969: 287] <i>qara ton</i> ‘рабочая одежда, букв. черная одежда’ («Алтун ярук») [ДТС 1969: 423] <i>qara tuz</i> ‘обыкновенная соль, букв. черная соль’ (лечебник уйгурским письмом из берлинской коллекции) [ДТС 1969: 423] <i>qara jel</i> ‘сильный неистовый ветер, шторм, букв. черный ветер’ (перевод буддийской сутры) [ДТС 1969: 423] <i>qararıy qilinči</i> ‘низменные поступки, букв. черные поступки’ (буддийская сутра «Секиз юкмек», уйгурским письмом) [ДТС 1969: 425]. <i>jilqi qara</i> ‘скот’ (текст из турфанской коллекции, уйгурским письмом) [ДТС 1969: 267] <i>qararmiş köñüllüg</i> ‘с черной душой’ (гимн Мани манихейским письмом, берлинская коллекция) [ДТС 1969: 425]
	Караханидско-уйгурские
черный темный грязь черный <пречерный> плохое (плохой поступок) могила (в составе устойчивого словосоч.) чернила простой (о народе) /	<i>qara jaу</i> ‘нефть, букв. черное масло’ («Дивану лугат ат-турк») [Кашгари 2005: 908–909] <i>qara orın</i> ‘могила, букв. темное место’ («Дивану лугат ат-турк») [Кашгари 2005: 908–909] <i>tonqa qara juquldi</i> ‘к одежде пристала грязь (букв. черное)’ («Дивану лугат ат-турк») [Кашгари 2005: 908–909] <i>qar qara</i> ‘черный-пречерный’ («Кутадгу Билиг») [Малов 1951: 411] <i>qara qılta</i> ‘плохого не совершай’ («Кутадгу Билиг») [ДТС 1969: 423] <i>qara jer qatı</i> ‘могила, букв. слой черной земли’ («Кутадгу Билиг») [ДТС 1969: 423] <i>qara tamsa</i> ‘когда прольются чернила’ («Кутадгу

	народная масса гневаться (гл.)	Билиг») [ДТС 1969: 423] <i>qara ʁat budun</i> ‘простой люд, букв. черный люд’ («Кутадгу Билиг») [ДТС 1969: 423] <i>jüzünjü qarartma taña</i> ‘не гневайся на меня, букв. не черни на меня лицо свое’ («Кутадгу Билиг») [ДТС 1969: 425]
ақ		Орхонские рунические
	белый (масть лошади) белый	<i>aq adʁirü binip</i> ‘сев на белого жеребца’ (памятник в честь Кюль-Тегина) [Малов 1951: 32, 41] <i>aqin binip</i> ‘сев на белого <коня>’ (памятник в честь Кюль-Тегина) [Малов 1951: 32, 41] <i>Aq tärmäl</i> ‘Ак-Тэрмэль’ (название реки) (памятник в честь Тоньюкука) [Малов 1951: 62, 67]
		Енисейские рунические
	белый (масть лошади) белый седой белизна	<i>aq at</i> ‘белая лошадь’ (памятник Горного Алтая) [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 140, 141] <i>aq qujda</i> ‘в белом тереме’ (памятник Горного Алтая) [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 110] <i>aq baš</i> ‘Ак-баш, букв. белая/седая голова’ (антроп.) (памятник с р. Уюк-Архан) [Малов 1952: 14] <i>jäl aqi</i> ‘белизна грив’ (памятник с р. Кемчик-Джиргак) [Малов 1952: 75]
		Древнеуйгурские рунические
	беловатый	<i>aqsiraq ordu</i> ‘беловатый лагерь’ (памятник Моюн-Чуру) [Малов 1959: 36, 40]
		Древнеуйгурские
	белый (масть лошади) белый белый (благоприятный)	<i>aq bisi qulunlamiš</i> ‘белая кобылица его жеребилась’ («Ырк Битиг») [Малов 1951: 80, 85] <i>aq taš</i> ‘гипс, мел, букв. белый камень’, <i>aq taš alip jer čizip</i> ‘взяв гипс и исчертив землю’ (Hüen – уйгурский перевод с китайской биографии буддийского монаха, X в.) [ДТС 1969: 48] <i>aq qišin az</i> ‘твоих благоприятных (букв. белых) зим мало’ (Гадательная книга из Яр-Хото, уйгурским письмом) [ДТС 1969: 48]
	Караханидско-уйгурские	
сивый (масть лошади) белый седой <совершенно> белый всякая белая	<i>aq at</i> ‘сивая лошадь’ («Дивану лугат ат-турк») [Кашгари 2010: 114] <i>aq bulut</i> ‘белое облако’ («Дивану лугат ат-турк») [ДТС 1969: 48] <i>aq saqal är</i> ‘седобородый мужчина’ («Дивану лугат ат-турк») [Кашгари 2010: 114] <i>ar aq</i> ‘совершенно белый’ («Дивану лугат ат-	

	вещь	турк») [Кашгари 2010: 80] <i>aq</i> ‘(по-огузски) «всякая белая вещь»’ («Дивану лугат ат-турк») [Кашгари 2010: 114]
örüñ / ürüñ / jürüñ		Орхонские рунические
	белый (эпитет серебра)	<i>örüñ kümüš</i> ‘белое серебро’ (памятник в честь Тоньюкука) [Малов 1951: 64, 69]
		Енисейские рунические
	белый (эпитет серебра)	<i>örüñ kümüs</i> ‘белое серебро’ (памятник долины р. Талас) [Малов 1959: 63]
	скот (<i>собир.</i> , где <i>örüñ</i> – лошади)	<i>örüñim-qaram</i> ‘скот, букв. мое светлое и черное’ (памятник из Кежилиг-Хобу) [Малов 1952: 80, 82]
		Древнеуйгурские рунические
	благородный	<i>Örüñ bæg</i> ‘Урюн-Бэг, букв. благородный начальник’ (топоним) (памятник Моюн-Чуру) [ДТС 1969: 627]
		Древнеуйгурские
белый светлый белый (масть животных) светлый (чистый) сесть (<i>гл.</i>)	<i>jürüñ bulit</i> ‘белое облако’ (Гадательная книга из Яр-Хото, уйгурским письмом) [ДТС 1969: 287] <i>örüñ äsri toyan quš män</i> ‘я – светлая с темными крапинами птица-кречет’ («Ырк Битиг») [Малов 1951: 80, 85] <i>örüñ ingäni butulamış</i> ‘белая его верблюдица родила верблюжонка’ («Ырк Битиг») [Малов 1951: 80, 85] <i>jürüñ nom</i> ‘светлое учение’ («Алтун ярук») [ДТС 1969: 287] <i>sači baši jürüñärsär</i> ‘волосы на голове (букв. волосы и голова) побелеют’ («Алтун ярук») [ДТС 1969: 287]	
	Караханидско-уйгурские	
белый <совершенно> белый белое пятно седой благородный / знать (о человеке) истина	<i>örüñ qaš</i> ‘белый камень’ («Дивану лугат ат-турк») [Кашгари 2010: 282] <i>ür ürüñ</i> ‘совершенно белый’ («Дивану лугат ат-турк») [Кашгари 2010: 80] <i>tirnaq ürüñi</i> ‘белое пятнышко на ногте’ («Дивану лугат ат-турк») [Кашгари 2010: 152] <i>saqaliñ ürüñ bolsa keldi öliim</i> ‘если твоя борода станет белой, [считай, что] смерть пришла’ («Кутадгу Билиг») [ДТС 1969: 627] <i>qaraqajayuma aj asli ürüñ, ürüñkä qara terk juqar ol körüñ</i> ‘о [человек] благородный, не приближайся к черни, посмотри-ка, черное быстро пристает к белому’ («Кутадгу Билиг») [ДТС 1969: 627] <i>köni sözdän taštın sözüg söz temä, köni ägri farqi</i>	

		<i>ürünli qara</i> ‘не считай за речь (никакую другую) речь, кроме истинной, разница между истинной и ложной (речью) такая же, как между белым и черным’ («Кутадгу Билиг») [ДТС 1969: 422]
boz		Орхонские рунические
	серый (масть лошади)	<i>Kül tigin Başu boz at binip tögdi</i> ‘Кюль-Тегин, сев на серого коня Башгу, произвел атаку’ (памятник в честь Кюль-Тегина) [Малов 1951: 32, 41]
		Енисейские рунические
		–
		Древнеуйгурские рунические
		–
		Древнеуйгурские
	серый	<i>boz bulit joridi</i> ‘серое облако шло’ («Ырк Битиг») [Малов 1951: 84, 90]
	Караханидско-уйгурские	
серый серый (масть животных)	<i>boz</i> ‘серый’, <i>eväklik biliñ ol qatıuqa javuz, qalı bolsa begkä jüzi boldi boz</i> ‘знай, поспешность плоха для всех, когда она у бека, его лицо стало серым’ («Кутадгу Билиг») [ДТС 1969: 115] <i>boz</i> ‘серая с оттенками (о масти)’, <i>boz at</i> ‘лошадь серого цвета’, <i>boz qoj</i> ‘овца серой окраски’ («Дивану лугат ат-турк») [ДТС 1969: 115]	
qizil		Орхонские рунические
	красный	<i>qizil qanım tökti</i> ‘проливая красную свою кровь’ (памятник в честь Тоньюкука) [Малов 1951: 64, 69]
		Енисейские рунические
		–
		Древнеуйгурские рунические
		–
		Древнеуйгурские
	красный красноватый краснота	<i>qizil qaja qişlayım</i> ‘красная скала – мое зимнее местопребывание’ («Ырк Битиг») [Малов 1951: 84, 90] <i>qizilsiy sub</i> ‘красноватая вода’ (текст магического содержания из Турфанского оазиса орхоно-енисейским письмом) [ДТС 1969: 450] <i>eriniñiz qizili</i> ‘краснота ваших губ’ («Алтун ярук») [ДТС 1969: 450]
	Караханидско-уйгурские	
красный кровь	<i>qizil añ</i> ‘красная щека’ («Дивану лугат ат-турк») [Кашгари 2010: 85]	

	румяное, розовое, красное (о лице) краснеть (о лице – при гневе, радости и т. д., гл.)	<i>bu kök kirsün qizil çiqsun</i> ‘пусть войдет это синее и выйдет красное (то есть пусть прольется кровь, будет убит железом, если не сдержит слово)’ («Дивану лугат ат-турк») [Кашгари 2010: 302] <i>sözün bärkitür ämdi qiryu (qizyu) mäniz</i> ‘его энергичное (букв. красное) лицо подкрепляет теперь его слова’ («Кутадгу Билиг») [Малов 1951: 248, 274] <i>qizyu</i> ‘розовый, румяный’, <i>qizyu eñ</i> ‘розовые щеки’ («Кутадгу Билиг») [ДТС 1969: 450] <i>meñiz qizart-</i> ‘распаляться, вспыхивать (о лице – от гнева, радости и т. д.), букв. заставить краснеть лицо’ («Кутадгу Билиг») [ДТС 1969: 343] <i>eñ qizart-</i> ‘иметь радость, быть довольным, букв. заставить краснеть лицо’ («Кутадгу Билиг») [ДТС 1969: 174]
sariy		Орхонские рунические желтый (эпитет золота) <i>sariy altun</i> ‘желтое золото’ (памятник в честь Тоньюкука) [Малов 1951: 64, 69] Енисейские рунические желтый (эпитет золота) <i>säriḡ altunim</i> ‘блестящее золото, букв. желтое золото’ (памятник с р. Кемчик-Джиргак) [Малов 1952: 73] Древнеуйгурские рунические – Древнеуйгурские желтый желчь соловый (масть лошади) оранжевый (в составе сложного слова) <i>sariy taš</i> ‘желтый камень’ (текст магического содержания из Турфанского оазиса орхон-енисейским письмом) [ДТС 1969: 422] <i>bašinč sariy orduluḡ</i> ‘относящийся к пятому желтому дворцу’ (текст из турфанской коллекции, уйгурским письмом) [ДТС 1969: 488] <i>sariy</i> ‘желчь’ (фрагменты медицинского содержания, берлинская коллекция, уйгурским письмом) [ДТС 1969: 488] <i>sariy atliḡ sabči</i> ‘на соловой лошади вестник’ («Ырк Битиг») [Малов 1951: 81, 86] <i>al sariy</i> ‘оранжевый (о планете), букв. красно-желтый’ (текст из турфанской коллекции) [ДТС 1969: 32] Караханидско-уйгурские желтый бледный (о <i>sariy turma</i> ‘морковь, букв. желтая редька’ («Дивану лугат ат-турк») [Кашгари 2010: 353]

	рассвете) желтеть (о лице – от болезни, тоски; <i>гл.</i>) желчь желтый <прежелтый> желтизна желтуха окрашивать в желтый (<i>гл.</i>)	<i>sariy tañ ata keldi</i> ‘заялся бледный рассвет’ («Кутадгу Билиг») [ДТС 1969: 488] <i>bu näñim tukänsä, sariy bolça äñ</i> ‘если иссякнут эти средства мои, то лицо делается желтым’ («Кутадгу Билиг») [Малов 1951: 248, 274] <i>sariy</i> ‘желчь’ («Дивану лугат ат-турк») [Кашгари 2010: 311]. <i>sap sariy</i> ‘совершенно желтый’ («Дивану лугат ат-турк») [Кашгари 2010: 311] <i>sariyliq</i> ‘желтизна чего-л., желтый цвет’ («Дивану лугат ат-турк») [Кашгари 2010: 402] <i>sariy kezik</i> ‘болезнь желтуха’ («Дивану лугат ат-турк») [ДТС 1969: 488] <i>sariyla-</i> ‘окрашивать в желтый цвет’, <i>ol tonin sariyladi</i> ‘он окрасил в желтый цвет свою одежду’ («Дивану лугат ат-турк») [ДТС 1969: 488]
jašil		Орхонские рунические зелень / покрытый зеленью / цвета зелени <i>jašil ügüz</i> ‘Яшил-угюз, букв. зеленая / голубая река’ (гидроним) (памятник в честь Кюль-Тегина) [ДТС 1969: 246, Малов 1951: 30, 38] Енисейские рунические – Древнеуйгурские рунические – Древнеуйгурские зелень / покрытый зеленью / цвета зелени <i>jašil qaja jajlayim</i> ‘зеленая скала – мое летнее местопребывание’ («Ырк Битиг») [Малов 1951: 84, 90] Караханидско-уйгурские голубой зеленый зелень (<i>собир.</i>) <i>jašil kök</i> ‘голубое небо’ («Кутадгу Билиг») [Малов 1951: 386] <i>jašil öñlüg ton</i> ‘одежда зеленого цвета’ («Дивану лугат ат-турк») [Кашгари 2010: 85] <i>qurimiš jıyaçlar tonandı jašil bezendi jipün al sariy kök qızıl</i> ‘сухие деревья оделись зеленью и украсились светло-розовым, алым, желтым, голубо-зеленым и красным [цветом]’ («Кутадгу Билиг») [ДТС 1969: 257, Малов 1951: 238] <i>jašil jušul</i> ‘всякая зелень; <i>парн.</i> зеленый’ («Дивану лугат ат-турк») [ДТС 1969: 246]

kök		Орхонские рунические
	голубой серый	<i>üzä kök täñri .. qilintuqda</i> ‘когда было сотворено вверху голубое небо’ (памятник в честь Кюль- Тегина) [Малов 1951: 28, 36] <i>kök türk</i> ‘голубые тюрки’ (памятник в честь Кюль- Тегина) [Малов 1951: 29] <i>Kök öñ</i> ‘Кек-онг, букв. голубого цвета’ (название реки) (памятник в честь Тоньюкука) [Малов 1951: 62, 66] <i>kök täjin</i> ‘голубая (серая) белка’ (памятник хану Могилянну) [Малов 1959: 18, 23]
		Енисейские рунические
	голубой сивый	<i>kök täñridä boltum</i> ‘в голубом небе был’ (памятник у р. Элегест) [Малов 1959: 72] <i>kök täñri</i> ‘голубое небо’ (памятник из Кежилиг- Хобу) [Малов 1959: 81] <i>kök at</i> ‘сивый конь’ (памятник Горного Алтая) [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 140, 141]
		Древнеуйгурские рунические
	голубой	<i>üzä kök täñri</i> ‘наверху голубое небо’ (Терхинская надпись) [Кляшторный 1980: 90]
		Древнеуйгурские
	голубой голубой / сивый / пегий	<i>bir kök tonluq atlıq bæg ärmış</i> ‘был начальником, на коне, одетый в голубую одежду’ («Алтун ярук») [Малов 1951: 154, 157]. <i>kök qalıq</i> ‘голубое небо’ («Алтун ярук») [Малов 1951: 176, 183]. <i>kök bujmul toyan quş män</i> ‘я не дрессированный пегий сокол’ («Брк Битиг») [Малов 1951: 84, 91]
	Караханидско-уйгурские	
голубо-зеленый голубой сесть (гл.)	<i>qurimiş jüačlar tonandı jaşıl bezendi jipün al sariyü</i> <i>kök qızıl</i> ‘сухие деревья оделись зеленью и украсились светло-розовым, алым, желтым, голубо-зеленым и красным [цветом]’ («Кутадгу Билиг») [ДТС 1969: 257, Малов 1951: 238] <i>jaşıl kök sariyü al ayı ton kedip</i> ‘надев зеленые, голубые, желтые и алые шелковые халаты’ («Кутадгу Билиг») [ДТС 1969: 31] <i>köklä-</i> ‘сесть’, <i>qarı köklämiş</i> ‘поседевший старик’ («Кутадгу Билиг») [ДТС 1969: 313]	
al		Орхонские рунические
		–

		Енисейские рунические
алый рыжий		<i>kört äl qan al(p) uruŋi</i> ‘красивое алое знамя государства’ (памятник с Элегеша, VII–VIII вв.) [Малов 1952: 26] <i>al uruŋ</i> ‘алое знамя’ (памятник с Чакуля) [Малов 1952: 38] <i>Al Jägin</i> ‘Ал-Егин, букв. рыжий племянник’ (антроп.) (памятник Горного Алтая) [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 73]
		Древнеуйгурские рунические
		–
		Древнеуйгурские
алый оранжевый (в составе сложного слова)		<i>al [kedinin] kedip</i> ‘надев алую [мантию]’ (манихейский текст из турфанской коллекции, уйгурским письмом) [ДТС 1969: 31] <i>al sarïyü</i> ‘оранжевый (о планете), букв. красно-желтый’ (текст из турфанской коллекции уйгурским письмом) [ДТС 1969: 32]
		Караханидско-уйгурские
алый розовый краснеть, стать румяным (от стыда, радости и т. д.; <i>гл.</i>) материя оранжевого цвета оранжевый		<i>jašil kök sarïyü al ayï ton kedip</i> ‘надев зеленые, голубые, желтые и алые шелковые халаты’ («Кутадгу Билиг») [ДТС 1969: 31] <i>al čïvïit</i> ‘сурик, розовая краска’ («Дивану лугат ат-турк») [ДТС 1969: 32] <i>al qil-</i> ‘смутить, устыдить; обрадовать, букв. сделать розовым / красным’ («Кутадгу Билиг») [ДТС 1969: 32] <i>eligkä bitig ber jüzüm qilyïl al</i> ‘отдай письмо правителю, обрадуй [тем] меня, букв. заставь покраснеть мое лицо’ («Кутадгу Билиг») [ДТС 1969: 32] <i>äl</i> ‘материя оранжевого цвета, которая используется для [изготовления] знамен ханов и покрывал для седел их приближенных’ («Дивану лугат ат-турк») [Кашгари 2010: 114] <i>äl</i> ‘оранжевый цвет’ («Дивану лугат ат-турк») [Кашгари 2010: 114]
jägrän		Орхонские рунические
гнедой		<i>sünüsdükdä Küli čur özlüki jägrän at binip</i> ‘в сражении Кули-Чура сел на собственную гнедую лошадь’ (памятник Кули-Чуру) [Малов 1959: 27, 29]

		Енисейские рунические
	коричневый (масть лошади)	<i>j(e)gr(e)n (a)dg(i)r</i> ‘коричневый жеребец’ (памятник из Горного Алтая) [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 140, 141]
		Древнеуйгурские рунические
		–
		Древнеуйгурские
		–
		Караханидско-уйгурские
		–
čaqır		Орхонские рунические
		–
		Енисейские рунические
		–
		Древнеуйгурские рунические
		–
		Древнеуйгурские
		–
		Караханидско-уйгурские
	голубой / голубо(глазый) / пепельно-серый (о глазах)	<i>čaqır</i> ‘голубо(глазый) / пепельно-серый (о глазах)’ («Дивану лугат ат-турк») [ДТС 1969: 140, Кашгари 2010: 303] <i>it čaqiri atqa tägir at čaqiri itqa tägmäs</i> ‘голубоглазая собака стоит коня, а голубоглазый конь не стоит собаки’, поскольку зрение у такого коня бывает плохим. Встречается в отрывке, где советуют остерегаться подобного коня («Дивану лугат ат-турк») [Кашгари 2010: 303]
qoңır		Орхонские рунические
		–
		Енисейские рунические
		–
		Древнеуйгурские рунические
		–
		Древнеуйгурские
		–
		Караханидско-уйгурские
	рыжеватый каштановый коричневый каурий	<i>qoңır</i> ‘рыжеватый, каштановый; коричневый, каурий’ («Дивану лугат ат-турк») [ДТС 1969: 456] <i>qoңra-</i> ‘быть, становится рыжим, каштановым’, <i>qoj qoңradı</i> ‘овца была рыжей’ («Дивану лугат ат- турк») [ДТС 1969: 456]

ala		Орхонские рунические
		–
		Енисейские рунические
		–
		Древнеуйгурские рунические
	пятнистый разнообразный	<i>ala iyač</i> ‘Ала-йыгач, букв. разнообразные деревья’ (название местности) (памятник Моюн-Чуру) [ДТС 1969: 32]
		Древнеуйгурские
	пегий кожная проказа	<i>ala atliŷ jol tänri mən</i> ‘я – Бог судьбы на пегом коне’ («Ырк Битиг») [Малов 1951: 85] <i>ala</i> ‘кожная проказа, песь, витилиго’ (текст из турфанской коллекции, уйгурским письмом) [ДТС 1969: 32]
	Караханидско-уйгурские	
пегий пятнистый пестрый разнообразный изменить цвет (гл.) покрыться пятнам и (гл.) скверный	<i>ala at</i> ‘пятнистая лошадь / пегий конь’ («Дивану лугат ат-турк») [ДТС 1969: 32, Кашгари 2010: 114] <i>Ala</i> ‘Ала, букв. пестрый’ (название летовья / местность с летними пастбищами вблизи Ферганской долины) («Дивану лугат ат-турк») [Кашгари 2010: 114] <i>ala jīyač</i> ‘букв. разнообразные деревья’ (название местности около Сыныра) («Дивану лугат ат-турк») [ДТС 1969: 32, Кашгари 2010: 114] <i>talqa alardi</i> ‘изменил цвет неспелый виноград’ («Дивану лугат ат-турк») [Кашгари 2010: 184] <i>alar-</i> ‘покрыться пятнами (о больном кожной проказой)’, <i>kiši jinni alardi</i> ‘кожа у человека покрылась пятнами [при заболевании кожной проказой]’ («Дивану лугат ат-турк») [ДТС 1969: 32] <i>köñül til ala boldi kimkä bütäji</i> ‘душа и язык скверными оказались, на кого [теперь] положусь’ («Кутадгу Билиг») [ДТС 1969: 33]	
qula		Орхонские рунические
		–
		Енисейские рунические
		–
		Древнеуйгурские рунические
		–
		Древнеуйгурские
	–	

		Караханидско-уйгурские
	буланый гнедой	<i>tum qula</i> ‘совершенно гнедой’ (памятник долины р. Талас) [Малов 1959: 60], <i>qula</i> ‘буланый’ («Дивану лугат ат-турк») [ДТС 1969: 464]
torïy / toruу		Орхонские рунические
	гнедой	<i>üçinç jägin silig bägiñ kädimlig toriу at binip tägdi</i> ‘в третий раз он сел на оседланного гнедого коня Йегин-Силиг-бега’ (памятник в честь Кюль-Тегина) [Малов 1951: 31, 40]
		Енисейские рунические
	чалый	<i>tor(u)у (a)t</i> ‘чалый конь’ [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 140, 141]
		Древнеуйгурские рунические
		–
		Древнеуйгурские
	каурый	<i>T..iу at qudruqun tügür tigrät</i> ‘хвост бойкой каурой лошади подвяжи узлом’ («Ырк Битиг») [Малов 1951: 83, 90]
	Караханидско-уйгурские	
гнедой	<i>toriу / toruу at</i> ‘гнедой конь’ («Дивану лугат ат-турк») [Кашгари 2010: 311]	
quba		Орхонские рунические
		–
		Енисейские рунические
		–
		Древнеуйгурские рунические
		–
		Древнеуйгурские
		–
	Караханидско-уйгурские	
светло-бурый	<i>quba at</i> ‘светло-бурая (саврасая) лошадь’ («Дивану лугат ат-турк») [ДТС 1969: 462]	
čal		Орхонские рунические
		–
		Енисейские рунические
		–
		Древнеуйгурские рунические
		–
		Древнеуйгурские
		–
	Караханидско-уйгурские	
серо-белый пепельно-белый	<i>čal qoj</i> ‘серо-белая овца’ («Дивану лугат ат-турк») [ДТС 1969: 137]	

		<i>qara quzuun erdim quyu qildi çal</i> ‘я был черным барашком – [время] превратило [меня] в пепельно-белого лебедя’ («Кутадгу Билиг») [ДТС 1969: 137]
taryil		Орхонские рунические
		–
		Енисейские рунические
		–
		Древнеуйгурские рунические
		–
		Древнеуйгурские
		–
		Караханидско-уйгурские
	полосатый	<i>taryil jilqi</i> ‘всякое животное, на спине которого имеются пятна в виде белых и черных полосок. Это имя качества употребляется также в отношении всех животных, кроме лошади’ [Кашгари 2010: 387]
jayiz		Орхонские рунические
	бурый бурый (масть лошади)	<i>asra jayiz jir qilintuqda</i> ‘когда была сотворена внизу темная (бурая) земля’ (памятник в честь Кюль-Тегина) [Малов 1951: 28, 36] <i>az jayizın binip</i> ‘сев на своего бурого азского (коня)’ (памятник в честь Кюль-Тегина) [Малов 1951: 32, 42, 33]
		Енисейские рунические
	бурый / смуглый	<i>jayiz er</i> ‘бурый муж / смуглый человек’ (антроп.) (памятники Горного Алтая – Калбак-Таш IV) [Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: 74]
		Древнеуйгурские рунические
	бурый	<i>asra jayiz jer</i> ‘внизу бурая земля’ (Терхинская надпись) [Кляшторный 1980: 90]
		Древнеуйгурские
	бурый / темный	<i>jayiz jir</i> ‘темная земля’ («Алтун ярук») [Малов 1951: 176, 183]. <i>altin jayiz jer qarariy tetir</i> ‘внизу бурая земля есть мрак’ (буддийская сутра «Секиз юкмек», уйгурским письмом) [ДТС 1969: 425] <i>jayiz jer jüzi jaşardi körklädi</i> ‘поверхность бурой земли зазеленела, похорошела’ (Гадательная книга из Яр-Хото, уйгурским письмом) [ДТС 1969: 246]

		Караханидско-уйгурские
	бурый бурый / темный (масть лошади)	<i>jayız jer</i> ‘бурая земля’ («Кутадгу Билиг») [Малов 1951: 232–234] <i>jayız at</i> ‘лошадь темной масти’ («Дивану лугат ат-турк») [ДТС 1969: 225]
jerün / jerin / jerkin / jerkil		Орхонские рунические
		–
		Енисейские рунические
		–
		Древнеуйгурские рунические
		–
		Древнеуйгурские
	светло-красный пурпуровый	<i>jürün jerin öñlüg jaruq</i> ‘белый, светло-красный цвет’ (текст из турфанской коллекции, уйгурским письмом) [ДТС 1969: 257] <i>jerkin orduluq</i> ‘с дворцом (<i>асгр.</i>) пурпурового цвета’ (текст из турфанской коллекции, уйгурским письмом) [ДТС 1969: 257]
		Караханидско-уйгурские
	ярко-красный пурпуровый светло-розовый	<i>jerkil</i> ‘ярко-красный, пурпуровый’, <i>jerkil ton</i> ‘одежда пурпурового цвета’ («Дивану лугат ат-турк») [ДТС 1969: 257] <i>qurimiş jüyačlar tonandı jaşil bezendi jipiün al sarıy kök qızıl</i> ‘сухие деревья оделись зеленью и украсились светло-розовым, алым, желтым, голубо-зеленым и красным [цветом]’ («Кутадгу Билиг») [ДТС 1969: 257, Малов 1951: 238]
jaziü		Орхонские рунические
		–
		Енисейские рунические
		–
		Древнеуйгурские рунические
		–
		Древнеуйгурские
	пестрый	<i>jaziü atlıq jalabač</i> ‘посланник на пестрой лошади’ (ЫркБитиг) [Малов 1951: 81, 86]
		Караханидско-уйгурские
		–
esri		Орхонские рунические
		–
		Енисейские рунические
		–

		Древнеуйгурские рунические
		–
		Древнеуйгурские
пятнистый пестрый		<i>örün äsri ingäk</i> ‘белая с черными пятнами корова’ («Ырк Битиг») [Малов 1951: 83, 89] <i>örün äsri irkäk bozaу kälürmiš</i> ‘она отелилась светлым с крапинами бычком’ («Ырк Битиг») [Малов 1951: 83, 89] <i>äsri maуa</i> ‘пестрая змея’ («Ырк Битиг») [Малов 1951: 83, 90]
		Караханидско-уйгурские
пятнистый крапчатый делать пятнистой (гл.)		<i>äsri</i> ‘пятнистый, крапчатый’ («Ырк Битиг») [Малов 1951: 366] <i>äsrilädi</i> ‘разрисовал кошму, сделал ее пятнистой как шкура леопарда’ («Дивану лугат ат-турк») [Кашгари, 2010: 272]

Проанализировав материал, представленный в табл. 12, можно сделать вывод о том, что во всех типах памятников представлены цветообозначения *qara* ‘черный, темный’, *aq* ‘белый’, *ürün* ‘белый, светлый’, *jaуiz* ‘бурый’, *kök* ‘голубой, синий, сизый’, что в первую очередь связано с широкой распространенностью этих цветов в природе и активным употреблением в языке названий, обозначающих их, в том числе часто – в разных переносных значениях. Например, в источниках зафиксированы такие значения слова *qara* ‘черный’, как ‘народная масса’, ‘мрак’, ‘черный-пречерный’, ‘темный’, ‘рабочий (об одежде)’, ‘обычный’, ‘сильный’, ‘скверный’, ‘скот’, ‘темный (о душе)’ и т. д.

Остальные цветообозначения зафиксированы не во всех типах памятников. Употребление *sariу* ‘желтый’, *toriу* ‘гнедой’ наблюдается во всех типах памятников, кроме древнеуйгурских. В орхонских и енисейских памятниках слово *sariу* ‘желтый’ зафиксировано только в значении эпитета золота, а в древнеуйгурских и караханидско-уйгурских – в значениях ‘желтый’, ‘бледный (о рассвете)’, ‘желтеть (о лице – от болезни, тоски)’, ‘желчь’, ‘желтый-прежелтый’, ‘желтизна’, ‘желтуха’, ‘окрашивать в желтый’.

Лексемы *al* ‘алый, ярко-красный, светло-красный, оранжевый, карий (о глазах)’, *ala* ‘пегий’, *boз* ‘серый’, *jašil* ‘зеленый, голубой’, *qizil* ‘красный’

встречаются в уйгурских и караханидско-уйгурских памятниках, кроме того, *boz* ‘серый’, *jašil* ‘зеленый, голубой’, *qizil* ‘красный’ употребляются – в орхонских, а *al* ‘алый, ярко-красный, светло-красный, оранжевый, карий (о глазах)’ – в енисейских, *ala* ‘пегий’ – в древнеуйгурских рунических памятниках.

Цветобозначения *jerün / jepin / jepkin / jepkil* ‘ярко-красный, пурпуровый’, *esri* ‘пестрый, пятнистый’ представлены в древнеуйгурских и караханидско-уйгурских, *jägrän* ‘рыжий; гнедой’ – в орхонских и енисейских памятниках.

Лексемы *čaqir* ‘пепельно-серый (о глазах)’, *qoŋur* ‘рыжеватый, каштановый, коричневый, карий’, *qula* ‘буланный; гнедой’, *quba* ‘светло-бурый’, *čal* ‘серовато-белый, пепельно-белый, чалый’, *taryil* ‘полосатый’ зафиксированы только в караханидско-уйгурских, *jaziŋ* ‘пестрый’ – в древнеуйгурских памятниках.

Таким образом, рассмотрев цветобозначения, зафиксированные в письменных памятниках древнетюркского периода, можно сделать следующие выводы:

1) 17 названий цвета и масти животных, встречающиеся в древнетюркских памятниках, функционируют в современном башкирском языке:

- др.-тюрк. *qara* ‘черный, темный’ ~ башк. *кара* ‘черный’;
- др.-тюрк. *aq* ‘белый’ ~ башк. *ак* ‘белый’;
- др.-тюрк. *boz* ‘серый’ ~ башк. *буз* ‘сивый, серый’;
- др.-тюрк. *qizil* ‘красный’ ~ башк. *кызыл* ‘красный’;
- др.-тюрк. *sariŋ* ‘желтый’ ~ башк. *һары* ‘желтый’;
- др.-тюрк. *jašil* ‘зеленый, голубой’ ~ башк. *йәшел* ‘зеленый’;
- др.-тюрк. *kök* ‘голубой, синий, сивый’ ~ башк. *күк* ‘синий’;
- др.-тюрк. *ala* ‘пегий’ ~ башк. *ала* ‘пегий’;
- др.-тюрк. *al* ‘алый, ярко-красный, светло-красный, оранжевый, карий (о глазах)’ ~ башк. *ал* ‘алый, розовый’;
- др.-тюрк. *jägrän* ‘рыжий; гнедой’ ~ башк. *ерән* ‘рыжий’;
- др.-тюрк. *čaqir* ‘пепельно-серый’ ~ башк. *сәгер* ‘светло-голубой, зеленовато-голубой’;

– др.-тюрк. *qoñur* ‘рыжеватый, каштановый; коричневый, каурый’ ~ башк. *куңыр* ‘бурый, темно-коричневый’;

– др.-тюрк. *qula* ‘буланный; гнедой’ ~ башк. *кола* ‘саврасый, буланный’;

– др.-тюрк. *toriü* ‘гнедой’ ~ башк. *туры* ‘гнедой’;

– др.-тюрк. *quba* ‘светло-бурый’ ~ башк. *коба* ‘светло-желтый, бледно-бурый, палевый’;

– др.-тюрк. *çal* ‘серовато-белый, пепельно-белый, чалый’ ~ башк. *сал* ‘седой, светло-серый; чалый’;

– др.-тюрк. *taryil* ‘полосатый’ ~ башк. *таргыл* ‘полосатый’;

2) в современном башкирском языке не встречаются следующие цветообозначения из древнетюркских памятников: *äsri* ‘пятнистый, пестрый’, *jaziü* ‘пестрый’, *jayiz* ‘бурый’, *jepin* / *jepin* / *jepkin* / *jepkil* ‘ярко-красный, пурпуровый’, *örüñ* / *ürüñ* / *jürüñ* ‘белый, светлый’;

3) в памятниках древнетюркского периода наблюдается употребление двух вариантов лексем для белого цвета – *aq* ‘белый’ и *örüñ* ‘белый, светлый’, которые в то время имели четкие разграничения по семантике: *aq* в основном употреблялся для обозначения масти лошади, *örüñ* – как определение предметов белого цвета или масти других животных. В современном башкирском языке для белого цвета функционирует лексема *ак* ‘белый’, которая также имеется во всех тюркских языках, кроме якутского и чувашского;

4) в источниках отчетливо прослеживается многозначность цветообозначений: помимо передачи цвета и масти лошади, они могут иметь коннотативную семантику, что наблюдается и в современном башкирском языке;

5) в памятниках встречаются следующие структурные типы цветообозначений: производные, производные со значением степени проявления признака (полной или неполной) и аналитические формы.

4.1.2. Среднетюркские источники

Средневековый этап развития тюркских языков характеризуется наличием локальных вариантов тюрки. Памятники рассматриваемого периода в основном выполнены арабским письмом, но также имеются источники, выполненные уйгурским или латинским письмом. По языковым особенностям и ареалу распространения среднетюркские памятники условно подразделяются на следующие группы:

- среднеуйгурские (Словарь Ибн-Муханны, XIV в.; произведения Рабгузи, XIV в.; «Хибат ал-хакаик» Ахмета Югнеки, рукопись XV в.; Среднеазиатский тефсир, XII–XIII вв.; Легенда об Огуз-кагане, XIII в.; уйгурские юридические документы XII–XIV вв. и др.);

- среднекыпчакские (письменный памятник куманского (половецкого) языка «Кодекс Куманикус», XIII – нач. XIV в.; мамлюкско-кыпчакские письменные памятники – арабско-кыпчакские глоссарии, грамматики, а также переводные литературные произведения, созданные в мамлюкском Египте в XIII–XIV вв., и др.);

- армяно-кыпчакские (средневековые кыпчакские памятники армянского письма XVI–XVII вв. и др.);

- среднеогузские («Китабе-и Дедем Коркут», XVI в. и др.);

- хорезмско-тюркские («Кысса-и Юсуф» Кул Гали, XIII в.; «Гулистан бит-тюрки» и «Нахдж аль-Фарадис» С. Сарай, «Мухаббатнаме» Хорезми, «Хосрау и Ширин» Кутба, «Джумджума Султан» Хисама Катиба и др., XIV в.);

- чагатайские («Дивани хикмат» А. Ясеви, рукопись XVI в.; словарь среднеазиатского чагатайского языка XIV–XVI вв. «Абушка»; «Бада'и ал-лугат» Тали Имани Гератского, XV в.; произведения А. Навои, XV в. и др.) [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2001: 10].

Тексты средневековых памятников представляют собой рукописные книги. Некоторые источники дошли до нас в оригинале, а часть из них сохранилась в виде рукописных копий. На сегодняшний день лексика большинства указанных

выше памятников исследована и проанализирована, составлены их словари и глоссарии [Вельяминов-Зернов 1868, Houtsma 1894, Мелиоранский 1900, Абу-Наууан 1931, Bang, Rachmati 1932, Battal 1934, Поппе 1938, Яфаров 1949, Ahmed 1951, Щербак 1959, Боровков 1961, 1963, Хорезми 1961, Зайончковский 1964, Документы на половецком языке... 1967, Курышжанов 1970, Наджип 1975, 1979, Codex Cumanicus 1981, Югнеки 1985, Гаркавец 1987, 2006, 2018, Toparlı 2007 и др.].

Рассматриваемые источники содержат ценные сведения по функционированию цветообозначений в средневековый период. Если в среднеуйгурских, среднеогузских, армяно-кыпчакских, чагатайских памятниках имеется сравнительный материал для изучения языковых особенностей существовавших в то время разных групп тюркских языков, то в среднекыпчакских и хорезмско-тюркских источниках отражаются лингвистические особенности среднекыпчакского языка, легшего в основу современных кыпчакских языков, в том числе башкирского.

Так, письменным памятником, имеющим кыпчакские особенности, является поэма «Кысса-и Юсуф» Кул Гали (XIII в.), написанная на хорезмско-тюркском языке, в нем уже широко представлены собственно кыпчакские элементы. Следующий памятник – это сборник стихов «Дивани хикмат» («Книга мудрости») А. Ясеви (рукопись XVI в.), язык которого в основе своей является карлуцким и имеет огузские и кыпчакские элементы (карлуко-огузо-кыпчакский).

В вопросе изучения цветообозначающей лексики башкирского языка немаловажное значение имеют тексты хорезмско-тюркских памятников, которые написаны на смешанном огузско-кыпчакском или кыпчакско-огузском языке («Гулистан бит-тюрки» и «Нахдж аль-Фарадис» С. Сарай, «Мухаббатнаме» Хорезми, «Хосрау и Ширин» Кутба, «Джумджума Султан» Хисама Катиба и др., XIV в.).

Таким образом, вышеперечисленные памятники имеют непосредственное отношение к средневековому тюркскому литературному языку,

распространенному, в частности, в кыпчакской среде, поэтому их тексты являются ценным материалом для изучения исторического развития лексики башкирского языка, в том числе и цветообозначающих слов.

Важным источником изучения истории кыпчакских языков является язык так называемых мамлюкско-кыпчакских письменных памятников – арабско-кыпчакских глоссариев, грамматик, а также переводных литературных произведений, которые создавались в мамлюкском Египте в течение 250 лет [Улаков, Чеченов 2001: 10].

Из источников на арабском языке, касающихся кыпчакского языка, можно отметить «Тюркско-арабский словарь» («Китаб-и меджму-у терджуман тюрки ве ‘аджами ве моголи ве фарси» – «Общая книга толкования тюркско-персидского и монгольско-персидского языков»), составленный анонимным автором в Египте в 1245 г. (здесь в первой части вместо ожидаемого тюркско-персидского словаря помещен тюркско-арабский словарь). Кроме этого, известны следующие мамлюкско-кыпчакские памятники, тексты которых дошли до наших дней: «Китаб-у булгат ал-муштак фи лугат ат-тюрк в-ал-кыфчак» («Книга, достаточная для удовлетворения желаний знать тюркские и кыпчакские языки») Джамал ад-дина Абу-Мухаммеда Абдуллаха ат-Тюрки (XIV в.), «Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак» («Книга толкования о языке тюрков») Абу-Хайяна Ал-Андалуси (1312 г.), «Китаб ат-тухфат уз-закийя фи-л-лугат ит-тюркийя» («Приятный подарок для изучения тюркского языка» / «Изысканный дар тюркскому языку») (XIV в.), «Ал-каваин ал-куллия ли-дабт ал-лугат ат-тюркийя» («Полное руководство для обладания языком тюрков» / «Полное пособие для изучающих тюркский язык») (XIV–XV вв.) [Улаков, Чеченов 2001].

Крупнейшим письменным памятником кыпчакского (половецкого, куманского) разговорного языка средних веков является «Кодекс Куманикус», который создан в XIII – нач. XIV в. францисканскими миссионерами, путешествовавшими по южнорусским степям до низовьев Волги, в качестве

пособия по разговорной речи кумано-половцев (кыпчаков) [Codex Cumanicus 1981, Гаркавец 2006].

Примечательно, что на основе лексики вышеперечисленных кыпчакско-мамлюкских и кумано-кыпчакских памятников был составлен и издан словарь «Kırçak Türkçesi sözlüğü» (Анкара, 2007), где представлены и цветообозначения с указанием памятников, в которых они встречаются. Например, в этом словаре отмечено, что слово *al* ‘розовый, алый’ зафиксировано в «Китаб ал-идрак лилисан ал-атрак» Абу-Хайяна, «Китаб-и меджму-у терджуман тюрки ве ‘аджами ве моголи ве фарси», «Кодексе Куманикусе» [Toparlı 2007: 6].

Армяно-кыпчакские памятники представляют собой армянографичные тексты делового, клерикального, учебного и научного содержания (XVI–XVII вв.). Язык армяно-кыпчакских памятников, по мнению специалистов, представляет собой один из юго-западных (кыпчакско-половецких, понто-каспийских) кыпчакских языков. По специфическим особенностям своих строевых элементов он наиболее близко стоит к кумыкскому, карачаево-балкарскому, тракайскому диалекту караимского языка, куманскому языку (языку памятника «Кодекс Куманикус», относящемуся к XIII – нач. XIV в.), кыпчакским урумским говорам и горным говорам крымскотатарского языка [Улаков, Чеченов 2001: 48], но вместе с тем отмечается большое количество османизмов [Документы на половецком языке... 1967, Дашкевич, Трыярский 1970]. Лингвистическая ценность армяно-кыпчакских письменных памятников состоит в том, что в них отразилась живая разговорная речь кыпчаков (половцев, куман) XVI–XVII вв.

Итак, в средневековых (среднеуйгурских, среднекыпчакских, армяно-кыпчакских, среднегузских, хорезмско-тюркских, чагатайских) текстах, как и в древнетюркских, представлены цветоименования (в прямом и метафорическом значениях), масти животных, а также образованные от них субстантивы, онимы, термины, производные названия.

Цветообозначения-колоронимы. В арабско-мамлюкско-кыпчакском словаре, составленном в Египте в 1245 г., представлены цветовые значения лексем *aq* ‘белый’, *al* ‘алый, совершенно красный’, *kök* ‘синий, голубой’, *qara* ‘черный’, *qizil* ‘красный, румяный’, *saru* ‘желтый’, *jašil* ‘зеленый’, *jayiz* ‘цвета пыли, бурый’ («Тюркско-арабский словарь», 1245 г.) [Курышжанов 1970: 82–83, 120, 126, 146, 157, 161, 185].

В дидактической поэме «Хибат ал-хакаик» («Подарок истин») Ахмеда Югнеки (рукопись XV в., язык – переходный от караханидско-уйгурского к чагатайскому), в произведении религиозно-дидактического характера «Киссас аль-анбия» («История пророков») Рабгузи (XIV в., язык – хорезмско-тюркский), Среднеазиатском тефсире (XII–XIII вв., язык – караханидский) встречаются следующие эпитеты, содержащие цветообозначающий компонент: *baŷ qubardim tal jüačliq jäs jiburŷaq al čäčäk* ‘я вырастил сад из деревьев и кустарниковой растительности, из **зеленых** (букв. молодых) листьев и ярких (букв. **алых**) цветов’ («Киссас аль-анбия», XIV в.) [Малов 1951: 330], *qizil eŷ* ‘красное лицо’ («Хибат ал-хакаик», рукопись XV в.) [Югнеки 1985: 22], *ja bustan teg ol hilm käräm al güil ol* ‘кротость похожа на сад, а великодушие – **алая** роза [в нем]’ («Хибат ал-хакаик», рукопись XV в.) [Ahmed 1951: 342], *qizil taqi aq jaqutdin* ‘из **красного** и **белого** яхонта’, *čaqir közlüg* ‘с **голубыми** глазами / голубоглазый’ (Среднеазиатский тефсир, XII–XIII вв.) [Боровков 1963: 47, 355]. Подобные эпитеты встречаются и в древнетюркских источниках, например, *čaqir* ‘голубой (о глазах)’ появляется еще в «Дивану лугат ат-турк» Махмуда Кашгари (XI в.).

Лексемы для обозначения цвета часто присутствуют в загадках, приведенных в памятнике «Кодекс Куманикус» (XIII – нач. XIV в.): *Käsärtkiče sarı altun a[qmiš] (ol, ot-dir)* ‘Ящерицей **желтое** золото [потекло]’ (это: огонь), *Altun ajırŷan tura tüšer, al torxam jajili tüšer (ol, bije qulunlayan-din)* ‘Золото, отделившись, падает стоймя, **алый** шелк падает развернутым (это: ожеребилась кобыла)’, *Kökčä ulaxim kögende semirir (ol, xavun [xun])* ‘Мой серенький козленок жиреет на привязи (это: дыня)’, *Aq küjmaniŷ awzu jox (ol, jumurtqa)* ‘У белой юрты

нет дверного проема (это: яйцо)» [Codex Cumanicus 1981: 146, Гаркавец 2006: 14, 16, 17].

В среднеуйгурском памятнике XIII в. – «Легенде об Огуз-кагане» (список XV в., уйгурским письмом) слово *al* имеет значение ‘карий (о глазах)’: *közläri al saçları qaşları qara erdilär erdi* ‘его глаза были **кариями**, волосы и брови – **черными**’ [ДТС 1969: 31–32].

В хорезмско-тюркских поэтических произведениях цветообозначения также являются частыми эпитетами: *jaşıl vä aq* ‘зеленый и белый’ («Хосрау и Ширин» Кутба, XIV в.) [Наджип 1979: 216], *gülip kök ot qizil gül birlä mühabbät* ‘зеленая трава затеяла любовь с **красной** розой’, *sämirip täni aq jüzi qizil bolup* ‘пополнев, тело стало **белым**, а лицо – **розовым**’, *soldi qizil gul jänqaqin ej sanam* ‘поблекли твои, как **алые** розы, щеки, о кумир’, *jaşıl sährada* ‘на **зеленой** степи’ («Гулистан бит-тюрки» С. Сарай, XIV в.) [Наджип 1975: 146, 194, 217, 228].

Названия мастей животных. В «Тюркско-арабском словаре» (1245 г.) представлены следующие названия мастей лошади: *alaça* ‘пегий, пестрый, полосатый, пятнистый’, *boz* ‘серый, соловый’, *qoçur* ‘рыжей масти’, *qula* ‘саврасая (масть лошади: желтая в нижних частях ног, с черными пятнами на крупе и в задней части – полосатая, пестрая)’, *saru* ‘золотисто-рыжая масть лошади’, *turu* ‘гнедой (о масти лошади)’, *çal* ‘серый, чалый’, *çeper* ‘чубарый (о масти лошади), лошадь серая в яблоках’ [Курышжанов 1970: 83, 98, 165, 166, 185, 206, 217, 218].

Название масти *çoçur* ‘чубарый’ зафиксировано в «Легенде об Огуз-кагане» (XIII в.): *[o]yuz qaçan bir çoçur tan [a]jyür [a]tqa minä turur erdi* ‘Огуз-каган ехал верхом на **чубаром** жеребце’ [Bang, Rachmati 1932]. В «Древнетюркском словаре» слово *çoçur* ‘чубарый’ дается с пометкой *монг.*, то есть предполагается его монгольское происхождение [ДТС 1969: 154].

Названия мастей лошади и других животных встречаются в загадках из «Кодекса Куманикуса» (XIII – нач. XIV в.): *Sarajdayi sari ajiür savlavlatip kişnämış (ol, qaz-din)* ‘**Желтый** (соловый) жеребец во дворце заржал, вызвав вокруг шум и гам (это: гуси [гусь в гнезде загоготал])’, *qašta qara-qula uvşap-dir (ol, işliq-din)* ‘на

перекладине **черный и саврасый** уподобились друг другу (стали похожими) (это: коптильня для кож)’, *Keçe kelir qara ulax, erte barir qara ulax ([ol], tünlik)* ‘вечером **черный** козленок приходит, утром **черный** козленок уходит (это: тюнлик [ночник-кошма, которой прикрывают дымовое отверстие вверху юрты, обычно на ночь])’ [Гаркавец 2006: 14, 16, 18].

Как видим, в среднетюркских источниках впервые появляются лексемы *şerer* ‘чубарый (о масти лошади)’, ‘лошадь серая в яблоках’ (в ср.-кыпч.), *şoqur* ‘чубарый’ (в ср.-уйг. < монг.).

Цветообозначения со вторичными значениями. Как и в древнетюркских памятниках, в источниках средних веков встречаются примеры употребления цветообозначающей лексики не только в своем прямом значении, но и в переносном. Например, исследуя язык «Хосрау и Ширин» (XIV в.), Э.Н. Наджип отмечает значения ‘розовый’, ‘бледно-красный’, ‘незрелый’, ‘молодой’ слова *al* и приводит следующие примеры его употребления: *qilurlar kök jäs üzrә al süsün niş* ‘на зеленой лужайке пьют **розовое** вино’, *qolunya qonmiş erdi al laçin* ‘на мою руку сел молодой (букв. **розовый**) сокол’ [Наджип 1979: 224].

В дастане «Гулистан бит-тюрки» С. Сарай (XIV в.), кроме ‘белый’, встречается и значение ‘честный’ слова *aq: jüzün täñri qatında aq bolıaj* ‘пусть перед Богом твое лицо будет честным (букв. **белым**)’ [Наджип 1975: 24]. Там же представлены нецветовые значения слова *qararmaq* ‘темнеть, мрачнеть, становиться темным, черным’: *Qur’an ogusa, eştikänlärniñ köñli qararur edi* ‘когда он читал Коран, **мрачнели** сердца слушателей’ [Наджип 1975: 166].

В загадках из кыпчакского памятника «Кодекс Куманикус» (XIII – нач. XIV в.) слово *qara* ‘черный’ употребляется в качестве эпитета страны: *Käsärkiçe qan tammiş, qara ulusqa jajılmış (ol, ot-diñ)* ‘Ящерицей кровь стекла, **черную** страну залила (это: огонь)’; а также в значении ‘сильно’: *küçten qara çinlamiş (ol, anası jılayan-diñ)* ‘**сильно** стонала корова (это: рыдала мать)’ [Гаркавец 2006: 14, 16–18]. В поэме «Кисас аль-анбийя» Рабгузи (XIV в.)

приводится значение ‘подземный (о воде)’ слова *qara* в выражении *qara su* ‘подземная вода’ [Малов 1951: 411].

Субстантивы от прилагательных-цветообозначений. Субстантив слова *sari* ‘желтый’ в значении ‘желтизна’ встречается в Среднеазиатском тефсире (XII–XIII в.): *teš sarisi* ‘желтизна зубов’ [Боровков 1963: 262]. В поэме «Хосрау и Ширин» (XIV в.) слово *al* ‘розовый’ употреблено в значении ‘румянец лица’: *čečäk teg soldî ketti eñdä ali* ‘как цветок завял **розовый цвет** (то есть румянец) ее лица’ («Хосрау и Ширин», XIV в.) [Наджип 1979: 224]. В поэме «Кисас аль-анбийа» Рабгузи (XIV в.) встречается значение ‘скот’ слова *qara* [Малов 1951: 411].

Термины с компонентами-цветообозначениями. Словообразовательная функция цветообозначений прослеживается и в среднетюркских памятниках: *qara baliq* ‘кит; сом, букв. черная рыба’, *qarabaš* ‘рабыня, служанка, букв. черноголовая’, *qaraqul* ‘раб, букв. черный раб’ (Среднеазиатский тефсир, XII–XIII в.) [Боровков 1963: 199, 200], *saru erik* ‘абрикос, букв. желтая костянка (косточковый плод)’, *qaraqış* ‘орел (степной), букв. черная птица’ («Тюркско-арабский словарь», 1245 г.) [Курьшжанов 1970: 113, 157], *suri čibin* ‘овод, букв. серая муха’, *qara qulaq* ‘шакал, рысь, букв. черное ухо’ («Гулистан бит-тюрки» С. Сарай, XIV в.) [Наджип 1975: 149, 166].

Здесь мы наблюдаем появление в источниках лексемы *suri* ‘серый’ в составе сложного слова *suri čibin*.

Онимы с компонентами-цветообозначениями. В «Тюркско-арабском словаре» (1245 г.) широко представлены антропонимы с компонентами-цветообозначениями: *Aqbala* ‘букв. белый цыпленок’, *Aqqış* ‘букв. белая птица’, *Aqsuñqor* ‘букв. белый сокол’, *Aqsa* ‘букв. беловатый’, *Vozyuš / Vozqiš* ‘Серая птица’, *Qarasuñqor* ‘букв. черный сокол’, *Alaquiš* ‘букв. пестрая птица’ [Курьшжанов 1970: 82–83, 98–99, 157].

Производные-цветообозначения со значением степени проявления признака (полной или неполной). В «Тюркско-арабском словаре» (1245 г.) представлены

такие производные со значением полной степени проявления признака, как *ar-aq* ‘совершенно белый’, *jam-jašil* ‘совершенно зеленый’, *közkök* ‘совершенно синий’, *qar-qara* ‘черный-пречерный, очень черный’, *qir-qizil* ‘ярко-красный, алый’, *sar-saru* ‘ярко-желтый’ [Курышжанов 1970: 82–83, 123, 146, 157, 161, 184]. В других памятниках также зафиксированы производные со значением полной степени проявления признака, например: *ar-aq* ‘совершенно белый’ цветообозначения *aq* ‘белый’: *anıñ başı soyuqtin ar aq turur* ‘ее вершина от холода **белая-пребелая**’ («Легенда об Огуз-Кагане», XIII в.) [ДТС 1969: 48].

Аналитические формы цветообозначений. Составные прилагательные, передающие многообразные оттенки цвета, широко представлены в среднетюркских памятниках, например: *temir boz* ‘серый, пепельного цвета, цвета железа, букв. серый, как железо’, *qara jayiz* ‘темный, тусклый, мрачный, темно-бурый, темно-коричневый’ («Тюркско-арабский словарь», 1245 г.) [Курышжанов 1970: 120, 198], *qoju jašil* ‘темно-зеленый, букв. густо-зеленый’ (Среднеазиатский тефсир, XII–XIII в.) [Боровков 1963: 199], *oşul oşulnuñ .. ayizi ataş qizil erdi* ‘у этого ребенка .. рот был **огненно-красным**’ («Легенда об Огуз-кагане», XIII в.) [ДТС 1969: 422].

Встречаются и сравнительные конструкции, например: *qizil ot täg jaqut* ‘яхонт, как **красное** пламя’ (Среднеазиатский тефсир, XII–XIII вв.) [Боровков 1963: 48]; *tämam kafur teg ol ändamü aqi* ‘ее тело белое, как камфора’ («Хосрау и Ширин», XIV в.) [Наджип 1979: 216].

Кроме вышеперечисленных случаев употребления цветообозначений в источниках, отметим, что в них впервые появляется лексема *zancar*, которая в отдельных современных тюркских языках, в том числе и в башкирском, употребляется в значении ‘голубой’. Она зафиксирована в кыпчакском памятнике «Кодекс Куманикус» (XIII – нач. XIV в.). Ее значение Р. Топарлы приводит как ‘яр-медянка; ржавчина; медный купорос’, а происхождение обозначает как арабское: *zancar* (араб.) – *bakır yeşili* ‘яр-медянка; ржавчина; медный купорос’ [Топарлы 2007: 336].

Как видим, в средневековых тюркских памятниках, естественно, проявляются те же особенности цветообозначающей лексики, что и в древнетюркских памятниках. В то же время можно обнаружить, что источники данной эпохи зафиксировали некоторые не встречающиеся в древних текстах явления в системе тюркских цветообозначений. Отметим наиболее ярко выраженные особенности цветоназваний среднетюркского периода:

1) в среднекыпчакских памятниках имеет место выпадение конечного -у основы цветообозначений (др.-тюрк. *sariy* 'желтый' ~ ср.-кыпч. *sari*, *saru*; др.-тюрк. *toriü* 'гнедой' ~ ср.-кыпч. *туру*), что характерно для современных языков огузской и кыпчакской подгрупп тюркских языков, в том числе и для современного башкирского языка;

2) два цветообозначения, функционирующие в современном башкирском языке, но не встречающиеся в древнетюркских памятниках, появляются именно в среднекыпчакских источниках: ср.-кыпч. *suri* 'серый' ~ башк. *һоро* 'серый'; ср.-кыпч. *щерер* 'чубарый (о масти лошади)' ~ башк. *сыбар* 'пестрый', 'чубарый';

3) в среднетюркских источниках фиксируются новые термины с компонентами-цветообозначениями, например: зооним *qara qulaq* 'шакал, рысь, букв. черное ухо';

4) развиваются не зафиксированные в древнетюркских памятниках значения цветонаименований, например, впервые в среднетюркских источниках встречается сочетание названия цвета *kök* со словом *ot* 'трава' (*kök ot* 'молодая трава, букв. зеленая трава') и т.д.

Вместе с тем следует иметь в виду, что здесь можно говорить не о возникновении новых названий цвета, их форм и значений, а лишь об их первом появлении в источниках.

4.1.3. Источники новотюркской эпохи

В новотюркскую эпоху происходит дальнейшая дифференциация множества тюркских языков. Этот период характеризуется памятниками,

написанными на старотуркменском, староосманском, староазербайджанском, староузбекском, староуйгурском, старотатарском / старотюркском (тюрки Урало-Поволжья) языках [Баскаков 1973: 146]. Несмотря на наличие ряда региональных вариантов тюркских языков, существовала их общность, обусловленная близостью тюркских языков друг к другу, использованием ими арабского письма (в котором гласные не находили полного отражения в графике, и поэтому одно и то же слово в различных регионах могло читаться по-разному) и обилием арабских и персидских лексических заимствований.

Башкиры и татары использовали тюрки Урало-Поволжья – тюркский литературный язык, который сформировался в послемонгольский период как ответвление от языка тюрки. Тюрки Урало-Поволжья представлял собой вариант общетюркского книжно-письменного койнэ, в основу которого лег кыпчакско-огузский литературный язык [Очерки истории башкирского литературного языка 1989: 19].

До наших дней дошли тексты, написанные на тюрки-Урало-Поволжья (например, «Рисала-и Газиза», 1806 г., книга о Кисекбаше, списки XIX в., хикматы Мавли Кулуя, XVII в.). Памятниками того же времени являются и произведения таких жанров, как таварихи, шежере, саяхатнаме, письма и т. д. (например, «Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне», 1755 г.; «Тарих нама-и Булгар» Т. Ялсыгула, 1805 г.; башкирские шежере XVI–XIX вв.) [Башкирские шежере 1960, Письмо Батырши... 1993, Галяутдинов 1998 и др.], для языка которых характерно сближение с башкирским народно-разговорным языком.

В XIX в. на литературный башкирский язык наиболее сильное влияние оказывает разговорный язык башкир. В этот период появляются суфийская и просветительская литература, создаются первые грамматики и словари по башкирскому языку и др. [Начальное руководство... 1859, Уметбаев 1883, Катаринский 1893, 1899, Куватов 1895].

Ценными источниками по лексике тюркских языков новотюркской эпохи

являются два крупных лексикографических труда XIX – нач. XX в., где собраны лексические единицы ряда тюркских языков указанного периода [Будагов 1869, 1871, Радлов 1893–1911]. Двухтомное издание Л.З. Будагова «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык» (СПб., 1869, 1871) было составлено на основе текстов произведений А. Навои, Абу-л-Гази, материалов толковых, переводческих словарей тюркских языков и письменных памятников и содержит слова из языков многих восточных народов [Будагов 1869, 1871]. «Опыт словаря тюркских наречий» В.В. Радлова (СПб., 1893–1911), состоящий из 4-х томов, является тюркоязычным словарем сравнительного типа, вобравшим в себя лексику и фразеологию многочисленных живых и древних тюркских языков [Радлов 1893–1911].

В источниках новотюркской эпохи, как и в древнетюркских и среднетюркских, представлены цветообозначения и названия мастей животных, а также термины, онимы, субстантивы и производные названия цвета.

Цветообозначения-колоронимы. В письменных источниках, созданных на тюрки Урало-Поволжья, наблюдается активное использование цветообозначений, например: *ак сакаллы картлар* ‘седобородые старики’, *кара болот* ‘черные тучи’, *күк ут вакыты* ‘период первой свежей травы (май месяц), букв. время зеленой травы’ [Письмо Батырши... 1993: 17, 60, 83], *кара баиллы, кызыл йөзле бер егет терек тик ятыр* ‘как живой лежит **черноголовый краснощекий человек**’ (шежере башкир племени юрматы) [Башкирские шежере 1960: 28, 32].

Наиболее полное для своего времени лексикографическое описание цветообозначений башкирского языка представлено в словаре В.В. Катаринского. В нем, например, даются следующие цветоименования и их значения: *ак* ‘белый’, ‘седой’, ‘бельмо’, ‘белок’, *ала* ‘пегий’, ‘пестрый’, ‘полосатый’, *зәңкәр*¹ ‘голубой’, ‘лазуревый’ и др. [Катаринский 1899: 8–9, 14, 39, 71, 138].

¹ Используемые в словаре В.В. Катаринского знаки для специфических звуков башкирского языка (*ä, ɣ, ɧ, ö, ʏ*) в нашей работе заменены буквами современного башкирского алфавита (*ə, ɣ, ɧ, ø, ʏ*).

В трудах Л.З. Будагова и В.В. Радлова цветообозначения-колоронимы встречаются в достаточно большом количестве, вместе с тем в них представлены разные фонетические формы цветообозначений, употребляющихся в том или ином тюркском языке, например: *subar / ĉibar / ĉuwar / ĉibar* ‘пестрый’ [Радлов 1905б: 2099, 2153, 2185–2186], *jařil / jeřil* ‘зеленый’ [Будагов 1871: 331], *qoŋur / qoŋur / qoŋar / qoŋur* (قونكر, قونغر, قونقار, قونكر) ‘бурый’ [Будагов 1871: 86], *qonur / qoŋur / qoŋir / quŋir / qoŋor / qoŋort* ‘бурый’ [Радлов 1899а 521, 522, 541, 674], *sörö* ‘серый’ / *sur* ‘серо-синий’ [Радлов 1911а: 591, 764]. и др.

Л.З. Будагов приводит слова *zäj* ‘ржавчина, ярь’, *zängär* ‘медянка; зеленый цвет’, а также с пометкой *Kas.* (казанское наречие) дает значение ‘голубой’ данного слова [Будагов 1869: 607]. В более позднем источнике – в словаре В.В. Радлова – представлено цветовое значение этого слова также с пометкой *Kas.* (казанское наречие): *zängär* ‘голубой, лазоревый’, *zängär küz* ‘голубые глаза’ [Радлов 1911а: 886–887].

Как видим, во многих новотюркских памятниках *zängär* ‘голубой’ представлено уже как цветообозначение (выше отмечалось, что в среднетюркских оно приводится как название вещества: *zancar* ‘ярь-медянка; ржавчина; медный купорос’).

Названия мастей животных. Названия мастей животных также отражены в словарях Л.З. Будагова, В.В. Радлова, В.В. Катаринского и других источниках.

Так, в словаре В.В. Катаринского встречаются 15 лексем, которые называют масти животных, например: *ала* ‘пегий, пестрый, полосатый’, *бурыл* ‘чалый’, *кир* ‘мухортый’, *коба* ‘бледно-бурый’ и др. [Катаринский 1899: 9, 14, 39, 71, 138, 140]. Интересно отметить, что слова *көрән* и *куңыр* в этом источнике представлены только как названия масти животных (напр., *көрән* ‘бурый (о лошади)’, *көрәнсәй* ‘бурка’, *куңыр* ‘бурая масть’, *куңыр һыйыр* ‘буренушка’) [Катаринский 1899: 148, 156], тогда как в современном башкирском языке они употребляются с названиями широкого круга предметов (напр.: *көрән кырмыска* ‘коричневый муравей’, *көрән күз* ‘карие глаза’, *куңыр сәс* ‘темно-русые волосы’, *куңыр йөз*

‘смуглое лицо’).

В словарях В.В. Радлова и Л.З. Будагова приведены следующие названия мастей лошади и других животных: *kürän / küräñ* ‘бурый, саврасый (о масти лошади)’ [Будагов 1871: 120], *kürän / küräñ* ‘бурый (масть лошади)’ [Радлов 1899б: 1450, 1451]; *sari at* ‘соловая лошадь’, *sar’ala at* ‘пего-соловая лошадь’ [Будагов 1869: 685, Радлов 1911а: 319–321]; *al at* ‘рыжая лошадь (масть лошади с красноватой гривой и таким же хвостом)’ [Будагов 1869: 76], *al at* ‘Fuchspferd (лошадь рыжей масти)’ [Радлов 1893а: 349–350]; *taryil* ‘масть коровы (красная с черными пятнами)’ (в киргизском наречии) [Радлов 1905а: 854]; *tarlan* ‘масть лошадей: сивый с красными, желтыми или черными пятнами’ (в киргизском наречии) [Радлов 1905а: 856]; *čaptar, čabidar, šabdar* ‘игрневый’ [Радлов 1905б: 1926, 1932, Радлов 1911а: 989]; *bürtä* ‘белая лошадь’ (в уйгурском наречии), *bört* ‘со смешанной шерстью’ (в киргизском наречии) [Будагов 1869: 274, Радлов 1911б: 1899]; *burul* ‘чалой масти’ (в киргизском наречии), *purul* ‘чалой масти’ (в алтайском наречии), *burli* ‘бурый’ (в казанском наречии) [Будагов 1869: 274, Радлов 1911б: 1830]; каз., кирг. *kuba* ‘буланный, светло-желтый’, алт. *kuba* ‘бледный, бледно-желтый’ [Будагов 1871: 69], *quba* ‘бледный, сероватый’ (в телеутском, шорском, саянском наречиях) [Радлов 1899а: 1034]; *subar, čibar, čuwar, čibar* ‘пестрый’, ‘серая лошадь’, ‘лошадь серая с яблоками’, ‘пестрая лошадь с яблоками’ [Радлов 1905б: 2153, 2185–2186]; *boz* ‘серый, беловатый, бледный’, *aq boz* ‘белый’, *kök boz* ‘сивая (масть)’ *qizil boz* ‘рыжий’ [Будагов 1869: 279], *buz / boz* ‘серый, беловатый’, *aq buz at* ‘совсем белая лошадь’ [Радлов 1911б: 1866]; *järän / jägrän* ‘рыжий (о масти лошади)’ [Радлов 1905а: 338]; *sor-at* ‘голубой масти конь’ (в алтайском наречии) [Будагов 1869: 707]; *ker* ‘мухортый’, *ker turi, ker qara* ‘вся гнедая, черная масть, а голова беловатая’ (в казанском, киргизском наречиях) [Будагов 1871: 118], *ker* ‘мухортый (о масти)’ (в киргизском наречии), *kär* ‘карий, гнедой (лошадиная масть)’ (в алтайском, телеутском, шорском, лебединском, чулымском наречиях) [Радлов 1899б: 1083–1084] и др.

Названия мастей лошади также встречаются в башкирских шежере: *ак ат*

‘белая лошадь’ (шежере башкир племени юрматы) [Башкирские шежере 1960: 28, 32].

Цветобозначения со вторичными значениями. В новотюркских источниках, в частности в словарях Л.З. Будагова и В.В. Радлова, можно встретить вторичные, метафорические значения цветобозначений, которые не обнаруживаются в древнетюркских и средневековых памятниках, например: *sari dala* ‘необозримая степь, букв. желтая степь’, *qara jul* ‘большая дорога, букв. черная дорога’ [Будагов 1869: 686, Будагов 1871: 42–44, Радлов 1911а: 319], *aq kökrüktü* ‘честный, букв. с белой грудью’, *aq jer* ‘ровная безлесная местность, букв. белая местность’, *aq süöktü* ‘благородный, букв. белая кость’, *aq çaziniñ ortasında* ‘в середине голой степи, букв. посреди белой степи’ [Будагов 1869: 66, Радлов 1893а: 88–95]. В них зафиксированы и устойчивые выражения, содержащие прилагательные-цветобозначения: *ala qışdaj, ala jazdaj* ‘круглое лето, круглую зиму, букв. в пеструю зиму, пеструю весну’, *alaryan köz* ‘глаза, налитые кровью (говорится о запаленной лошади, о человеке в падучей болезни), букв. запестревший глаз’ [Будагов 1869: 78], *ala köñül* ‘коварство, букв. пестрая душа’, *ala tänlik* ‘проказа, букв. пестрая кожа’ [Радлов 1893а: 351–352],

В «Письме Батырши...» (1755 г.) и башкирских шежере также встречаются цветобозначения, употребляемые в переносных значениях, например: *gакылларыңыз һануз акартмаган* ‘умы ваши все еще не просветлели’ [Письмо Батырши... 1993: 17, 60, 83, 96]; *Ак би бадшаһ булды* ‘Белый бий (русский царь) стал падишахом’ (шежере башкир племени юрматы) [Башкирские шежере 1960: 29, 33].

Субстантивы от прилагательных-цветобозначений. В словарях новотюркской эпохи широко представлены субстантивы, например: *aq* ‘белок глаза’, ‘белок яйца’ [Будагов 1869: 66], *qara* ‘земля, суша, скот’, ‘нечистота’ (*üjdiñ qarazi* ‘нечистота от умершего (душа, тень его), которая остается в доме, букв. чернота дома’) [Радлов 1899а: 132–142], *йумыртка агы* ‘яичный белок’ [Катаринский 1899: 9].

Термины с компонентами-цветообозначениями. В лексикографических разработках данного периода приведены множество сложных слов, в т.ч. терминов, образованных от названий цвета: *aq saqal* ‘старшина, букв. белая борода’, *aq sujur* ‘сухая жила, букв. белая жила’, *aq bäbäk* ‘бельмо, букв. белое веко’, *aq baba* ‘коршун, букв. белая большая птица’ [Будагов 1869: 66, Радлов 1893а: 88–95]; *al tamğa* ‘большая четырехугольная красная печать монгольских и ордынских ханов; грамота, указ или приговор хана, букв. алый знак, печать’, *ala qiş* ‘сорока, букв. пестрая птица’, *ala bota* ‘лебеда, букв. пестрый куст’, *ala baliq* ‘форель, букв. пятнистая рыба’ [Будагов 1869: 76, Радлов 1893а: 351–352]; *sörö qört* ‘трутень, букв. серый червь’ [Радлов 1911а: 591], *бузтургай* ‘воробей, букв. сивый воробей’, *акбузат* ‘белая лошадь с разноцветными пятнами’, *һары куш* ‘иволга, букв. желтая птица’, *кызыл түш* ‘снегирь, букв. красногрудка’ и др. [Катаринский 1899: 34, 51, 161]. Термины с компонентами-цветообозначения встречаются и в других источниках новотюркской эпохи, например: *Чыңгыз хан Майкы бигә .. кара агач биргән, кош карагомш* ‘Чингиз-хан дал Майкы-бию .. дерево – лиственницу (букв. **черное** дерево), птицу – стервятник (букв. **черная** птица)’ (шежере башкир племени табын) [Башкирские шежере 1960: 155, 156],

Онимы с компонентами-цветообозначениями. Топонимы, этнонимы, антропонимы также часто употребляются в новотюркских источниках, например: *Кара йылга дигән шиммә буйында кундылар* ‘ночевали у речки, название которой **Черная** река’ [Башкирские шежере 1960: 28, 31–32], *Ахыр кызыл башлар, Надир шаһ оруғындан, килеб, Нурсәидне үлтерделәр* ‘Затем пришли **кызылбаши** (букв. красноголовые / рыжеголовые) из рода Надиршаха и убили Нурсаида’ (шежере башкир племени айле) [Башкирские шежере 1960: 168, 171].

Цветообозначения-производные со значением степени проявления признака (полной или неполной). В словаре В.В. Катаринского встречаются следующие производные со значением полной степени проявления признака: *аппак* ‘самый белый’, *кап кара* ‘самый черный’, *аның өсте кап-кара* ‘белье на ней очень грязное’, *сем-кара* ‘вороной’ [Катаринский 1899: 8, 123–124]. В этом же словаре

привлекают внимание такие производные со значением неполной степени проявления признака, как *йәшелһыман* ‘зеленоватый’ (от *йәшел* ‘зеленый’ + аффикс *-һыман*), *кәрәнһемән* ‘буроватый’ (от *кәрән* ‘бурый’ + аффикс *-һемән*), которые не функционируют в современном башкирском литературном языке. Там же представлены и формы *йәшкелт* ‘зеленоватый’ (от *йәш(ел)* ‘зеленый’ + аффикс *-келт*), *кызғыл* ‘красноватый’ (от *кыз(ыл)* ‘красный’ + аффикс *-ғыл*), *һурғыл* ‘сероватый’, активно употребляющиеся и сегодня (где аффиксы *-келт*, *-ғыл* также образуют производные слова со значением неполной степени проявления признака) [Катаринский 1899: 63, 95, 148, 161].

Производные со значением полной и неполной степени проявления признака приводятся и в словарях Л.З. Будагова и В.В. Радлова, например: *alsıma*, *alsu* ‘аловатый’ [Будагов 1869: 76], *söp sörö* ‘совсем серый’ [Радлов 1911a: 591], *zäñgärsu* ‘голубоватый’ [Будагов 1869: 607].

Аналитические формы цветообозначений. В исследуемых источниках новотюркского времени зафиксированы множество составных прилагательных-цветообозначений, например, с элементом *kük* ‘синий’: *şayır kük* ‘лазоревый, букв. бледно-синий, светло-синий’, *qizilsu kük* ‘багровый, букв. красновато-синий’; с элементом *qizil* ‘красный’: *qara qizil* ‘темно-красный, карий’, *açiq qizil* ‘ярко-красный’, *al qizil* ‘пунцовый, букв. ало-красный, розовато-красный’; с элементом *zäñgär* ‘голубой’: *açiq zäñgär* ‘светло-голубой’, *quji zäñgär* ‘темно-голубой’; с элементом *jaşil* ‘зеленый’: *qara jaşil* ‘темно-зеленый’, *tunuq jaşil* ‘матово-зеленый’, *açiq jaşil* ‘ярко-зеленый’ [Будагов 1869: 76, Будагов 1871: 55, 157, 331, Радлов 1911a: 886–887].

Итак, в письменных источниках новотюркской эпохи отражаются следующие особенности цветообозначений:

1) в указанных источниках встречаются разные фонетические варианты названий цвета, а в словарях Л.З. Будагова и В.В. Радлова приводятся фонетические варианты практически всех цветообозначений;

2) в новотюркских источниках появляются семь цветообозначений и названий мастей животных, не представленных в древнетюркских, среднетюркских памятниках и функционирующих в современном башкирском языке (*зәңгәр* ‘голубой’, *кәрән* ‘коричневый’, *саптар* ‘игрневый’, *бурыл* ‘чалый, серый’, *бүртә* ‘караковый’, *кир* ‘мухортый’, *тарлан* ‘(сизый, серый) с примесями другого цвета’);

3) в источниках новотюркской эпохи представлено большое количество аналитических цветообозначений (напр., *quji zäñgär* ‘темно-голубой’);

4) встречаются производные формы со значением неполной степени проявления признака, отсутствующие в современном башкирском литературном языке (напр., с аффиксом *-һыман/-һемән*: *йәшелһыман* ‘зеленоватый’);

5) в новотюркских памятниках фиксируется развитие семантики цветообозначений в тюркских языках, что свидетельствует о расширении сферы употребления тюркских языков в Новое время (словари тюркских наречий, например, труды В.В. Радлова и Л.З. Будагова, были ориентированы на максимально полное и развернутое описание лексем) и т.д.

4.2. Особенности отражения цветообозначений в народной словесности башкир

Ценнейшим источником в изучении тех или иных языковых единиц является народная словесность. Образцы устного народного творчества башкир собирались исследователями на протяжении нескольких столетий и были опубликованы в многотомных изданиях на башкирском и русском языках. В свод вошли эпос, сказки, легенды, предания, песни, загадки, пословицы, поговорки, заговоры, приметы и т. д. [БХИ 1974, 1995, 1997, 1998, 1999, 2000, 2002, 2004, 2006а, 2006б, 2007, БНТ 1987а, 1987б, 1988, 1989, 1990, 1992, 1993, 1995, 1996, 1997, 2004, 2010]. В указанных сборниках башкирского фольклора содержится богатый материал по названиям цвета, их символическим, сакральным, магическим значениям.

Сакральная семантика цветообозначений ярко прослеживается в башкирских эпических произведениях. Собранный из этих источников материал свидетельствует, что сакральная символика характерна в основном для цветообозначений *ак* 'белый' и *кара* 'черный'. Если белый цвет является символом благородства, чистоты, святости, то черный в эпосах олицетворяет негативные коннотации, связанные с мифическими существами, темными силами, подземным, потусторонним миром. В башкирских эпосах можно встретить следующие случаи употребления этих лексем цвета, где проявляется их символическая семантика: *ак һыу* 'святая вода, букв. белая вода', *ак йылга* 'святой источник, букв. белая река', *ак акыл* 'мудрость, букв. белый ум', *ак эсемлек* 'целебный напиток, букв. белый напиток', *ак йөз* 'чистая совесть, букв. белое лицо', *ак күңел* 'искренняя, добрая душа, букв. белая душа', *ак тирмә* 'гостевая юрта, букв. белая юрта', *ак кейез* 'обрядовый войлок, букв. белый войлок', *ак ашъяулык* 'обрядовая скатерть, букв. белая скатерть' (ее стелили с пожеланием благополучия, достатка), *ак елән* 'праздничный зиян, букв. белый зиян' (национальная одежда башкир), *ак биләү* 'белая пеленка' (ребенка пеленали в белую пеленку с пожеланием счастья); *кара төн* 'мрак, неопределенность, букв. черная ночь', *кара көс* 'темные силы, букв. черная сила', *кара ергә инеү* 'умереть, букв. попасть под черную землю', *кара йөзлө* 'злостный, букв. черноликий' и т.д.

Следует отметить, что в башкирских эпических сказаниях, а также в произведениях других фольклорных жанров названия животных персонажей всегда употребляются с указанием на их масть и окраску: *куңыр буга* 'бурый бычок', *көрән ат* 'бурый конь', *ак буз ат* 'светло-сивый конь', *ерән кашка* 'рыжий конь с белой проточиной', *саптар ат* 'игрневый конь', *туры бейә* 'гнедая кобыла' и т. д. Это говорит о том, что для народа внешние признаки по цвету всегда были важными как для идентификации, так и для характеристики животного.

Так, в башкирских эпосах часто встречаются образы гнедых (*туры*) лошадей, например:

*Туры атың бар сакта,
Дошман һине еңә алмас,
Туры атың һау сакта,
Илгә дошман инә алмас*

‘Враг не одолеет,
Когда у тебя есть **гнедой** конь,
Враг не проникнет в твою страну,
Пока твой гнедой здоров’ (эпос «Коблан-батыр») [КБЯФ].

В эпосе «Акхак-кола» («Хромой саврасый») говорится о лошади буланой масти – потомке благородных коней, обитавших на дне озера Шульган, которые с появлением в этих местах людей вышли из озера и распространились по земле [Надергулов 2000: 60]. Здесь упоминается, что саврасый конь является племенным, породистым скотом (букв. душой, сокровищем):

*Атка ла менеп сабырга, ти,
Эзләп тә йөрөп табырга, ти,
Голло ла атым, мал котом, ти,
Акһак та **колам** янда юк*

‘Надо сесть на коня и поскакать,
Чтобы, обыскав и объездив (округу),
Найти сноровистого коня моего,
Ведь сокровища (богатства) моего,
Хромой **савраски** моей, рядом нет’ (Эпос «Акхак-кола») [КБЯФ].

Практически обязательное указание на масть при описании животного, особенно лошади, связано, скорее всего, с тем, что учет лошадей у скотоводов, в том числе башкир-кочевников, велся по их мастям, отмасткам и отметинам. В эпосе «Акхак-кола» герой, обнаружив пропажу коней из своего табуна, припоминает их по масти. В одной из версий эпоса фигурируют такие лексемы цвета, как *күк* ‘сивый’, *балауыз төслө һары* ‘желтый, как воск’, *кара* ‘вороной’, *алмасыбар* ‘чубарый в яблоках’:

*Иртән дә тороп караһам, ти,
Аралап йөрөп байкаһам, ти,
Мундаһы бейек күк ат юк, ти,
Алма ла сыбар дүнән юк, ти.*

Карлугас бот кара ат юк, ти,

Балауыз төслө һары ат юк

‘Утром встав, посмотрел я,

Кругом походив, осмотрел я,

С холкой высокой **сивого** коня нет,

В яблоках пестрого жеребца (по четвертому году) нет.

С ласточкиными бедрами **вороного** коня нет,

Цвета воска солового коня нет’ (эпос «Акхак-кола») [КБЯФ].

В эпосе «Заятуляк» слово *коба* ‘светло-желтый, бледно-бурый, палевый’ обозначает масть оленя:

Тарбак-тарбак мөгөзлө

Коба болан үреше...

‘Пастбище **бледно-бурых** оленей

С ветвистыми рогами...’ (эпос «Заятуляк») [КБЯФ].

В эпических произведениях башкир цветообозначения активно употребляются также с названиями артефактов, где они выступают либо как эпитет, либо как символ, например, в сочетаниях слов *кызыл сәкмән* ‘красный кафтан’, *йәшел сапан* ‘зеленый чапан’, *зәңгәр елән* ‘голубой зиян (верхняя одежда)’, *йәшел һандык* ‘зеленый сундук’ и т. д. названия цвета используются как средство описания внешнего вида предмета или имеют сакральный смысл. Так, зеленый чапан и белая чалма являются частыми атрибутами стариков-мудрецов: *Шулай аптырашып торганда, улар янына бер карт килеп туктай. Ул өстөнә озон йәшел сапан кейгән, башына зур ак сәллә ураган, кулына үзенән озон таяк тоткан* ‘Когда они стояли и не знали, что делать, рядом с ними остановился некий старик. Он был одет в длинный **зеленый чапан**, на голову намотана **белая**

чалма, в руке держал палку длиннее его самого' (эпос «Кузыкурпяч») [КБЯФ].

В башкирском фольклоре цветообозначения часто употребляются в описаниях для характеристики предметов, выступая в качестве эпитетов: *кызыл йөз* 'красное лицо', *куңыр йөз* 'смуглое лицо', *алһыу йөз* 'розовое лицо', *алһыу нур* 'розовый луч', *ал сәскә* 'алый цветок', *кызыл гөл* 'красный цветок' и др. Некоторые из постоянных эпитетов восходят к древнетюркским письменным источникам, например, эпитет *һары таң* 'раннее утро, букв. желтый рассвет', часто встречающийся в различных башкирских текстах, как отмечалось выше, был зафиксирован еще в поэме «Кутадгу Билиг» Ю. Баласагуни (XI в.): в древнетюркском – *sariy tañ ata keldi* 'занялся **бледный** рассвет' [ДТС 1969: 488, Малов 1951: 250, 275]; в башкирском фольклоре – *Иртәгәһен, йәнә һары таңдан тороп, арыслан юлдашым менән бергә юлга кузгалдык* 'На другой день, снова поднявшись **с ранней зарей**, я со своим спутником-львом отправился в путь' (эпос «Зухра и Алдар») [КБЯФ].

Те же традиции употребления цветообозначений, что и в эпосе, отмечаем и в сказках: например, там часто встречаются персонажи белого цвета (*ак сабак* 'белая плотва', *ак суртан* 'белая щука'), фигурируют артефакты различных цветов (*ак кейем* 'белая одежда', *ак кейез* 'белый войлок', *ак калай* 'белая жесть', *ак сәллә* 'белая чалма', *йәшел сапан* 'зеленый чапан', *йәшел таяк* 'зеленая палка' и т. д.).

В башкирских народных сказках цветообозначения очень часто наделяются магическим смыслом: так, в сказке «Айгуль» героиня видит сон, в котором мудрец в белой чалме, зеленом кафтане, с зеленой палкой предсказывает ей будущее: *Ул (Айгөл) шундай төш күрә: уның алдына башына ак сәллә ураган, йәшел сапанлы, йәшел таякка таянған ап-ак һакаллы бер карт килеп баҫкан икән, ти* 'Она (Айгуль) такой сон видит: перед ней встал некий седобородый старик **с белой чалмой** на голове, **в зеленом чапане**, **с зеленой палкой** в руках' (сказка «Айгуль») [КБЯФ].

В башкирских народных песнях также воспеваются образы из эпосов и сказок. Поэтому в них постоянные эпитеты употребляются как средства усиления выразительности. Например, особой поэтикой наделены следующие предметы и явления, которые являются сакрализованными: *ак тирмә* ‘белая юрта’, *ак балык* ‘белая рыба’, *ак толпар* ‘белый тулпар (крылатый конь)’, *күк елән* ‘синий зиян’, *һары һандугас* ‘желто-сивый соловей’ и др.:

Урал ғына буйы бигерәк йәмле

Ак тирмәләр короп йәйләргә

‘Вдоль по Уралу, гляньте, красота,

По-над Уралом свет от **белых юрт**’ (песня «Урал»);

Эй, менгән генә атым, һай, кан ерән,

Кейгән генә кейемем күк елән

‘Эх, мой скакун медно-красный масти,

Одежда моя – **синий зиян**’ («Песня солдата») [КБЯФ].

В народных песнях употребляется лексика, обозначающая масть и окраску животных, по которым башкиры определяли возраст, род, характер не только домашнего скота, но и диких животных и птиц. В целом цветоименования и названия мастей животных в контексте песен многозначны и символичны, они иносказательно преподносят сакральную коннотацию. Следует отметить, что изучение поэтической символики башкирских народных песен «обнаруживает в них образы и типичные сравнения с тотемными животными» [Валиева 2017в: 220]. Например, в одной из народных песен воспевается священный волк серой масти (*күк бүре*), указавший башкирам благодатные края:

Арғыл да ғына арғыл, ай, артылған

Күк һыртлы ла бүре балаһы.

Кайза ғына барһа, кәм-хур булмай

Башкорт та ғына, ата балаһы

‘В холмистой местности увалы.

Преодолевая эти увалы, поднимается **серый волчонок**.

Куда бы ни ходил, все трудности преодолеет

Башкир – дитя отца’ (песня «Богатство, слава егета») [КБЯФ].

В башкирских народных песнях часто встречается образ лисы (*төлкө*), и при этом указываются разнообразные особенности ее окраски:

Урал ғына таузың, һай, битендә

Ак бауыркай тигән төлкө уйнай

‘На склонах Уральской горы

Водится лисица-белобрюшка’ (песня «Гайса»);

Миәс буйкайынан атып алдым

Һары ғына төслө төлкөнө

‘В долине реки Миас подстрелил

Желтогузую лисицу’ («Песня охотника»);

Ай-һай ғына тигән тауышка,

Кызыл төлкө төштө камышка

‘На возглас эй-хей,

Красная лисица спустилась в камыши’ («Песня сирот») [КБЯФ].

В народных песнях, кубаирах, сказках, эпосах часто фигурирует образ седого орла / беркута:

Сал бөркөттәй талгын бул сапканда,

Дошманыңды кыйрат яй белеп

‘Будь как седой орел, когда скачешь,

Уничтожай врага, зная толк’ (песня «Вторая армия») [БХИ 1974: 77].

Таким образом, разнообразный и богатый животный мир Южного Урала представлен в народных песнях как зарисовка привычного быта башкир – искусных охотников, что помогает воссоздать единый образ родной земли.

Глаголы, существительные и прилагательные, передающие цветовую палитру и оттенки окружающего мира, являются активной лексикой в башкирских народных песнях. Они отражают миропонимание, мироощущение и

цветовое видение башкирского народа. Цветовой характеристикой наделены живая и неживая природа, состояние души человека.

Цветонаименование *күк* ‘синий; голубой; зеленый; седой’, образованные от него глагол *күгәрәү* ‘синеть; голубеть; зеленеть, седеть’ и деепричастие *күгәрәп* ‘синея, зеленея’ являются наиболее частотным колоративом башкирского песенного фольклора. Данный цвет употребляется для выражения ощущений простора и широты в описании неба, горизонта, поверхности воды, гор, живой природы, дальних лесных массивов и т. п. [Валиева 2017в: 228–229], например:

Күгәрәп тә яткан, ай, Уралтау –

Ете лә ырыу илдең төйәге

‘Простирается **синеющий**, ай, Уралтау –

Родина семи племен’ (песня «Урал»);

Иртәнсәккәй сыгып, мин караһам,

Күл буйзары ята күгәрәп

‘Выхожу я утром и люблюсь:

Вдали **синеют** озера’ (песня «Родина, родная земля»);

Агарыптау яткан, һай, кар микән?

Күгәрәптәү яткан тау микән?

‘Вон **белеет** – не снег ли это?

Вон **синеет** – не гора ли?’ (песня «Родина, родная земля») [КБЯФ].

Широкое использование названий масти при описании животного (лошади, коровы и т. д.) наблюдается и в башкирских народных песнях, например, в них воспеваются образы лошадей чалых, игрневых, мухортых, караковых и других мастей:

Акъял да гына саптар, ай, атымды

Әпсендәре юк тип үк, һатмағыз

‘Сивогривую мою **игрневую** лошадь не продавайте,

Решив, что у нее нет сбруи’ (Песня «Ханака») [БХИ 1974: 126];

Бурыл гына атым, ай, менәйем,

Менеп кенә елеп киләйем

‘Дай-ка, оседлаю я своего **чалого** коня,

Дай, оседлав, помчусь’ (из народной песни) [Картотека ИИЯЛ УФИЦ РАН];

Бүртә аттар менеп, буре туны кейеп,

Буре кыуа башкорт балаһы

‘На **караковых** конях, в волчьей шубе,

Преследует волка башкир’ («Песня охотника») [БХИ 1974: 168];

Кир ат өстөндәге Салауат,

Яуга дартландереп, йыр башлай

‘Салават на **мухортом** коне

Запевает песню, вдохновляя на бой’ (Песня «Салават-батыр») [БХИ 1974: 58].

В текстах башкирских народных песен также встречаются сложные названия мастей лошади, например:

Тәфтиләүзең менгән, ай, аттары

*Саптар за гына менән **тимер күк***

‘Кони, которых оседлал Тевкелев,

Игреньевые да **сиво-стальные** (букв. синие, как железо)’ (Песня «Тевкелев»).

В народных песнях можно встретить переносные, метафорические значения цветообозначений, употребляемые в современном башкирском языке редко. Например, здесь полностью раскрывается значение ‘вольный’ слова *буз* ‘серый, сивый’:

Әрмеләргә китә, һай, башығыз,

Буз балалар инде хушығыз

‘В армию уходите вы, **вольные,**

Беззаботные дети, до свиданья’ (песня «Вторая армия») [БХИ 1974: 75].

В башкирских народных песнях встречается и заимствованная лексика, например, словом *зәңгәр* ‘голубой’ воспевается красота глаз девушки:

Йөзөң кояшмы ни, балкып яна,

Диңгез кеүек зәңгәр күззәрең

‘Словно солнце, лицо твое,

Глаза, как море **голубые**’ (Песня «Любовь егета») [БХИ 1974: 237].

Интересно отметить, что слово *хәнәүәт* ‘оранжевый’, которое активное внедряется в язык в XXI в., наблюдается в текстах башкирских народных песен, записанных в середине XX в.:

Ана килә бер кеше,

Хәнәүәт уның тун тышы

‘Вон идет некий человек,

Цвет его шубы **оранжевый**’ (из народной песни, материалы экспедиции 1959 г.) [Картотека ИИЯЛ УФИЦ РАН].

В башкирских загадках цветообозначения употребляются для создания поэтического образа. В них четко прослеживается, с каким цветом ассоциируется задуманный предмет (живое существо или явление), который человек должен отгадать. Метафорические выражения, где названия цвета служат ключом к разгадке, отражают языковую картину мира башкир: например, за голубым цветом «прячутся» *болон* ‘луг’, *күк* ‘небо’, *күмер* ‘уголь’, *күл* ‘озеро’; за рыжим – *йомран* ‘суслик’, *кишер* ‘морковь’, *һуган* ‘лук’, *кырмыска* ‘муравей’, *тел* ‘язык’; за зеленым – *йыуа* ‘дикий лук’, *болон* ‘луг’, *азас* ‘дерево’, *үлән* ‘трава’; за коричневым – *кырмыска* ‘муравей’, *керпек* ‘ресницы’, *тәртешкә* ‘кочерга’; за красным – *бәшмәк* ‘гриб’, *кояш* ‘солнце’, *ут* ‘огонь’, *төлкө* ‘лиса’, *тел* ‘язык’, *сөгәлдәр* ‘свекла’, *кашмау* ‘кашмау (женский головной убор)’; за желтым – *кояш* ‘солнце’, *бәпембә* ‘одуванчик’, *томбойок* ‘кувшинка’, *себеш* ‘цыпленок’, *йомортка* ‘яйцо’, *һагызак* ‘оса’, *самауыр* ‘самовар’, *һарына* ‘саранка’ и др.

Следует отметить, что в башкирских загадках цветообозначения часто применяются как средство описания типической черты задуманного предмета: *Ак тирмәнең эсендә һары сәсле кыз йоклай* (яуабы: йомортка) ‘Внутри белой юрты спит светловолосая (букв. **желтоволосая**) девушка (ответ: яйцо)’; *Өй башында һары май* (яуабы: *кояш*) ‘На чердаке дома топленое (букв. **желтое**) масло (ответ:

солнце)»; *Ак кайыным башында кызыл этәсем ултыра* (яуабы: кашмау) ‘На вершине моей белой березы сидит мой **красный** петух (ответ: кашмау – женский головной убор)»; *Йәшел балас йәйелә бара, бизәктәре күбәйә бара* (яуабы: болон, үлән) ‘Расстиляется **зеленый** ковер, тем временем узоры прибавляются (ответ: луг, трава)»; *Ерән атым бик ярһыу: бар белгәне – йөк ташыу* (яуабы: кырмыска) ‘Мой **рыжий** конь очень пылкий: все его дело – перевозить груз (ответ: муравей)»; *Ерән бабам ер астында, һакалдары ер өстөндә* (яуабы: кишер) ‘Мой **рыжий** дед под землей, а его борода над землей (ответ: морковь)»; *Көрән айғыр утка һикерзе* (яуабы: тәртешкә) ‘**Бурый** конь запрыгнул в огонь (ответ: кочерга)»; *Зәңгәр ашъяулык бөтә донъяны каплаган* (яуабы: күк йөзө) ‘**Голубая** скатерть покрыла весь мир (ответ: небо)’ [КБЯФ].

Особой символичностью наделены цветообозначения в башкирских народных пословицах и поговорках, что связано со спецификой этих жанров, а именно – с их красноречивостью, иносказательностью, емкостью, поучительным характером. Народные пословицы выражают суждения, умозаключения на основе сравнения или связи явлений по сходству, например: *казан караһы китер, күңел караһы китмәс* ‘букв. чернота с котла сходит, а чернота с души – нет; соотв. черную душу ни живой, ни мертвой водой не отмыть’. Здесь черная душа сравнивается с котлом, загрязненным сажей, но подчеркивается их отличие: сажа с котла очистится, а чернота с души – нет.

В пословицах и поговорках ярко отражены также мифологические представления башкир, например: *йыландың ағына тейһәң, караһы коткармаҫ* ‘букв. если тронешь **белую** змею, **черная** змея не пощадит тебя’. В пословице речь идет о царице всех змей – белой змее. Согласно поверьям башкир, «убившего царя змей могут сожрать змеи» [Хисамитдинова 2013: 64].

Немаловажная роль цветообозначениям отводится в поверьях, приметах, обрядах башкирского народа. В них фигурируют символические, сакральные, магические значения предметов того или иного цвета, например: *ак ашаған арымаҫ* ‘тот, кто будет есть **белое** (то есть молочное), не будет уставать’

(магическая сила молочных продуктов); *һарыны һары кайтарыр* ‘букв. **желтое** отгонит только **желтое**’ (по поверьям, желтуху можно вылечить предметами желтого цвета); *һары мәтрүшкә алтмыш төрлө ауырыуга, көрән мәтрүшкә етмеш төрлө ауырыуга дауа* ‘зверобой (букв. **желтая** душица) – целебное средство от шестидесяти болезней, душица (букв. **фиолетовая** душица) – от семидесяти’; *төштә кара кейем кейһән, кайгыга була* ‘если во сне надеть черную одежду – к горю’ [Хадыева 2002: 130], *күз теймәһен тип бызауга, колонга, бәрәскә, һыйыр койроғона кызыл сепрәк бәйләйҙәр* ‘от сглаза теленку, жеребенку, ягненку, корове на хвост привязывали **красную** тряпку’ (по поверьям, красный цвет защищает от сглаза), *кызыл мунсак такһаң, килендәргә тел-теш, күз үтмәй ‘красные* бусы защищают невесток от сплетен и сглаза’; *кызамык, кызылса булһа, бәләкәй баланы кызыл сепрәккә төрөп һалаһың да әпсенен әйтәһең* ‘при краснухе, кори ребенка заворачиваешь в **красную** материю и произносишь заговор’ [Хисамитдинова 2011: 207, 270]. Как видно из примеров, существовали поверья, что предметы того или иного цвета обладают магическими свойствами, и в соответствии с ними они применялись в народной медицине.

В мифологии и народной медицине цветообозначения встречаются в описаниях способов лечения и заговаривания болезней, например: *кеше ала сире менән ауырыһа, уның алаһына кеҫәртке койроғон һалып, ошо әпсенде тугыз мәртәбә әйткәндәр: “Бына һиңә койрок, башын үзең тап!”* ‘при появлении пигментных пятен на коже на эти участки прикладывали хвост ящерицы и девять раз произносили заговор: “Вот тебе хвост, голову найди сам!”’ [Хисамитдинова 2010: 21].

Исходя из вышеизложенного, можно выделить 3 аспекта употребления цветообозначений в башкирской народной словесности, которые передают национально-культурные смыслы: 1) цвета как символы; 2) цвета как этномаркеры; 3) цвет и сакральные образы (табл. 13):

**Таблица 13. Национально-культурная семантика цветообозначений
в башкирском фольклоре**

ЦО	Символика цвета	Цвет как этномаркер	Сакральный образ
<i>ак</i> 'белый'	символ счастья, чистоты, святости, доброты (<i>ак бәхет</i> 'светлое счастье')	<i>ак тирмә</i> 'белая юрта' (гостевая юрта)	<i>ак болан</i> 'белый олень' (священный олень)
<i>кара</i> 'черный'	символ горя, величия, зла (<i>кара кайгы</i> 'большое горе')	<i>кара казан</i> 'черный котел' (котел для вызывания дождя)	<i>кара йылан</i> 'черная змея' (мифологизирован- ная змея)
<i>кызыл</i> 'красный'	символ огня, здоровья, плодовитости, достатка (<i>кызыл кан</i> 'красная кровь')	<i>кызыл билбау</i> 'красный кушак' (обрядовый пояс)	<i>кызыл йылан</i> 'красная змея' (мифологизирован- ная змея)
<i>һары</i> 'желтый'	символ тоски (<i>һары һағыш</i> 'глубокая печаль')	<i>һары самауыр</i> 'желтый медный самовар' (самовар для вызывания дождя)	<i>Һарысәс</i> 'булк светловолосая' (дух воды)
<i>йәшел</i> 'зеленый'	символ жизни (<i>йәшел үләнгә аяк баһыу</i> 'пробуждение природы, булк. ступить на зеленую траву')	<i>йәшел сапан</i> 'зеленый чапан' (чапан мудрецов)	
<i>зәңгәр</i> 'голубой'	символ воздуха, неба и красоты (<i>зәңгәр күз</i> 'голубоглазый')	<i>зәңгәр шәл</i> 'голубая шаль' (атрибут молодой девушки)	
<i>күк</i> 'синий'	символ неба, величия, древности (<i>күк Урал</i> 'седой Урал')	<i>күк елән</i> 'синий зиян' (праздничный зиян)	<i>күк күгәрсен</i> 'сизый голубь' (мифологизирован- ная птица)

<i>Ал</i> ‘алый, розовый’	символ утра, красоты и молодости (<i>алһыу йөз</i> ‘румяное лицо’)		
<i>сәгер</i> ‘светло- голубой, зеленовато- голубой’	символ опасности (<i>сәгер күз</i> ‘светло- голубые, зеленовато-голубые глаза’, способные сглазить глаза)		
<i>ала</i> ‘пегий’	символ пограничного состояния <i>ала</i> ‘кожная проказа’)		<i>ала карга</i> ‘серая ворона’ (тотемная птица)
<i>буз</i> ‘сивый, серый’			<i>Бузат</i> ‘сивый конь’ (мифический небесный конь)
<i>куңыр</i> ‘бурый, темно- коричневый’			<i>Куңыр буга</i> ‘бурый бык’ (тотемное животное)
<i>кола</i> ‘саврасый, буланый’			<i>Акһак кола</i> ‘хромой саврасый’ (священ- ный конь)

Кроме вышеперечисленных этнокультурных значений, в народной словесности цветообозначения активно употребляются в качестве постоянных эпитетов, а названия мастей животных применяются в описании фольклорных образов.

Таким образом, в башкирском фольклоре (эпосах, сказках, песнях, пословицах, загадках, поверьях и т. д.) десять названий цветов выступают как символы, семь названий выполняют роль этномаркеров, девять цветообозначений участвуют в создании сакральных образов, что говорит о высокой национально-культурной наполненности / загруженности названий цвета в башкирском языке.

4.3. Особенности отражения цветообозначений в электронных корпусах текстов и базах данных башкирского языка

4.3.1. Типы лексической семантики представленных цветообозначений

Наиболее полную картину употребления цветообозначений в современном башкирском языке дают тексты, представленные в электронных корпусах текстов: корпусе прозы, который в настоящее время включает 1300 произведений (15 211 551 словоупотребление), корпусе публицистики, состоящем из 24 622 статей (12 247 868 словоупотреблений), башкирском поэтическом корпусе объемом около 450 тыс. стихотворных строк (более 1 800 000 словоупотреблений) [БПК, КБЯП, КБЯПубл].

Огромный материал по цветообозначениям башкирского языка аккумулирован также в информационной системе Машинный фонд башкирского языка, включающей несколько баз данных: лексикографическую базу; генеральную картотеку толкового словаря башкирского языка; диалектологическую базу, которая состоит из лексической, текстологической баз и базы данных диалектологического атласа [МФБЛ].

Наличие большого объема источниковой информации позволяет изучать цветообозначения на основе обработки и анализа этих данных и сделать определенные выводы об особенностях употребления названий цвета в современном башкирском языке.

Отмеченные источники позволяют выявить значения цветоименований на основе анализа контекста, в котором они приводятся. Как известно, смысловая нагруженность лексем цвета выходит за рамки обозначения цвета. Нами были выделены немотивированные и мотивированные значения башкирских колоративов. Немотивированные значения характерны для всех цветообозначений и заключаются в обозначении ими цвета, света и масти (напр., *һары* 'желтый', 'светлый', 'солдовый', *ак* 'белый', 'светлый', 'сивый', *кара* 'черный', 'темный', 'вороной'). Мотивированные значения носят вторичный характер и могут обозначать: а) стороны света (*ак* 'юг, южный', *кара* 'север,

северный’, *кызыл* ‘восток, восточный’, *күк* ‘запад, западный’), б) место в социальной иерархии (*акһөйәк* ‘аристократ, голубая кровь, букв. белая кость’, *кара халык* ‘простой народ, простолюдин, букв. черный народ’), в) сильную степень проявления качества (*кызыл ялангас калыу* ‘оставаться совершенно голым’, *кара аслык* ‘сильный голод, букв. черный голод’, *кара һыуык* ‘сильный мороз, букв. черный мороз’), г) абстрактные понятия (*ак бахет* ‘светлое счастье, букв. белое счастье’, *һары һагыш* ‘глубокая печаль, букв. желтая печаль’, *кара кайгы* ‘горе горькое, букв. черное горе’) и др.

Эти вторичные значения цветолексем главным образом связаны с основной характеристикой цветов, например: ‘красный’ → ‘яркий’ (*үтә кызыл тиз уңа* ‘букв. слишком красный быстро выцветает’); ‘желтый’ → ‘болезненный (лицо желтеет)’ (*һары һагыш* ‘глубокая печаль, букв. желтая тоска’); ‘черный’ → ‘темный’ → ‘мрак’ → ‘страшный, сильный, горестный’ (*кара кайгы* ‘горе горькое, букв. черное горе’); ‘белый’ → ‘чистый’ → ‘святой, светлый’ (*ак бахет* ‘светлое счастье, букв. белое счастье’); ‘зеленый’ → ‘свежий, молодой’ (*йәшел үлән* ‘молодая трава, букв. зеленая трава’); ‘розовый’ → ‘цветастый’ → ‘красивый’ (*аллы-гәллө* ‘красивый, разноцветный, букв. с алыми и цветастыми <красками>’) и т. д.

Основное значение цветообозначений выявляется при описании внешнего цветового признака предмета, например: *ал күлдәк* ‘розовое платье’, *һары сәскә* ‘желтый цветок’, *йәшел үлән* ‘зеленая трава’, *зәңгәр күк* ‘голубое небо’.

Цветонаименования в своем основном значении широко употребляются в текстах. Так, в следующих примерах можно проследить активное употребление лексем *ерән* ‘рыжий’ для обозначения цвета и масти лошади: *Бына ерән айгыр, башын югары күтәрәп, колактарын торгоззо ла дәртле итеп бер кеинәп ебәрзе* ‘Вот **рыжий** жеребец, высоко подняв голову, наострил уши и весело заржал’ (Д. Юлтый); *Өсөнсөһө – Бөркөтләлә берзән-бер ерән сәсле, һикелле малай Айзар* ‘Третий из них – единственный в Буркутлах **рыжеволосый**, веснушчатый мальчик Айдар’ (М. Карим); *Саңга күмеләп, ерән төскә ингән «Волга» колхоз идараһы*

алдына сыйлап килеп тукта[ны] ‘«Волга», которая стала **рыжей** от пыли, остановилась перед управлением колхоза’ (Р. Киньябаев) [КБЯП]; *Ерән костюм кейгән мыкты азам* ‘Человек крепкого телосложения в **рыжем** костюме’ (З. Султанов) [КБЯПубл].

Цветовое значение наименований проявляется также в терминах – зоонимах, фитонимах, названиях минералов, камней, продуктов питания и т. д., например: *аккош* ‘лебедь, букв. белая птица’, *күксәскә* ‘василек, букв. синий цветок’, *караташ* ‘графит, букв. черный камень’, *һары май* ‘топленое масло, букв. желтое масло’.

В различных текстах обнаруживаются также вторичные значения колоронимов, например: *Төрләһө төрләсә кейенгән был егеттәрзең хәрби әзерлектәре лә бик **сыбар** ине* ‘Военная подготовка этих парней, одетых по-разному, тоже была **неодинаковой**’ (К. Мэргэн); *Уның [Азаттың] тормошо **сыбар**, һикәлтәле хәл-вакигаларга, көйөнөс-һөйөнөстәргә бай* ‘Жизнь Азата **как пестрый** калейдоскоп – в ней много всего: жизненных невзгод, радостей и горя’ (Т. Гарипова) [КБЯП]; *Этколдоң өйө әллә кайзан үзенең матурлығы, байлығы менән ауылдагы башка өйзәрзән **ала бүләк булып айырылып тора*** ‘Дом Иткула издалика **выделяется** среди других домов деревни своей красотой, богатством’ (Г. Давлетшин) [КБЯП]. В последнем примере в выражении *ала бүләк булып* ‘выделяться яркостью, букв. быть пестрым наделом’ наблюдается значение ‘пестрый, яркий’ слова *ала* ‘пегий’.

Метафорические и коннотативные значения цветоименований могут проявляться в ономастике. В географических названиях цветообозначения, кроме цвета, окраски топообъектов, могут нести и коннотативную смысловую нагрузку, например, лексема *ак* ‘белый’ в них имеет значения ‘текущий, проточный, прозрачный’, ‘ледниково-снежный’, ‘южный’, слово *кара* ‘черный’ – ‘подземный, болотистый’, ‘бесснежный’, ‘истинный’, ‘главный, основной’, ‘великий, могучий’, ‘северный’ и т. д.

В составе антропонимов также отмечаются метафорические значения

цветообозначений. Например, слово *ак* 'белый' в личных именах может выражать значения 'невинный', 'чистый, светлый, добрый', 'счастливый', 'благословенный', 'долгожитель' и др.: *Акһылыу* 'букв. белая, светлая, чистая, непорочная, невинная красавица', *Акбикә* 'букв. белая, светлая, чистая госпожа, хозяйка', *Акбатыр* 'букв. светлый, чистый храбрец, то есть богатырь с чистой, доброй душой', *Акбала* 'букв. белый, светлый, благородный ребенок'.

Метафорические значения цветообозначений проявляются и в этнонимах. Например, в башкирском языке в названиях племен колороним *кара* 'черный' указывает на главный род или племя: *кара кыпсак* 'основной племяобразующий компонент племени кыпчак, букв. черные кыпчаки', *кара табын* 'главные табынцы, букв. черные табынцы', *кара башкорт* 'настоящий, истинный башкир, букв. черный башкир'.

Коннотативные и метафорические значения принимают в основном древние исконные лексемы цвета. Заимствованные цветоназвания метафорических значений либо не имеют вовсе, либо их количество незначительное.

Некоторые названия цвета могут иметь лексические варианты, которые можно разграничить в контексте. Например, в башкирском языке для обозначения серого цвета употребляются две лексемы: *һоро* 'серый' и *буз* 'сивый, серый'.

В произведениях начала XX в. для обозначения серого цвета разных предметов употреблялось слово *буз* 'серый, сивый'. *Кояш инде ысын һизәп кеүек акһыл буз төскә инеп артык югары күтәрелмәй* 'Солнце, словно пуговица светло-серого цвета, уже не поднимается слишком высоко' (С. Агиш); *Акбулатка Миңлеял кәндөз ашай торган вак-төйәктәрен әзерләп, бәләкәй генә бер буз тоқсайга төйөнсөкләп бирзе* 'Минлеял приготовила Акбулату кое-какую снедь для обеда и завернула ее в маленький **серый** мешок' (Г. Давлетшин) [КБЯП].

В современном башкирском языке для обозначения серого цвета чаще всего употребляется лексема *һоро* 'серый': *Күк йөзән һоро болоттар каплап алды, офокто еүеш томан баҫты* 'Небо покрылось **серыми** облаками, мокрый туман окутал горизонт' (А. Абдуллин). Вместе с тем слово *буз* осталось главным

образом для обозначения сивой, серой масти животных и окраски птиц: *Кинйә атка атлангас, Айым менге ягына килеп, буз кашканың шул якка ятып үскән озон ялдарын һыйпаны* ‘Когда Кинзя сел на коня, Аим взяла под уздцы **сивого** (коня) с проточиной на лбу, провела рукой по его длинной шелковистой гриве’ (Г. Ибрагимов); *Һауалагы буз тургай дәртле йырзы ишетеүгә, үз көйөн онотоп, бер урында талпынды* ‘Жаворонок (букв. **серый** воробей) в небе, услышав веселую песню, замолк и стал махать крыльями’ (А. Байрамов) [КБЯП].

В текстах также наблюдается характерное для диалектов башкирского языка значение ‘светло-бурый, светло-коричневый, карий’ слова *һоро* ‘серый’. *Ағарынып басып торған Рәмзил аңына килгәндә, каршыһына зур һоро айыу туйтанлап килә ине* ‘Когда побледневший Рамзиль пришел в себя, к нему приближался, косолапя, огромный **бурый** медведь’ (Д. Буляков) [КБЯП]; *Заки, уны тәү тапкыр күргәндәй, уның зур һоро күззәрәнә һокланып та, гәжәпләнен тә карай* ‘Заки, как будто увидел ее впервые, смотрит на ее большие **карие** глаза и с восхищением, и с удивлением’ (И. Абдуллин) [КБЯП].

В башкирском языке для обозначения серого цвета используется и другая лексема – *көлһыу* ‘серый, пепельный’ (где *көл* – ‘зола’): *Ер көлһыу тупраклы, уңдырышыһыз* ‘Почва **серого** цвета, неплодородная’ (А. Байрамов); *Етеле лампа яктыһында Бикташевтың йөзө айырата көлһыу булып күренә* ‘Под светом лампы-семилинейки лицо Бикташева кажется особенно **серым**’ (Яр. Валиев);

В текстах электронных корпусов отчетливо прослеживаются семантические изменения в значениях цветоименований *көрән* ‘коричневый’ и *куңыр* ‘бурый, темно-коричневый’ в башкирском языке: если в произведениях прошлого столетия активно употреблялось сочетание *куңыр күз* ‘карие глаза’, то в современной прозе и публицистике чаще встречается сочетание *көрән күз* ‘карие глаза’. Интересно отметить, что такой же процесс наблюдается в хакасском и тувинском языках.

По материалам корпусов и баз данных нами выявлены следующие значения цветообозначений башкирского языка (табл. 14):

**Таблица 14. Типы лексической семантики цветообозначений
в башкирском языке**

ЦО	Цвет	Свет	Масть	Вторичные значения
кара	‘черный’	‘темный’	‘вороной’	‘неосвещенный, глубокий, дремучий’, ‘смуглый’, ‘темнокожий’, ‘поздний – ранний’, ‘грязный’, ‘простой’, ‘подсобный’, ‘тяжелый’, ‘сильный, очень’, ‘бесснежный’, ‘подземный’, ‘одинокий’, ‘однородный’, ‘великий, могучий’, ‘большой, обильный’, ‘истинный’, ‘основной, главный’, ‘северный’, ‘мрачный’, ‘дурной, злой’, ‘позорный, запятнанный’, ‘земля, почва’, ‘сажа’, ‘силуэт’, ‘скот’, ‘позор’, ‘ложь, вина’, ‘зрачок’, ‘чернила’
ак	‘белый’	‘светлый’	‘белый’, ‘серый’, ‘сивый’	‘седой’, ‘чистый’, ‘невинный, безгрешный’, ‘святой, добрый’, ‘счастливый, радостный’, ‘благородный’, ‘гостевой, почетный’, ‘старый, мудрый’, ‘южный’, ‘текущий, проточный’, ‘правдивый, истинный’, ‘белый / контрреволюционный’, ‘молоко, молочные продукты’, ‘белок глаз, яйца’, ‘бельмо’
һоро	‘серый’, ‘светло-бурый’, ‘светло-коричневый’, ‘карий’		‘серый’	‘посредственный’

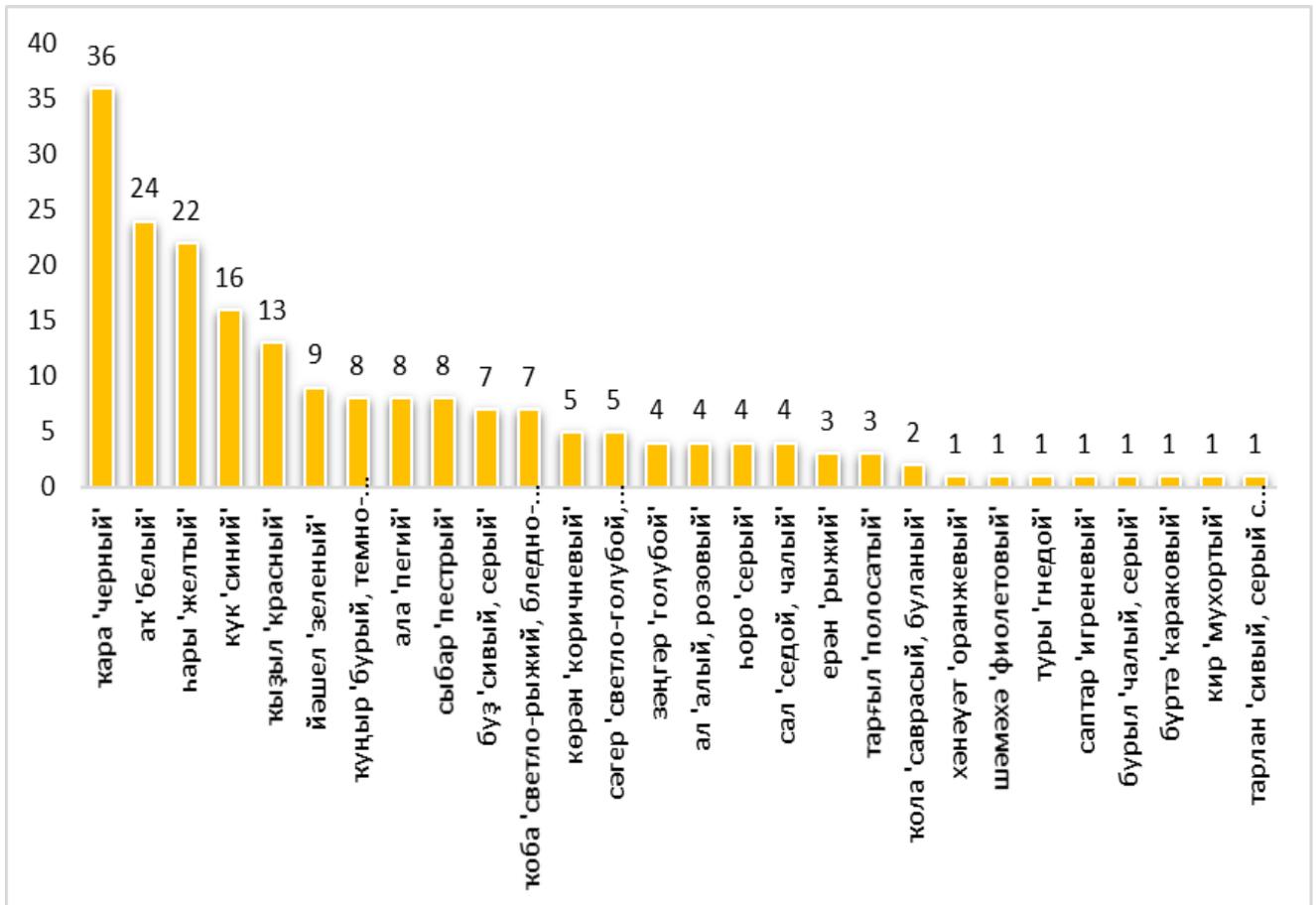
буз	‘серый’, ‘светло-серый’, ‘светло-пепельный’, ‘землисто-серый’	‘тусклый, темный’	‘сивый’, ‘сизый’, ‘серый’	‘пустой, пустынный’, ‘молодой, вольный’, беззаботный, одинокий’
кызыл	‘красный’, ‘оранжевый’, ‘рыжий’, ‘румяный’		‘красный’	‘спелый, созревший’, ‘яркий’, ‘восточный’, ‘советский, революционный’, ‘помада’, ‘румяна’, ‘ржавчина’, ‘золото’, ‘совершенно’, ‘очень’
хэнэүэт	‘оранжевый’			
нары	‘желтый’, ‘оранжевый’, ‘русый’, ‘рыжий’, ‘светлый’, ‘бежевый’, ‘золотистый’	‘светлый’	‘соловый’, ‘сивый’	‘свет, рассвет’, ‘печаль, грусть, болезнь’, ‘талый, весенний’, ‘западный’, ‘желток’, ‘желтуха’, ‘желчь, изжога’, ‘широкий, обширный’, ‘сухой, высохший’, ‘сильный’, ‘листва’, ‘полдень’
йәшел	‘зеленый’, ‘диал. синий, голубой’			‘свежий, молодой (о растительности, овощах)’, ‘покрытый зеленью / поросшая травой’, ‘незрелый, недозрелый’, ‘растительный / зелень’, ‘визгливо-писклявый (о голосе)’
зэнгәр	‘голубой’, ‘синий’			
күк	‘синий’, ‘серый’, ‘голубой’, ‘зеленый’		‘сивый’, ‘серый’, ‘сизый’	‘седой’, ‘посинелый, синяк, синева’, ‘плесень’, ‘визгливо- писклявый (о голосе)’, ‘западный’, ‘травя, мурава’
шәмәхә	‘фиолетовый’			
ал	‘алый, розовый’			‘красивый, цветастый’, ‘прекрасный’
көрән	‘коричневый’, ‘карий (о цвете глаз)’ ‘бурый (об угле)’, ‘диал. бордовый, фиолетовый’		‘каштановый’ ‘игрневый’ ‘рыжий’	

ерән	‘рыжий (о волосах бороде, усах; о цвете артефактов)’		рыжий	
сәгер	‘зеленовато-голубой, светло-голубой (о глазах и других предметах)’	‘светлый, белесый’		
куңыр	‘карий (о цвете глаз)’, ‘смуглый (о коже)’, ‘темно-русый’, ‘каштановый (о цвете волос)’, ‘коричневый’	‘темный’	‘бурый’	
ала	‘разноцветный, пестрый, смешанный’		‘пегий’	‘яростный (о глазах)’, ‘почерневший, с проталинами (о снеге весной)’, ‘выделяющийся’, ‘пигментные пятна’
сыбар	‘пестрый, рябой’		‘чубарый’	‘разноцветный’, ‘разнообразный, разношерстный’, ‘изменчивый’, ‘веснушчатый’, ‘появляться (о сыпи)’
кола			‘саврасый, буланый’	‘пустынный, голый (о степи)’
туры			‘гнедой’	
коба	‘бледный (о цвете лица)’		‘светло-желтый, бледно-бурый, палевый’	‘высохший, сухой’, ‘голый, лишенный растительности’, ‘недубленный, сыромятный (о коже)’
сал	‘светло-серый’	‘белесый’	‘чалый’	‘седой / седина’, ‘древний’
тарғыл	‘полосатый’		‘полосатый’	

саптар			‘игрневый’
бурыл			‘чалый, серый’
бүртә			‘караковый’
кир			‘мухортый’
тарлан			‘(сивый, серый) с примесями другого цвета’

Нами был составлен рейтинг колоративов по количеству значений, которые они могут выражать (число последних может варьировать от единицы до двух-трех десятков) (диагр. 4):

**Диаграмма 4. Лексическая семантика цветообозначений
в башкирском языке**

Как видим, многозначность характерна для таких исконных цветообозначений, как *кара* ‘черный’, *ак* ‘белый’, *хары* ‘желтый’, по одному значению имеют названия мастей и заимствования *шамэхэ* ‘фиолетовый’, *ханэүэт* ‘оранжевый’.

4.3.2. Диапазон семантической сочетаемости представленных цветообозначений с определяемыми существительными

Под семантической сочетаемостью слова подразумевается его способность вступать в сочетания с целыми классами слов, объединяемых общностью смысла. Цветообозначения применяются при описании внешнего цветового признака тех или иных объектов и сочетаются с названиями разных предметов, например: *кара салбар* ‘черные брюки’, *йәшел автомобиль* ‘зеленый автомобиль’, *кызыл бина* ‘красное здание’. Многие из них являются постоянными эпитетами тех предметов, которые являются эталонами данного цвета: например, *кара төн* ‘черная ночь’, *кара ер* ‘черная земля’, *ак кар* ‘белый снег’, *кызыл кан* ‘красная кровь’, *кызыл ут* ‘красный огонь’, *зәңгәр күк* ‘голубое небо’ и др.

Некоторые цветообозначения употребляются в качестве эпитетов абстрактных понятий: *ак бәхет* ‘светлое счастье, букв. белое счастье’, *ак уй* ‘добрые мысли, букв. белые мысли’, *хары һагыш* ‘глубокая печаль, букв. желтая печаль’, *кара кайгы* ‘горькое горе, букв. черное горе’, *кара ниәт* ‘злые намерения, букв. черные намерения’, *кара уй* ‘скверные мысли, букв. черные мысли’ и др.

Цветообозначения башкирского языка, которые характеризуются широкой сочетаемостью (*кара* ‘черный’, *хары* ‘желтый’), обладали этим свойством еще в древнетюркскую эпоху, о чем свидетельствуют письменные памятники.

Ряд цветообозначений, которым в древнетюркских письменных памятниках была свойственна предметно-ограниченная сочетаемость, в современном башкирском языке расширили свою семантику и приобрели свойство употребляться с неограниченным кругом предметов. Например, лексемы *куңыр* ‘бурий, темно-коричневый’, *ерән* ‘рыжий’, встречающиеся в источниках лишь в

сочетании с названиями животных, слово *сәгер* ‘светло-голубой, зеленовато-голубой’, применяющееся по отношению к глазам, в современном башкирском языке свободно сочетаются с названиями других предметов и артефактов: *куңыр йөз* ‘смуглое лицо’, *ерән пинжәк* ‘рыжий пиджак’, *сәгер таиш* ‘светло-голубой камень’.

Отметим, что восходящее к среднетюркским источникам слово *сыбар* ‘пестрый’, также монголизм *көрән* ‘коричневый’, изначально обозначающие только масть лошади, в современном башкирском языке расширили свою семантику и стали употребляться с названиями широкого круга предметов. Сейчас они занимают доминирующее положение для обозначения пестрого и коричневого цветов в целом.

Кроме того, названия мастей лошади *кола* ‘саврасый, буланый’, *коба* ‘светло-желтый, бледно-бурый, палевый’, *тарғыл* ‘полосатый’, встречающиеся в древне- и среднетюркских источниках в сочетании с лексемами для обозначения лошади, в современном башкирском языке сочетаются с названиями других предметов: *кола дала* ‘пустынная, голая степь’, *коба сұл* ‘голая пустыня’, *коба күн* ‘сыромятная кожа’, *тарғыл таиш* ‘полосатый камень’.

Наблюдается и противоположный процесс – цветообозначения, употреблявшиеся в древнетюркских письменных памятниках с названиями широкого круга предметов, в некоторых тюркских языках постепенно утрачивают это свойство. Например, колороним *буз*, обозначавший в источниках серый цвет разных предметов, в современном башкирском языке заменяется лексемой *һоро* ‘серый’, за словом *буз* остается обозначение сивой, серой масти животных и окраски птиц.

Отметим, что в башкирском языке ограниченную сочетаемость имеют лишь некоторые названия мастей лошади (*туры* ‘гнедой’, *бурыл* ‘чалый, серый’, *бүртә* ‘караковый’, *кир* ‘мухортый’, *сантар* ‘игрневый’, *тарлан* ‘(сивый, серый) с примесью другого цвета’).

В ходе исследования нами были выявлены следующие лексико-семантические группы слов, с которыми сочетаются цветообозначения в башкирском языке: человек (глаза, кожа и лицо, волосяной покров, зубы, губы, кровь), животный мир, растения и плоды, горные породы и минералы, небо и небесные тела, ландшафт, стихии, материи, атмосферные явления, время и календарь, болезни, пища, еда, напитки, абстрактные понятия.

Далее рассмотрим, с какими лексико-семантическими группами слов сочетаются те или иные цветообозначения (табл. 15):

Таблица 15. Диапазон семантической сочетаемости цветообозначений башкирского языка с определяемыми словами

ЦО	ЛСГ	Предмет, объект, явление	
<i>Кара</i> 'черный'	Человек	Глаза	<i>кара күз</i> 'черные глаза'
		Волосяной покров	<i>кара сәс</i> 'черные волосы' <i>кара каш</i> 'черные брови'
		Кожа, лицо	<i>кара йөзлө</i> 'смуглолицый'
		Зубы	<i>кара тештәр</i> 'почерневшие зубы'
		Кровь	<i>кара кан</i> 'венозная кровь, букв. черная кровь'
	Животный мир	<i>кара кош</i> 'ворон, букв. черная птица' <i>кара ат</i> 'вороной конь'	
	Растения	<i>карагас</i> 'лиственница, букв. черное дерево'	
	Горные породы, минералы	<i>караташ</i> 'графит, букв. черный камень'	
	Ландшафт, рельеф	<i>кара урман</i> 'дремучий лес, букв. черный лес'	
	Стихии, материи	<i>кара ер</i> 'черная земля' <i>кара тупрак</i> 'черная почва'	
Атмосферные явления	<i>кара болот</i> 'черные тучи' <i>кара буран</i> 'сильная метель, букв. черная метель'		

	Время и календарь		<i>кара төн</i> 'глубокая ночь, букв. черная ночь' <i>кара яз</i> 'ранняя весна, букв. черная весна'
	Болезни		<i>кара һары</i> 'тяжелая форма гепатита, букв. черный гепатит' <i>кара сәсәк</i> 'черная оспа'
	Пища, еда		<i>кара икмәк</i> 'ржаной хлеб, букв. черный хлеб' <i>кара он</i> 'ржаная мука, букв. черная мука' <i>кара сәй</i> 'черный чай'
	Абстрактные понятия		<i>кара кайгы</i> 'большое горе, букв. черное горе' <i>кара уй</i> 'злые мысли, букв. черные мысли'
<i>Ак</i> 'белый'	Человек	Кожа, лицо	<i>ак йөз</i> 'светлое лицо, букв. белое лицо'
		Волосной покров	<i>ак сәс</i> 'седые волосы, букв. белые волосы' <i>ак һакал</i> 'седая борода, букв. белая борода'
		Зубы	<i>ак теш</i> 'белые зубы'
	Животный мир		<i>ак куян</i> 'белый заяц' <i>ак ат</i> 'белый / сивый конь'
	Растения		<i>ак кылган</i> 'седой ковыль' <i>ак кайын</i> 'белая береза'
	Горные породы, минералы		<i>ак балсык</i> 'белая глина' <i>ак таиш</i> 'белый камень'
	Небо, небесные тела		<i>ак йондоз</i> 'белая звезда'
	Атмосферные явления		<i>ак кар</i> 'белый снег' <i>ак буран</i> 'белая метель'
	Болезни		<i>ак төшөү</i> 'бельмо'
	Пища, еда		<i>ак икмәк</i> 'белый (пшеничный) хлеб' <i>ак он</i> 'белая (пшеничная) мука'

	Абстрактные понятия		<i>ак бахет</i> ‘светлое счастье, букв. белое счастье’ <i>ак теләк</i> ‘доброе пожелание, букв. белое пожелание’ <i>ак дога</i> ‘благословение, букв. белая молитва’
<i>Горо</i> ‘серый’	Человек	Глаза	<i>горо күз</i> ‘серые глаза’
	Животный мир		<i>горо бесәй</i> ‘серый кот’ <i>горо корт</i> ‘трутень, букв. серый червь’ <i>горо өйрәк</i> ‘серая утка’
	Горные породы, минералы		<i>горо күмер</i> ‘бурый уголь’ <i>горо таш</i> ‘серый камень’
	Стихии, материи		<i>горо тупрак</i> ‘серая почва’
	Атмосферные явления		<i>горо болот</i> ‘серые тучи’
<i>Буз</i> ‘сивый, серый’	Человек	Лицо	<i>буз йөз</i> ‘мрачное лицо, букв. серое лицо’
	Животный мир		<i>буз ат</i> ‘сивый конь’ <i>буз турғай</i> ‘жаворонок, букв. сивый воробей’
	Горные породы, минералы		<i>буз күмер</i> ‘сероватый, бурый уголь’
	Небо, небесные тела		<i>буз күк</i> ‘серое небо’
	Ландшафт		<i>буз дала</i> ‘пустынная степь, букв. серая степь’
	Абстрактные понятия		<i>буз күңел</i> ‘мрачная душа, букв. серая душа’
<i>Кызыл</i> ‘красный’	Человек	Кровь	<i>кызыл кан</i> ‘красная кровь’
		Лицо	<i>кызыл йөз</i> ‘красное лицо’
		Губы	<i>кызыл ирен</i> ‘красные губы’
		Волосной покров	<i>кызыл сәс</i> ‘рыжие волосы’
	Животный мир		<i>кызыл төлкө</i> ‘красная лисица’ <i>кызылтүши</i> ‘снегирь, букв. красная грудка’
	Растения		<i>кызыл еләк</i> ‘красная ягода’ <i>кызыл алма</i> ‘красное яблоко’
	Горные породы, минералы		<i>кызыл балсык</i> ‘красная глина’ <i>кызыл якут</i> ‘рубин, букв. красный яхонт’

	Небо и небесные тела		<i>кызыл кояш</i> ‘красное солнце’
	Стихии, материи		<i>кызыл ут</i> ‘красный огонь’
	Время и календарь		<i>кызыл эңер</i> ‘сумерки, букв. красные сумерки’
	Болезни		<i>кызыл һыр</i> ‘рожа, рожистое воспаление, букв. красная рожа’ <i>кызыл тимерәү</i> ‘водянистый лишай, букв. красный лишай’
	Пища, еда		<i>кызыл ит</i> ‘красное мясо’
<i>Һары</i> ‘желтый’	Человек	Кожа, лицо	<i>һары йөз</i> ‘желтое лицо’
		Волосной покров	<i>һары сәс</i> ‘желтые волосы’
		Зубы	<i>һары теш</i> ‘желтые зубы’
	Животный мир		<i>һарыгош</i> ‘иволга, букв. желтая птица’ <i>һары һандугас</i> ‘желто-сивый соловей’ <i>һары ат</i> ‘соловый конь’
	Растения		<i>һарына</i> ‘саранка’ <i>һарыгат</i> ‘облепиха, букв. желтая ягода’
	Горные породы, минералы		<i>һары балсык</i> ‘желтая глина’ <i>һары алтын</i> ‘желтое золото’
	Небо и небесные тела		<i>һары кояш</i> ‘желтое солнце’ <i>һары нурзар</i> ‘желтые лучи’
	Ландшафт, рельеф		<i>һары дала</i> ‘просторная степь, букв. желтая степь’
	Время и календарь		<i>һары таң</i> ‘раннее утро, букв. желтый рассвет’
	Болезни		<i>һары һары</i> ‘тяжелая форма гепатита, букв. желтый гепатит’
	Пища, еда		<i>һары бал</i> ‘желтый мед’ <i>һары май</i> ‘топленое масло, букв. желтое масло’
	Абстрактные понятия		<i>һары һағыш</i> ‘глубокая печаль, букв. желтая тоска’
<i>Йәшел</i> ‘зеленый’	Человек	Глаза	<i>йәшел күз</i> ‘зеленые глаза’
	Животный мир		<i>йәшел кесәртке</i> ‘зеленая ящерица’

	Растения		<i>йәшел үлән</i> ‘зеленая трава’ <i>йәшел япрак</i> ‘зеленый лист (растения)’
	Горные породы, минералы		<i>йәшелташ</i> ‘малахит, букв. зеленый камень’
	Ландшафт		<i>йәшел урман</i> ‘зеленый лес’ <i>йәшел болон</i> ‘зеленый луг’
	Время и календарь		<i>йәшел йәй</i> ‘зеленое лето’
	Пища, еда, напитки		<i>йәшел сәй</i> ‘зеленый чай’
<i>Зәңгәр</i> ‘голубой’	Человек	Глаза	<i>зәңгәр күз</i> ‘голубые глаза’
	Растения		<i>зәңгәр сәскә</i> ‘василек, букв. голубой цветок’
	Горные породы, минералы		<i>зәңгәр таш</i> ‘лазурит, букв. голубой камень’
	Небо и небесные тела		<i>зәңгәр күк</i> ‘голубое небо’
	Ландшафт, рельеф		<i>зәңгәр тау</i> ‘голубая гора’ <i>зәңгәр күл</i> ‘голубое озеро’
	Стихии, материи		<i>зәңгәр һауа</i> ‘голубой воздух’ <i>зәңгәр һыу</i> ‘голубая вода’
<i>Күк</i> ‘синий’	Человек	Глаза	<i>күк күз</i> ‘синие глаза’
		Кожа, лицо	<i>күк тәнле</i> ‘с посиневшей кожей’
		Губы	<i>ирене күм-күк</i> ‘губы синие-пресиние (от холода)’
	Животный мир		<i>күк бүре</i> ‘сивый волк’ <i>күк ат</i> ‘сивый конь’
	Растения		<i>күк үлән</i> ‘зеленая трава’
	Горные породы, минералы		<i>күкташ</i> ‘медный купорос’ <i>күк якут</i> ‘сапфир, букв. синий яхонт’
	Ландшафт, рельеф		<i>күк таузар</i> ‘синие (седые) горы’
	Болезни		<i>күк йүтәл</i> ‘коклюш, букв. синий кашель’
<i>Шәмәхә</i> ‘фиолетовый’	Небо, небесные тела		<i>шәмәхә күк йөзә</i> ‘фиолетовое небо’
<i>Ал</i> ‘алый, розовый’	Человек	Кожа, лицо	<i>ал бит</i> ‘румяное лицо’
		Губы	<i>ал ирендәр</i> ‘алые губы’

		Кровь	<i>ал кан</i> ‘алая кровь’
	Растения		<i>ал сәскә</i> ‘алый цветок’
	Небесные тела		<i>ал кояш</i> ‘алое солнце’
	Время и календарь		<i>ал таң</i> ‘алый рассвет’
<i>Көрән</i> ‘коричневый’	Человек	Глаза	<i>көрән күз</i> ‘карие глаза’
	Животный мир		<i>көрән айыу</i> ‘бурый медведь’ <i>көрән ат</i> ‘бурый конь’
	Растения		<i>көрән мәтрүшкә</i> ‘душица, букв. фиолетовая душица’
	Горные породы, минералы		<i>көрән күмер</i> ‘бурый уголь’
<i>Ерән</i> ‘рыжий’	Человек	Волосной покров	<i>ерән сәс</i> ‘рыжие волосы’ <i>ерән һакал</i> ‘рыжая борода’ <i>ерән мыйык</i> ‘рыжие усы’
	Животные		<i>ерән төлкө</i> ‘рыжая лиса’ <i>ерән ат</i> ‘рыжая лошадь’
	Грибы		<i>ерән баһмәк</i> ‘рыжик’
<i>Сәгер / Сағыр</i> ‘светло-голубой, зеленовато-голубой’	Человек	Глаза	<i>сәгер күз</i> ‘зеленовато-голубые глаза’
	Горные породы, минералы		<i>сәгер таш</i> ‘светло-голубой камень’
	Небо и небесные тела		<i>сағыр күк йөзө</i> ‘белесое небо’
	Ландшафт		<i>сәгер тау</i> ‘белесая гора’
	Атмосферные явления		<i>сағыр болоттар</i> ‘белесые облака’
<i>Куңыр</i> ‘бурый, темно-коричневый’	Человек	Глаза	<i>куңыр күз</i> ‘карие глаза’
		Кожа, лицо	<i>куңыр йөз</i> ‘смуглое лицо’
		Волосной покров	<i>куңыр сәс</i> ‘темно-каштановые волосы’
	Животный мир		<i>куңыр айыу</i> ‘бурый медведь’ <i>куңыр һыйыр</i> ‘бурая корова’
	Стихии, материи		<i>куңыр һыу</i> ‘темная вода’
	Атмосферные явления		<i>куңыр болоттар</i> ‘темные облака’
<i>Ала</i> ‘пегий’	Человек	Глаза	<i>ала күз</i> ‘яростные глаза, букв. пестрые глаза’
		Кожа, лицо	<i>ала тән</i> ‘проказа, букв. пятнистая кожа’
	Животный мир		<i>ала һыйыр</i> ‘пятнистая корова’

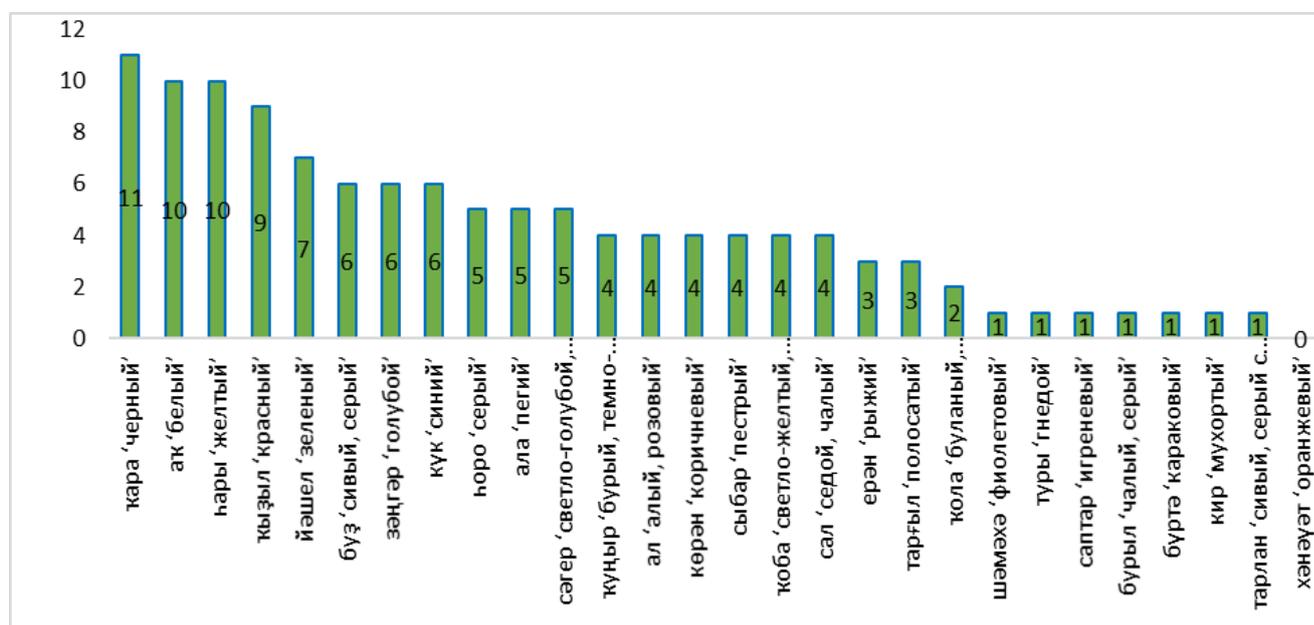
			<i>ала каз</i> ‘пестрый гусь’ <i>ала ат</i> ‘пегая лошадь’
	Атмосферные явления		<i>ала кар</i> ‘снег с проталинами’
	Время и календарь		<i>ала таң</i> ‘раннее утро, букв. пестрый рассвет’
	Болезни		<i>ала сир</i> ‘витилиго, букв. пестрая болезнь’ <i>ала тән</i> ‘проказа, букв. пестрая кожа’
<i>Сыбар</i> ‘пестрый’	Человек	Кожа, лицо	<i>сыбар бит</i> ‘веснушчатое лицо’
	Животный мир		<i>сыбар һыйыр</i> ‘пестрая корова’ <i>сыбар тауык</i> ‘рябая курица’ <i>сыбар ат</i> ‘чубарая лошадь’
	Растения		<i>сыбар күрән</i> ‘осока пузырчатая, букв. пестрая осока’
	Абстрактные понятия		<i>сыбар заман</i> ‘изменчивая эпоха, букв. пестрая эпоха’
<i>Туры</i> ‘гнедой’	Животный мир		<i>туры бейә</i> ‘гнедая лошадь’
<i>Кола</i> ‘саврасый, буланный’	Животный мир		<i>кола айгыр</i> ‘буланный жеребец’
	Ландшафт, рельеф		<i>кола ялан</i> ‘пустое, голое поле’
<i>Коба</i> ‘светло-желтый, белдно-бурый, палевый’	Человек	Кожа, лицо	<i>коба йөзлә</i> ‘с побледневшим лицом’
	Животный мир		<i>коба ат</i> ‘светло-желтая, бледно-бурая, палевая лошадь’ <i>коба һыйыр</i> ‘бледно-бурая корова’ <i>коба болан</i> ‘светло-бурый олень’
	Растения		<i>коба тал</i> ‘ива светло-коричневая’
	Ландшафт, рельеф		<i>коба сүл</i> ‘голая пустыня’
<i>Сал</i> ‘седой, светло-серый; чалый’	Человек	Волосы	<i>сал сәс</i> ‘седые волосы’
	Животный мир		<i>сал ат</i> ‘чалая лошадь’
	Растения		<i>сал кылган</i> ‘седой ковыль’
	Ландшафт, рельеф		<i>сал дала</i> ‘древняя степь’

<i>Тарғыл / Талғыр</i> ‘полосатый’	Животный мир	<i>тарғыл йылкы</i> ‘полосатый конь’ <i>тарғыл һыйыр</i> ‘полосатая корова’ <i>талғыр йылан</i> ‘полосатая змея’
	Растения	<i>тарғыл йыуа</i> ‘букв. полосатый дикий лук’
	Горные породы, минералы	<i>талғыр таш</i> ‘полосатый камень’
<i>Саптар</i> ‘игренивый’	Животный мир	<i>саптар ат</i> ‘игренивая лошадь’
<i>Кир</i> ‘мухортый’	Животный мир	<i>кир ат</i> ‘мухортый конь’
<i>Бурыл</i> ‘чалый, серый’	Животный мир	<i>бурыл айғыр</i> ‘чалый жеребец’
<i>Бүртә</i> ‘караковый’	Животный мир	<i>бүртә бейә</i> ‘караковая кобыла’
<i>Тарлан</i> ‘(серый, сивый) с примесями другого цвета’	Животный мир	<i>тарлан буз ат</i> ‘сивый с примесями другого цвета конь’

Из табл. 15 видно, что из 28 производных цветообозначений башкирского языка высокая сочетаемость свойственна названиям *кара* ‘черный’ (сочетается с названиями, относящимися к 11 лексико-семантическим группам), *ак* ‘белый’ (10), *һары* ‘желтый’ (10), *кызыл* ‘красный’ (9), а более низкой сочетаемостью характеризуются поздние заимствования *шәмәхә* ‘фиолетовый’ (1), *хәнәүәт* ‘оранжевый’ (только с названиями артефактов) и шесть названий мастей лошади (1).

Расположим эти цветообозначения на диаграмме, которая наглядно демонстрирует семантическую сочетаемость цветообозначений башкирского языка (*диагр. 5*):

Диаграмма 5. Диапазон семантической сочетаемости цветообозначений башкирского языка с определяемыми существительными

В следующей таблице представим, с какими названиями цвета сочетается каждая лексико-семантическая группа слов башкирского языка (табл. 16):

Таблица 16. Лексико-семантические группы существительных, определяемых цветообозначениями

ЛСГ		Цветообозначения	
Человек	Глаза	кара 'черный' һоро 'серый' йәшел 'зеленый' күк 'синий' көрән 'коричневый'	куңыр 'бурый' ала 'пегий' зәңгәр 'голубой' сәгер 'светло-голубой, зеленовато-голубой'
	Кожа, лицо	кара 'черный' ак 'белый' буз 'серый' кызыл 'красный' һары 'желтый' күк 'синий'	ал 'алый, розовый' куңыр 'бурый' ала 'пегий' сыбар 'пестрый' коба 'палевый'

	Волосяной покров	<i>кара</i> ‘черный’ <i>ак</i> ‘белый’ <i>кызыл</i> ‘красный’ <i>хары</i> ‘желтый’	<i>ерэн</i> ‘рыжий’ <i>куңыр</i> ‘бурый, темно-коричневый’ <i>сал</i> ‘седой, чалый’
	Зубы	<i>кара</i> ‘черный’ <i>ак</i> ‘белый’	<i>хары</i> ‘желтый’
	Губы	<i>кызыл</i> ‘красный’ <i>күк</i> ‘синий’	<i>ал</i> ‘алый, розовый’
	Кровь	<i>кара</i> ‘черный’ <i>кызыл</i> ‘красный’	<i>ал</i> ‘алый, розовый’
Животный мир		<i>ак</i> ‘белый’ <i>кара</i> ‘черный’ <i>хоро</i> ‘серый’ <i>буз</i> ‘сивый, серый’ <i>кызыл</i> ‘красный’ <i>хары</i> ‘желтый’ <i>йәшел</i> ‘зеленый’ <i>күк</i> ‘синий’ <i>көрән</i> ‘коричневый’ <i>куңыр</i> ‘бурый’ <i>ерэн</i> ‘рыжий’ <i>ала</i> ‘пегий’	<i>сыбар</i> ‘пестрый’ <i>кола</i> ‘саврасый, буланный’ <i>туры</i> ‘гнедой’ <i>коба</i> ‘палевый’ <i>сал</i> ‘седой, чалый’ <i>таргыл</i> ‘полосатый’ <i>саптар</i> ‘игрневый’ <i>бурыл</i> ‘чалый, серый’ <i>бүртә</i> ‘караковый’ <i>кир</i> ‘мухортый’ <i>тарлан</i> ‘(серый, сивый) с примесями другого цвета’
Растения, плоды		<i>ак</i> ‘белый’ <i>кара</i> ‘черный’ <i>кызыл</i> ‘красный’ <i>хары</i> ‘желтый’ <i>йәшел</i> ‘зеленый’ <i>зәңгәр</i> ‘голубой’ <i>күк</i> ‘синий’	<i>ал</i> ‘алый, розовый’ <i>көрән</i> ‘коричневый’ <i>ерэн</i> ‘рыжий’ <i>сыбар</i> ‘пестрый’ <i>коба</i> ‘палевый’ <i>сал</i> ‘седой, чалый’ <i>талгыр</i> ‘полосатый’
Горные породы, минералы		<i>ак</i> ‘белый’ <i>кара</i> ‘черный’ <i>хоро</i> ‘серый; бурый’ <i>кызыл</i> ‘красный’ <i>хары</i> ‘желтый’ <i>йәшел</i> ‘зеленый’	<i>зәңгәр</i> ‘голубой’ <i>күк</i> ‘синий’ <i>көрән</i> ‘коричневый’ <i>сәгер</i> ‘светло-голубой, зеленовато-голубой’ <i>талгыр</i> ‘полосатый’
Ландшафт, рельеф		<i>ак</i> ‘белый’ <i>кара</i> ‘черный’ <i>буз</i> ‘серый’ <i>хары</i> ‘желтый’ <i>йәшел</i> ‘зеленый’ <i>күк</i> ‘синий’ <i>зәңгәр</i> ‘голубой’	<i>сәгер</i> / <i>сагыр</i> ‘светло-голубой, зеленовато-голубой’ <i>кола</i> ‘саврасый, буланный’ <i>коба</i> ‘палевый’ <i>сал</i> ‘седой, чалый’
Небо, небесные тела		<i>ак</i> ‘белый’ <i>буз</i> ‘сивый, серый’	<i>зәңгәр</i> ‘голубой’ <i>шәмәхә</i> ‘фиолетовый’

	<i>кызыл</i> ‘красный’ <i>һары</i> ‘желтый’ <i>ал</i> ‘алый, розовый’	<i>сәгер / сагыр</i> ‘светло-голубой, зеленовато-голубой’
Стихии, материи	<i>кара</i> ‘черный’ <i>һоро</i> ‘серый’ <i>кызыл</i> ‘красный’	<i>куңыр</i> ‘бурый; темный’ <i>зәңгәр</i> ‘голубой’
Атмосферные явления	<i>ак</i> ‘белый’ <i>кара</i> ‘черный’ <i>һоро</i> ‘серый’ <i>ала</i> ‘пегий’	<i>куңыр</i> ‘бурый; темно-коричневый’ <i>сәгер / сагыр</i> ‘светло-голубой, зеленовато-голубой’
Время и календарь	<i>кара</i> ‘черный’ <i>кызыл</i> ‘красный’ <i>һары</i> ‘желтый’	<i>йәшел</i> ‘зеленый’ <i>ал</i> ‘алый, розовый’ <i>ала</i> ‘пегий’
Болезни	<i>кара</i> ‘черный’ <i>ак</i> ‘белый’ <i>кызыл</i> ‘красный’	<i>һары</i> ‘желтый’ <i>күк</i> ‘синий’ <i>ала</i> ‘пегий’
Пища, еда	<i>кара</i> ‘черный’ <i>ак</i> ‘белый’ <i>кызыл</i> ‘красный’	<i>һары</i> ‘желтый’ <i>йәшел</i> ‘зеленый’
Абстрактные понятия	<i>кара</i> ‘черный’ <i>ак</i> ‘белый’ <i>буз</i> ‘сивый, серый’	<i>һары</i> ‘желтый’ <i>сыбар</i> ‘пестрый’

По данным, представленным в табл. 16, можно сделать вывод о том, что в башкирском языке для описания той или иной лексико-семантической группы слов применяется определенный набор цветообозначений. Количественная характеристика (сколько цветообозначений используется для описания слов, относящихся к той или иной лексико-семантической группе слов) лексико-семантических групп, сочетающихся с цветообозначениями, выглядит следующим образом:

– человек – 18 цветообозначений, в том числе:

глаза – 9 цветообозначений;

кожа и лицо – 11;

волосистой покров – 7;

губы – 3;

зубы – 3;

- кровь – 3;
- животный мир – 23;
- растения и плоды – 14;
- горные породы и минералы – 12;
- небо и небесные тела – 8;
- ландшафт – 11;
- стихии, материи – 5;
- атмосферные явления – 6;
- время и календарь – 6;
- болезни – 6;
- пища, еда, напитки – 5;
- абстрактные понятия – 5.

Как видим, в башкирском языке наибольшее количество цветообозначений (23 названия цвета) употребляется для описания животного мира, что характеризует многоцветность фауны на территории проживания башкир. С названиями тех или иных частей тела или органов человека сочетаются 18 названий цвета, которыми главным образом описывается внешность человека. Далее идут названия растений, горных пород, минералов, ландшафта, что также показывает цветовое многообразие окружающей природы.

Таким образом, изучение семантической сочетаемости цветообозначений башкирского языка позволяет определять не только цветообозначения с наибольшей или наименьшей сочетаемостью, но и количество названий цвета, описывающих ту или иную лексико-семантическую группу слов.

4.3.3. Жанрово-стилевая и частотная характеристика цветообозначений

Современные корпуса текстов и базы данных позволяют находить различные варианты названий для одного цвета, определить их жанрово-стилевые характеристики, подсчитать частоту употребления каждого цветообозначения в

разных текстах, изучить функционирование поздних заимствований в языке, выявить активную или пассивную лексику.

Так, в современном башкирском языке наблюдается применение различных вариантов названий для фиолетового и оранжевого цветов.

Для обозначения фиолетового цвета в «Башкирско-русском словаре» (Уфа, 1996) представлено слово *шамәхә*, которое дается с пометкой *уст.* (устаревшее слово) [МФБЛ]. Оно заимствовано из персидского языка и используется главным образом в книжном стиле.

Согласно данным из электронных корпусов, слово *шамәхә* ‘фиолетовый’ появилось в башкирской прозе в начале XX в.: *Электән дә шамәхә танауы тағы ла бүртенгән* ‘Его и так **фиолетового** оттенка нос еще сильнее вздулся’ (А. Тагиров) [МФБЛ]. Сегодня эта лексема стала доминирующей для обозначения фиолетового цвета не только в прозе, но и в публицистике: *Әгәр олоноң киҫелгән урынына йод һөртһәң, уның [ағастың] үзәге зәңгәр йәки шамәхә төскә инә* ‘Если нанести йод на место среза ствола, то сердцевина дерева окрасится в голубой или **фиолетовый** цвет’ (газета «Башкортостан», 3 мая 2016 г.)¹; *Үзе (Ардыуанов) .. шамәхә кәләм менән ашығып низер яззы* ‘Сам (Ардуванов) .. торопливо писал что-то **фиолетовым** карандашом’ (И. Абдуллин) [КБЯП]; *Шамәхә төҫөндәге умырзая икән, сирень сәскәһенә лә окшап тора әзерәк* ‘Это, оказывается, подснежник **фиолетового** цвета, он чем-то даже похож на цветок сирени’ (Г. Якупова) [КБЯП].

О широком распространении и активном функционировании слова *шамәхә* ‘фиолетовый’ в современном башкирском языке также свидетельствуют образованные от него производные слова (*шамәхәләнеү* ‘становиться фиолетовым’, *карагускыл шамәхә* ‘темно-фиолетовый’, *акһыл шамәхә* ‘бледно-фиолетовый’) [МФБЛ].

В прозе отмечается широкое употребление также сочетаний *кызыл күк*, *кызғылт күк*, которые характерны для народно-разговорной речи башкир: *Ул*

¹ Мусин Т. Нилектән шулай? (Мусин Т. Отчего так?) // URL: <http://bash.bashgazet.ru/obshestvo/22284-nilektn-shulay.html> (Дата обращения: 31.10.2024).

Емеште кескәй бала шикелле итеп күтәрәп алды. Сөгәлдөр кеүек кызыл күк төскә ингән аяктарын үзенең шинель салгыйзары менән ураны ‘Он поднял Емеш на руки, как маленького ребенка. Озябшие ноги дочери, ставшие **фиолетовыми**, как свекла, он укутал полами своей шинели’ (З. Биешева); *Тулыбай .. кызгылт күк тәңкаларга төртөп күрһәтте* ‘Тулыбай .. показал пальцем на **фиолетовые** кружочки’ (Д. Буляков) [КБЯП].

В публицистике встречается сочетание *миләүшә төс* ‘букв. цвета фиалки’, которое появилось в результате калькирования с русского слова (русс. *фиолетовый* ‘цвета фиалки’): *Бала Лунтиктың ниндәй йәнлек икәнән аңлай алмай, ә уның Айза йәшәгәнән белгәс, ни өсөн миләүшә төсөндә икән, тип баш вата* ‘Ребенок не может понять, каким животным является Лунтик, и когда узнает, что он живет на Луне, задумывается о том, почему он **фиолетового цвета**’ (газета «Йэшлек», 30 марта 2019 г.)¹.

В двуязычных, диалектологических, терминологических словарях башкирского языка для передачи фиолетового цвета приводятся следующие названия: *көрән* ‘букв. коричневый’, *көрән күк* ‘букв. коричнево-синий’, *зәңгәр күк* ‘букв. голубовато-синий’, например: *көрән умырзая* ‘фиолетовый подснежник’ [Бһһ 1970: 112, ДСБЯ 2002: 155], *көрән күк* ‘букв. коричнево-синий’ [РБС 2005а: 587], *зәңгәр күк* ‘букв. голубовато-синий’ [Фатихов 1997].

Итак, данные электронных корпусов и баз данных башкирского языка позволяют заключить, что для обозначения фиолетового цвета в современном литературном языке принято название *шәмәхә*, оно употребляется в современной прозе и публицистике; в публицистике чаще встречается калька из русского языка – *миләүшә төс* ‘букв. цвета фиалки’; в диалектах функционируют лексемы *көрән* ‘букв. коричневый’, *көрән күк* ‘букв. коричнево-синий’, *зәңгәр күк* ‘букв. голубовато-синий’; в народно-разговорной речи представлены аналитические цветообозначения *кызыл күк* ‘букв. красно-синий’, *кызгылт күк* ‘букв. красновато-синий’.

¹ Һак булығыз, йәнһүрәт! (Осторожно, мультфильм!) // URL: <https://ye102.ru/articles/obrazovanie/2019-03-30/a-buly-y-u-n-r-t-716617> (Дата обращения: 31.10.2024).

Для обозначения оранжевого цвета в лексикографических трудах приводится слово *хәнәүәт*, которое является арабским заимствованием, характерным для книжного стиля [БРС 1996: 718, АСБЯ 2017: 429]. Но, судя по примерам, все же в публицистике наблюдается использование этой лексемы, что, очевидно, связано со стремлением авторов внедрить в обиход непроезженные слова: *Хәнәүәт (кызғылт-һары) төс – ғорур, көслә һәм бәйһез кешеләр төсө*¹ ‘Оранжевый (красно-желтый) цвет – цвет гордых, сильных и свободных людей’ (газета «Башкортостан», 30 ноября 2020 г.); *Ә зәңгәр бархәттән тегелгән камзулды хәнәүәт, йәшел, һандал төстәрзәге ебәк менән нағышлагандар*² ‘Камзол, сшитый из голубого бархата, украшали узорами из **оранжевого**, зеленого и сандалового шелка’.

В литературном башкирском языке для оранжевого цвета употребляется название *кызғылт һары* ‘букв. красновато-желтый’. В художественных произведениях и публицистике встречается главным образом этот вариант названия данного цвета, например: *Аяз күктә йондоzzар, аяк астына кызғылт һары япрактар һибелгән* ‘В ясном небе рассыпаны звезды, а под ногами – **оранжевые** (букв. красновато-желтые) листья’ (С. Агиш) [КБЯП].

В современной прозе и словарях также можно встретить сочетание *әфлисун төсөндәге* ‘букв. цвета апельсина’, которое является калькой с русск. (апельсиновый): *Кыз .. стена буйына һыйынган әфлисун төсөндәге шаян, сағыу диванга һоро тап булып килеп терәлде* ‘Девушка .. прислонилась к модному, яркому дивану **оранжевого цвета** (букв. цвета апельсина), стоявшему у стены’ (Г. Гиззатуллина) [КБЯП].

В народно-разговорной речи башкир употребляются названия *һары* ‘букв. желтый’, *кызыл* ‘букв. красный’, *сыскак һары* ‘букв. «поносный» желтый’, *һары кызыл* ‘букв. желто-красный’, *кызыл һары* ‘букв. красно-желтый’, *кызғылт һары*

¹ Һин ниндәй төс яратаһың? (Тебе какой цвет нравится?) // URL: <https://bashgazet.ru/articles/yal-s-tend/2020-11-30/in-nind-y-t-yarata-y-705781> (Дата обращения: 31.01.2025).

² Валеева Р. Камзул (Валеева Р. Камзол) // URL: <http://kitaploug.ru/kamzul-bash> (Дата обращения: 31.01.2025).

‘красновато-желтый’, которые могут встречаться в прозе: *Ана, һарғылт кызыл йәнлек һузылып кына китеп бара. Төлкө икән*¹ ‘Вон медленно, плавно идет желтовато-красный зверь. Лиса, оказывается’.

Итак, отсутствие в башкирском языке исконного непроизводного слова для обозначения оранжевого цвета порождает существование в нем вариативных названий: в литературном языке принято название *кызылт һары* ‘букв. красновато-желтый’, оно активно функционирует в прозе; в современной публицистике наблюдается тенденция к использованию непроизводного слова *хәнәүәт*, заимствованного из арабского языка; в художественной литературе встречается калька с русск. *әфлисун төсөндәге* ‘букв. цвета апельсина’; в народно-разговорной речи бытуют названия *һары* ‘желтый’, *кызыл* ‘красный’, *сыскак һары* ‘букв. «поносный» желтый’, *һары кызыл* ‘букв. желто-красный’, *һарғылт кызыл* ‘букв. желто-красный’, *кызыл һары* ‘букв. красно-желтый’.

Кроме непроизводных и производных названий, состоящих из сочетания двух слов, в текстах электронных корпусов башкирского языка, как правило, в произведениях художественной литературы, для выражения оттенков цветов употребляются сравнительные конструкции. В таких конструкциях оттенок цвета объекта отождествляется с цветом предмета-эталона. С помощью функции поиска комбинаций нам удалось выявить 109 случаев употребления подобных конструкций, например: *язғы күк кеүек зәңгәр* ‘голубое, как весеннее небо’, *күмер кеүек кара* ‘черный, как уголь’, *етен кеүек һары* ‘желтый, как лен’ и др. [КБЯП].

Анализ текстов также дает возможность определить специфику цветовой картины мира того или иного народа. В башкирской прозе и публицистике могут отражаться как национальное восприятие цвета (например, в конструкциях *кымыз кеүек ак* ‘белый, как кумыс’, *һоро кейез һымак* ‘как серый войлок’ в качестве эталонов используются объекты, являющиеся этномаркерами, то есть предметами национальной культуры), так и авторское видение палитры цветов тем или иным индивидом (например, выражение *бохар бесәйе кеүек ерән* ‘рыжий, как бухарский

¹ Туғызбаева Ф. Батыр уйлана (Тугузбаева Ф. Батыр задумался) // URL: https://wikisource.org/wiki/Ва/Батыр_уйлана... (Дата обращения: 31.01.2025).

кот', не являющееся устойчивым в башкирском языке, употреблено в тексте на основе наблюдений автора): *Офоктарза күкһел томандар куйырып, караланып күреналар, күк йөзөндә **һоро кейез һымак**, һоро болоттар, низер көткән шикелле тын ғына торалар ине* 'На горизонте чернели густые синеватые туманы, на небе, **как серый войлок**, тихо висели серые облака, как будто чего-то ожидая' (А. Вали); *Һырма кейгән, токсай асқан, **бохар бесәйе кеүек ерән бәндә бер*** 'Некто **рыжий, словно бухарский кот**, в стеганке и с небольшим свертком на плече (Г. Хисамов) [КБЯП].

Электронные корпуса текстов башкирского языка имеют функции, позволяющие определить частотность использования в них цветообозначений. Общее количество употребления цветообозначений в данных корпусах можно представить в следующей таблице (табл. 17):

Таблица 17. Частотность употребления цветообозначений башкирского языка (по данным корпусов прозы, публицистики и поэзии)

ЦО	Проза (15 211 551 словоупот- ребление)	Публицистика (12 004 489 словоупот- реблений)	Поэзия (более 1 800 000 словоупот- реблений)
<i>Кара</i> 'черный' ¹	936 (25%)	4 950 (29%)	2 666 (23%)
<i>Ак</i> 'белый'	8 197 (22%)	4 406 (26%)	3 558 (31%)
<i>Һоро</i> 'серый'	1 181 (3%)	340 (2%)	171 (1%)
<i>Буз</i> 'сивый, серый'	105 (<1%)	28 (<1%)	75 (1%)

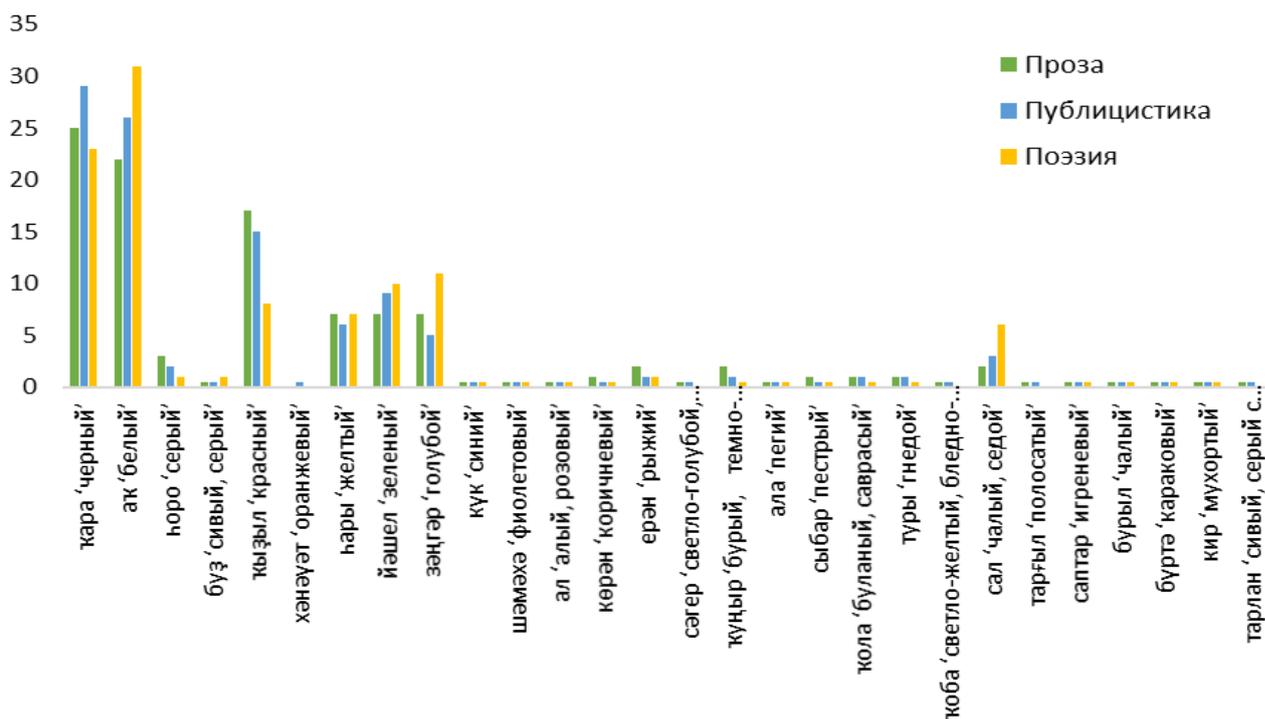
¹ Цветообозначения *кара* 'черный', *күк* 'синий', *ал* 'алый, розовый', *ала* 'пегий' имеют широко распространенные омонимы *кара* 'смотри' (форма глагола *кара*- 'смотреть'), *ал* 'бери', *ала* 'берет' (формы глагола *ал*- 'брать'), *күк* 'небо' (существительное). Если слово *кара* в более 60 % случаях употребляется в качестве цветообозначения, то *күк* 'синий', *ал* 'алый, розовый', *ала* 'пегий' в текстах электронных корпусов по частоте употребления уступают своим омонимам (их доля менее 1 %). Поэтому при анализе частоты употребления слов для цветообозначения *кара* 'черный' учитывается приблизительно 60 % от общего количества употреблений омонимов, а для слов *ал* 'пегий', *күк* 'синий' – 1 %, для *ала* 'пегий' – 0,5 %.

<i>Кызыл</i> 'красный'	6 381 (17%)	2 611 (15%)	876 (8%)
<i>Ханәүәт</i> 'оранжевый'	0	1 (<1%)	0
<i>Гары</i> 'желтый'	2 695 (7%)	976 (6%)	767 (7%)
<i>Йәшел</i> 'зеленый'	2 519 (7%)	1 508 (9%)	1 096 (10%)
<i>Зәңгәр</i> 'голубой'	2 750 (7%)	877 (5%)	1 229 (11%)
<i>Күк</i> 'синий'	36 (<1%)	12 (<1%)	16 (1%)
<i>Шәмәхә</i> 'фиолетовый'	18 (<1%)	22 (<1%)	1 (<1%)
<i>Ал</i> 'алый, розовый'	28 (<1%)	10 (<1%)	11 (<1%)
<i>Көрән</i> 'коричневый'	269 (1%)	76 (<1%)	43 (<1%)
<i>Ерән</i> 'рыжий'	826 (2%)	14 (1%)	82 (1%)
<i>Сәгер</i> 'светло-голубой, зеленовато-голубой'	28 (<1%)	5 (<1%)	0
<i>Куңыр</i> 'бурый, темно-коричневый'	602 (2%)	141 (1%)	39 (<1%)
<i>Ала</i> 'пегий'	43 (<1%)	60 (<1%)	6 (<1%)
<i>Сыбар</i> 'пестрый'	300 (1%)	84 (<1%)	53 (<1%)
<i>Кола</i> 'саврасый, буланный'	438 (1%)	139 (1%)	33 (<1%)
<i>Туры</i> 'гнедой'	385 (1%)	145 (1%)	36 (<1%)
<i>Коба</i> 'светло-желтый, бледно-бурый, палевый'	36 (<1%)	28 (<1%)	0
<i>Сал</i> 'седой, светло-серый; чалый'	666 (2%)	471 (3%)	649 (6%)
<i>Таргыл</i> 'полосатый'	2 (<1%)	2 (<1%)	0

<i>Саптар</i> 'игрневый'	140 (<1%)	61 (<1%)	41 (<1%)
<i>Бурыл</i> 'чалый, серый'	96 (<1%)	3 (<1%)	1 (<1%)
<i>Бүртә</i> 'караковый'	51 (<1%)	11 (<1%)	2 (<1%)
<i>Кир</i> 'мухортый'	25 (<1%)	11 (<1%)	14 (<1%)
<i>Тарлан</i> '(сивый, серый) с примесями другого цвета'	19 (<1%)	5 (<1%)	0
Всего	35 453 (0,25% от всех словоупот- реблений)	17 123 (0,11% от всех словоупот- реблений)	9 209 (0,51% от всех словоупот- реблений)

Расположим процентные показатели количества использования цветообозначений в башкирском языке в виде диаграммы, которая наглядно демонстрирует частоту их применения в различных текстах (*диагр. б*):

Диаграмма 6. Частотность употребления цветообозначений в башкирском языке (по данным корпусов прозы, публицистики и поэзии), в %

В первую очередь необходимо выделить цветонаименования, входящие в активный словарный запас лексики современного башкирского языка. Во всех рассматриваемых текстах (прозы, публицистики, поэзии) наиболее употребляемыми оказались лексемы: *кара* ‘черный’ (25%, 29%, 23%), *ак* ‘белый’ (22%, 26%, 31%). Возможно, это связано с тем, что они называют два первостепенных ахроматических цвета, широко распространенные в природе, а также имеют множество дополнительных значений.

Далее идут цветообозначения *кызыл* ‘красный’ (17%, 15%, 8%), *һары* ‘желтый’ (7%, 6%, 7%), *йәшел* ‘зеленый’ (7%, 9%, 10%), *зәңгәр* ‘голубой’ (7%, 5%, 11%). Эти лексемы обозначают основные хроматические цвета и активно употребляются в языке для описания предметов. Любопытно, что в эту категорию не попало исконное цветообозначение *күк* ‘синий’, а вошло персидское заимствование *зәңгәр* ‘голубой’. Это связано с тем, что последняя вытеснила одно из значений пратюркского **gōk* ‘синий, зеленый (макросиний)’, называя один из распространенных в природе цветов: им обозначается цвет глаз, неба, облаков, воды и т. д. Продуктивный характер данного заимствованного слова подтверждают также его производные, широко употребляемые в языке (*зәңгәрһыу* ‘голубоватый’, *зәп-зәңгәр* ‘совершенно голубой’, *зәңгәрлек* ‘голубизна’, *зәңгәрләнеү / зәңгәрәйеү* ‘голубеть, становиться голубым’). Цветообозначение *күк* ‘синий’ в башкирских текстах главным образом применяется для обозначения цвета молодой травы, цветка, а также артефактов. Чаще всего в текстах встречается его глагольная форма – *күгәрәү* ‘синеть’.

Широкое употребление слова *сал* ‘седой, светло-серый; чалый’ (2%, 3%, 6%) связано с его нецветовым значением ‘седой’.

Следующие цветообозначения по частоте употребления – *һоро* ‘серый’ (3%, 2%, 1%), *ерән* ‘рыжий’ (2%, 1%, 1%), *куңыр* ‘бурый, темно-коричневый’ (2%, 1%, 1%). Эти названия цвета обычно используются при описании внешности человека (цвета глаз, волос, кожи), в связи с чем они чаще употребляются в прозе, чем в публицистике и поэзии.

Как видим, из лексических вариантов *һоро* ‘серый’ / *буз* ‘сивый, серый’

наиболее употребительным оказалось *һоро*, так как за словом *буз* сохранилось главным образом обозначение мастей животных.

Из пары *көрән* ‘коричневый’ / *куңыр* ‘бурый, темно-коричневый’ чаще употребляется *куңыр* ‘бурый, темно-коричневый’ (так как оно широко применяется для обозначения цвета глаз, волос, кожи), несмотря на то, что название *көрән* ‘коричневый’ охватывает широкий диапазон коричневого цвета.

Малоупотребительными оказались цветообозначения *хәнәүәт* ‘оранжевый’ (всего одно употребление в публицистике), *тарғыл* ‘полосатый’ (по два употребления в прозе и публицистике). Редкое употребление лексемы *хәнәүәт* ‘оранжевый’ в башкирских текстах подтверждает, что данное арабское заимствование все еще не вошло в активный словарный запас языка, малая частотность названия масти *тарғыл* ‘полосатый’ говорит о редкости данной масти животных в природе.

Таким образом, анализ цветообозначений, встречающихся в трех разных типах текстов из электронных корпусов башкирского языка, позволил выделить следующие особенности их употребления: 1) в разных жанрах могут использоваться разные цветолексеммы для обозначения одного и того же цвета; 2) широко применяются (особенно в художественных произведениях) сравнительные конструкции с компонентами-цветообозначениями, которые выражают оттенки цвета, отождествляя их с цветом предмета-эталона; 3) в современном башкирском языке цветообозначения имеют разные характеристики по частоте употребления: одни названия входят в активный словарный запас лексики и широко используются в разных текстах, другие ограничены по сфере применения (названия масти лошади) или же являются новыми заимствованиями, пока не занявшими активную нишу в языке.

Выводы по главе 4

1. Для изучения цветообозначающей лексики в тюркских языках большую ценность представляют письменные памятники, которые подразделяются на

древнетюркские, среднетюркские и новотюркские. В этих источниках зафиксированы цветообозначения-колоронимы и названия мастей животных, их прямые и метафорические значения, производные формы (субстантивы, производные со значением степени проявления признака, составные названия), термины и онимы, образованные от цветообозначений.

2. Древнетюркские памятники являются самыми ранними письменными источниками тюрков. В них можно найти названия цвета, позволяющие получить общее представление о системе цветообозначений древних тюркских племен. Нами выявлено, что большинство лексем, функционирующих в современном башкирском языке, восходят к древнетюркским источникам.

3. Источники среднетюркской эпохи расширяют материал для изучения развития системы цветообозначений в тюркских языках. В текстах появляются новые цветообозначения, встречаются ранее не зафиксированные фонетические формы и значения названий цвета. Особенности цветоименований, имеющие место в среднетюркских источниках, наблюдаются и в современном башкирском языке.

4. В новотюркскую эпоху появляются фундаментальные лексикографические труды (например, Л.З. Будагова, В.В. Радлова), где представлено уже более развернутое описание большинства значений цветоименований. Этот период отмечен также наличием памятников, характерных для определенных ареалов тюркских языков, что связано с дифференциацией языков, например, тексты, выполненные на тюрки Урало-Поволжья. Появляются такие письменные источники, как шежере, письма, таварихи и т. д., которые отражают особенности старобашкирского письменно-литературного языка (XVI–XVIII вв.). Со второй половины XIX в. появляются и первые печатные словари башкирского языка, по которым можно судить о цветообозначениях того времени.

5. Устное башкирское народное творчество, где обнаруживается национально-культурная специфика менталитета башкир, содержит богатый

материал по цветообозначениям, их сакральной, магической, символической семантике. В башкирской народной словесности названия цвета выступают в трех аспектах: они употребляются как символы, выполняют роль этномаркеров, участвуют в создании сакральных образов.

6. Данные из электронных корпусов современного башкирского языка, в которых аккумулированы тексты произведений прозы, поэзии, публицистики, дают возможность определить некоторые тенденции развития языка в области лексики и выявить особенности употребления цветообозначений в разных текстах. Материалы текстов позволяют выявить лексические значения цветоименований, установить различия синонимов названий цвета, определить семантическую сочетаемость цветообозначений с определяемыми существительными, находить различные варианты названий для обозначения одного цвета, анализировать жанрово-стилевые особенности цветоименований, охарактеризовать частоту употребления каждого цветообозначения в разных текстах, проследить функционирование поздних заимствований в языке, выявить активные и пассивные единицы среди них.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Лексика цветообозначений башкирского языка представлена названиями, которые несут в себе семантику цвета, сочетания цветов или масти лошади. Семантика цвета передается лексемами, которые отражают те или иные физические параметры цвета: а) цветовой тон (*йәшел* ‘зеленый’, *күк* ‘синий’); б) светлоту (*ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’); в) цветовой тон и светлоту (*акһыл һары* ‘светло-желтый’, *карагускыл кызыл* ‘темно-красный’); г) цветовой тон и насыщенность (*һан-һары* ‘желтый-прежелтый’, *сагыу зәңгәр* ‘ярко-голубой’). Окраска, состоящая из совокупности нескольких цветов, обозначается названиями смешанных цветов (*сыбар* ‘пестрый’, *ала* ‘пегий’). Масти лошади, характеризующиеся определенным сочетанием окраски их шерсти, гривы, хвоста, передаются специальными терминами (*кола* ‘саврасый, буланный’, *сантар* ‘игрневый’).

2. Формирование и развитие цветообозначений в башкирском языке происходит непрерывно на протяжении всей истории его развития: одни названия выходят из употребления, другие появляются в языке, третьи подвергаются семантическим изменениям. На сегодняшний день цветообозначения в башкирском языке представлены количеством ≈ 979 языковых единиц разных по происхождению, структуре и образованию. Учитывая непрерывное образование колоративов, этот подсчет является приблизительным.

3. С точки зрения происхождения башкирские цветообозначения подразделяются на исконные и заимствованные. Из 28 непроеводных цветообозначений 19 названий (68%) являются исконно тюркскими лексемами, из них десять лексем восходят к пратюркским основам, девять названий имеют общетюркское происхождение. Заимствования составляют девять названий (32%): шесть лексем являются монголизмами, две лексемы – персизмами, одна лексема – арабизмом. Собственно башкирские цветообозначения главным образом представлены производными названиями.

4. К пратюркскому пласту относятся лексические единицы, характерные для праязыка до отделения болгарской группы от общей массы тюрков (III в. до н. э.) и встречающиеся во всех подгруппах тюркских языков. Следующие цветообозначения башкирского языка восходят к пратюркским основам: **кара** ‘черный’ (ПТю. **Kara* ‘черный’); **һоро** ‘серый’ (ПТю. **sūr* ‘серый, бурый’); **кызыл** ‘красный’ (ПТю. **Kiř-il* ‘красный’); **һары** ‘желтый’ (ПТю. **siāriğ* ‘желтый, белый’); **күк** ‘синий’ (ПТю. **gōk* ‘синий, зеленый (макросиний)’); **куңыр** ‘бурый, темно-коричневый’ (ПТю. **Коңур* ‘бурый’); **ала** ‘пегий’ (ПТю. **āla* ‘пестрый’); **ерән** ‘рыжий’ (ПТю. **jēgre-n* ‘рыжий (о масти лошади); олень, джейран, антилопа’); **кола** ‘саврасый, буланный’ (ПТю. **Kula* ‘желтый, саврасый’); **туры** ‘гнедой’ (ПТю. **tōruu* ‘гнедой’).

5. Исконные цветообозначения, характерные для ветви языков, образовавшейся после отделения болгар от пратюркской общности, считаются общетюркскими. Общетюркские лексемы обычно встречаются в двух или более подгруппах тюркских языков. К общетюркскому пласту лексики относятся следующие цветообозначения башкирского языка: **ак** ‘белый’ (ПТю. **Āk* ‘белый’); **буз** ‘сивый, серый’ (ПТю. **boř* ‘серый’); **йәшел** ‘зеленый’ (ПТю. **jāl-il* ‘зеленый’); **ал** ‘алый, розовый’ (ПТю. **Āl* ‘красный, алый’); **сәгер** ‘светло-голубой, зеленовато-голубой’ (ПТю. **čakir* ‘светло-серый, серовато-голубой’); **сыбар** ‘пестрый’ (ПТю. **šorur, šar-* ‘пестрый, рябой; непородистый, неряшливый; высыпать (о сыпи, чирьях)’); **коба** ‘светло-желтый, бледно-бурый, палевый’ (ПТю. **Kuba / *Koba* ‘желтоватый, сероватый’); **сал** ‘седой, светло-серый; чалый’ (ПТю. **čĀl* ‘серый, седой’); **таргыл** ‘полосатый’ (ПТю. **d(i)ār* ‘узкий’ + *-yil*).

6. К монголизмам в башкирском языке относятся шесть названий мастей лошади, которые являются результатом контактов тюрков с монгольскими скотоводами: **көрән** ‘коричневый’ (монг. < ПМо. **küre-* (**küri*) ‘коричневый, бурый’); **сантар** ‘игрневый’ (монг. < ПМо. **čabidar* ‘желтоватый, игрневый’); **бурыл** ‘чалый, серый’ (монг. < ПМо. **buçurul* ‘серый, седой’); **бүртә** ‘караковый’ (позднемонг. *börtü* ≈ *börte* ‘пестрый, с пятнами, пестрый, в крапинку; серый’); **кир**

‘мухортый’ (монг. < ПМо. **kehere* ‘гнедой’); *тарлан* ‘(серый, сивый) с примесями другого цвета’ (монг. *тарлан* ‘пестрый, крапчатый; пятнистый (о крупном рогатом скоте, птицах)’). Название масти лошади *көрән* ‘коричневый’ в современном башкирском языке расширило свою семантику и употребляется по отношению к цвету широкого круга предметов, в том числе артефактов.

7. Персизмы в башкирском языке появились в результате торговых отношений тюрков и персов, арабизмы – через книжный язык: *зәңгәр* ‘голубой’ (перс. زنگار [zäŋgar] ‘ярь-медянка; ржавчина’ или زنگاری [zäŋgari] ‘желто-зеленый’), *шәмахә* ‘фиолетовый’ (перс. شماخی [šämaχi] ‘цвет шамаханских шелковых тканей’ < ‘сделанный в городе Шамахи’), *хәнәүәт* ‘оранжевый’ (араб. حنة [henāt] < حناء [hena] ‘хна’). Из них цветообозначение *зәңгәр* ‘голубой’ входит в активный словарный состав современного башкирского языка, а его производные широко употребляются в устной и письменной речи (напр., *зәңгәрһыу* ‘голубоватый’, *зәңгәрләнеү / зәңгәрәйеү* ‘голубеть, становиться голубым’ и др.). Названия *шәмахә* ‘фиолетовый’ и *хәнәүәт* ‘оранжевый’ еще не получили широкого применения в башкирском языке – они характерны в основном для книжного стиля.

8. Значения цветообозначений могут быть пратюркскими, общетюркскими, пракрыпчакскими, ареальными и собственно башкирскими. Пратюркские и общетюркские значения башкирских цветообозначений составляют большое количество и характерны для исконных названий цвета. Ареальные, пракрыпчакские и собственно башкирские значения в системе башкирских цветоименований наблюдаются в незначительном количестве, что свидетельствует о том, что башкирский язык отделился от других тюркских языков в более позднее время, и лексика башкирского языка в семантическом плане в основном развивалась в едином общетюркском русле.

9. Пратюркские лексемы являются более устойчивыми в тюркских языках, они почти во всех из них, в том числе и в башкирском, сохранились в своем первоначальном значении. Например, во всех тюркских языках рефлексy ПТю.

Kara* ‘черный’ (напр., башк. *кара*, туркм. *гара*, узб. *қора*, хак. *хара*, чув. *хура*) обозначают **черный цвет; ПТю **tōruy* ‘гнедой’ (напр., башк. *туры*, гаг. *доору*, уйг. *торуқ*, тув. *доруг*, чув. *турă*) – **гнедую** масть лошади. В то же время в современных языках можно заметить семантический сдвиг некоторых цветообозначений. Например, ПТю. **gōk* ‘синий, зеленый (макросиний)’ сохранилось для **синего** цвета во всех тюркских языках (напр., башк. *күк*, аз. *göy*, узб. *кўк*, як. *күөх*, чув. *кăвак*); а его значения ‘голубой’, ‘зеленый’ в тех или иных языках были вытеснены другими словами (напр., башк. *йәшел* ‘зеленый’ < ПТю. **jāl-il*; башк. *зәңгәр* ‘голубой’ < перс.; тув. *ногаан* ‘зеленый’ < монг.; туркм. *мавы* ‘голубой’ < араб.).

10. К общетюркским относятся соответственно значения лексем общетюркского пласта (напр., значение ‘белый’ ПТю. **Āk* выявлено во всех тюркских языках, кроме чув. и як.), а также некоторые значения цветоименований пратюркского пласта (напр., значение ‘смуглый’ ПТю. **Koңur* ‘бурый’ обнаружено во всех подгруппах тюркских языков, но не отмечено в болгарской). Некоторые общетюркские лексемы в современных языках также подверглись семантическим изменениям: напр., ПТю. **boŕ* ‘серый’ в отдельных языках употребляется как **основная лексема для серого цвета** (гаг. *боз түўүлү йабаны* ‘серый волк’, аз. *boz buludlar* ‘серые тучи’), в то время как в других языках ее значение сузилось – она стала применяться предпочтительно для обозначения **масти лошади, окраски животных и птиц** (напр., башк. *буз ат*, ккалп., кирг. *боз ат* ‘сивая лошадь’).

11. Значения цветообозначений, встречающиеся только в кыпчакской подгруппе тюркских языков, нами выделены как пракыпчакские. Как правило, такие значения лексем являются вторичными. Например, ПТю. **jēgre-n* ‘рыжий (о масти лошади); олень, джейран, антилопа’ в кыпчакских языках расширило свою семантику и употребляется для обозначения **рыжего цвета волос, усов, бороды**. Практикыпчакским является также рефлекс ПТю. **siārīg* ‘желтый, белый’ на -w, который наблюдается в кыпчакских языках в значении ‘желчь, изжога’ (башк.

һарыу, ног. *сарув*, кбалк. *сарыу*).

12. Некоторые значения названий цвета пратюркского, общетюркского, а также заимствованного происхождения носят ареальный характер. Например, значение **‘коричневый (об артефактах)’** монгольского *küren* ‘коричневый’ наблюдается в тюркских языках Урало-Поволжья (в кыпчакских), Западной и Южной Сибири (тогда как в других языках этим словом обозначается исключительно масть лошади); значение **‘голубой’** ПТю. **gōk* ‘синий, зеленый (макросиний)’ характерно для тюркских языков Средней Азии, Северного Кавказа и Сибири (изоглосса, характеризующая наличие данного значения, тянется по центру ареала распространения тюркских языков узкой полосой с запада на восток; при этом внешнему воздействию – проникновению заимствований для голубого – были подвергнуты языки, находящиеся по краям ареала) и др.

13. Собственно башкирские значения названий цвета главным образом обнаруживаются в диалектах и говорах, напр.: значение **‘фиолетовый’** лексемы *көрән* ‘коричневый’ встречается в среднем говоре, значения **‘листва’, ‘полдень’** цветообозначения *һары* ‘желтый’ – в восточном диалекте башкирского языка.

14. В структурно-словообразовательном плане башкирские колоративы представлены следующим образом: 28 непроеводных слов, 97 производных названий (со значением степени проявления признака) и 854 аналитических цветообозначения.

15. Непроеводные цветообозначения в башкирском языке представляют собой однословные (простые) лексические единицы и составляют: а) 13 названий основных цветов (напр., *һоро* ‘серый’, *кызыл* ‘красный’); б) три названия оттенков цветов (*ерән* ‘рыжий’, *сәгер* ‘светло-голубой, зеленовато-голубой’, *куңыр* ‘бурий, темно-коричневый’); в) два названия смешанных цветов (*ала* ‘пегий’, *сыбар* ‘пестрый’); г) десять названий мастей лошади (напр., *кир* ‘мухортый’, *бүртә* ‘караковый’).

16. Производные цветообозначения со значением полной или неполной степени проявления признака выражают признаки ослабления или усиления

качества и обозначают оттенки цвета по насыщенности (74 названия) и светлоте (20 названий).

Производные со значением неполной степени проявления признака образуются от прилагательных цвета, одного «нецветового» прилагательного, четырех существительных синтетическим способом – аффиксацией (ЦО + аффикс): напр., *һар-һылт* ‘желтоватый’, *көрән-һыу* ‘коричневатый’, *кыуһыл* ‘светло-желтый, бледно-рыжий’ (< прил. *кыу* ‘сухой, высохший (о траве)’), *канһыу* ‘красноватый’ (< сущ. *кан* ‘кровь’) (всего 58 названий).

Производные со значением полной степени проявления признака образуются синтетическим (редупликацией: *кап-кара* ‘черный-пречерный’, *йәп-йәшел* ‘зеленый-презеленый’; всего 17 названий) и аналитическим (частица + ЦО: *сылт кызыл* ‘ярко-красный, совершенно-красный’, *сем күк* ‘синий-пресиний’; всего 22 названия) способами.

17. Большая часть аналитических форм цветообозначений выражают оттенки по цветовому тону (550 названий); далее идут оттенки по насыщенности (155 названий); оттенки по светлоте (138 названий); основные цвета (11 названий).

Аналитические цветообозначения (сочетания двух или более слов) образуются по следующим моделям:

– ЦО + ЦО: *йәшкелт һары* ‘зеленовато-желтый’, *караһыу күк* ‘темно-синий’ (580 названий);

– прил. + ЦО: *куйы зәңгәр* ‘густо-голубой’, *тонок ал* ‘тускло-розовый’ (86 названий);

– сущ. + ЦО: *балауыз һары* ‘палевый, букв. желтый как воск’, *бакыр ерән* ‘рыжий, как медь’ (25 названий);

– сущ. + показатель сравнения + ЦО: *муйыл кеүек кара* ‘черный, как черемуха’, *ут кеүек ерән* ‘рыжий, как огонь’ (109 названий);

– (ЦО +) сущ. + *төҗәндәге*: *кан төҗәндәге* ‘цвета крови’, *зәңгәр күк төҗәндәге* ‘цвета голубого неба’ (54 названия).

Названия предметов-эталонов, применяемые в аналитических конструкциях, во-первых, называют предмет, с которым ассоциируется цвет в языковом сознании народа, во-вторых, отражают прежде всего специфику окружающей его среды, образа жизни, хозяйства, быта и др. (напр., *кургаши* ‘свинец’, *етен* ‘лен’, *муйыл* ‘черемуха’, *күгәрсен* ‘голубь’, *һалам* ‘солома’, *кымыз* ‘кумыс’, *казан* ‘казан’).

18. Анализ текстов тюркских письменных памятников показал, что в современном башкирском языке функционируют 17 непроизводных цветообозначений из древнетюркских памятников, два названия цвета – из среднетюркских, семь цветоименований – из новотюркских. Два цветообозначения в башкирском языке появились позже – они встречаются только в современных текстах.

19. Изучение цветообозначений в текстах башкирского фольклора позволило выявить ключевые аспекты их употребления: из 28 непроизводных цветообозначений десять обладают выраженной символической семантикой (*һары* ‘желтый’ – символ тоски), девять названий цвета выступают этномаркерами (*ак тирмә* ‘белая юрта’ – гостевая юрта), семь названий участвуют в создании сакральных образов (*күк буре* ‘сивый волк’ – тотемное животное).

20. Материалы электронных корпусов текстов и баз данных башкирского языка позволили определить: а) типы лексической семантики цветообозначений, б) особенности их сочетаемости с определяемыми словами, в) жанрово-стилевую и частотную характеристики их употребления.

21. Нами были выделены немотивированные и мотивированные значения башкирских колоративов. Немотивированные значения характерны для всех цветообозначений и заключаются в обозначении ими цвета, света и масти (напр., *һары* ‘желтый’, ‘светлый’, ‘соловый’). Мотивированные значения носят вторичный характер и могут обозначать стороны света (напр., *күк* ‘запад, западный’), социальную иерархию (напр., *акһөйәк* ‘аристократ, голубая кровь,

букв. белая кость'), сильную степень проявления качества (*кара һыуык* 'сильный мороз, букв. черный мороз') и т.д. Вторичные (мотивированные) значения цветолексем главным образом связаны с основной характеристикой цветов ('красный' → 'яркий': *үтә кызыл тиз уңа* 'букв. слишком красный быстро выцветает'; 'зеленый' → 'свежий', 'молодой': *йәшел үлән* 'молодая трава, букв. зеленая трава').

Составленный рейтинг колоративов по количеству значений показывают следующее: многозначность характерна для таких исконных цветообозначений, как *кара* 'черный' (36 значений), *ак* 'белый' (24 значения), *һары* 'желтый' (22 значения), по одному значению имеют поздние заимствования (*шәмәхә* 'фиолетовый', *хәнәүәт* 'оранжевый') и шесть названий мастей лошади (*туры* 'гнедой', *сантар* 'игренивый', *бурыл* 'чалый, серый', *бүртә* 'караковый', *кир* 'мухортый', *тарлан* '(сивый, серый) с примесями другого цвета').

22. Башкирские колоративы могут сочетаться со словами следующих лексико-семантических групп существительных: человек (глаза, кожа и лицо, волосяной покров, зубы, губы, кровь), животный мир, растения и плоды, горные породы и минералы, небо и небесные тела, ландшафт, стихии, материи, атмосферные явления, время и календарь, болезни, пища, еда, абстрактные понятия. Высокая сочетаемость свойственна цветообозначениям *кара* 'черный' (сочетается с названиями, относящимися к 11 лексико-семантическим группам), *ак* 'белый' (10), *һары* 'желтый' (10), *кызыл* 'красный' (9), а более низкой сочетаемостью характеризуются заимствования *шәмәхә* 'фиолетовый', *хәнәүәт* 'оранжевый' и шесть названий мастей лошади.

23. Данные электронных корпусов прозы, поэзии и публицистики выявляют определенную частотность употребления цветообозначений. Во всех рассматриваемых текстах наиболее употребляемыми оказались лексемы: *кара* 'черный' (25% из всех ЦО – в прозе, 29% – в публицистике, 23% – в поэзии), *ак* 'белый' (22% из всех ЦО – в прозе, 26% – в публицистике, 31% – в поэзии). Малоупотребительными оказались колоративы *хәнәүәт* 'оранжевый' (всего одно

употребление в публицистике) и *таргыл* 'полосатый' (по два употребления в прозе и публицистике).

24. Анализ языкового материала показывает, что лексические значения, семантическая сочетаемость и частота употребления цветообозначений взаимосвязаны: чем больше значений у слова, чем выше у него сочетаемость и частота употребления в текстах. Наибольшим количеством всех трех характеристик выделились цветообозначения *кара* 'черный', *ак* 'белый', которые называют первостепенные ахроматические цвета, широко распространенные в природе, и имеют дополнительные значения; наименьшим – *ханәүәт* 'оранжевый', являющийся поздним заимствованием в башкирском языке, и названия мастей лошади, отличающиеся ограниченной лексической сочетаемостью.

25. Цветообозначения башкирского языка, как и другие лексические классы слов, отражают историю развития языка, давая информацию о времени появления слов, лингвистических контактах носителей языка, национально-культурном мировидении народа и др. Каждое название цвета как неотъемлемая часть словарного состава языка к сегодняшнему дню прошло свой путь развития, предопределяющий формирование новых оттенков значений, сочетаемость с определяемыми словами и их функционирование в языке.

В дальнейшем перспективным представляется изучение цветообозначений башкирского языка на фоне урало-алтайских языков, а также с позиций лингвистической типологии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

антроп. – антропоним

букв. – буквально

в. – век

вв. – века

г. – год

гг. – годы

гл. – глагол

гов. – говор

диагр. – диаграмма

диал. – диалект

др.-уйг. – древнеуйгурские памятники

др.-уйг. рун. – древнеуйгурские рунические памятники

ен. – енисейские памятники

заимств. – заимствование

и др. – и другие

ист. – исторический термин

и т. д. – и так далее

и т. п. – и тому подобное

крх.-уйг. – караханидско-уйгурские памятники

лит. – литературный язык

ЛСГ – лексико-семантическая группа

напр. – например

новотюрк. – новотюркские памятники

орх. – орхонские памятники

парн. – парные слова

перен. – переносное значение

погов. – поговорка

подгов. – подговор

посл. – пословица

поэт. – поэтическое слово или выражение

пр. – прямое значение

прил. – имя прилагательное
 р. – река
 разг. – разговорное слово или выражение
 см. – смотрите
 собир. – собирательное существительное
 соотв. – соответствует
 ср. – сравните
 ср.-кыпч. – среднекыпчакские памятники
 ср.-монг. – среднемонгольские памятники
 ср.-уйг. – среднеуйгурские памятники
 суц. – имя существительное
 табл. – таблица
 топ. – топоним
 уст. – устаревшее слово
 хрз.-тюрк. – хорезмско-тюркские памятники
 ЦО – цветообозначение
 яз. – язык

Языки и диалекты

аз. – азербайджанский
 алт. – алтайский
 англ. – английский
 араб. – арабский
 башк. – башкирский
 ай. – айский говор
 арг. – аргаяшский говор
 басув. – басувский подговор среднего говора
 вост. – восточный диалект
 демск. – демский говор
 ик.-сакм. – ик-сакмарский говор
 инзер. – инзерский подговор среднего говора
 иргизо-кам. – иргизо-камеликский говор
 караид. – караидельский говор

кызыл. – кызыльский говор
 миас. – миасский говор
 сальют. – сальютский говор
 сев.-зап. – северо-западный диалект
 средн. – средний говор
 среднеур. – среднеуральский говор
 танып. – таныпский говор
 тук-соран. – тук-соранский говор
 уршак. – уршакский говор
 южн. – южный диалект

белорус. – белорусский
 булг. – болгарские языки
 бур. – бурятский
 валл. – валлийский
 венг. – венгерский
 гаг. – гагаузский
 гр. – греческий
 дагур. – дагурский
 др.-инд. – древнеиндийский
 др.-русск. – древнерусский
 др.-тюрк. – древнетюркский
 дунг. – дунганский
 инд.-евр. – индоевропейские языки
 ирл. – ирландский
 исп. – испанский
 каз. – казахский
 калм. – калмыцкий
 караим. – караимский
 карлук. – карлукские языки
 кбалк. – карачаево-балкарский
 кирг. – киргизский
 кирг. сев. – северный диалект киргизского языка

- кирг. южн. – южный диалект киргизского языка
кирг.-кыпч. – киргизско-кыпчакские языки
ккалп. – каракалпакский
кор. – корейский
кр.-тат. – крымскотатарский
 кр.-тат. средн. – средний диалект крымскотатарского языка
 кр.-тат. степн. – степной диалект крымскотатарского языка
кум. – кумыкский
куманд. – кумандинский
кыпч. – кыпчакские языки
мал. – малайский
маньчж. – маньчжурский
монг. – монгольские языки
нан. – нанайский
нем. – немецкий
ног. – ногайский
огузск. – огузские языки
орд. – ордосский
орок. – орокский
ороч. – ороцкий
осет. – осетинский
ПА – праалтайский
перс. – персидский
ПКор. – пракорейский
ПМо. – прамонгольский
позднемонг. – позднемонгольский
польск. – польский
ПТМ – пратунгусоманьчжурский
ПТю. – пратюркский
пушт. – пушту
ПЯп. – праяпонский
русск. – русский

сал. – саларский
сиб.-тат. – сибирскотатарский
среднекор. – среднекорейский
солон. – солонский
сюг. – сарыг-югурский
тадж. – таджикский
тат. – татарский
телеут. – телеутский
тоф. – тофаларский
туб. – тубаларский
тув. – тувинский
тунг.-маньчж. – тунгусо-маньчжурские языки
тур. – турецкий
туркм. – туркменский
тюрк. – тюркские языки
удэг. – удэгейский
узб. – узбекский
уйг. – уйгурский
уйг.-огузск. – уйгуро-огузские языки
ульч. – ульчский
франц. – французский
хак. – хакасский
халадж. – халаджский
халх.-монг. – халха-монгольский
чув. – чувашский
шор. – шорский
эвен. – эвенский
эвенк. – эвенкийский
як. – якутский
яп. – японский

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Книги, монографии, учебники, учебные пособия

1. Азнабаев, А.М., Псянчин, В.Ш. Историческая грамматика башкирского языка / А.М. Азнабаев, В.Ш. Псянчин. – Уфа: издательство Башкирского университета 40-летия Октября, 1983. – 244 с.
2. Айдаров, Г. Язык орхонского памятника Бильге-Кагана / Г. Айдаров. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 93 с.
3. Айдаров, Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII в. / Г. Айдаров – Алма-Ата: Наука, 1971. – 380 с.
4. Алимбиева, Р.В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы: На материале прилагательных цветообозначений русского языка / Р.В. Алимбиева. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 177 с.
5. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
6. Ахметьянов, Р.Г. Обрщая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья / Р.Г. Ахметьянов. – М.: Наука, 1989. – 220 с.
7. Базыма, Б.А. Психология цвета. Теория и практика / Б.А. Базыма. – СПб.: Речь, 2005. – 208 с.
8. Баскаков, Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение / Н.А. Баскаков. – М.: Наука, 1981. – 135 с.
9. Батманов, И.А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности / И.А. Батманов. – Фрунзе: изд-во АН Кирг. ССР, 1959. – 218с.
10. Бахилина, Н.Б. История цветообозначений в русском языке / Н.Б. Бахилина. – М.: Наука, 1975. – 288 с.
11. Бухарова, Г.Х. Мифопоэтическая картина мира в башкирской топонимии / Г.Х. Бухарова. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2003. – 152 с.
12. Бухарова, Г.Х. Башкирский народный эпос «Урал-батыр»: когнитивно-

дискурсивный и концептуальный анализ / Г.Х. Бухарова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – 352 с.

13. Василевич, А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте: На материале цветообозначения в языках разных систем / А.П. Василевич. – М.: Наука, 1987. – 138 с.

14. Василевич, А.П. Цвет и названия цвета в русском языке / А.П. Василевич, С.Н. Кузнецова, С.С. Мищенко. – М.: Издательство ЛКИ, 2014. – 216 с.

15. Вахитова, А.Г. Башкирско-монгольские языковые связи (на материале лексики) / А.Г. Вахитова. – Уфа: Гилем, 2009. – 216 с.

16. Владимирцов, Б.Я. Работы по монгольскому языкознанию / Б.Я. Владимирцов. – М.: Восточная литература, 2005. – 952 с.

17. Габышева, Л.Л. Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов) / Л.Л. Габышева. – М., 2003. – 188 с.

18. Гарипова, Ф.Г. Исследования по гидронимии Татарстана / Ф.Г. Гарипова. – М.: Наука, 1991. – 294 с.

19. Гаркавец, А.Н. Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский / А.Н. Гаркавец. – Алма-Ата: изд-во «Наука» АН КазССР, 1987. – 223 с.

20. Грамматика башкирского языка. В трех томах. Т. III. Синтаксис. – Уфа: Китап, 2018. – 472 с. (на башк. яз.).

21. Грамматика современного башкирского литературного языка / А.А. Юлдашев. – М.: Наука, 1981. – 495 с.

22. Дильмухаметов, М.И. Говор среднеуральских башкир / М.И. Дильмухаметов. – Уфа: Гилем, 2006. – 191 с.

23. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка / Н.К. Дмитриев. – М.: Наука, 2008. – 264 с.

24. Дыбо, А.В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: Соматические термины (плечевой пояс) / А.В. Дыбо. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 390 с.

25. Дыбо, А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд: пратюркский период / А.В. Дыбо. – М.: Восточная литература РАН, 2007. – 223 с.
26. Жаркынбекова, Ш.К. Цвет – сознание – менталитет: реконструкция цветовой картины мира в казахской и русской лингвокультурах / Ш.К. Жаркынбекова. – Астана, 2011. – 187 с.
27. История башкирского народа. В 7 т. / Гл. ред. М.М. Кульшарипов. Т. 2. – Уфа: Гилем, 2012. – 416 с.
28. Ишбердин, Э.Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка / Э.Ф. Ишбердин. – М.: Наука, 1986а. – 152 с.
29. Камалов, А.А. Башкирская топонимия / А.А. Камалов. – Уфа: Китап, 1994. – 304 с.
30. Кезина, С.В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект). 2-е изд., испр. и доп. / С.В. Кезина. – Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2008. – 304 с.
31. Кейекбаев, Ж.Ф. Башкорт теленең фонетикаһы: Тасуири һәм сағыштырма-тарихи тикшеренеү тәҗрибәһе / Ж.Ф. Кейекбаев. – Өфө: Китап, 1958. – 212 б.
32. Киекбаев, Дж.Г. Введение в урало-алтайское языкознание / Дж.Г. Киекбаев. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1972. – 151 с.
33. Киекбаев, Дж.Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков / Дж.Г. Киекбаев. – Уфа: Китап, 1996. – 368 с.
34. Комарова, З.И. Лингвоцветовая картина мира: ахроматический фрагмент / З.И. Комарова, М.Б. Талапина. – Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета, 2011. – 220 с.
35. Кондратьев, В.Г. Очерк грамматики древнетюркского языка / В.Г. Кондратьев. – Л.: изд-во Ленингр.ун-та, 1970. – 65 с.
36. Кононов, А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. / А.Н. Кононов. – Л.: Наука, 1980. – 256 с.

37. Кормушин, И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования / И.В. Кормушин. – М.: Наука, 1997. – 303 с.
38. Котвич, В. Исследования по алтайским языкам / В. Котвич. – М.: Издательство иностранной литературы, 1962. – 371 с.
39. Котов, В.Г. Башкирский эпос «Урал-батыр». Историко-мифологические основы / В.Г. Котов. – Уфа: Гилем, 2006. – 408 с.
40. Красников, А.С. Экстерьер лошади / А.С. Красников. – М.: Изд-во Либроком, 2011. – 352 с.
41. Кульпина, В.Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках / В.Г. Кульпина. – М.: Московский лицей, 2001. – 470 с.
42. Курьшжанов, А.К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. – Тюркско-арабского словаря / А.К. Курьшжанов. – Алма-Ата: Наука, 1970. – 234 с.
43. Левин, Г.Г. Лексико-семантические параллели орхонско-тюркского и якутского языков (в сравнительном плане с алтайским, хакасским и тувинскими языками) / Г.Г. Левин. – Новосибирск: Наука, 2001. – 190 с.
44. Майзина, А.Н. Семантическое поле цветообозначений в алтайском языке (в сопоставлении с монгольским языком) / А.Н. Майзина. – Горно-Алтайск: Науч.-исслед. ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2008. – 263 с.
45. Максютлова, Н.Х. Восточный диалект башкирского языка / Н.Х. Максютлова. – М.: Наука, 1976. – 292 с.
46. Максютлова, Н.Х. Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении / Н.Х. Максютлова. – Уфа: Китап, 1996. – 285 с.
47. Медведев, В.Ю. Цветоведение и колористика: учебное пособие (курс лекций) / В.Ю. Медведев. – СПб: ИПЦ СПГУТД, 2005. – 116 с.
48. Миржанова, С.Ф. Южный диалект башкирского языка / С.Ф. Миржанова. – М.: Наука, 1979. – 272 с.
49. Миржанова, С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка / С.Ф. Миржанова. – Уфа: Башк.кн.изд-во, 1991. – 296 с.

50. Миржанова, С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка / С.Ф. Миржанова. – Уфа: Китап, 2006. – 296 с.
51. Миронова, Л.Н. Цветоведение: учеб. пособие / Л.Н. Миронова. – Минск: Высшая школа, 1984. – 286 с.
52. Мурзаев, Э.М. Очерки топонимики / Э.М. Мурзаев. – М.: Мысль, 1974. – 382 с.
53. Надергулов, У.Ф. Животноводческая лексика башкир / У.Ф. Надергулов. – Уфа: Гилем, 2000. – 186 с.
54. Насилов, В.М. Язык орхоно-енисейских памятников / В.М. Насилов. – М.: Издательство восточной литературы, 1960. – 88 с.
55. Насилов, В.М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI–XV вв. / В.М. Насилов. – М.: Наука, 1974. – 102 с.
56. Норманская, Ю.В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках / Ю.В. Норманская. – М.: С&К, 2005. – 379 с.
57. Ольмесов, Р.Н. Сравнительно-историческое исследование хозяйственной лексики кумыкского языка (названия домашних животных и птиц) / Р.Н. Ольмесов. – Махачкала, 2004. – 200 с.
58. Очерки истории башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1989. – 256 с.
59. Подосинов, А.В. *Ex oriente lux!* Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии / А.В. Подосинов. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 720 с.
60. Поливанов, Е.Д. Статьи по общему языкознанию / Е.Д. Поливанов. – М.: Наука, 1968. – 376 с.
61. Поливанов, Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию / Е.Д. Поливанов. – М.: Наука, 1991. – 623 с.
62. Рамстедт, Г.И. Введение в алтайское языкознание / Г.И. Рамстедт. – М.: Издательство иностранной литературы, 1957. – 254 с.
63. Рассадин, В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских

тюркских языках / В.И. Рассадин. – М.: Наука, 1980. – 115 с.

64. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2008. – 416 с.

65. Самситова, Л.Х. Культурные концепты в башкирской языковой картине мира / Л.Х. Самситова. – Уфа: Гилем, 2015а. – 360 с.

66. Самситова, Л.Х. Безэквивалентная лексика башкирского языка / Л.Х. Самситова. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2018. – 164 с.

67. Семби, М.К. Память земли тюрко-монгольской / М.К. Семби. – Алматы: КазНИИК, 2013. – 296 с.

68. Серов, Н.В. Хроматизм мифа / Н.В. Серов. – Л.: Васильевский остров, 1990. – 352 с.

69. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 2001. – 822 с.

70. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 560 с.

71. Старостин, С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка / С.А. Старостин. – М.: Наука, 1991. – 190 с.

72. Тенишев, Э.Р. Строй саларского языка / Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1976. – 576 с.

73. Тер-Минасова, С.Г. Межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

74. Толстов, С.П. Древний Хорезм: Опыт историко-археологического исследования / С.П. Толстов. – М.: Изд-во МГУ, 1948. – 352 с.

75. Тюнтешева, Е.В. Человек и его мир в зеркале фразеологии (на материале тюркских языков сибери, казахского и киргизского) / Е.В. Тюнтешева. – Новосибирск: Любава, 2006. – 225 с.

76. Улаков, М.З. Письменные памятники тюркских языков как источник истории современного карачаево-балкарского языка / М.З. Улаков, А.А. Чеченов. – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2001. – 52 с.

77. Уртегешев, Н.С. Шорский национальный костюм, орнамент / Н.С. Уртегешев. – Абакан: Новосибирский региональный общественный фонд сохранения культуры хакасов «Ал Хоорай». – 2020. – 68 с.
78. Усманова, М.Г. Имя отчей земли: историко-лингвистическое исследование топонимии бассейна реки Сакмар / М.Г. Усманова. – Уфа: Китап, 1994. – 272 с.
79. Фрумкина, Р.М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа / Р.М. Фрумкина. – М.: Наука, 1984. – 176 с.
80. Фрумкина, Р.М. Психолингвистика / Р.М. Фрумкина. – М.: издательский центр «Академия», 2001. – 320 с.
81. Хабибуллина, З.А. Древнетюркские названия животного мира в современном башкирском языке / З.А. Хабибуллина. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. – 152 с.
82. Хадыева, Р.Н. Башкирская этнокультура и язык: Опыт воссоздания языковой картины мира / Р.Н. Хадыева. – М.: Наука, 2005. – 244 с.
83. Халикова, Р.Х. Язык башкирских шежере и актов документов XVIII–XIX вв. / Р.Х. Халикова. – М.: Наука, 1990. – 198 с.
84. Шафиков, С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц / С.Г. Шафиков. – Уфа, 1999. – 120 с.
85. Шиффман, Х.Р. Ощущение и восприятие. 5-е изд. / Х.Р. Шиффман. – СПб.: Питер, 2003. – 928 с.
86. Щербак, А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из Восточного Туркестана / А.М. Щербак. – М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, Ленинградское отделение, 1961а. – 204 с.
87. Щербак, А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: имя / А.М. Щербак. – Л.: Наука, 1977. – 190 с.
88. Щербак, А.М. Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков / А. М. Щербак. – СПб.: Наука, 2005. – 195 с.
89. Ягафарова, Г.Н. Исследование тематических групп башкирской

лексики (ономасиологический подход) / Г.Н. Ягафарова. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. – 127 с.

90. Яньшин, П.В. Эмоциональный цвет: Эмоциональный компонент в психологической структуре цвета / П.В. Яньшин. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1996. – 218 с.

91. Яруллина, У.М. Лексика демского говора башкир / У.М. Яруллина. Уфа, 2009. 167 с.

92. Agoston, G.A. Color theory and its application in art and design / G.A. Agoston. – Berlin: Springer-Verlag, 1987. – 286 p.

93. Berlin, B. Basic color terms. Their universality and evolution / B. Berlin, P. Kay. – Berkley and Los Angeles: The University of California Press, 1969. – 178 p.

94. Biggam, C.P. Blue in Old English: Interdisciplinary semantic study / C.P. Biggam. – Amsterdam: Rodopi, 1997. – 333 p.

95. Birren, F. Color psychology and color therapy: A factual study of the influence of color on human life / F. Birren. – New York: University books, 1961. – 302 p.

96. Doerfer, G. Türkische Elemente in Neupersischen / G. Doerfer. – Wiesbaden: Steiner, 1967. – 670 p.

97. Doerfer, G. Lexik und Sprachgeographie des Chaladsch. T. 1 / G. Doerfer. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1987. – 213 p.

98. Erdal, M. Old Turkic Word Formation: a functional approach to the lexicon. Vol. I / M. Erdal. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1991. – 874 p.

99. Erdal, M. A grammar of Old Turkic / M. Erdal. – Leiden: Brill, 2004. – 575 с.

100. Laude-Cirtautas, I. Der Gebrauch der Farbbezeichnungen in der Türkdialekten / I. Laude-Cirtautas. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1961. – 137 s.

101. Osgood, Ch.E. The measurement of meaning / Ch.E. Osgood, G.J. Suci, P.H. Tannenbaum. – Urbana: University of Illinois Press, 1957. – 342 p.

102. Rozycki, M. Mongol elements in Manchu. Indiana University Uralic and Altaic Series. Vol. 157 / M. Rozycki. – Bloomington (Indiana), 1994. – 255 p.

103. Schwertner, E. Eine sprachgeschitliche Untersuchung über Gebrauch und die Bedeutung altgermanischer Farbenbezeichnungen / E. Schwertner. – Berlin, 1915.

104. Wyler, S. Colour and Language. Colour Terms in English / S. Wyler. – Tübingen: Gunter Narr, 1992. – 203 p.

Статьи

105. Абжапарова, М.Д. Значение цветоименований в казахском языке в сравнении с алтайским, татарским, английским и русским языками / М.Д. Абжапарова // Вестник НГУ. Серия: История и филология. Выпуск: Филология. – Т. 17. – № 2. – Новосибирск, 2018. – С. 115–122.

106. Абжапарова, М.Д. Способы словообразования цветообозначений в казахском, алтайском и русском языках (на примере ахроматических цветов) / М.Д. Абжапарова, Н.Н. Широбокова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4. – С. 49–56.

107. Айдаров, Г. Имя прилагательное в языке орхонской письменности VIII в. / Г. Айдаров // Известия АН Каз. ССР. Серия общественных наук. – 1965. Вып. 1. – С. 62–67.

108. Айтмуратов, Д. Этноним “кара-кытай” / Д. Айтмуратов // Вестник Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР. – 1988. – № 3. – С. 72–76.

109. Алимбиева, Р.В. Развитие смысловых отношений в лексико-семантической группе прилагательных синего тона в русском литературном языке (40-70-х гг. XX в.) / Р.В. Алимбиева // Исследования по исторической семантике. – Калининград: Изд-во КГУ, 1980. – С. 90–102.

110. Алимбиева, Р.В. Становление лексико-семантических групп цветowych прилагательных в русском языке первой половины XIX в. / Р.В. Алимбиева // Вопросы семантики: Исследования по исторической семантике. – Калининград:

Изд-во КГУ, 1982. – С. 49–60.

111. Андреева-Васина, Н.И. Прилагательное красный в русских народных говорах (материалы к характеристике функционирования слова) / Н.И. Андреева-Васина // Диалектная лексика. 1975. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. – С.115–120.

112. Афанасьева, Е.Н. Развитие семантики цветообозначений үрүн и манган в якутском языке как свидетельство языковых контактов / Е.Н. Афанасьева // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – Т. 20. – № 1. – С. 45–56.

113. Ахметьянов, Р.Г. Некоторые названия лошадей в татарском языке / Р.Г. Ахметьянов // Советская тюркология. – 1975. – № 2. – С. 69-76.

114. Ахметьянов, Р.Г. К вопросу взаимодействия татарского и чувашского языков / Р.Г. Ахметьянов, И.С. Насипов // Актуальные проблемы чувашского языка и литературы. Сб. мат. Всеросс. науч.-пр. конф. – Стерлитамак: Стерлитамакская гос. пед. академия, 2004. – С. 32–44.

115. Баишев, Т.Г. Некоторые материалы по говору башкир, проживающих в Саратовской и Куйбышевской областях / Т.Г. Баишев // Вопросы башкирской филологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 136–152.

116. Бакиров, М.Х. Семантика цвета в контексте истории, искусства и художественной словесности тюрков / М.Х. Бакиров // Филология и культура. – 2015. – № 1. – С. 114–119.

117. Баскаков Н.А. О периодизации истории литературного языка «тюрки» / Н.А. Баскаков // Лингвогеография, диалектология и история языка. – Кишинев: Штинца, 1973. – С. 136–146.

118. Бачаева, С.Е. Формулы-толкования цветообозначающих имен прилагательных (на материалах песен эпоса «Джангар») / С.Е. Бачаева // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2015. – № 1. – С. 80–85.

119. Белов, А.И. Цветовые этноэидемы как объект этнопсихолингвистики /

А.И. Белов // Этнопсихоллингвистика. – М.: Наука, 1988. – С. 49–58.

120. Бижева, З.Х. Цветовые концепты / З.Х. Бижева // Адыгская языковая картина мира. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – С. 75–81.

121. Благова, Г.Ф. Антропонимия / Г.Ф. Благова // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 2001. – С. 619–723.

122. Божедонова, А.Е. Этимологическая характеристика наименований основных мастей лошади в якутском языке / А.Е. Божедонова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2019. – № 4. – С. 92–104.

123. Божедонова, А.Е. Семантика цветообозначения красный в эпических текстах (сопоставительный анализ на материале якутского олонхо и алтайских, хакасских эпосов) / А.Е. Божедонова // Мир науки, культуры и образования. – 2020. – № 6. – С. 493–494.

124. Борисова, Д.Н. К проблеме выбора термина для названия форм цветообозначения в языке / Д.Н. Борисова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2008. – № 21. – С. 32–37.

125. Борисова, И.З. Особенности номинации масти лошадей в якутском языке и их перевода на русский и французский языки / И.З. Борисова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 10. – С. 83–88.

126. Борисова, М.В. Языковая репрезентация имен цвета в якутском и русском языках / М.В. Борисова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2014. – № 37. – С. 75–83.

127. Брагина, А.А. «Цветовые» определения и формирование новых значений слов и словосочетаний / А.А. Брагина // Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1972. – С. 73–104.

128. Вагапов, А.Д. Лексика цветообозначения в чеченском языке / А.Д. Вагапов, Х.Б. Навразова // *Lingua-universum*. – 2015. – № 4. – С. 60–65.

129. Вакилова, Д.Т. Цветобозначения ак “белый” и кара “черный” в башкирской языковой картине мира // Д.Т. Вакилова, Г.Р. Абдуллина // Вестник Башкирского университета. – 2022. – Т. 27. – № 1. – С. 217–222.

130. Валиева М.Р. Номинативная функция колористической лексики в башкирском словообразовании / М.Р. Валиева // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Труды и материалы Международной конференции. Т. 2. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2017а. – С. 42–46.

131. Валиева, М.Р. Цветоведение и глаголообразующие наименования цветов в башкирских народных песнях / М.Р. Валиева // Филология и человек. – 2017б. – № 3. – С. 191–199.

132. Валиева, М.Р. Поэтическая символика Уральских гор / М.Р. Валиева // Лексика башкирского песенного фольклора в этнолингвистическом освещении. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017в. – С. 216–229.

133. Валиева, М.Р. Символика цвета и ее роль в романе «Иргиз» / М.Р. Валиева // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – 2018. – № 10. С. 34–41.

134. Васильев, Ю.И. Устойчивые сравнения с цветом «белый» в якутском языке / Ю.И. Васильев // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 7. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1978. – С. 113–119.

135. Васильева, Е.Ф. Названия цвета в чувашском языке / Е.Ф. Васильева // Диалекты и топонимия Поволжья. Вып. 8. – Чебоксары: ЧГУ, 1980. – С. 145–164.

136. Вежбицкая, А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – С. 231–290.

137. Вендина, Т.И. Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков / Т.И. Вендина // Славянский альманах 1998. – М.: Индрик, 1999. – С. 277–304.

138. Габышева, Л.Л. Цвето- и зоосимволика в якутском эпосе олонхо /

Л.Л. Габышева // Советская тюркология. – 1984. – № 3. – С. 27–30.

139. Габышева, Л.Л. Символические значения имени красного цвета в языках и культуре тюркских народов / Л.Л. Габышева // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2019. – № 6. – С. 57–65.

140. Гарипова, Н.Д. К лексико-семантической характеристике персидских заимствований в башкирском языке / Н.Д. Гарипова // Башкирская лексика. – Уфа: Башкнигоиздат, 1966. – С. 25–34.

141. Гарипова, Н.Д. Персидские элементы в именах башкир / Н.Д. Гарипова // Ономастика Поволжья. – Вып. 3. – Уфа, 1973. – С. 81–85.

142. Гарипова, Н.Д. Заметки об иранских элементах в топонимике Башкирии / Н.Д. Гарипова, Т.М. Гарипов // Топонимика Востока: Новые исследования. М.: Наука, 1964. С. 185–189.

143. Гатаева, Н.З. Семантическая классификация цветообозначений в английском и русском языке / Н.З. Гатаева // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 81–3. – С. 134–137.

144. Гомбоц, З. Древние болгаро-тюркские заимствования венгерского языка / З. Гомбоц // Исследования венгерских ученых по чувашскому языку. – Чебоксары: ЧНИИ, 1985. – С. 22–42.

145. Грановская, Л.М. Наименования цвета в русском языке XVIII–XIX вв. / Л.М. Грановская // Русская речь. – 1969. – № 1. – С. 30–34.

146. Григорьев, А.А. О некоторых гидронимах Киргизии / А.А. Григорьев // Ономастика Киргизии. Вып. 1. – Фрунзе: Илим, 1985. – С. 105–111.

147. Даунене, З.П. О некоторых грамматических особенностях имен прилагательных, обозначающих цвет / З.П. Даунене, Л.В. Судавичене // Русский язык в школе. – 1971. – № 1. – С. 97–100.

148. Дашкевич, Я. Армяно-кыпчакский документ из Константинополя 1618 г. / Я. Дашкевич, Э. Трыярский // Folia Orientalia. – 1970. – Т. 11. – С. 123–137.

149. Дворецкий, И.В. Цвет одежды / И.В. Дворецкий, Т.М. Васильева // Цвет в нашей жизни: Хрестоматия по психологии (из серии «Познать человека»). – Курск: Курскинформпечать, 1993. – С. 54–70.

150. Демидов, В.Е. Палитра / В.Е. Демидов // Цвет в нашей жизни: Хрестоматия по психологии (из серии «Познать человека»). – Курск: Курскинформпечать, 1993. – С. 91–105.

151. Джушхинова, К.А. «Белая дорога» как прецедентный знак калмыцкой лингвокультуры / К.А. Джушхинова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2013. – № 2. – С. 48–52.

152. Дмитриев, Н.К. Арабские элементы в башкирском языке / Н.К. Дмитриев // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. 5. – Л., 1930.

153. Дубровская, Н.В. Особенности семантики цветообозначения «белый» в фольклорных и лексикографических материалах тазовского диалекта селькупского языка / Н.В. Дубровская, А.А. Ким-Малони // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – Вып. 4. – С. 84–89.

154. Дыбо, А.В. Вокализм раннетюркских заимствований в венгерском / А.В. Дыбо // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Bd. 32/33: Gedenkschrift für Eugen A. Helinski. – Hamburg, 2010. – S. 71–120.

155. Дыбо, А.В. Основные цветообозначения в кельтских языках / А.В. Дыбо, Т.А. Михайлова, Ю.В. Норманская // Московский лингвистический журнал. – 2002. – Т. 6. – № 1. – С. 7–52.

156. Дюпина, Ю.В. Классификации цветообозначений в лингвистической литературе / Ю.В. Дюпина, Т.В. Шакирова, Н.А. Чуманова // Молодой ученый. – 2013. – № 1. – С. 220–221.

157. Евтушевская, А.Е. Модель учебного словаря цветоименований английского языка / А.Е. Евтушевская // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2016. – № 3. – С. 78–84.

158. Зайончковский, А. Средневековые памятники кыпчакского языка /

А. Зайончковский // Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия общественных наук. – 1964. – № 2. – С. 123–128.

159. Иванов, С.М. Немного о цвете промышленного интерьера / С.М. Иванов // Цвет в нашей жизни: Хрестоматия по психологии (из серии «Познать человека»). – Курск: Курскинформпечать, 1993. – С. 34–54.

160. Иваровская, В.И. Лексическое значение цветowych прилагательных в синтагматико-парадигматическом и словообразовательном аспектах / В.И. Иваровская // Вестник СПбГУ. Сер. 2. – 1998. – С. 104–109.

161. Инандж, Э.С. Слова цветообозначения «черный» и «красный» в славянских и тюркских языках / Э.С. Инандж // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4. – Ч. III. – С. 86–92.

162. Исаев, Д. Слово «сары» в киргизских топонимах / Д. Исаев // Известия Академии наук Киргизской ССР. – 1970. – № 3. – С. 86–91.

163. Исхакова, Г.А. О названиях мастей лошадей в татарском языке / Г.А. Исхакова // Вестник Чувашского университета. – 2008. – № 3. – С. 151–154.

164. Капнина, Г.И. Концепт «цвет» в языковой картине мира / Г.И. Капнина, И.Б. Коротяева // Филология и лингвистика. – 2016. – № 1. – С. 20–23.

165. Касимов, Н.Л. Цветопись в «Слове о полку Игореве» / Н.Л. Касимов // Русская речь. – 1989. – № 4. – С. 111–114.

166. Кезина, С.В. Сравнительно-генетическая концепция развития значения: результаты и перспективы исследования / С.В. Кезина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 2. – С. 93–101.

167. Кезина, С.В. Оценочность цветолексем и ее актуализация в славянских языках / С.В. Кезина // Российский гуманитарный журнал. – 2013. – № 4. – С. 361–367.

168. Киекбаев, Дж.Г. Сингармонизм в словах, заимствованных из арабского и персидского языков / Дж.Г. Киекбаев // Учитель Башкирии. – 1957. – № 2. – С. 24–28.

169. Кляшторный, С.Г. Терхинская надпись / С.Г. Кляшторный // Советская тюркология. – 1980. – № 3. – С. 82–95.
170. Кляшторный, С.Г. Тэсинская стела / С.Г. Кляшторный // Советская тюркология. – 1983. – № 6. – С. 76–90.
171. Койчубаев, Е. Нецветовая сущность топонимических компонентов *ак, кара, сары, көк* / Е. Койчубаев // Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Тез.докл. и сообщений. – Л., 1965. – С. 185–187.
172. Кононов, А.Н. О семантике слов *қара* и *ақ* в тюркской географической терминологии / А.Н. Кононов // Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР. – 1954. – Вып. 5. – С. 83–85.
173. Кононов, А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках / А.Н. Кононов // Тюркологический сборник. 1975. – М.: Наука, 1978. – С. 159–179.
174. Кормушин И.В. Лексико-семантическое развитие корня *qa-* в алтайских языках / И.В. Кормушин // Тюркская лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1971. – С. 16–17.
175. Кормушин, И.В. Цветообозначения / И.В. Кормушин // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 2001. – С. 592–608.
176. Косых, Е.А. Система цветообозначений в русском языке (к созданию и публикации «Русской энциклопедии цвета») / Е.А. Косых // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2002. – № 2. – С. 28–34.
177. Кошкарева, Н.Б. Сколько цветов в радуге? / Н.Б. Кошкарева // Наука из первых рук. – 2018. – № 2–3. – С. 90–99.
178. Кошкарева, Н.Б. Цветообозначения в уральских языках Сибири: цвет или свет, прилагательные или глаголы? / Н.Б. Кошкарева // Критика и семиотика. – 2020. – № 2. – С. 152–166.
179. Кошкарева, Н.Б. Прилагательные-цветообозначения в роли интенсификаторов в казахском языке (в сопоставлении с тюркскими языками

Южной Сибири) / Н.Б. Кошкарева, М. Абжапарова // Сибирский филологический журнал. – 2022. – № 3. – С. 260–275.

180. Кошкарева, Н.Б. Ассоциативный эксперимент как вспомогательный метод выявления особенностей лингвоцветовой картины мира казахов / Н.Б. Кошкарева, М.Д. Абжапарова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2024. – Т. 23. – № 2. – С. 76–88.

181. Куулар, Е.М.-О. Лексемы, обозначающие масти лошадей в тувинском языке / Е.М.-О. Куулар // Мир науки, культуры и образования. – 2017. – № 6. – С. 441–443.

182. Ласынова, Н.А. Башкирские оронимы, мотивированные цветовой характеристикой орообъектов / Н.А. Ласынова // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. – № 2. – С. 955–956.

183. Лебедева, Е.А. Семантика чувашских цветowych обозначений в культурно-историческом аспекте / Е.А. Лебедева // Языки, духовная культура и история тюрков: Традиции и современность. Труды международной конференции в 3-х томах. Т.1. – Казань, 1992. – С. 115–117.

184. Лексика, репрезентирующая понятие «душа» в южносибирских тюркских языках / Е.В. Тюттешева, А.А. Озонова, О.Ю. Шагдурова, А.В. Байыр-оол // Язык и культура. – 2020. – № 52. – С. 85–109.

185. Лопатина, Н.Р. Структурно-семантические свойства объектных цветоименований и специфика их лексикографического представления в английском и русском языках / Н.Р. Лопатина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12. – С. 127–130.

186. Майзина, А.Н. Фразеологические единицы с компонентами-соматизмами и цветообозначениями в алтайском языке / А.Н. Майзина // Филология и человек. – 2009. – № 2. – С. 176–186.

187. Максимов, С.А. Чўж ўчыпи но шуисько ке..., или к символике соловья в удмуртской песенной культуре / С.А. Максимов // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2016. – Т. 10. – № 2. – С. 58–72.

188. Максютлова, Н.Х. Материалы по лексике айских башкир / Н.Х. Максютлова // Башкирская лексика. – Уфа: Башкнигоиздат, 1966. – С. 49–66.

189. Максютлова, Н.Х. Терминология коневодства у башкир / Н.Х. Максютлова // Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка. – Уфа: БФАН СССР, 1983. – С. 18–26.

190. Малышева, Н.В. Лексико-семантические особенности имен прилагательных, описывающих рыжую масть лошади в якутском языке / Н.В. Малышева, А.Е. Божедонова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2018. – № 2. – С. 120–127.

191. Мартыанова, Н.А. «Символическое» цветообозначений в русской лингвокультуре / Н.А. Мартыанова // Филология и человек. – 2013. – № 4. – С. 56–67.

192. Михайлова, Т.А. Кровь на снегу / Т.А. Михайлова // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1996. – № 2. – С. 48–55.

193. Молчанова, О.Т. Прилагательные семантических полей «черный цвет» и «белый цвет» в ономастиконе алтайцев / О.Т. Молчанова // Советская тюркология. 1985. – № 3. – С. 30–42.

194. Молчанова, О.Т. Желтые цвета в алтайском ономастиконе / О.Т. Молчанова // Turcologica 1986. К восьмидесятилетию академика А.Н. Кононова. – Л.: изд-во «Наука», Лен.отд-е, 1986. – С. 192–201.

195. Молчанова, О.Т. Серые, красные, синие, промежуточные цвета в ономастиконе некоторых тюркских народов / О.Т. Молчанова // Ареальные исследования по башкирской диалектологии и ономастике Башкирии. Сб.статей. – Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. – С. 89–103.

196. Монгуш, Б.М. Некоторые основные масти и отметины тувинских лошадей спортивного направления / Б.М. Монгуш, Ю.А. Юлдашбаев // Вестник Тувинского государственного университета. Естественные и сельскохозяйственные науки. – 2015. – № 2. – С. 146–151.

197. Москович, В.А. Система цветообозначений в современном английском

- языке / В.А. Москович // Вопросы языкознания. – М., 1960. – № 6. – С. 83–87.
198. Мугтасимова, Г.Р. Восприятие цвета в татарских и якутских пословицах (на примере цветообозначений кара – хара) / Г.Р. Мугтасимова, А.Ш. Юсупова // Международная научная конференция Российского общества цвета: сборник тезисов. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2020. – С. 96–97.
199. Мусаев, К. Пратюркские названия неба / К. Мусаев // 90 лет Н.А. Баскакову. *Studia philologica* РАН ИЯ. – М., 1996. – С. 169–179.
200. Мусуков, Б.А. «Цветовые» компоненты в карачаево-балкарских онимах / Б.А. Мусуков // Чувашская ономастика: проблемы и перспективы. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. – С. 47–51.
201. Мусуков, Б.А. Лексико-семантическое поле слова *ала* ‘пестрый, разноцветный; пегий’ в тюркских языках / Б.А. Мусуков // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 2. – С. 300–304.
202. Напольнова, Е.М. Анализ семантики лексемы *hava* в турецком языке / Е.М. Напольнова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2020. – Т. 12. – № 2. – С. 194–207.
203. Напольнова, Е.М. Анализ семантики турецкой лексемы *yer* / Е.М. Напольнова // Урало-алтайские исследования. – 2020. – № 1. – С. 82–91.
204. Напольнова, Е.М. Слова с основным значением «ветер» в турецком языке / Е.М. Напольнова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2020. – № 3. – С. 76–83.
205. Нарылкова, О.В. Лошадь и ее наименования в хакасском языке / О.В. Нарылкова // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова. Вып. XI. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2007. – С. 29–31.
206. Особенности восприятия цвета у якутов / А.И. Егорова, Н.В. Корепанова, А.А. Осипова, М.В. Пинигина // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2021. – № 4. – С. 48–59.

207. Оцомиева-Тагирова, З.М. Цветовые характеристики аварского топонимического пространства / З.М. Оцомиева-Тагирова, Р.С. Баширова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12. – С. 154–156.

208. Панченко, А.М. О цвете в древней литературе восточных и южных славян / А.М. Панченко // Труды Отдела древнерусской литературы. Т.23. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. – С. 3–15.

209. Пименова, М.В. Цветовой фольклорный эпитет в контексте «Слова о полку Игореве» / М.В. Пименова // Язык русского фольклора. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1985. – С. 125–131.

210. Пименова, М.В. Способы номинации цвета в рукописных травниках XVII–XVIII вв. / М.В. Пименова // Вестник Ленинградского государственного университета. – Сер. 2. – Вып. 4. – 1986. – С. 66–69.

211. Поппе, Н.Н. Урало-алтайская теория в свете советского языкознания / Н.Н. Поппе // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1940. – № 3.

212. Рона-Таш, Л. Общее наследие или заимствования / Л. Рона-Таш // Вопросы языкознания. – 1974. – № 2. – С. 31–45.

213. Рябина, Е.С. Основные цветообозначения в коми-пермяцком языке / Е.С. Рябина // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2016. – Вып. 1. – С. 41–58.

214. Садыкова, С.З. Лексико-семантическая организация цветофразеологизмов с колоративом сари «желтый» в современном кумыкском языке в сопоставлении с английским языком / С.З. Садыкова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 2–1. – С. 271–274.

215. Саматов, К. Лексемы, выражающие хроматические цвета кызыл «красный», сары «желтый», көк «синий, голубой», жашыл «зеленый», күрөң «коричневый» в кыргызском языке / К. Саматов // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 10. – С. 109–121.

216. Саматов, К. Микросистемы ахроматических цветообозначений ак «белый», кара «черный» и боз «серый» в кыргызском языке / К. Саматов //

Проблемы современной науки и образования. – 2017. – № 14. – С. 28–39.

217. Сапига, Е.В. Цветообозначения в современной лингвистике: семантический и семиотический аспекты / Е.В. Сапига, М.В. Репина, С.В. Жукова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – №2/2. – С. 192–195.

218. Семантические универсалии в эволюции цветообозначений общеславянского и пратюркского языков / Е.А. Кожемякова, Ю.Н. Исаев, А.Р. Губанов, М.Е. Петухова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. – Вып. 8. – С.2432–2436.

219. Сидорова, Н.А. Вербализация категории цвета в английском языке (на материале публицистических текстов) / Н.А. Сидорова, М.Н. Федулова // Вестник Московского государственного областного университета. – 2019. – № 2. – С. 180–193.

220. Сипакова, И.Н. Языковые средства обозначения ситуации цветового признака предмета в разноструктурных языках / И.Н. Сипакова // Единицы языка и их функционирование. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.3. – Саратов: Саратовская государственная академия права, 1997. – С. 68–72.

221. Сорокин, Ю.А. Типы китайской символики в языке и культуре / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина // Этнопсихоллингвистика. – М.: Наука, 1988. – С. 64–71.

222. Субракова, О.В. Система цветообозначений в хакасском языке / О.В. Субракова // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова. Вып. 9. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2005. – С. 36–38.

223. Сувандии, Н.Д. Топонимы-цветообозначения в тувинском языке Н.Д. Сувандии // Новые исследования Тувы. – 2019. – № 4. – С. 195–206.

224. Суперанская, А.В. Терминологичны ли цветовые названия рек? / А.В. Суперанская // Местные географические термины (Вопросы географии, сборник №81). – М.: Мысль, 1970. – С. 120–127.

225. Суровцева, М.А. К истории слова «синий» в русском языке / М.А. Суровцева // Ученые записки Кишиневского государственного университета. Т. 71. Вопросы общего и русского языкознания. – Кишинев: Изд. Кишиневск. гос. ун-та, 1964. – С. 90–95.

226. Тенишев, Э.Р. Древнеуйгурские надписи Киргизии / Э.Р. Тенишев // Народы Азии и Африки. – 1964. – № 1. – С. 146–149.

227. Тишин, В.В. К интерпретации сочетания *kök türk* / В.В. Тишин // Проблемы востоковедения. – 2014. – № 1. – С. 78–83.

228. Тугужекова, Т.Н. Сопоставительный анализ прилагательных, связанных с характеристикой духовных и физических качеств человека, в английском, русском и хакасском языках (на примере прилагательных, обозначающих понятие «белый») / Т.Н. Тугужекова // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Серия «Языкознание». – 2001. – Вып. 2. – С. 33–40.

229. Тугужекова, Т.Н. Семантико-структурные и функционально-прагматические особенности лексемы *ал* в хакасском языке / Т.Н. Тугужекова // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2016. – № 3. – С. 67–73.

230. Тугушева, Ф.А. Некоторые особенности лексики цветообозначений в карачаево-балкарском, русском и французском языках / Ф.А. Тугушева // Культурная жизнь юга России. – 2010. – № 2. – С. 77–78.

231. Тюхтенева, С.П. О символике цвета в культуре алтайцев // Материалы по истории и культуре Республики Алтай (тезисы к конференции, посвященной 125-летию Г.И. Чорос-Гуркина) / С.П. Тюхтенева. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка, и литературы, 1994. – С. 60–65.

232. Улаков, М.З. Дифференциальные и интегрирующие особенности лексемы *ола / ала* в тюркских языках (на материале узбекского и карачаево-балкарского языков) / М.З. Улаков, Б.А. Мусуков // Oriental Studies. – 2020. – № 3. – С. 72–742.

233. Ураксин, З.Г. Цветовые обозначения в башкирских этнонимах / З.Г. Ураксин // Башкирская этнонимия. – Уфа: БФАН СССР, 1987. – С.127–132.

234. Уфимцева, Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания / Н.В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Эйдос, 1996. – С.139–162.

235. Федорова, К.И. Названия масти лошадей в якутском языке / К.И. Федорова // Полярная звезда. – 1980. – № 3. – С.123.

236. Федорцова, В.Н. Структурные, семантические и мотивационные особенности цветообозначений на базе этнонимов и топонимов в английском языке / В.Н. Федорцова, А.Б. Тархова // Филология. – 2015. – Т. 17. – № 1. – С. 173–177.

237. Хасен, Б. Этнолингвистический характер словосочетаний с компонентом «желтый» в казахском и киргизском языках / Б. Хасен, Ж. Болат // Alatoo Academic Studies. – 2016. – № 1. – С. 71–75 (на казах.яз.).

238. Хертек, Л.К. Иппонимы в тувинских героических сказаниях / Л.К. Хертек // Народы Евразии: История. Культура. Языки. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2017. – С. 300–308.

239. Хисамитдинова, Ф.Г. Цветообозначения в пословицах башкирского языка / Ф.Г. Хисамитдинова // Пословичная концептуализация отдельных фрагментов картины мира в башкирском языке. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. – С.220–224.

240. Хисамитдинова, Ф.Г. Цвет и цветообозначения в тюркской мифологии / Ф.Г. Хисамитдинова // Социальные трансформации. – 2019. – № 30. – С. 220–224.

241. Хусаинова, Л.М. Особенности употребления в башкирских и английских пословицах слов, обозначающих цвет / Л.М. Хусаинова, З. Габбасова // Востоковедение в России: история, современность и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. –

Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – С. 332–335.

242. Цветкова, Е.В. Белый цвет в костромской топонимии / Е.В. Цветкова // Вестник Костромского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 264–267.

243. Цветообозначения в башкирской топонимии / Ф.Г. Хисамитдинова, Р.Т. Муратова, Г.Н. Ягафарова, М.Р. Валиева // Вопросы ономастики. – 2019. – № 1. – С. 140–159.

244. Цветообозначения в хантыйском фольклоре / О.Ф. Худобина, Л.А. Андреева, Т.А. Молданова, Н.А. Мирюгина // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – №4. – С. 464–467.

245. Цинциус, В.И. Проблемы сравнительно-исторического изучения лексики алтайских языков / В.И. Цинциус // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л.: Наука, 1979. – С. 3–17.

246. Чугунекова А.Н. Концепт чир ('земля') в языковой картине мира хакасов / А.Н. Чугунекова // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 3. – С. 338–342.

247. Шаяхметов, В.А. Сложные существительные башкирского языка с компонентами «ак» и «кара» / В.А. Шаяхметов, Л.М. Хусаинова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т.13. – №12. – С. 97–100.

248. Широбокова, Н.Н. Развитие и семантика колоронимов көк и кёк в казахском и алтайском языках / Н.Н. Широбокова, М.Д. Абжапарова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. – Т. 18. – № 4. – С. 43–57.

249. Шиянова, А.А. Семантическая структура слов, обозначающих белый цвет в хантыйском языке / А.А. Шиянова // Вестник угроведения. – 2018. – Т. 8. – № 4. – С. 683–693.

250. Штенгелов, Е. Цвет в художественной литературе / Е. Штенгелов // Наука и жизнь. –1970. – № 8. – С. 24–26.

251. Щербак, А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках / А.М. Щербак // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М.: Наука, 1961б. – С. 82–172.

252. Щитова, О.Г. Когнитивное моделирование цветообозначения в русском и китайском языках / О.Г. Щитова, А.Г. Щитов, Хуа Кай // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – № 6. – С. 81–87.

253. Ягафарова, Г.Н. Номинация по цвету в коневодческой лексике башкирского языка / Г.Н. Ягафарова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2011. – Т. 1. – № 28. – С. 70–74.

254. Basic colour terms in Modern Greek: Twelve terms including two blues / A. Androulaki, N. Gomez-Pestaca, C. Mitsakis, [et al.] // Journal of Greek Linguistics, 2006. – Vol. 7/1. – P. 3–47.

255. Color symbolism in the Bashkir toponymy / G.Kh. Bukharova, L.Kh. Samsitova, S.A. Tagirova, [et al.] // International journal of environmental and science education. – 2016. – Т. 11. – No. 18. – P. 12281-12288.

256. Davies, Ian R.L. A study of colour grouping in three languages: A test of the linguistic relativity hypothesis / Ian R.L. Davies // British Journal of Psychol. – 1998. – № 89. – P. 433–452.

257. Doerfer, G. Türkische Farbbezeichnungen und Pferdezücht / G. Doerfer // Central Asiatic Journal. – 1995. – Vol. 39. – P. 208–227.

258. Dubrovskaya, N. Turkic Colour Term *kök* ‘blue-green’. The Evolution of Its Semantics and the Impact on the System of Colour Terms in the Contact Languages / N. Dubrovskaya, J. Normanskaya // Turkic Languages. – 2020. – Vol. 24. – № 1. – 10–30.

259. Dubrovskaya, N. The “yellow-green-blue” languages in Eurasia: how do they appear and disappear? / N. Dubrovskaya, J. Normanskaya // Linguistica Uralica. – 2021. – Vol. 57. – № 2. – 113–135.

260. Kay, P. The linguistic significance of the meanings of basic color terms /

P. Kay, Ch. McDaniel // *Language*. – 1978. – Vol. 54. – No. 3. – P. 610–646.

261. Krieg, M.L.F. *Semantic Fields of Color Words in Old French. Old English & Middle English* / M.L.F. Krieg // *Dissertation Abstracts International*. – Ann Arbor, 1976.

262. Matschi, M. *Color Terms in English: Onomasiological and Semasiological Aspects* / M. Matschi // *Onomasiology Online*. – 2004. – No. 5. – P. 56–139.

263. Ozgen, E. *Turkish color terms: tests of Berlin and Kay's theory of color universals and linguistic relativity* / E. Ozgen, I.R. Davies // *Linguistics*. – 1998. – Vol. 36/5. – P. 919–956.

264. Pritsak, O. «Qara», *Studie zur türkischen Rechtssymbolik* / O. Pritsak // 60. Dogum Yildönümü Münasebetiyle Zeki Velidi Togan'a Armağan. *Symbolae in Honorem Z.V. Togan*. – Istanbul, 1955. – P. 239–363.

265. Roberson, D. *Color categories are not universal: replications and new evidence from a stone-age culture* / D. Roberson, I. Davies, J. Davidoff // *Journal of Experimental Psychology: General*. – 2000. – Vol. 129 (3). – P. 369–398.

266. Rosch, E. *The Nature of Mental Codes for Color Categories* / E. Rosch // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception & Performance*. – 1975. – Vol. 1. – No. 4. – P. 303–322.

267. Rosch, E. *Human categorization* / E. Rosch // *Advances in cross-cultural psychology*. – Vol. 1. – London: Academic Press, 1977. – P. 1–49.

268. Stachowski M. *Is The Yakut Fox Green?, Or Remarks On Some Colour Names In Turkic, Uralic, And Yeniseic* / M. Stachowski // *En quête de sens : études dédiées à Marcela Świątkowska. W poszukiwaniu znaczeń. Studia dedykowane Marceli Świątkowskiej*. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2010. – P. 539–548.

269. Tischler, J. *Bemerkungen zum «Raum-Zeit-Modell»* / J. Tischler // *Indogermanica Europaea*, 1989. – S. 407–429.

270. Tischler, J. *Farbe und Färben* / J. Tischler // *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*. – 1994. – Bd. 8. – S. 106–116.

271. Waszakowa, K. Dotychczasowe badania w zakresie nazw barw w poszczególnych językach a perspektywa ich całościowego opisu porównawczego / K. Waszakowa // Nazwy barw i wymiarów. Color and measure terms. – Stockholm: Stockholms universitet. Slaviska institutionen, 1997. – P. 87–96.

272. Wyler, S. Old English Colour Terms and Berlin and Kay's Theory of Basic Colour Terms / S. Wyler // Modes of Interpretation. – Tübingen, 1984.

Диссертации и авторефераты диссертаций

273. Абжапарова, М. Цветообозначения в казахском в сопоставлении с алтайским языком. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Абжапарова Майя. – Новосибирск, 2021. – 260 с.

274. Бавуу-Сюрюн, М.В. История формирования диалектов и говоров тувинского языка. Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Бавуу-Сюрюн Мира Викторовна. – Новосибирск, 2018– 396 с.

275. Башарина, А.К. Семантика цветообозначений в фольклорных текстах: Опыт сопоставительного анализа на материале якутских олонхо и русских былин. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Башарина Анна Карловна. – М., 2000. – 207 с.

276. Василевич, А.П. Языковая картина мира цвета: Методы исследования и прикладные аспекты: Дис. в виде науч. докл. д-ра филол. наук: 10.02.19 / Василевич Александр Петрович. – М., 2003. – 95 с.

277. Ганиходжаева, М. Прилагательные цвета узбекского языка в сравнительно-историческом аспекте. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Ганиходжаева Мунира. – Ташкент, 1986. – 185 с.

278. Грановская, Л.М. Прилагательные, обозначающие цвет, в русском языке XVII–XX веков. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Грановская Лидия Михайловна. – М. 1964. – 313 с.

279. Губенко, Е.В. Лексико-семантические поля цвета и света в лирике Б.Л. Пастернака. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Губенко Екатерина Викторовна. – М., 1999. – 246 с.

280. Закиров, Р.Р. Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения в английском, русском и татарском языках. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Закиров Рафис Рафаелович. – Казань, 2003. – 267 с.

281. Ишкильдина, Л.К. Историческое развитие консонантизма башкирского языка (на материале диалектов). Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Ишкильдина Линара Камиловна. – Казань, 2013. – 264 с.

282. Кайбияйнен, А.А. Устойчивые атрибутивно-субстантивные сочетания с прилагательными цвета в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кайбияйнен Алла Адольфовна. – Казань, 1996. – 193 с.

283. Калимова, Ж.У. Фразеологизмы с компонентами цветообозначения в казахском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Калимова Жибек Усембаевна. – Алма-Ата, 1992. – 22 с.

284. Лукьяненко, И.Н. Семантика и специфика функционирования цветообозначений красного тона в произведениях В. Набокова. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Лукьяненко Ирина Николаевна. – Калининград, 2004. – 185 с.

285. Лысоиваненко, Е.Г. Система и семантика цветообозначений в прозе М.А. Булгакова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Лысоиваненко Елена Геннадьевна. – М., 2001. – 16 с.

286. Майзина, А.Н. Семантическое поле цветообозначений алтайского языка в сопоставлении с монгольским языком. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Майзина Аржана Николаевна. – Горно-Алтайск, 2006а. – 208 с.

287. Майзина, А.Н. Семантическое поле цветообозначений алтайского языка в сопоставлении с монгольским языком. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Майзина Аржана Николаевна. – Новосибирск, 2006б. – 25 с.

288. Макеенко, И.В. Семантика цвета в разноструктурных языках: Универсальное и национальное. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Макеенко Ирина Васильевна. – Саратов, 1999. – 258 с.

289. Малышева, Н.В. Происхождение лексики живой природы:

ономасиология и этимология (якутский язык и его диалекты). Дис. ... д-ра филол. наук: 5.9.8, 5.9.5 / Малышева Нинель Васильевна. – Москва, 2024. – 503 с.

290. Матчанова, С.И. Русско-узбекские параллели цветообозначений. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Матчанова Саодат Исмаиловна. – Москва, 1987. – 177 с.

291. Меньчева, С.И. Цветообозначение в произведениях Е.И. Замятина: семантика, грамматика, функция. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Меньчева Светлана Ивановна. – Тамбов, 2004. – 275 с.

292. Мерзук, Я. Устойчивые сочетания, включающие цветообозначения, в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Мерзук Яна. – Воронеж, 1997. – 17 с.

293. Никулина, Т.Е. Цветовые прилагательные в языке различных жанров русского фольклора. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Никулина Татьяна Евгеньевна. – М., 1989. – 238 с.

294. Носовец, С.Г. Цветовая картина мира В. Набокова в когнитивно-прагматическом аспекте (цикл рассказов «Весна в Фиальте»). Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Носовец Светлана Геннадьевна. – Омск, 2002. – 249 с.

295. Павлюченкова, Т.А. Прилагательные со значением цвета в языке русских былин. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Павлюченкова Татьяна Александровна. – М., 1984. – 256 с.

296. Пименова, М.В. Семантика цветообозначений по памятникам древнерусской литературы (на материале травников, лечебников, иконописных подлинников). Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Пименова Марина Васильевна. – Л., 1987. – 205 с.

297. Рябова, В.Н. Пейзажная единица текста: семантика, грамматика, форма, функция: на материале произведений А.П. Чехова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Рябова Вера Николаевна. – Тамбов, 2002. – 24 с.

298. Саввина, Е.В. Цвет в традиционной этнической культуре якутов. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Саввина Елизавета Валерьевна. – Якутск, 2001. –

163 с.

299. Садыкова, М.С. Слова, обозначающие цвет и окраску в узбекском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.00 / Садыкова Максуда Садыковна. – Ташкент, 1963. – 15 с.

300. Садыкова, С.З. Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения в кумыкском языке. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Садыкова Саида Залимхановна. – Махачкала, 2012. – 173 с.

301. Саматов, К. Цветообозначающая лексика в кыргызском языке. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Саматов Кутатбек. – Бишкек, 1997. – 171 с.

302. Самситова, Л.Х. Культурные концепты в башкирской языковой картине мира. Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02 / Самситова Луиза Хамзовна. – Уфа, 2015б. – 577 с.

303. Сафуанова, О.В. Формы репрезентации цвета в субъективном опыте: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Сафуанова Ольга Владимировна. – М., 1994. – 146 с.

304. Светличная, С.Ю. Сравнительные лингвокультурные характеристики цветообозначения и цветовосприятия в английском и русском языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Светличная Татьяна Юрьевна. – Пятигорск, 2003. – 186 с.

305. Суровцева, М.А. К истории выражения цветовых значений в древнерусском языке XI–XVI вв. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.00 / Суровцева Мария Антоновна. – М., 1967. – 234 с.

306. Тимофеева, А.М. Сопоставительное исследование лингвоцветовых картин мира (На материале идиолектов Н. Заболоцкого и Р. Фроста). Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Тимофеева Альбина Михайловна. – Тюмень, 2003. – 244 с.

307. Тойшибаева, Г.К. Цветовая лексика (состав, семантические преобразования, функции в художественном тексте на материале произведений Ф.М. Достоевского). Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Тойшибаева Гульжан Каирлыновна. – М., 1990. – 16 с.

308. Файзуллина, З.С. Этнокультурные особенности цветообозначения в современном башкирском языке. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Файзуллина Зиля Салаватовна. – Уфа, 2005. – 170 с.

309. Шхвацабая, Т.И. Цветообозначения в языке и речи (на материале английского языка). Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Шхвацабая Татьяна

310. Юдина, О.В. Семантическая эволюция слов с праславянским корнем *RUD- в русском языке. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Юдина Ольга Васильевна. – Воронеж, 2000. – 175 с.

311. Яфаров, Б.А. Литература камско-волжских булгар X–XIV вв. и рукопись «Нахдж ал-Фарадис». Дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00 / Яфаров Бекер Арифович. – Казань, 1949. – 213 с.

312. Nugteren, H. Mongolic phonology and the Qinghai-Gansu languages. Doctoral dissertation / H. Nugteren. – Leiden: Leiden University, 2011. – 563 p.

Словари и энциклопедические издания

313. Аникин, А.Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири / А.Е. Аникин. – Новосибирск: Наука, 2003. – 788 с.

314. Аникин, А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1 (А–АЯЮШКА) / А.Е. Аникин. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007. – 367 с.

315. APC 1941 – Азербайджанско-русский словарь / Под ред. Г. Гусейнова. – Баку: Изд-во АзФАН, 1941. – 381 с.

316. APC 2006a – Азербайджанско-русский словарь. В 4-х т. / Гл.ред. М.Т. Тагиев. Т. 1 (А–D). – Баку: Şərq-Qərб, 2006. – 896 с.

317. APC 2006б – Азербайджанско-русский словарь. В 4-х т. / Гл.ред. М.Т. Тагиев. Т. 2 (E–K). – Баку: Şərq-Qərб, 2006. – 848 с.

318. APC 2006в – Азербайджанско-русский словарь. В 4-х т. / Гл.ред. М.Т. Тагиев. Т. 3 (Q–R). – Баку: Şərq-Qərб, 2006. – 840 с.

319. APC 2006г – Азербайджанско-русский словарь. В 4-х т. / Гл.ред.

М.Т. Тагиев. Т. 4 (S–Z). – Баку: Şərq-Qərb, 2006. – 984 с.

320. АРС 2015 – Балакина, О.Н. Алтайско-русский словарь / О.Н. Балакина, В.С. Дедеева. – Горно-Алтайск: РОО «Лепта», 2015. – 168 с.

321. АРС 2018 – Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018. – 936 с.

322. АСБЯ 2011а – Академический словарь башкирского языка / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т. 1 (Буква А). – Уфа: Китап, 2011. – 432 с.

323. АСБЯ 2011б – Академический словарь башкирского языка / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т. 2 (Буква Б). – Уфа: Китап, 2011. – 568 с.

324. АСБЯ 2012а – Академический словарь башкирского языка / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т. 3 (Буквы В–И). – Уфа: Китап, 2012. – 864 с.

325. АСБЯ 2012б – Академический словарь башкирского языка / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т. 4 (Буквы Й–К). – Уфа: Китап, 2012. – 944 с.

326. АСБЯ 2013 – Академический словарь башкирского языка / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т. 5 (Буква К). – Уфа: Китап, 2013. – 888 с.

327. АСБЯ 2014 – Академический словарь башкирского языка / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т. 6 (Буквы Л–Ө). – Уфа: Китап, 2014. – 944 с.

328. АСБЯ 2015 – Академический словарь башкирского языка / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т. 7 (Буквы П–С). – Уфа: Китап, 2015. – 872 с.

329. АСБЯ 2016 – Академический словарь башкирского языка / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т. 8 (Буква Т). – Уфа: Китап, 2016. – 832 с.

330. АСБЯ 2017 – Академический словарь башкирского языка / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т. 9 (Буквы У–Щ). – Уфа: Китап, 2017. – 978 с.

331. АСБЯ 2018 – Академический словарь башкирского языка / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т. 10 (Буквы Ы–Я). – Уфа: Китап, 2018. – 980 с.

332. Ахметьянов, Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка / Р.Г. Ахметьянов. – Казань: Татарское книжное издательство, 2001. – 272 с. (на тат. яз.).

333. Ахметьянов, Р.Г. Этимологический словарь татарского языка. В двух томах. Т. 1 (А–Л) / Р.Г. Ахметьянов. – Казань: Магариф-Вақыт, 2015а. – 543 с.

334. Ахметьянов, Р.Г. Этимологический словарь татарского языка. В двух томах. Т. 2 (М–Я) / Р.Г. Ахметьянов. – Казань: Магариф-Вақыт, 2015б. – 567 с.
335. Ашмарин, Н.И. Словарь чувашского языка. Т. III (е–ы–и–у (о)) / Н.И. Ашмарин. – Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1929. – 368 с.
336. Ашмарин, Н.И. Словарь чувашского языка. Т. VII (куракла – кшша) / Н.И. Ашмарин. – Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1934. – 336 с.
337. Ашмарин, Н.И. Словарь чувашского языка. Т. XI (С) / Н.И. Ашмарин. – Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1936. – 343 с.
338. Ашмарин, Н.И. Словарь чувашского языка. Т. XVI (ха – хәшкәл) / Н.И. Ашмарин. – Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1941. – 376 с.
339. Багаутдинова, М.И. Башкирско-русский словарь этнокультуроведческой лексики / М.И. Багаутдинова. – Уфа: Китап, 2012. – 148 с.
340. БАМРС 2001 – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. Т. 3: О–Ф / Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2001. – 438 с.
341. Бектаев, К. Большой казахско-русский, русско-казахский словарь / К. Бектаев. – Алматы: Алтын Қазына, 1995. – 703 с.
342. Бишев, А.Г. Арабские и персидские слова в башкирском языке / А.Г. Бишев. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. – 140 с. (на башк. яз.)
343. Боргоякова Т.Г. Краткий хакасско-русский фразеологический словарь / Т.Г. Боргоякова. – Абакан: Изд-во ХГУ, 1996. – 146 с.
344. БРС 1973 – Черемисов, К.М. Бурятско-русский словарь / К.М. Черемисов. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – 804 с.
345. БРС 1996 – Башкирско-русский словарь / Под ред. З.Г. Ураксина. – М.: Дигора, Рус.яз., 1996. – 884 с.
346. БРТС 2009 – Большой русско-турецкий словарь / Сост. Н.Н. Богочанская, А.С. Торгашова. – М.: ООО «Дом славянской книги», 2009. –

608 с.

347. БТСЯЯ 2008 – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. 5 (Буква К: күөлэһис гын – кээчэрэ) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2008. – 616 с.

348. БТһ 1993а – Башкорт теленең һүзлеге. Ике томда. Т. 1 (А–М). – М.: Русский язык, 1993. – 862 б.

349. БТһ 1993б – Башкорт теленең һүзлеге. Ике томда. Т. 2 (Н–Я). – М.: Русский язык, 1993. – 814 б.

350. Будагов, Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1 / Л.З. Будагов. – СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1869. – 810 с.

351. Будагов, Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 2 / Л.З. Будагов. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1871. – 415 с.

352. Бһһ 1967 – Башкорт һөйләштәренең һүзлеге. I том (Көнсығыш диалект) / Н.Х. Мәксүтова ред. – Өфө, 1967. – 300 б.

353. Бһһ 1970 – Башкорт һөйләштәренең һүзлеге. II том (Көнъяк диалект) / Н.Х. Мәксүтова ред. – Өфө, 1970. – 327 б.

354. Бһһ 1987 – Башкорт һөйләштәренең һүзлеге. III том (Көнбайыш диалект) / Н.Х. Мәксүтова ред. – Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1987. – 232 б.

355. БЭ – Башкирская энциклопедия. В семи томах / Гл.ред. М.А. Ильгамов. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2014–2018 (на башк. яз.).

356. Вельяминов-Зернов, В.В. Словарь джагатайско-турецкий / В.В. Вельяминов-Зернов. – СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1868. – 440 с.

357. ГРМС 1973 – Гагаузско-русско-молдавский словарь / Сост. Г.А. Гайдаржи и др. Под ред. Н.А. Баскакова. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – 664 с.

358. ГРРГ 1993 – Бабоглу, Н.И. Гагаузско-русский, русско-гагаузский словарь / Н.И. Бабоглу, И.И. Бабоглу. – Кишинев: «Vivat» 1993. – 237 с.

359. ДАБЯ 2005 – Диалектологический атлас башкирского языка / Ф.Г. Хисамитдинова (отв. ред.), М.И. Дильмухаметов, Р.Н. Хадыева. – Уфа: Гилем, 2005. – 232 с.

360. ДСБЯ 2002 – Диалектологический словарь башкирского языка / Отв. ред. М.И. Дильмухаметов. – Уфа: Китап, 2002. – 432 с.

361. ДТС 1969 – Древнетюркский словарь / Ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л.: Наука, ЛО АН СССР, 1969. – 677 с.

362. Дыбо, А.В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 9 (дополнительный): Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков / А.В. Дыбо. – Астана: ТОО «Prosper Print», 2013. – 616 с.

363. Егоров, В.Г. Этимологический словарь чувашского языка / В.Г. Егоров. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1964. – 355 с.

364. Иллич-Свитыч, В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (b–K) / В.М. Иллич-Свитыч. – М.: Наука, 1971. – 370 с.

365. Исаев Ю.Н. Фитонимический концептуарий как словарь нового типа (на материалах чувашского и русского языков) / Ю.Н. Исаев. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2013. – 191 с.

366. Ишбердин, Э.Ф. Птицы Башкортостана (справочная книга) / Э.Ф. Ишбердин. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1986б. – 168 с (на башк. яз.).

367. Каримова, Р.Н. Башкирско-русский, русско-башкирский словарь терминов народной медицины / Р.Н. Каримова. – Уфа: Гилем, 2005. – 120 с.

368. Катаринский, В.В. Краткий русско-башкирский словарь / В.В. Катаринский. – Оренбург, 1893.

369. Катаринский, В.В. Башкирско-русский словарь / В.В. Катаринский. – Оренбург: Типо-литография Б. Бреслина, 1899. – 237 с.

370. КБРС 1989 – Карачаево-балкарско-русский словарь / Под ред. Э.Р. Тенишева и Х.И. Суюнчева. – М.: Русский язык, 1989. – 832 с.
371. Койчубаев, Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана / Е. Койчубаев. – Алма-Ата: Наука, 1974. – 274 с.
372. КРПС 1974 – Караимско-русско-польский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова, А. Зайончковского, С.М. Шапшала. – М.: Русский язык, 1974. – 688 с.
373. КРС 1958 – Каракалпакско-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. – 892 с.
374. КРС 1969 – Кумыкско-русский словарь / Под ред. З.З. Бамматова. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 408 с.
375. КРС 1977 – Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б.Д. Муниева. – М.: Русский язык, 1977. – 768 с.
376. КРС 1985а – Киргизско-русский словарь. В двух книгах / Сост. К.К. Юдахин. Кн. 1 (А–К). – Фрунзе: Главная редакция Киргизской Советской Энциклопедии, 1985. – 504 с.
377. КРС 1985б – Киргизско-русский словарь. В двух книгах / Сост. К.К. Юдахин. Кн. 2 (Л–Я). – Фрунзе: Главная редакция Киргизской Советской энциклопедии, 1985. – 480 с.
378. КРС 1995 – Кумандинско-русский словарь / Отв. ред. Л.М. Тукмачев. – Бийск: «Бийский котельщик», 1995. – 150 с.
379. КРС 2011 – Кумыкско-русский словарь / Под ред. Б.Г. Бамматова. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2011. – 406 с.
380. КРТС 1968 – Краткий русско-туркменский словарь / Под ред. М.Я. Хамзаева и С. Алтаева. – Ашхабад: Ылым, 1968. – 526 с.
381. КРФС 1988 – Кожухметова, Х.К. Казахско-русский фразеологический словарь / Х.К. Кожухметова, Р.Е. Жайсакова, Ш.О. Кожухметова. – Алма-Ата: Мектеп, 1988. – 224 с.

382. КЭСКЯ 1966 – Краткий этимологический словарь казахского языка / Сост. А. Искаков, Р. Сыздыкова, Ш. Сарыбаев. – Алматы: Наука, 1966. – 240 с. (на каз. яз.).

383. Молчанова, О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая / О.Т. Молчанова. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1979. – 397 с.

384. МРС 1957 – Монгольско-русский словарь / Под общ. ред. А. Лувсандэндэва. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. – 716 с.

385. НРС 1963 – Ногайско-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. – М.: Гос.изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. – 562 с.

386. Радлов, В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1. Ч. 1 / В.В. Радлов. – СПб.: типография Российской Императорской Академии Наук, 1893а. – 968 стлб.

387. Радлов, В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1. Ч. 2 / В.В. Радлов. – СПб.: типография Российской Императорской Академии Наук, 1893б. – 969–1914 стлб., 66 с.

388. Радлов, В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. Ч. 1 / В.В. Радлов. – СПб.: Типография Российской Императорской Академии Наук, 1899а. – 1052 стлб.

389. Радлов, В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. Ч. 2 / В.В. Радлов. – СПб.: Типография Российской Императорской Академии Наук, 1899б. – 1053–1814 стлб., 64 с.

390. Радлов, В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 3. Ч. 1 / В.В. Радлов. – СПб.: Типография Российской Императорской Академии Наук, 1905а. – 1260 стлб.

391. Радлов, В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 3. Ч. 2 / В.В. Радлов. – СПб.: Типография Российской Императорской Академии Наук, 1905б. – 1261–2204 стлб., 98 с.

392. Радлов, В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 4. Ч. 1 / В.В. Радлов. –

СПб.: Типография Российской Императорской Академии Наук, 1911а. – 1116 стлб.

393. Радлов, В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 4. Ч. 2 / В.В. Радлов. – СПб.: Типография Российской Императорской Академии Наук, 1911б. – 1117–2230 стлб., 107 с.

394. РАС 1951 – Русско-азербайджанский словарь. – Баку: Издательство Академии наук Азербайджанской ССР, 1951. – 396 с.

395. РАС 1964 – Русско-алтайский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 875 с.

396. Рассадин, В.И. Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский / В.И. Рассадин. – СПб.: «Дрофа», 2005. – 295 с.

397. РБС 2005а – Русско-башкирский словарь. В 2 т. / Под ред. З.Г. Ураксина. Т. 1 (А–О). – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. – 808 с.

398. РБС 2005б – Русско-башкирский словарь. В 2 т. / Под ред. З.Г. Ураксина. Т. 2 (П–Я). – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. – 680 с.

399. РКБС 1965 – Русско-карачаево-балкарский словарь / Под ред. Х.И. Суюнчева и И.Х. Урусбаева. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – 744 с.

400. РКС 1960 – Русско-кумыкский словарь / Под ред. З.З. Бамматова. – М.: Гос.изд-во иностр. и нац. словарей, 1960. – 1148 с.

401. РКС 1964 – Русско-калмыцкий словарь / Под ред. И.К. Илишкина. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 803 с.

402. РКС 1967 – Русско-каракалпакский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 1124 с.

403. РНС 1956 – Русско-ногайский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. Около 20 000 слов. – М.: Гос.изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. – 736 с.

404. РТС 1955 – Русско-татарский словарь. Т. 1 (А–З) / Гл. ред. Н.К. Дмитриев. – Казань: Таткнигоиздат, 1955. – 358 с.

405. РТС 1956 – Русско-татарский словарь. Т. 2 (И–О) / Гл. ред. Н.К. Дмитриев. – Казань: Таткнигоиздат, 1956. – 447 с.

406. РТС 1958 – Русско-татарский словарь. Т. 3 (П–Р) / Гл. ред. Н.К. Дмитриев. – Казань: Таткнигоиздат, 1958. – 482 с.
407. РТС 1980 – Русско-тувинский словарь / Под ред. Д.А. Монгуша. – М.: Русский язык, 1980. – 664 с.
408. РТС 2019 – Русско-тубаларский словарь. – Горно-Алтайск: «Алтын-Туу», 2019. – 384 с.
409. РУС 1950 – Русско-узбекский словарь / Под ред. А. Усманова и Р. Абдурахманова. Гл. ред. А.К. Боровков. Т. 1: А–Ж. – Ташкент: Издательство Академии наук УзССР, 1950. – 520 с.
410. РУС 1955 – Русско-узбекский словарь. Т. 5: С–Я. – Ташкент: Издательство Академии наук УзССР, 1955. – 736 с.
411. РУС 1956 – Русско-уйгурский словарь / Под ред. Т.Р. Рахимова. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. – 1473 с.
412. РУС 1983 – Русско-узбекский словарь. В двух томах. Т. 1. – Ташкент: Главная редакция Узбекской Советской энциклопедии, 1983. – 807 с.
413. РХС 1961 – Русско-хакасский словарь / Под ред. Д.И. Чанкова. – М.: Гос.изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. – 968 с.
414. РЧС 2002 – Скворцов, М.И. Русско-чувашский словарь / М.И. Скворцов, А.В. Скворцова. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2002. – 511 с.
415. РЧС 2012а – Скворцов, М.И. Русско-чувашский словарь. В 2 т. Т. 1 / М.И. Скворцов. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2012. – 638 с.
416. РЧС 2012б – Скворцов, М.И. Русско-чувашский словарь. В 2 т. Т. 2 / М.И. Скворцов. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2012. – 655 с.
417. РЯС 1968 – Русско-якутский словарь / Под ред. П.С. Афанасьева и Л.Н. Харитонова. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 720 с.
418. РЯС 1988 – Зарубин, С.Ф. Русско-японский словарь / С.Ф. Зарубин, А.М. Рожецкий. – М.: Русский язык, 1988. – 896 с.

419. Самситова, Л.Х. Реалии башкирской культуры. Словарь безэквивалентной лексики башкирского языка / Л.Х. Самситова. – Уфа: Китап, 2006. – 216 с.

420. Самситова, Л.Х. Культурные концепты в башкирской языковой картине мира. Лингвокультурологический словарь / Л.Х. Самситова. – Уфа: Китап, 2010. – 164 с. (на башк. яз.).

421. ССТМЯ 1975 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. В 2 т. / Отв. ред. В.И. Цинциус. Т. I (А–Н). – Л.: Наука, 1975. – 672 с.

422. ССТМЯ 1977 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. В 2 т. / Отв. ред. В.И. Цинциус. Т. II (О–Э). – Л.: Наука, 1977. – 471 с.

423. СТ РБ – Словарь топонимов Республики Башкортостан / Сост. А.А. Камалов и др. – Уфа: Китап, 2002. – 253 с.

424. СТРС 2019 – Марганова, Ф.Ф. Сибирскотатарско-русский словарь / Ф.Ф. Марганова. – Тюмень: Тюменский дом печати, 2019. – 470 с.

425. Сулейманова, Р.А. Башкирско-русский словарь-справочник личных имен и фамилий / Р.А. Сулейманова. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. – 364 с.

426. Татаринцев, Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. 1 (А–Б) / Б.И. Татаринцев. – Новосибирск: Наука, 2000. – 341 с.

427. Татаринцев, Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. 2 (Д, Ё, И, Й) / Б.И. Татаринцев. – Новосибирск: Наука, 2002. – 388 с.

428. Татаринцев, Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. 3 (К, Л) / Б.И. Татаринцев. – Новосибирск: Наука, 2004. – 440 с.

429. Татаринцев, Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. 4 (М, Н, О, Ө, П) / Б.И. Татаринцев. – Новосибирск: Наука, 2008. – 442 с.

430. ТРС 1966 – Татарско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. – 863 с.

431. ТРС 1968 – Туркменско-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова,

- Б.А. Каррыева, М.Я. Хамзаева. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 832 с.
432. ТРС 1977 – Турецко-русский словарь / Сост. Н.А. Баскаков, Н.П. Голубева, А.А. Кямилаева и др. – М.: Русский язык, 1977. – 966 с.
433. ТРС 1995 – Телеутско-русский словарь. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1995. – 118 с.
434. ТРС 2004 – Татарско-русский словарь / Под ред. проф. Ф.А. Ганиева. – Казань: Татарское книжное издательство, 2004. – 488 с.
435. ТРС 2007а – Татарско-русский словарь. В 2-х томах / Ш.Н. Асылгараев, Ф.А. Ганиев, М.З. Закиев, К.М. Миннуллин, Д.Б. Рамазанова. Т. 1 (А–Л). – Казань: Магариф, 2007. – 726 с.
436. ТРС 2007б – Татарско-русский словарь. В 2-х томах / Ш.Н. Асылгараев, Ф.А. Ганиев, М.З. Закиев, К.М. Миннуллин, Д.Б. Рамазанова. Т. 2 (М–Я). – Казань: Магариф, 2007. – 726 с.
437. ТРС 2008 – Тувинско-русский словарь / Э.Р. Тенишев. – М.: Самиздат, 2008. – 338 с.
438. ТТЭМС 2016 – Татар теленең этномәдәният сүзлеге: матди мәдәният лексикасы (кием-салым, тукымалар һәм бизәнү әйберләре атамалары) / Төзүче авторлар: Р.Р. Жамалетдинов, Ә.Ш. Юсупова, Г.Ф. Жамалетдинова, Р.С. Нурмөхәммәтова, М.Р. Саттарова, И.И. Фазлыева, З.Г. Ханова – Казан: Казан университеты нәшрияты, 2016. – 288 б.
439. ТувРС 1968 – Тувинско-русский словарь / Под ред. Э.Р. Тенишева. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 648 с.
440. Ураксин, З.Г. Фразеологический словарь башкирского языка / З.Г. Ураксин. – Уфа: Китап, 1996. – 344 с. (на башк.яз.).
441. УРС 1959 – Узбекско-русский словарь / Под ред. А.К. Боровкова. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959. – 840 с.
442. УРС 1961 – Уйгурско-русский словарь / Под ред. Ш. Кибирова и Ю. Цунвазо. – Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1961. –

328 с.

443. УРС 1968 – Наджип, Э.Н. Уйгурско-русский словарь / Э.Н. Наджип; под ред. Т.Р. Рахимова. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 828 с.

444. УРС 1989 – Азизов, О. Узбекско-русский словарь / О. Азизов, З. Ризаева. – Ташкент: Ўқитувчи, 1989. – 288 с.

445. Усеинов, С.М. Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь / С.М. Усеинов. – Симферополь: Издательский дом «Тезис», 2007. – 640 с.

446. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / М. Фасмер, пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. 2-е изд., стереотип. Т. 1 (А – Д). – М.: Прогресс, 1986а. – 576 с.

447. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стереотип. Т. 2 (Е – Муж). – М.: Прогресс, 1986б. – 672 с.

448. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стереотип. Т. 3 (Муза – Сят). – М.: Прогресс, 1987а. – 832 с.

449. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стереотип. Т. 4 (Т – Ящур). – М.: Прогресс, 1987б. – 864 с.

450. Фатихов, Р.Р. Русско-башкирский словарь терминов по изобразительному искусству / Р.Р. Фатихов. – Уфа: Китап, 1997. – 55 с.

451. Федотов, М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1 / М.Р. Федотов. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996а. – 470 с.

452. Федотов, М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 2 / М.Р. Федотов. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996б. – 509 с.

453. Физика: Энциклопедия / Под ред. Ю.В. Прохорова. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – 944 с.

454. Хадыева, Р.Н. Этнолингвистический словарь башкирского языка / Р.Н. Хадыева. – Уфа: Китап, 2002. – 174с. (на башк. яз.).
455. Хисамитдинова, Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка / Ф.Г. Хисамитдинова. – М.: Наука, 2010. – 452 с.
456. Хисамитдинова, Ф.Г. Словарь башкирской мифологии / Ф.Г. Хисамитдинова. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – 164 с.
457. Хисамитдинова, Ф.Г. Словарь башкирской мифологии / Ф.Г. Хисамитдинова. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. – 412 с. (на башк.яз.).
458. ХРС 2006 – Хакасско-русский словарь / Под общ.ред. О.В. Субраковой. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.
459. ЧРС 1985 – Чувашско-русский словарь / Под ред. М.И. Скворцова. – Чебоксары: Русский язык, 1985. – 712 с.
460. ШРС 1993 – Курпешко-Таннагашева, Н.Н. Шорско-русский и русско-шорский словарь / Н.Н. Курпешко-Таннагашева, Ф.Я. Апонькин. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1993. – 149 с.
461. Экба, З.Н. Башкирско-русский словарь слов арабского и персидского происхождения / З.Н. Экба. – Уфа: Китап, 2004. – 208 с.
462. ЭСМЯ 2015 – Санжеев, Г.Д. Этимологический словарь монгольских языков. Т. I. А–Е / Г.Д. Санжеев, М.Н. Орловская, З.В. Шевернина. – М.: ИВ РАН, 2015. –224 с.
463. ЭСМЯ 2016 – Санжеев, Г.Д. Этимологический словарь монгольских языков. Т. II. G–P / Г.Д. Санжеев, М.Н. Орловская, З.В. Шевернина. – М.: ИВ РАН, 2016. –232 с.
464. ЭСМЯ 2018 – Санжеев, Г.Д. Этимологический словарь монгольских языков. Т. III. Q–Z / Г.Д. Санжеев, М.Н. Орловская, З.В. Шевернина. – М.: ИВ РАН, 2018. –240 с.
465. ЭСТЯ 1974 – Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные / Э.В. Севортян. – М.: Наука, 1974. – 768 с.

466. ЭСТЯ 1978 – Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву “Б” / Э.В. Севортян. – М.: Наука, 1978. – 349с.

467. ЭСТЯ 1980 – Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы “В”, “Г” и “Д” / Э.В. Севортян. – М.: Наука, 1980. – 395 с.

468. ЭСТЯ 1989 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы “Ж”, “Ж”, “Й” / / Э.В. Севортян, Л.С. Левитская. – М.: Наука, 1989. – 292 с.

469. ЭСТЯ 1997 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы “К”, “Қ” / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. Отв. ред. Г.Ф. Благова. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 368 с.

470. ЭСТЯ 2000 – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву “Қ” / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 261 с.

471. ЭСТЯ 2003 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы “Л”, “М”, “Н”, “П”, “С” / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, Г.Ф. Благова, А.В. Дыбо, Д.М. Насилов, Е.А. Поцелуевский. – М.: Восточная литература РАН, 2003. – 476 с.

472. ЭСЯЯ 2003 – Попов, Г.В. Этимологический словарь якутского языка. Ч. 1: А–Дь / Г.В. Попов. – Новосибирск: Наука, 2003. – 179 с.

473. ЯРС 1972 – Якутско-русский словарь / Под ред. П.А. Слепцова. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 606 с.

474. Clauson, G. An Etymological Dictionary of the Pre-Thirteenth-Century Turkish / G. Clauson. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – 989 p.

475. EDAL 2003 – Starostin, S.A. An Etymological Dictionary of Altaic

- Languages / S.A. Starostin, A.V. Dybo, O.A. Mudrak. – Leiden: Brill, 2003. – 1556 p.
476. MNyTESz 1976 – A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. III köt (Ö–Zs.). – Budapest: Akadémiai, 1976. – 1230 ol. tab.
477. Ramstedt, G.J. Kalmückisches Wörterbuch / G.J. Ramstedt. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. – 560 s.
478. Rybatzki, V. Die Personennamen Und Titel Der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung / V. Rybatzki. – Helsinki, 2006. – 841 p.
479. Vámbéry, H. Etymologisches Wörterbuch der Turko-tatarischen Sprachen H. Vámbéry. – Leipzig: F.A. Brockhaus, 1878. – 228 p.
480. VEWT 1969 – Räsänen, M. Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen / M. Räsänen. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969. – 533 s.
481. Vullers, J.A. Lexicon persico-latinum etymologicum. Vol. 1 / J.A. Vullers. – Bonnae ad Rhenum: Impensis Adolphi Marci, 1855. – 967 p.
482. WOT 2011 – Róna-Tas, A. West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian. Part I: Introduction, Lexicon “A–K” (X, 618 S.); Part II: Lexicon “L–Z”, Conclusions, Apparatus. (X, S. 620–1494) / A. Róna-Tas, Á. Berta, L. Károly // Turcologica. Herausgegeben von Lars Johanson. Band. 84. – Harrassowitz. Wiesbaden, 2011.

Источники

483. Башкирские шежере. – Уфа: Башк.кн.изд.-во, 1960. – 304 с.
484. БНТ 1987а – Башкирское народное творчество. Эпос / Сост. М.М. Сагитов, коммент. Н.Т. Зарипова, М.М. Сагитова, А.М. Сулейманова. – Уфа, 1987. – 542 с.
485. БНТ 1987б – Башкирское народное творчество. Предания и легенды / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Ф.А. Надршина. – Уфа, 1987. – 574 с.
486. БНТ 1988 – Башкирское народное творчество. Богатырские сказки / Сост. Н.Т. Зарипов; вступ. ст., коммент. Л.Г. Барага и Н.Т. Зарипова. – Уфа, 1988. – 448 с.

487. БНТ 1989 – Башкирское народное творчество. Волшебные сказки. Сказки о животных / Сост. Н.Т. Зарипов, вступ. ст., коммент. Л.Г. Барага и Н.Т. Зарипова. – Уфа, 1989. – 510 с.

488. БНТ 1990 – Башкирское народное творчество. Бытовые сказки / Сост. А.М. Сулейманов, вступ. ст., коммент., указатели Л.Г. Барага и А.М. Сулейманова. – Уфа, 1990. – 494 с.

489. БНТ 1992 – Башкирское народное творчество. Шуточные сказки и кулямасы / Сост. А.М. Сулейманов, вступ. ст., коммент. Л.Г. Барага и А.М. Сулейманова. – Уфа, 1992. – 462 с.

490. БНТ 1993 – Башкирское народное творчество. Пословицы и поговорки / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Ф.А. Надршина. – Уфа, 1993. – 464 с.

491. БНТ 1995 – Башкирское народное творчество. Песни (дооктябрьский период). / Сост., автор вступ. ст. и коммент. С.А. Галин. – Уфа, 1995. – 400 с.

492. БНТ 1996 – Башкирское народное творчество. Песни советского периода / Сост., авторы вступ. ст. и коммент. Б.С. Баимов, М.А. Мамбетов. – Уфа, 1996. – 400 с.

493. БНТ 1997 – Башкирское народное творчество. Исторический эпос / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Н.Т. Зарипов. – Уфа, 1997. – 396 с.

494. БНТ 2004 – Башкирское народное творчество. Байты / Сост. Б.С. Баимов, вступ. ст. Г.Б. Хусаинова, Б.С. Баимова, коммент. Б.С. Баимова. – Уфа, 2004. – 424 с.

495. БНТ 2010 – Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор / Сост., авторы вступ. ст. и коммент. Р.А. Султангареева и А.М. Сулейманов. – Уфа, 2010. – 590 с.

496. Боровков, А.К. «Бада'и ал-лугат». Словарь Тали Имани Гератского к сочинениям Алишера Навои / А.К. Боровков. – М.: Издательство восточной литературы, 1961. – 265 с.

497. Боровков, А.К. Лексика среднеазиатского тefsира XII–XIII вв / А.К. Боровков. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – 368 с.

498. БХИ 1974 – Башкорт халык ижады. Йырзар. Беренсе китап / Төзөүсе, баш һүз языусы, аңлатмалар биреүсе С. Галин. – Өфө: Китап, 1974. – 388 б.

499. БХИ 1995 – Башкорт халык ижады. I том. Йола фольклоры / Төзөүсе, баш һүз һәм аңлатмалар авторы Ә.М. Сөләймәнов и Р.А. Солтангәрәева. – Өфө, 1995. – 560 б.

500. БХИ 1997 – Башкорт халык ижады. II том. Легенда һәм риүәйәттәр / Төзөүсе, баш һүз һәм аңлатмалар авторы Ф.А. Нәзершина. – Өфө, 1997. – 440 б.

501. БХИ 1998 – Башкорт халык ижады. III том. Эпос / Төзөүсе Ә.М. Сөләймәнов, инеш һүз языусы М.М. Сәғитов, һүз ахыры Ә.М. Сөләймәнов менән Р. Рәжәпов, аңлатмалар М.М. Сәғитов менән Ә.М. Сөләймәнов. – Өфө, 1998. – 448 б.

502. БХИ 1999 – Башкорт халык ижады. IV том. Эпос / Томға материалдар һайлап алыу, коммент. Авторзары М.М. Сәғитов, Б.С. Байымов; инеш мәкәлә авторзары М.М. Сәғитов, Б.С. Байымов, С.Ә. Галин. – Өфө, 1999. – 400 б.

503. БХИ 2000 – Башкорт халык ижады. V том Тарихи кобайырзар, хикәйәттәр, иртәктәр. / Төзөүсе, инеш мәкәлә, коммент., глоссарий авторы Н.Т. Зарипов. Яуаплы редактор З.Ғ. Ураксин. Өфө, 2000. 392 б.

504. БХИ 2002 – Башкорт халык ижады. VI том. Эпос: кисса һәм дастандар / Төзөүсе, коммент. һәм һүзлек авторзары Н.Т. Зарипов, Ә.М. Сөләймәнов, Ғ.Б. Хөсәйенов, З.Я. Шәрипова; инеш мәкәлә языусы Н. Т. Зарипов, һүз ахыры Ә.М. Сөләймәнов. – Өфө, 2002. – 552 б.

505. БХИ 2004 – Башкорт халык ижады. VII том. Язма кисса һәм дастандар / Төзөүселәре Ә.М. Сөләймәнов, Ғ.Б. Хөсәйенов, М.Х. Нәзерғолов; инеш һүз языусы Ә.М. Сөләймәнов; һүз ахыры Ә.М. Сөләймәнов, Ғ.Б. Хөсәйенов, М.Х. Нәзерғолов, Ф. Сибәғәтов. – Өфө, 2004. – 624 б.

506. БХИ 2006а – Башкорт халык ижады. VIII том. Эпос: иртәктәр һәм эпик кобайырзар / Төзөүсе, инеш мәкәлә һәм коммент. Авторы Ә. М. Сөләймәнов. – Өфө, 2006. – 492 б.

507. БХИ 2006б – Башкорт халык ижады. X том. Мәкәлдәр һәм әйтемдәр /

Төзөүсө, инеш мэкэлэ һәм коммент. Авторы Ф.А. Нэзершина. – Өфө, 2006. – 543 б.

508. БХИ 2007 – Башкорт халык ижады. IX том. Йомактар / Төзөүсө, инеш мэкэлэ һәм коммент. Авторы Ф.А. Нэзершина. – Өфө, 2007. – 416 б.

509. Галяутдинов, И.Г. «Тарих нама-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова / И.Г. Галяутдинов. – Уфа: Китап, 1998. – 269 с.

510. Гаркавец, А.Н. Codex Cumanicus: Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII–XIV вв. / А.Н. Гаркавец. – М.: Русская деревня, 2006. – 89 с.

511. Гаркавец, А.Н. Кыпчакский словарь. По армянописьменным памятникам XVI–XVII вв. / А.Н. Гаркавец. Алматы: Баур, 2018. 1788 с.

512. Документы на половецком языке XVI в. (Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины) / Транскрипция, перевод, предисловие, введение, грамматический комментарий и глоссарий Т.И. Грунина; под редакцией Э.В. Севортыяна. – М.: Наука, 1967. – 43 с.

513. Картотека ИИЯЛ УФИЦ РАН – Картотека «Толкового словаря башкирского языка» (хранится в отделе языкознания Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН).

514. Кашгари 2005 – Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / М. Кашгари; перевод, предисловие и комментарии З.-А.М. Ауэзовой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.

515. Кашгари 2010 – Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов): в 3 т. / М. Кашгари; пер. с араб. А.Р. Рустамова, под ред. И.В. Кормушина, Е.А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова. Т. 1. – М.: Восточная литература, 2010. – 461 с.

516. Куватов, М.-Г. Башкирские пословицы / М.-Г. Куватов // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 6. – Оренбург, 1895. – С. 31–48.

517. Малов, С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования / С.Е. Малов. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 452 с.

518. Малов, С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы / С.Е. Малов. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 116 с.
519. Малов, С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии / С.Е. Малов. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. – 112 с.
520. Мелиоранский, П.М. Араб-филолог о турецком языке / П.М. Мелиоранский. – СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1900. – 297 с.
521. Наджип, Э.Н. Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сарай и его язык. Ч. 2 / Э.Н. Наджип. – Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1975. – 304 с.
522. Наджип, Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. Кн. I. Алиф / Э.Н. Наджип. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва Наука, 1979. – 480 с.
523. Наджип, Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. Кн. I / Э.Н. Наджип. – Астана: Ғылым, 2017. – 366 с.
524. Наджип, Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. Кн. II / Э.Н. Наджип. – Астана: Ғылым, 2017. – 372 с.
525. Наджип, Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. Кн. III / Э.Н. Наджип. – Астана: Ғылым, 2017. – 452 с.
526. Наджип, Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. Кн. IV / Э.Н. Наджип. – Астана: Ғылым, 2017. – 620 с.
527. Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков, с кратким объяснением существующих в Оренбургском крае наречий башкир и киргизов и с приложением к нему русско-персидско-татарских слов, разговоров и прописей / Сост. Мир-Салих Бекчурин. – Казань: Унив. Тип., 1859. – 128 с.

528. Памятники древнетюркской письменности Тувы. Вып. I / Под ред. И.А. Батманова и А.Ч. Кунаа. – Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1963. – 68 с.

529. Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне / Составление, транскрибирование текста, глоссарий, введение, комментарии академика Г.Б. Хусаинова. – Уфа: УНЦ РАН, 1993. – 250 с.

530. Поппе, Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб. Ч. I–II / Н.Н. Поппе. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938. – 452 с.

531. Тыбыкова, Л.Н. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая / Л.Н. Тыбыкова, И.А. Невская, М. Эрдал. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2012. – 152 с.

532. Уметбаев, М.И. Приметы, поверья, поговорки и изречения магометан Уфимской губернии / М.И. Уметбаев // Справочная книга Уфимской губернии. – Уфа: издание Н.К. Блохина, 1883. – С. 12–14.

533. Хорезми. Мухаббат-Наме / Хорезми; изд. текста, транскрипция, пер., исследование Э.Н. Наджиба. – М.: Издательство восточной литературы, 1961. – 273 с.

534. Щербак, А.М. Огуз-наме. Мухаббат-наме: (Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности) / А.М. Щербак. – М.: Издательство восточной литературы, 1959. – 172 с.

535. Ырк Битиг. Древнетюркская гадательная книга / Пер., предисл., примеч. и словарь В.М. Яковлева. – М., 2004. – 272 с.

536. Югнеки, А. Подарок истин. Поэтич. и прозаич. пер. с ориг. фотокопий и транскрипций / А. Югнеки; подгот. текста А. Курышжанов, Б. Сагындыков. – Алма-Ата: Ылым, 1985. – 150 с.

537. Abu-Nayyan. Kitab al-Idrak li-lisan al-Itrak / Abu-Nayyan. – Istanbul, 1931.

538. Ahmed, E. Mahmud Yüekneki. Atebetü 'l-hakajık / E. Ahmed. – Istanbul, 1951. – 163 p.

539. Bang, W. Die Legende von Oγuz Qayan. SPAW / W Bang, G.R. Rachmati.

– 1932. – P. 683–724.

540. Battal Aptullah. İbn-i Mühenna Lügati / A. Battal. – İstanbul, 1934. – 105 s.

541. Codex Cumanicus by Louis Ligeti. – Budapest, 1981. – 244 p.

542. Houtsma Mo.Th. Ein türkisch-arabisch Glossar: Nach der Leidener Handschrift / M.Th. Houtsma. – Leiden: E.J. Brill, 1894. – 114 s.

543. Kaşgari, M. Divanü lûgat-it-türk tercümesi. T. I / M. Kaşgari. Çeviren Besim Atalay.– Ankara, 1939.

544. Kaşgari, M. Divanü lûgat-it-türk tercümesi. T. II / M. Kaşgari. Çeviren Besim Atalay. Ankara, 1940.

545. Kaşgari, M. Divanü lûgat-it-türk tercümesi. T. III / M. Kaşgari. Çeviren Besim Atalay. Ankara, 1941.

546. Rachmati, G.R. Zur Heilkunde der Uiguren. I. SPAW / G.R. Rachmati. – 1930. P. 451–473.

547. Toparlı, R. Kıpçak Türkçesi Sözlüğü / R. Toparlı. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2007. – 338 s.

548. Yusuf, Has Hacıp. Kutadgu Bilig / H.H. Yusuf. – Ankara, 2019.

Электронные источники

549. АККЯ – Алматинский корпус казахского языка. – Режим доступа: http://web-corpora.net/KazakhCorpus/search/?interface_language=ru

550. БПК – Башкирский поэтический корпус. – Режим доступа: <http://web-corpora.net/bashcorpus/search/>

551. Габышева 2006 – Габышева, Л.Л. Семиотика пространства и цвета: запад – мир предков – желтый цвет (на материале традиционной культуры тюркских народов) [Электронный ресурс] / Л.Л. Габышева. – Режим доступа: <http://www.kuyaar.ru/index?id=46> (дата обращения 15.08.2024).

552. ДББЯ – Диалектологическая база башкирского языка. – Режим доступа: <http://mfbl2.ru/mfbl/bashdial>

553. КБЯП – Корпус башкирского языка. Проза. – Режим доступа:

<http://212.193.132.98/bashkorp/bashkorp>

554. КБЯПубл – Корпус башкирского языка. Публицистика. – Режим доступа: <http://212.193.132.98/bashkorp/korpuspub>

555. КБЯФ – Корпус башкирского языка. Фольклор. – Режим доступа: <http://212.193.132.98/bashkorp/korpusfol>

556. Лингвистическая платформа ЛингвоДок. – Режим доступа: lingvodoc.ispras.ru

557. МФБЛ – Машинный фонд башкирского языка. Лексикографическая база. – Режим доступа: <http://mfbl2.ru:8080/mfbl/bashlex>

558. Мудрак, О.А. Развитие пратюркской системы фонем [Электронный ресурс] / О.А. Мудрак. – Режим доступа: <http://altaica.ru/texts/prototurk.pdf> (дата обращения 15.08.2024).

559. ПКТЯ – Письменный корпус татарского языка. – Режим доступа: <https://www.corpus.tatar>

560. ТНК ТТ – Татарский национальный корпус «Туган тел». – Режим доступа: <http://www.tugantel.tatar>

561. ЭБД – Вавилонская башня. Языки мира: этимологические базы. – Режим доступа: <https://starling.rinet.ru/index2.php?lan=ru>

562. ЭКХЯ – Электронный корпус хакасского языка. – Режим доступа: <https://khakas.altai.ca.ru>

563. VATEC – Vorislamische Alttürkische Texte: Elektronisches Corpus. – Режим доступа: <https://vatec2.fkidg1.uni-frankfurt.de>